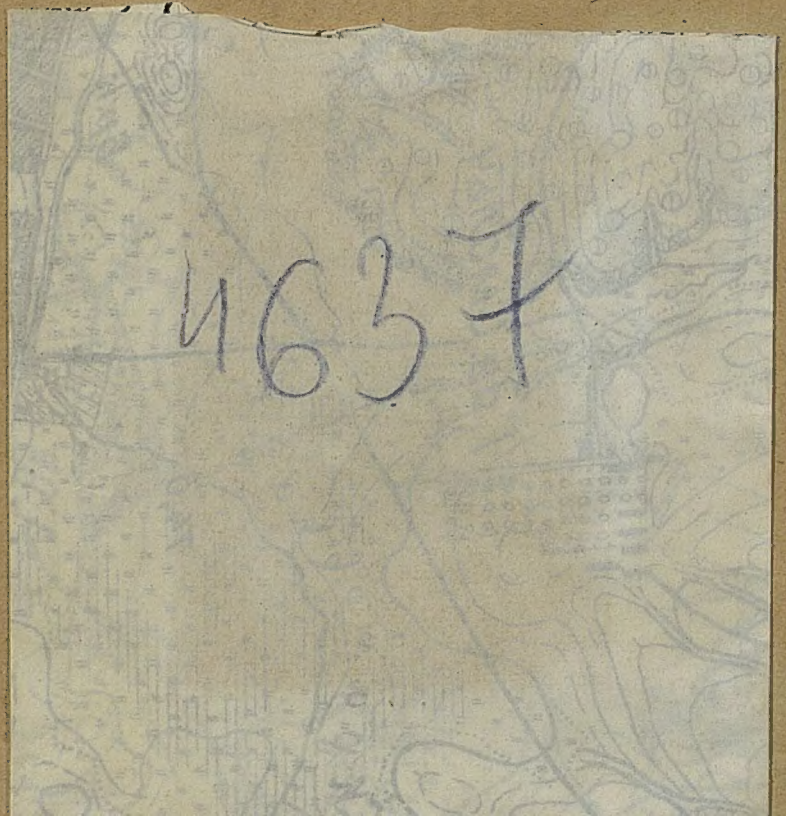
ЛЕ
М-43
V
М-43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ VII
ЧАСТЬ 2


4637

ЛЕ
М43 0-9/V

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

08(11)
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
163812
04 92

1935
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

6 3С 4637 5 4 9

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
по изданию документов эпохи империализма

М. Н. ПОКРОВСКИЙ председатель комиссии и главный редактор,
Я. А. БЕРЗИН, зам. пред. и главн. ред., Н. М. ЛУКИН, В. В. МАКСАКОВ,
Е. Б. ПАШУКАНИС, Ф. А. РОТШТЕЙН,
Ф. О. НОТОВИЧ, ученый секретарь

Государственная публичная библиотека Историческая

1935

ТОМ СЕДЬМОЙ

14 ЯНВАРЯ 1915 г.—23 МАЯ 1915 г.

ч. 1

Подготовил к печати Ф. О. НОТОВИЧ
при участии Л. А. ТЕЛЕШЕВОЙ и С. А. ЛЕВИНОЙ

Технический редактор *В. К. Мартынюк.*

Огиз 1234. Печать с матриц Подписано к печати 7/IV 1935 г.
Уполном. Главлита Б-39147. Тираж 5000 экз. Заказ № 552. Формат бумаги 62×94/16 см.
35½ п. л.+1¼ л.—сборн., 34 авт. л., 18⅜ бум. лист. (40 000 тип. зн. в листе).
Бумага Красногородской фабрики. Цена книги 10 р., переплет 1 р.

Ленпромпечатьсоюз, типография „Печатня", Ленинград, Прачечный, 6.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ [1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Выпуск — вып.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеши — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. зап.
Телеграмма — тел.

Европейские державы и Греция, изд. НКИД, Москва 1922 г. — Е. д. и Гр.
Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.
Il libro verde. Documenti Diplomatici presentati al parlamento Italiano, Milano 1915. — Il libro verde.
Iswolski im Weltkriege 1914—1917. Herausgegeben von Friedrich Stieve, 1925. — Stieve.
Константинополь и Проливы, изд. НКИД, Москва 1925 — 1926 гг. — К-поль и Пр. (I), (II).
«Красный архив», — изд. Центрархива — Кр. арх.
Österreich-Ungarisches Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke betreffend die Beziehungen Österreich-Ungarns zu Italien, Wien, 1915 — Öst. Ung. Rotbuch.
Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. (Dipl. Akt. des Öst.-Ung. Ministeriums des Äusseren.) Wien und Leipzig, 1930 — Ö. U. A.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. т. I, стр. XXV — XXXII.

Раздел Азиатской Турции, изд. НКИД, Москва 1924 г. — Р. Ав. Т.

The documents regarding the negociations between Japan and China (1915) — Япон. белая книга.

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre et de guerre d'après les documents des archives russes (1910—1917), v. III, août 1914 — avril 1915, — L. N. (III).

Царская Россия в мировой войне, изд. Центрархива, Ленинград 1926 г. — Ц. Р.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Том VII

(14/1 января — 23/10 мая 1915 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(14/1 января — 23/10 марта 1915 г.)

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
1	14/1.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 545	3
2	14/1.I	Тел. № 2	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	4
3	14/1.I	Тел. № 8	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	4
4	14/1.I	Тел. № 524	Поклевский — Сазонову	К. 57	6
5	14/1.I	Тел. № 1328	Трубецкой — Сазонову	К. 63	7
6	14/1.I	Депеша № 1	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	9
7	14/1.I	Тел. № 1	Малевский — Сазонову	К. 82	11
8	14/1.I	Тел. № 1	Бахметев — Сазонову	С. А. 605	12
9	15/2.I	Тел. № 21	Сазонов — Бенкендорфу	Яп. ст. 1864	14
10	15/2.I	Тел. № 22	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	15
11	15/2.I	Тел. № 50	Тарновский — Буриану	С. А. 545	16
12	15/2.I	Тел. № 8	Поклевский — Сазонову	К. 57	18
13	15/2.I	Тел. № 13	Поклевский — Сазонову	К. 57	19
14	15/2.I	Тел. № 14	Поклевский — Сазонову	К. 57	20
15	15/2.I	Тел. № 7	Трубецкой — Сазонову	К. 63	22
16	15/2.I	Письмо	Н. Кудашев — Сазонову	С. А. 341	22
17	16/3.I	Тел. № 43	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	26
18	16/3.I	Тел. № 46	Нератов — Коростовцу	Ср. Аз. ст. 119	26
19	16/3.I	Тел. № 57	Сазонов — Бенкендорфу	К. 89	27
20	16/3.I	Тел. № 3	Диаманди — Порумбару	С. А. 554	28
21	16/3.I	Тел. № 13	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	29
22	16/3.I	Тел. № 14	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	30
23	16/3.I	Тел. № 3	Извольский — Сазонову	П. А. 4227	32
24	16/3.I	Тел. № 1	Обнорский — Сазонову	К. 72	32
25	17/4.I	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. и франц. послам в Петрограде	П. А. 4227	34
26	17/4.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	Яп. ст. 1866	34
27	17/4.I	Письмо	Бьюкенен — Сазонову	П. ст. 287б	35
28	18/5.I	Тел. № 85	Сазонов — Воронцову-Дашкову	К. 89	36
29	18/5.I	Тел. № 86	Сазонов — Трубецкому	П. А. 1730	37
30	18/5.I	Тел. № 87	Сазонов — Трубецкому	П. А. 1730	38
31	18/5.I	Письмо № 5	Сазонов — Григоровичу	С. А. 396	38
32	18/5.I	Тел. № 18	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	39
33	18/5.I	Депеша № 1	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 139	41

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
34	19/6.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4227	43
35	19/6.I	Тел. № 94	Сазонов — Демидову	П. А. 1730	45
36	19/6.I	Тел. № 99	Сазонов — Бенкендорфу	Лдн. 560а	45
37	19/6.I	Тел.	Карлотти — Соннино	С. А. 610	46
38	19/6.I	Тел. № 56	Тарновский — Буриану	С. А. 521	49
39	19/6.I	Письмо	Будберг — Сазонову	А. В. 48	50
40	19/6.I	Письмо № 153	Горемыкин — Сазонову	П. А. 4316	56
41	20/7.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 344	57
42	20/7.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. ст. 287б	59
43	20/7.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 496	62
44	20/7.I	Тел. № 115	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1730	65
45	20/7.I	Тел. № 122	Сазонов — Коростовцу	К. 89	65
46	20/7.I	Тел. № 136	Сазонов — Извольскому, Бенкендорфу и Трубецкому	П. А. 1730	66
47	20/7.I	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 1764	67
48	20/7.I	Тел. № 6	Демидов — Сазонову	К. 27	69
49	20/7.I	Тел. № 7	Коростовец — Сазонову	К. 47	70
50	20/7.I	Тел. № 319	Миллер — Сазонову	К. ст. 664	71
51	21/8.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 634	73
52	21/8.I	Письмо	Бьюкенен — Сазонову	П. ст. 287б	74
53	21/8.I	Тел. № 147	Сазонов — Демидову	П. А. 1730	75
54	21/8.I	Тел. № 152	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	76
55	21/8.I	Тел. № 153	Клемм — Коростовцу	П. ст. 563б	77
56	21/8.I	Тел. № 12	Неклюдов — Сазонову	К. 79	77
57	21/8.I	Тел. № 14	Неклюдов — Сазонову	К. 79	78
58	21/8.I	Тел. № 37	Трубецкой — Сазонову	К. 63	79
59	21/8.I	Тел.	Трубецкой — Сазонову	К. 63	79
60	21/8.I	Депеша № 2	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	80
61	21/8.I	Тел. № 23	Воронцов - Дашков — Сазонову	К. 180	83
62	22/9.I	Тел. № 158	Сазонов — Савинскому	П. А. 1730	84
63	22/9.I	Тел. № 169	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	85
64	22/9.I	Тел. № 2	И. Кудашев — Сазонову	К. 13	85
65	22/9.I	Тел. № 325	Миллер — Сазонову	К. ст. 664	86
66	22/9.I	Депеша № 4	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 923	86
67	23/10.I	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. послу в Петрограде	К. 49	88
68	23/10.I	Тел. № 172	Клемм — Столице	К. 89	89
69	23/10.I	Тел. № 12	Извольский — Сазонову	К. 69	89
70	23/10.I	Тел. № 67	Тарновский — Буриану	С. А. 521	90
71	24/11.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 3790	91
72	24/11.I	Тел. № 200	Сазонов — Бенкендорфу	К. 89	92
73	24/11.I	Тел. № 54	Диаманди — Братиану	С. А. 554	93
74	24/11.I	Тел. № 15	В. Крупенский — Сазонову	К. 39	94
75	24/11.I	Тел. № 10	Малевский — Сазонову	К. 82	95
76	25/12.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4227	96
77	25/12.I	Тел. № 15	Савинский — Сазонову	К. 16	99

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
78	25/12.I	Тел. № 18	Бахметев — Сазонову	С. А. 605	99
79	25/12.I	Письмо	Н. Кудашев — Сазонову	С. А. 341	100
		Приложение: копия письма в. кн. Николая Николаевича Китченеру		С. А. 341	
80	26/13.I	Пам. записка	М-во ин. дел — франц. и англ. послам в Петрограде	К. 123	105
81	26/13.I	Тел. № 41	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	106
82	26/13.I	Тел. № 42	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	107
83	26/13.I	Тел. № 42	Поклевский — Сазонову	К. 57	108
84	26/13.I	Депеша № 8	Трубецкой — Сазонову	П. А. 534	109
85	26/13.I	Депеша № 9	Трубецкой — Сазонову	П. А. 534	111
86	26/13.I	Тел. № 22	Коростовец — Сазонову	К. 47	114
87	27/14.I	Пам. записка № 45	М-во ин. дел — франц. и англ. послам в Петрограде	П. А. 4227	117
88	27/14.I	Тел. № 229	Сазонов — Малевскому	К. 89	118
89	27/14.I	Тел. № 47	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	118
90	27/14.I	Тел. № 41	Поклевский — Сазонову	К. 57	120
91	27/14.I	Тел. № 24	Коростовец — Сазонову	К. 89	121
92	28/15.I	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. и франц. послам в Петрограде	П. А. 4227	122
93	28/15.I	Сообщение	Греч. миссия в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4227	123
94	28/15.I	Тел. № 266	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1730	125
95	28/15.I	Тел. № 20	Извольский — Сазонову	К. 69	127
96	28/15.I	Тел. № 25	Савинский — Сазонову	К. 16	128
97	28/15.I	Депеша № 4	Коростовец — Сазонову	П. ст. 16226	128
		Приложения: 1. Нота перс. м-ра ин. дел 22/9 янв.		П. ст. 16226	129
		2. Нота Коростовца 25/12 янв.			130
98	29/16.I	Пам. записка	М-во ин. дел — франц. и англ. послам в Петрограде	П. А. 4026	130
99	29/16.I	Тел. № 270	Сазонов — Поклевскому	П. А. 1730	132
100	29/16.I	Письмо	Савинский — Сазонову	П. А. 1355	132
101	29/16.I	Тел. № 28	Демидов — Сазонову	Прж. 1—3	134
102	29/16.I	Тел. № 47	Поклевский — Сазонову	К. 57	135
103	29/16.I	Тел. № 57	Трубецкой — Сазонову	П. А. 4227	135
104	29/16.I	Тел. № 31	В. Крупенский — Сазонову	К. 39	139
105	29/16.I	Тел. № 23	Бахметев — Сазонову	К. 60	140
106	30/17.I	Тел. № 280	Сазонов — Миллеру	К. 89	140
107	30/17.I	Тел. № 24	Извольский — Сазонову	К. 69	141
108	30/17.I	Письмо	Савинский — Сазонову	П. А. 1355	141
109	30/17.I	Тел. № 50	Поклевский — Сазонову	К. 57	145
110	30/17.I	Письмо	Серафимов — Гулькевичу	П. А. 4073	145
111	31/18.I	Тел. № 306	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 1584	148
112	31/18.I	Тел. № 67	Трубецкой — Сазонову	К. 63	149
113	31/18.I	Тел. № 68	Трубецкой — Сазонову	К. 63	150

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
114	1.II/19.I	Письмо	Демидов — Сазонову	П. А. 338	150
115	1.II/19.I	Письмо № 7	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 1869	156
116	2.II/20.I	Пам. записка	М-во ин. дел — франц. и англ. послам в Петрограде	П. А. 4050	158
117	2.II/20.I	Тел. № 341	Сазонов — Трубецкому	П. А. 1730	159
118	2.II/20.I	Тел. № 358	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	159
119	2.II/20.I	Тел. № 29	Извольский — Сазонову	К. 69	160
120	2.II/20.I	Тел. № 30	Извольский — Сазонову	К. 69	161
121	2.II/20.I	Тел. № 34	Савинский — Сазонову	К. 16	161
122	2.II/20.I	Тел. № 62	Поклевский — Сазонову	К. 57	162
123	3.II/21.I	Пам. записка	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4227	163
124	3.II/21.I	Тел. № 375	Сазонов — Трубецкому	П. А. 1730	166
125	3.II/21.I	Тел. № 385	Сазонов — Извольскому	П. А. 1730	166
126	3.II/21.I	Тел. № 64	Бенкендорф — Сазонову	Лдн. 571	167
127	3.II/21.I	Тел. № 13	А. Крупенский — Сазонову	С. А. 545	169
128	3.II/21.I	Тел. № 86	Трубецкой — Сазонову	К. 63	169
129	4.II/22.I	Тел. № 67	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	170
130	4.II/22.I	Тел. № 34	Извольский — Сазонову	К. 69	172
131	4.II/22.I	Депеша № 5	Нелидов — Сазонову	ОПО 82	172
132	4.II/22.I	Письмо	Демидов — Сазонову	П. А. 4207	174
133	4.II/22.I	Тел. № 93	Трубецкой — Сазонову	К. 63	177
134	4.II/22.I	Депеша № 6	Коростовец — Сазонову	П. ст. 16226	177
135	5.II/23.I	Финансовое соглашение между Англией, Францией и Россией.		НКФ 1915 г. П. отд. I ст. № 84.	181
136	5.II/23.I	Тел. № 71	Бенкендорф — Сазонову	К. ст. 1584	184
137	5.II/23.I	Тел. № 41	Извольский — Сазонову	К. 69	185
138	5.II/23.I	Тел. № 38	Савинский — Сазонову	К. 16	187
139	5.II/23.I	Тел. № 46	Коростовец — Сазонову	К. 47	188
140	5.II/23.I	Тел. № 21	Малевский — Сазонову	К. 82	189
141	5.II/23.I	Тел. № 25	Малевский — Сазонову	К. ст. 1584	190
142	6.II/24.I	Тел. № 43	Извольский — Сазонову	К. 69	192
143	6.II/24.I	Тел. № 45	Извольский — Сазонову	К. 69	192
144	6.II/24.I	Тел. № 46	Извольский — Сазонову	К. 69	193
145	6.II/24.I	Тел. № 45	Демидов — Сазонову	К. 27	194
146	6.II/24.I	Тел. № 27	Малевский — Сазонову	К. 82	194
147	6.II/24.I	Тел. № 700/10150	Янушкевич — Горемыкину	Ставка 95	195
148	6.II/24.I	Письмо	Барк — Рибо	НКФ 1915 г. II отд. I ст. № 84	197
149	7.II/25.I	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	С. А. 848	199
150	7.II/25.I	Тел. № 468	Сазонов — Малевскому	К. ст. 1584	200
151	7.II/25.I	Тел. № 477	Сазонов — Н. Кудашеву	П. А. 1730	201
152	7.II/25.I	Тел. № 41	Савинский — Сазонову	К. 16	201
153	7.II/25.I	Тел. № 42	Савинский — Сазонову	К. 16	202
154	7.II/25.I	Тел. № 273	Воронцов-Дашков — Сазонову	Ср. Аз. ст. 107	203
155	8.II/26.I	Тел. № 75	Бенкендорф — Сазонову	К. 95	204
156	8.II/26.I	Тел. № 45	Савинский — Сазонову	К. 16	205
157	8.II/26.I	Тел. № 110	Трубецкой — Сазонову	К. 63	205
158	8.II/26.I	Тел. № 51	Коростовец — Сазонову	К. 47	206

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
159	8.II/26.I	Тел. № 53	В. Крупенский — Сазонову	К. 39	207
160	8.II/26.I	Депеша № 11	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 923	208
161	9.II/27.I	Тел. № 497	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	210
162	9.II/27.I	Тел. № 498	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	211
163	9.II/27.I	Тел. № 39	Бахерахт — Сазонову	К. 77	213
164	9.II/27.I	Контракт с банком Беринг		НКФ II отд. № 27/21	214
165	10.II/28.I	Тел. № 513	Сазонов — Н. Кудашеву	Ставка 114	217
166	10.II/28.I	Тел. № 80	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	217
167	10.II/28.I	Тел. № 53	Извольский — Сазонову	К. 69	219
168	10.II/28.I	Тел.	Делькассе — Палеологу	С. А. 573	221
169	10.II/28.I	Тел. № 51	Савинский — Сазонову	К. 16	222
170	10.II/28.I	Письмо	Демидов — Сазонову	П. А. 338	223
		Приложение: тел. Венизелоса — Психа и тел. Психа — Венизелосу от 25/12 и 28/15.I		П. А. 338	227
171	11.II/29.I	Тел. № 534	Сазонов — Коростовцу	К. 89	230
172	11.II/29.I	Тел. № 541	Сазонов — Воронцову-Дашкову	К. 89	231
173	11.II/29.I	Тел. № 29	Сазонов — Н. Кудашеву	Ставка 114	232
174	11.II/29.I	Тел. № 85	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	232
175	11.II/29.I	Тел. № 54	Извольский — Сазонову	К. 69	233
176	11.II/29.I	Тел. № 56	Савинский — Сазонову	К. 16	234
177	11.II/29.I	Тел. № 47	Демидов — Сазонову	П. А. 4172	235
178	11.II/29.I	Тел. № 235	Радев — Маджарову	С. А. 554	236
179	11.II/29.I	Тел. № 129	Трубецкой — Сазонову	К. 63	237
180	11.II/29.I	Тел. № 130	Трубецкой — Сазонову	К. 63	238
181	11.II/29.I	Депеша № 8	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	239
182	12.II/30.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4073	243
183	12.II/30.I	Тел. № 564	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	244
184	12.II/30.I	Тел. № 571	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1730	245
185	12.II/30.I	Тел. № 30	Сазонов — Н. Кудашеву	С. А. 495	245
186	12.II/30.I	Тел.	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	246
187	13.II/31.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел.	С. А. 848	247
188	13.II/31.I	Тел. № 60	Извольский — Сазонову	К. 69	248
189	13.II/31.I	Письмо	Барк — Рибо	НКФ 1915 г. II. отд. I ст. № 84	249
190	14/1.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 605	250
191	14/1.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4228	251
192	14/1.II	Тел. № 592	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1731	254
193	14/1.II	Тел. № 594	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	254
194	14/1.II	Тел. № 53	Демидов — Сазонову	П. А. 4026	255
195	14/1.II	Тел. № 12	Обнорский — Сазонову	К. 72	256

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
196	14/1.II	Рескрипт № 1468	В. кн. Николай Николаевич — Горемыкину	С. А. 484	257
197	15/2.II	Тел. № 608	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1731	259
198	15/2.II	Поденная запись		К. 142	259
199	15/2.II	Тел. № 95	Бенкендорф — Сазонову	К.5	260
200	15/2.II	Тел. № 62	Извольский — Сазонову	К. 69	261
201	15/2.II	Тел. № 85	Арсеньев — Сазонову	К. 57	262
202	15/2.II	Депеша № 11	Трубецкой — Сазонову	П. А. 534	263
203	15/2.II	Депеша № 12	Трубецкой — Сазонову	П. А. 534	267
204	16/3.II	Тел. № 99	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	270
205	16/3.II	Тел. № 67	Извольский — Сазонову	К. 69	272
206	16/3.II	Тел. № 69	Извольский — Сазонову	К. 69	273
207	16/3.II	Письмо	Густав V — Николаю II	Ос. отд. Ф. XXV. оп. II № 10	274
208	16/3.II	Тел. № 220	Радославов — Хаджимишеву	С. А. 554	276
209	16/3.II	Тел. № 42	Малевский — Сазонову	К. 82	276
210	16/3.II	Письмо № 319	Н. Кудашев — Сазонову	С. А. 555	277
		Приложение: записка ген. Данилова «Соображения о стратегическом значении наших будущих границ с Венгрией и Румынией» от 14/1.II		С. А. 555	
211	16/3.II	Тел.	Винокуров — Русину	К. 167	282
212	17/4.II	Тел. № 67	Савинский — Сазонову	К. 16	282
213	17/4.II	Тел. № 143	Тарновский — Буриану	К. 124	283
214	17/4.II	Депеша № 44	Распопов — IV пол. отд. м-ва ин. дел	Т. ст. 1365	284
215	18/5.II	Тел. № 655	Сазонов — Бенкендорфу	Ср. Аз. 120	285
216	18/5.II	Письмо № 30/п	Сазонов — Неклюдову	С. А. 426	286
217	18/5.II	Тел. № 102	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	286
218	18/5.II	Тел.	Иноуэ — Мотоно	К. 137	287
219	18/5.II	Тел.	Извольский — Сазонову	К. 22	288
220	18/5.II	Депеша № 10	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	289
221	18/5.II	Депеша № 11	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	292
222	18/5.II	Тел. № 67	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 1584	294
223	18/5.II	Депеша № 45	Распопов — IV пол. отд. м-ва ин. дел	Т. ст. 1365	294
224	19/6.II	Тел. № 113	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	297
225	19/6.II	Тел. № 78	Извольский — Сазонову	К. 69	299
226	19/6.II	Тел. № 14	Обнорский — Нератову	К. 72	300
227	20/7.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. ст. 2876	301
228	20/7.II	Тел. № 80	Извольский — Сазонову	К. 69	302
229	20/7.II	Тел. № 155	Тарновский — Буриану	К. 124	303
230	20/7.II	Тел. № 75	В. Крупенский — Сазонову	К. 39	304
231	20/7.II	Тел. № 1185	Воронцов-Дашков — Сазонову	П. А. 1731	304

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
232	21/8.II	Записка, сост. в м-ве ин. дел		С. А. 485	305
233	21/8.II	Тел. № 703	Арцимович — Смирнову	К. 53	306
234	21/8.II	Тел. № 260	Радославов — Маджарову	С. А. 554	307
235	22/9.II	Пам. записка № 67	М-во ин. дел — япон. послу в Петрограде	К. ст. 1132	307
236	22/9.II	Сообщение	Серб. миссия в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4050	309
237	22/9.II	Поденная запись		К. 142	310
238	23/10.II	Тел. № 724	Сазонов — Бенкендорфу	К. 89	311
239	23/10.II	Тел. № 740	Сазонов — Воронцову-Дашкову	Ср. Аз.ст. 120	311
240	23/10.II	Тел. № 36	Сазонов — Н. Кудашеву	П. А. 1731	312
241	23/10.II	Тел.	Мотоно — Като	К. 137	313
242	23/10.II	Тел. № 86	Извольский — Сазонову	К. 69	313
243	23/10.II	Тел. № 87	Савинский — Сазонову	К. 16	314
244	23/10.II	Тел. № 75	Коростовец — Сазонову	К. 47	315
245	23/10.II	Письмо № 334	Н. Кудашев — Сазонову	С. А. 341	316
246	24/11.II	Поденная запись		К. 142	317
247	24/11.II	Тел. № 89	Извольский — Сазонову	К. 69	318
248	24/11.II	Тел. № 127	Серафимов — Сазонову	П. А. 4073	318
249	24/11.II	Депеша № 5	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 139	319
		Приложение: Перевод документов, врученных президенту Юань Ши-каю японским посланником 18/5.I		К. ст. 139	322
250	25/12.II	Тел. № 768	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	327
251	25/12.II	Тел. № 779	Сазонов — Поклевскому	К. 89	328
252	25/12.II	Тел. № 126	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	329
253	25/12.II	Тел. № 129	Бенкендорф — Сазонову	Лдн. 572	331
254	25/12.II	Тел. № 91	Извольский — Сазонову	К. 69	331
255	25/12.II	Тел. № 51	Неклюдов — Сазонову	К. 79	332
256	25/12.II	Депеша № 12	Коростовец — Сазонову	П. ст. 1622б	333
257	26/13.II	Тел. № 809	Сазонов — Миллеру	К. ст. 664	335
258	26/13.II	Тел. № 815	Сазонов — Извольскому	С. А. 488	336
259	26/13.II	Поденная запись		К. 142	337
260	26/13.II	Депеша № 15	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 923	339
261	27/14.II	Тел. № 139	Бенкендорф — Сазонову	Лдн. 572	342
262	27/14.II	Тел. № 200	Трубецкой — Сазонову	К. 63	343
263	27/14.II	Тел. № 201	Трубецкой — Сазонову	К. 63	343
264	27/14.II	Тел. № 128	Серафимов — Сазонову	П. А. 4073	345
265	27/14.II	Зап. Данилова		ВИА 423	345
266	28/15.II	Тел. № 845	Сазонов — Н. Кудашеву	С. А. 492	357
267	28/15.II	Тел. № 850	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	358
268	28/15.II	Тел. № 861	Сазонов — Н. Кудашеву	С. А. 492	359
269	28/15.II	Тел. № 55	Неклюдов — Сазонову	К. 79	359
270	28/15.II	Тел.	Венизелос — Драгумису	С. А. 521	360
271	1.III/16.II	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	К. 123	361

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
272	1.III/16.II	Поденная запись		К. 142	362
273	1.III/16.II	Тел. № 106	Извольский — Сазонову	К. 69	363
274	1.III/16.II	Тел. № 32	А. Крупенский — Сазонову	К. 36	363
275	1.III/16.II	Тел. № 113	Поклевский — Сазонову	К. 57	364
276	2.III/17.II	Пам. записка	М-во ин. дел — франц. и англ. послам в Петрограде	С. А. 537	536
277	2.III/17.II	Тел. № 878	Сазонов — Демидову	П. А. 1731	366
278	2.III/17.II	Тел. № 887	Сазонов — Бенкендорфу и Извольскому	С. А. 488	366
279	2.III/17.II	Тел. № 903	Сазонов — Бенкендорфу	К. 89	367
280	2.III/17.II	Поденная запись № 1		К. 142	368
281	2.III/17.II	Поденная запись № 2		К. 142	368
282	2.III/17.II	Тел. № 146	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	369
283	2.III/17.II	Письмо	Грей — Бенкендорфу	Лдн. 572	371
284	2.III/17.II	Тел. № 107	Извольский — Сазонову	К. 69	372
285	2.III/17.II	Тел. № 108	Извольский — Сазонову	К. 69	373
286	2.III/17.II	Письмо	Савинский — Сазонову	П. А. 1355	374
287	2.III/17.II	Тел. № 8455	В. кн. Николай Николаевич — Николаю II	С. А. 380	376
288	3.III/18.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	А. В. 68	377
289	3.III/18.II	Тел. № 911	Сазонов — Янушкевичу	П. А. 1731	378
290	3.III/18.II	Поденная запись		К. 142	379
291	3.III/18.II	Тел. № 147	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	380
292	3.III/18.II	Тел. № 151	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	382
293	3.III/18.II	Письмо	Савинский — Сазонову	П. А. 1355	385
294	3.III/18.II	Тел. № 80	Демидов — Сазонову	П. А. 1870	387
295	3.III/18.II	Депеша № 6	В. Крупенский — Сазонову	К. 41	388
296	4.III/19.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	389
297	4.III/19.II	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	А. В. 73	391
298	4.III/19.II	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	С. А. 488	392
299	4.III/19.II	Тел. № 937	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1731	392
300	4.III/19.II	Тел. № 942	Сазонов — Извольскому	П. А. 1731	394
301	4.III/19.II	Поденная запись		К. 142	394
302	4.III/19.II	Тел. № 153	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	395
303	4.III/19.II	Тел. № 305	Грей — Бьюкенену	С. А. 488	396
304	4.III/19.II	Тел. № 111	Хаджимишев —Радославову	С. А. 502	398
305	4.III/19.II	Тел. № 113	Извольский — Сазонову	К. 69	399
306	4.III/19.II	Тел. № 114	Извольский — Сазонову	К. 69	400
307	4.III/19.II	Тел. № 115	Извольский — Сазонову	К. 69	401
308	4.III/19.II	Тел. № 116.	Извольский — Сазонову	К. 69	403
309	4.III/19.II	Тел. № 231	Трубецкой — Сазонову	К. 63	403
310	4.III/19.II	Тел. № 399	Миллер — Сазонову	К. 42	404
311	5.III/20.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	405

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
312	5.III/20.II	Поденная запись		К. 142	406
313	5.III/20.II	Тел. № 954	Сазонов — Н. Кудашеву	П. А. 1731	407
314	5.III/20.II	Тел. № 118	Извольский — Нератову	К. 69	408
315	5.III/20.II	Тел. № 82	Демидов — Сазонову	К. 27	408
316	5.III/20.II	Тел.№ 83	Демидов — Сазонову	К. 27	410
317	5.III/20.II	Тел.	Венизелос — Драгумису	К. 130	410
318	5.III/20.II	Тел. № 130	Поклевский — Сазонову	К. 57	411
319	5.III/20.II	Письмо	Н. Кудашев — Шиллингу	С. А. 848	412
320	5.III/20.II	Записка М. Беляева		П. А. 4199	414
321	6.III/21.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	416
322	6.III/21.II	Тел. № 120	Извольский — Сазонову	К. 69	418
323	6.III/21.II	Тел. № 121	Извольский — Сазонову	К. 69	419
324	6.III/21.II	Тел. № 84	Демидов — Сазонову	К. 27	420
325	6.III/21.II	Тел. № 21	Обнорский — Сазонову	К. 72	420
326	7.III/22.II	Тел. № 990	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 1731	421
327	7.III/22.II	Поденная запись		К. 142	422
328	7.III/22.II	Тел.	Драгумис — Заимису	К. 130	422
329	7.III/22.II	Тел. № 85	Демидов — Сазонову	К. 27	424
330	8.III/23.II	Пам. записка	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	424
331	8.III/23.II	Тел. № 1001	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 89	425
332	9.III/24.II	Тел. № 1041	Клемм — Д. Беляеву	К. 89	426
333	9.III/24.II	Тел. № 165	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	427
334	9.III/24.II	Тел. № 128	Извольский — Сазонову	К. 69	429
335	9.III/24.II	Тел.	Савинский — Сазонову	К. 16	430
336	9.III/24.II	Тел. № 90	Демидов — Сазонову	К. 27	431
337	9.III/24.II	Тел. № 24	Обнорский — Сазонову	Ставка 65	433
338	9.III/24.II	Тел. № 226	Паллавичини — Буриану	К. 124	434
339	10.III/25.II	Тел. № 1058	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1731	435
340	10.III/25.II	Тел. № 170	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	435
341	10.III/25.II	Тел. № 171	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	437
342	10.III/25.II	Тел. № 126	Извольский — Сазонову	К. 69	439
343	10.III/25.II	Тел. № 129	Извольский — Сазонову	К. 69	439
344	10.III/25.II	Тел. № 217	Тарновский — Буриану	К. 124	440
345	10.III/25.II	Тел. № 272	Трубецкой — Сазонову	К. 63	442
346	10.III/25.II	Тел. № 109	Н. Кудашев — Сазонову	С. А. 496	443
347	10.III/25.II	Письмо	Васильчикова — Николаю II	Ос. отд. Ф. XXV, оп. № 13, № 60	444
348	11.III/26.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 537	446
349	11.III/26.II	Поденная запись		К. 142	450
350	11.III/26.II	Тел. № 127	В. Крупенский — Сазонову	К. 39	451
351	12.III/27.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 488	452
352	12.III/27.II	Меморандум	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 488	452

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
353	12.III/27.II	Пам. записка	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 497	456
354	12.III/27.II	Поденная запись № 1		К. 142	458
355	12.III/27.II	Поденная запись № 2		К. 142	460
356	12.III/27.II	Тел. № 1088	Сазонов — Воронцову-Дашкову	К. 89	461
357	12.III/27.II	Донесение № 256	Маджаров — Фердинанду болгарскому	С. А. 521	461
358	12.III/27.II	Тел. № 225	Тарновский — Буриану	К. 124	462
359	12.III/27.II	Письмо	Поклевский — Сазонову	П. А. 702	464
360	13.III/28.II	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. и франц. послам в Петрограде	С. А. 497	467
361	13.III/28.II	Тел. № 1129	Сазонов — Малевскому	Яп. ст. 1869	468
362	13.III/28.II	Письмо № 117	Сазонов — Горемыкину	Т. ст. 1864	469
363	13.III/28.II	Тел. № 96	Демидов — Сазонову	К. 27	472
364	13.III/28.II	Тел. № 136	В. Крупенский — Сазонову	К. 32	473
365	13.III/28.II	Тел.	Като — Мотоно	К. 137	474
366	13.III/28.II	Письмо № 132	Кривошеин — Сазонову	П. А. 4207	475
367	14/1.III	Тел. № 1145	Сазонов — Воронцову-Дашкову	К. 89	478
368	14/1.III	Разговор сов. II пол. отд. Гулькевича с уполн. сербо-хорв. коалиции Супило		П. А. 4346	479
369	14/1.III	Записка, сост. в м-ве ин. дел		П. ст. 2276	480
370	14/1.III	Тел. № 1151	Базили — Сазонову	С. А. 642	483
371	14/1.III	Письмо	Демидов — Сазонову	П. А. 338	483
372	15/2.III	Пам. записка	Пос-во США в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 497	484
373	15/2.III	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	К. 123	485
374	15/2.III	Тел. № 1157	Сазонов — Поклевскому	П. А. 1732	488
375	15/2.III	Тел.	Базили — Н. Кудашеву	С. А. 642	488
376	15/2.III	Тел. № 1168	Нератов — Миллеру	К. ст. 665	489
377	15/2.III	Письмо № 120	Сазонов — Малевскому и Крупенскому	К. ст. 1132	490
378	15/2.III	Поденная запись		К. 144	492
379	15/2.III	Тел. № 179	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	493
380	15/2.III	Тел. № 81	Бахметев — Сазонову	А. В. 53	494
381	16/3.III	Поденная запись		К. 144	495
382	16/3.III	Тел. № 409	Диаманди — Порумбару	С. А. 501	497
383	16/3.III	Тел. № 240	Тарновский — Буриану	К. 124	498
384	16/3.III	Записка датск. гос. сов. Андерсена		Ост. отд. Ф. XXV/141, оп. I. № 2	499
385	16/3.III	Депеша № 74	Распопов — IV пол. отд. м-ва ин. дел	Т. ст. 1365	505
386	17/4.III	Тел. № 1214	Сазонов — Миллеру	К. ст. 655	509

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
387	17/4.III	Поденная запись		К. 144	510
388	17/4.III	Тел. № 142	Извольский — Сазонову	К 69	510
389	17/4.III	Письмо № 116	А. Крупенский — Сазонову	С А. 537	511
390	17/4.III	Тел. № 138	Савинский — Сазонову	К. 16	515
391	17/4.III	Тел.	Семенов — в отд. ген. кварт. ген. штаба	П. А. 4168	515
392	17/4.III	Депеша №, 9	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 139	517
393	18/5.III	Тел. № 1227	Сазонов — Бенкендорфу	К. 89	518
394	18/5.III	Поденная запись		К. 144	520
395	18/5.III	Тел. № 108	Коростовец — Сазонову	К. 89	521
396	19/6.III	Тел. 1251	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 1732	522
397	19/6.III	Письмо № 367	Янушкевич — Сазонову	С. А. 358	523
398	20/7.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	524
399	20/7.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4196	524
400	20/7.III	Тел. № 1265	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 1732	526
401	20/7.III	Поденная запись		К. 144	528
402	21/8.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 537	529
403	21/8.III	Пам. записка	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4199	532
404	21/8.III	Тел. № 118	Коростовец — Сазонову	К. 89	536
405	21/8.III	Тел. № 121	Коростовец — Сазонову	К. 47	537
406	21/8.III	Тел. № 124	Янушкевич — Сазонову	П. А. 4168	538
407	22/9.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 563	538
408	22/9.III	Поденная запись		К. 144	540
409	22/9.III	Тел. № 162	Извольский — Сазонову	К. 69	541
410	22/9.III	Тел. № 319	Трубецкой — Сазонову	К. 63	542
411	22/9.III	Тел. № 320	Трубецкой — Сазонову	К. 63	542
412	23/10.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	П. А. 4187	543
413	23/10.III	Тел. № 1333	Сазонов — Миллеру	К. ст. 655	543
414	23/10.III	Поденная запись		К. 144	544
415	23/10.III	Тел. № 202	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	545
416	23/10.III	Тел. № 89	Малевский — Сазонову	К. 82	545

14 ЯНВАРЯ — 23 МАРТА 1915 г

ч. 1.

№ 1. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

14/1 января 1915 г.

His Majesty's Embassy has been instructed to enquire the views of the Imperial Government as to a proposal made by the Servian Government through their Minister in London, that the Allies should send a ship to Durazzo. Such a step would show that there are other interests in Albania besides that of Italy and it would serve to remind the active element in Albania that the trend of events there is being watched by the Allies.

The Servian Minister pointed out that, were Italy to be left to deal alone with the Albanian question, she would consider herself the sole protector of Albania and would make no effort to restrain the activity of Austria and Turkey [2].

Перевод.

Посольство его величества получило предписание узнать точку зрения императорского правительства касательно сделанного сербским правительством через его посланника в Лондоне предложения, чтобы союзники послали военное судно в Дураццо. Подобный шаг показал бы, что в Албании, помимо итальянских, существуют и другие интересы, и напомнил бы активным элементам в Албании, что союзники следят за ходом событий в этой стране.

Сербский посланник указал на то, что если оставить Италию действовать в одиночку в албанском вопросе, она сочтет себя единственной покровительницей Албании и не будет делать никаких усилий, чтобы сдерживать деятельность там Австрии и Турции.

---

[1] На оригинале имеется помета: «Министр сказал послам, что дело касается Франции».

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4255, имеется проект пам. записки м-ва ин. дел Палеологу от 15/2 янв. с пометой: «Non avenu». В этом проекте сказано, что Сазонов «не без опасения рассматривал бы посылку союзниками в настоящий момент военного судна в Дураццо», так как это «могло бы быть легко истолковано Италией как признак известного к ней недоверия и могло бы побудить ее оказать влияние на решение Румынии в целях задержать вступление последней в войну». Далее высказывалось пожелание о возвращении в Албанию представителей Франции, Англии и России.

№ 2. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 2. 14/1 января 1915 г.

По сведениям великобританского правительства [1], германский посол в Вашингтоне стремится создать впечатление, будто Германия была бы готова заключить мир, но препятствием к этому является непримиримость ее врагов. Не желая отталкивать миролюбивых поползновений Германии, если бы таковые действительно проявились, но не доверяя правдивости нынешних намеков в этом смысле, Грей полагает, что пока единственно возможное — это самое решительное преследование военных действий. Тем не менее он считает своевременным установить, что «если три союзные державы узнают от надлежаще уполномоченного посредника, что Германия и Австро-Венгрия искренно желают заключить мир, то они ответят, что посоветуются между собою в видах определения условий, которые, по их мнению, необходимы для прекращения военных действий и восстановления прочного мира, и что они сообщат эти условия непосредственно германскому и австро-венгерскому правительствам, как только последние сделают формальное предложение мира». Я согласился на вышеизложенное, и французский посол, с своей стороны, высказал убеждение в согласии своего правительства на предложение Грея [2]. — Можете высказаться в этом смысле министру иностранных дел, подчеркнув при этом необходимость не предавать гласности означенное решение из опасения, как бы подобное заявление не было истолковано как признак нашего желания заключить мир во что бы то ни стало и как попытка вызвать соответственное мирное предложение.

Сазонов.

№ 3. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 8. 14/1 января 1915 г.

Nicolson a transmis à Lloyd George ce que je lui avait dit de malentendu [3] possible. Haldane qui remplace Grey me fit prier de passer chez lui. J'y trouvai Lloyd George, celui-ci me pria de transmettre à ministre de finances sa vive reconnaissance pour son arrivée dont il

[1] См. т. VI, №№ 759 и 764.

[2] О согласии Делькассе на предложение Грея Извольский телеграфировал 16/3 янв. за № 4.

[3] См. т. VI, № 763.

a eu connaissance par Buchanan. Il m'expliqua combien cela était utile et nécessaire pour l'avenir, surtout parce qu'il fallait s'organiser à trois et s'assurer de la coopération française. Il m'a parlé ensuite de l'information transmise par Buchanan sur nécessité subvenir à nos besoins de payement immédiat. Il est prêt à y subvenir sans retard, — dès aujourd'hui il autorisait Banque d'Angleterre d'escompter bons de trésor à cet effet jusqu'à 20 millions. Pour partie de cette somme qui serait affectée à payer en dehors Royaume Uni, la part d'or à transporter ici pourrait suivre subséquemment. En réponse à ma question il dit que Canada et colonies (doivent) être considérées comme en dehors du Royaume et m'expliqua raison. Il dit que gouvernement anglais maintenait sa proposition de 40 millions pour l'emprunt actuel, mais aussi ses conditions comme stipulé dans télégramme de Grey à Buchanan du 18 décembre [1]. Il m'a dit qu'il n'y avait aucun malentendu sur montant, dont 20 millions pourraient être touchés aujourd'hui et le reste après conférence avec le ministre des finances. Payement sur 20 millions affectés immédiatement destiné à couvrir contrats et commandes du gouvernement impérial pour armée de guerre avec exclusion des besoins de commerce [2]. A la fin de l'entretien Haldane et Lloyd George redigèrent mémoire dont traduction dans télégramme spécial [3].

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сообщил Ллойд-Джорджу то, что я ему сказал о возможности недоразумения. Холден, заменяющий Грея, просил меня зайти к нему. Я застал у него Ллойд-Джорджа, который просил меня передать министру фи-

[1] Тел. Грея Бьюкенену в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. т. VI, ч. 2, стр. 174, прим. 2.

[2] Тел. от 14/1 янв. за № 9 Бенкендорф передал свою беседу с Ллойд-Джорджем, во время которой последний сказал, что «союзным державам необходимо срочно приступить к обсуждению вопроса о кредитах на нужды войны» и что он «находит возможным и весьма желательным, чтобы Франция содействовала этому; иначе бремя, возлагаемое на английские финансы, становится слишком тяжелым, так как Франция вместо содействия сама заключает займы в Лондоне». По словам Бенкендорфа, Ллойд-Джордж «опасается, что взаимоотношения правительства с французскими банковыми учреждениями, включая Banque de France, неудовлетворительны. Несмотря на то, что Франция имеет больше золота, чем Англия, Banque de France счел возможным изъять из Оттавы два миллиона золота, — чувствительная потеря для финансового положения Англии; правительство должно принять меры против повторения подобных случаев».

[3] Тел. от 14/1 янв. за № 10.

нансов его живейшую благодарность за решение приехать, о чем он узнал от Бьюкенена. Он мне объяснил, насколько это будет полезно и необходимо на будущее время, в особенности потому, что надо сговориться втроем и обеспечить сотрудничество Франции. Затем он говорил со мной по поводу переданных Бьюкененом сведений о необходимости удовлетворить нашу потребность в немедленных платежах. Он готов оказать нам содействие безотлагательно; начиная с сегодняшнего дня, он даст разрешение Английскому банку учитывать в этих видах обязательства нашего казначейства на сумму до 20 миллионов. Для части этой суммы, имеющей быть выплаченной за пределами Соединенного королевства, часть золота, подлежащая перевозке сюда, могла бы быть отправлена позже. В ответ на мой вопрос он мне сказал, что Канада и колонии должны рассматриваться как находящиеся за пределами королевства, и объяснил мне причину этого. Он добавил, что английское правительство не отказывается от своего предложения касательно 40 миллионов для нынешнего займа, но продолжает предъявлять поставленные им условия, изложенные в телеграмме Грея Бьюкенену от 18 декабря 1914 г. Он мне сказал, что никакого недоразумения о размере займа нет; 20 миллионов могут быть получены теперь же, а остальная сумма — по соглашению с министром финансов. Выплата в счет 20 миллионов, предоставляемых немедленно, предназначена для покрытия обязательств по контрактам и заказам императорского правительства для действующей армии, исключая потребности торговли. В конце разговора Холден и Ллойд-Джордж составили памятную записку, перевод коей приводится в особой телеграмме.

Бенкендорф.

№ 4. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 524 [1]. 14/1 января 1915 г.

Копии в Афины, Софию и Ниш.

Прошу расшифровать лично.

Весьма доверительно. На основании бесед с Братиану и другими здешними политическими деятелями я могу вывести заключение, что существовавшие между Румынией и Болгарией чувства взаимного недоверия несколько сгладились, но что эти государства не ведут в настоящее время каких-либо особых переговоров и что Дерусси даже запрещено говорить с кем-либо в Софии о возможных со стороны Румынии территориальных уступках. — В частности Братиану находит, что, с одной стороны, некоторые явления в Болгарии как бы указывают на желание болгарского правительства примкнуть к Тройственному согласию, но, с другой стороны, также можно отметить и материальные факты, свидетельствующие о близости Болгарии к Турции, Австрии и Германии. Ввиду этого Братиану продолжает

[1] В оригинале (лит. копия) по ошибке указан № 52. Следует читать: «№ 524», так как последняя тел. из Бухареста за 1914 г. имеет № 523. Ср. также № 121.

находить настоятельно необходимым привлечь Болгарию к активному выступлению на нашей стороне путем серьезных территориальных уступок со стороны Сербии и незначительных со стороны Греции, причем он предполагает, что России, Франции и Англии удалось бы, может быть, склонить греческое правительство к уступчивости обещаниями некоторых приобретений за счет Турции и по отношению к Эпиру. Первый министр приходит также к убеждению, что Болгария не удовлетворится одними обещаниями территориальных уступок в Сербской Македонии, так как она опасается, что победоносная Сербия не согласится эвакуировать эту провинцию, что державы Тройственного согласия не решатся принудить ее к этому силою оружия и что Болгарии тогда всетаки придется воевать со своей соседкою. Это же обстоятельство приводит Братиану к заключению, что Болгария, вероятно, удовлетворилась бы менее значительными уступками, — например, линией Вардара, — если бы ей разрешено было фактически занять эту территорию в момент ее выступления на нашей стороне. Во время последнего разговора со мною Братиану решился заявить, что теперь приближается время активного выступления Румынии и что поэтому румынскому правительству придется около будущего [14] 1 февраля вступить в окончательные переговоры с Болгарией, дабы вполне выяснить отношение последней к Румынии. Если к указанному сроку не удастся заключить общего соглашения с Болгарией, то румынскому правительству останется только вступить с нею в отдельное соглашение на единственно возможной тогда почве, а именно, на основании обеспечения друг другу нейтралитета и свободы рук, а это, в свою очередь, Братиану искренно желал бы избежать, так как это не исключало бы возможности какой-либо авантюры со стороны Болгарии. — Все вышеизложенное Братиану также высказал уезжающему в Ниш здешнему сербскому посланнику, и, по просьбе последнего, обещал поручить по телеграфу румынскому посланнику в Сербии переговорить в этом же смысле с Пашичем.

Поклевский.

№ 5. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 1328. 14/1 января 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на свой № 1310 [1].

Прибывший сюда из главной квартиры наш военный агент отмечает,

[1] Тел. от 9 янв. 1915 г./27 дек. 1914 г. за № 1310 Трубецкой передал свою беседу с вернувшимся из Софии болг. посланником Чапрашиковым, который

что сербская армия усиливается пополнением состава и материальной части. По завершении мер, принятых в этом направлении, во второй половине января верховная команда рассчитывает на возможность перехода в наступление сербской армии. Во всяком случае расположение, занимаемое войсками, весьма выгодно для отражения австрийского наступления, если бы таковое состоялось. Это создает замечаемое мною здесь настроение, скорее обеспеченности относительно ближайшего будущего, хотя о мероприятиях и планах австрийцев здесь ничего не знают. При указанных условиях считал бы, что в настоящую минуту выступление здесь было бы несвоевременным, тем более что положение, занятое Болгарией, продолжает оставаться совершенно невыясненным. Требовать же от сербов жертв без уверенности, что их ценой Болгария предоставит свои силы в распоряжение держав и этим самым повлечет выступление Румынии, было бы сопряжено с риском натолкнуться здесь на скрытый, но решительный отпор. Позволяю себе высказать однако убеждение в крайней желательности достигнуть соглашения с нашими союзниками о компенсациях Сербии, перечисленных в телеграмме вашего высокопревосходительства [1], к коим весьма желательно было бы прибавить стратегическое обеспечение Белграда. Это было бы весьма важно, дабы в случае перемены обстоятельств, обусловливающих нынешний оптимизм сербов, и особенно в случае откровенного поворота Болгарии в нашу сторону, мы имели бы возможность явиться с готовыми предложениями к Пашичу. Буду весьма благодарен за указание моим английскому и французскому товарищам о необходимости в совершенно равной степени отстаивать общие взгляды, но очень просил бы по возможности избегнуть впечатления, что эта просьба исходит от меня, дабы не испортить прекрасных личных отношений с обоими посланниками.

Трубецкой.

Что значит стратегическое обеспечение Белграда? [2]

Царское Село, [16]3 января 1915 г.

заявил, что хотя в Софии «настроение значительно улучшилось в смысле наших пожеланий, однако он не привез никаких новых инструкций». По мнению Трубецкого, до выяснения положения в Болгарии, какие-либо выступления в Нише «едва ли своевременны».

[1] См. т. VI, № 760.—Тел. от 14/1 янв. за № 11 Бенкендорф сообщил со слов Никольсона, что англ. посланнику в Нише предписано выступить вместе с его коллегами в предложенном Сазоновым смысле, при условии «si omnes».

[2] В докл. зап. от 17/4 янв. Сазонов представил Николаю II следующее объяснение этих слов: «Согласно мнению сербского правительства, для защиты Бел-

№ 6. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 1. 14/1 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [12 января 1915 г.] 30 минувшего декабря я имел честь доложить вашему высокопревосходительству содержание сделанного мне шахским правительством по поводу вступления турок в Тавриз сообщения [1]. В беседе, которую я имел по этому поводу с председателем совета министров, Мостоуфи-оль-Мемалек сообщил, что продолжает переговоры с турецким послом, который ссылается на военную необходимость и утверждает, что русские войска удалились исключительно под давлением турок, которые таким образом спасли Персию от иноземной оккупации и территориального поглощения. Далее Ассим-бей заявляет, что турецкие войска также удалятся из Азербайджана, как только в Тавриз прибудет велиагд и восстановит там нормальный порядок Вообще турки видимо стремятся не обострять отношений с персами, действуя с возможной мягкостью и предупредительностью, стараясь все свалить на стратегическую необходимость. Так, например, несмотря на заявление турецкого главнокомандующего в Тавризе, что Персия нарушила нейтралитет в пользу России, турки, по слухам, ведут себя сдержанно, избегая эксцессов и не притесняя населения. По всем вероятиям, такая показная корректность продержится недолго, и сопровождающие турок курды покажут себя в настоящем свете. Мостоуфи-оль-Мемалек объяснил, что шахское правительство очень озабочено вопросом о турецкой оккупации и, ввиду данного Ассим-беем обещания, будет стремиться возможно скорее снарядить велиагда в Тавриз. В качестве пишкара к нему намечен Низам-оль-Мольк, состоявший генерал-губернатором Азербайджана в 1907 году. Каргузаром в Тавриз назначается нынешний то-

---

града от внезапного нападения необходимо отдалить границу от столицы за Саву и Дунай, обеспечив за королевством обладание городом Землином и Бежанскими высотами». На докл. зап. имеется помета Николая II: «Вполне согласен».

[1] В переданной Коростовцу ноте перс. прав-во, обращаясь к нему с просьбой «оказывать содействие благим намерениям персидского правительства, дабы оно могло дать ответ нападкам на него и могло вывести Персию из опасности», указывало, что экспедиция Шоджа-эд-Доуле, не дав никаких результатов в борьбе против Турции, дала в то же время повод турецким войскам занять Тавриз. Ссылаясь на перс. подданство Шоджа-эд-Доуле, турец. прав-во заявило, что оно оставляет за собой свободу действий, так как Персия нарушила свой нейтралитет (тел. Коростовца от 12 янв. 1915 г./30 дек. 1914 г. за № 647).

варищ министра внутренних дел Шериф-эд-Доуле. Посылка принца Эйп-эд-Доуле отменена как бы в угоду нам, в действительности же потому, что этот сановник скомпрометировал себя чрезмерным туркофильством, и даже великобританская миссия не считает возможным его поддерживать. Велиагда будет сопровождать, отчасти же сформируется в пути, отряд из трех тысяч всадников. Для покрытия расходов по организации экспедиции шахское правительство обратилось к содействию английской миссии, возбудив вопрос о ссуде в сто тысяч фунтов стерлингов. Однако, не рассчитывая на скорое удовлетворение этого ходатайства, персы задумали получить нужные средства из будущих малиатных и иных поступлений. Едва ли однако население согласится внести налоги вперед, тем более что противники правительства не без основания говорят, что посылка велиагда есть лишь предлог для получения денег, необходимых на текущие нужды и на жалование чиновникам.

Хотя великобританский посланник, с которым я виделся на-днях, выразил удовлетворение по поводу удаления наших войск, но заметил, что отступление двух слишком тысяч русских перед семью стами турок, вошедших в Тавриз (он почему-то не считает курдов), будет истолковано в невыгодном для нас смысле. Он также не сочувствует оставлению отряда в Казвине, находя, что присутствие его может подать туркам мысль послать туда свои войска, на что уже намекал турецкий посол. Вступление же турок в пункты, где находились русские, неизбежно отразится на настроении Тегерана с его впечатлительным населением, легко воспринимающим самые невероятные слухи и поддающимся всяким внушениям. Мой британский коллега опять повторил, что нам необходимо поддерживать расположение персов, и заметил, что в Петрограде, по его сведениям, мало дорожат настроением мусульманского мира, и в частности благожелательностью персов, тогда как в глазах англичан вопрос этот представляет первостепенную важность. В этом отношении эвакуация Мазандерана, и особенно Мешеда, произвела бы, думает он, наилучшее впечатление на общественное мнение и облегчила бы положение правительства. Впрочем, прибавил он, наш резидент в Персидском заливе полковник Кокс, повидимому, также находит излишним считаться с персами; по его мнению, нам важно сохранить лишь нейтралитет Персии, да и то только до занятия Багдада, переход же персов на нашу сторону он считает не только излишним, но даже вредным, ибо это свяжет нашу свободу действий. По словам моего английского коллеги, подобные крайние воззрения англо-индийских чиновников не встре-

чают сочувствия сэра Э. Грея, который продолжает стоять за дружественный нейтралитет Персии. Сэр В. Тоунлей намерен посоветовать Мостоуфи-оль-Мемалеку настаивать перед Портой на удалении турецких войск и вместе с тем ускорить командировку велиагда, которая будет способствовать установлению в Азербайджане порядка и безопасности.

Наши персидские сторонники, например, Сепехдар и князь Камран-Мирза, не одобряют решения отозвать русские отряды, находя, что мера эта может повредить престижу России и дать повод к возникновению внутренних беспорядков. В здешнем обществе существует мнение, что удаление наших войск — просто политический маневр и что русские войска вновь вернутся в Азербайджан, но уже для более прочного водворения. Подобная возможность сознается и членами правительства, которые, конечно, употребят все усилия, дабы отнять у нас малейший повод к возвращению в Персию русских отрядов.

При сем имею честь препроводить вашему высокопревосходительству перевод вышеупомянутого сообщения шахского правительства [1].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 7. Посол в Токио министру иностранных дел.

/.Телеграмма № 1. 14/1 января 1915 г.

Получил ваше письмо № 817 [2].

Из приложенной к весьма секретному письму № 817 копии телеграммы императорского посла в Лондоне от 14 [1] декабря видно, что после недавней неудачи попытки моего английского сотоварища в Токио как великобританское, так и французское правительства отказались от предположения обратиться в настоящее время к Японии с просьбою послать войска свои в Европу. Между тем французский посол доверительно сообщил мне, что он получил вчера телеграфное извещение своего правительства, которое уведомляет его о происходившем 6 января нового стиля в Лондоне секретном совещании между Греем, Бенкендорфом и Камбоном по вопросу компенсаций, которые могли бы быть предложены Японии при обращении к ней за помощью.

[1] Приложение хранится в Арх. Вн. Пол., в деле Перс. ст. 17 б. Содержание ноты см. стр. 9, прим. 1.

[2] При письме от 16/3 дек. 1914 г. за № 817 Сазонов препроводил тел. Бенкендорфа от 14/1 дек. за № 764 (см. т. VI, № 646).

При этом Грей вызвался переговорить на эту тему с японским послом в Лондоне. Следует пожалеть, что английское правительство обращалось в ноябре к японскому с предложением послать войска в Европу, не посоветовавшись предварительно с императорским правительством, которому из моих донесений и телеграмм было известно, что японское правительство не сочувствует этому плану и что как общественное мнение, так и правящие сферы здесь еще далеко не подготовлены к такому серьезному шагу. Сомневаюсь, что с тех пор обстоятельства настолько изменились, что новая подобная попытка встретила бы здесь ныне благоприятный прием. Что касается вопроса компенсаций, то я предупредил своего французского сотоварища, что японцы едва ли удовлетворятся финансовой поддержкою, расширением экономических их интересов в Китае и допущением японской эмиграции в британские колонии. Япония в случае, если и согласилась бы послать свои войска в Европу, пойдет на это не иначе, как при уверенности в получении территориальных выгод, на что были ясные намеки в печати. Во всяком случае ее выступление в Европе могло бы состояться лишь на условии пересмотра ее союзных соглашений с Англией и развития ее политических договоров с Россией и Францией.

Малевский.

№ 8. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 1. 14/1 января 1915 г.

Бернсдорф опять начал распространять слухи о готовности Германии прекратить войну, даже указав на условия, под которыми она была бы согласна это сделать: именно эвакуация и компенсация Бельгии и возвращение к status quo ante, до войны. На вопрос, сделанный ему доверенным лицом президента, уполномочен ли он своим правительством высказываться в этом духе, германский посол дал понять, что хотя ему официально не поручено говорить о мире и его условиях, он полагает, что точно выражал взгляды правительства. — Тогда президент, желая проверить эти повторяющиеся слухи или попытки, сбивающие общественное мнение, решил послать в Берлин своего личного друга г. Хауса, говорящего по-немецки, с поручением переговорить с канцлером и министром иностранных дел и узнать от них, действительно ли Германия ищет мира и на каких условиях. Вчера я и мои английский и французский коллеги, по предложению г. Хауса, встретились с ним, чтобы определенно узнать от него цель и программу возложенного на него поручения: он нам подтвердил выше

изложенное, прибавив, что если он получит таковые заверения в Берлине, он отправится в Петроград, Париж и Лондон, чтобы сообщить их правительствам союзников, на что ему заметили, что предложение окончить войну возвращением к status quo ante без всякого удовлетворения и обеспечения едва ли будет принято во внимание, так как это только дало бы Германии передышку, чтобы оправиться после неудачной войны и приготовиться к новой; на это Хаус весьма наивно возразил, что он надеется также получить от канцлера обещание, что Германия положит конец своему милитаризму, и тогда уже окончательно будет устранена опасность новых столкновений с нею; тут мы напомнили ему, что, ежели Бетман-Гольвег назвал трактаты «лоскутками бумаги», то какое же значение можно будет придать его словам, передаваемым через третье и неофициальное, и скорее, неответственное лицо? Он показался сконфуженным и во всем соглашался с нами, в конце концов объяснил свое поручение желанием президента узнать «настоящие чувства Германии», но что, конечно, будет интересно узнать, насколько слова представителя германского правительства и в этом случае будут противоречить его действиям, и что это послужит только для удовлетворения любознательности американского правительства и отнюдь не повлияет на ход и результаты войны, и в заключение я прибавил, что ежели Германия действительно желает мира, то она знает путь, которым она может его достигнуть, — прямым обращением к союзным державам, а не частными разговорами и голословными обещаниями. Хаус и с этим согласился и расстался с нами, не определив ясно свою программу, и только прибавил, что он не будет иметь ничего общего с американскими посольствами, а будет непосредственно обращаться ко всем правительствам от имени президента, в качестве его личного представителя, и что, ежели он в Берлине не получит удовлетворительных заверений, то он уже не посетит другие столицы, считая свою миссию законченной. Он никогда не занимал какого-либо административного или политического положения, считаясь только ближайшим и доверенным другом президента, и произвел на нас впечатление человека вполне неопытного и крайне смущенного своею первой встречей с иностранными представителями. Английский посол уже более года страдает очень сложною болезнью, сильно действующей на его нервы, очень мнительный, боязливый, и только думает о том, чтобы не потерять окончательно традиционных братских симпатий американцев, откровенно сознавая, что англичане здесь наименее популярны из всех союзников, и ему все кажется, что германский посол может убедить правительство и

общественное мнение, что Германия миролюбива, а союзники воинственны, и этим привлечь симпатии к Германии и что нам, следовательно, следует делать все возможное, чтобы отвлечь от себя это обвинение. Мой французский коллега и я не придаем никакого серьезного значения миссии Хауса, но думаем, что ежели он заслуживает такого доверия президента, то он, может быть, сам тотчас же по приезде в Берлин поймет ее несвоевременность и бесполезность и что во всяком случае его поездка никому не повредит и никого не обеспокоит, кроме самих немцев.

Бахметев.

№ 9. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/.Телеграмма № 21. 15/2 января 1915 г.

NoNo 846 [1], 847 [2] reçus.

Nous acceptons avec plaisir la proposition de Sir E. Grey d'éclaircir l'attitude du gouvernement japonais vis-à-vis de la Russie et de ses alliés dans la guerre actuelle.

Cependant ce n'est pas tant cette attitude qui nous préoccupe comme la question de savoir si nous pourrons compter sur la participation de Japon dans la combinaison politique, que nous croyons nécessaire de former après la guerre en vue de tenir en échec l'Allemagne. C'est pourquoi en nous rangeant à l'idée d'une alliance permanente dans ce but entre la Russie, la France et l'Angleterre nous tenons à ce que le Japon en fasse partie. Nous prenons acte de l'assurance que Sir E. Grey vous a donnée qu'il ne perdrait de vue l'idée d'une alliance à quatre.

Si le gouvernement français partage son avis que les négociations à ce sujet pourraient utilement être remises à plus tard, nous n'y avons pas d'objection. De notre côté nous continuerons, si l'occasion s'en offre, d'échanger de vues avec le gouvernement japonais concernant un rapprochement plus étroit entre nos deux pays et nous tiendrons nos alliés au courant de nos explications à ce sujet.

Sazonow.

Перевод.

№ № 846 и 847 получены.

Мы принимаем с удовольствием предложение сэра Э. Грея выяснить позицию Японии по отношению к России и ее союзникам в настоящей войне.

Тем не менее мы озабочены не столько этой позицией, сколько желанием

[1] См. т. VI, № 746.

[2] См. т. VI, № 747.

узнать, можем ли мы рассчитывать на участие Японии в политической комбинации, которую мы считаем необходимым создать после войны в целях обезврежения Германии. Вот почему, разделяя мысль о постоянном союзе в этих целях между Россией, Францией и Англией, мы считаем существенным, чтобы Япония вошла в него. Мы принимаем к сведению заверение, которое вам дал сэр Э. Грей, что он не теряет из вида мысль об образовании Четверного союза.

Если французское правительство разделяет его мнение, что переговоры об этом целесообразно было бы отложить на более позднее время, мы не имеем возражений. С нашей стороны мы будем продолжать, если к этому представится случай, обмениваться взглядами с японским правительством касательно более тесного сближения между обеими странами и будем держать наших союзников в курсе наших переговоров по этому поводу.

Сазонов.

№ 10. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

./.Телеграмма № 22 [1]. 15/2 января 1915 г.

Телеграмма № 301 [2] получена.

Аргументы, на которых китайские делегаты основывают свое домогательство судебной внеземельности для китайцев в Монголии, не выдерживают критики. Именно из принадлежности Монголии к китайскому государству вытекает, что монгольские суды суть китайские суды. Логически это приводит к признанию компетентности монгольских судов в Монголии и китайских судов в Китае как для китайцев, так и для монголов, как граждан одного государства.

[1] Тел. адресована в Кяхту, так как тройные переговоры велись в этом городе.

[2] Тел. от 10 янв. 1915 г. /28 дек. 1914 г. за № 301 Миллер сообщил, что «китайские делегаты настаивают на следующем порядке судебного разбирательства: а) Китай не вмешивается в судебные дела монголов между собой, предоставляя в этом полную свободу действий монгольским властям. б) Все монголо-китайские гражданские и уголовные дела разбираются у китайского сановника в Урге и его помощников в других пунктах Внешней Монголии. в) В русско-китайских судебных делах во Внешней Монголии соблюдается 7-я статья Тяньцзинского трактата» (см. стр. 26, прим. 2).

По словам Миллера, монголы отстаивали 10-ю статью своего проекта, в которой говорилось:

«Всякого рода тяжебные дела, возникающие между проживающими в Монголии китайско-подданными торговцами, земледельцами, ремесленниками и монголами, разбираются в смешанных комиссиях из представителей китайского правительства и местных монгольских правительственных учреждений; дела в этих комиссиях должны быть решаемы по справедливости и мирно, причем виновники наказываются по законам своей страны. Дела, возникающие между монгольскими подданными и китайскими подданными в пределах Китая, разбираются в таком же порядке».

Мы допускаем однако возможность уступки в этом вопросе в смысле предоставления китайскому комиссару и его помощникам в Монголии юрисдикции в делах, возникающих между китайцами, и совместного с монгольскими чиновниками суда в делах, возникающих в Монголии между китайцами и монголами. На предоставлении монголам тождественных прав в Китае мы были бы согласны не настаивать, хотя не можем отрицать их принципиального права требовать равноправия в этом деле. Можно опасаться, что сделанная по этому вопросу уступка послужит китайцам основанием для аналогичных домогательств в вопросе об обложении китайской торговли, который является для нас существенно важным. Поэтому делать ныне же эту уступку мы считали бы преждевременным и предпочли бы оставить статью о юрисдикции несогласованной впредь до окончания редакции всех статей тройного договора. В зависимости от сговорчивости китайцев по прочим статьям, мы могли бы приложить усилия для изыскания компромисса между пожеланиями китайцев и монголов в вопросе о юрисдикции.

Что касается третьего пункта китайского предложения, то он также исходит из признания судебной внеземельности китайцев в Монголии. Если бы этот принцип был признан, мы не встретили бы препятствий к применению к смешанным русско-китайским делам в Монголии 7-й статьи Тяньцзинского договора [1]. Надо однако иметь в виду, что относительно толкования этой статьи между нами и китайским правительством существует нерешенное разногласие. Соответствующее постановление тройного договора пришлось бы поэтому дополнить разъяснением и изложить его приблизительно, как передается вам за № 2 [2].

Сазонов.

№ 11. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 50 [3]. 15/2 января 1915 г.

Der Minister-Präsident sagte mir, er habe einen Besuch des italienischen Vertreters, der sich über die Mission Gennadieffs erkundigte, gehabt [4].

---

[1] См. стр. 26, прим. 2.

[2] См. № 17.

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 99, где она ошибочно датирована 16/3 янв.; расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[4] Донесением от 2 февр./20 янв. за № 134 болг. посланник в Петрограде Маджаров сообщал Радославову:

Der Minister-Präsident hätte gesagt, dass es ihm mit Rücksicht auf die innere Politik angezeigt erschienen ist Gennadieff jetzt mit einem Auftrag ins Ausland zu schicken. Gennadieff habe sich nur als Freund der Regierung nach Rom begeben, wo er privaten Verkehr mit Politikern haben würde.

Der Minister-Präsident erwähnte, italienischerseits werden Anspielungen gemacht, dass Italien und Bulgarien Nachbarn werden könnten. Auf eine derartige Anspielung des italienischen Vertreters habe der Minister-Präsident geantwortet, Bulgarien könne es nur begrüssen, wenn Albanien unter italienische oder österreichische Herrschaft kommen würde.

Der Minister-Präsident sagte weiter, Serbien wäre wegen der Intentionen Italiens auf Albanien besorgt, die Beziehungen zwischen Rom und Nisch scheinen keineswegs gut zu sein, Italien gehe seinem Ziel

---

«Третьего дня меня посетил в миссии итальянский посол маркиз Карлотти, с которым я имел длинный разговор. Он мне сообщил, что д-р Геннадиев был принят в Риме хорошо, и что его посещением там остались довольны. Италии приятно, когда другие державы, хотя бы и незначительные, высказывают желание советоваться с ней и слушать ее советов. Я заметил, что итальянцев беспокоит значительное усиление Сербии на Адриатическом море, но что они не пойдут против Тройственного соглашения, так как ожидают от него компенсаций по окончании войны. Они желали бы, чтобы мы и там выступили соперниками Сербии. Насколько такое выступление было бы в наших интересах, — я не знаю, но маркиз Карлотти мне сказал, что ради соблюдения равновесия на Адриатическом море Италия готова содействовать Болгарии приблизиться к нему. Я поддержал мысль, что в интересах Италии способствовать созданию Великой Болгарии, так как только при этом условии можно сохранить экономическое и политическое равновесие на Балканском полуострове. Разумеется, эта беседа имела преимущественно теоретический характер, но, по крайней мере, она обнаружила тенденции итальянской дипломатии. Хотя маркиз Карлотти и называл Германию и Австро-Венгрию союзницами, но в словах его просвечивало не только желание, но и решение Италии воспользоваться территориальным разделом Австро-Венгрии. Он очень интересовался судьбой Константинополя и Малой Азии».

Во время пребывания Геннадиева в Риме он также посетил франц. и росс. послов, уверяя обоих, что Болгария решила сохранить нейтралитет, «так как болгарский народ не пошел бы против России», а «озлобление против Сербии не позволило бы ей [Болгарии] сражаться в союзе с ней». Он развивал также мысль о создании условий для восстановления впоследствии балканского союза, считая однако, что предпосылкой для этого должно быть удовлетворение справедливых требований Болгарии. В Рим, по словам Геннадиева, он прибыл «лишь для того, чтобы познакомиться с настроением общественного мнения Италии и с балканской политикой римского кабинета» (тел. Крупенского от 25/12 и 26/13 янв. за №№ 6 и 8).

nach gegen Serbien. Der Minister-Präsident habe den Eindruck, als ob jetzt Italien mit Bulgarien Politik machen möchte.

Der italienische Vertreter hatte den Minister-Präsident versichert, dass es zwischen Italien und Griechenland zu keinen Beschlüssen gekommen ist.

Перевод.

Министр-президент сказал мне, что его посетил итальянский представитель, который осведомился о миссии Геннадиева. Министр-президент ему сказал, что, исходя из соображений внутренней политики, ему казалось целесообразным послать в настоящее время Геннадиева с определенной миссией за границу. Геннадиев отправился лишь как друг правительства в Рим, где он будет находиться в частных сношениях с политическими деятелями.

Министр-президент упомянул, что с итальянской стороны делаются намеки на то, что Италия и Болгария могли бы стать соседями. На подобный намек итальянского представителя министр-президент ответил, что Болгария могла бы лишь приветствовать переход Албании под итальянскую или австрийскую власть.

Министр-президент сказал затем, что Сербия озабочена намерениями Италии относительно Албании, что отношения между Римом и Нишем, повидимому, отнюдь не хороши и что Италия, преследуя свою цель, идет против Сербии. Министр-президент вынес впечатление, что теперь Италия желает договориться с Болгарией.

Итальянский представитель заверил министра-президента, что Италия и Греция не пришли ни к каким решениям.

№ 12. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 8. 15/2 января 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 4934 [1].

Я объяснился в указанном мне смысле с Братиану, который указал мне, что вскоре после начала войны он, вопреки мнению некоторых здешних государственных деятелей, стал искать почву для соглашения с Россией и заключил таковое единственно с нами [2], без дополнительной гарантии Франции и Англии, так как он считает, что для Румынии исключительное значение имеют отношения с Россией. Теперь он деятельно подвигает военные и дипломатические приготовления Румынии для скорейшего осуществления этого соглашения. Никаких переговоров о вступлении в лигу нейтральных государств он не ведет и он думает, что мы не можем поставить ему в вину его желание сблизиться с Италией с целью совместно с нею выступить на на-

[1] См. т. VI, № 744.

[2] См. т. VI, № 340.

шей стороне [1]. Одно правительство, которое Братиану не назвал [2], хотело выяснить его точку зрения в вопросе о Проливах, но он отказался дать какой-либо ответ под предлогом, что решение этого вопроса еще не назрело и что вообще никто еще не предлагает для него какой-либо определенной формулы. Братиану также считал, что политика Румынии по отношению к Болгарии хорошо известна императорскому правительству и что она дала уже некоторые осязательные плоды. Он только просит, чтобы мы ускорили соглашение между Сербией и Болгарией, так как у него имеются сведения о том, что вскоре возобновится деятельность болгаро-македонских банд вдоль железной дороги Салоники—Ниш. Ему также известно, что за последние дни по австрийским железным дорогам идет усиленная перевозка войск в сторону Сербии и Буковины. В заключение Братиану просил ваше высокопревосходительство продолжать оказывать ему доверие.

Поклевский.

№ 13. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 13. 15/2 января 1915 г.

Личная.

Копия в Ниш.

№ 1.

Позволяю себе в трех последовательных телеграммах [3] донести о здешнем положении в связи с политикой Италии, поскольку о последней можно судить из Бухареста. За последнее время Братиану очень недвусмысленно мне намекает на скорое выступление Румынии против Австрии, причем для этого шага срока он не назначает, но из его слов можно понять, что Румыния надеется выступить ранней весной и притом одновременно с Италией. Другие же здешние видные

[1] 19/6 янв. в. кн. Николай Николаевич имел специальный разговор по этому вопросу с директором дипл. канцелярии при ставке Кудашевым, во время которого он, между прочим, сказал: «Выступление Румынии и Италии для нас выгодно, если оно оттянет от нашего фронта часть австро-венгерских войск; в противном случае оно даже невыгодно, так как может стеснить нашу свободу действий, например, наше общее наступление с нашего левого фланга через Венгрию, если бы мы пожелали так повести войну». Об этом он просил известить союзников, чтобы они воздействовали на Рим и Бухарест в нужном направлении (письмо Кудашева Сазонову от 19/6 янв. за № 272, опубл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 39).

[2] Ср. т. VI, № 757.

[3] См. № 14 и стр. 21, прим. 1.

политические деятели прямо выражают в разговорах со мною уверенность, что Италия и Румыния выступят на нашей стороне в начале будущего марта. Из вышеупомянутого становится вполне ясным, что надежда на Италию значительно подняла здешнее воинственное настроение; и я спросил у Братиану, имеются ли у него теперь положительные данные относительно намерений Италии. Он ответил, что хотя итальянское правительство и не сделало на этот счет никаких определенных заявлений, на мысль о скором выступлении Италии, притом на нашей стороне, его наводят следующие соображения: во-первых, спешные военные приготовления Италии и огромные затрачиваемые ею на этот предмет денежные средства; во-вторых, выказываемая за последнее время Италией поспешность в возможно широком удовлетворении всяких нужд Румынии в связи с боевой готовностью последней, и в-третьих, слова здешнего итальянского посланника, уверяющего, что к весне будут закончены военные приготовления Италии, и старающегося дать понять, что Италия выступит активно, причем он неоднократно заявлял Братиану, что Италия ни в коем случае не будет воевать на стороне Австрии. Братиану добавил, что около [14] 1 февраля он намерен вступить в окончательные переговоры с Италией. На мой вопрос о том, что будет делать Румыния в случае, если Италия найдет почему-либо нужным отложить свое активное выступление, Братиану ответил, что в таком случае выяснение положения, которое займет Болгария, станет для Румынии особенно важным, а общее согласие с болгарским правительством, развязывающее руки румынскому правительству особенно целесообразным.

Поклевский.

№ 14. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 14. 15/2 января 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Копия в Ниш.

№ 2.

Мой итальянский коллега с самого начала войны старается поддерживать со мною самые лучшие отношения, но, повидимому, с Братиану он более откровенен, чем со мною, так что мне трудно было бы из его слов составить окончательное мнение о намерениях Италии. — В настоящее время мой итальянский коллега уверяет, что, с одной стороны, итальянское общественное мнение вовсе не желает войны, с другой же — оно несомненно не хочет, чтобы Италия осталась с пустыми

руками при предстоящей перекройке карты Европы, а, наоборот, стремится к возможно полному обеспечению итальянских интересов при нынешних обстоятельствах. Из этого вытекает, что если Италии удастся мирным путем добиться осуществления ее вожделений, то ей незачем будет воевать. На мое замечание, что едва ли Австрия и Германия согласятся удовлетворить в сколько-нибудь полной мере итальянские пожелания в Адриатическом море, мой коллега ответил, что действительно трудно ожидать от этих государств особой уступчивости, пока они уверены в победе, но он не сомневается в том, что Германия в случае надобности готова будет пожертвовать Австрией и пойти на отдельное соглашение с Италией. Вообще посланник довольно цинично считает, что в настоящее время на поле сражения установилось временное равновесие сил, что выступление Италии может дать перевес любой стороне и что она должна поэтому продать свое содействие возможно дорогой ценой. — В ответ на мои вопросы, Фашиотти, в качестве совершенно личного своего мнения, разъяснил мне, что Италия желала бы приобрести побережье Адриатического моря вплоть до Себенико и что она могла бы согласиться на раздел Албании, если ей будет предоставлена Валона с побережьем. По поводу Додеканеза он думает, что и теперь Италия согласилась бы его эвакуировать взамен экономических концессий в вилайете Адалии, но ему кажется, что его правительство желало бы сохранить остров Родос, лежащий в ближайшем соседстве от помянутого вилайета.— Посланник также горячо настаивает на том, чтобы державы Тройственного согласия вступили в переговоры с итальянским правительством, дабы последнее могло убедиться, что оно может достигнуть обеспечения своих интересов при кооперации с ними. До тех же пор всякие доходящие до итальянского правительства известия о возбуждении нами вопроса о разделе Албании лишь возбуждают в нем беспокойство [1].

Поклевский.

[1] Третьей тел. от 16/3 янв. за № 16 Поклевский передал полученные им из «частного источника» сведения о переговорах, происходящих между Румынией и Италией по поводу их совместного вступления в войну. Согласно этого источника, сообщал Поклевский, «итальянское правительство предложило, будто бы, на-днях Румынии взять на себя осуществление ее национального идеала при условии, что она обяжется выступить одновременно с Италией, и притом безразлично на чьей стороне»; в тел. говорилось далее, что Румыния, будто бы, даст понять Италии, что она «ни в коем случае не выступит против держав Тройственного согласия, но что она готова немедленно заключить с Италией соглашение о выступлении в самом скором времени против Австрии». Ср. также ниже № 774.

№ 15. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 7. 15/2 января 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 3 [1].

Пашич опять заговорил сегодня о тревожном положении в Албании. Эсад-паша просил сербское правительство занять Эльбасан. Пашич предпочел бы оказать помощь вооружением. Что касается Черногории, то, по его словам, последняя имеет в виду занятие не Скутари, а быть может, Тарабоша, командующего над этим городом, а также реки Бояны для обеспечения сообщений. Я вновь обратил внимание Пашича на желательность воздержаться от операций в Албании, способных отвлечь значительные силы в то время, когда можно ожидать австрийского наступления, о коем Сербия получила предупреждения из европейских столиц, хотя здешние военные, за недостатком непосредственной разведки, недоверчиво относятся к его возможности.

Трубецкой.

№ 16. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [2]. Ставка, 15/2 января 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

В дополнение к моей вчерашней телеграмме № 1 [3] об артиллерийских заказах считаю долгом сообщить о разговоре, который я имел вчера по этому вопросу с генералом Янушкевичем. Вопрос о заказах не относится к прямой компетенции здешнего штаба, хотя его очень и очень интересует. О комитете, который обходят наши агенты в Лондоне [4], я говорил с генералом Янушкевичем и раньше. К сожа-

[1] Тел. от 14/1 янв. за № 3 Трубецкой сообщал о намерении черног. прав-ва занять Тарабош и Скутари под предлогом, что ему необходимо для получения провианта обеспечить сообщение с Сан-Джиованни-ди-Медуа.

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 37.

[3] Тел. от 14/1 янв. за № 1 Кудашев сообщил о заключении контракта на различные заказы между ген. Смысловским и представителем Аллисона канадцем Маккей.

[4] Тел. от 10 янв. 1915 г. /28 дек. 1914 г. за № 736 воен. агент в Лондоне Ермолов передал тел. почетного председателя англо-русского комитета в. кн. Михаила Михайловича в. кн. Сергею Михайловичу, в которой он жаловался на то, что артиллерийское управление не выполняет предписание воен. м-ра делать заказы только через англо-русский комитет. В виде последнего примера он приводил случай «с некиим Аллисоном из Канады, о коем английское правительство предупреждало нас, что он — личность неблагонадежная, о чем по-

лению, я не могу ему точно указать, на чем именно основано требование английского правительства, чтобы все наши заказы проходили через комитет. Янушкевич так смотрит на дело: если этот комитет установлен по закону и его обхождение является нарушением закона, то, конечно, всякое действие в его обход он готов осудить и нарушителя закона дезавуировать. Но если это не так, то он считает, что нам выгоднее в тех случаях, когда комитет нам помощи оказать не может, переплатить на стороне, но купить во-время и где нам угодно то, что нам так нужно. На это я ему сказал, что, судя по тону донесений нашего посла, я полагаю, что именно какое-то нарушение либо закона, либо формального уговора нашего с Англией произошло. Но так как ни у него, ни у меня не было полного материала для выяснения вопроса, то на этом мы и остановились. Впрочем относительно Маккей (Mackie) он мне сказал, что его рекомендовали генерал Вильямс и сам Sir G. Buchanan и что с ним заключен договор (но он не знает, на какую сумму). Заказы должны быть исполнены в Канаде и Америке, и только небольшая какая-то часть ружей — в Англии. Вообще к Англии я заметил у генерала Янушкевича большое недоверие: он в создании комитета видит лишь желание англичан контролировать наши заказы, не принося нам действительной пользы. Вот что он при

сол телеграфировал министру иностранных дел. Между тем мы узнали из телеграммы министерства финансов, что эта подозрительная личность получила помимо комитета заказы в Канаде и Англии на громадные суммы».

Дело Аллисона состояло в следующем: 25/12 дек. 1914 г. гл. артиллерийское управление заключило договор за № 68704 с канадским поставочным комитетом полк. Аллисона на поставку шрапнелей общей стоимостью в 31 млн. долларов. Согласно этого договора росс. прав-во обязалось выдать в виде задатка Аллисону на один из английских или американских банков 12-месячные векселя гос. казначейства на сумму, равную 35% всей стоимости заказа. Аллисон, в свою очередь, должен был доставить росс. прав-ву гарантию одного солидного англ. или амер. банка на 1 500 000 руб. в виде обеспечения выполнения заказа. Письмом от 7 янв. 1915 г./25 дек. 1914 г. за № 711 Барк уведомил Сухомлинова: «...министерство финансов сочло долгом заготовить безотлагательно бланки для подлежащих выдаче векселей и предполагает их отправить в Лондон через командируемого представителя министерства финансов в начале будущей недели. Вместе с тем мною поручено агенту министерства торговли и промышленности в Лондоне д. с. с. Рутковскому выписывать и снабжать своею подписью векселя совместно с военным агентом. Кроме того, векселя имеют быть контр-ассигнированы императорским послом в Лондоне». В заключение Барк просил Сухомлинова «уполномочить военного агента в Лондоне подписывать совместно с Рутковским выдаваемые поставщикам векселя» (ВИА, дело № 179/397).

мне набросал на обороте телеграммы, которую я ему показывал [1].

«Полагаю, что если законного (официального) запрета на продажу и вывоз военных припасов с территории Великобритании нет, то мы имеем право заказывать, покупать и вывозить все, что угодно, хотя бы в ущерб интересам Англии. Но если нам официально объявлено о нежелании или невозможности для английского правительства удовлетворить наши потребности из средств Великобритании, то мы должны прекратить все наши попытки покупать что-либо и при конечной расплате после войны предъявить этот отказ в числе расписок».

Лично я думаю, что о заказе, сделанном Mackie, не подумали сообщить в Лондон, тем более что он должен был исполняться не в Англии, а в Америке и Канаде. Не знаю, с другой стороны, обнимает ли лондонский комитет Канаду.

Во всяком случае, если только окажется, что был действительно какой-нибудь поступок de mauvaise foi [2], то штаб поддержит нашего посла; я в этом не сомневаюсь. Но надо иметь все данные, чтобы судить о недоразумении. В Лондон командируется генерал Тимченко-Рубан для наблюдения за нашими заказами. Бог даст, он наладит дело.

Сегодня я писал Гулькевичу в ответ на запрос Трубецкого [3] о наших военных действиях, поскольку они близко касаются Сербии. Еще до получения этого запроса я академически рассуждал с генералом Даниловым о возможности ведения нашего наступления на Австро-Германию с нашего левого фланга, т. е. через Трансильванию, Венгрию, Австрию на Берлин (т. е. по линии наименьшего сопротивления). Генерал Данилов мне объяснил, что это—худшее из направлений, особенно принимая во внимание значительное превосходство австро-германских путей сообщений. Если бы мы уделили значительные силы (а с малыми не стоит предпринимать большого дела) на наш левый фланг, то ослабили [бы] то место, где главный и самый сильный противник. Последний мог бы это использовать на месте, или же, рассчитывая на невозможность нашего наступления с уменьшенными силами, часть своих сил перебросил бы навстречу нашим наступающим на нашем отдаленном левом фланге войскам. А в деле переброски войск все преимущества на стороне австро-германцев. Вообще Данилов считает, что надо сперва делать главное и трудное, после чего все остальное само сделается. В этом он, конечно, прав. Он прибавил, что о направлениях, по которым можно наступать, можно много спорить.

[1] Ср. т. VI, № 687.

[2] «Недобросовестный».

[3] Имеется в виду тел. Трубецкого от 9 янв. 1915 г. /27 дек. 1914 г. за № 1310.

так как их у нас много; были бы только средства (т. е. военное снаряжение). За этим главным образом дело стало. Вероятно, к марту снаряжения подойдут, но к тому времени пополнятся запасы и у немцев. Во всяком случае Данилов меня вполне убедил в том : 1) что лучше сперва справиться с самой трудной задачей и 2) что нельзя начинать наступление с недостаточными средствами и оказаться принужденным остановиться в наступлении на полпути.

На завислинском фронте у нас теперь «все спокойно». Производится ли у германцев перегруппировка и следует ли ожидать нового сюрприза, вроде Кутнинского [1], или же они просто, как мы, собираются с силами, — никто, конечно, здесь сказать не может. На турецком фронте дела идут хорошо. Если даже подойдут у турок подкрепления, то уже поздно, и наши славные кавказские войска будут по частям разбивать противника.

Решаюсь еще удлинить настоящее слишком длинное письмо еще одним вопросом: об уступке нами Румынии 3 000 лошадей. Вчера вечером великий князь призвал меня и продиктовал мне нижеследующее: «хотя мы имеем достаточно лошадей, разрешать уступку такого количества невозможно. Вопрос меняется, если по военным соображениям будет это признано желательным, а это может случиться, только если Румыния бесповоротно и безусловно решится выступить с союзниками. Но надо будет мне знать, когда она выступит, с какими силами, где именно и какой ее план действий. Когда эти данные будут на лицо, тогда я выскажусь утвердительно о сроке, когда лошади будут уступлены и какие именно».

Великий князь нарочно высказался очень категорично: отчасти он считает, что, как бы мы богаты ни были лошадьми, все же расточать их зря неблагоразумно, отчасти он считает, что этим делом можно было бы воспользоваться, чтобы завязать разговор с румынами о военных их делах и приготовлениях и таким образом повлиять и на ход политических разговоров.

Великий князь очень редко передает мне свои приказания непосредственно, а потому я свой разговор с ним передал вам уже по телеграфу вчера [2], сегодня же только дополняю вчерашнее сообщение.

Примите и пр.

Н. Кудашев.

---

[1] Имеются в виду контратаки, предпринятые немцами в ноябре 1914 г. в районе Кутно, Влоцлавска и Ленчицы с целью остановить продвижение русских войск на левом берегу Вислы.

[2] Тел. от 14/1 янв. за № 2.

№ 17. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

*/.Телеграмма № 43. 16/3 января 1915 г.

Продолжение телеграммы № 22 [1].

№ 2.

В русско-китайских судебных делах во Внешней Монголии соблюдается 7-я статья Тяньцзинского договора [2], т. е. в судебных делах, где истцом или обвинителем является русский подданный, а ответчиком или обвиняемым китайский подданный, российский консул, лично или через уполномоченное им на то лицо, участвует в судебном заседании на равных правах с китайским судьей; он допрашивает в зале заседания истца и русских свидетелей непосредственно, а ответчика и китайских свидетелей через китайского судью, рассматривает представленные доказательства, требует обеспечения исков, заключения экспертов, если считает экспертизу необходимой для выяснения прав сторон и пр.; он участвует в постановлении и выработке решения, которое подписывает совместно с китайским судьей, приведение же решения в исполнение лежит на обязанности китайских властей.

Сазонов.

№ 18. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 46 [3]. 16/3 января 1915 г.

По инициативе английского посольства здесь поднят вопрос о крупном авансе шахскому правительству, примерно по 200 000 фунтов стерлингов от каждой из держав. Министр финансов принципиально

---

[1] См. № 10.

[2] Согласно ст. 7-й русско-кит. договора, заключенного в Тяньцзине 13/1 июня 1858 г., «разбирательство всякого дела между русским и китайским подданными в местах, открытых для торговли, не иначе должно производиться китайским правительством, как сообща с русским консулом, как лицом, представляющим власть российского правительства в том месте. В случае обвинения русских в каком-либо проступке или преступлении, виновные судятся по русским законам. Равно и китайские подданные за всякую вину или покушение на жизнь или собственность русских будут судиться и наказываться по постановлению своего государства. Русские подданные, проникнувшие внутрь Китая и учинившие там какой-либо проступок или преступление, должны быть препровождены для суждения их и наказания по русским законам на границу или в тот из открытых портов, в котором есть русский консул».

[3] Лит. копия.

готов, повидимому, пойти на это. Необходимо однако предварительно выяснить, какие могут быть условия и гарантии этой ссуды, а равно, на что сумма эта будет расходоваться. Бьюкенен сам считает учреждение известного контроля над расходованием ссуды необходимым.

Желательно иметь возможно исчерпывающее заключение ваше по этому поводу.

Нератов.

№ 19. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 57. 16/3 января 1915 г.

Под председательством министра финансов и при участии государственного контролера состоялось секретное междуведомственное совещание для упорядочения вопроса о наших военных заказах в Англии. Совещание не признало возможным направлять все заказы через министерство иностранных дел ввиду того, что это вызвало бы потерю времени, но вместе с тем постановило принять самые решительные меры к направлению всех без исключения заказов через комитет, причем одновременно с направлением заказов в комитет о них будет сообщаться для сведения министерства, которое поступившие к нему данные будет направлять в посольство для сведения и проверки [1].

[1] Недоразумения между англ. и росс. прав-вами по поводу неорганизованного заказа разными ведомствами военного снаряжения в Англии возникли вскоре после объявления войны. Тел. от 1 нояб./19 окт. за № 626 Бенкендорф сообщал: «Никольсон привлек мое серьезное внимание на то обстоятельство, что наше военное ведомство продолжает непосредственно через Виккерса делать здесь весьма крупные заказы на военные припасы, помимо как английского военного ведомства, так и английских членов комиссии. Следствием сего является повышение цен, невыгодное как для нас, так и для других союзников, закупающих припасы на английском рынке, а также многочисленные недоразумения. Английское правительство вследствие сего возобновляет свою самую настойчивую просьбу о предъявлении заказов исключительно через посредство англо-русского комитета». После соответствующей переписки между м-вом ин. дел и воен. м-вом последнее уведомило циркулярным письмом от 4 нояб./22 окт. за № 15217 начальников управлений интендантского, артиллерийского, военно-санитарного и военно-технического, что «военный министр изволил приказать все заказы, кои предположено давать английским фирмам в Великобритании, неуклонно делать через посредство англо-русского комитета» (ВИА, дело № 179/397).

Однако и это предписание не упорядочило дело заказов на англ. рынке. Тел. от 25/12 нояб. за № 700 Бенкендорф опять обратил внимание Сазонова на то, что, вопреки предписанию воен. м-ра не делать никаких заказов помимо англо-русского комитета, заказы всетаки производятся прежним порядком. Этим

Командированный генерал Тимченко для урегулирования заказов военного ведомства о всех своих действиях будет докладывать вам и войдет в состав комитета.

Что касается дела Маккей — Аллисон, то расторжение контракта с Маккей [1] представляется неудобным, но военное ведомство дало формальное обещание, что все предметы по этому контракту будут закуплены в Америке и что все денежные рассчеты будут произведены там же. Ввиду возникших сомнений, не откажите выяснить, надлежит ли применять правило об обязательном прохождении заказа через комитет также и к заказам, делаемым в Канаде и вообще в колониях Великобритании, а не только в самом Соединенном королевстве.

Сазонов.

№ 20. Румынский посланник в Петрограде Диаманди румынскому министру иностранных дел Порумбару.

-/. Телеграмма № 3 [2]. 16/3 января 1915 г.

Secret.

A la réception du corps diplomatique à Zarskoie Selo à l'occasion du Nouvel an sa majesté l'empereur était venu à me parler. Il a exprimé ses sentiments d'amitié pour sa majesté le roi et la Roumanie. Il a dit qu'il est au courant de tout ce qu'on a fait en Roumanie. «J'espère, — a dit sa majesté, — que la Roumanie sera aussi notre alliée comme de nos amis les Serbes». M'ayant demandé ce qui se passe en Roumanie, j'ai répondu que les préparatifs militaires se poursuivaient. Alors sa majesté a dit: «Vous avez raison de vous préparer surtout dans la saison actuelle de l'année. On pourrait arriver à manquer de tout ce qui est nécessaire. Nous manquons aussi de certaines choses». L'empereur s'est en même temps intéressé à son régiment 5-me de Rosiori. En terminant la conversation sa majesté m'a dit qu'il espérait fermement que les choses procéderont très nettement entre nous [3].

по словам Бенкендорфа, англо-русский комитет поставлен в весьма затруднительное положение. Серьезные промышленные круги взволнованы таким положением вещей, о чем сообщил советнику посольства Эттеру совладелец фирмы Вильсон. Правительственные круги, по словам Бенкендорфа, были также недовольны. В заключение Бенкендорф предостерегал Сазонова, что такое положение вещей создаст неизбежные трудности при переговорах о получении новых кредитов у Англии.

[1] О деле Аллисона см. № 16.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[3] Письмом от 21/8 янв. (опубл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 41) Кудашев сообщил Сазонову, между прочим, следующее о своей беседе с ген. Даниловым: «Он меня

Dans la conversation avec les ambassadeurs des pays alliés l'empereur a dit que malgré certains hommes d'Etat qui se sont permis une opinion contraire, sa décision inébranlable est de continuer la guerre jusqu'au bout et que je puis le confirmer.

Перевод.

Секретно.

При приеме дипломатического корпуса в Царском Селе по случаю нового года его величество император заговорил со мной. Он выразил свои дружеские чувства к его величеству королю и к Румынии. Он сказал, что он в курсе всего того, что сделано в Румынии. «Я надеюсь, — сказал его величество, — что Румыния будет тоже нашей союзницей, а также союзницей наших друзей сербов». На вопрос, что происходит в Румынии, я ответил, что военные приготовления продолжаются. Его величество тогда сказал: «Вы правильно поступаете, что готовитесь, в особенности в это время года. Может случиться, что будет нехватать всего необходимого. У нас тоже ощущается недостаток в некоторых предметах». В то же время император интересовался своим 5-м полком рошиоров. Заканчивая разговор, император сказал, что он твердо надеется, что наши отношения будут облечены во вполне ясную форму.

В разговоре с послами союзных стран император сказал, что вопреки некоторым государственным людям, которые позволили себе высказать противоположное мнение, его решение продолжать войну до конца непоколебимо, и что я могу это подтвердить.

№ 21. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 13. 16/3 января 1915 г.

Strictement personnel.

Prie considérer que question contrat Allisson[1] devient, s'il se peut, encore plus épineuse et délicate depuis que avant-hier, pour subvenir

---

спросил, не слыхал ли я о неудовольствии и охлаждении к войне в России. Я мог только передать ему свои петроградские впечатления, которые не оправдывают его опасений. В заключение этого разговора, имевшего место дня 3-4 тому назад, ген. Данилов совершенно конфиденциально и со вздохом сказал мне: «А я серьезно подумываю предпринять что-нибудь с Перемышлем. Для нас это совсем не нужно, но, пожалуй, придется принести в жертву людей, чтобы подбодрить остальных в ожидании той минуты, когда возможно будет движение вперед. Быть может, если состоится выступление Румынии и Италии, то можно будет и не тратить напрасно людей для взятия Перемышля, так как появление нового элемента достаточно оживит и окрылит наш дух. В общем, — заметил он, — все утомлены войной: и мы, и наши союзники, и наши противники. А потому выступление новых сил будет теперь иметь огромное моральное значение, а потому очень желательно».

[1] См. № 16.

à nos besoins pressants, le gouvernement anglais nous a autorisé bona fide à escompter d'avance 20 000 000 de livres sterling [1], c'est à dire la moitié de tout l'emprunt projeté, décision par laquelle Lloyd George a pris responsabilité extrêmement accentuée. Je considère impossible signer à Londres des lettres de change qui sont, pour raisons morales indiquées... compromettant ambassade à tout point de vue et tout autant que pour avenir de nos opérations financières et pour besoins armements où Angleterre continuera forcément à jouer rôle principal.

Benckendorff.

Перевод.

Совершенно лично.

Прошу принять во внимание, что вопрос о контракте с Аллисоном становится, если только это возможно, еще более скользким и щекотливым с тех пор, как позавчера в целях притти на помощь нашим неотложным нуждам английское правительство нам разрешило bona fide досрочно учесть 20 000 000 фунтов стерлингов, иначе говоря, половину всего предполагаемого займа, — решение, в силу которого Ллойд Джордж принял на себя вполне определенную ответственность. Я признаю невозможным подписывать в Лондоне векселя, которые по указанным причинам морального свойства ... компрометируют посольство со всех точек зрения: как для наших финансовых операций в будущем, так и в деле снабжения нас вооружением, в котором Англия будет продолжать неизбежно играть главную роль.

Бенкендорф.

№ 22. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 14. 16/3 января 1915 г.

Personnel.

Routkowsky, après avoir examiné contrat Allisson, télégraphie aujourd'hui objections importantes sur peu de garanties que présente contrat pour fournitures réelles et leur qualité éventuelle. Pour autant que puis être juge m'associe à ces observations d'autant plus sérieuses que contractants n'offrent en eux-mêmes aucune garantie. Je me permets d'insister pour mon compte sur points suivants: 1) Contrat n'indiquant pas de quel pays fournitures doivent provenir, nos déclarations [2] au gouvernement anglais sur activité Comité, Angleterre dans contrat Allisson doit être exclue comme pays de provenance. 2) A cause clause contrat pour 40 000 000 livres [3] dont contrat Allisson serait violation, il devrait

[1] См. № 3.

[2] Так в оригинале. В черновике, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, перед словами: «nos déclarations», имеются слова: «à cause».

[3] См. № 3.

y être stipulé clairement que lettres de change ne peuvent en aucun cas être escomptées ni paraître sur place de Londres. En ces conditions, signature lettres de change à Londres par Routkowsky, Yermoloff et moi ne présente nul avantage et resterait seulement désavantage, comme complication, tout en compromettant ambassadeur que Comité. Lettres de change ne pourraient être signées qu'à Pétrograd ou à Washington [1]. J'attache la plus grande importance à ce dernier point et vous prie de prendre personnellement en plus sérieuse considération. Nous ne pouvons pas signer ici sans compromettre avenir financier et celui des fournitures anglaises même en mettant à part considérations personnelles découlant de bruits répandus par Allisson sur venalité comité et par conséquent ambassadeur. Si modifications que j'indique étaient impossibles ne vois pas, ainsi que Routkowsky, autre moyen que résiliation de tout le contrat.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Рутковский, изучив контракт Аллисона, сообщает по телеграфу серьезные возражения по поводу недостаточности гарантий, которые дает контракт относительно реальности поставок и их возможного качества. Насколько я могу быть судьей в этом деле, я присоединяюсь к этим заключениям, тем более серьезным, что подписывающие контракт не представляют сами по себе никаких гарантий. Я позволяю себе настаивать, со своей стороны, на следующих пунктах: 1) Раз контракт не указывает, из какой страны должны доставляться предметы снаряжения, то, согласно нашим заявлениям на имя английского правительства о деятельности комитета, Англия в контракте Аллисона должна быть исключена как страна происхождения [товара]. 2) Принимая во внимание условие контракта на 40 000 000 фунтов стерлингов, нарушением коего явился бы контракт Аллисона, следовало бы ясно оговорить, что векселя ни в коем случае не могут учитываться или появляться на лондонском рынке. При этих условиях подписание векселей в Лондоне Рутковским, Ермоловым и мною не представляло бы никакого преимущества, как известное осложнение было бы лишь невыгодно и компрометировало бы как посла, так и комитет. Векселя могли бы подписываться только в Петрограде и в Вашингтоне. Я придаю самое большое значение этому последнему пункту и прошу вас лично обратить на него самое серьезное внимание. Мы не можем здесь ставить своих подписей, не компрометируя положение наших финансов и английских поставок в будущем, даже не говоря о личных соображениях, связанных со слухами, распространяемыми Аллисоном

[1] Тел. от 21/8 янв. за № 11 Бахметев, сообщая неблагоприятные сведения о деловой репутации Аллисона, доносил: «Виленкин полагает, что обращение на здешнем рынке векселей, выданных императорским правительством Аллисону, весьма неблагоприятно отразилось бы на нашем кредите».

о подкупности комитета, а следовательно и посла. Если указываемые мною изменения невозможны, не вижу, как и Рутковский, другого выхода, как расторжение всего контракта.

Бенкендорф.

№ 23. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма [№ 3][1]. 16/3 января 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 4953 [2].

По поводу ее содержания Делькассе высказал мне, что при нынешних обстоятельствах он несколько опасался бы сделать сербскому правительству предлагаемое вами заявление. Он думает, что оно могло бы вызвать в Сербии чувство разочарования, ибо, по имеющимся у него сведениям, вожделения сербов распространяются на всю Далмацию, Истрию и Хорватию. С другой стороны, Италия только-что заявила о том, что, желая сохранить все свои силы для обеспечения своих общих интересов [3], она намерена воздержаться от дальнейших действий в Албании и ожидает такого же воздержания от Сербии и Греции. Это как будто указывает, что итальянское правительство решается наконец выступить против Австрии; если в такую минуту в Нише будет сделано заявление об Албании и Далмации, это может произвести в Риме неприятное впечатление и удержать Италию от выступления. Поэтому Делькассе полагал бы, что предлагаемое вами заявление лучше отложить до более удобного времени.

Извольский.

№ 24. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 1. 16/3 января 1915 г.

Лично.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 4 и 5 [4].

Наследный королевич Данило, в начале войны долго не желавший

---

[1] В лит. копии м-ва ин. дел номер отсутствует. Опубл. L. N., III, p. 4,6; в арх. б. росс. пос-ва в Париже черновик тел. имеет № 3 и датирован 15/2 января.

[2] См. т. VI, № 760.

[3] Тел. от 14/1 янв. за № 60, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Делькассе сообщил Палеологу о заявлении итал. посла в Париже Титтони, что Италия «не желает оказаться втянутой в албанские осложнения и стремится сохранить свободу действий, чтобы иметь возможность выступить в другом месте, если этого потребуют итальянские интересы».

[4] Тел. Сазонова за №№ 4 и 5 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены. Вероятно,

внять многократным настояниям короля вернуться на родину и прибывший сюда лишь чрез несколько дней после занятия нами Львова [1], никакой, даже номинальной командной должности в черногорской армии не занимает и никакого отношения к военным операциям не имеет. Главнокомандующим формально является король Николай, уже имеющий Георгия 3-й степени, а фактически военными операциями ведает сербский генерал Янкович при содействии сербских офицеров. Ввиду вышеизложенного награждение королевича Данило Георгием 4-й степени не соответствовало бы местной обстановке и тому неудовольствию, какое открыто выказывается в армии по адресу его королевского высочества, уклоняющегося от всякого общения с войсками. Проверить справедливость взводимого на королевича тяжкого обвинения крайне трудно, как ввиду деликатности самого вопроса, так и вследствие состоявшегося уже отъезда французских артиллеристов. Несомненным однако является факт, подтверждаемый с разных сторон, в том числе и генералом Янковичем, нашему военному агенту, что всякое, даже самое секретное оперативное начинание черногорской верховной команды тотчас становилось известным австрийцам. Следует заметить, что австро-немецкие симпатии королевича Данило определенно здесь известны и что вообще королевский придворный штат состоит почти целиком из австрийских выходцев [2].

Обнорский.

за этими номерами были переданы в Цетинье тел. Трубецкого от 11 янв. 1915 г./29 дек. 1914 г. за № 1314 и от 14/1 янв. за № 1326, на первой из которых имеется помета Николая II: «Нужно проверить через Обнорского». В этих тел. Трубецкой сообщал, что, узнав от ген. Татищева о возложенном на него поручении передать королевичу Данило орден Георгия 4-й степени, он счел нужным довести до сведения Сазонова следующее: «Некоторое время назад в беседе со мной Пашич сказал мне, что французские офицеры, коим поручен обстрел Каттаро с горы Ловчен (см. т. VI, № 331), собирались покинуть Цетинье ввиду того, что все их действия становились известны австрийцам и что они высказывали прямо подозрение против князя Данило».

[1] Львов был взят русскими войсками 3 сент./21 авг. 1914 г.

[2] Позднее тел. от 6 мая/23 апр. за № 58 Обнорский передал ходатайство королевича Данило об ускорении перевода ему субсидии за текущий год в размере 30 000 р. Это ходатайство было передано Сазоновым Николаю II в докл. зап. от 9 мая/26 апр. В той же записке Сазонов указывал, что, основываясь на решении Николая II отменить пожалование королевичу ордена Георгия 4-й степени в связи с полученными о нем сведениями из Сербии и Черногории, он счел нужным задержать высылку субсидии, «каковая является также свидетельством монаршего благоволения». На оригинале этой записки имеется помета Николая II: «Задержать», «[10 мая] 27 апр. 1915 г.».

№ 25. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде—Палеологу и Бьюкенену.

17/4 января 1915 г.

Le ministre de Russie à Nich considère le moment actuel comme inopportun pour une démarche auprès du gouvernement serbe dans le sens de l'aide-mémoire en date du [12 janvier 1915] 30 décembre 1914 [1]. Mr. Sazonow est disposé à laisser aux représentants des Puissances alliées la liberté de choisir le moment qui leur semblera le plus indiqué.

Mr. Sazonow considère les compensations énumerées dans l'aide-mémoire comme un minimum à offrir au gouvernement serbe autorisant les Puissances de lui demander de s'engager à remettre entre leurs mains le sort des territoires macédoniens. Si les conditions dans lesquelles la paix pourra être conclue, permettent aux Puissances d'assurer des avantages plus grands à la Serbie (côte de la Dalmatie plus étendue, rectification stratégique de la frontière près de Belgrade etc.) — aucune nouvelle compensation ne saurait être exigée d'elle en faveur de la Bulgarie [2].

Перевод.

Российский посланник в Нише признает настоящий момент неподходящим для выступления перед сербским правительством в смысле памятной записки от [12 января 1915 г.] 30 декабря 1914 г. Г. Сазонов склонен предоставить представителям союзных держав свободу в выборе момента, который им покажется наиболее подходящим.

Г. Сазонов признает перечисленные в памятной записке компенсации за минимум того, что можно предложить сербскому правительству, раз оно согласится дать обязательство державам передать судьбу македонских территорий в их руки. Если обстоятельства, при которых возможно будет заключение мира, позволят державам предоставить Сербии более значительные преимущества (более обширное побережье Далмации, стратегическое исправление границ у Белграда и т. д.), то никакой новой компенсации в пользу Болгарии от нее потребовано быть не может.

№ 26. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [3].

17/4 января 1915 г.

The Japanese Ambassador in London has informed Sir E. Grey that the Japanese Minister for Foreign Affairs agrees that it is inopportune,

[1] См. т. VI, № 760, а также № 5.

[2] Содержание этой пам. записки было сообщено Трубецкому тел. от 17/4 янв. за № 59.

[3] Лит. копия.

as long as the war is actually in progress, to enter into negotiations as to the terms of a permanent alliance, although he is aware of the importance of preserving the solidarity of the four Allies.

Now that Great Britain was a party to the Alliance of September 5th last [1], Japan was by Article 2 [2] of the Anglo-Japanese Alliance in the same position as England with regard to the conduct of the war and the joint conclusion of peace, as if she (Japan) had adhered to the September Treaty [3].

Перевод.

Японский посол в Лондоне уведомил сэра Э. Грея, что японский министр иностранных дел согласен с тем, что нецелесообразно, пока продолжается война, вступать в переговоры об условиях постоянного союза, хотя он и придает большое значение сохранению солидарности четырех союзников.

Раз Англия в настоящее время является участницей союза, подписанного 5 сентября [23 августа] прошлого года, Япония согласно 2-й статьи англо-японского союза находится в том же положении, что и Англия, в вопросе ведения войны и общего заключения мира, как если бы она (Япония) присоединилась к сентябрьскому договору.

№ 27. Английский посол в Петрограде министру иностранных дел.

Письмо. 17/4 января 1915 г.

Private.

My dear Sazonow,

I telegraphed to Sir E. Grey about our respective Ministers at Teheran and I have now received his reply which is to the following effect [4]:

---

[1] См. т. VI, № 220.

[2] Ст. 2-я второго англо-япон. союзного договора от 12 авг./30 июля 1905 г. читается: «Если вследствие невызванного ничем нападения... со стороны какой-нибудь другой державы или держав, та или другая из договаривающихся сторон будет вовлечена в войну для защиты своих территориальных прав и специальных интересов, ...другая договаривающаяся сторона тотчас же придет на помощь к своей союзнице, будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном согласии с ней».

[3] Тел. от 14/1 февр., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Мотоно передал Като тел. япон. посла в Париже, в которой последний сообщал, что на заданный им франц. м-ру ин. дел вопрос, согласен ли он с точкой зрения Грея, что «позиция, занимаемая Японией на основании англо-японского договора, равна как бы ее присоединению к Лондонской декларации от 5 сентября (23 августа) 1914 г.», — Делькассе ответил утвердительно, разрешив об этом уведомить Като.

[4] В ответ на тел. Сазонова за № 4919 (см. т. VI, № 739) Бенкендорф, со своей стороны, тел. от 14/1 янв. за № 7 сообщил, что, по мнению Грея, вопрос о смене посланников в Персии мог бы быть разрешен предоставлением Тоунлею отпуска

Sir E. Grey is willing to consent to Sir W. Townley's going on leave if Mr. Korostovetz is also withdrawn from Persia. He however consider, that as the Officer who takes charge of His Majesty's Legation would naturally be unacquainted with local conditions, it would not be fair to him to deprive him of the assistance of Mr. Churchill.

Sir E. Grey understands that Mr. Sabline's health will not allow him to go to Teheran, and before being committed by any definite step he would be glad to be informed quite privately who is likely to be Mr. Korostovetz's successor.

Would it be possible for Your Excellency to come and see me at any time to-morrow? I am myself quite «hors de combat» and do not wish to ask O'Beirne to discuss Persian Affairs with you before Mr. Paléologue.

Yours most sincerely George W. Buchanan.

Перевод. Лично.

Дорогой Сазонов,

Я телеграфировал сэру Э. Грею по поводу наших обоих посланников в Тегеране, и я теперь получил от него следующий ответ:

Сэр Э. Грей готов согласиться на то, чтобы сэр В. Тоунлей ушел в отпуск, если г. Коростовец также будет отозван из Персии. Он полагает однако, что так как должностное лицо, которое вступит в управление миссией его величества, будет естественно незнакомо с местными условиями, то было бы неудобно по отношению к нему лишать его помощи г. Черчилля.

Сэр Э. Грей принимает к сведению, что здоровье г. Саблина не позволяет ему отправиться в Тегеран, но прежде чем связать себя окончательно решением, он желал бы быть осведомленным совершенно частным образом, кто сможет быть заместителем г. Коростовца.

Может ли ваше превосходительство зайти ко мне завтра в любое время? Сам я совершенно выбит из строя и не желал бы поручать О'Бейрну вести переговоры с вами о персидских делах в присутствии Палеолога.

Искренно ваш
Джордж В. Бьюкенен.

№ 28. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 85 [1]. 18/5 января 1915 г.

Копии в Тегеран и ставку верховного главнокомандующего.

Шахское правительство прилагает все усилия, чтобы спешно послать

и назначением поверенного в делах со специальной миссией. Ввиду отказа советника росс. пос-ва в Лондоне Саблина по состоянию здоровья от предложенного ему поста в Тегеране, Бенкендорф по просьбе Грея запрашивал Сазонова, кто мог бы быть назначен вместо Коростовца.

[1] Лит. копия.

в Тавриз велиагда с отрядом жандармов, под начальством шведских офицеров, и других войск общей численностью до 3 000 человек. С прибытием туда принца с этим отрядом обратное движение наших войск к Тавризу и восстановление там прежнего нашего положения станет политически весьма затруднительным, в особенности, если турки сдержат свое обещание и уберут свои войска, что, по многим данным, представляется вероятным.

Ввиду сего было бы крайне желательно, если только есть к тому малейшая возможность, двинуть наш азербайджанский отряд к Тавризу раньше прибытия туда велиагда. По всем сведениям, турок там очень небольшое число, и нашему отряду, подкрепленному частями, предназначенными для Казвина, едва ли трудно будет отбросить турок, которые всячески торопят отъезд велиагда, опасаясь нашего наступления.

Сазонов.

№ 29. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

*/. Телеграмма № 86. 18/5 января 1915 г., 8 ч. 30 м. веч.

Ваша телеграмма № 2 [1] получена.

Лично. — Вы указываете в ней на невозможность ожидать успеха представления сербскому правительству в целях достижения соглашения между Сербией и Болгарией, пока Болгария не решится открыто перейти на нашу сторону. Между тем единственным средством побудить Болгарию выйти из нынешнего положения является передача ей Македонии в границах договора 1912 г. — Вести переговоры с Болгариею, не имея на то полномочий сербского правительства, невозможно. Усиление же нашего лагеря Болгариею необходимо по известным вам соображениям. Ввиду этого было бы весьма желательно, чтобы вы могли получить от Пашича хотя бы его принципиальное согласие, которое позволило бы приступить к переговорам с болгарским правительством.

[1] Тел. от 15/2 янв. за № 2 Трубецкой передал содержание интервью Радославова с сотрудником «Pesti Hirlap», в котором Радославов указал на существующие между Болгарией и Венгрией дружественные отношения и на улучшение болгаро-румынских отношений. Этот факт, по мнению Радославова, свидетельствует об успехе Австро-Венгрии и Германии, которые «всегда старались осуществить соглашение между Румынией и Болгарией». В связи с этим интервью Трубецкой высказывал мнение, что «пока Болгария не решится недвусмысленно и бесповоротно отозваться на неоднократные наши обращения, до тех пор едва ли возможно рассчитывать на успех каких-либо представлений наших сербскому правительству в целях соглашения».

Заявлениям, расточаемым Радославовым, вроде указываемого вами интервью, придавать особенного значения не следует, ибо он естественно откажется от них, как только Болгарии будет обеспечено осуществление ее народных вожделений [1].

Сазонов.

№ 30. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

*/. Телеграмма № 87. 18/5 января 1915 г., 8 ч. 30 м. веч.

Ваша телеграмма № 7 [2] получена.

Занятие сербами Эльбасана неминуемо вызовет враждебное отношение Италии к Сербии. Таковое безусловно нежелательно, ибо им могло бы определиться в невыгодную для нас сторону направление политики Италии в ближайшем будущем. Благоволите обратить на это внимание Пашича и телеграфировать, какие именно стратегические пункты заняты сербами, и можно ли рассчитывать, что они воздержатся от дальнейших движений [3].

Сазонов.

№ 31. Министр иностранных дел морскому министру Григоровичу.

Письмо № 5. 18/5 января 1915 г.

Секретно. Срочно.

М. г. Иван Константинович,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [1 января 1915 г.] 19 декабря м. г. за № 10662/1269 [4] я не преминул предуведомить шведское правительство через посланника нашего в Стокгольме о предположенных нами мерах по обороне Аландских островов.

---

[1] На это Трубецкой тел. от 20/7 янв. за № 30 ответил: «Если мы скажем, что нам раньше нужны полномочия сербов на ведение переговоров с болгарами и тогда мы рассчитываем склонить последних, то, как бы категорично ни было наше обращение здесь, я убежден, что мы натолкнемся на отказ в той обходной форме, в коей искусен Пашич. Здесь будет, вероятно, и обращение к чувствам, и негодование на болгар, и глубокое сожаление о невозможности исполнить волю России, и, быть может, указания, что сами сербы вовсе не просят о содействии болгар, — словом, все, кроме удовлетворительного ответа... Считаю долгом добавить, что мои французский и английский коллеги одинаково со мной оценивают здешнюю обстановку».

[2] См. № 15.

[3] Пам. запиской от 19/6 янв. 1915 г. Сазонов просил англ. и франц. прав-ва дать аналогичные инструкции их представителям в Сербии.

[4] См. т. VI, № 720.

Согласно только-что полученной телеграмме д. с. с. Неклюдова [1], шведский министр иностранных дел по докладе королю и кабинету, сообщил посланнику, что Швеция не заявляет никакого протеста против принимаемых нами военных мер на Аландских островах. Он при этом добавил, что шведское правительство рассматривает с удовлетворением все, могущее содействовать обеспечению морских коммерческих сношений с Россией, и что оно будет держать в секрете наше сообщение, а если бы наши меры все же огласились, то постарается успокоить общественное мнение. К сему Валленберг присовокупил, что он лично видит в нашем обращении новое доказательство нашего доверия к шведскому правительству.

Ввиду сего я не усматриваю препятствий к осуществлению намеченных мер по обороне Аландских островов.

О вышеизложенном мною поставлен в известность г. начальник штаба верховного главнокомандующего [2].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 32. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 18. 18/5 января 1915 г.

Personnel.

Reçu votre télégramme No 63 [3].

Me réfère à tous mes télégrammes précédents sur cette affaire et votre télégramme No 28 [4]. A moins que termes contrat ne soient substantiellement modifiés et à moins que garantie soit assurée contre acquisitions en Angleterre et surtout escompte à Londres, instructions que je reçois aujourd'hui de signer moi-même lettres de change compromettent ambassadeur impérial et par conséquent le gouvernement impérial encore plus directement dans un sens dérogatoire que je me suis efforcé d'établir d'autant plus clairement, que je comprends très bien que situation

[1] Тел. от 14/1 янв. за № 1.

[2] Тел. от 16/3 янв. за № 56.

[3] Тел. от 17/4 янв. за № 63 Сазонов известил Бенкендорфа о том, что вместо предполагавшегося раньше порядка подписания векселей агентом м-ва финансов в настоящее время установлен порядок подписания послом или уполномоченным им чином пос-ва.

[4] Тел. за № 28 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Однако по тел. Бенкендорфа от 18/5 янв. за № 17 можно установить, что часть тел. Сазонова за № 28 касалась двух вопросов: 1) приезда в Лондон Барка, который займется делом Аллисона, и 2) предложения Сазонова ограничить действия контракта Аллисона одной Канадой.

à tous ces points de vue et les conséquences sont plus difficiles à saisir par différents intérêts à Pétrograd que pour moi sur place. Je n'ai pas besoin de dépeindre l'impression que produirait l'apparition aujourd'hui sur place de Londres de lettres de change signées par moi pour une somme extrêmement importante au moment même négociations financières qui s'y sont formées, tout comme exercice de droits par agent douteux pour acquisitions importantes qui lui sont confiées après déclaration formelle donnée au gouvernement anglais que cela n'aurait plus lieu [1]. Je vous conjure de prendre mes observations dans leur ensemble en très sérieuse considération et provoquer écartement entier ambassade à Londres de cette affaire, qui transportée en Amérique change de caractère, élimine les inconvénients et conserve tous les avantages éventuels prévus par le gouvernement impérial. Sollicite réponse urgente. Croyez bien que si j'ai insisté si fortement sur cette affaire, c'est que je lui attribue une importance très sérieuse même politique [2]. C'est à ce point de vue que je me suis placé dès le début, comme à celui qui... valeur des engagements, pris pour nous par moi entremise même.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Получил вашу телеграмму № 63.

Ссылаюсь на все мои предшествующие телеграммы по этому делу и вашу телеграмму № 28. Если только условия контракта не будут существенно изменены и если не будет обеспечена гарантия против закупок в Англии и главным образом учета в Лондоне, то полученная мною сегодня инструкция самому подписывать векселя самым предосудительным образом компрометирует императорского посла, а вследствие этого еще более непосредственно императорское правительство; а потому я приложил все старания внести ясность, тем более, что я прекрасно понимаю, что различным заинтересованным сторонам в Петрограде гораздо труднее, чем мне на месте, уяснить себе как общее положение со всех этих точек зрения, так и вытекающие из него последствия. Мне не надо описывать впечатление, которое произвело бы появление сегодня на лондонском рынке

[1] Ср. № 19.

[2] Тел. от того же числа за № 17 Бенкендорф писал Сазонову по поводу дела Аллисона: «Этот контракт не согласуется с позицией союзника императорского правительства, и, по моему мнению, он, следовательно, находится в противоречии с нашими интересами. Я ходатайствую о разрешении приостановить дело до приезда министра финансов, о котором ваша телеграмма меня извещает, и позволяю себе настаивать на необходимости отстранить совершенно посольство в Лондоне от этого дела». Он далее повторял просьбу подписывать векселя, если иначе нельзя, в Петрограде или Вашингтоне, что ограничило бы действие договора. По словам Бенкендорфа, таково было его мнение с самого начала, но его об этом не спросили.

подписанных мною векселей на чрезвычайно крупную сумму именно в тот момент, когда здесь ведутся финансовые переговоры, равно как и осуществление сомнительным агентом полномочий на значительные закупки, порученные ему после формального заверения, данного английскому правительству, что этого больше не будет. Я заклинаю вас обратить самое серьезное внимание на мои соображения в их совокупности и добиться полного устранения лондонского посольства от этого дела; если оно будет перенесено в Америку, то оно изменит свой характер, избегнет ряда затруднений и сохранит все возможные преимущества, предусмотренные императорским правительством. Ходатайствую о срочном ответе. Поверьте, что если я так сильно настаивал на этом деле, то это потому, что придаю ему очень серьезное значение, даже политическое. Я стал с самого начала на эту точку зрения, равно как и в вопросе ... ценности обязательств, принятых нами при моем посредстве.

Бенкендорф.

№ 33. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 1. 18/5 января 1915 г.

Осложнения в японо-китайских отношениях в связи с положением вещей в Шаньдуне, о коих я имел честь доносить вашему высокопревосходительству [1], за последнее время нисколько не уменьшились.

Вопрос о таможне в Циндао продолжает находиться на мертвой точке. Хотя японское правительство и выражает теперь согласие признать в качестве таможенного комиссара назначенного китайцами на эту должность японца Тачибана, взамен этой уступки оно требует принятия на службу китайских морских таможен в означенном порте 35-ти японцев по его указанию, на что китайцы отвечают решительным отказом, не без основания указывая, что это внесло бы полное расстройство в столь образцово поставленную в Китае организацию морских таможен.

Независимо от этого, китайцы снова подняли вопрос об упразднении созданной на время военных действий в Шаньдуне военной зоны и

[1] В письме от 18/5 нояб. 1914 г. Крупенский сообщал следующее: «Тотчас по падении Циндао китайское правительство обратилось к японцам с просьбой об очищении японскими войсками отведенной Китаем для военных действий зоны на Шаньдунском полуострове вне арендованной Германией территории, а также о возобновлении в Циндао деятельности китайской морской таможни.

На первое из этих требований здешняя японская миссия ответила, что военные действия только-что закончились и что еще слишком рано поднимать вопрос об отозвании японских войск из военной зоны. Что же касается второй просьбы китайцев, то, повидимому, японцы готовы допустить восстановление в Циндао китайской таможни с начала будущего года, но поставят при этом условием, чтобы таможенным комиссаром был непременно назначен японец».

официальной нотой, сообщенной ими также и здешней великобританской миссии, обратились к японскому посланнику с требованием об удалении из помянутой зоны японских войск [1]. Требование это вызвало крайнее неудовольствие японцев, и японская миссия ответила на него сухим отказом, сославшись на то, что военные действия против Германии еще не окончены.

Нельзя не заметить, что в отношении шаньдунского вопроса в самих японских правительственных сферах явно существуют разногласия и, между тем как гражданские власти выказывают довольно примирительное отношение к китайцам, военные стоят за более решительный образ действий. Весьма вероятно, что недавний приезд сюда на несколько дней из Циндао перед возвращением в Токио японского товарища военного министра генерала Ошима в сопровождении нескольких других офицеров стоит в связи именно с этим положением вещей и был вызван желанием установить общность взглядов с здешней японской миссией. С китайцами, по крайней мере, генерал Ошима ни в какие переговоры, повидимому, не вступал, и это было подтверждено мне как японским посланником, так и китайским министром иностранных дел.

К вышеуказанным затруднениям присоединяется еще теперь и то обстоятельство, что, пользуясь нахождением военной зоны в руках японских войск, Шаньдун начинают наводнять японские мелкие торговцы, что грозит создать новые осложнения на экономической почве.

С другой стороны, германский поверенный в делах заявил недавно китайскому министру иностранных дел, что германское правительство через американского посла в Токио предъявило Японии требование убытков [2], понесенных на Шаньдуне вне арендованной Германией территории, частными лицами германскими подданными, в том числе и обществом Циндао-Цзинчжоуфуской железной дороги, вследствие захвата японцами как самой линии, так и принадлежащих обществу угольных копей. К этому удивительному заявлению барон Мальтцан

[1] Деп. от того же числа за № 1 Малевский сообщил, что под влиянием газетной кампании в Токио, поднятой в связи с кит. нотой о выводе япон. войск из военной зоны в Шаньдуне, кит. прав-во заявило япон. посланнику в Пекине, что «нота отнюдь не носила характера требования, а имела лишь в виду обсуждение вопроса и что китайское правительство не намерено настаивать на этом предмете». Получив одновременно с этим заверение от кит. посланника, что «пекинская нота имела не более чем академическое значение», Като заявил Малевскому, что «ввиду такого оборота дела японское правительство намерено совершенно игнорировать неуместное выступление китайцев».

[2] Так в оригинале.

присовокупил, что в случае отказа Японии от возмещения убытков ответственность за последние падает на Китай.

Ввиду всего вышеизложенного, окончательное решение циндаоского и связанных с ним вопросов весьма озабочивает китайское правительство. Оно прекрасно понимает однако, что это может произойти лишь вместе с окончанием войны в Европе, и этим объясняется его горячее желание принять участие в будущей мирной конференции, о чем мне доверительно частным образом говорил на-днях министр иностранных дел. Я ответил г. Сун Бао-ци, что, по моему мнению, участвовать в мирной конференции могут лишь те государства, которые принимали участие в самой войне. Соглашаясь с этим, министр однако заметил, что Китай все же мог бы быть допущен хотя бы к обсуждению столь затрагивающего его интересы вопроса о Циндао, и просил меня передать вашему высокопревосходительству его надежду на то, что императорское правительство в свое время не откажется поддержать домогательство в этом смысле Китая. Насколько я мог заключить из разговоров с моими французским и великобританским сотоварищами, оба они расположены сочувственно отнестись к желанию китайцев. Зато упорного противодействия последнему следует ожидать со стороны Японии, и китайское правительство отдает себе в этом вполне отчет. Что касается Германии, то любопытно отметить, что на запрос, сделанный ему в вышеизложенном смысле через китайского посланника в Берлине, германское правительство ответило, что общей мирной конференции совсем не будет, а мирные переговоры будут вестись Германией отдельно с каждой из воюющих с нею держав.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 34. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

/. . . . . 19/6 января 1915 г.

It appears to His Majesty's Government most desirable, in view of the opinion expressed by Mr. Sazonow in conversation with Sir G. Buchanan on January 13th/ December 31 on the subject of Greek cooperation with the Allies, that a proposal should at once be made to the Greek Government by the three Ministers to the following effect:

Realizing the strained relations which at present exist between Greece and Turkey the three Allied Powers have instructed their Ministers at

[1] Опубл. Р. Ав. Т., стр. 107.

Athens to inform Mr. Venizelos that the cooperation of Greece in the common cause would be cordially welcomed by them, and to assure him that such cooperation would in present circumstances be most opportune, and that the three Powers would undertake to see that at the end of the war Greece shall receive adequate territorial compensation in Asia Minor corresponding to the valuable assistance rendered during the war.

The Representatives of the three Powers are instructed at the same time to point out to Mr. Venizelos that any occupation of territory by Greek forces during the war will be regarded as provisional and on the conclusion of peace will be subject to general discussion and agreement. The Allies will inform the Greek Government, when the opportune time arrives for their intervention, if the Hellenic Government are disposed to be ready to lend the Allies their cooperation, and will define the scope and nature of the military and naval cooperation which appears to them most suitable and desirable.

His Majesty's Ambassador is instructed to make the above communication to His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs and to enquire if His Excellency is willing to send the necessary instructions to the Imperial Russian Minister at Athens. Sir G. Buchanan is directed to add that, if a favourable reply is received from the Greek Government, His Majesty's Government will submit for the consideration of the Imperial Government a scheme for the naval and military cooperation of Greece after consulting the British Naval and Military Authorities [1].

Перевод.

Правительству его величества представляется в высшей степени желательным, ввиду мнения, выраженного г. Сазоновым в разговоре с сэром Дж. Бьюкененом 13 января/31 декабря по поводу греческого сотрудничества с союзниками, чтобы греческому правительству немедленно было сделано тремя посланниками предложение в следующем смысле:

Принимая во внимание натянутые отношения, которые в настоящее время существуют между Грецией и Турцией, три союзные державы предписали своим посланникам в Афинах сообщить г. Венизелосу, что сотрудничество Греции в общем деле было бы принято ими с искренней благожелательностью, и заверить его, что подобное сотрудничество было бы при нынешних условиях очень свое-

[1] В ответ на эту пам. записку Сазонов пам. запиской Бьюкенену и ПалеологУ от 20/7 янв. сообщил, что он «охотно принимает предложение правительства его британского величества по поводу совместных военных действий Греции с союзниками» и соглашается на условия этого сотрудничества, изложенные в настоящей пам. записке. Соответствующая инструкция Демидову была послана в тот же день (см. стр. 75, прим. 2).

временным и что три державы берут на себя озаботиться, чтобы по окончании войны Греция получила надлежащие территориальные компенсации в Малой Азии, соответствующие ценной поддержке, оказанной во время войны.

Одновременно представители трех держав получили инструкцию указать г. Венизелосу, что всякая оккупация во время войны территории греческими военными силами будет рассматриваться как временная и подлежит при заключении мира общему обсуждению и соглашению.

Если эллинское правительство расположено и готово предоставить союзникам свое сотрудничество и определить характер и природу сухопутного и морского содействия, представляющегося ему наиболее подходящим и желательным, то союзники предупредят греческое правительство, когда наступит подходящий момент для его выступления.

Посол его величества получил указание сделать настоящее сообщение его превосходительству императорскому министру иностранных дел и спросить, намерен ли его превосходительство послать необходимые инструкции императорскому посланнику в Афинах. Сэр Дж. Бьюкенен уполномочен добавить, что если благоприятный ответ будет получен от греческого правительства, то правительство его величества представит на рассмотрение императорского правительства проект морского и сухопутного содействия Греции по согласовании его с британскими морскими и военными властями.

№ 35. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

*/. Телеграмма № 94. 19/6 января 1915 г., 5 ч. веч.

Сообщается в Рим.

Мне сообщают, что эллинское правительство, будто бы, обратилось к воюющим державам обоих лагерей с просьбою о разрешении занять Албанию вплоть до севера от Берата и таковое получило. В отношении императорского правительства сведение это лишено всякого основания, ибо мы не намерены до окончания войны заниматься разрешением албанского вопроса.

Сазонов.

№ 36. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 99 [1]. 19/6 января 1915 г.

Личная.

Получил вашу телеграмму № 7 [2].

Я передал Бьюкенену дошедшие до меня из вполне достоверных источников сведения о недопустимом отношении к нам Тоунлея и его жены. Ярким примером их образа мыслей являются слова, сказанные

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 35, прим. 4.

Тоунлеем Леконту: пора нам покончить разногласия с Германией, дабы вместе с ней бороться с нашей союзницей, — с другой стороны, лэди Сюзан в разговоре с секретарем нашей миссии Грюнманом поручила ему передать Коростовцу, чтобы он лучше приноравливал свою политику к желаниям Англии, так как иначе он сломает себе шею. Я добавил Бьюкенену, что тем не менее готов отозвать Коростовца из Персии, хотя и не вижу за ним какой-либо вины и командировать туда Эттера. Но я рассчитываю, что Грей, в свою очередь, отзовет Тоунлея и Черчилля, из коих последний несомненно является вдохновителем антирусской политики английской миссии.

Благоволите в этом смысле объясниться с Греем и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 37. Итальянский посол в Петрограде Карлотти итальянскому министру иностранных дел Соннино.

Телеграмма [1]. 19/6 января 1915 г.

Télégramme Cabinet du Ministre No 10.

Une personne appartenant au cercle intime des amis du comte Witte m'a raconté, sous la promesse d'en garder le secret, que le comte d'accord avec ses amis politiques avait élaboré un mémoire sur les exigences territoriales de la Russie en Turquie. Dans ce projet le comte se serait déclaré contre l'idée d'une annexion des deux Arménies et du port dans le golf de ..... et aurait avancé le projet d'une ligne qui partant de la frontière du Caucase et passant au sud d'Erzéroum en..... forme une ligne touchant le golf de ..... et prend fin à ..... En Thrace la Russie devrait acquérir la côte jusqu'à la ligne cédée à la Bulgarie, c'est à dire, de la ligne Enos — Midia jusqu'à l'Egée et le détroit des Dardanelles. Aucune île dans la mer de Marmara ne serait donnée à la Russie. Selon la conviction du comte Witte la Russie après avoir obtenu ces acquisitions territoriales pourrait renoncer après la sortie des Allemands de la Pologne à toute réclamation vis-à-vis de l'Allemagne et même favoriser l'annexion à cette dernière de quelques unes des provinces autrichiennes ayant une population quasi exclusivement allemande. Sur cette base la paix russo-allemande pourrait être conclue.

Voici le sort futur que le comte Witte et ses amis réservent à l'Autriche-Hongrie qui à leur point de vue doit être divisée en différents Etats, parmi eux en premier lieu une Hongrie indépendante avec ....

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с итальянского.

millions d'habitants. La Galicie et une partie de la Bukovine passeraient à la Russie. La Transylvanie et l'autre partie de la Bukovine à la Roumanie. Le Trentin et la moitié occidentale de l'Istrie à l'Italie. Dans le nord serait formé un Etat de Bohème et dans le sud un Etat Jugo-Slave comprenant les Slovènes, la moitié orientale de l'Istrie, la Croatie, la Dalmatie et une partie de la Bosnie. La Serbie acquérerait l'autre partie de la Bosnie et l'Herzégovine. L'Autriche avec Vienne serait réduite à six millions d'habitants. Quant aux moyens de créer et de maintenir un tel état de choses les destructeurs de l'Autriche-Hongrie ne se sont point prononcés.

Il serait aussi la conviction du comte Witte que la paix entre l'Allemagne et la France serait encore plus facilement à obtenir que tout ce qui précède, l'Allemagne étant disposée à quelques sacrifices en Alsace contre le retour de ses colonies.

Le comte Witte croit que ces négociations pourraient avoir un résultat favorable même en tenant compte des visées et des prétentions de la Grande Bretagne laquelle n'accepterait pas la paix avant que la force navale de l'Allemagne ne fût anéantie et son commerce international détruit. L'Allemagne, la France et la Russie commenceraient peu à peu à comprendre que le duel de leurs forces ne peut donner qu'un épuisement complet de leurs armées sans un résultat final définitif, mais les deux premières [1] Puissances et principalement la Russie se laisseraient influencer par Londres qui fait briller devant elles le mirage d'une complète victoire et d'une longue paix après la ruine du militarisme allemand.

Dans les différents colloques avec ses amis le comte Witte a toujours soutenu qu'il ne fallait pas faire des calculs sur l'entrée en action de l'Italie qui sera bien contente de pouvoir arriver à ses buts sans faire la guerre uniquement avec la présence d'une armée et d'une flotte en certaine position et préparation et avec l'aide de la diplomatie.

A ce qui précède, en priant votre excellence d'en vouloir garder le secret, je m'empresse d'ajouter que les idées du comte Witte sur la paix ne trouvent actuellement point d'écho en Russie et qu'elles ne sont approuvées que par le petit nombre des personnes qui fréquentent son excellence et qui croient, comme il me semble, au retour de son astre.

Перевод.

Телеграмма кабинета министра № 10.

Лицо, принадлежащее к тесному кругу друзей графа Витте, рассказало мне

[1] Так в оригинале. Следует читать: «dernières».

под условием сохранения тайны, что граф в согласии со своими политическими друзьями составил памятную записку касательно территориальных притязаний России в Турции. В этом проекте граф высказался против мысли о присоединении обеих Армений и порта в заливе ... и выдвинул проект пограничной линии, идущей от границы Кавказа и проходящей к югу от Эрзерума в ... достигающей залива... и заканчивающейся в ... Во Фракии Россия должна была бы приобрести побережье до линии, уступленной Болгарии, т. е. от линии Энос—Мидия до Эгейского моря и Дарданелльский пролив. Никакого острова в Мраморном море не было бы уступлено России. Россия после получения этих территориальных приращений могла бы, по убеждению графа Витте, отказаться, по очищении немцами Польши, от всякого рода притязаний к Германии и даже содействовать присоединению к последней нескольких австрийских провинций, имеющих почти исключительно немецкое население. На этих основаниях мог бы быть заключен мир между Россией и Германией.

Судьба, которую граф Витте и его друзья готовят Австро-Венгрии, такова: она должна быть, по их мнению, разделена на различные государства; между ними на первом месте стоит независимая Венгрия с ... миллионами жителей. Галиция и часть Буковины отошли бы к России; Трансильвания и другая часть Буковины — к Румынии; Трентино и западная половина Истрии — Италии. На севере было бы образовано государство Богемия, а на юге — государство Юго-славское, включающее словинцев, восточную половину Истрии, Хорватию, Далмацию и часть Боснии. Сербия приобрела бы другую часть Боснии и Герцеговину. Австрия вместе с Веной сохранила бы лишь 6 миллионов жителей. Что касается способов создания и поддержания подобного порядка вещей, то разрушители Австро-Венгрии по этому поводу не высказывались.

Равным образом граф Витте убежден, что достигнуть мира между Германией и Францией было бы еще легче, чем того, что изложено выше, так как Германия готова к некоторым жертвам в Эльзасе в обмен на возвращение ее колоний.

Граф Витте полагает, что эти переговоры могли бы иметь благоприятный результат, даже учитывая стремления и притязания Великобритании, которая согласилась бы на мир лишь после того, как морская мощь Германии была бы уничтожена и ее международная торговля окончательно разрушена. Германия, Франция и Россия начинают понемногу понимать, что борьба между их военными силами может лишь привести к полному истощению их армий без окончательного решительного результата, но две последние державы и, главным образом, Россия поддаются влиянию Лондона, который вызывает перед их глазами мираж полной победы и длительного мира после разгрома германского милитаризма.

В различных разговорах со своими друзьями граф Витте всегда утверждал, что не следует рассчитывать на выступление Италии, которая будет очень довольна иметь возможность достигнуть своих целей без войны, исключительно благодаря наличию приведенных в определенную готовность армии и флота и при помощи дипломатии.

К изложенному выше с просьбой сохранить это в тайне спешу добавить, что идея графа Витте о мире не находит сочувствия в России и одобряется лишь небольшим числом лиц, посещающих его превосходительство и, повидимому, надеющихся на новое восхождение его звезды.

№ 38. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 56 [1]. 19/6 января 1915 г.

Der bulgarische Militär-Agent in Petrograd ist zur mündlichen Berichterstattung in Sofia eingetroffen.

Seinen Bericht hat der Kriegsminister, wie er es mir versprochen hatte, Oberst Laxa mitgeteilt, der bereits dem Generalstabe Meldung erstattet hat.

Der Minister-Präsident sagte mir heute, der bulgarische Militär-Agent halte die russische Armee speciell wegen ungenügender militärischer Ausrüstung einer grösseren Offensive für nicht mehr fähig und soll eine solche nicht mehr beschlossen werden, bloss eine Defensive in Polen. Die russischen Truppen sollen sehr stark gelitten haben; Mangel an Offizieren, Munition und Artillerie machen sich geltend an der ganzen Front. Soldaten nicht mehr als drei bis dreieinhalb Millionen. Der Kaiser von Russland soll den Frieden, der Grossfürst dagegen Fortsetzung des Krieges wünschen. Unerwünschte Bewegung keine, jedoch allgemeine Unzufriedenheit.

Der Minister-Präsident, über dies ungünstige Bild erfreut, legt grosse politische Bedeutung dem Umstand bei, dass eine russische Offensive nicht mehr zu besorgen ist.

Aus Hofkreisen erfahre ich, der König hätte sich vor übergrosser Freude über diesen Bericht nicht fassen können [2].

Перевод.

Болгарский военный агент в Петрограде прибыл для устного доклада в София.

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] В донесении от 10 февр./28 янв. за № 101 болг. посланник в Петрограде Маджаров писал Радославову:

«Донесение, представленное нашим военным агентом майором Преславским военному министру генералу Фичеву, когда первый был в отпуску в Софии на рождественских каникулах, известно здешнему министерству иностранных дел в одной немецкой редакции и было мне прочтено самим министром Сазоновым».

Маджаров далее установил, что сведения, сообщенные ему Сазоновым, в точности совпадают с письменным докладом Преславского.

Далее Маджаров писал: «Когда я все это узнал, то счел нужным телеграфировать вам и предупредить майора Преславского, что его пребывание здесь не только бесполезно, но может вызвать весьма неприятные столкновения с роковыми последствиями, за которые брать на себя ответственность не хочу. Он со мной согласился и телеграфировал его величеству царю, прося отозвать его в Софию».

Военный министр, согласно данному мне обещанию, сообщил его доклад полковнику Лакса, который уже донес по этому поводу генеральному штабу.

Министр-президент сказал мне сегодня, что болгарский военный агент признает русскую армию неспособной более к крупному наступлению, главным образом в силу недостатка военного снаряжения, и что решено таковое наступление больше не предпринимать, а ограничиться оборонительными операциями в Польше. Русские войска, якобы, понесли большие потери; недостаток в офицерах, снарядах и артиллерии сказывается по всему фронту. Солдат не больше, чем от трех до трех с половиной миллионов. Русский император желает мира, великий князь, наоборот, — продления войны. Нежелательного движения не наблюдается, но все же царит общее недовольство.

Обрадованный этой неблагоприятной картиной, министр-президент придает большое политическое значение тому обстоятельству, что можно больше не опасаться русского наступления.

Из придворных кругов я узнаю, что король не может притти в себя от чрезмерной радости по поводу этого известия.

№ 39. Посол в Мадриде министру иностранных дел.

*/. Письмо. 19/6 января 1915 г.

Mr. le ministre,

Pas moins qu'ailleurs la dépression générale, conséquence de la guerre, se fait sentir à Madrid.

La cour, suivant la disposition ambiante, a suspendu toutes les cérémonies officielles habituelles, — telles que défilés les jours de naissance de leurs majestés, félicitations de Nouvel an, dîners des chefs de mission etc.

Désirant pourtant s'entretenir avec les ambassadeurs, sans mettre en présence les uns avec les autres ceux des Puissances belligérantes, sa majesté le roi crée des occasions de se voir dans des conditions compatibles avec le deuil de sa majesté la reine Eugénie Victoria pour son frère.

Ainsi je fus invité avec le nonce apostolique à déjeuner avec leurs majestés.

De suite après, le roi me prit de côté et débuta par me parler longuement de nos succès militaires, disant que le courage, la vaillance de nos armées ne l'avaient pas plus surpris que les mérites du Haut Commandement, du ministère de la guerre, de l'Etat-major, mais que de donner des ordres et de les exécuter était deux. «La Russie, me dit-il, dispose d'un personnel d'officiers d'Etat-Major, dont les mérites dépassent de beaucoup ceux des autres pays, qui avaient pourtant la prétention de monopoliser cette branche».

Le roi me dit ensuite: «Vous devez me rendre la justice que j'ai toujours été pour les Puissances de l'Entente et vous connaissez trop le terrain de Madrid pour ne pas savoir aussi que j'ai eu plus d'une lutte à soutenir pour faire prévaloir ma volonté».

Voyant la tournure que prenait l'entretien je répondis: «Tout le monde et le gouvernement impérial pas moins que les autres Cabinets rendent pleine justice à la persévérance avec laquelle votre majesté restez fidèle aux assurances données à Paris il y a deux ans et renouvelées lors de la visite du président Poincaré à Madrid» [1].

Cette remarque ne fut pas tout-à-fait du goût de sa majesté, — il me répondit: «ça c'est de l'histoire, mais je vous parle du présent».

Sa majesté me fit alors un tableau de l'état des esprits en Espagne, insistant sur les sympathies allemandes du clergé si influent, sur combien il était difficile pour lui de tenir tête à une propagande, peu scrupuleuse dans le choix des moyens de captation.

De tous côtés les promesses viennent chatouiller l'amour-propre national, évoquer des chimères, insinuer que Gibraltar, le Portugal, Tanger etc. pourraient être le prix de la coopération de l'Espagne au triomphe final de l'Allemagne.

Sa majesté sait parfaitement ce que vaut l'aune de pareilles ouvertures et sa confiance dans la victoire des Puissances de l'Entente est inébranlable. Mais de l'autre côté en Espagne on commence à critiquer sa politique, l'accusant de ne pas savoir profiter d'une occasion unique de réaliser des rêves, qui sont au fond du coeur de tout bon Espagnol.

Le roi continua: «Je me crois en droit d'être traité pas moins bien que les neutres, dont on cherche à réchauffer la tiédeur par des appas de tout genre.

---

[1] Письмом от 22/9 мая 1913 г. Извольский, со слов франц. м-ра ин. дел Пишона и директора деп-та политических и торговых дел Палеолога, сообщил Сазонову, что во время визита Альфонса XIII в Париже велись переговоры о заключении франко-исп. союза, причем король исп. предлагал обеспечить в военное время сообщение Франции с Алжиром и Тунисом и перевозку войск из Африки в Европу, рассчитывая взамен этого «получить уверенность», что его вмешательство в португ. дела «не встретит противодействия со стороны Франции». Письмом от 23/10 окт. 1913 г. Извольский, извещая Сазонова о поездке Пуанкаре в Мадрид, передавал, что Пишон самым положительным образом заверил его, что «между Францией и Испанией не подписано никакого соглашения, политического и военного», но что «в случае войны на своем восточном фронте Франция имеет основание вполне рассчитывать на самый благожелательный нейтралитет Испании».

Serait-ce juste que moi, qui n'ai jamais bronché, on me refuse un appui dans un moment difficile?

Ce qu'il me faudrait pour la consolidation de ma position c'est quelque chose de palpable qui frappe les imaginations de mes sujets, par exemple une promesse par rapport à Tanger.

L'internationalisation de cette ville ne m'inspire qu'une confiance relative, — le régime nouveau ne sera pas viable. La Grande Bretagne finira par mettre la main sur ce point stratégique, qui avec Gibraltar lui assurera la domination de la Méditerranée... Pour nous ce serait-là un nouveau coup qui pourrait nous être épargné, si une Puissance consentait ne pas ratifier le statut qu'on élabore.

Tanger ajouté à notre zône serait un atout inappréciable dans ma main. Il y a encore d'autres avantages qu'on pourrait concéder à l'Espagne, par exemple un arrondissement au sud de sa zône au Maroc...»

Je répondis au roi que je ne pouvais exprimer sur les questions qu'il touchait que mon opinion personnelle. Qu'avant tout je tenais à attirer son attention sur ce que. contrairement à ce que d'autres pays pratiquaient, nous ne prenions d'engagements que quand nous étions sûrs de pouvoir les tenir. En somme ce qu'il désirait était notre concours diplomatique. Je croyais assez connaître les dispositions bienveillantes de l'empereur, mon auguste souverain, à son égard pour être persuadé que ses voeux seraient pris en sérieuse considération et soumis à un examen approfondi.

Quant à Tanger, je ne dissimulai pas à sa majesté que cette question me paraissait bien délicate, le roi ne pouvant s'attendre de notre part en ce moment à une action, ou démarche qui battrait en brèche les intérêts de la France et de la Grande Bretagne.

En prenant congé le roi me pria avec insistance de rendre compte à votre excellence de notre conversation et de lui faire connaître ensuite l'accueil que ses idées auraient rencontré à Pétrograd.

Il faut avouer que la position du roi Alphonse XIII n'est pas facile en ce moment:

D'un côté l'aide, assez problématique jusqu'ici, donné par le Portugal à l'Angleterre, n'en assure pas moins à ce petit pays à tout jamais la protection de son territoire et de ses colonies; de l'autre, les difficultés économiques intérieures refoulent à l'arrière-plan des utopies de tout genre; on fait un crime au roi d'une attitude qui ne flatte pas la vanité nationale, mais c'est la seule attitude possible pour lui, étant donné l'état économique du pays et l'insuffisance de l'armée.

Deux jours après moi le roi recevait l'ambassadeur de France.

D'après ce que Mr. Geoffray me dit de son audience, sa majesté, après une introduction modifiée à son intention, lui tint absolument le même langage qu'à moi.

Comme moi, l'ambassadeur de France emporta l'impression que ce que le roi désirait avant tout était des arguments à opposer à ceux qui critiquaient ses sympathies.

Je profitai de l'occasion pour me renseigner auprès de mon collègue de France sur l'état actuel de la question de Tanger.

Mr. Geoffray me dit que deux questions de détail avaient retardé la rédaction définitive de l'acte: 1) la situation de la population indigène de la zône vis-à-vis de l'administration de la ville; 2) des questions techniques des relations du port internationalisé avec les autres places de la côte.

Le premier point fut réglé sans difficulté aucune à Madrid. Quant au second Mr. Geoffray ne se trouvant pas compétent, dans une question aussi technique, proposa d'en référer à Paris, où siège en ce moment la commission du chemin de fer Tanger—Fez et parmi eux des spécialistes de tout repos tels que Mr. White et autres.

Cette proposition réunit tous les souffrages.

Mais alors surgit une nouvelle difficulté: personne n'avait d'exemplaire de l'acte modifié; on avait bien le projet primitif et les protocoles des séances, mais pas de rédaction définitive.

En toute hâte Mr. Geoffray fit préparer deux exemplaires de l'acte, avec toutes les modifications introduites au cours des pourparlers.

L'un fut envoyé à Paris; mais quand il voulut remettre l'autre à l'ambassade d'Angleterre, Sir Arthur Hardinge lui dit textuellement: «Ne pourriez-vous cet exemplaire-là aussi le faire envoyer de Paris à Londres? J'ai peur que chez moi il s'égare ou se perde!!»

Il se trouve que cette pièce revenue de Londres a été remise par l'ambassade d'Angleterre au marquis de Lémi il y a peu de jours.

Le ministre d'Etat dit à Sir Arthur qu'il l'examinerait... ce qui dans la bouche d'un homme d'Etat espagnol signifie le désir de gagner du temps!

Si je me décide à charger de ces détails ma sans ça trop longue lettre, c'est parce qu'ils éclairent d'un jour nouveau la tentative du roi d'obtenir à l'abri des circonstances actuelles une concession que jusqu'ici l'Espagne a vainement revendiquée.

Mille sincères amitiés.

Budberg.

Перевод.

Г. министр,

Не меньше, чем в других местах, общая депрессия — последствие войны — сказывается и в Мадриде.

Двор, применяясь к окружающей его обстановке, прекратил обычные официальные церемонии, как например, торжественные приемы в дни рождения их величеств, поздравления с новым годом, обеды начальников миссий и т. д.

Желая тем не менее иметь общение с послами и устраняя возможность встречи представителей воюющих держав, его величество король создает всякие поводы для свидания с ними, допустимые в условиях траура ее величества королевы Евгении-Виктории по ее брате.

Так, я был приглашен их величествами к завтраку вместе с папским нунцием.

Тотчас после завтрака король отозвал меня в сторону и начал продолжительный разговор о наших военных успехах, говоря, что мужество и доблесть наших армий удивили его столь же, как и заслуги верховного командования, военного министерства и главного штаба, но отдавать приказания — это одно, а исполнять их — другое. «Россия, — сказал он, — располагает составом офицеров генерального штаба, заслуги которых во много раз превышают заслуги тех же офицеров в других странах, претендовавших однако на монополию в этой области».

Затем король мне сказал: «Вы должны признать, что я всегда стоял за державы Согласия, и вы слишком хорошо знаете мадридскую обстановку, чтобы не знать также, что я должен был неоднократно выдерживать борьбу, чтобы заставить здесь провести в жизнь мою волю».

Видя оборот, принятый разговором, я ответил: «Все—и императорское правительство не менее других кабинетов—отдают полную справедливость той настойчивости, с которой ваше величество остались верным заверениям, данным в Париже два года назад и возобновленным во время посещения Мадрида президентом Пуанкаре».

Это замечание не пришлось вполне по вкусу его величеству, и он мне ответил: «Это — область истории, а я говорю вам о настоящем».

Его величество нарисовал мне тогда картину настроений в Испании, настаивая на симпатиях к Германии столь влиятельного духовенства и на том, насколько ему было трудно противостоять пропаганде, не стесняющейся в выборе средств воздействия.

Даваемые со всех сторон обещания приятно щекочут национальное самолюбие, воскрешают химеры, намекают, что Гибралтар, Португалия, Танжер и т. д., могут явиться наградой за сотрудничество Испании в окончательной победе Германии.

Его величество прекрасно знает, чего стоят подобные обещания, и его уверенность в победе держав Согласия непоколебима. Но, с другой стороны, в Испании начинают критиковать его политику, обвиняя его в неумении воспользоваться единственным случаем осуществить мечты, живущие в сердце каждого хорошего испанца.

Король продолжал: «Я считаю, что имею право на то, чтобы ко мне относились не хуже, чем к тем нейтральным, холодность которых стараются разогреть всякого рода приманками.

Было ли бы справедливо, чтобы мне, который никогда не колебался, отказали в трудную минуту в поддержке?

То, что мне нужно для укрепления моего положения, — это нечто ощутимое, что могло бы подействовать на воображение моих подданных, например обещание относительно Танжера.

Интернационализация этого города внушает мне лишь относительное доверие, — новый режим не будет жизненным. Великобритания в конце-концов наложит руку на этот стратегический пункт, который вместе с Гибралтаром обеспечит ей господство над Средиземным морем... Для нас это было бы ударом, которого мы могли бы избегнуть, если бы одна из держав не согласилась утвердить вырабатываемый статут.

Танжер, присоединенный к нашей зоне, был бы неоценимым козырем в моих руках. Имеются и другие преимущества, которые можно было бы предоставить Испании, как, например, расширение к югу ее зоны в Марокко».

Я ответил королю, что я могу высказать по затронутым им вопросам лишь мое личное мнение. Прежде всего, я желал бы обратить его внимание на то, что, в противоположность обыкновению других стран, мы принимаем обязательства лишь тогда, когда мы уверены, что можем их выполнить. В общем то, что он, повидимому, желает, — это наше дипломатическое содействие. Я полагаю, что достаточно знаю доброжелательное отношение императора, моего августейшего повелителя, к нему, чтобы быть уверенным в том, что его пожелания будут самым серьезным образом приняты во внимание и подвергнуты всестороннему изучению.

Что касается Танжера, то я не скрыл от его величества, что этот вопрос мне представляется весьма щекотливым, так как король не может ожидать с нашей стороны в настоящий момент выступления или шага, наносящего ущерб интересам Франции и Великобритании.

Прощаясь со мной, король настойчиво меня просил довести до сведения вашего превосходительства о нашем разговоре и затем сообщить ему о том приеме, который его мысли встретят в Петрограде.

Надо признать, что положение короля Альфонса XIII не легко в настоящее время:

С одной стороны, помощь — хотя до сих пор и довольно проблематичная — сказанная Португалией Англии, тем не менее обеспечивает навсегда этой небольшой стране защиту ее территорий и колоний; с другой — внутренние экономические затруднения отодвигают на задний план утопические проекты всякого рода; королю ставят в вину занятую им позицию, которая не льстит национальному тщеславию, но это — единственно возможная для него позиция, если принять во внимание экономическое положение страны и неудовлетворительное состояние армии.

Через два дня после меня король принимал французского посла.

Как мне поведал г. Жоффре, говоря о своей аудиенции, его величество, соответствующим образом изменив вступительную часть, сказал ему совершенно то же, что и мне.

Как и я, французский посол вынес впечатление, что король стремился главным образом получить в свое распоряжение аргументы, которые он мог бы противопоставить тем, кто критиковал его симпатии.

Я воспользовался случаем, чтобы осведомиться у моего французского коллеги о нынешнем положении танжерского вопроса.

Г. Жоффре мне сказал, что два второстепенных вопроса задержали окончательную редакцию акта: 1) положение туземного населения зоны по отношению к администрации города, 2) технические вопросы взаимоотношений интернационализированного порта с другими пунктами побережья.

Первый пункт был улажен без каких-либо затруднений в Мадриде. Что же касается второго, то г. Жоффре, не считая себя компетентным в столь техническом вопросе, предложил снестись с Парижем, где заседает в данное время комиссия по делам железной дороги Танжер—Фец. В эту комиссию входят заслуживающие полного доверия специалисты, как г. Уайт и другие.

Это предложение встретило общее одобрение.

Но тогда возникло новое затруднение: ни у кого не было экземпляра видоизмененного акта; правда, имелся первоначальный проект и протоколы заседаний, но не было окончательного текста.

С большой поспешностью г. Жоффре приказал заготовить два экземпляра акта со всеми изменениями, внесенными в течение переговоров.

Один из экземпляров был послан в Париж, но, когда он захотел передать другой английскому посольству, сэр Артур Гардинг сказал ему дословно следующее:

«Не могли ли бы вы переслать равным образом и этот экземпляр из Парижа в Лондон? Я опасаюсь, что он у меня затеряется или пропадет».

Оказывается, что этот документ после возвращения из Лондона был передан недавно английским посольством маркизу Лема.

Министр иностранных дел сказал сэру Артуру, что он его рассмотрит, — это в устах испанского государственного деятеля означает желание выиграть время.

Если я решаюсь усложнить этими подробностями мое и без того слишком длинное письмо, то я делаю это потому, что они освещают по-новому попытку короля добиться, пользуясь нынешними обстоятельствами, уступок, которых до сих пор Испания тщетно домогалась.

Тысяча изъявлений искренней дружбы

Будберг.

№ 40. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 153. 19/6 января 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Совет министров, обсудив в заседании [15] 2 января текущего года возбужденный вашим превосходительством в письме от [12 января 1915 г.] 30 декабря 1914 за № 957 вопрос о положении евреев, русских подданных в Палестине [1], постановил предоставить министерству ино-

[1] Письмом от 12 янв. 1915 г./30 дек. 1914 г. за № 957 Сазонов передавал Горемыкину сообщение итал. пос-ва, что турец. прав-во объявило всем евреям русско-подданным в Палестине о необходимости для них или перейти в турец. подданство, или же выехать из Палестины. По мнению Сазонова, «временное принятие ими

странных дел способом, который будет признан наиболее удобным, довести до сведения проживающих в Палестине русских подданных, что, ввиду настояний турецких властей на переходе упомянутых лиц в турецкое подданство, либо на выезде их из названной страны, со стороны императорского правительства не встречается препятствий к переходу их в турецкое подданство. При этом министерством внутренних дел будут приняты соответствующие меры к облегчению формальностей, сопряженных с увольнением их из русского подданства, а при наличии особых условий допускается оставление ими русского подданства и без соблюдения установленных на сей предмет правил. Что же касается предположений об обратном, по окончании войны, приеме этих лиц в русское подданство и об отнесении на счет государственного казначейства расходов по содержанию их, в случае выселения из Святой земли в Египет, то совет министров высказался за оставление объясненных вопросов пока открытыми.

Примите и пр.

Горемыкин.

№ 41. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

20/7 января 1915 г.
Very confidential.

It is essential, in the opinion of His Majesty's Government, to secure the participation of Roumania and Greece in the war, if Germany and Austria are making preparations for a renewed and stronger attack on Servia which she could not withstand alone. For this purpose it is necessary that the attitude of Bulgaria should be friendly and actively helpful, and this could only be brought about by Servia. Sir E. Grey believes that the key to the situation is Monastir and that it would be possible to secure the position of Servia if she would authorize the 3 Allied Powers to assure Bulgaria of obtaining Macedonia up to the

турецкого подданства явилось бы наиболее удобным выходом из создавшегося положения», так как евреи русско-подданные в Палестине «являются земельными собственниками и проводниками нашего экономического влияния в Святой земле» и поэтому «ослабление русского еврейства в Палестине весьма нежелательно с точки зрения русских государственных интересов». Далее Сазонов указывал, что в случае «если бы нашлись евреи, которые предпочли бы выселение из Турции принятию турецкого подданства», то можно будет получить разрешение англ. прав-ва на поселение их в Египте. Ранее пам. запиской от 10 янв. 1915 г./28 дек. 1914 г. Сазонов просил согласия англ. прав-ва на поселение евреев-беженцев из Палестины в Египте.

Vardar River including Monastir, on condition that Servian aspirations for a greater Servia including a portion of coast on the Adriatic Sea were realized.

Sir E. Grey understands that the proposal contained in Mr. Sazonow's Aide-Mémoire of December 30th last (o. s.) [1] appears to the French Minister for Foreign Affairs dangerous, as being likely to offend Italy and also Servia who aspired to much greater advantages than those offered by the terms of the Russian proposal [2]. He accordingly would be glad to be informed whether the Russian and French Governments would agree to the above suggestion which is definite as far as Bulgaria is concerned and less likely to offend Italy, as it is less definite with regard to the Adriatic. Servia would moreover retain Uskub. If the two Governments concurred in this suggestion, Sir E. Grey is prepared to join in approaching the Servian Government in this sense.

In making the above communication to the Imperial Government, Sir G. Buchanan is instructed to add for the most confidential information of His Excellency Mr. Sazonow that it is so essential to secure the participation of Roumania and Greece in order to save Servia and further the common cause of the Allies that His Majesty's Government are ready to make some sacrifice for it themselves and to consider the question of the cession of Cyprus to Greece if Greece could thereby be really moved to facilitate an arrangement with Bulgaria and promote a Balkan agreement [3].

Перевод.

Строго доверительно.

По мнению правительства его величества, весьма существенно обеспечить участие в войне Румынии и Греции, в случае если Германия и Австрия подготовляют новое усиленное наступление на Сербию, которому она одна не в силах сопротивляться. В этих видах необходимо, чтобы позиция Болгарии была дружелюбна и чтобы она оказывала активное содействие; этого можно добиться.

---

[1] См. т. VI, № 760.

[2] Ср. № 23.

[3] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4227, имеется следующий проект пам. записки м-ва ин. дел от 21/8 янв.: «Памятная записка посольства его британского величества предлагает уступить Болгарии Македонию до Вардара, включая Монастырь. Ввиду того, что этот последний город находится на большом расстоянии на сев.-зап. от этой реки, г. Сазонов считает возможным заключить, что его превосходительство сэр Э. Грей, не желая дать более точную формулировку, в действительности согласен уступить Болгарии территории, отходящие к ней по договору 1912 г.». На оригинале имеется помета: «Non avenu, но передано министром на словах».

лишь при помощи Сербии. Сэр Э. Грей полагает, что ключом к разрешению вопроса является Монастырь и что можно было бы обеспечить положение Сербии, если бы она уполномочила три союзные державы заверить Болгарию, что она получит Македонию до реки Вардара, включая Монастырь, при условии, что сербские мечты о Великой Сербии, включающей часть Адриатического побережья, будут осуществлены.

Сэр Э. Грей знает, что предложение, изложенное в памятной записке г. Сазонова от 30 декабря м. г. (с. ст.) является, по мнению французского министра иностранных дел, опасным, так как оно способно обидеть Италию, а также и Сербию, которая мечтает о гораздо больших преимуществах, чем те, которые содержатся в русском предложении. Сообразно с этим он желал бы осведомиться, согласны ли российское и французское правительства с указанным выше предложением, которое вполне определенно в том, что касается Болгарии, и менее способно обидеть Италию, так как оно облечено в менее законченную форму в отношении Адриатического моря. Помимо того, Сербия сохранила бы Ускюб. Если оба правительства согласятся с этим предложением, сэр Э. Грей готов присоединиться к заявлению сербскому правительству в этом смысле.

К вышеизложенному сообщению императорскому правительству сэру Дж. Бьюкенену предписано добавить в качестве строго доверительного осведомления его превосходительства г. Сазонова, что обеспечение участия Румынии и Греции в целях спасения Сербии, а в связи с этим и общего дела союзников, настолько существенно, что правительство его величества готово само принести для этого дела некоторую жертву и обсудить вопрос об уступке Кипра Греции, если это действительно может побудить Грецию облегчить соглашение с Болгарией и подвинуть дело балканского блока.

№ 42. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

20/7 января 1915 г.
Very confidential.

With reference to the recent conversation which Mr. Sazonow had with Sir G. Buchanan on the subject of Persia, His Majesty's Embassy has been instructed to make the following communication to the Russian Government:

Since the beginning of the war Sir E. Grey has said nothing concerning the extension of Russian or British influence in Persia.

The sole cause of his anxiety that Russia should abstain from any quarrel with Persia and from any aggressive tendencies towards her has been the fear of the detrimental effect upon Great Britain's strength in the present war if all Moslems were to become united on the Turkish side, an eventuality which might well give rise to difficulties both in Egypt and India. Moreover Sir E. Grey was of opinion that the interests of Russia, in her action against Turkey, would not be well served by the action of her officials in Northern Persia.

It seemed to Sir E. Grey that Russia might have pursued one of the two following courses:

1. Either she might have withdrawn her troops and have got the credit for so doing. Russia would then either have secured Persian opposition to Turkey or else, if the Persian Government took the side of Turkey, she would have acquired the right of taking matters into her own hands at some later and more convenient date.

2. Or she might have stopped the Turkish advance into North Persia by sending a sufficient force to Azerbaijan.

It appeared to Sir E. Grey worse than useless to employ Shuja, as such a course was not only bound to end in the failure of the military operations against Turkey but also began a quarrel with the Persian Government.

It was of course for Russia to decide which of these alternatives she adopted; but it was, Sir E. Grey thinks, unfortunate that neither one nor the other should have been adopted. As it is, Russia has incurred the odium of having run counter to the wishes of the Persian Government by employing Shuja; she has, moreover, got no credit at Teheran for the withdrawal of her troops which on the contrary must appear to the Persian Government as being due to the Turkish advance.

Sir E. Grey accordingly earnestly begs Mr. Sazonow to believe, that the motives which have prompted any suggestions which he has made about Persia have been, firstly, appreciation of the extent to which the interests of Russia and Great Britain are identic during the present war, and, secondly, the belief that the policy of Russian officials in North Persia was not that best calculated to serve the interests of either country.

As long as the war lasts, the Persian question, apart from the effect that it may have on the war, does not exist for Sir E. Grey whose sole thought as regards Persia is whether the conduct of the war is likely to be favourably or adversely affected by Russian policy in that country.

Sir E. Grey hopes that any strategic advantages which Turkey may have gained in Persia will be far outweighted by the Russian victories in the Caucasus; but meanwhile Turkey has gained a certain diplomatic footing in Persia which may be very serious for us by reason of the embarrassment which it will cause us in the Mussulman world in general.

It is for Russia to decide what military steps can be taken to counteract the ground lost in Persia; the only diplomatic action which Sir E. Grey considers would be effective is for the two Governments to meet the Persian Government's pressing request for an advance of £ 100 000

of which sum His Majesty's Government would be prepared to advance half if the Imperial Government would advance the other half.

His Majesty's Embassy is to enquire whether Mr. Sazonow thinks it desirable to make this advance and if so, what conditions should, in his opinion, be imposed. Sir E. Grey thinks that, if the two Governments make the advance at all, it would serve no useful purpose to make the conditions too hard or too unpalatable.

Перевод.

Строго доверительно.

В связи с недавней беседой г. Сазонова с сэром Дж. Бьюкененом по вопросу о Персии посольство его величества уполномочено сделать российскому правительству следующее сообщение:

С начала войны сэр Э. Грей не делал никакого заявления о распространении русского или английского влияния в Персии.

Единственной причиной его сильного желания, чтобы Россия воздержалась от всяких конфликтов с Персией и от всяких агрессивных намерений по отношению к ней, было опасение, как бы не был нанесен ущерб силам Великобритании в настоящей войне, если бы все мусульмане объединились вокруг Турции, — положение, которое могло бы создать затруднения как в Египте, так и в Индии. Кроме того, сэр Э. Грей придерживается мнения, что деятельность русских должностных лиц в Северной Персии не соответствует интересам России в ее борьбе против Турции.

Сэру Э. Грею казалось бы, что Россия могла бы пойти по одному из следующих двух путей:

1. Или она могла бы отозвать свои войска и тем самым увеличить свой престиж [в Персии]. В этом случае Россия или добилась бы того, что Персия стала в оппозицию к Турции; или, если бы персидское правительство стало на сторону Турции, она [Россия] приобрела бы право взять дело в свои руки в несколько более поздний и более подходящий момент.

2. Или же она могла бы остановить продвижение Турции в Северной Персии, послав достаточные военные силы в Азербайджан.

Сэр Э. Грей считает более чем бесполезным пользоваться услугами Шоджи, так как подобный образ действий не только закончился неудачей военных действий против Турции, но вызвал также ссору с персидским правительством.

Россия, конечно, сама должна была решить, по какому из этих двух путей ей следует пойти, но очень жаль, по мнению сэра Э. Грея, что ни один из них не был принят. В результате Россия навлекла на себя упреки за то, что действовала против желания персидского правительства, использовав Шоджу, и, кроме того, ничего морально не выиграла в Тегеране от вывода своих войск, так как в глазах персидского правительства последнее было вызвано турецким наступлением.

Сэр Э. Грей поэтому серьезно просит г. Сазонова верить, что причинами, вызвавшими те или иные его предложения касательно Персии, были, во-первых, сознание того, насколько интересы России и Великобритании в Персии тождественны в течение нынешней войны, и, во-вторых, уверенность в том, что по-

литика русских должностных лиц в Северной Персии не соответствует в полной мере интересам обеих стран.

Пока продолжается война, персидский вопрос вне зависимости от того влияния, которое он мог бы иметь на войну, для сэра Э. Грея не существует. Его единственной заботой в отношении Персии является мысль о том, благоприятно ли отзывается на ведении войны, или, наоборот, причиняет ли ему ущерб русская политика в этой стране.

Сэр Э. Грей надеется, что те или иные стратегические преимущества, которые Турция, может быть, приобрела в Персии, будут сведены на-нет русскими победами на Кавказе; но тем временем Турция завоевала в Персии некоторые дипломатические позиции, которые могут оказаться для нас весьма серьезными по причине тех затруднений, которые это может вызвать в мусульманском мире вообще.

Россия должна сама решить, какие военные шаги могут быть предприняты, чтобы восстановить утраченное в Персии положение; единственным дипломатическим шагом, который, по мнению сэра Э. Грея, может возыметь свое действие, было бы согласие обоих правительств на настоятельную просьбу персидского правительства о займе в 100 000 фунтов стерлингов, половину каковой суммы правительство его величества готово предоставить, если императорское правительство примет на себя предоставление другой.

Посольство его величества спрашивает, считает ли г. Сазонов желательным предоставить этот заем, а если да, то на каких условиях, по его мнению, эта операция может состояться. Сэр Э. Грей полагает, что если оба правительства вообще пойдут на предоставление этого займа, то было бы нецелесообразно предъявлять слишком тяжелые и малоприемлемые условия.

№ 43. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

20/7 января 1915 г.

Most secret.

The following message has been sent from the First Lord of the Admiralty through His Majesty's Embassy for His Imperial Highness the Grand Duke Commanding in Chief.

«Your Imperial Highness message [2] was conveyed to the Board of Admiralty through Lord Kitchener. The request contained in that message for naval action against Turkey in order to relieve Russia in the Caucasus has been subjected to the deep and careful consideration of the Admiralty. They have now come to the conclusion that, in addition to the minor demonstration of which Lord Kitchener is telegraphing to Your Imperial Highness, the common interests of the allied cause require that some serious effort should be made to crush Turkish opposition. The Admiralty have accordingly determined to attempt, by naval operations, to force the passage of the Dardanelles. It is thought

[1] Копия написана рукою Базили. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 129.

[2] См. т. VI, № 718.

that these operations — which will, the Admiralty hope, resemble the methods by which the Germans destroyed one after another the outer ring of forts at Antwerp — will take 3 or 4 weeks to complete.

In order to put this plan into execution, the Admiralty are assembling in the Mediterranean a fleet which is to be composed as follows:

12 Battleships (2 of which are to be Dreadnoughts),
3 Light Cruisers,
16 Destroyers,
4 Submarines,
1 Seaplane Ship,
a larger number of mine-sweepers and other auxiliaries.

It is expected that the attack will begin soon after the middle of February when the concentration of this fleet will be ready.

The Admiralty has also invited the cooperation of a French flotilla and a French squadron of battleships.

It is most undesirable that any information as to the full scope of the operations should leak out, as it is not possible to predict the degree of resistance which will be offered by the Turkish forts; and it is of the most vital importance that absolute secrecy should be maintained.

A sufficient margin for casualities and for the destruction of the Turko-German fleet if and when the attacking fleet reaches the Sea of Marmora has been allowed in the force available for these operations.

In conclusion, the Admiralty express the hope that the Russian Government will, by naval operations undertaken at the proper moment at the mouth of the Bosphorus and by holding troops in readiness to seize any advantage that may be gained, cooperate powerfully in the proposed attack. The Admiralty are of opinion that it would probably be more advisable for the action of the Russian forces to be deferred until after the destruction of the outer Dardanelles forts. By this means, any initial failure in the attack would not assume the appearance of a serious check to the allied forces. It is, however, the intention of the Admiralty to push the matter be most desirable for them to have the cooperation of the Russian fleet at the right moment» [1].

Перевод.

Совершенно секретно.

Следующее сообщение было послано через посольство его величества первым лордом адмиралтейства его императорскому высочеству великому князю верховному главнокомандующему:

[1] Так в оригинале.

«Сообщение вашего императорского высочества было препровождено через лорда Китченера в адмиралтейство. Содержащаяся в этом сообщении просьба предпринять морскую операцию против Турции с целью облегчить положение России на Кавказе была подвергнута адмиралтейством глубокому и тщательному рассмотрению. В настоящее время оно пришло к заключению, что в добавление к второстепенной демонстрации, о которой лорд Китченер телеграфирует вашему императорскому высочеству, общие интересы союзного дела требуют серьезного усилия, чтобы сломить турецкое сопротивление. В соответствии с этим адмиралтейство решило попытаться путем морской операции форсировать проход через Дарданеллы. Предполагается, что эти операции, которые будут, как надеется адмиралтейство, походить на способ, посредством которого германцы уничтожили внешнее кольцо антверпенских фортов, займут 3 или 4 недели для своего выполнения.

В целях проведения в жизнь этого плана адмиралтейство концентрирует в Средиземном море флот, который должен состоять из следующих единиц:

12 линейных кораблей (2 из которых должны принадлежать к типу дредноутов),

3 легких крейсеров,

16 истребителей,

4 подводных лодок,

1 базы для гидропланов,

и более значительного числа минных тралеров и других вспомогательных судов.

Ожидается, что атака начнется в начале второй половины февраля, когда концентрация этого флота будет закончена.

Адмиралтейство также предложило участвовать в этой операции французской флотилии и французской эскадре линейных кораблей.

Чрезвычайно нежелательно разглашение каких-либо сведений о полных размерах этой операции, так как невозможно предсказать степень сопротивления, которая будет оказана турецкими фортами, и существеннейшим образом важно, чтобы все это было сохранено в абсолютной тайне.

При составлении плана этих операций были в достаточной степени предусмотрены как возможные потери в судовом составе, так и силы, необходимые для уничтожения турецко-германского флота, в случае если атакующий флот достигнет Мраморного моря.

В заключение адмиралтейство выражает надежду, что российское правительство окажет мощное содействие в предполагаемой атаке, предприняв в подходящий момент морскую операцию у устья Босфора и имея наготове войска, чтобы использовать всякий достигнутый успех. Адмиралтейство придерживается того мнения, что было бы, вероятно, предпочтительнее отложить операции русских сил до того момента, как будут разрушены внешние дарданелльские форты. Благодаря этому какая-нибудь начальная неудача при атаке не будет иметь вида серьезного поражения союзных сил. Однако адмиралтейство намерено довести дело до ... для него чрезвычайно желательно содействие русского флота в надлежащий момент».

№ 44. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/.Телеграмма № 115 [1]. 20/7 января 1915 г., 7 ч. веч.

Серафимов телеграфирует из Константинополя [2], что некоторые члены комитета пытаются завести с ним сношения в целях обеспечить личные интересы младотурок. Серафимов добавляет, что в случае уклонения его от переговоров комитет обратится к французам и англичанам.

Ввиду того, что между нами и турками стоит вопрос о Проливах, имеющий жизненное для России значение, и что всякие переговоры могли бы лишь затормозить его разрешение, — предписываю Серафимову воздержаться от вступления в какие бы то ни было сношения с членами комитета.

Надеюсь, что и правительство, при котором вы аккредитованы, даст тождественное указание своему негласному представителю в Константинополе [3].

Сазонов.

№ 45. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 122 [4]. 20/7 января 1915 г.

Телеграмма за № 653 [5] получена.

На запрос Исаак-хана, как мы относимся к посылке велиагда в Тавриз, и переданную им просьбу об окончательном удалении наших войск из Азербайджана, ввиду обещания турок очистить таковой по приезде велиагда, посланнику было отвечено следующее:

Мы уже не раз высказывались против посылки велиагда в Азербайджан. Присутствие юного принца едва ли может повлиять на местные буйные элементы, а вокруг него могут легко создаться интриги, с весьма опасными последствиями. По нашему мнению, было бы лучше оставить во главе провинции опытного Решид-оль-Молька.

Что касается турок, то мы их обещаниям абсолютно не верим и считаем, что они и после прибытия велиагда под разными предлогами не

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 237.

[2] Тел. от 19/6 янв. за № 85.

[3] Пам. запиской от 27/14 янв. (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 238) Бьюкенен известил Сазонова, что «сэр Э. Грей, конечно, не вступит ни в какие сепаратные переговоры, исходящие от турок».

[4] Лит. копия.

[5] Тел. от 13 янв. 1915 г. /31 дек. 1914 г. за № 653 Коростовец передавал заявление турец. посла, что турки покинут Азербайджан, как только велиагд вступит в управление этой провинцией.

очистят Азербайджан, которым хотят пользоваться как базой для действий против нас. Удалить их с персидской территории способно лишь наступление наших войск, каковое находится в зависимости от стратегических соображений кавказского военного начальства.

Сазонов.

№ 46. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу и посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 136. 20/7 января 1915 г., 11 ч. 30 м. веч.

Я передал сегодня великобританскому и французскому послам памятную записку следующего содержания:

«Mr. Sazonow est prêt à autoriser le ministre de Russie à Nich à faire auprès du gouvernement serbe la démarche proposée par s. e. Sir E. Grey [1] consistant à offrir à la Bulgarie la partie de la Macédoine jusqu'au Vardar, ainsi que Monastir, et à la Serbie — les territoires réalisant son idéal de Serbie agrandie, y compris une partie de la côté de l'Adriatique. Mr. Sazonow n'est cependant pas sans appréhension que l'offre des territoires ainsi déterminés ne donne satisfaction ni à l'un ni à l'autre des intéressés. En effet, les propositions contenues dans son aide-mémoire en date du [12 janvier 1915] 30 décembre [1914] [2] ont été formulées sur les instances du prince Troubetzkoy, celui-ci ayant fait part au gouvernement impérial du peu d'empressement dont manifestait le gouvernement serbe à faire des cessions strictement précisées en échange de vagues promesses. Mr. Sazonow pense qu'en tout cas pleine liberté devrait être laissée aux représentants des trois Puissances alliées pour le choix du moment ou ils feraient la démarche projetée» [3].

Сазонов.

Перевод.

Я передал сегодня великобританскому и французскому послам памятную записку следующего содержания:

«Г. Сазонов готов разрешить российскому посланнику в Нише сделать серб-

[1] См. № 41.

[2] См. т. VI, № 760.

[3] Разделяя опасения Сазонова «относительно слишком общей формулы в вопросе сербских компенсаций», Трубецкой в тел. от 21/8 янв. за № 39 сообщал: «Такая формула или вовсе не удовлетворит сербов, или даст им повод самого широкого ее толкования, дабы впоследствии уклониться от соответствующего вознаграждения Болгарии, ибо, сколько бы тем и другим ни дать, они никогда не признаются, что достигли осуществления народного идеала».

скому правительству заявление, предложенное его превосходительством сэром Э. Греем. Оно сводится к предложению Болгарии части Македонии до Вардара, а также Монастыря, а Сербии — территорий, отвечающих ее идеалу расширенной Сербии, включающей часть Адриатического побережья. Г. Сазонов однако опасается, что предложение определенных таким образом территорий не удовлетворит ни ту, ни другую заинтересованную сторону. Действительно, предложения, заключающиеся в его памятной записке от [12 января 1915 г.] 30 декабря [1914 г.] были сформулированы согласно настояниям князя Трубецкого: последний сообщил императорскому правительству о проявленном сербским правительством нежелании пойти на точно определенные уступки в обмен на туманные обещания. Г. Сазонов полагает, что во всяком случае следует дать представителям трех союзных держав полную свободу действий в выборе момента, когда они сделают задуманный шаг».

Сазонов.

№ 47. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 20/7 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В настоящее время в Париже находится известный императорскому министерству по своему участию в итало-турецких мирных переговорах 1912 года г. Вольпи; он прибыл сюда под предлогом частных дел финансового характера (между прочим, касательно Гераклейских копей), но при его близости к иностранной политике Италии нет сомнения, что действительною целью его поездки является осведомление общего политического характера.

Вследствие этого я считаю небезынтересным передать вашему высокопревосходительству содержание его разговора с советником императорского посольства, с коим со времени их совместной деятельности в балканской финансовой комиссии 1913 г. у него установились весьма дружеские отношения.

Г. Вольпи прежде всего очень настаивал на том, что хотя барон Соннино к нему относится с большим вниманием, однако пока у него с новым министром не установилось еще тех отношений, какие были с маркизом ди Сан-Джулиано. Тем не менее, как вы изволите усмотреть из характера самого разговора, г. Вольпи, повидимому, хорошо известна точка зрения консульты.

Г. Вольпи подробно говорил о политических вожделениях Италии, которые, по его словам, разделяются на три группы.

Первая и главная из них относится к преобладанию Италии в Адриатическом море; тут Италия желала бы, во-первых, закрепления за собою побережья до реки Наренты или, по крайней мере, до Себенико

или Спалато и, во-вторых создания особого Кроатского государства, причем, разумеется, как сие последнее, так и Сербия имели бы свои выходы к морю.

При этом г. Вольпи объяснил, что единственная великая держава, за которою Италия признает право вмешательства в этот вопрос и с которою она готова вступить по сему поводу в переговоры, — это великая покровительница славянских народов, имеющих в бассейне Адриатического моря жизненные интересы.

Других держав, главным образом Франции, Италия к переговорам по сему вопросу не допустит.

Советник посольства ответил ему, что, как в Риме хорошо известно, императорское правительство, всегда дорожило дружественными отношениями с Италией и наверно будет приветствовать всякое чистосердечное объяснение между обеими державами по интересующим их вопросам, но что оно прежде всего должно оставаться верным своей старой союзнице и не примет никаких решений помимо Франции.

Это послужило поводом к обсуждению вообще отношений между Италией и Францией, о которой, как и прежде, г. Вольпи отзывается крайне неприязненно; он жаловался главным образом на некоторых французских писателей, которые подстрекают Сербию настаивать на чрезмерном расширении, явно стремясь создать сильную соперницу для Италии. Советник посольства возражал ему, что если Италия имеет основание жаловаться на положение, занятое несколькими совершенно независимыми писателями, то тем более Франция может быть обиженной претензиями на уступку Ниццы, Корсики и Туниса, о чем открыто говорили уже не частные лица, а члены посольства в Париже и представители Италии в некоторых нейтральных государствах. Пользуясь характером разговора, г. Севастопуло не скрыл от своего собеседника, что это была совершенно бесцельная неловкость при нынешних обстоятельствах, которая не имела ни малейших шансов на успех и только неблагоприятно отразилась на отношениях между обеими «латинскими сестрами». Г. Вольпи возразил, что вышеуказанные дипломаты отнюдь не выражали мнения своего правительства, которое во всяком случае теперь не мечтает ни о единой пяди французской территории.

Д. с. с. Севастопуло, со своей стороны, очень настаивал на необходимости для Италии, в ее же интересах, отказаться от своих предубеждений против Франции и от выказывания по отношению к сей последней недоброжелательства и недоверия, основанных на прежних недоразумениях; подобная мелкая политика никаких благих резуль-

гатов для Италии дать не может, и для нее же самой гораздо целесообразнее оставаться на почве чисто практических интересов. Вот почему заявления, подобные тому, что Италия допустит к обсуждению того или иного вопроса одну Россию, были бы весьма нецелесообразны; они послужили бы только к обострению отношений с Францией, которая всетаки, ввиду существующих между союзницами отношений, не может быть отстранена совершенно от вопросов, связанных с ликвидацией войны.

Вторая группа итальянских пожеланий касается раздела турецкой империи, или сферы влияния в Малой Азии. Г. Вольпи коснулся этого вопроса лишь вскользь и ограничился заявлением, что и тут Италия желала бы действовать в полном единении с нами.

О третьей группе он выразился весьма неопределенно, настаивая на «равенстве» (parité) с Францией в Средиземном море; он объяснил, что его мысль пока не поддается точной формулировке, но что в конце-концов она должна привести к вопросу об ограничении морских сил в Средиземном море; сверх этого, он имеет в виду какие-либо гарантии относительно сохранения за Тунисом, а также за Египтом, их настоящего положения «протекторатов» и об отказе Англии и Франции от аннексирования этих африканских стран.

На вопрос, имеет ли в виду итальянское правительство предпослать переговоры по затронутым вопросам своему вмешательству в войну, г. Вольпи ответил уклончиво. Но в другой беседе он настаивал на том, что если Италия выступит, то только в силу народного увлечения и без всякой задней мысли о каком-либо торге.

Примите и пр.

Извольский.

№ 48. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 6. 20/7 января 1915 г.

Копия в Рим.

Ваши телеграммы № 94 [1] и № 4963 [2] получены.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 407 [3].

Венизелос самым категорическим образом опровергает сообщенное вам сведение, будто греческое правительство когда-либо обращалось, в особенности помимо императорского правительства, с такою просьбою

[1] См. № 35.

[2] См. т. VI, № 761.

[3] См т. VI, № 737.

к державам. Он недоумевает, откуда могли исходить подобные вымыслы. Когда здешний итальянский посланник указал Венизелосу на смуту в Албании для оправдания занятия Италией Валоны, последний сказал графу Бозцари, что, быть может, в таком случае желательно продвинуть греческие войска к Берату для защиты просившего о том православного населения, но, получив отрицательный ответ, отказался от этой мысли, тем более что обладанием названной местностью Греция не столь уже дорожит. Далекое от намерения занимать новые земли в Албании без разрешения трех держав, греческое правительство не желает затруднять их отношения с Италией. Министр с удовлетворением осведомился о вашем заявлении относительно Дураццо [1]: он никогда не имел в виду производить там десанта, а задержание в этих водах греческого военного судна состоялось ныне по просьбе Пашича для поддержки Эсада. Лично я тем более озабочен таким освещением события, что мои французский и английский коллеги о помянутом выступлении греческого правительства также ничего не знают.

Демидов.

№ 49. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 7. 20/7 января 1915 г.

Телеграмма за № 47 [2] получена.

Выдача авансов в прошлом встречала сочувствие главным образом англичан, видевших в этом средство поддержания самостоятельности Персии и силы ее сопротивления развитию наших интересов на Севере. После каждого аванса английское влияние повышалось в Тегеране и на Юге, русское же скорее падало, причем персы становились относительно нас еще несговорчивее, уплата же по займам встречала затруднения, лишь затруднявшие взаимные отношения. Подобное затруднение возникло и теперь, правительство не в состоянии уплатить аннуитет по предыдущим займам и задержало крупную сумму на бригаду, содержание коей отчасти уже ложится на нас. Имея в виду нынешний образ действий персов, направленный к действительному вытеснению нас из Азербайджана, не говоря о других неприятных выступлениях,

[1] См. т. VI, № 761.

[2] Тел. от 16/3 янв. за № 47 Нератов, сообщая Коростовцу, что предполагается включить в число условий нового займа окончание дела Эмин-Зарба, запрашивал мнение посланника по этому поводу. См. также № 18.

опасаюсь, что, опять ссужая персов деньгами, мы сделаем новый шаг против своих интересов.

Ввиду сего не могу не высказаться против аванса, особенно при сохранении настоящего кабинета, так же как и против выдачи оружия, которое может попасть в руки турок. Если б однако у нас признали, что русской позиции в Азербайджане ничто не угрожает, ибо мы предполагаем туда вернуться и оформить свое положение, выдача же денег делается для привлечения на свою сторону шахского правительства и ради солидарности с Англией, то следовало бы, по крайней мере, заручиться надлежащими гарантиями и воспользоваться случаем для установления действительного финансового контроля. Гарантией могли бы послужить государственные доходы Северной Персии: малиат, акциз, государственные имущества, паспортные сборы и прочее, переданные в распоряжение нашего банка, ибо таможенные поступления на 1914 год не покрыли даже взносов по прежним долгам персидского правительства. Что касается контроля, то я имел в виду установление общего контроля в форме, например, комиссии при участии, кроме нас, Великобритании, Франции и, может быть, Бельгии. Следовало бы при этом настоять на допущении русских контролеров или... при таможенных и финансовых агентствах Севера.

Насколько фиктивен контроль, упоминаемый Бьюкененом, — правда, только для данного временного аванса, — показывает совершаемая ныне персами утайка таможенных доходов, служащих обеспечением наших займов, и с которой нет способов бороться. Англичане же могут удовольствоваться таким контролем, ибо, не говоря о господствующем положении Шахиншахского банка, вероятно, заручатся попутно какой-либо концессией, как я мог заключить из частной беседы с директором названного банка. Если же однако это предположение оказалось бы неприемлемым, ввиду международного положения, то следовало бы получить хотя компенсацию в виде урегулирования положения [1] и бюджета, и тем более, что часть денег аванса пойдет на жандармерию и на водворение ее в нашей зоне, то есть на заведомо враждебную нам цель; полагал бы излишним припутывать к вопросу об авансе частные дела вроде Эмин-Зарба, предоставляя таковые, как это делают англичане, банку с помощью бонификации.

Коростовец

[1] Так в оригинале.

№ 50. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 319. Кяхта, 20/7 января 1915 г.

Копия сообщается в Пекин.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 317 [1].

Посетившие меня сегодня китайские делегаты согласились обсудить на следующем заседании конференции торговые вопросы. В результате моей сегодняшней беседы с ними выяснились следующие пределы уступок Китая в этом вопросе:

1) Ввозимые из Китая во Внешнюю Монголию товары китайского происхождения и производства освобождаются от 5% сбора, но обложение в этом размере сохраняется для всех иностранных товаров, кроме русских [2].

2) Ввиду неудобства по разным соображениям открытого повышения 5% сбора с иностранных товаров, таковой можно повысить увеличением оценки иностранных товаров, установление каковой предоставляется соглашению между монгольскими властями и китайским сановником. Все сборы поступают в пользу монголов.

3) Для содействия в определении происхождения китайских товаров и подлежащей оценки иностранных товаров монгольское правительство берет к себе на службу, в качестве подчиненного монгольского таможенного чиновника, кого-либо из состоящих при китайском сановнике в Урге лиц.

Такая постановка вопроса не нарушает, казалось бы, торговых интересов во Внешней Монголии, так как мы не производим товаров однородных, конкурирующих с китайскими товарами. Всякое повышение обложения иностранных товаров нам выгодно. Козин мог бы назначить русского служащего в монгольскую таможню. Прошу указаний.

Миллер.

---

[1] Тел. от 19/6 янв. за № 317 Миллер сообщал, что кит. делегаты настаивают на отмене «существующего еще со времени китайских амбаней обложения китайских и иностранных товаров, привозимых из Китая во Внешнюю Монголию... ради принципа равноправия русско-китайских купцов в торговом отношении».

В той же тел. Миллер сообщал: «Я указываю [китайским делегатам] на существование равноправия, так как наши купцы с декабря 1913 г. уплачивают с провозимых ими через монгольско-китайскую границу товаров те же 5% ad valorem, что китайские и иностранные купцы».

[2] Тел. от 21/8 янв. за № 322 Миллер предложил ограничить список «товаров китайского происхождения», освобождаемых от 5% сбора при ввозе их во Внешнюю Монголию, исключив из них предметы роскоши: шелковые ткани, золотые и

№ 51. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

/. 21/8 января 1915 г

Confidential.

His Majesty's Ambassador has been instructed by Sir E. Grey to inform Mr. Sazonow that a prominent member of the Hungarian Opposition Party, speaking professedly on behalf of his Colleagues, has made certain overtures to His Majesty's Government with a view to a separate peace being concluded with Hungary. The gentleman concerned seems to have been inspired to make these overtures through fear of an imminent intervention on the part of Roumania on the side of the Allies.

The idea put forward was that Hungary should declare her independence from Austria, retaining merely the personal union, and make peace with the Allies on the basis of her integrity. Bukowina was to be given to Roumania as compensation.

In the opinion of Sir E. Grey this project is inconsistent with the promise made on hopes held out to Roumania [1]. Sir E. Grey accordingly proposes to cause a reply to be given to the effect that the limitations of the independence of Hungary are a matter of internal policy, which the Hungarian people must decide for themselves in the light of their own interests. Before communicating this reply, however, Sir E. Grey would be glad to learn whether Mr. Sazonow concurs in his view.

Перевод.

Доверительно

Посол его величества получил предписание от сэра Э. Грея сообщить г. Сазонову, что выдающийся член венгерской оппозиционной партии, говоря в качестве такового по поручению своих коллег, обратился с некоторыми предложениями к правительству его величества в целях заключения сепаратного мира с Венгрией. Указанное лицо, повидимому, пошло на эти переговоры под влиянием страха немедленного выступления Румынии на стороне союзников.

Высказанное им предложение сводится к тому, чтобы Венгрия объявила свою независимость от Австрии, сохранив лишь личную унию, и заключила мир с союзниками на основе ее неприкосновенности. Буковина могла бы быть уступлена Румынии в качестве компенсации.

По мнению сэра Э. Грея, этот проект несовместим с данными Румынии обещаниями, основанными на высказанных ею пожеланиях. В соответствии с этим

серебряные украшения, драгоценные украшения, шитые шелком сапоги, спиртные напитки и табак, и обложив последние 10% пошлиной, которая уже взимается со спиртных напитков и табака.

[1] См. т. VI, № 340.

сэр Э. Грей предполагает дать ответ, что пределы независимости Венгрии являются внутренним вопросом, который венгерский народ должен разрешить самостоятельно в свете его собственных интересов. Однако до отправления этого ответа сэр Э. Грей желал бы знать, разделяет ли г. Сазонов его точку зрения.

№ 52. Английский посол в Петрограде Бьюкенен министру иностранных дел.

Письмо. 21/8 января 1915 г.

Dear Mr. Sazonow,

Sir E. Grey wishes me to assure you that he is not less anxious than you to ensure our two Legations cooperating harmoniously together[1]. He welcomes your suggestion to send Mr. Etter to Teheran on a temporary mission; and he will send Marling.

He is also ready to give Churchill a post elsewhere and willsend Smart to Teheran in his place.

Sir E. Grey hopes that Mr. Etter will be placed in a position to ensure strict and loyal execution of any instructions he may send to Russian Consular Officers in Persia, so that cordial cooperation may be established not only between the two Legations but also between our respective Consular Officials in Persia.

Marling is being instructed to act on the same principles.

You see that you have only to express a wish for Sir Edward to fulfil it.

Buchanan.

Перевод.

Дорогой г. Сазонов,

Сэр Э. Грей просит меня заверить вас, что он не менее, чем вы, стремится обеспечить дружественное сотрудничество наших обеих миссий. Он приветствует вашу мысль послать г. Эттера в Тегеран с временной миссией и со своей стороны пошлет Марлинга.

Он готов также перевести Черчилля куда-нибудь в другое место и пошлет Смарта на его место в Тегеран.

Сэр Э. Грей надеется, что г. Эттер будет поставлен в такие условия, что он сможет обеспечить строгое и лойяльное выполнение всяких инструкций, которые он смог бы послать российским консульским чинам в Персии, — так чтобы сердечное сотрудничество могло быть установлено не только между обеими миссиями, но и между нашими соответствующими консульскими чинами в Персии.

Марлинг получает инструкцию действовать на основании тех же принципов.

Вы видите, что достаточно вам высказать пожелание, чтобы сэр Эдуард его выполнил.

Бьюкенен.

[1] Ср. № 36.

№ 53. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

*/.Телеграмма № 147 [1]. 21/8 января 1915 г., 3 ч. 15 м. дня.

Сообщается в Париж и Лондон.

В поправку моей вчерашней телеграммы № 137 [2] я передал великобританскому и французскому послам памятную записку следующего содержания:

«Mr. Sazonow estime qu'en échange des compensations territoriales à offrir à la Grèce en Asie Mineure, de la rectification de sa frontière en Epire, des îles du Dodécanèse (avec ou sans Rhodes) etc., — les Puissances alliées sont en droit de lui demander la cession du port de Kavala au profit de la Bulgarie.

D'ailleurs Mr. Noël Buxton a affirmé à Mr. Iswolsky tenir de bonne source que le gouvernement hellène était disposé à faire l'abandon de Kavala, s'il était sûr d'obtenir une partie de la côte de l'Asie Mineure avec Smyrne [3]. L'appoint considérable que la Bulgarie peut apporter aux Alliés présente un intérêt de tout premier ordre et légitime le sacrifice imposé à la Grèce dans l'intérêt de la cause commune, — sacrifice, du reste, compensé par d'aussi importantes acquisitions de territoires».

Благоволите сделать предписанное вам заявление греческому правительству в указанной выше измененной форме, согласно первой части памятной записки, когда ваши коллеги получат такие же инструкции.

Сазонов.

Перевод.

Сообщается в Париж и Лондон.

В поправку моей вчерашней телеграммы № 137 я передал великобританскому и французскому послам памятную записку следующего содержания:

«Г. Сазонов считает, что взамен предложения Греции территориальных компенсаций в Малой Азии, исправления ее границы в Эпире, островов Додеканеза (с Родосом или без Родоса) и т. п., союзные державы имеют право требовать от нее уступки порта Кавалы в пользу Болгарии.

К тому же г. Ноэль Бекстон заверил г. Извольского, что он знает из вполне достоверного источника, что эллинское правительство склонно уступить Кавалу, если оно будет уверено в предоставлении ему части Малоазиатского побережья со Смирной. Значительная помощь, которую Болгария может оказать

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 109.

[2] Тел. от 20/7 янв. за № 137 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 108) Сазонов, передавая в Афины содержание полученной от Бьюкенена пам. записки от 19/6 янв. (см. № 34), предписал Демидову сделать соответствующее заявление греч. прав-ву, по получении таковых же инструкций франц. и англ. посланниками.

[3] См. т. VI, ч. 2, стр. 347, прим. 2.

союзникам, представляет первостепенный интерес и оправдывает жертву, возлагаемую на Грецию в интересах общего дела,—жертву, к тому же! вознаграждаемую столь значительными территориальными приобретениями».

Благоволите сделать предписанное вам заявление греческому правительству в указанный выше измененной форме, согласно первой части памятной записки, когда ваши коллеги получат такие же инструкции».

Сазонов.

№ 54. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

—/. Телеграмма № 152. 21/8 января 1915 г.

№ 319 получен [1].

Сделанное китайскими делегатами предложение не может быть принято, так как оно сводится к уступкам, которых китайское правительство само не имеет права делать в силу действующих трактатов Китая с державами.

Ввозимые в Китай морем иностранные товары облагаются ввозной пошлиной и, если они вывозятся иностранцами внутрь страны, — транзитной пошлиной, по уплате которой они свободны от внутреннего обложения до прибытия в означенный в транзитном свидетельстве пункт. В этом отношении Россия равноправна с прочими державами, и всякое полученное ею преимущество распространяется на последние. С другой стороны, державы мирятся с внутренним торговым обложением в Китае только потому, что им облагаются товары без различия их происхождения, ввозимые из-за границы и местного производства, за исключением лишь вышеупомянутых ввозных товаров, оплаченных транзитной пошлиной и направляемых в определенный пункт внутри страны иностранным купцом или его доверенным.

На сохранении права монгольского правительства устанавливать именно такое внутреннее обложение, существующее во Внутреннем Китае и введенное китайцами в Монголии, товаров, идущих без транзитных свидетельств, мы и настаиваем. Определить ныне же размер этого внутреннего обложения едва ли возможно, ибо в Китае он взимается в разные моменты перевозки товара и его перехода из рук в руки.

Для личного вашего сведения добавляю, что изыскать иной принцип обложения китайско-монгольской торговли затруднительно, ибо в отношении торговли иностранцев, для избежания их протестов, Внешнюю автономную Монголию приходится рассматривать как часть китайского государства. Имейте также в виду, что чай и табак являются

[1] См. № 50.

предметами китайского производства, которые китайские делегаты домогаются освободить от обложения при ввозе в Монголию. Между тем по ввозу чая и табака китайцы являются нашими конкурентами.

Сазонов.

№ 55. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 153 [1]. 21/8 января 1915 г.

В ответ на ноту Исаак-хана [2], возлагающую на нас ответственность за ущерб, могущий последовать от военных операций в Азербайджане в результате прибытия туда с нашего разрешения Шоджа-эд-Доуле, нами передана персидскому посланнику пространная нота, содержание коей вкратце таково:

В начале ноября началось наступление турок на Персию, на которое шахское правительство не реагировало. Это было понято курдами как приглашение помогать туркам. Шоджа-эд-Доуле прибыл в Азербайджан значительно позднее и в своих попытках организовать сопротивление курдам и туркам, уже вступившим на персидскую территорию, встретил противодействие персидских властей. Этим объясняется неудача Шоджа-эд-Доуле, приведшая к отступлению нашего небольшого отряда и гибели Ияса [3]. Таким образом ответственность за все несчастия, которые война повлечет за собой в Азербайджане, падает всецело на шахское правительство.

Копии обеих нот почтой [4].

Клемм.

№ 56. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 12. 21/8 января 1915 г.

Министр иностранных дел сообщил мне вчера доверительно, что шведское правительство намеревалось уже два месяца тому назад отозвать из Персии своих жандармских офицеров. Причина тому: 1) опасение, чтобы офицеры эти силою обстоятельств не были вовлечены в военные события на персидско-турецкой границе и 2) статья «Нового

[1] Лит. копия.

[2] Нота Исаак-хана в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена (ср. стр. 9, прим. 1).

[3] А. И. Ияс, русский консул в Соуджбулаге, был убит турками при взятии ими гор. Миандоаба 29/16 дек. 1914 г.

[4] Нота м-ва ин. дел в делах б. м-ва ин. дел также не обнаружена.

времени», враждебная шведским офицерам [1]. Вследствие ходатайства из Тегерана министр иностранных дел отсрочил отозвание до первого марта. Имея в виду, что шведское правительство командировало своих офицеров в Персию только в силу ходатайства России и Англии, оно ныне запрашивает нашего совета, следует ли ему действительно отозвать своих офицеров. Министр иностранных дел добавил, что он лично склонен к отозванию. По моему совету министр иностранных дел в тот же вечер сделал подобное же сообщение английскому посланнику, который вчера сообщил о том своему правительству телеграммой, которую он мне прочел [2].

Неклюдов.

№ 57. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 14. 21/8 января 1915 г.

Здесь за последнее время усердно распространяются и находят доверие слухи о возможности сепаратного мира между Россией и Германией и между Францией и Германией. Эти газетные и общественные толки имеют целью ободрить Швецию по отношению к Великобритании и обострить шведско-английские недоразумения из-за блокады, а также возобновить надежды на конечное торжество Германии. Хотя вообще я противник всяких официальных деклараций в иностранной прессе, особенно в прессе, враждебно против нас настроенной, тем не менее в данном случае я запрашиваю ваше высокопревосходительство, не найдете ли целесообразным, чтобы в шведской прессе появилось такое заявление, которое категорически подтвердило бы полную и неизменную

[1] Имеется в виду статья «Нового времени», помещенная в № 13930 от 3 янв. 1915 г./21 дек. 1914 г., под заглавием «Персидская смута», в которой указывалось, что швед. инструктора жандармерии в Персии «ведут открытую пропаганду в пользу Германии и возбуждают население против России и Англии». Считая, что некоторые из швед. инструкторов являются «просто-напросто германскими агентами-провокаторами», «Новое время» предлагало выслать этих инструкторов из Персии.

[2] В ответ на это Сазонов тел. от 27/14 янв. за № 241 сообщил Неклюдову, что после согласования с англ. и перс. прав-вами вопроса о том, кого из швед. офицеров желательно оставить в Персии, ему будет поручено вступить совместно с англ. посланником в Стокгольме в переговоры с швед. прав-вом по этому поводу. Одновременно Сазонов высказывал мнение, что «персидская жандармерия, лишенная важного руководства европейских офицеров, придет в полный упадок и станет источником серьезных осложнений». Тел. от 21/8 февр. за № 49 Неклюдов сообщил, что швед. прав-во удовлетворило пожелание Англии об оставлении на службе полк. Фольке и майоров Миллера и Карлберга.

солидарность нашу с Великобританией. О таком же дозволении ходатайствует в Париже мой французский коллега, с коим мы сговорились [1].

Неклюдов.

№ 58. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 37. 21/8 января 1915 г.

Получил ваш № 87 [2].

Сербские войска не приступали еще к занятию стратегических пунктов. Пашич обещал мне ничего не предпринимать без крайней необходимости, понимая, насколько нежелательно создавать для Италии поводы к занятию Албанского побережья, и отдавая себе отчет в необходимости не затруднять ваших сношений с Италией, отвечающих возможно большему обеспечению интересов Сербии. Положение затрудняется тем, что Эсад, готовый всегда входить в соглашение с наиболее сильным, усматривает в воздержании Сербии, которую он приглашал занять Эльбасан, признаки слабости, и потому склонен перекинуться на сторону Италии. Пашич обещал своевременно осведомить нас и союзников о положении дел в Албании и о всем том, что могло бы побудить Сербию к принятию мер. Он пробовал нащупать почву для обмена мнений по общему вопросу об Адриатическом побережьи с итальянским посланником, но последний видимо уклоняется от этого [3].

Трубецкой.

№ 59. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/.Телеграмма [4]. 21/8 января 1915 г

Копии в Париж, Лондон, Софию и Афины.

Сообщив о совете, который Братиану дал сербскому посланнику перед отъездом его сюда, притти к соглашению с Болгарией, уступив ей для немедленного занятия линию до Вардара [5], Пашич сказал мне, что

[1] Ответной тел. от 25/12 янв. за № 204 Сазонов предложил Неклюдову «в самой категорической форме опровергнуть слухи о недоразумениях между союзниками и подтвердить полную их солидарность между собой».

[2] См. № 30.

[3] Позднее тел. от 30/17 янв. за № 61 Трубецкой сообщил со слов Пашича, что, несмотря на усиленные просьбы Эсада, «сербское правительство, повинуясь советам держав, пока воздерживается от помощи ему».

[4] Номер отсутствует. В арх. б. росс. пос-ва в Париже лит. копия имеет № 40.

[5] Ср. № 4.

передача какой-либо части территории до конца войны совершенно неосуществима, ибо ее не допустит армия, хотя бы этим способом можно было даже уменьшить размер компенсаций. Слова Пашича отвечают действительному положению вещей, ибо, как я уже доносил, передача территории до конца войны вызвала бы деморализацию войска, не говоря о массовом дезертирстве македонцев, раз они узнают, что их родина отдана другому государству. Я воспользовался случаем, чтобы обратить внимание Пашича на опасность, которая возникнет для Сербии, если состоится румыно-болгарское соглашение, обеспечивающее свободу действий обеих сторон, между тем как Сербия не придет к соглашению с Болгариею. Пашич признал, что такого рода опасность не исключена, однако он думает, что интересы Румынии не дозволят ей предоставить Болгарии расправиться с Сербией. На выраженное мною сомнение в возможности рассчитывать для собственной охраны на чужие интересы, Пашич ответил, что, пока Болгария продолжает двойную игру, все равно на нее нельзя положиться, и что чем более она надеется получить, тем труднее иметь с ней дело. Эта беседа вновь укрепляет впечатление, что, пока не определится ясно положение Болгарии и возможность активного ее содействия, трудно рассчитывать на возможность склонить Сербию к уступкам. Трубецкой.

№ 60. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 2. 21/8 января 1915 г

М. г. Сергей Дмитриевич.

В дополнение к предыдущему донесению [1] имею честь доложить вашему высокопревосходительству еще некоторые данные касательно предполагаемой командировки велиагда в Тавриз. Здесь возлагают большие надежды на эту командировку в уверенности, что обаяние имени брата шаха и наследника престола произведет должное впечатление на все беспокойные элементы Севера и на тамошние племена в смысле сохранения ими верности центральному правительству. Персы, кроме того, надеются, что Порта сдержит свое обещание и удалит войска, как только в Тавризе водворятся новые власти. Кроме Низам-оль Мулька, с велиагдом отправляются принц Ямин-эд-Доуле (сын Наср-Эддин-шаха), который примет начальство над военными силами, и Меджд-оль-Мульк в качестве заведывающего двором. Сердар-Решиду предложено было подать в отставку, но теперь он, верно, сохранит свое место благодаря присланной на путевые издержки велиагда

[1] См. № 6.

крупной сумме. Сведения из Тавриза весьма скудны вследствие невозможности сноситься по телеграфу, находящемуся под турецким контролем. Известно, что авангард турок состоял всего из семисот человек, численность же курдов первоначально определялась в четыре тысячи. Ныне число это, вероятно, значительно увеличилось благодаря подходу свежих сил, часть коих, будто бы, направляется на Джульфу. Персидские власти и жители Тавриза устроили турецким войскам восторженную встречу, объясняемую не столько симпатиями к туркам, сколько желанием расположить их в свою пользу и предупредить насилия. По доходящим сюда слухам, турки держат себя в общем прилично, что впрочем не помешало им жестоко расправиться с некоторыми неугодными чиновниками, обвиненными в противодействии, в сношениях с Шоджа-эд-Доуле и вообще в руссофильстве. Так, ими расстреляны соуджбулагский губернатор Сердар-Мукри и его сын, бывший и нынешний губернаторы г. Банэ, марагинский хан Мозафер-Солтане, а также казнено несколько армян, в том числе два русскоподданных. Шахское правительство предъявило энергичный протест против допущенных турками жестокостей в Константинополе и здешнему турецкому послу, объяснившему происшедшее необходимостью принятия мер предосторожности против заведомых врагов Турции, замышлявших и уличенных в враждебных действиях против турецких войск. При этом Ассим-бей повторил, что турецкие войска будут отозваны, как только Россия сделает официальное заявление об эвакуации всей персидской территории.

По последним сведениям, велиагд берет с собой двести жандармов и двух шведских офицеров, будто, бы для организации в Тавризе полиции. Повидимому, персы рассчитывают таким путем провести жандармерию на Север, обойдя поставленное нами условие о недопущении этой войсковой части в нашу зону. Персы объясняют посылку жандармов личным желанием шаха и велиагда. Мне думается, что мера эта принимается не без ведома великобританской миссии, всегда отрицательно относившейся к нашему требованию о недопущении жандармерии на Север.

При последнем моем свидании с министром иностранных дел Моинол-Везаре сообщил, что, согласно недавней телеграмме Исаак-хана, последнему удалось рассеять предубеждения нашего правительства касательно искренности намерений Персии и даже получить от вашего высокопревосходительства обещание оказать Персии денежную поддержку в настоящую трудную минуту. Хорошее впечатление, вынесенное персидским посланником из бесед с нашими официальными ли-

цами, усугубляется высоко милостивым приемом, оказанным государем императором принцу Шоа-эс-Солтане и пожалованной ему столь высокой наградой[1]. Персидское правительство, прибавил Моин, рассчитывает, что принц Шоа сумел убедить императорское правительство в неизменности дружественных чувств, питаемых Персией к России, и разъяснить существующие недоразумения.

По этому поводу не могу не заметить, что даваемые персами заверения, от кого бы они ни исходили, мало отвечают действительности. Напротив того, приходится констатировать скорее нечто обратное. Так, шахскому правительству было известно, что мы противимся назначению велиагда в Тавриз, предвидя, что его высочество сделается орудием антирусской политики в руках окружающих лиц. Несмотря на это, велиагд все же туда отправляется, и притом тотчас же после удаления нашего отряда и генерального консульства. Затем, как известно, персы пытались послать в Тавриз в качестве пишкара враждебного нам принца Эйн-эд-Доуле и отказались от этой мысли лишь ввиду непригодности названного лица. Кроме того, можно бы было привести много примеров пристрастного и враждебного отношения шахского правительства к лицам, известным своими симпатиями к России или чем-либо с нами связанным, но я воздержусь от такого перечисления, дабы не утруждать внимания вашего высокопревосходительства. Руссофобия нынешнего кабинета приняла столь явный характер, что вызвала даже нарекания наших здешних сторонников, обвиняющих миссию в чрезмерной мягкости и безразличии в сношениях с правительством. Многие из них, указывая на образ действия великобританской миссии, зачастую вмешивающейся во внутренние дела Персии, даже влияющей на политику кабинета, советовали мне действовать

---

[1] Шоа-эс-Солтане, дядя шаха Султан-Ахмеда, возвращаясь, с разрешения персидского правительства, в Персию из Западной Европы, где он жил с 1911 г. после неудачной попытки шаха Мохамед-Али вернуть себе престол, был в Петербурге в начале 1915 г. и был принят Николаем II 12 янв. 1915 г./29 дек. 1914 г. В письме от 2 янв. 1915 г./20 дек. 1914 г. Сазонов писал Барку, что «личность этого принца представляет для нас значительный интерес и заручиться его дружелюбными к нам отношениями для нас с политической точки зрения чрезвычайно важно, особенно при том, почти враждебном, к нам настроении, которое, к сожалению, чувствуется ныне в высших персидских правительственных сферах и которое при осложнениях, нами переживаемых, представляет для нас существенное неудобство». В связи с этим Шоа-эс-Солтане был пожалован орден Александра Невского с бриллиантами, а также было удовлетворено его ходатайство об открытии текущего счета в Учетно-Ссудном банке Персии на сумму в 25 000 томанов, обеспеченного его пенсией и доходами с его имений.

таким же образом, а для начала сплотить все элементы, сочувствующие русскому влиянию, прибегнув, например, к содействию духовенства и умеренной партии меджлиса. Большой цены подобным советам придавать нельзя, ибо внушены они обыкновенно личными побуждениями и опасением, что умаление нашего влияния отразится на собственном благополучии советников, особенно тех, интересы коих сосредоточены в Азербайджане. Не надо забывать, что мы лишены возможности подражать англичанам и по другой причине. В силу традиций, исторических и других причин, Россия связала себя здесь с малодеятельным и скорее реакционным элементом в лице принцев и сановников прежнего режима и с несколькими крупными собственниками Северной Персии, состоящими должниками банка и являющимися поневоле нашими сторонниками. Лица эти в большинстве случаев не пользуются ни политическим влиянием, ни популярностью и, не отличаясь достаточным честолюбием для проведения русской программы, не могут нам оказать реальной помощи. Можно даже сказать, что они являются для нас скорее мертвым грузом, ослабляющим наш кредит и престиж в общественном мнении страны. Английская же миссия давно освободилась от такого балласта и дает свое покровительство действительно влиятельным и жизнедеятельным элементам. Большую опору и вес дают англичанам, даже и в столице, разные племена, вроде сенджаби или бахтиар, ханы коих находятся в постоянных сношениях с миссией и с британскими консульствами. Весьма возможно, что обстоятельства вновь выдвинут бахтиарских ханов на первое место, и это несомненно учитывается великобританским правительством, намечающим соответственно с сим свою программу.

Независимо от сего борьба с кабинетом, рекомендуемая некоторыми нашими сторонниками, при содействии меджлиса и духовенства, неминуемо привела бы меня к конфликту с английским посланником, считающим, быть может, без достаточных оснований, что всякое активное выступление с нашей стороны пока неуместно и что нам следует избегать трений с персами, дабы предупредить их переход на сторону турок и возможное увлечение мусульманской идеей.

Примите и пр. Коростовец.

№ 61. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Телеграмма № 23. 21/8 января 1915 г. Срочно.

Получил вашу телеграмму № 59 [1].

Осуществить ваше желание и обратно занять Тавриз, после успе-

[1] В оригинале ошибка, так как тел. № 59 адресована в Сербию и касается

хов, одержанных нами над главными турецкими силами, в настоящее время не представляет затруднений, но я должен обратить внимание вашего высокопревосходительства, что очищение Тавриза было вызвано исключительно военными соображениями, а именно необходимостью собрать разбросанные в Азербайджане войска, с тем, чтобы более надежно прикрыть наши границы, а при необходимости — употребить части в других направлениях. Несмотря на одержанные победы, трудные для кавказской армии времена могут вновь настать, так как, вам известно, турки устремляют на кавказскую границу с запада новые, свежие силы. При этих условиях, если мы в настоящее время займем Тавриз, то я не ручаюсь, что военная обстановка не вынудит меня, быть может, вновь их оттуда отозвать. Благоволите сами решить, будут ли подобные колебания, т. е. то очищение, то занятие Тавриза, нам на пользу в политическом отношении, и не предпочтительнее ли на время войны нам отказаться вовсе от Тавриза, в особенности если прибытие туда велиагда будет связано с гарантией, что турки уберут из Тавриза свои войска, что в военном отношении представляет громадную ценность. Подводя итог всему вышеизложенному, сообщаю, что если вы настаиваете, я могу занять Тавриз, но не могу дать никаких гарантий, что вслед за тем не прикажу, как главнокомандующий, несущий ответственность за успех войны на всем кавказском фронте, очистить от войск тот же Тавриз.

Граф Воронцов-Дашков.

№ 62. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

/. Телеграмма № 158. 22/9 января 1915 г.

Копии в Париж, Лондон.

Мне доверительно сообщают, будто бы в Берлине устраивают заем для Болгарии в 100 миллионов марок. Посредником называют уже выехавшего туда известного фон Мах.

Благоволите проверить это известие и телеграфировать.

Сазонов.

переговоров с Болгарией; имеется, повидимому, в виду тел. Сазонова от 20/7 янв. за № 121, в которой он сообщал наместнику на Кавказе, что Николай II одобрил его соображения о необходимости появления в Тавризе русского отряда «в качестве освободителей Азербайджана от турок» до прибытия велиагда, так как в противном случае возвращение отряда в Тавриз «носило бы характер новой оккупации и не замедлило бы вызвать крайнее раздражение и протесты как в Тегеране, так и в Лондоне».

№ 63. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 169. 22/9 января 1915 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Дополнение моей телеграммы № 152 [1].

Статья об обложении китайской торговли во Внешней Монголии могла бы быть редактирована приблизительно следующим образом:

«При ввозе китайскими купцами во Внешнюю Монголию товаров любого происхождения таможенного обложения не устанавливается. Однако китайские купцы будут уплачивать все установленные и могущие впредь быть установленными во Внешней Монголии виды внутреннего торгового обложения, какие будут уплачиваться монгольскими подданными.

Равным образом купцы Внешней Монголии будут ввозить в Китай товары любого происхождения беспошлинно, но будут уплачивать все виды существующего в Китае внутреннего торгового обложения».

Сазонов.

№ 64. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

Телеграмма № 2 [2]. 22/9 января 1915 г.

Из заслуживающего доверия источника здесь получены сведения, что Румыния ведет переговоры для заключения румыно-греко-болгарского союза в целях противодействовать России и Сербии. Союз этот не может повлиять на ожидаемое выступление Румынии против Австро-Венгрии и должен сыграть роль после войны в видах предупреждения славянской опасности на случай занятия Россией Константинополя и Проливов. По слухам, Греция еще не высказалась, но, подозревая существование внушенного Италией соглашения между Румынией и Болгарией, опасается, ввиду возможного раздела Турции, что ее интересы не будут приняты во внимание, если она не будет участницей соглашения [3].

Кудашев.

---

[1] См. № 54.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 369.

[3] В деп. от 23/10 янв. Кудашев писал, что еще 3 дек./20 нояб. 1914 г. «один из самых влиятельных членов бухарестского кабинета» указал греч. посланнику на невыгоду давления на Болгарию в момент, когда Россия старается ценою уступок в Македонии ее сблизить с Сербией. В начале января, по словам Кудашева, в связи с занятием Россией Буковины, то же лицо высказалось перед посланником более определенно: хотя отношения между Россией и Румынией

№ 65. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 325. Кяхта, 22/9 января 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

На сегодняшнем заседании тройных переговоров китайские делегаты отстаивали в торговом вопросе следующую точку зрения: раз во Внешней Монголии создался новый порядок вещей, то старые установления должны быть упразднены. Следовательно, обложение китайской торговли во Внешней Монголии должно быть отменено, и китайские купцы в этой стране должны пользоваться одинаковыми правами с русскими купцами, не платящими никаких пошлин, ни сборов. Кроме того, действие русско-монгольского торгового протокола должно быть целиком распространено на проживающих во Внешней Монголии китайцев [1]. Если же монголы желают сохранить порядок обложения торговли в виде ликина, то необходимо, чтобы монгольскими ликинными учреждениями заведывали китайцы, а сборы поступали попрежнему пекинскому правительству, от усмотрения которого будет зависеть уделять часть сбора автономной Монголии.

Монголы и я возражали согласно преподанным мне указаниям. Прения были безрезультатны, следующее заседание — [26] 13 января.

Миллер.

№ 66. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 4. 22/9 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Раздававшиеся в японской прессе с начала нынешней войны голоса о необходимости русско-японского союза сделались в настоящее

не оставляют желать ничего лучшего, однако «не надо забывать, что славянская опасность со дня на день может возродиться, а потому интересы Румынии требуют не только осторожного обхождения с Болгарией, т. е. с наименее славянской из всех балканских держав, но даже вступления с ней в тесный блок, направленный против славянской опасности. В интересах Греции также присоединиться к этому блоку».

[1] Согласно ст. 2-й русско-монг. протокола, подписанного в Урге 3 нояб./21 окт. 1912 г., «русским подданным попрежнему принадлежит право во всякое время ввозить и вывозить без уплаты ввозных и вывозных пошлин всякого рода произведения почвы и промышленности России, Монголии и Китая и других стран и свободно торговать ими без уплаты каких бы то ни было пошлин, налогов или иных сборов. Действия означенного постановления не распространяются на смешанные русско-китайские предприятия и на русских подданных, фиктивно объявивших себя владельцами товаров, им не принадлежащих».

время столь «общим местом», что едва ли найдется во всей японской повременной печати один орган, который не обсуждал бы этого вопроса от времени до времени. При полном молчании правительственных сфер японское общественное мнение составило себе вполне определенный взгляд на этот счет.

Я уже имел неоднократно случай доводить до сведения вашего высокопревосходительства, что мысль о русско-японском союзе приобретает здесь все большее и большее распространение. Весьма замечательно то, что японское правительство и, в частности, министерство иностранных дел ничем не поощряли до сих пор проявление такого взгляда. Напротив того, при обсуждении в парламентской бюджетной комиссии проекта двух новых дивизий со стороны представителей военного ведомства последовали явные намеки, что увеличение армии направлено против России. Несмотря на это, без преувеличения можно сказать, что ныне сочувствие к тесному единению между обеими соседними державами сделалось чрезвычайно популярным.

Один из наиболее распространенных в Японии ежемесячных журналов «Тайо», печатаемый в 160 тысячах экземпляров, почти весь свой политический отдел январского выпуска посвятил вопросу заключения русско-японского союза.

Имею честь препроводить у сего краткий перевод этих статей «Тайо» [1], принадлежащих перу выдающихся деятелей здешней государственной и общественной жизни, какими являются: бывший министр путей сообщения, сотрудник барона Гото, Накасиодзи; известный финансист Соеда, бывший товарищем министра финансов и председателем Промышленного банка в Японии; глава парламентской партии «кокуминто» и бессменный член нижней палаты Инукай, на которого здесь смотрят как на вождя оппозиции и будущего премьера; Симада, лидер правительственной партии «досикай», также бессменный член нижней палаты и автор многих сочинений по истории и политике. Последняя из препровожденных статей «Об устранении надобности сформирования новых дивизий» подписана анонимным генералом. Мне не удалось узнать с точностью, кто скрывается под этой подписью, но, по имеющимся сведениям, в «Тайо» участвует бывший военный министр Уехара, который принужден был выйти в отставку под давлением военного клана, настаивавшего на проведении через парламент проекта двух дивизий.

---

[1] Статьи хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле Яп. ст. 923.

Все перечисленные статьи содержат весьма интересные соображения в пользу тесного сближения между Россией и Японией [1].

Примите и пр. Н. Малевский-Малевич.

№ 67. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петрограде Бьюкенену [2].

23/10 января 1915 г.

Ayant pris connaissance de l'aide-mémoire par lequel s. e. Mr. l'ambassadeur d'Angleterre a bien voulu l'informer des ouvertures faites à Londres par un membre de l'opposition hongroise [3], Mr. Sazonow pense qu'il serait difficile de trouver une base réelle pour un accord entre les Puissances de la Triple Entente et la Hongrie en vue de détacher celle-ci de l'Autriche et de conclure avec elle une paix séparée. En effet, la Hongrie paraîtrait n'avoir intérêt à conclure un semblable accord que pour obtenir la garantie de ses possessions territoriales. Or, c'est précisement ce que les Puissances de l'Entente ne sauraient lui offrir, tant,— comme Sir E. Grey l'indique — par suite des promesses faites à la Roumanie, que grâce à la nécessité pour la Russie de tenir compte des aspirations nationales des slaves, soumis actuellement à la domination magyare.

Le ministre des affaires étrangères estime cependant qu'il ne faudrait pas trop décourager les tentatives de rapprochement qui se manifestent en Hongrie, ces tentatives pouvant opérer une influence salutaire sur l'indécision des neutres. C'est pourquoi Mr. Sazonow croit qu'il serait désirable de répondre au représentant de l'opposition hongroise que les Puissances de l'Entente sont favorables aux aspirations d'indépendance du peuple hongrois et que, si celui-ci réussissait à proclamer cette indépendance elles prêteraient une oreille bienveillante aux ouvertures qui leur seraient faites par le gouvernement de Budapest.

[1] В деп. от 22/9 февр. за № 12 Малевский указывал, что «Россия никогда еще не имела здесь [т. е. в Токио] такой хорошей прессы», и сообщал о весьма сочувственном отношении япон. общественного мнения к вопросу о русско-япон. сближении, а также о «проявлении некоторого неудовольствия англо-японским союзом, что особенно стало заметно с начала японо-китайских переговоров»; при этом Малевский отмечал, что пресса «обвиняет английского посланника в Пекине в противодействии японской политике в настоящих переговорах». По мнению Малевского, «до окончания этих переговоров едва ли можно ожидать со стороны Японии какого-либо определенного шага в возникшем предварительном обмене мнений о заключении общеполитического соглашения».

[2] Лит. копия.

[3] См. № 51.

Перевод.

Ознакомившись с содержанием памятной записки, которой его превосходительство г. английский посол уведомил его о предложениях, сделанных в Лондоне членом венгерской оппозиции, г. Сазонов полагает, что трудно было бы найти реальную основу для соглашения между державами Тройственного согласия и Венгрией с целью отделить ее от Австрии и заключить с ней сепаратный мир. В действительности Венгрия, повидимому, заинтересована в заключении подобного соглашения лишь в видах получения гарантии неприкосновенности ее территориальных владений, между тем это именно то, что державы Согласия не могли бы ей предложить, как ввиду обещаний, данных Румынии, — на что указывает сэр Э. Грей, — так и в силу необходимости для России считаться с национальными стремлениями славян, подвластных в настоящее время мадьярам.

Министр иностранных дел полагает однако, что не следовало бы чересчур расхолаживать попытки к сближению, проявляющиеся в Венгрии, так как эти попытки могли бы оказать благотворное влияние на нерешительность нейтральных. Поэтому г. Сазонов считает, что было бы желательно ответить представителю венгерской оппозиции, что державы Согласия сочувствуют стремлениям венгерского народа к независимости и что если ему удастся провозгласить эту независимость, то они с доброжелательностью прислушаются к предложениям, которые были бы им сделаны будапештским правительством.

№ 68. Советник III политического отдела и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Столице.

*/. Телеграмма № 172 [1]. 23/10 января 1915 г.
Срочная.

Ссылаюсь на телеграмму генерала Мышлаевского за № 29 [2].

Желательно, чтобы Орлов двинулся в Тавриз вслед за войсками. Необходимо постараться захватить германского консула.

Если сведение о гибели Ияса [3] подтвердится и представится к тому возможность, надо будет безжалостно расправиться с виновниками.

Клемм.

№ 69. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 12 [4]. 23/10 января 1915 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 137 и 147 [5].

По поводу их содержания Делькассе высказал мне нижеследую-

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 22/9 янв. за № 29 ген. Мышлаевский сообщил, что 22/9 янв. отдано распоряжение о занятии русскими войсками Тавриза и приказано ардебильскому отряду вернуться в Ардебиль. 30/17 янв. Тавриз был занят русскими войсками.

[3] См. стр. 77, прим. 3.

[4] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 109.

[5] См. № 53 и стр. 75, прим. 2.

щее: прежде всего, несмотря на сведения, сообщенные Бекстоном, он сильно сомневается, чтобы Венизелос согласился на уступку Кавалы, даже в обмен на Смирну. Затем следует предвидеть, что Греция не удовольствуется общим обещанием земельного вознаграждения в Малой Азии и потребует точных указаний на те или другие местности. Касательно Смирны Делькассе еще раз указал мне на важность ее для Франции, как узла французской железнодорожной сети. Лично он не стремится к земельным приобретениям и готов проявить в этом вопросе величайшую уступчивость. Но, присовокупил он, судьба Смирны тесно связана с общим вопросом о разделе Азиатской Турции и, прежде нежели присудить эту местность Греции, Россия, Франция и Англия должны вообще сговориться об этом разделе. До сих пор он — Делькассе — ничего не знает о видах Англии относительно Смирны, и он поручил Камбону запросить об этом Грея [1]. Из разговора с Делькассе я вынес впечатление, что он еще окончательно не решил своего отношения к вопросу о Смирне и что решение это будет зависеть от того, что именно будет присуждено Франции при разделе Азиатской Турции. Позволяю себе высказать, что во избежание еще более крупного недоразумения, чем то, которое возникло по поводу Кавалы, весьма желательно ныне же подробно обсудить с Францией и Англией не только судьбу Смирны, но вообще вопрос о разделе Азиатской Турции [2].

Извольский.

№ 70. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 67 [3]. 23/10 января 1915 г.

Mein Telegramm No 66 [4].

Auf meine Frage antwortend sagte heute der Minister-Präsident, er könne den Zeitpunkt, wann Bulgarien in Action treten werde, nicht

[1] Дополнительно к этой тел. Извольский тел. от 25/12 янв. за № 16 (опубл. L. N., III, p. 48) сообщил, что, по сведениям Делькассе, англ. прав-во готово согласиться на предоставление Смирны Греции. Со своей стороны Делькассе продолжал настаивать на рассмотрении вопроса о Смирне в связи с общим вопросом о разделе Малой Азии и разделял мнение Извольского о желательности приезда Сазонова и Грея в Париж для обсуждения этих вопросов.

[2] Тел. от 27/14 янв. за № 244 Сазонов известил Извольского, что он считает «предлагаемый съезд министров иностранных дел преждевременным, пока еще не определилось положение некоторых нейтральных держав».

[3] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. Ц. Р., стр. 100.

[4] Тел. от 21/8 янв. за № 66, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел., Тарновский сообщил со слов герм. военного агента в Болгарии о высказанной

bestimmen. Man müsse sehen, wie sich unsere Offensive in Serbien gestalten werde. Vielleicht muss Bulgarien, bevor noch Serbien ganz niedergeworfen ist, vorgehen. Dieses wird auch von Rumänien abhängen, welches nach Beginn unserer Offensive gegen Serbien nicht mehr neutral bleiben dürfte.

Vor einigen Tagen sagte der Minister-Präsident, Rumänien würde unsere Offensive in Serbien abwarten und, wann letzteres besiegt ist, mit uns gegen Russland gehen.

Heute sagte er, Rumänien dürfte zu Beginn unserer Offensive aus der Neutralität heraustreten, ob für oder gegen uns liess sich aber noch nicht voraussehen.

Перевод.

К моей телеграмме № 66.

Министр-президент, отвечая на мой вопрос, сказал мне сегодня, что он не может определить время, когда Болгария начнет военные действия. Надо знать, как разовьется наше наступление в Сербии. Быть может, Болгария должна выступить, пока Сербия еще окончательно не разгромлена. Это будет зависеть и от Румынии, которая после начала нашего наступления на Сербию, по всей вероятности, не останется нейтральной.

Несколько дней тому назад министр-президент сказал, что Румыния, вероятно, выждет результатов нашего наступления в Сербии и, когда последняя будет побеждена, выступит с нами против России.

Сегодня он сказал, что Румыния, повидимому, нарушит свой нейтралитет при начале нашего наступления, но с нами или против нас, — предвидеть пока нельзя.

№ 71. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

24/11 января 1915 г.

On instructions from His Government the Servian Minister in London has drawn the serious attention of His Majesty's Government to the preparations for the invasion of Macedonia which are being made by Bulgarian bands. He requests that the three Allied Powers should impress on the Bulgarian Government the necessity of restraining these bands by every means in its power, and should warn that Government that it would be responsible if incursion into Macedonia were made by bands from Bulgarian soil [1].

последнему болг. воен. м-ром и его помощником надежде, что австр.-герм-наступление против Сербии достигнет своей цели к началу марта, и это при. ведет к выступлению Болгарии.

[1] Тел. от 23/10 янв. за № 70, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Тарновский сообщил Буриану о данном ему Радославовым заверении, что транзиту воен-

His Majesty's Ambassador is instructed to make the above communication to His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs and to add that Sir E. Grey would be glad to learn Sazonow's views as to what steps could be usefully taken at Sofia in the sense desired by the Servian Government.

Перевод.

Согласно инструкциям своего правительства сербский посланник в Лондоне обратил серьезное внимание правительства его величества на делаемые болгарскими бандами приготовления к вторжению в Македонию. Он требует, чтобы три союзные державы указали болгарскому правительству на необходимость удержать всеми имеющимися в его распоряжении средствами эти банды от вторжения и предупредили названное правительство, что на него будет возложена ответственность, если вторжение в Македонию будет произведено бандами с болгарской территории.

Посол его величества получил предписание сделать изложенное выше сообщение его превосходительству императорскому министру иностранных дел и добавить, что сэр Э. Грей желал бы знать мнение г. Сазонова о том, какого рода шаги могли бы быть с пользой для дела предприняты в Софии в желательном для сербского правительства смысле.

№ 72. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 200. 24/11 января 1915 г.

Маккей, привезший Бьюкенену рекомендательное письмо от бывшего английского министра Вальтера Лонга [1], был рекомендован английским послом через генерала Вильямса, вследствие чего военные власти сочли возможным вести с ним переговоры и заключить сделку с его доверенными в Петрограде, гг. Думбадзе, Цимдиным и Кчаапом, на поставку 2 000 000 пушечных патронов.

Ныне же Бьюкенен сообщает, что английское правительство имеет в своем распоряжении неблагоприятные сведения о полковнике Аллисоне с точки зрения финансовой и что посольству поручено преду-

---

ного снаряжения из Салоник в Румынию по Восточной ж. д. будут оказаны всяческие препятствия. Далее Тарновский сообщал: «Министр-президент, кажется, действительно этим интересуется и утверждает, что он сам дал македонцам поручение. Я обещал дать ему денег для его людей. Одновременно македонцы подстрекаются нами и германцами».

[1] Тел. от 28/15 янв. за № 50 Бенкендорф сообщал Сазонову: «По делу Аллисона я считаю долгом совести прибавить, что репутация честности Вальтера Лонга, так же как и положение его как специалиста и частного человека, настолько прочны, что я понимаю Бьюкенена, который счел своим долгом это учесть. Я не знаю, как мог Лонг быть так злополучно обманутым».

предить нас о том, что не следует рекомендовать вступать в финансовые сделки ни с ним, ни с полковником Маккей.

С своей стороны Бахметев телеграфирует, что имеет от генерал-губернатора Канады через английского посла весьма неблагоприятные отзывы о личности Аллисона, который является безответственным аферистом, не располагающим ни капиталом, ни положением в финансовых сферах [1].

Придавая этому делу чрезвычайно важное значение, министерство входит ныне в сношение с военным ведомством с запросом, не представится ли возможным нарушить контракт с Маккей. В отрицательном случае представляется настоятельно желательным, чтобы английское правительство через своих вполне доверенных лиц учредило в Канаде самый бдительный надзор и контроль над исполнением Аллисоном контракта и периодической отправкой артиллерийского материала.

Об отзыве военного ведомства будет вам сообщено дополнительно.

Сазонов.

№ 73. Румынский посланник в Петрограде Диаманди румынскому председателю совета министров Братиану.

Телеграмма № 54 [2]. 24/11 января 1915 г.

J'ai eu une conversation avec Mr. Sazonow et je lui ai communiqué ce que j'ai dû lui dire du télégramme de votre excellence daté du 4 janvier. J'ai dit que ... [3] et que la Roumanie désire une entente entre les états balkaniques; que notre accord avec l'Italie ne pourrait avoir que le but de marcher contre l'Autriche; que nous considérons la Russie comme notre amie avec la Triple Entente.

Mr. Sazonow s'est montré très satisfait et me prie de vous transmettre ses remerciements pour ces déclarations si nettes qui sont de nature à écarter tout malentendu. Mr. Sazonow ne croit pas que Mr. Poklevsky a pu vous faire préciser la date du premier février [4]. Alors j'ai prié de ne pas lui faire un reproche de ce malentendu. Pour ce qui est d'une action en vue de concilier les Serbes et les Bulgares, Mr. Sazonow en reconnait l'importance, mais il m'a laissé entendre que d'autres combinaisons s'imposent: les Serbes, les Grecs et les Bulgares contre l'Autriche et

[1] См. стр. 31, прим. 1.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[3] На оригинале помета: «не расшифровано».

[4] Ср. №№ 4 и 13.

si possible il s'emploierait pour les faire agir sur un autre front, contre la Turquie.

Sur une question que je lui ai posé j'ai pu comprendre que Mr. Sazonow considère que la guerre russo-turque doit finir par une action du côté européen et que la Russie se rapprochait de la Bulgarie dont elle aurait sans doute à utiliser le territoire et le concours.

Перевод.

У меня был разговор с г. Сазоновым, и я ему сообщил то, что я должен был ему передать из телеграммы вашего превосходительства от 4 января. Я сказал, что... и что Румыния желает согласия между балканскими странами; что наше соглашение с Италией могло бы лишь иметь целью выступление против Австрии; что мы считаем Россию нашим другом, как и Тройственное согласие.

Г. Сазонов выразил полное удовлетворение и просил меня передать вам свою благодарность за это столь ясное заявление, которое способно устранить всякие недоразумения. Г. Сазонов не верит, что г. Поклевский мог добиваться от вас назначения в качестве точного срока первого февраля. Тогда я попросил не делать ему упреков за это недоразумение. Что касается деятельности, имеющей целью примирить сербов и болгар, то г. Сазонов придает ей большое значение, но дал мне понять, что настоящий момент выдвигает другие комбинации, а именно: сербы, греки и болгары — против Австрии; если же будет возможно, он приложит старания, чтобы вызвать их выступление на другом фронте, против Турции.

Из ответа на поставленный мною вопрос я понял, что г. Сазонов полагает, что русско-турецкая война должна закончиться [военными] действиями с европейской стороны и что Россия сближается с Болгарией, содействием и территорией которой ей, несомненно, придется воспользоваться.

№ 74. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 15. 24/11 января 1915 г. [1]

Копия сообщена в Токио.

Прибывший сюда на-днях новый германский посланник Гинце, успевший, как уверяют, тайно проехать из Мексики в Германию для получения инструкций своего правительства, принял корреспондента японской газеты «Асахи шимбун» и высказался перед ним в пользу заключения союза между Германией и Японией, заявив, что Германия, которая, несомненно, выйдет из войны победительницей, будет затем исключительно занята установлением своей гегемонии в Европе и предоставит Японии полную свободу действий на Дальнем Востоке, особенно против России.

[1] В прим. к поденной записи, опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 3, эта тел. ошибочно датирована 1916 г.

Несколько времени тому назад германский поверенный в делах, посетив под предлогом личных дел японского посланника, уже высказывался перед ним в том же смысле, хотя менее определенно и давал при этом понять, что высказывает не личное свое мнение, а является выразителем образа мыслей самого императора Вильгельма.

На мой вопрос, что он думает о таком выступлении немцев, японский посланник, сообщивший мне все вышеизложенное, ответил, что, по его мнению, шаг этот объясняется тем, что Германия весьма опасается отправления японских войск для действий против нее в Европе.

Крупенский.

№ 75. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 10. 24/11 января 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

Продолжение телеграммы № 9 [1].

Задержано полицией вчерашнее особое прибавление газеты «Асахи», сообщившей из Пекина, что Япония предъявила Китаю следующие требования: 1) продление на 99 лет арендного срока Квантуна и Южно-Манчжурской железной дороги; 2) уступка Японии всех германских прав в Шаньдунской провинции; 3) открытие важнейших пунктов Китая для торговли; 4) предоставление Японии права сооружать в Китае железные дороги и плавать по китайским рекам [2].

Газетам запрещено воспроизводить эти данные и обсуждать их.

Вчера императорское посольство посетил по поручению китайского посланника секретарь и передал, под условием сохранения тайны, что китайское правительство не находится под давлением германского правительства, а скорее действует под влиянием английского правительства.

Японские газеты резко осуждают деятельность английского посланника в Пекине, которого упрекают в явном противодействии японской политике.

Малевский.

---

[1] Тел. от 23/10 янв. за №№ 7 и 9 Малевский сообщал, что на запрос его, касаются ли переговоры япон. посланника с Юань Ши-каем «не только Шаньдуна, но и Манчжурии», Като ответил, что действительно посланнику поручено обсудить «между прочим и некоторые вопросы, касающиеся Манчжурии», но что переговоры не привели еще ни к какому результату.

[2] Тел. от 26/13 янв. за № 15 Крупенский сообщал со слов кит. м-ра ин. дел, что в число требований Японии входит «признание за ней преимущественных прав в Шаньдуне, Южной Манчжурии и части Внутренней Монголии».

№ 76. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

25/12 января 1915 г.

Sir E. Grey has sent a telegram to His Majesty's Minister at Athens to the following effect:

«In view of the prospect that a serious attempt is about to be made by Germany and Austria to crush Servia, it is of vital importance that any Power that is able to do so should support Servia. I am convinced that, if Greece consents to participate in the war as an Ally of Servia, both Russia and France will be quite prepared to agree to Greece receiving most important concessions of territory on the coast of Asia Minor. I believe, moreover, that there will be no difficulty in giving Mr. Venizelos a definite promise on these terms should he desire to have one; and in that case he should submit any proposals he may have to make to the three Allies who will, I am sure, give them their most favourable consideration.

If Servia is defeated, the result will be that, although the ultimate prospect of the victory of the Allies over Germany and Austria will not be affected, «faits accomplis» will be brought about in the Balkans which will make it difficult or even perhaps impossible to secure for Greece and Servia any advantages anything like as favourable as those which are now in prospect. The matter is accordingly urgent.

If, on the other hand, Roumania and Greece are prepared to participate in the war at once, their cooperation will ensure both the failure of the attempt to crush Servia and the further defeat of Austria. It will also make it certain that the aspirations of Greece, Servia and Roumania, who will thus have obtained control of events in that region, will be realized.

It is, however, most desirable, in order to ensure the participation of Greece and Roumania being effective, that Bulgaria should receive an assurance that she will get satisfactory concessions in Macedonia in the event of Greek and Servian aspirations elsewhere being realized. Such an assurance would of course be conditional on her active cooperation against Turkey or at least on her preservation — if she cannot bring herself to fight side by side with Servia — of a not unfriendly neutrality.

This is, however, a matter which must be dealt with at Nish as it primarily concerns Servia. It will only be necessary for you to mention

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 110.

it to Mr. Venizelos in order that he may not oppose any concessions which Servia, on condition of realizing Slav aspirations on the Adriatic, may be prepared to make to Bulgaria.

You should inform your Russian and French colleagues of the contents of this telegram and you should urge this point of view unofficially on Mr. Venizelos. You should also be prepared to cooperate with your two colleagues in making any offers which they may be instructed to make to Greece. But you should not offer to Greece either Rhodes or any island at present occupied by the Italians».

It will be seen from the above telegram that Sir E. Grey is prepared to support Mr. Sazonow's suggestion as to promising Greece a part of the Asia Minor coast with Smyrna (Aide-Mémoire from the Imperial Ministry for Foreign Affairs of January 21st/8th[1]). Sir E. Grey is, however, of opinion that it would fatally offend Italy to offer Greece any of the islands which Italy is at present occupying. This applies especially to Rhodes.

With reference to the remarks, mentioned in Mr. Sazonow's Aide-Mémoire, as having been made to Mr. Iswolsky by Mr. Noël Buxton, Sir E. Grey thinks that the latter gentleman is over-sanguine about Greece's readiness to cede Kavala, and he fears that the suggestion would be extremely distasteful to Mr. Venizelos. Mr. Buxton told Sir E. Grey that, in his opinion, if Bulgaria was promised Macedonian territory including Monastir and Ochrida[2], her cooperation would be secured without the offer of Kavala. Sir E. Grey hopes that Mr. Sazonow will instruct the Russian Minister at Athens in the sense that seems to him the best.[3]

Перевод.

Сэр Э. Грей отправил посланнику его величества в Афинах телеграмму следующего содержания:

«Ввиду возможности серьезной попытки со стороны Германии и Австрии

[1] См. № 53.

[2] Тел. от 26/13 янв. за № 44 Бенкендорф сообщил, что, по мнению Бекстона, единственным решением балканского вопроса является уступка Болгарии Македонии с Монастырем, но без Ускюба.

[3] Тел. от 24/11 и 25/12 янв. за №№ 18 и 19 Демидов сообщил со слов Эллиота о сделанном последним Венизелосу в смысле этой пам. записки заявлении. По словам Демидова, оно произвело сильное впечатление на Венизелоса, который, обещая доложить о нем королю и дать немедленно ответ, доверительно сообщил англ. посланнику, что Греция готова выступить, если Румыния последует ее примеру. Демидов сообщил также, что он не выполнил предписания Сазонова, изложенного в тел. за №№ 137 и 147 (см. № 53 и стр. 75, прим. 2) в связи с неполучением соответствующих инструкций другими посланниками.

раздавить Сербию, существенно важно, чтобы всякая держава, способная к этому, оказала помощь Сербии. Я убежден, что если Греция согласится принять участие в войне в качестве союзницы Сербии, то и Россия, и Франция будут вполне согласны на получение Грецией весьма значительных территориальных уступок на Малоазиатском побережьи. Я полагаю, кроме того, что не встретится препятствий к тому, чтобы дать г. Венизелосу определенное обещание на этот счет, если он этого пожелает; в этом случае пусть он представит все предложения, какие он может сделать, на рассмотрение трех союзников, которые, как я уверен, самым благожелательным образом к ним отнесутся.

В случае поражения Сербии результатом будет то, что, хотя конечные шансы на победу союзников над Германией и Австрией не будут уменьшены, но на Балканах будут уже иметь место «совершившиеся факты» (faits accomplis), которые сделали бы затруднительным или даже, может быть, невозможным обеспечение Греции и Сербии выгод, столь же благоприятных, как те, которые намечаются сейчас. Таким образом, вопрос представляется срочным.

Если, с другой стороны, Румыния и Греция готовы одновременно принять участие в войне, их соучастие обеспечило бы и неудачу попытки раздавить Сербию, и последующее поражение Австрии. В то же время этим будет гарантировано, что стремления Греции, Сербии и Румынии, которые таким образом станут господами положения в этой области, будут осуществлены.

Однако крайне желательно для обеспечения действительного участия Греции и Румынии, чтобы Болгария получила заверение, что ей будут предоставлены удовлетворяющие ее уступки в Македонии, в случае если греческие и сербские стремления в других местах будут осуществлены. Такое заверение должно быть, конечно, обусловлено ее активным сотрудничеством против Турции или, по крайней мере, сохранением ею, если она не может заставить себя сражаться бок-о-бок с Сербией, более или менее дружественного нейтралитета.

Однако, это — вопрос, который должен обсуждаться в Нише, так как он прежде всего затрагивает Сербию. Вам только необходимо упомянуть об этом г. Венизелосу, чтобы он не оказывал противодействия всем тем уступкам, которые Сербия готова будет сделать Болгарии при условии осуществления славянских стремлений в районе Адриатики.

Вам надлежит сообщить вашему русскому и французскому коллегам содержание этой телеграммы, а также настаивать в неофициальной форме перед г. Венизелосом на этой точке зрения. Вы также должны быть готовы к совместной деятельности с вашими двумя коллегами, в случае получения ими инструкций сделать какие-либо предложения Греции. Но вы не должны предлагать Греции ни Родоса, ни какого-либо другого острова, в настоящее время оккупированного Италией».

Из вышеприведенной телеграммы ясно, что сэр Э. Грей согласен поддержать предложение г. Сазонова, поскольку оно касается обещания Греции части Малоазиатского побережья со Смирной (памятная записка императорского министерства иностранных дел от 21/8 января). Сэр Э. Грей тем не менее придерживается того мнения, что предложение Греции какого-либо из островов, в настоящее время оккупированных Италией, роковым образом оскорбит Италию. Это особенно относится к Родосу.

Ссылаясь на приводимые в памятной записке г. Сазонова замечания, сделанные г. Извольскому г. Ноэль-Бекстоном, сэр Э. Грей полагает, что последний

чрезмерно доверяет готовности Греции уступить Кавалу, и он опасается, что подобного рода предложение было бы крайне неприятно Венизелосу. Г. Бекстон сказал сэру Э. Грею, что, по его мнению, если бы Болгарии была обещана территория Македонии, включающая Монастырь и Охриду, то ее сотрудничество было бы обеспечено без предложения Кавалы. Сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов даст российскому посланнику в Афинах инструкции действовать в том смысле, который представляется ему наилучшим.

№ 77. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 15. 25/12 января 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 158 [1].

В Берлин действительно выехали на-днях директор Публичного болгарского долга Стоянов и фон Мах [2]. Так как цель их поездки не заключение нового займа, а желание выяснить, не может ли Болгария получить все 130 миллионов, на которые она имеет право в силу июльского контракта с Disconto Gesellschaft, то я и не телеграфировал вам. Однако в день же отъезда Стоянова беседовал с Радославовым, которому высказал вновь мысль, — мой № 292 от [30] 17 минувшего сентября [3], — что неисполнение банком условий дает прекрасный предлог болгарскому правительству расторгнуть договор займа. Радославов сомневается, чтобы Стоянов получил теперь деньги, и говорит, что в таком случае Болгария, не желая более страдать от того, что Германия в войне, предпримет другой шаг. Я ему сказал, что державы Тройственного согласия всегда найдут способ притти Болгарии на помощь, лишь бы ее поведение дало им эту возможность. В таком же смысле, по моей просьбе, должны были высказаться пред Радославовым английский и французский посланники.

Савинский.

№ 78. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 18. 25/12 января 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1 [4].

На извещение о поездке личного посланца президента английский

[1] См. № 62.

[2] Сообщая со своей стороны тел. от 23/10 янв. за № 36 о поездке упомянутых лиц в Берлин, Бенкендорф добавлял, что, согласно заявлению Радославова англ. посланнику, «болгарское правительство не намерено связывать себя какими-либо политическими обязательствами».

[3] Во время указанной беседы Савинский заявил Радославову, что отказ Disconto Gesellschaft перевести в Софию следуемые России 10 000 000 руб. по бонам болг. казначейства мог бы послужить «основанием для уничтожения контракта» (Ср. т. IV, № 310).

[4] См. № 8.

посол получил ответ от Грея, который замечает, что американское правительство выказывает также мало дружбы к Англии и что всякое предложение вмешательства отсюда никак не может быть принято в соображение. Г. Хаус едет через несколько дней прямо в Лондон, чтобы сперва переговорить с министром иностранных дел, и продолжит свой путь только в случае, если он получит от него достаточное одобрение и поощрение для дальнейших объяснений с Германией и союзными державами. Спринг-Райс убежден, что Грей сразу охладит его пыл и остановит эту фантастическую попытку умиротворить Европу С.-А. С. Штатами в пользу Германии. Мой французский коллега не получил никакого ответа от своего правительства касательно этого дела.

Бахметев.

№ 79. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 25/12 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Строго доверительное письмо вашего высокопревосходительства от [21] 8 сего января за № 12/п. [2] было мною получено [22] 9 и в тот же день доложено начальнику штаба верховного главнокомандующего, дабы генерал-от-инфантерии Янушкевич был подготовлен к разговору с генералом Вильямсом, которому я одновременно передал полученное с тем же фельдъегерем весьма секретное письмо от великобританского посла касательно предположенных военных действий союзного флота против Дарданелл.

На другой же день я получил от начальника штаба для перевода на французский язык проект ответа великого князя на телеграмму лорда Китченера. Проект этот написан целиком, за исключением последней фразы, рукою его императорского высочества. Копию с перевода этого ответа имею честь представить при сем на благоусмот-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 132.

[2] При письме от 21/8 янв. за № 12 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 131) Сазонов препроводил Кудашеву по просьбе англ. посла письмо Китченера Вильямсу «о предположенных военных действиях союзного флота против Дарданелл» (ср. № 43). Сазонов высказывал мнение о необходимости тщательно взвесить, может ли Россия «оказать англичанам просимую ими поддержку и в случае удачного оборота дела сыграть в занятии Проливов подобающую ей роль». В противном случае в связи с изменившимся положением на Кавказе он считал желательным просить союзников «повременить еще с предположенными действиями против Дарданелл».

рение ваше. Этот ответ был в моем присутствии передан генералом Янушкевичем генералу Вильямсу и вошедшим затем в вагон, где мы находились, великим князем дополнен и развит словесными разъяснениями. Разъяснения эти сводятся к следующему: мы рады были бы оказать союзному флоту содействие, но обещать его не можем ни флотом, ни сухопутными войсками; с чисто военной точки зрения всякий удар, нанесенный Турции, для нас выгоден, так как не только облегчит наше военное положение на Кавказе, в настоящее время вполне впрочем благополучное, но и в Европе, так как поражение турок несомненно определит ориентировку балканских государств в желательную для нас сторону.

Генерал Вильямс, который впоследствии прочел мне свое письмо сэру Джорджу Бьюкенену, в коем он излагает услышанное им от великого князя и препровождает упомянутый выше ответ, понял его императорское высочество так: верховный главнокомандующий находит для военной обстановки предположенное форсирование выгодным, но не может ему способствовать. Таким образом, доносит генерал, великобританскому адмиралтейству придется решить, может ли оно предпринять это дело теперь же, без всякого содействия России, или же отложить его до мая, когда русская эскадра будет в состоянии с своей стороны напасть на турок с севера. При этом генерал Вильямс заметил мне: «По моему личному впечатлению и читая между строк телеграмму лорда Китченера, дело о форсировании Дарданелл нашим адмиралтейством уже решено. Но, быть может, заявления великого князя и заставят его изменить или отложить».

Перед отъездом в Петроград я зашел к генерал-квартирмейстеру, который посвящен в это дело и от которого я надеялся услышать дальнейшие развития мысли, изложенной в ответной записке великого князя.

Генерал-от-инфантерии Данилов действительно высказался подробнее и определеннее, нежели великий князь. Он начал с того, что наше положение на Кавказе после блестящих побед под Саракамышем, Караургапом и других, теперь прекрасно, но непрочно. Потери наши там громадны, и пополнить их неоткуда. Между тем имеются сведения, что турки уже подтягивают подкрепления к нашей границе: 12-я дивизия, предназначавшаяся для действий против англичан на Шатт-эль-Арабе, направлена ныне на север; 2-й и 5-й корпуса (Адрианопольский и Смирнский) будто тоже подготовляются к перевозке на наш фронт. При таких условиях месяца через полтора-два наша кавказская армия будет в том же критическом положении, в котором она

находилась до наших побед. Надеяться на повторение совершенных нашими кавказскими войсками подвигов можно, но рассчитывать на это не следует, и катастрофу на Кавказе необходимо по возможности предупредить. Ввиду этого всякая серьезная диверсия, совершенная нашими союзниками и направленная против Турции, только может быть нами приветствуема. Он подтвердил мне невозможность, — даже при условии успеха английского предприятия, в каковой успех он лично безусловно не верит, — посылки нами каких-либо войск для десантной операции на Босфоре. Он усмехнулся, когда я сказал, что в ответе великого князя упоминается минимум для десанта в два корпуса: меньше как о четырех корпусах даже и говорить не стоит. Тем не менее он считает, что одна попытка англичан завладеть Дарданеллами уже принесет свою пользу. «А потому, — прибавил он, — скажите Сергею Дмитриевичу, чтобы он отнюдь не «расхолаживал» англичан. Пользу предприятие их принесет несомненно, удастся ли оно или нет». На это я ему напомнил слова вашего высокопревосходительства, переданные ему после моей первой поездки в Петроград: что только то вы считаете крепко приобретенным, что добыто нами самими, нашею кровию, нашими усилиями. Согласившись с этим, генерал Данилов прибавил, что мы и не думаем чужими руками жар загребать, что впрочем нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть Проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Оттоманской империи, то и тогда не смогут овладеть этою столицею: никакой десант, который они могли бы выслать, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу. Если принять во внимание это обстоятельство, то, по мнению генерала Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что касается до общего вопроса завладения нами Босфором, то это не может быть сделано нами «между прочим». Он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли, — в этом он глубоко сомневается.

Резюмируя все услышанное мною от высших руководителей нашими военными действиями на ставке, можно сказать: 1) завладение Проливами союзным флотом считается трудно осуществимым, почти невозможным; 2) попытка такого завладения для нас полезна и с военной точки зрения даже очень желательна; 3) даже в случае неудачи она принесет нам пользу; 4) в случае удачи опасности не представляет, а пользу принесет еще большую; 5) содействие наше этому предприятию

в настоящее время ничем выразиться не может; в мае может помочь наш Черноморский флот, усиленный новыми единицами; 6) десант сколько-нибудь значительный мы сможем послать только тогда, когда определится несомненная и окончательная наша победа над германцами.

Примите и пр.

Н. Кудашев.

Приложение

Копия письма верховного главнокомандующего английскому военному министру Китченеру [1].

La démarche auprès des Alliés [2] en vue d'une action contre la Turquie avait pour objet de distraire les forces turques du front du Caucase à un moment où s'engageait sur tout le front de l'armée du Caucase une bataille avec des forces supérieures. Cette bataille pouvait aboutir à une défaite pour nous. En effet, résolus de coopérer de toutes nos forces avec nos alliés nous avons décidé de ne point affaiblir nos troupes faisant face aux Allemands et aux Autrichiens. Nous envisagions aussi l'action des alliés contre la Turquie comme un puissant moyen d'obtenir un effet moral important.

En faisant notre démarche nous n'avons ni indiqué ni suggéré aucun mode d'exécution parce que nous n'avions pas la possibilité de concourir directement à l'exécution d'un plan d'action contre la Turquie.

Notre flotte, en vue de l'inachèvement des dreadnoughts, du nombre insuffisant de torpilleurs à marche rapide et de l'absence de sous-marins de type perfectionné, — n'est que l'égale de la flotte turque; encore cela n'est il le cas que quand tous les vaisseaux se trouvent réunis. L'absence d'une ou de deux unités la rend de suite inférieure à la flotte ottomane. La construction de nos vaisseaux est telle qu'ils ne peuvent avoir à bord que du charbon pour 4 jours de marche. Le ravitaillement en charbon en mer est rendu impossible par le mauvais temps et le mauvais état de la mer qui règnent pendant presque tout l'hiver dans la mer Noire. La base la plus proche que nous ayons est à 24 heures de marche de l'entrée au Bosphore. Telles sont les raisons pour lesquelles nous ne pouvons prêter notre concours aux flottes alliées quel que soit notre désir de le faire.

La force des batteries qui protègent le Bosphore étant donné le nom-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 134.

[2] См. т. VI, № 718.

bre et le calibre de leurs canons, comparés à ceux de notre flotte, donne peu d'espoir à un succés pour nous.

L'opération d'une descente de troupes russes — ce qui constituerait le concours le plus efficace à prêter à la flotte alliée après le forcement des Dardanelles — ne saurait avoir lieu car elle ne pourrait se faire qu' aux dépens des forces sur le théâtre principal de la guerre en les affaiblissant de deux corps d'armée tout au moins.

Tel est le tableau clair et véridique de notre situation. Nous nous empressons de l'exposer afin que nos alliés en tiennent compte quand ils auront à faire le choix des moyens et à déterminer la nature de l'action contre la Turquie afin de la rendre la plus efficace dans les circonstances données.

On ne saurait espérer l'écrasement de la Turquie par des succès sur le théâtre de la guerre du Caucase. La prise même d'Erzéroum ne le déterminerait pas.

Le renforcement de notre escadre de la mer Noire par l'adjonction du dreadnought «Impératritza Maria», de sous-marins de type perfectionné et de torpilleurs changerait évidemment les choses en rendant notre flotte plus apte à entreprendre des opérations actives. Mais ceci ne pourrait avoir lieu qu'au mois de mai.

Pour conclure le généralissime croit devoir remarquer que selon lui telle ou telle act on militaire dirigée contre la Turquie devra donner des résultats importants à la cause commune. En effet, elle aura son contrecoup chez le principal ennemi — l'Allemagne, elle liera la Turquie la rendant impuissante à tout effort actif et aura certainement un effet déterminant sur l'attitude des Etats de la presqu'île Balkanique.

Перевод.

Обращение к союзникам в целях вызвать выступление против Турции имело целью оттянуть турецкие силы с кавказского фронта в момент, когда на всем фронте кавказской армии завязывалось сражение с превосходными силами. Это сражение могло завершиться для нас поражением. Действительно, намереваясь оказать всеми нашими силами содействие союзникам, мы решили никоим образом не ослаблять наших войск, сражающихся против немцев и австрийцев. Мы рассматривали также военные действия союзников против Турции как мощное средство оказать значительное моральное воздействие.

В своем обращении мы не указали и не настаивали на том или ином способе выполнения, так как мы не имели возможности принять непосредственное участие в выполнении плана действий против Турции.

Наш флот, ввиду незаконченной постройки дредноутов, недостаточного числа быстроходных миноносцев и отсутствия подводных лодок усовершенствованного типа, является лишь равным турецкому флоту, да и то только тогда,

когда все суда собраны вместе. Отсутствие одной или двух единиц делает немедленно наш флот слабее турецкого. Устройство наших судов таково, что они могут иметь на борту запас угля лишь на 4 дня пути. Снабжение углем на море невозможно вследствие ненастной погоды и бурного моря, каковые условия продолжаются в Черном море в течение почти всей зимы. Самая близкая база, которой мы располагаем, отстоит на 24 часа пути от входа в Босфор. Таковы причины, по которым мы не можем оказать содействие союзным флотам, как бы сильно мы ни желали это сделать.

Сила батарей, защищающих Босфор, принимая в соображение число и калибр их орудий по сравнению с орудиями нашего флота, внушает нам мало надежд на успех.

Десантная операция русских войск, — что являлось бы наиболее действительной помощью союзному флоту после захвата Дарданелл, — могла бы состояться лишь за счет сил, действующих на главном театре войны, при ослаблении их, по крайней мере, на два армейских корпуса.

Такова ясная и правдивая картина нашего положения. Мы спешим изложить ее, дабы союзники считались с ней, когда им придется выбирать средства и определять характер действий против Турции для того, чтобы добиться наибольшего успеха при данных обстоятельствах.

Нельзя надеяться на разгром Турции путем успехов на кавказском театре войны. Даже взятие Эрзерума не будет иметь в этом отношении решающего влияния.

Усиление нашей Черноморской эскадры присоединением к ней дредноута «Императрица Мария», подводных лодок усовершенствованного типа и миноносцев, конечно, изменит положение вещей, сделав наш флот более пригодным для проведения активных действий. Но это может иметь место лишь в мае.

В заключение главнокомандующий считает долгом заметить, что та или иная военная операция, направленная против Турции, должна дать значительные результаты для общего дела. Действительно, она отзовется на главном противнике — Германии, она свяжет Турцию, сделав ее бессильной для всякого активного выступления, и будет, конечно, иметь решающее влияние на позицию государств Балканского полуострова.

№ 80. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

*/. 26/13 января 1915 г.

Mr. Sazonow partage entièrement l'opinion de son excellence Mr. Delcassé (aide-mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 23/10 janvier 1915 [1]) sur l'utilité d'une démarche à faire par les re-

[1] Означенной пам. запиской Бьюкенен передал заявление Делькассе англ. послу в Париже от 16/3 янв. Франц. министр высказался против посылки воен. судов в Дураццо. Желая в то же время показать балканским странам и албанцам, что «державы продолжают быть заинтересованными и сохраняют за собой право изменить в будущем и совместно с Италией положение вещей, созданное Лондонской конференцией», Делькассе предложил выступить в Цетинье, Нише и Афинах с заявлением, изложенным в настоящей пам. записке.

présentants des trois Puissances à Athènes, Nich et Cettigné ayant pour but d'inviter les gouvernements respectifs à s'abstenir de toute occupation nouvelle de territoires albanais [1]. — Mr. Sazonow suggère en même temps de porter cette démarche à la connaissance du gouvernement de Rome et lui exprimer l'espoir que dans ces circonstances l'Italie n'étendrait point la sphère de son action sur la côte albanaise [2].

Перевод.

Г. Сазонов полностью разделяет мнение его превосходительства г. Делькассе (памятная записка посольства его британского величества от 23/10 января 1915 г.) о пользе заявления, которое следует сделать представителям трех держав в Афинах, Нише и Цетинье в целях предложить соответствующим правительствам воздержаться от всякой новой оккупации албанской территории. Г. Сазонов предлагает в то же время сообщить об этом шаге римскому правительству и высказать ему надежду, что при этих условиях Италия не распространит сферу своих действий на Албанское побережье.

№ 81. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 26/13 января 1915 г.
Personnel.

Nicolson m'a dit hier confidentiellement que Grey voudrait hâter question des mutations de ministres à Téhéran. Il attend réponse à télégramme envoyé à ce sujet à Buchanan [3]. Comme il a cédé sur tous les points, je crois qu'il serait bon répondre plus tôt possible pour que arrangement soit formel.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Никольсон вчера доверительно сообщил мне, что Грей желал бы ускорить вопрос о смене посланников в Тегеране. Он ожидает ответа на телеграм-

[1] Тел. от 31/18 янв. за № 293 Сазонов предложил посланникам в Афинах, Нише и Цетинье сделать соответствующему прав-ву совместно с франц. и англ. посланниками изложенное в настоящей пам. записке заявление, поставив м-ра ин. дел в известность об одновременном заявлении в Риме. Тел. от 2 февр./20 янв. за № 32 Демидов передал ответ Венизелоса, что «ему тем легче покориться воле держав Согласия, что в его намерения отнюдь не входило производить какие-либо территориальные захваты в Албании». Об аналогичном ответе Пашича Трубецкой сообщил тел. от 2 февр./20 янв. за № 81.

[2] Соответствующая инструкция в Рим была послана тел. от 31/18 янв. за № 294.

[3] См. № 52.

му, посланную по этому поводу Бьюкенену. Так как он уступил по всем пунктам, я считаю целесообразным ответить ему возможно скорее, дабы соглашение было оформлено.

Бенкендорф.

№ 82. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/.Телеграмма № 42. 26/13 января 1915 г.

J'ai fait réfuter correspondance de Graham selon vos instructions [1]. Cette correspondance contient une longue et minutieuse description d'un déjeuner chez vous. Ecrit dans un bon esprit général elle n'en est pas moins, faisant intervenir M-me Sazonow plutôt de mauvais goût. «Times» a refusé de la publier à ce titre. Elle a paru dans «Sunday Times» et passa plutôt inaperçue par le public anglais, mais télégraphiée en Amérique y a fait sensation, surtout dans les cercles juifs à cause phrase où vous auriez dit que maximum réformes en Russie pourrait être libération de service militaire, ce qui est précisément mesure que cercles juifs redoutent le plus et contre laquelle ils protestent comme élargissant le gouffre entre les sujets russes chrétiens et israélites. En réalité ils prennent comme insultante surtout en temps de guerre. Que intentions de Graham sont bonnes — n'est pas douteux, mais il s'y prend de façon très peu heureuse. Marshall l'a fait publiquement démentir en Amérique. Recevrez correspondance par poste. Il ne faut pas se faire d'illusion sur cette question, déjà maintenant fort exploitée par l'Allemagne, qui prend de plus en plus proportion d'une question générale de très grande importance politique et qu'il faudrait hâter comme telle. Elle est la seule où l'agitation allemande trouve écho plus ou moins partout, et se complique par difficultés que présente situation des Juifs dans provinces autrichiennes et prussiennes après conquête où maintenant ils ont des droits égaux. Je ne saurais assez insister sur la portée de cette question lors de la paix et pour le développement de constellations politiques. Elle se glisse partout, et je suis convaincu que la sagesse exigerait que le gouvernement impérial s'y prenne à temps par mesures de magnanimité proprio motu. Je dois considérer comme un devoir de signaler en quelle auguste initiative le monde espère à cause même de l'éclat que les pays lui donnent en ce moment à tout point de vue.

Benckendorff.

[1] Тел. от 20/7 янв. за № 317 Сазонов, передавая Бенкендорфу, что корреспондент «New York Times» Маршалл запросил его телеграфно по поводу корреспонденции Грахэма о заявлении, якобы, сделанном Сазоновым, что евреи в России не могут рассчитывать на расширение своих прав, — просил передать Маршаллу, что он никаких интервью о положении евреев в России никому не давал.

Перевод.

Я настоял на опровержении корреспонденции Грахэма согласно вашим инструкциям. Эта корреспонденция дает пространное и подробное описание завтрака у вас. Хотя в общем она и написана с хорошими намерениями, тем не менее она неуместна, раз упоминает об участии г-жи Сазоновой в разговоре. «Times» на этом основании отказался поместить упомянутую корреспонденцию. Появилась она в «Sunday Times» и почти не привлекла внимания английского общественного мнения, но, переданная по телеграфу в Америку, вызвала там сенсацию, в особенности в еврейских кругах в связи с приписываемой вам фразой, в которой вы, будто бы, сказали, что максимумом реформ в России могло бы быть освобождение от воинской повинности; между тем, еврейские круги наиболее опасаются именно этой меры; они протестуют против нее, как углубляющей бездну, существующую между российскими подданными христианами и евреями. В действительности эти круги считают подобную меру оскорбительной, в особенности во время войны. Несомненно, что Грахэм имел хорошие намерения, но он взялся выполнить их весьма неудачно. Маршалл распорядился опубликовать опровержение в Америке. Получите почтой соответствующую корреспонденцию. Не следует создавать иллюзий по этому вопросу, который в настоящее время уже весьма эксплоатируется Германией и принимает все более и более характер общего вопроса весьма крупного политического значения; разрешение его, как такового, следовало бы ускорить. Вопрос этот является единственным, в коем германская агитация находит себе отзвук более или менее повсеместно; он осложняется трудностями, которые создаются в связи с положением евреев в австрийских и прусских провинциях после их завоевания, где они теперь равноправны. Я вынужден усиленно настаивать на значении этого вопроса при заключении мира и в деле образования политических группировок. Он проникает всюду, и я убежден, что благоразумие требует, чтобы императорское правительство своевременно занялось им путем принятия великодушных мер по собственному почину. Я считаю своим долгом указать, что весь мир ждет подобной августейшей инициативы благодаря именно значению, которое страны придают ей в настоящий момент со всех точек зрения.

Бенкендорф.

№ 83. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 42. 26/13 января 1915 г.

За последние дни в здешних политических кругах замечается несколько подавленное настроение, вызванное известием о передвижениях германских войск в Венгрии и слухами о прибытии части их также и на границу Румынии. Министр финансов сообщил мне, что, по некоторым сведениям, около 40 000 германо-венгерских войск сосредоточены около пограничных пунктов Гимеш [1] — Паланка, причем со вчерашнего дня венгерское правительство закрыло эти пункты для

[1] Так в оригинале. Следует читать: Дьимеш.

движения пассажиров и товаров. Паланка находится в самом узком месте Румынии, и сосредоточенные в ее окрестностях неприятельские войска могут одновременно угрожать и нам в Буковине, и Румынии, и даже Южной Бессарабии. — Сообщая мне о вышеизложенном, министр высказался за необходимость для румынского правительства пока воздержаться от вызывающих по отношению к Германии актов, так как нападение со стороны последней на Румынию является еще совсем несвоевременным. Я указал министру, что во всяком случае со стороны Румынии были бы теперь своевременны некоторые меры военной предосторожности, на что Костинеску заверил меня, что таковые негласно принимаются румынским правительством.

Поклевский.

№ 84. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 8. 26/13 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предыдущем моем донесении от сего числа за № 7 [1] я счел долгом отметить между прочим желательность, с точки зрения обеспечения по возможности успеха наших представлений здесь, принять во внимание ту часть предложения Грея, о которой говорится в вашей телеграмме от [12 января 1915 г.] 30 декабря минувшего года за № 4953 [2], а именно об удовлетворении Болгарии линиею по Вардар и в придачу Монастырем.

Не мне судить, насколько подобная линия способна удовлетворить Болгарию, но в ее пользу есть несомненно следующие веские основания:

1) Чем больше медлит Болгария определением своего положения

[1] Деп. от 26/13 янв. за № 7 Трубецкой сообщал о предложении англ. посланника в Сербии затронуть в частных беседах с Пашичем вопрос о возможности добиться благожелательного нейтралитета Болгарии, предложив ей линию по Вардар с Монастырем и Охридой. Считая, что благожелательный нейтралитет — недостаточная гарантия со стороны Болгарии и что Пашич не согласится на предложенную границу, Трубецкой в качестве своего личного мнения высказался за необходимость: а) установить вполне определенно между тремя кабинетами, какие компенсации они могут предложить Сербии; б) получить уверенность в том, что Болгария при известных условиях нарушит нейтралитет и выступит, когда и где ей укажут державы Тройственного согласия, и в) по возможности сократить притязания Болгарии, предложив ей лишь Монастырь в придачу к линии Вардара.

[2] См. т. VI, № 760.

тем менее, казалось бы, она в праве рассчитывать на удовлетворение всех своих притязаний.

2) Как известно императорскому министерству, есть основание предполагать, что возражения Венизелоса против уступки Монастыря Болгарии не являются безусловными, в то время как большее расширение ее было бы сопряжено с протестом афинского кабинета в Нише, или требованиями соответствующих компенсаций. И, наконец,

3) предложение Грея о вознаграждении Болгарии по Вардар с придачею Монастыря весьма схоже с тем решением, которое имелось нами в виду до междоусобной войны между союзниками, когда речь шла об осуществлении нами арбитража между Сербией и Болгарией. Если вы изволите припомнить, у нас предполагалось тогда исправить договорную границу в пользу Сербии так, чтобы Болгария получила восточный берег Преспенского озера, а сербская граница, проходя от северной оконечности того же озера, отдавала бы Сербии все Охридское озеро. Эта справка имеет тем большее значение, что, насколько мне известно, в переговорах наших с болгарами за последнее время министерство всегда говорило о компенсациях в духе договорной границы, а не согласно ее букве. Правда, в свое время болгары утверждали, что им невозможно отказаться от Охриды, бывшей в XVIII веке местопребыванием болгарского патриарха, но с своей стороны сербы утверждают, что памятники более ранней эпохи там же сербского происхождения.

Не входя в разбор этих аргументов политической археологии, можно сказать, что, помимо желания каждой из сторон все получить и ничего не дать, для современной Болгарии тот факт, что Охрида — родина Геннадиева и других столь же сомнительных деятелей, едва ли не важнее, чем воспоминание о патриархе. Равным образом, Сербию интересуют в Охриде не столько церкви XI века, сколько богатая рыбная ловля в озере и прилегающие к нему земли.

В свое время обе стороны были негласно поставлены нами в общих чертах в известность о намечавшихся нами изменениях договорной границы. И теперь, когда мне пришлось как-то заговорить с одним из близких к Пашичу людей о том, что Болгарию нельзя удовлетворить иначе, чем договорной границей, мой собеседник возразил мне, что раз до войны, вызванной предательским нападением Болгарии, мы признавали права Сербии на исправление договорной границы, то неужели после этой войны, стоившей Сербии стольких жертв, права ее уменьшились? Вообще в беседах по этому поводу с здешними деятелями я не мог не заметить, что насколько формула договорной гра-

ницы удовлетворяет не только вожделения, но и самолюбие болгар, настолько же упоминание о ней, связанное с вероломством Болгарии, вызывает здесь еле сдерживаемое раздражение. Между тем, если нельзя примирить непримиримого, то, казалось бы, удовлетворив по возможности реальные нужды Болгарии, мы не можем не отнестись бережно к самолюбию маленькой героической Сербии, которая пока ни в чем против нас не погрешила, но в которой все еще сильно опасение, что недавний сравнительно поворот России в ее сторону уступит снова место фаворитизму Болгарии, который действительно одно время оставлял Сербии второе место в наших симпатиях.

Подобные намеки мне приходилось, правда, в весьма осторожной форме выслушивать здесь от многих. Подозрительность по отношению к Болгарии и опасение, что мы снова будем ей покровительствовать больше, чем Сербии, всего сильнее, пожалуй, развиты в военной среде.

Не так давно престолонаследник, несомненно отражающий на себе влияние этой последней, заговорив со мною о болгарах, утверждал между прочим, что в них почти нет славянской крови и что они не заслуживают доверия и участия России. На это я возразил, что Россия не может отождествлять болгарский народ с тем или иным правительством, которое, к его несчастью, управляет им в известную минуту, что у нас нет любимцев, но что мы также не можем стать на точку зрения, что Болгария, освобожденная кровью наших солдат, не имеет в себе славянской крови. Бывают, конечно, и в семьях уроды, и Болгария может погубить себя так же, как и два года тому назад, когда не послушалась России, но пока этого не случилось, наша цель, в хорошо понятых интересах как Болгарии, так и Сербии, восстановить между ними отношения, подобающие двум славянским народам и отвечающие жертвам, которые мы принесли.

Примите и пр.

Трубецкой.

№ 85. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 9. 26/13 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ввиду упоминания в предложении сэра Эдуарда Грея об идеале земельного приращения Сербии [1], за который можно было бы потребовать от нее уступки Македонии, небезынтересным представляется

[1] См. №№ 41 и 46.

ответить на вопрос, что сама Сербия разумеет в качестве своего идеала.

Ответом на этот вопрос может служить прилагаемая карта сербских пожеланий, составленная профессором Цвиичем. Последний, как известно, принимал самое деятельное участие в свое время в выработке границы договора 1912 года, и, следовательно, является, если можно так выразиться, официальным закройщиком сербского правительства.

Г. Цвиич, доверительно передавший мне эту карту, утверждает, что при составлении ее им были приняты во внимание строго проверенные научные данные о составе и языке населения; что касается политической стороны вопроса, он не считает себя призванным высказывать определенное мнение.

По тому же вопросу мне пришлось беседовать с престарелым почтенным деятелем и ученым г. Стояном Новаковичем — вождем партии напредняков.

Несмотря на свои 74 года, Новакович отдает все свое время работам научно-патриотических изысканий, подкрепляющих право Великой Сербии стать крупным государством, объединяющим юго-западное славянство. Ради этой цели он лично готов на самые широкие уступки кроатам, дабы привлечь их симпатии и тяготение к Сербии, вплоть до перемены названия этого государства, которое могло бы, по его мнению, именоваться объединенным Сербо-Хорватским королевством.

Вопрос в том, в какое отношение станет Сербия к землям, которые ей удастся приобрести, представляется еще весьма неясным для самих сербов. Это происходит главным образом потому, что война застала Сербию врасплох, и военные действия фактически разъединили сербов королевства и сербов Австро-Венгрии. Между теми и другими невозможно установить какое бы то ни было общение. Этим объясняется, между прочим, полное неведение здешней верховной команды относительно намерений неприятеля.

Ввиду этого здешние политические круги могут исходить в своих предположениях о настроении в сербских областях Австро-Венгрии из весьма гадательных данных. Несомненно, что тяготение некоторых частей Австро-Венгрии к Сербии до войны обусловливалось главным образом ненавистью к венскому правительству. Как скоро последнее сойдет со сцены, вместо тяготения к Сербии может возникнуть присущее каждому маленькому племени и области стремление утвердить свою самостоятельность.

Опасение подобного оборота дел несомненно существует здесь у более зрелых политических деятелей. Оно борется у них с естествен-

Межд. отн. в эп. импер., т. VII, ч. 1.

ным желанием утвердить первенствующее положение нынешней Сербии в будущем увеличенном государстве.

Как выйдут сербы из этих затруднений, если им придется решать эти вопросы, — сейчас сказать, конечно, трудно. Пашич отдает себе в них отчет и склонен дать самое широкое удовлетворение кроатам, чтобы привлечь их симпатии на сторону Сербии. В этом отношении весьма счастливо для Сербии, что ей удалось заключить с Ватиканом конкордат [1] незадолго до войны на весьма выгодных для себя условиях. Это обстоятельство поможет удачному с политической точки зрения разрешению сложного вероисповедного вопроса в Кроации, если эта область отойдет к Сербии. На этих днях сербское правительство назначило впервые посланника при Ватикане, выбрав на этот пост г. Гавриловича из Цетинье, которому предстоит подготовить почву для переговоров по урегулированию положения католической церкви в новых краях.

Когда мне приходилось говорить об этом вопросе с здешними политическими деятелями они справедливо указывали на широкую веротерпимость, отличающую сербские законы. Немногие из них признавались при этом, что, к сожалению, эта веротерпимость в значительной степени имеет источником религиозное равнодушие. В беседах по этому поводу с здешними иерархами я в свою очередь обращал их внимание на то, какая ответственная задача выпадет на долю православной церкви в Сербии, когда ей придется столкнуться с воинствующим и прекрасно оборудованным католицизмом.

Законы Сербии обеспечивают веротерпимость, впрочем и без того православной церкви не пригоже опираться на стеснение свободы совести для утверждения внешнего своего господства, которое только увеличивает внутреннюю слабость. Православной церкви нужно выступать во всеоружии нравственной силы. Она имеет на то право, потому что ею всетаки жив сербский народ, в корне остающийся верным церкви, хотя бы эту веру и подточил отчасти дух равнодушия.

В этой области духовного укрепления церкви и ее иерархии Сербия может черпать поддержку опять только в России. Лучшие ее иерархи, как, напр., здешний епископ нишский Досифей, — русские воспитанники, умевшие воспринять то, что есть самого ценного в глубине русской веры и нашей религиозной мысли. Что касается до нас, то

[1] Конкордат между Ватиканом и Сербией был подписан в Риме 24/11 июня 1914 г.

нельзя достаточно [1] дорожить этими лучшими и самыми драгоценными связями России с единоверными славянами.

Что касается политической стороны вопроса об отношении Сербии к новым областям, здесь преобладает мнение, что в силу особенностей своей культуры и вероисповедания Кроация должна рассматриваться несколько иначе, чем ближе стоящие к Сербии Босния и Герцеговина, Далмация и сербский Банат, которые подлежали бы присоединению и введению общих сербских порядков. В вопросе об отношении православной Сербии и католической Кроации много общего с нашим польским вопросом, и сербы весьма интересуются поэтому его постановкой в России. Здесь существует стремление, оградив все интересы общегосударственного характера, выделить по возможности широко вопросы культурного самоопределения и местного хозяйства и предоставить их автономии или, как здесь выражаются, народоправству кроатского народа.

Неясным остается, между прочим, вопрос общегосударственного представительства при наличии местного сейма. Сербская скупщина решает вопросы общегосударственные и в то же время и такие, которые являются для кроатов посторонними, поскольку они касаются нынешних областей Сербии. Раз сербы не будут влиять на местные кроатские дела, то почему кроаты были бы допущены к решению сербских дел. Отсюда возникает вопрос либо о создании особой делегации для дел общегосударственного характера, либо о выделении особого разряда местных сербских дел, которые будут решаться скупщиной без участия кроатских представителей.

Все эти сложные вопросы сейчас только еще намечаются. Нельзя сказать, во что превратится нынешняя Сербия, если она больше чем удвоится в составе своего населения. Новые пришельцы принесут с собою новые навыки и понятия. Это отчасти также заставляет сербов дорожить православным населением Македонии, дабы иметь ядро однородного населения.

Примите и пр. Трубецкой.

№ 86. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 22. 26/13 января 1915 г.

Тоунлей ознакомил меня с содержанием беседы вашего высокопревосходительства с великобританским послом касательно желательного урегулирования англо-русских отношений в персидском во-

[1] Так в оригинале.

просе [1]; в свое время письмом от [25] 12 марта минувшего года [2] я позволил себе рекомендовать изменение соглашения 1907 года [3] в смысле разграничения нейтральной зоны. Годовой опыт пребывания в Тегеране побуждает меня изменить это мнение и высказать следующие соображения.

Я сомневаюсь, чтобы пересмотр соглашения в предложенном смысле был осуществим, а если да, то чтобы преследуемая цель, то есть установление прочных дружественных отношений с Англией, могла быть таким образом достигнута. Если лондонский кабинет останется верен провозглашенным им принципам неприкосновенности и целости Персии и покровительства национальному саморазвитию малых народностей — (Бельгия), которым, по словам Тоунлея, английское общественное мнение придает особенно большое значение, то он не пойдет на упразднение нейтральной зоны, считая таковое первым шагом к разделу Персии. Англичане не согласятся на это, ибо нейтральная зона является пока тем буфером, о котором хлопочут индийские политики; разделение же ее приведет, как то указано сэром Э. Греем, к нежелательному для Англии непосредственному соседству двух государств. К тому же при наличии ее сохраняется видимость Персии как самостоятельного государства, или, по крайней мере, такая часть ее, где его правительство может формально проявлять свою суверенную власть. Вот почему англичане противятся такому пересмотру и предпочитают более точное размежевание сфер влияния, хотя бы с их увеличением, и выяснение взаимных прав. Я думаю, что такая комбинация целесообразнее и для нас, но в несколько ином виде.

Но дело в том, что, даже выговорив невмешательство англичан и свободу действий в русской сфере и возможно полную спецификацию наших прав, мы все же не избежим соревнования и трений в Тегеране, ибо английская миссия, руководствуясь указаниями Лондона, действительно по собственной инициативе, будет продолжать вмешательство в дела Севера, а центральное персидское правительство будет парализовать нашу политику. Если против этого средством может служить точное определение наших прав в русской сфере, то для предупреждения трений и интриг, связанных с вопросами внутренней политической борьбы: успокоения умов, деятельности меджлиса и т. д., сосредоточенных в Тегеране, как в месте нахождения правитель-

[1] Ср. № 42.

[2] Письмо от 25/12 марта 1914 г. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] Англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете от 31/18 авг. 1907 г.

ства, следовало бы выделить столицу с ее округом из нашей сферы, оставив их в нейтральной зоне. Это в значительной степени развязало бы нам руки, дав возможность устранить себя от часто непроизводительных и вредящих англо-русским отношениям, независимо от личных свойств официальных представителей двух держав, выступлений и пререканий с персами. Я считаю, что такое добровольное уклонение от домогательств гегемонии в Тегеране не умалит нашего обаяния здесь великой державы: англичане ведь имеют такое же влияние, несмотря на отдаленность их сферы, сила же нашего положения в Персии заключается не в политическом соревновании с Англией и не в происках среди тегеранских правителей, а в авторитете России, как доброго, близкого и могущественного соседа Персии. К тому же серьезной компенсацией за менее активную роль в столице послужит усиление русского положения на Севере и восстановление дружественных отношений с Великобританией. На практике выделение Тегерана в нейтральную зону должно постепенно и механически обособить Азербайджан и прилегающие территории и поставить их в непосредственную зависимость от генерального консульства в Тавризе и от кавказской администрации. Подобная децентрализация уже проведена англичанами в Персидском заливе, где распоряжается сэр П. Кокс, именующий себя резидентом и действующий, по признанию Тоунлея, почти самостоятельно. Проектируемая комбинация только оформит существующее положение вещей, ибо, несмотря на нарушенное равноправие[1] двух миссий в Тегеране, руководящая роль с 1907 г. принадлежит англичанам, и оспаривание ее, не принося реальных выгод, ведет лишь к обострению взаимных отношений.

Великобритания готова признать наше преобладающее положение в Азербайджане и, пожалуй, в Гиляне и Мазандеране, но не в столице, являющейся ареной англо-русского состязания, в коем англичане неизменно берут верх. Само собой разумеется, что присоединение столицы к нейтральной зоне не прекратит персидских интриг на почве стародавнего соперничества и существования русской и английской партий, но характер таковых сильно изменится, ибо к нам будут тяготеть лишь более серьезные элементы, имеющие действительные интересы в нашей сфере. Это присоединение удовлетворит и самолюбие персов, недовольных фактом нахождения столицы в сфере влияния другого государства. Протест раздастся со стороны наших протеже, но большинство из них лишь компрометирует наше влияние, ссоря нас с правительством. С формальной же стороны предлагаемая комбина-

[1] Так в оригинале.

ция возможна простым обменом дополнительных к соглашению 1907 года нот, благодаря чему будет избегнуто впредь излишнее возбуждение общественного мнения как в Англии, так и здесь и обвинение нас в стремлении к разделу Персии.

Коростовец.

№ 87. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

№ 45.[1] 27/14 января 1915 г.

Il est à craindre que la Grèce ne consente pas à ce que les territoires serbes situés sur la rive droite du Vardar (notamment Monastir) soient transférés éventuellement à la Bulgarie[2] et que, si ce transfert est exigé par les trois Puissances alliées elle ne leur refuse sa coopération contre la Turquie.

En conséquence, Mr. Sazonow estime que les trois Puissances alliées doivent concentrer tous leurs efforts à Athènes pour obtenir le concours immédiat de l'armée et de la flotte grecques contre la Turquie. Afin d'assurer le succès de leur action, elles n'insisteront pas pour le moment[3] sur les conditions qui souleveraient de la part du gouvernement hellénique une opposition irréductible.

Aussitôt l'accord établi entre la Grèce et les trois Puissances alliées, celles-ci s'occuperont de régler au mieux les relations de la Serbie et de la Bulgarie.

Перевод.

Следует опасаться, что Греция не даст своего согласия на то, чтобы сербские территории, расположенные на правом берегу Вардара (именно Монастырь), были в случае необходимости переданы Болгарии, и что если эта передача будет потребована тремя союзными державами, она откажет в своем содействии против Турции.

Вследствие этого г. Сазонов полагает, что три союзные державы должны приложить все усилия в Афинах, чтобы добиться немедленной помощи со стороны греческой армии и флота против Турции. Чтобы обеспечить успех их выступлению, они пока не будут настаивать на условиях, которые вызовут со стороны греческого правительства непреклонное противодействие.

Как только будет достигнуто соглашение между Грецией и тремя союзными державами, последние озаботятся наладить как можно лучше взаимоотношения между Сербией и Болгарией.

---

[1] Черновик написан рукою Палеолога.

[2] Ср. № 84.

[3] Слова: «pour le moment» вставлены другою рукою.

№ 88. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

*/. Телеграмма № 229. 27/14 января 1915 г

Телеграммы №№ 7, 9[1] и 10[2] получены.

Переговоры японского правительства с китайским относительно Шаньдуна сравнительно мало нас касаются, и мы будем ждать того сообщения, которое японское правительство сделает нам об их результатах по их завершении. Что касается Южной Манчжурии и Внутренней Монголии, то ввиду параллелизма нашего и японского положений в этих областях нам интересно возможно скорее и полнее быть осведомленными о поднятых в отношении их японским правительством вопросах.

Благоволите поэтому при первом подходящем случае вернуться к этому предмету в ваших объяснениях с бароном Като и постараться вызвать его на откровенное изложение того, какие вопросы, связанные с Манчжурией и Монголией, обсуждаются японским посланником в Пекине с китайским правительством и какого их разрешения добивается японское правительство[3].

Сазонов.

№ 89. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 47. 27/14 января 1915 г.

Kitchener me dit aujourd'hui qu'il était trop imbu de la nécessité pour tous les alliés que Russie soit fournie le plus complètement et le plus rapidement possible de matériel de guerre pour qu'il n'y mit pas tous ses efforts et ses soins, qu'à son regret jusqu'ici il ne lui avait pas été possible obtenir spécialement pour artillerie une liste de nos besoins, que par un télégramme du 12 janvier à Buchanan il s'était mis entièrement à disposition de notre département d'artillerie et avait demandé renseignements nécessaires, mais qu'il n'avait reçu aucune réponse. Il me dit qu'il ne croyait pas que personne ne fût plus à même que lui juger des ressources et usines de Canada et des Etats avec lesquels il était en rapport constant. Il me pria transmettre qu'il se mettait encore entiè-

[1] См. стр. 95, прим. 1.

[2] См. № 75.

[3] Тел. от 28/15 янв. за № 13 Малевский сообщил, что на запрос его о ходе переговоров япон. м-р ин. дел ответил, что «переговоры эти еще не настолько подвинулись и что он в свое время поставит нас в известность о их сущности». Со своей стороны в тел. на имя Като от 28/15 янв., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Мотоно высказался за желательность «заблаговременного сообщения русскому правительству в общих чертах» содержания япон.-кит. переговоров.

rement à notre disposition. Connaissant nos besoins il pourrait ou bien agir lui-même, ou bien nous mettre en rapport avec usines dont il était sûr, avec lesquelles un contrat pourrait être passé directement. Il me dit qu'il croyait que ce moyen aurait été prompt et sûr, que d'un autre côté il voyait tous les désavantages de traiter avec agents comme Allisson, ce qui entraine retards, insécurité et qualité douteuse articles. Il me dit que renseignements sur Allisson à Londres sont déplorables, que pour plus de sûreté il avait encore télégraphié au gouvernement canadien et attendait réponse, mais que jamais il n'aurait traité avec lui, ni ses pareils. Il me dit qu'il apprenait de Pétrograd que ministère de la guerre pensait résilier contrat. Je lui demandai ce qu'il en pensait. Il me répondit que, sans avoir vu contrat, il ne pouvait aller au delà de ce qu'il venait de me dire, que Routkowsky lui en avait parlé, mais sans le document qui n'était en sa possession; que au sujet deux millions shrapnels, il connaissait toutes les usines de confiance au Canada et en Amérique et que s'il eût connu chiffre plus tôt, cette question aurait pu être décidée il y a longtemps. Il me dit que s'il recevait sans retard informations nécessaires, il pourrait préparer affaire pour (...) général Timchenko, ce qui gagnerait beaucoup de temps. Je lui dis alors confidentiellement que Williams avait chaudement recommandé cette affaire. Je crois que Kitchener en est fort ennuyé. Il me répondit que son télégramme du 12 janvier aurait pu simplifier situation sans recourir à moyen offrant risques qui lui paraissent évidents. Il me dit attendre général Timchenko avec impatience, qu'en attendant il garderait constamment en vue intérêts russes dans ses conférences avec Chasseloup [1], dont il se montre extrêmement satisfait, tant comme technicien, que homme d'affaires. En résumé, comme nous connaissons l'opinion du gouvernement canadien sur Allisson, il est clair que Kitchener est d'opinion de résilier. S'il n'a voulu le dire, c'est qu'il ne veut pas s'avancer, sans connaître directement opinion canadienne et sans avoir vu contrat. Une observation des agissements d'Allisson par autorités anglaises ne sera d'aucune efficacité et fera perdre du temps: Kitchener me pria faire parvenir ces considérations personnelles au ministre de la guerre et au département d'artillerie.

Benckendorff.

Перевод.

Китченер сказал мне сегодня, что он слишком проникнут мыслью о необходимости для всех союзников снабдить Россию возможно скорее и полнее военными материалами, и что он приложил к этому все свои старания; к сожалению,

[1] Представитель Франции для переговоров по заказам в Англии.

до сего времени он не имел возможности получить специально для артиллерии списка наших потребностей; в телеграмме от 12 января на имя Бьюкенена он поставил себя в полное распоряжение нашего артиллерийского управления и запросил нужные сведения, но не получил никакого ответа. Он мне сказал, что никто лучше него не в состоянии судить о ресурсах и заводах Канады и государств, с которыми он находится в постоянных сношениях. Он попросил меня передать вам, что он еще раз ставит себя в наше полное распоряжение. Зная наши нужды, он будет иметь возможность или сам действовать или связать нас с заводами, в которых он уверен и контракт с коими может быть заключен непосредственно. Он мне сказал, что, по его мнению, такой путь был бы наиболее быстрым и верным, а с другой стороны, он предвидит все невыгоды от ведения переговоров с такими агентами, как Аллисон, что повлечет за собой проволочки, неуверенность и сомнительное качество материала. Он мне сказал, что сведения об Аллисоне в Лондоне далеко не в его пользу и что для большей верности он запросил по телеграфу канадское правительство и ожидает ответа, но что он никогда бы не вел переговоров с ним и ему подобными. Он мне сказал, что, по сообщениям из Петрограда, военное министерство намеревается расторгнуть контракт. Я его спросил, что он об этом думает. Он ответил, что, не видев контракта, он не может итти дальше того, что он мне сказал; Рутковский говорил ему о нем, но без документа, которого у него не было. Что касается вопроса о двух миллионах шрапнелей, то он знает все заслуживающие доверия заводы в Канаде и Америке и что весь этот вопрос можно было бы давно разрешить, если бы он был ранее осведомлен о цифровых данных. Он мне сказал, что, если он незамедлительно получит нужные данные, он будет в состоянии подготовить дело для ... генерала Тимченко, что даст бо́льший выигрыш времени. Я ему тогда сказал доверительно, что Вильямс горячо рекомендовал это дело. Я думаю, что Китченеру все это очень неприятно. Он мне ответил, что его телеграмма от 12 января могла бы упростить дело, не прибегая к средству, представляющему, на его взгляд, очевидный риск. Он мне сказал, что ожидает генерала Тимченко с нетерпением, а пока он постоянно будет иметь в виду русские интересы в своих разговорах с Шасселу, которым он, повидимому, крайне доволен как технически образованным и деловым человеком. В общем, так как мы знаем мнение канадского правительства об Аллисоне, то ясно, что Китченер считает, что надо расторгнуть [контракт]. Если он не хотел этого сказать, то потому, что не хочет забегать вперед, не зная непосредственно мнения канадских властей и не будучи знакомым с контрактом. Наблюдение за деятельностью Аллисона со стороны английских властей не принесло бы никакой пользы и привело бы к потере времени. Китченер просил меня довести эти личные его соображения до сведения военного министра и артиллерийского управления.

Бенкендорф.

№ 90. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 41 [1]. 27/14 января 1915 г.

Копии в Ниш и Софию.

Лично. Прошу расшифровать лично.

[1] Тел. была, повидимому, задержана отправителем, так как № 42 датирован 26/13 января (см. № 83).

Во время последней беседы со мной Братиану вновь выразил сожаление о том, что державам Тройственного согласия до сих пор не удалось привести Сербию и Болгарию к соглашению. Братиану опять отметил, что кооперация с нами Болгарии развязала бы руки Румынии и сделала бы последнюю менее зависимой от выступления Италии.

Поклевский.

№ 91. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 24. 27/14 января 1915 г.

Вчера был принят в аудиенции велиагдом, уезжающим на-днях, которому указал на важность предстоящей ему задачи, необходимость установления искренних, дружелюбных отношений с генеральным консульством и кавказскими властями, не поддаваться [1] подстрекательствам враждебных нам иностранцев и персов, преследующих личные цели, а не благо Персии. Предостерег велиагда от прискорбных для Персии последствий антирусской политики и предупредил, что против его командировки в Петрограде существует предубеждение, которое ему следует рассеять.

Велиагд просил доложить государю императору чувства глубокой преданности, выразил намерение ладить и сообразоваться с указаниями наших представителей и поддерживать дружбу с Россией, сознавая, что судьба Персии всецело зависит от нашего расположения и помощи, и заверял, что не будет слушать советов, направленных против России, и постарается заслужить наше доверие. Я советовал велиагду заменить едущих с ним жандармов казаками, на что его высочество ответил, что решение послать жандармов принято правительством. Присутствовавший при разговоре Моин-оль-Везаре стал доказывать, что жандармы сопровождают велиагда в качестве свиты и что им не следует придавать значения.

Все эти заверения не могут иметь серьезного значения ввиду молодости велиагда, поведение коего будет зависеть от окружающих или того, кто сумеет приобрести над ним влияние. Шахское правительство выразило сожаление по поводу разграбления турками здания консульства в Немет-Абаде около Тавриза.

Коростовец.

[1] Так в оригинале.

№ 92. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде Бьюкенену и Палеологу [1].

28/15 января 1915 г.

Son excellence Mr. l'ambassadeur de sa majesté britannique a bien voulu demander par son aide-mémoire en date du 24/11 janvier [2], l'avis de Mr. Sazonow au sujet de la démarche du ministre de Serbie à Londres relative au danger d'une invasion de la Macédoine par les bandes bulgares. Mr. Sazonow appréhende que des représentations faites, selon le voeu de la Serbie au gouvernement bulgare ne soient couronnées que de peu de succès. Le gouvernement bulgare pourra, comme dans des occasions précédentes, décliner toute responsabilité pour les menées d'organisations secrètes sur lesquelles il affirmera n'avoir aucune prise [3]. D'après des nouvelles de sources privées un nouveau mouvement serait sur le point d'éclater tendant à la formation d'une Macédoine indépendante composée des territoires tant serbes que bulgares [4]; ce mouvement pourrait facilement aboutir aux mêmes résultats que ceux obtenus dans l'Epire par le gouvernement de Mr. Zographos.

Dans ces circonstances, Mr. Sazonow considère utile de profiter de l'état d'esprit du gouvernement serbe dont témoigne sa démarche à Londres pour l'amener à adopter au plus tôt le point de vue des Puissances alliées. Cette entente s'imposerait d'autant plus au moment où l'Allemagne et l'Autriche préparent une nouvelle invasion de la Serbie en vue d'établir une voie de communication plus sûre avec la Turquie leur permettant de faire parvenir à celle-ci des munitions de guerre [5].

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 71.

[3] При письме от 28/15 янв. Савинский препроводил пам. записку болг. воен. м-ра от 28/15 дек. 1914 г. о расследовании, произведенном м-вом по поводу взрыва ж.-д. моста у Демир-Капу. В записке отрицалось какое-либо участие болг. властей в этом деле.

[4] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 3790, имеется записка с надписью «Передано А. М. Петряевым 26/13 января 1915 г.», согласно которой македонцы, проживающие в Петрограде, получили сведения, что «болгарское правительство организовало значительные дружины из македонцев» (около 50 000 чел.) и «имеет в виду направить эти дружины в пределы сербской Македонии, занять ее и провозгласить ее независимость».

[5] Текст этой пам. записки был сообщен Извольскому и Бенкендорфу тел. от 29/16 янв. за № 267. В ответ на нее Извольский тел. от 30/17 янв. за № 25 (опубл. L. N., III, p. 51) передал полученные от франц. посланника в Софии сведения, что Радославов «не склонен поощрять деятельность македонских комитетов», и сообщил, что Делькассе в связи с этим предлагает сделать представление болг. прав-ву по этому вопросу.

Перевод.

Его превосходительство г. посол его британского величества соблаговолил запросить своей памятной запиской от 24/11 января мнение г. Сазонова по поводу выступления сербского посланника в Лондоне касательно опасности вторжения в Македонию болгарских банд. Г. Сазонов опасается, что сделанные согласно желанию Сербии представления болгарскому правительству увенчаются лишь малым успехом. Болгарское правительство сможет, как и в предшествующих случаях, отклонить всякую ответственность за происки секретных организаций, на которые, как оно будет утверждать, оно не имеет никаких способов воздействия. Согласно сведениям из частных источников, готово вспыхнуть новое движение, имеющее целью образование независимой Македонии, состоящей как из сербских, так и из болгарских территорий; это движение могло бы легко привести к результатам, подобным тем, которые были достигнуты в Эпире правительством г. Зографоса.

При этих обстоятельствах г. Сазонов считает полезным воспользоваться настроением сербского правительства, о котором свидетельствует его выступление в Лондоне, чтобы привести его к скорейшему усвоению точки зрения союзных держав. Это соглашение является тем необходимее, что в данный момент Германия и Австрия подготовляют новое вторжение в Сербию в целях установления более безопасного пути сообщения с Турцией, позволяющего им доставлять последней военное снаряжение.

№ 93. Сообщение греческой миссии в Петрограде министру иностранных дел [1].

28/15 января 1915 г.

Sir F. Elloit me fit officieusement part des appréhensions du gouvernement anglais en vue d'une tentative sérieuse de la part de l'Autriche et de l'Allemagne d'écraser la Serbie, disant qu'il est d'une importance capitale que tous ceux, qui le peuvent, donnent à la Serbie leur appui. Il a ajouté que si la Grèce se rangeait aux côtés de la Serbie comme son alliée et participait à la guerre, les Puissances de l'Entente lui reconnaîtraient volontiers des concessions territoriales très importantes sur la côte de l'Asie Mineure.

Cet appel répond trop bien à la communauté de nos intérêts avec la Serbie et à nos sentiments de reconnaissance pour les Puissances de l'Entente et de réelle sympathie pour leur cause, pour n'être pas favorablement accueilli. Aussi moyennant certaines conditions indiquées ci-après le gouvernement hellénique est tout disposé à donner son appui à la Serbie et à mettre ses forces entières au service d'une cause éminemment juste et libérale dont le triomphe assurera le complet et définitif établissement national de l'hellénisme. Il estime toutefois que sa participation

[1] Это сообщение греч. миссии представляет собой передачу тел. Венизелоса греч. посланнику в Петрограде Драгумису.

à la guerre serait plus facile et plus efficace s'il pouvait compter sur la collaboration de la Bulgarie. Il attache à cette collaboration un tel prix que, devant les dispositions des Puissances de l'Entente de lui reconnaître en Asie Mineure des concessions territoriales importantes, il serait prêt à retirer les objections par lui formées contre les concessions que la Serbie voudrait éventuellement consentir à la Bulgarie en Macédoine. Mais si en dépit des promesses qui lui seraient faites et des appels qui lui seraient adressés la Bulgarie ne se décidait à agir et préférait s'en tenir à la neutralité si bienveillante qu'elle voulût le promettre, le gouvernement hellénique estime indispensable à sa sécurité que la collaboration de la Roumanie lui fût assurée et que la participation des deux pays à la guerre fût concertée d'un commun accord. En outre dans l'hypothèse où la Bulgarie se refuserait même de donner la promesse formelle d'une neutralité bienveillante il serait peut-être indiqué que les Puissances de l'Entente missent à la disposition de leurs alliés des Balkans un certain contingent qui leur offrirait une forte garantie morale contre les possibles fluctuations de l'attitude bulgare. Le gouvernement hellénique est d'autre part convaincu qu'en devenant l'alliée des Puissances de l'Entente il pourraiit compter sur leur entier concours pour trouver les ressources financières et le réapprovisionnement militaire dont il aurait besoin [1].

Перевод.

Сэр Эллиот официозно сообщил мне об опасениях английского правительства по поводу серьезной попытки со стороны Австрии и Германии разгромить Сербию, говоря, что крайне важно, чтобы все, кто может, оказали Сербии свою поддержку. Он добавил, что если Греция примкнет к Сербии, как ее союзница, и примет участие в войне, державы Согласия охотно признают за ней весьма значительные территориальные приобретения на Малоазиатском побережьи.

Этот призыв слишком соответствует общности наших интересов с Сербией, нашим чувствам признательности к державам Согласия и действительной симпатии их делу, чтобы не быть благожелательно принятым. Ввиду этого при некоторых указанных ниже условиях, эллинское правительство вполне готово оказать свою поддержку Сербии и от дать все свои силы на служение делу справедливости и свободы, торжество ко торого обеспечит полное и окончательное

[1] Пам. запиской от 28/15 янв. Бьюкенен передал содержание новой беседы Венизелоса с Эллиотом от 27/14 янв. На заявление последнего, что в случае посылки союзного отряда на Балканы «Греция могла бы не дожидаться вступления Румынии в войну», Венизелос ответил, что он лично был бы удовлетворен следующим решением: наряду с посылкой двух англ. и франц. корпусов для кооперации с греч. армией, между Грецией и Румынией будет достигнуто соглашение, что в случае нападения Болгарии на Грецию, которая выступила бы на помощь Сербии, Румыния нападет на Болгарию.

национальное обоснование эллинизма. Оно тем не менее полагает, что его участие в войне было бы легче и успешнее, если бы оно могло рассчитывать на содействие Болгарии. Оно придает этому содействию такое значение, что, принимая во внимание готовность держав Согласия признать за ним значительные территориальные приобретения в Малой Азии, оно было бы готово взять обратно возражения, выдвинутые им против уступок в Македонии, на которые Сербия могла бы эвентуально согласиться в пользу Болгарии. Но если, вопреки данным ей обещаниям и обращенным к ней призывам, Болгария не решится на выступление и предпочтет сохранить нейтралитет, сколь бы доброжелательным она его ни пообещала, эллинское правительство считает необходимым для своей безопасности, чтобы ему было обеспечено содействие Румынии, и чтобы участие обеих стран в войне было обусловлено общим соглашением. Помимо того, в предположении, что Болгария даже откажется дать формальное обещание сохранить доброжелательный нейтралитет, было бы, быть может, целесообразно, чтобы державы Согласия предоставили в распоряжение своих балканских союзников известные военные силы, которые дали бы им значительную моральную гарантию против возможных колебаний в позиции Болгарии. С другой стороны, эллинское правительство убеждено, что, становясь союзником держав Согласия, оно может рассчитывать на их полное содействие для изыскания финансовых средств и военного снабжения, в которых оно могло бы нуждаться.

№ 94. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне— Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 266 [1]. 28/15 января 1915 г., 8 ч. 30 м. веч.

Сообщается в Ниш.

Для вашего личного сведения. Проект заявления сербскому правительству, выработанный мною вместе с французским и великобританским послами:

Les trois Puissances alliées insistent auprès du gouvernement Serbe afin de l'amener à conclure avec elles un arrangement sur les bases ci-après:

«I. Les parties du territoire serbe situées au sud de la ligne Egri-Palanka — Keprülü — Ochrida [2] seront transférées à la Bulgarie quand la Serbie aura obtenu au rétablissement de la paix: 1) l'annexion de la Bosnie—Herzégovine, 2) un large accès à la mer Adriatique, 3) une fraction de l'Albanie assurant la contiguïté des territoires serbe et grec [3].

[1] Русский текст написан рукою Гулькевича; французский — лит. копия.

[2] Позднее пам. запиской Палеологу и Бьюкенену от 7 февр./25 янв. Сазонов, в связи с высказанным Трубецким (тел. от 5 февр./23 янв. за № 95) опасением в возможности неправильного толкования этого параграфа предложил вставить после слова «Охрида» слова: «включая эти города».

[3] В связи с высказанным Делькассе опасением, что «упоминание о приращении Сербии за счет Албании может при настоящих обстоятельствах произвести неблагоприятное впечатление на Италию» (тел. Извольского от 2 февр./20 янв.

II. 1) La Bulgarie attaquera la Turquie dès que les trois Puissances le lui demanderont, 2) la Bulgarie observera une attitude amicale envers la Serbie, la Grèce et la Roumanie jusqu'à la fin de la guerre».

En insistant de la sorte auprès du gouvernement serbe, les trois Puissances alliées ont conscience de servir éminemment les intérêts supérieurs et permanents de la nation serbe.

Si (ce qu'elles ne sauraient croire) le gouvernement serbe n'appréciait pas toute la valeur des motifs politiques qui leur inspirent cette démarche, elles n'en continueraient pas moins à considérer que la concession d'un avantage territorial à la Bulgarie est nécessaire au salut de la Serbie lequel est intimement lié à l'établissement d'une paix durable dans les Balkans.

Sazonow.

Перевод.

Сообщается в Ниш. Для вашего личного сведения. Проект заявления сербскому правительству, выработанный мною вместе с французским и великобританским послами.

Три союзные державы настаивают перед сербским правительством, дабы склонить его к заключению с ними соглашения на следующих основаниях:

«I. Части сербской территории, расположенные к югу от линии Эгри-Паланка—Кепрюлю—Охрида, будут переданы Болгарии, когда Сербия по восстановлении мира: 1) присоединит Боснию и Герцеговину, 2) получит широкий доступ к Адриатическому морю и 3) приобретет часть Албании, обеспечивающую сопредельность греческой и сербской территорий.

II. 1) Болгария нападет на Турцию, как только три державы этого от нее потребуют, 2) Болгария займет дружественную позицию в отношении Сербии, Греции и Румынии до окончания войны».

Настаивая в этом смысле перед сербским правительством, три союзные державы проникнуты сознанием, что они наилучшим образом служат высшим и постоянным интересам сербской нации.

Если сербское правительство не оценит (чему они не хотят поверить) всего значения политических мотивов, которые вызывают это выступление, державы тем не менее будут продолжать придерживаться взгляда, что территориальная уступка в пользу Болгарии необходима для блага Сербии, которое тесно связано с установлением прочного мира на Балканах.

Сазонов.

за № 27, опубл. L. N., III, p. 51), Сазонов тел. от 3 февр./21 янв. за № 386 предложил следующую редакцию пункта 3-го. «Территории, обеспечивающие общую границу Сербии и Греции».

Тел. от 31/18 янв. за № 307 Сазонов, ссылаясь на тел. Трубецкого за № 57 (см. № 103), соглашался добавить в заявлении серб. прав-ву 4-й пункт следующего содержания: «Часть Баната и часть Сирмии, населенные сербами и достаточные для того, чтобы служить стратегической защитой Белграда».

№ 95. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 20 [1]. 28/15 января 1915 г.

Копия в Лондон.

В разговоре со мною Делькассе следующим образом резюмировал свой взгляд на дальнейший ход переговоров с балканскими правительствами: 1. Сербия.—При настоящих условиях очевидно, что Пашич не пойдет далее своей декларации 1 сентября [19 августа] [2]. Державы Согласия могли бы заявить Сербии, что, заботясь о ее защите, они приняли к сведению обязательство, принятое Пашичем 1 сентября [19 августа], которое однако войдет в силу, лишь когда осуществится программа Великой Сербии до Адриатического моря. 2. Греция. — По всем имеющимся здесь сведениям, Венизелос ни в каком случае не согласится уступить Кавалу, даже в обмен на крупные территориальные приобретения в Малой Азии. Державы Согласия могли бы обещать ей эти приращения и взамен этого потребовать, чтобы она тотчас присоединила свои военные силы к сербской армии, дабы помочь Сербии отразить готовящееся на нее новое нашествие. 3. Болгария. — Единственный способ заручиться содействием болгарского правительства — это обещание, что державы Согласия присудят Болгарии в момент ликвидации Фракию до линии Энос—Мидия и Македонию со включением Монастыря, причем однако Ускюб остался бы за Сербией. Кроме того, Болгарии можно обещать финансовую помощь, о которой она ныне хлопочет в Берлине [3]. Со своей стороны Болгария должна обязаться воздержаться от нападения на Сербию, Грецию и Румынию и энергично атаковать Турцию, заняв обещанные ей турецкие территории. 4. Румыния. — Можно надеяться, что румынское правительство, готовое, повидимому, сделать некоторые уступки Болгарии и успокоенное насчет возможности нападения со стороны последней, поймет необходимость путем немедленного выступления помочь Сербии отразить австро-германские силы, которые вслед за сим несомненно обратились бы против самих румын. — Делькассе телеграфировал в вышеизложенном смысле в Петроград и Лондон, предлагая в случае одобрения его программы снабдить соответствующими инструкциями представителей держав Согласия в 4 балканских столицах [4].

Извольский.

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 112.

[2] См. т. VI, № 205.

[3] См. № 77.

[4] Ср. № 123.

№ 96. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 25 [1]. 28/15 января 1915 г.

Копии в Ниш и Бухарест.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 20 [2] и на телеграмму Поклевского № 41 [3].

Румынский посланник вернулся, но без определенных инструкций. Я сказал ему, что это произведет здесь, наверное, неблагоприятное впечатление, для улучшения которого просил его постараться использовать перед Радославовым все, что ему известно о готовности румынского правительства сблизиться с Болгарией на почве территориальных уступок. Он обещал. Он повторил переданное Поклевским в № 41 сетование Братиану на отсутствие сербо-болгарского соглашения, настаивая, что его наличность развязывала бы руки Румынии. Он жаловался на неотзывчивость сербов ко всем румынским авансам и в частности выражал опасение насчет непримиримости нового сербского посланника в Бухаресте Маринковича. Последнего я знаю по его недавнему приезду в Софию и склонен разделять опасения румын. Становится все яснее, что... положение в сербо-болгарском сближении, для достижения которого, может быть, пришел момент прибегнуть к более энергичному действию как в Софии, так и в Нише.

Савинский.

№ 97. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 4. 28/15 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич.

В дополнение секретной телеграммы моей от [23] 10 января за № 16 [4] честь имею представить у сего на благоусмотрение вашего высокопревосходительства перевод ноты шахского министра иностранных дел и моего ответа на таковую по поводу увода русских войск из Персии.

Примите и пр.

Коростовец.

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 101.

[2] Тел. от того же числа за № 20 Савинский передал слова Радославова, что в продолжительном отсутствии рум. посланника «он склонен видеть нежелание румынского правительства сговориться с болгарским», и что со своей стороны он заявил Дерусси «о желании притти с Румынией к соглашению».

[3] См. № 90.

[4] Тел. от 23/10 янв. за № 16 Коростовец сообщил вкратце содержание ноты перс. м-ра ин. дел и своего ответа на нее.

Приложение I.

Перевод ноты шахского министра иностранных дел на имя г. императорского посланника в Персии от 6 рабиул-еввеля 1333 года [1] *за № 4980/688* [2].

После того как несколько раз, как до начала русско-турецкой войны, так и затем, письменно и устно обращалось внимание вашего превосходительства на опасности, кои может вызвать пребывание русских войск в Персии, и после того как мы ожидали, что взгляды шахского правительства будут разделены также и императорским правительством, наконец, в пятницу 14 сафара [3] через ваше превосходительство, как председателем совета министров, так и мной было получено известие, что издан приказ об уходе русских войск из Персии. Кроме того, вечером 17 сафара [4] ваше превосходительство подтвердили это известие и Мошавер-оль-Мемалеку. 18 сафара [5] ваше превосходительство изъявило желание, чтобы Маншур-оль-Мольк довел до сведения шахского правительства известие об уходе русских войск из Персии, и в действительности русское войско в Казвине выступило в Россию. Конечно, эту меру императорского правительства, служащую доказательством дружбы его к Персии и успокоившую умы общества, шахское правительство приветствовало с большим удовольствием. К сожалению, на основании полученных известий, не говоря уже о том, что Казвинскому отряду было приказано вернуться в Казвин, численность отрядов в Астрабаде была также увеличена. В то время как шахское правительство ожидало, ввиду нынешних обстоятельств, что русские власти помогут шахскому правительству осуществить меры, клонящиеся на пользу России и Персии, — я положительно не знаю, чему приписать этот неопределенный образ действия, смущающий умы общества. Так как шахское правительство не имеет другой цели, как охранение интересов России и Персии, я покорнейше прошу ваше превосходительство принять зависящие меры к уходу русских войск из Персии и оказать шахскому правительству содействие к предотвращению еще большей опасности, грозящей Персии.

---

[1] В оригинале помета: «9 янв. 1915 г.».
[2] Заголовок оригинала.
[3] В оригинале помета: «19 дек. 1914 г.».
[4] В оригинале помета: «22 дек. 1914 г.».
[5] В оригинале помета: «23 дек. 1914 г.».

Приложение II.

Перевод ноты г. императорского посланника в Персии на имя шахского министра иностранных дел от [25]12 января 1915 г. № 2 [1].

В ответ на ноту вашего сиятельства за № 4980 от 6 рабиул-еввеля честь имею сообщить, что эвакуация наших войск находится в зависимости от стратегических соображений высших русских военных властей. Что же касается до возвращения русского отряда в Казвин и увеличения численности такового же в Астрабаде, то это, повидимому, было предпринято в предупреждение могущих произойти случайностей. Идя с большим удовольствием навстречу стремлениям шахского правительства к укреплению дружественных отношений между обоими государствами, я не премину довести содержание ноты вашего сиятельства до сведения моего правительства и ответ такового сообщу вам по получении.

№ 98. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену [2].

29/16 января 1915 г.

Mr. Vénizélos a informé le gouvernement impérial [3] que le gouvernement hellénique est tout disposé à donner son appui à la Serbie moyennant les conditions suivantes:

1) Le gouvernement hellénique demande en premier lieu de lui assurer la collaboration militaire de la Bulgarie. Dans l'hypothèse de ce concours, il serait prêt à retirer ses objections contre les concessions que la Serbie voudrait éventuellement consentir à la Bulgarie en Macédoine.

2) Au cas cependant où la Bulgarie préférerait s'en tenir à une neutralité bienveillante, le gouvernement hellénique estime indispensable d'assurer la collaboration militaire de la Roumanie sur la base d'un commun accord avec la Grèce.

3) Au cas où la Bulgarie se refuserait même de donner la promesse d'une neutralité bienveillante, la Grèce désirerait que les Puissances de l'Entente missent à la disposition de leurs alliés des Balkans un certain contingent.

4) Le gouvernement hellénique désire pouvoir compter sur le concours

[1] Заголовок оригинала.

[2] Лит. копия.

[3] См. № 93.

des trois Puissances pour ses finances et son réapprovisionnement militaire.

Mr. Sazonow estime la condition formulée sub No 4 juste et acceptable. Par contre il considère les conditions énumérées sub N-os 1, 2 et 3 actuellement irréalisables pour les raisons suivantes:

a) la Bulgarie ne se décidera pas à mettre ses forces militaires à la disposition des trois Puissances avant de s'être entendue avec la Serbie au sujet de la Macédoine;

b) la Roumanie, — conformément aux déclarations de Mr. Bratiano, — tient à éviter toute attitude qui pourrait être interprétée comme hostile par la Bulgarie et

c) l'état présent des opérations militaires ne permet pas aux trois Puissances alliées de détacher des contingents de leurs armées [1].

Перевод.

Г. Венизелос уведомил императорское правительство, что эллинское правительство вполне готово оказать поддержку Сербии на следующих условиях:

1) Эллинское правительство в первую очередь требует, чтобы ему было обеспечено военное сотрудничество Болгарии. При условии этой помощи оно было бы согласно взять обратно свои возражения против уступок, на которые Сербия, в случае необходимости, пошла бы в Македонии в пользу Болгарии.

2) В случае однако, если Болгария предпочтет не итти дальше благожелательного нейтралитета, греческое правительство считает необходимым обеспечить военное сотрудничество Румынии на основе общего соглашения с Грецией.

3) В случае, если Болгария откажется даже дать обещание сохранить благожелательный нейтралитет, Греция желала бы, чтобы державы Согласия предоставили в распоряжение их балканских союзников определенные военные силы.

4) Греческое правительство желает иметь возможность рассчитывать на содействие трех держав в области финансов и военного снабжения.

Г. Сазонов считает условие, изложенное в 4-м пункте, справедливым и приемлемым. Напротив, он признает условия, изложенные в пунктах 1, 2 и 3, невыполнимыми в настоящее время по следующим причинам:

а) Болгария не решится предоставить свои военные силы в распоряжение трех держав, пока не сговорится с Сербией относительно Македонии.

б) Румыния, согласно заявления г. Братиану, старается избегать всякой позиции, которая могла бы быть истолкована как враждебная по отношению к Болгарии.

в) Настоящее положение военных действий не позволяет трем союзным державам выделить из их армий военные контингенты.

---

[1] Текст этой пам. записки был сообщен Демидову тел. от 29/16 янв. за № 272.

№ 99. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 270. 29/16 января 1915 г.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 42 [1] получена.

Получив вашу телеграмму, а также отчет о беседе Братиану с французским посланником [2], я сказал Диаманди, что я глубоко разочарован малодушием румынского правительства и цинизмом заявлений его главы. Располагая полумиллионной армией, румынское правительство, повидимому, растерялось перед возможностью нашествия 40 000 германцев. Впрочем даже и эту угрозу легко было в свое время предупредить. Стоило только Румынии перейти в наступление в то время, как наши войска брали Львов. Такое ее выступление, несомненно, отдало бы в ее руки Трансильванию и оградило бы ее от нынешних преувеличенных страхов. Что же касается требований, предъявляемых ныне Братиану к державам исключительно в целях обеспечения начала переговоров Румынии с Болгарией без принятия на себя каких бы то ни было обязательств, то я считаю эти требования весьма странными. Вообще все поведение Братиану представляется мне неискренним и не соответствующим тем добрым отношениям, которые я стремился установить между Россией и Румынией [3].

Сазонов.

№ 100. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [28] 15 сего января за № 21 [4] я отдавал вашему вы-

---

[1] См. № 83.

[2] Документ, содержащий отчет о разговоре Братиану с Блонделем, в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен, но из тел. Диаманди к Братиану от 29/16 янв. за № 87, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, явствует, что Сазонов показывал Диаманди переданную ему Палеологом тел. Блонделя франц. прав-ву о его разговоре с Братиану. Последний, якобы, заявил, что «Тройственное согласие должно произвести энергичное давление на Сербию, чтобы добиться уступки Болгарии, по крайней мере, линии 1912 г., после чего Румыния предполагает вступить непосредственно в переговоры с Болгарией».

[3] Ответной тел. от 31/18 янв. за № 55 Поклевский сообщил, что Братиану, «очень огорчен и обижен» заявлением Сазонова и указывал Поклевскому, что перемена отношения к нему Сазонова «крайне затрудняет его деятельность, которая направлена к вящему закреплению связующих Россию и Румынию уз». По мнению Поклевского, «наши понукания и угрозы не ускорят активного выступления Румынии».

[4] Тел. от 28/15 янв. за № 21 (опубл. Ц. Р., стр. 100) Савинский передал свой

сокопревосходительству отчет о своем последнем разговоре с Радославовым по поводу его доклада у короля по вопросам внешней политики. В начале беседы председатель совета министров был настолько сдержан, что, пользуясь установившеюся у нас в последнее время простотой отношений, я откровенно спросил у него, кто мог повлиять на него так сильно за тот промежуток в 5-6 дней, что я его не видел. «Неужели, — сказал я, — разговор с королем мог иметь это последствие?» Радославов стал сначала отрицать, а потом почти сознался, говоря, что король все не решается и желает продолжать держаться выжидательного положения. Я не буду утомлять ваше высокопревосходительство передачей всех тех доводов, которыми я доказывал Радославову опасность подобной политики, а скажу только, что после $1^1/_2$ часового разговора я достиг того, что он откровенно признал правоту моих рассуждений и обратился ко мне с той просьбой, о которой я вам телеграфировал и которая состояла в испрошении личной аудиенции у короля. При этом он особенно настаивал на династической стороне вопроса, намекая, что какие-то неизвестные ему лица поддерживают в короле мысль о стремлении нашем к династическому перевороту. При этом известии о совершенно необъяснимом и чисто болезненном страхе короля, страдающего, как говорят, неврозом, я напомнил Радославову все то, что я с самого своего приезда сюда не раз имел случай высказывать по этому поводу как лично королю, так и ему, Радославову. Я напомнил ему, что по личному приказанию государя императора я мог заверить короля в отсутствии всего, что носило бы характер личной неприязни, а тем более желания антидинастического переворота, которого, как мне лично сказал государь император, его императорское величество не мог бы желать хотя бы во имя монархического принципа. Выслушав меня внимательно, Радославов всетаки продолжал настаивать на личном моем свидании с королем. Телеграммой от [28] 15 января я представил этот вопрос на ваше благоусмотрение со всеми соображениями за и против. К сим последним я не имею ничего присоединить

разговор с Радославовым, во время которого последний, указав Савинскому на колеблющуюся позицию короля в вопросе присоединения к Тройственному согласию, предложил ему лично изложить королю все доводы в пользу такового. По мнению Савинского, подобная мера могла бы быть истолкована королем как средство давления на него, особенно в связи с приездом герцога Гиза, «посылаемого всей Орлеанской семьей для увещания короля». В заключение Савинский сообщил, что, узнав о приезде герцога Гиза, король прислал к франц. посланнику Панафье своего секретаря, «из расспросов которого французский посланник усмотрел, что во дворце испытывается некоторая нервность».

нового, а мог бы лишь дать несколько подробностей относительно приезда сюда герцога Гиза.

Сын герцога Шартрского, с которым король Фердинанд находился всегда в особо близких отношениях, он, по словам французского посланника, посылается сюда для того, чтобы доказать королю всю неразумность его поведения. Вопросы, с которыми, как вы видели из моей телеграммы, король прислал к г. Панафье своего секретаря, были следующие: не знает ли г. Панафье, с какой целью едет сюда герцог и не по пути ли в Россию герцог остановится в Софии. На оба вопроса французский посланник ответил г. Грекову незнанием, сказав, что ему только приказано его правительством довести до сведения короля о самом факте приезда. Мне же он сказал, что ему совершенно определенно было дано знать из Парижа о цели приезда герцога и что София — единственная цель его путешествия. Г. Делькассе телеграфировал своему представителю о приезде герцога Гиза уже после отъезда его из Франции. По расчету г. Панафье он должен прибыть сюда не сегодня-завтра.

Примите и пр.

Савинский.

№ 101. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 28 [1]. 29/16 января 1915 г.

Copie Paris, Londres, Bucarest.

Le président du Conseil ayant sondé, à la suite de la récente démarche britannique à Athènes, le Cabinet de Bucarest au sujet d'une coopération éventuelle de la Roumanie et de la Grèce, jointe à une garantie réciproque contre la Bulgarie, vient recevoir la réponse de Mr. Bratiano. Celui-ci ne voudrait rien entreprendre en ce moment qui pût indisposer la Bulgarie ou paraître une menace quelconque à son endroit. On est dépité ici des rebuffades constamment essuyées à Bucarest dans cette question.

Démidow.

Перевод.

Копии в Париж, Лондон и Бухарест.

Председатель совета, запросив, в связи с недавним британским выступлением в Афинах, мнение бухарестского кабинета касательно эвентуального сотрудничества Румынии и Греции при условии взаимной гарантии против Болгарии, только-что получил ответ г. Братиану. Последний не хотел бы в данный момент ничего предпринимать, что могло бы вызвать неудовольствие Болгарии или

[1] Маш, копия.

походить на какую-либо угрозу по ее адресу. Здесь раздосадованы резкими отповедями, получаемыми постоянно в Бухаресте по этому вопросу.

Демидов.

№ 102. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 47. 29/16 января 1915 г.

Личная.

Копия в Ниш.

Здесь нет точных сведений о числе двинутых к румынской границе германских и австрийских войск, из чего можно заключить, что румынская разведка в Австрии поставлена довольно слабо. Мне тоже точно не известно, сколько румынских войск двинуто за последние дни к венгерской границе, но, судя по некоторым данным, число их, вероятно, достигает 30 000. Кроме того, французский посланник получил известие, что в некоторых местностях Румынии призваны последние три класса резервистов. — Передвижение румынских войск Братиану объяснил германскому и австрийскому посланникам, как меру необходимой предосторожности, вызванную приближением к румынской границе значительных австро-германских сил. Оба посланника заверили Братиану в том, что их правительства не питают никаких агрессивных замыслов по отношению к Румынии и что в Венгрии ныне происходили концентрации войск для военных действий против нас и Сербии. — Мне не удалось сегодня повидать Братиану, но вообще здесь чувствуется растерянность и даже испуг, вызванный как опасением нападения, так и вновь усиленно распускаемыми немцами и австрийцами известиями о благоприятном для них положении дел на всех театрах военных действий и о том, что через несколько дней мы вынуждены будем очистить Буковину под напором австро-германских войск. Мне также сообщают, что германский посланник просит румынское правительство об отпуске значительного количества бензина, и тому подобное, в обмен на разные более или менее нужные Румынии продукты.

Поклевский.

№ 103. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 57. 29/16 января 1915 г.

После совместного обсуждения общего положения с французским и английским посланниками мы установили текст следующей тождественной телеграммы нашим правительствам:

1. Mes collègues de France et d'Angleterre sont d'accord avec moi pour considérer comme plus ou moins acquis que la Serbie consentira après une guerre victorieuse à céder la ligne du Vardar à la Bulgarie, si cette dernière conserve la neutralité; aucun Serbe toutefois n'admettrait la possibilité de remettre, avant la fin de la guerre, à la Bulgarie une portion quelconque du territoire; il est évident en effet qu'une telle cession ne pourrait qu'entraîner la désorganisation et la démoralisation de l'armée serbe par la désertion en masse des Macédoniens qui se trouvent dans ses rangs.

2. Nous estimons qu'en échange de la neutralité de la Bulgarie il est impossible d'obtenir de la Serbie, outre la cession de la ligne du Vardar, l'abandon de la ligne du traité de 1912. Pour les Serbes, la Bulgarie ayant déjà, à plusieurs reprises, déclaré qu'elle entendait rester neutre, la situation ne serait en rien modifiée, si le Cabinet de Sofia ajoutait le terme «bienveillante» au mot «neutralité». Ne pourrait-il du reste faire simultanément la même déclaration à nos adversaires pour s'assurer de leur part les mêmes avantages? Le gouvernement bulgare n'inspire aucune confiance aux Serbes; ce n'est qu'en entrant franchement en action qu'il pourra leur donner une garantie réelle de son attitude.

3. Si les Puissances de la Triple Entente ne se contentant pas de la simple déclaration que la Bulgarie a déjà faite de sa neutralité, considèrent que cette Puissance devrait être amenée à préciser d'avantage son attitude, nous avons le devoir de constater qu'il sera très difficile de parvenir à ce résultat en demandant au gouvernement serbe d'abandonner des territoires situés à l'ouest du Vardar.

4. Le but en question aurait quelques chances d'être atteint si les Puissances étaient disposées à offrir au gouvernement serbe en échange des concessions qu'elles lui demanderaient de faire à la Bulgarie des acquisitions territoriales précises et considérables, énumérées dans l'aide-mémoire de son excellence Mr. Sazonow du 12 janvier [30 décembre][1] et auxquelles il nous paraîtrait très désirable d'ajouter une partie du Banat et de la Syrmie habitée par les Serbes et destinée à servir de garantie stratégique suffisante pour la défense de Belgrade. Mais elles devraient en même temps donner au gouvernement serbe l'assurance que la Bulgarie s'est franchement déclarée en faveur de la Triple Entente et a mis ses forces à sa disposition. Les trois représentants seraient alors en mesure de mettre Mr. Pachitch dans l'alternative de deux responsabilités à prendre: ou bien faire des concessions pénib-

[1] См. тел. Сазонова за № 4953 (т. VI, № 760).

les, il est vrai, au sentiment national, mais avoir la garantie d'un minimum d'acquisitions répondant aux aspirations nationales et l'assurance de n'être plus isolé dans la lutte contre l'Autriche, l'entrée en action de la Roumanie et de la Grèce devant suivre celle de la Bulgarie; ou bien décliner cet offre et rester sans assurances contre une action hostile de la Bulgarie, en risquant de perdre la Macédoine sans obtenir la garantie de compensations considérables.

5. Mais notre tâche serait d'autant plus facilitée que les concessions à demander à la Serbie seraient moins pénibles. Ne pourrait on envisager une modification du traité de 1912 en faveur de la Serbie? Lors de l'arbitrage russe qui devait avoir lieu avant la guerre serbo-bulgare le gouvernement serbe espérait que ce tracé ne serait pas maintenu dans sa lettre. Les droits de la Serbie à une pareille modification ne paraissent pas être moindres après la guerre qu'a provoqué l'attaque bulgare et après les pertes qu'elle a subi de ce fait. Il serait certainement moins difficile d'obtenir du gouvernement serbe l'abandon de la ligne du Vardar avec Monastir que l'abandon du tracé de 1912.

6. Quoiqu'il en soit, j'estime et mes collègues de France et d'Angleterre télégraphient dans le même sens à leurs gouvernements qu'avant que la Bulgarie ne se décide à se tourner franchement du côté des Puissances de la Triple Entente un compromis serbo-bulgare interviendra très difficilement, la Serbie étant convaincue que dans les conditions actuelles, toute offre à la Bulgarie ne fera qu'augmenter les prétentions de cette Puissance et encourager le Cabinet de Sofia à se maintenir dans sa politique si peu sincère [1].

Troubetzkoy.

Перевод.

После совместного обсуждения общего положения с французским и английским посланниками мы установили текст следующей тождественной телеграммы нашим правительствам:

1. Мои французский и английский коллеги разделяют мое мнение, что можно считать более или менее установленным, что Сербия согласится после победоносной войны уступить линию Вардара Болгарии, если последняя сохранит нейтралитет; тем не менее никто из сербов не признал бы возможным передать Болгарии до окончания войны какую-либо часть территории; совершенно ясно, конечно, что подобная уступка могла бы лишь повлечь за собой дезорганизацию и деморализацию сербской армии в силу массового дезертирства македонцев, находящихся в ее рядах.

[1] Об ответе Сазонова на эту тел. см. стр. 125 прим. 3.

2. Мы считаем, что в обмен за нейтралитет Болгарии невозможно добиться от Сербии, помимо уступки линии Вардара, отказа от линии, оговоренной договором 1912 г. Что касается сербов, то для них, ввиду того, что Болгария неоднократно заявляла о своем намерении остаться нейтральной, положение нисколько не изменилось бы, если бы софийский кабинет добавил выражение «доброжелательный» к слову «нейтралитет». Разве не мог бы он сделать такое же заявление нашим противникам, дабы обеспечить себе с их стороны те же преимущества? Болгарское правительство не внушает никакого доверия сербам; лишь путем открытого вступления в войну оно могло бы дать им действительную гарантию в отношении своей позиции.

3. Если державы Тройственного согласия не удовлетворены простым заявлением, сделанным уже Болгарией относительно ее нейтралитета, считая, что эта держава должна быть побуждена к большему уточнению своей позиции, наш долг констатировать, что будет трудно достигнуть этого результата, требуя от сербского правительства уступки территорий, расположенных на запад от Вардара.

4. Имелись бы некоторые шансы для достижения этой цели, если бы державы оказались склонны предложить сербскому правительству в обмен на уступки, которые они у него просили бы в пользу Болгарии, определенные и значительные территориальные приращения, перечисленные в памятной записке его превосходительства г. Сазонова от 12 января/30 декабря и к которым нам представлялось бы весьма желательным добавить часть Баната и Сирмии, населенную сербами и предназначенную служить достаточной стратегической гарантией для обороны Белграда. Но державы должны были бы в то же время дать сербскому правительству ручательство, что Болгария открыто высказалась за Тройственное согласие и предоставила свои силы в его распоряжение. Три представителя имели бы в таком случае возможность поставить г. Пашича перед альтернативой — принять на себя ту или другую ответственность: или пойти на уступки, правда, тягостные для национального чувства, но иметь гарантию минимума приобретений, отвечающих национальным стремлениям, и уверенность не оставаться более изолированными в борьбе против Австрии, так как выступление Румынии и Греции должно было бы последовать за выступлением Болгарии; или же отклонить это предложение и не получить обеспечения против враждебных действий со стороны Болгарии с риском потерять Македонию и не иметь в то же время гарантии значительных компенсаций.

5. Но наша задача была бы тем более облегчена, чем менее тяжелы были бы уступки, требуемые от Сербии. Нельзя ли было бы обсудить изменение договора 1912 г. в пользу Сербии? Во время русского арбитража, который должен был иметь место перед сербо-болгарской войной, сербское правительство надеялось, что эта намеченная пограничная линия не будет сохранена в точности. Права Сербии на подобное изменение, казалось бы, не уменьшились после войны, вызванной болгарским нападением, и после потерь, причиненных ей этим. Конечно, легче было бы добиться от сербского правительства отказа от линии Вардара вместе с Монастырем, чем отказа от пограничной линии 1912 г.

6. Как бы то ни было, я полагаю, — и мои французский и английский коллеги телеграфируют в том же смысле своим правительствам, — что, пока Болгария не решится открыто стать на сторону держав Тройственного согласия, сербо-болгарский компромисс может быть достигнут с большим трудом, так как Сербия

убеждена, что при нынешних обстоятельствах всякое предложение, сделанное Болгарии, может лишь увеличить притязания этой державы и побудить софийский кабинет продолжать вести столь неискреннюю политику.

Трубецкой.

№ 104. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 31. 29/16 января 1915 г.

Копия сообщена в Токио.

Продолжение телеграммы № 29 [1].

Я перечислил посетившему меня сегодня новому министру иностранных дел [2] все упомянутые в моей телеграмме № 29 японские требования с добавлением домогательства о продлении аренды Квантуна и Южно-Манчжурской железной дороги, существование коего было уже подтверждено мне прежним министром иностранных дел. Не подтверждая их положительно, Лу Чжен-сян и не отрицал однако справедливости моих сведений и лишь относительно пункта о японском контроле над направлением внешней политики Китая заметил, что японцы идут не совсем так далеко. Он сказал затем, что японские требования, состоящие из 21 пункта, очень тяжелы, и что японцы особенно настаивают на том, чтобы китайское правительство не сообщало о них другим державам, угрожая самыми тяжелыми последствиями. Он подтвердил мне, что президент все же надеется на мирное улажение вопроса. Наш разговор министр иностранных дел просил меня держать в строжайшей тайне.

---

[1] Тел. от 28/15 янв. за № 29 Крупенский со слов «близкого к президенту человека» передавал, что Япония официально предъявила требования, о которых она зондировала почву в сент. 1914 г., как-то: «предоставление Японии голоса в общем направлении внешней политики Китая и назначение по желанию японского правительства гражданских и военных японских чиновников во все отрасли китайской администрации, не исключая армии и флота», «признание преимущественных ее прав в Манчжурии, Монголии, Шаньдуне и Фуцзяне с соответствующим контролем над всем, что там происходит», а также признание прав Японии на все горнопромышленные предприятия во всем Китае. Сообщая эти сведения, Крупенский высказывал мнение, что собеседник его нарочно сгустил краски с целью «побудить нас к какому-либо шагу, который послужил бы на пользу Китаю». Содержание этой тел. было передано Сазоновым О'Бейрну 30/17 янв.

[2] Тел. от 28/15 янв. за № 26 Крупенский сообщил, что вследствие осложнений с Японией, кит. м-р ин. дел Сун Бао-ци вышел в отставку и заменен Лу Чжен-сянем.

Ни французский, ни великобританский посланники не имеют никаких достоверных сведений о японских требованиях.

Крупенский.

№ 105. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 23. 29/16 января 1915 г.

В некоторых газетах появилось письмо Бернсторфа, адресованное редактору жидовского листка «Дэ» (день), которому он [1]: «К сожалению, должен подтвердить известие, что в 215 городах русской Польши были совершены погромы евреев и даже думают, что это число не только не преувеличено, а еще слишком низко. Он знает по письмам из Варшавы, Кибарт, Брод и т. д. и из восточной Пруссии подробности о жестокостях, учиненных грубыми русскими солдатами, и этот предмет до того возмутителен для человечества, что его нельзя употреблять для политической пропаганды, и одна из самых печальных картин войны представляется союзом образованных западных народов с нацией, в которой самое элементарное чувство человеческого достоинства еще не начало показывать признаков развития». Эта мелкая газета теперь единственная даже в жидовских, которая ведет против нас злостную пропаганду, и более умеренные и образованные евреи от нее отказываются, называя ее революционной и анархистской. И с ней и с Бернсторфом, конечно, не стоит входить в полемику на этой почве, но было бы желательно для просветления серьезной американской печати, не раз обращавшейся ко [мне] с просьбой объяснить, на чем основываются подобные нападки, дать какой-нибудь авторитетный ответ на эти голословные клеветы.

Бахметев.

Протест принца Ольденбургского — лучший ответ [2].

Царское Село, [31] 18 января 1915 г.

№ 106. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

—/. Телеграмма № 280. 30/17 января 1915 г.

Сообщается д. с. с. Крупенскому.

Телеграмма № 339 [3] получена.

---

[1] Так в оригинале.

[2] 15/2 янв. принц Ольденбургский обратился к центральным комитетам обществ Красного креста всех государств с протестом против нарушений Германией и Австрией обычаев и законов ведения войны.

[3] В тел. от 29/16 янв. за № 339 сообщалось, что китайцы настаивают на первоначальных требованиях. (См. № 65)

Считаем необходимым продолжать настаивать на уплате китайцами внутренних торговых сборов во Внешней Монголии, так как придаем этому первостепенную важность не только с торговой, но и с политической точки зрения.

Имейте в виду, что китайская дипломатия всегда пользовалась протестами держав против уступок, сделанных китайским правительством одному государству, и никогда не выступала солидарно с последними для оспаривания правильности заявленного протеста.

Сазонов.

№ 107. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 24 [1]. 30/17 января 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 266 [2].

Делькассе, уже получивший от Палеолога заключающийся в ней проект сообщения сербскому правительству, высказал мне опасение, что перечисленные в ней земельные приращения в пользу Сербии вызовут в Нише острое чувство разочарования, ибо сербские вожделения идут гораздо далее, простираясь на Хорватию, Сирмию и Банат. Это вполне подтверждается только-что полученной здесь телеграммой трех посланников из Ниша [3]. Поэтому Делькассе предпочел бы сделать Сербии сообщение более общего характера, а именно в выражениях, заключающихся в его телеграмме, вероятно, уже сообщенной вам Палеологом, и которые найдете также в моей телеграмме № 20 [4]. Делькассе телеграфирует в этом смысле Палеологу.

Извольский.

№ 108. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 30/17 января 1915 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Князь Трубецкой прислал мне свою экспедицию от [26] 13 сего января под открытой печатью, что дало мне возможность ознакомиться с ее содержанием, и я хочу воспользоваться несколькими часами, остающимися до отъезда курьера в Петроград, чтобы высказать свои

[1] Опубл. в L. N., III, p. 50.

[2] См. № 94.

[3] См. № 103.

[4] См. № 95.

соображения по вопросам, изложенным в его донесениях за №№ 7[1] и 8[2].

Из них я впервые узнал, что затронутый мною в секретных письмах от [28] 15[3] и [13 января 1915] 31 минувшего декабря[4] вопрос о своевременности и целесообразности определить минимальные приобретения Сербии за счет Австро-Венгрии в случае победоносной войны, а в связи с этим и о передаче Македонии болгарам был совершенно определенно поставлен вами на обсуждение французского и английского правительств.

Когда в минувшем июле месяце шла речь о размерах компенсаций, которые могли бы быть предоставлены болгарам, я уже имел случай высказаться, насколько непрактичен был предложенный тогда англичанами прием уклониться от более точного их определения[5]. Предложенная ныне сэром Э. Греем формула[6] грешит тою же неопределенностью, особенно непригодной для практического склада болгарского ума. Кроме того, я положительно не могу себе уяснить, на основании каких данных английское правительство может быть осведомлено, «что Болгария согласилась бы на доброжелательный нейтралитет ценой уступки линии по Вардару с прибавлением Монастыря и Охриды»[7]. Прежде всего в этом утверждении есть явное противоречие: причем тут линия Вардара, раз к ней прибавляется Монастырь и Охрида? Ведь нельзя же отдать Болгарии эти города, не закрепив за ней и всей территории, а это неизбежно приведет к договорной границе, если не согласно букве, то согласно духу, как замечает и князь Трубецкой в своей депеше № 8.

Отступаться теперь от «договорной линии 1912 г.», о которой нами неоднократно говорилось болгарам, было бы совершенно немыслимо, и подобный шаг был бы обречен на верный неуспех. Помимо вышеуказанного противоречия нельзя согласиться с английским утвер-

---

[1] См. стр. 109, прим. 1.

[2] См. № 84.

[3] Письмом от 28/15 дек. 1914 г. Савинский передал содержание своей беседы с болг. воен. м-ром Фичевым по поводу вступления Болгарии в войну. Во время этой беседы Савинский изложил Фичеву точку зрения росс. прав-ва на этот вопрос согласно тел. Сазонова за № 4245 (см. т. VI, ч. 2, стр. 218, прим. 1.).

[4] Письмом от 13 янв. 1915 г./31 дек. 1914 г. Савинский передал содержание своей беседы с итал. посланником по вопросу о приобретениях Сербии за счет Австро-Венгрии.

[5] См. т. VI, №№ 46 и 146.

[6] См. № 41.

[7] Текст в кавычках взят из деп. Трубецкого от 26/13 янв. за № 7. См. стр. 109, прим. 1.

ждением и по существу: из своих разговоров с Радославовым и с наиболее видными людьми из оппозиции я ясно вижу их затаенное желание получить не только сербскую Македонию, но и греческую, то есть Кавалу, Драму и Серес. Способы, которыми это высказывается, конечно, различны в зависимости от характера собеседников; Радославов, избегавший до сих пор всяких откровенных и определенных объяснений, никогда не выражал этого прямо, особенно после того, что я сказал ему по вашему приказанию, что на это Болгарии рассчитывать не приходится; он то делал намеки на С.-Стефанскую Болгарию, то говорил, что он сейчас же взял бы себе в сотрудники того, кто сумел бы помочь ему вернуть Болгарии Македонию сербскую и греческую, и т. п. Политические деятели, привыкшие к более деловым переговорам, вроде Малинова, Тодорова и др., откровенно выражали пожелание и надежду, что, по уничтожении нами Турции, Греция могла бы получить компенсации в другом месте — на островах и Малоазиатском побережьи, а греческая Македония, если не с Салониками, то, по крайней мере, с Кавалой как естественным портом Македонии, могла бы перейти к Болгарии.

Вот почему, близко видя настроение общественного мнения по этому вопросу, я позволяю себе расходиться с князем Трубецким, когда он придает известное значение словам своих сербских собеседников: «...что, насколько формула договорной границы удовлетворяет не только вожделения, но и самолюбие болгар, настолько...»

Формула договорной границы с Сербией совсем не удовлетворяет болгар, и, чтобы заставить их ее принять, потребуется немало усилий и дипломатических переговоров в связи со всеми другими компенсациями, которые могут быть им предложены в Добрудже и турецкой Фракии.

Не могу также согласиться и с рассуждением, что «раз до войны, вызванной предательским нападением Болгарии, мы признавали право Сербии на исправление договорной границы, то неужели после этой войны, стоившей Сербии стольких жертв, права ее уменьшились?» Что мы не считаем ее прав после войны уменьшенными, — доказывает с очевидностью та будущность, которую мы ей готовим: разве в эпоху «до войны» Сербия смела только подумать о Боснии и Герцеговине и о выходе к Адриатическому морю, не говоря о Кроации, Далмации и Банате, о присоединении которых к Сербии идет речь в другом донесении князя Трубецкого за № 9 [1]. Того, кто хочет закрепить за Сер-

[1] См. № 85.

бией эти области, казалось бы, никак нельзя упрекнуть, что он не относится бережно к самолюбию маленькой, но действительно героической Сербии.

Отдавая себе совершенно ясно отчет во всей трудности найти почву для сближения Болгарии с Сербией, я еще в письме от [28] 15 декабря высказывал совершенно согласное с князем Трубецким мнение, состоявшее приблизительно в том, что «державы должны обставить свои предложения новыми условиями, которые могут заключаться: 1) в обеспечении совершенно определенных компенсаций Сербии за счет Австро-Венгрии и 2) в предоставлении Болгарией своих сил в распоряжение держав Тройственного согласия.

На трудность до сих пор подвинуть короля Фердинанда к исполнению этого последнего условия я указывал не далее, как в своей телеграмме № 21 от [28] 15 сего января [1]; на это потребуется и время и усилие. Что же касается Сербии, то задача дипломатии Тройственного согласия в Нише встречает гораздо более благоприятную почву в силу общей политической конъюнктуры, и задача эта могла бы быть достигнута именно в той форме, о которой говорит князь Трубецкой, то есть, что вопрос о выступлении Болгарии был бы поставлен в глазах сербского правительства в зависимость от его согласия или отказа.

Из соображений, которые приводит наш посланник в Нише в пользу удовлетворения Болгарии линией по Вардар с Монастырем в придачу, я часто пользуюсь в своих разговорах с правительством первым из них и еще [28] 15 числа говорил Радославову, что, чем больше будет Болгария медлить определением своего положения, тем менее она будет в праве рассчитывать на удовлетворение всех своих притязаний. Что же касается второго, заключающегося в опасении протеста афинского кабинета против уступки Монастыря или его окрестности Болгарии, то мне казалось бы, что подобный протест со стороны Греции, захватившей уже столько и не желающей ничем поступиться, заслуживал бы только самого энергичного отпора. Если по политическим соображениям данной минуты, будет предпочтено этого отпора пока не делать, то в будущем обстоятельства сами придут нам на помощь; в самом деле, если бы нам удалось осуществить с одной стороны сербоболгарское, а с другой — румыно-болгарское сближение, то Греции ничего бы не оставалось, как подчиниться воле великих держав Тройственного согласия.

Примите и пр.

А. Савинский.

[1] См. стр. 132, прим. 4.

№ 109. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 50. 30/17 января 1915 г.

Копии в Ниш и Софию.

Братиану сообщил мне сегодня, что на-днях он вновь преподал Пашичу настоятельный совет притти к соглашению с Болгарией.

Поклевский.

№ 110. Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Серафимов советнику II политического отдела министерства иностранных дел Гулькевичу.

Письмо. 30/17 января 1915 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Константин Николаевич,

Во исполнение заключающегося в вашей телеграмме за № 114 [1] предписания я еще сегодня повторил посетившему меня посреднику известной группы комитета, что, оставляя меня здесь на время войны, императорское министерство имело в виду лишь оказание мною содействия итальянскому посольству при защите последним интересов наших соотечественников в Турции и отнюдь не возлагало на меня каких-либо задач политического характера. Одновременно я объяснил ему, что получение мною новых инструкций, могущих изменить указанное выше положение, крайне затруднительно, ввиду невозможности для меня сноситься с министерством иначе, как при помощи и посредстве итальянского посольства.

Хотя изложенным сообщением отдаляются на некоторое время более настойчивые и определенные предложения турок, однако в недалеком будущем таковые несомненно и неминуемо возникнут, и вот по какой причине.

В известном вам распределении общественных сил Турции в момент разрыва ее с Россией за истекшие три месяца войны произошли значительные перемены. Поднявшаяся было волна воинственного воодушевления, сильно подогретого сознанием невозможности остановить начатую германскими моряками войну, быстро сменилась разочарованием, а затем и тревогою перед наступающим разгромом. Недовольные элементы страны, сначала весьма робко, а затем с большой решительностью стали подымать голос против руководителей оттоманской политики, и в настоящее время как в Константинополе, так и в провинции происходит, хотя и осторожная, но весьма определенная

[1] Тел. Гулькевича от 20/7 янв. за № 114 предписывала: «Ни в какие политические переговоры ни с кем из членов комитета вам вступать не следует».

перегруппировка, могущая, в случае новых крупных военных неудач, привести к коренным изменениям в составе оттоманского правительства.

Наиболее чуткие из членов комитета, еще до начала военных действий стремившиеся найти какой-либо выход из создавшегося положения, теперь, когда печальная действительность не оставляет места иллюзиям, особенно усердно предаются изысканию способов, могущих, по их мнению, спасти Оттоманскую империю, хотя бы путем крупных уступок и жертв. Так как главным препятствием в этом направлении является господствующая ныне военная партия, то помянутые деятели становятся во главе ее врагов, однако предварительно более решительных выступлений пытаются выяснить, на что могут они надеяться, в случае если, сломив сопротивление Энвера и его сторонников, предоставят Турцию великодушию ее могущественных противников. Несомненно при этом, что смелость выступлений стремящихся к миру лиц против партии войны будет обратно пропорциональна той суровости, с каковой мы отнесемся к их предложениям и наоборот, чем спокойнее будут сказанные лица за свою судьбу и имущество, тем действительнее будет их борьба с военной партией.

Последняя продолжает, при помощи германцев, делать судорожные усилия для сохранения своего престижа в стране и поддержания в войсках того духа уверенности в успехе и стремления жертвовать собой, который единственно ведет к победе. Всякое противодействие этой деятельности, по скромному моему мнению, является ослаблением военной мощи наших противников, и, следовательно, желательно и выгодно для нас. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, я не счел возможным при первых же обращениях ко мне сторонников мира, ответить им полным и безусловным отказом иметь с ними какие-либо сношения, однако тогда же отметил, что не имею полномочий вступать с ними в переговоры, тем более, что все их заявления должны быть признаны голословными, пока страной управляет Энвер и германское посольство. На отмеченное мое заявление турки ответили, что не предполагают пока вступать в переговоры, но хотят лишь подготовить соответствующую почву и удовлетворятся одним только осведомлением меня о том, что среди них происходит. Одновременно они затронули вопрос об оказании им материальной помощи в борьбе с германской партией, — помощи, которая облегчила бы им возможность согласиться с духовенством, единственной силой, могущей, по их мнению, оказаться роковой для Энвера и его присных. Указывая на то, что комитет имеет большие земельные участки в Кон-

стантинополе, записанные на имя 38 лиц, турки просили сообщить им, будут ли эти земли сохранены за их настоящими хозяевами, которые являются лишь фиктивными владельцами и что вообще произойдет в случае занятия нами Константинополя. Постоянно возвращаясь к этой теме, они выражали готовность сделать все возможное, дабы в «критический момент» избегнуть, как это случилось в Салониках [1], излишнего кровопролития и сохранить 600 000 христиан и 800 000 мусульман от ужасов битвы на улицах города, как о том мечтает Энвер и немцы. В доказательство своей искренности они просили меня обращаться в затруднительных, для порученного мне дела, случаях непосредственно к ним, помимо итальянского посольства, а также делать им те указания, которые казались бы необходимыми в области отношений мусульман к христианам, кои признаются ими под нашим покровительством.

Заявления эти, конечно, делались не сразу, но при разновременных посещениях меня приглашенным мною по делу наших афонских подворий адвокатом, оказавшимся одним из доверенных лиц младотурок и получающим свои инструкции от известного вам Халильбея, через редактора газеты «Танин» и, как мне думается, не без тайного согласия самого Талаата.

Не имея инструкций о том, как мне поступить в случае, подобном настоящему, я упорно продолжал указывать туркам на чисто консульский характер возложенных на меня обязанностей, однако, по неизвестным мне причинам, указания мои имели как бы обратный результат, ничуть не разочаровывая турок и вызывая с их стороны лишь более откровенные сообщения.

Так например, я узнал, что партия мира разделялась до последнего времени на три группы. Первая из них питала надежду на возможность для Турции удержаться на берегах Босфора путем признания над собой европейского контроля и создания соответственной администрации; вторая основывала свои расчеты на возможном раздоре между Россией и ее союзницами в вопросе о Проливах и предлагала в критическую минуту сдать Константинополь англо-французам; наконец, третья, считающая победу России неизбежной, с самого начала стремилась выговорить себе максимум возможного в будущем благополучия и установить условия перехода Константинополя во власть России с наименьшими для себя жертвами.

---

[1] Имеется в виду занятие Салоник греками во время первой балканской войны 9 нояб./27 окт. 1912 г.

Посетивший меня сегодня обычный посредник, которому я ответил в согласии с преподанными мне в телеграмме № 114 указаниями, между прочим сообщил мне, якобы английский здесь представитель г. Уо вынужден был оставить Турцию не потому, что занимался военной разведкой, но вследствие того, что на некоторые попытки турок вступить с ним в сношения, будто бы, ответил, что не желает иметь никакого дела с «денмэ»[1]. Такое отношение показалось очень обидным комитету, вследствие интриг коего Порта якобы и потребовала удаления английского чиновника. Как бы то ни было, с отъездом г. Уо вторая группа пасифистов также переносит свои надежды на нашу сторону и приходит к заключению, что Англия предоставила нам полную свободу в вопросе о контроле и Проливах. Убеждение это, могущее само по себе лишь усилить значение здесь России, лично для меня, ввиду инструкций телеграммы № 114, представляет то неудобство, что еще более увеличивает стремление пасифистов заслужить милость императорского правительства, вследствие чего обращения их ко мне, при всех моих заявлениях о неимении инструкций, будут современем становиться все настойчивее, пока я не окажусь вынужденным принять в отношении их то положение, в которое с самого начала стал мой английский коллега. Конечно, вы поверите моей искренности, глубокоуважаемый Константин Николаевич, если я скажу, что отъезд из Константинополя не явится для меня сколько-нибудь грустным событием, однако я хотел бы быть уверенным, что таковой соответствует видам моего начальства.

С этой именно целью позволяю себе представить все изложенное на ваше благовоззрение, прося вместе с тем верить сердечной преданности искренно и глубоко уважающего вас

Б. Серафимова.

№ 111. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 306. 31/18 января 1915 г.
№ 2.

J'ai communiqué à O'Beirne la substance du télégramme de Pékin que je vous transmets sub No 2[2]. Tout en tenant compte de l'exagération probable de l'information parvenue à notre ministre, nous ne

[1] «Денмэ» назывались салоникские евреи, принявшие мусульманство.

[2] В тексте ошибка: должно быть :«sub No 1», так как за № 305 (№ 1) была передана в Лондон тел. Крупенского за № 29 (см. стр. 139, прим. 1).

pouvons ne pas voir un danger réel pour les relations anglo-japonaises dans les exigences du Japon [1].

Vous connaissez les raisons pour lesquelles nous tenons à ce que ces relations restent étroites. Certains symptomes de leur relâchement s'étant manifestés, j'ai eu l'occasion d'en parler à O'Beirne, qui m'a affirmé que l'Angleterre ne voyait aucune raison d'être mécontente de son alliée.

Je vous serai reconnaissant pourtant de me télégraphier ce que vous aurez réussi d'apprendre sur l'état actuel des relations entre l'Angleterre et le Japon.

Sazonow.

Перевод.

№ 2.

Я сообщил О'Бейрну содержание телеграммы из Пекина, которую я вам передаю за № 2. Учитывая вероятное преувеличение информации, полученной нашим посланником, мы не можем не видеть в требованиях Японии реальной опасности для англо-японских отношений.

Вы знаете причины, по которым мы желаем, чтобы эти отношения оставались тесными. Некоторые признаки их ослабления обнаружились, и я имел случай говорить об этом с О'Бейрном, который заверил меня, что Англия не видит никаких оснований быть недовольной своей союзницей.

Тем не менее я буду вам благодарен, если вы сообщите по телеграфу, что вам удастся узнать о том, каковы в настоящий момент взаимоотношения между Англией и Японией.

Сазонов.

№ 112. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 67. 31/18 января 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мой № 57 [2].

В случае, если вопрос об уступке Болгарии территории на запад от Вардара будет здесь поставлен, можно предвидеть, что в числе воз-

[1] Тел. от 2 февр. /20 янв., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Мотоно, снова настаивая на желательности осведомления, «по крайней мере, России и Франции о содержании переговоров», сообщал Като, что на запрос Сазонова он ограничился заверением его, что «начавшиеся между императорским и китайским правительствами переговоры не затрагивают интересов России». По словам Мотоно, Сазонов заявил, что он «нисколько не сомневается в том, что это выступление Японии не идет наперекор интересам России, но, согласно сведениям из Англии и Америки, — особенно из Америки, — в этих странах питают глубокое недоверие, и Япония, по его мнению, должна обратить на это серьезное внимание».

[2] См. № 103.

ражений сербское правительство укажет на необходимость иметь вполне обеспеченное сообщение с Салониками, важность коего усилилась со времени занятия Валоны Италией, которая будет иметь ключ сообщений в Адриатике. Не представилась ли бы возможность ослабить это возражение, предложив установить контроль держав Тройственного согласия на всем протяжении железной дороги, соединяющей Сербию с Салониками, дабы обеспечить полную свободу транзита. Мои французский и английский товарищи телеграфируют в том же смысле своим правительствам. Помимо непосредственного результата, такое решение вопроса дало бы державам Тройственного согласия весьма серьезное орудие политического и экономического влияния на Балканах в будущем.

Трубецкой.

№ 113. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 68. 31/18 января 1915 г.

Продолжение моего № 67 [1]. Ссылаюсь на мой № 1264 [2].

Той же цели свободы сообщений Сербии могло бы служить, кроме железной дороги, включение в будущий мирный договор статьи, обеспечивающей свободу плавания нейтральных в мирное и военное время чрез Отрантский пролив. Мне кажется однако, что мы могли бы предложить этот принцип лишь в случае, если применение его относительно константинопольских проливов ни в коем случае не встретит с нашей стороны возражений. С другой стороны, если подобное начало с точки зрения военно-морских интересов для нас допустимо, то доверительное разъяснение в той или другой форме нашего взгляда могло бы в значительной степени успокоить и расположить в нашу пользу Румынию и Грецию.

Трубецкой.

№ 114. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 1 февраля/19 января 1915 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

La démarche de l'Entente, projetée à Athènes, mûrissait à peine lorsque l'initiative britannique vint couper court à toute tergiversation.

[1] См. № 112.

[2] См. т. VI, № 703.

Le 24/11 janvier mon collègue d'Angleterre avisait officieusement Mr. Vénizélos [1], d'ordre de son gouvernement, que la nouvelle tentative austro-allemande en vue d'écraser la Serbie exigeait impérieusement l'appui effectif de son alliée, la Grèce, et que les trois Puissances de l'Entente étaient disposées à reconnaître à celle-ci, en retour de sa coopération, des concessions territoriales très importantes sur la côte de l'Asie Mineure. Si Mr. Vénizélos désirait une entente définitive à ces conditions, il devait en faire part sans retard aux trois gouvernements qui réserveraient, sans aucun doute, l'acceuil le plus favorable à toute proposition qu'il aurait à faire. Je vous transmets à tout hasard la traduction française du télégramme de Sir E. Grey, contenant les instructions à ce propos, et à moi remise par Sir F. Elliot [2]. Aussi bien ressort-il de ces instructions qu'un appel analogue aurait été fait à Bucarest par le gouvernement britannique.

La réponse de Mr. Vénizélos ne s'est point fait attendre; elle vous aura été communiquée le surlendemain 26/13 par le ministre de Grèce à Pétrograd [3].

C'est, à mon sens, un grand pas de franchi vers la participation grecque au conflit.

L'offre du littoral d'Asie Mineure qui apparaissait tout récemment encore sous les aspects d'un plan chimérique, enfanté par quelque colporteur de ballons politiques en tournée, — tel Mr. Buxton, — semble toute naturelle aujourd'hui. Cette proposition qui touche aux plus graves problèmes de l'histoire, présuppose, toutefois, un accord intervenu au sujet de la liquidation général de l'infortuné Empire Ottoman; elle assure à la Grèce, — enviable amorce, — ce «complet et définitif établissement national de l'hellénism », selon les termes mêmes de Mr. Vénizélos, qui est l'objectif de tout patriote grec. Précipiter l'oeuvre d'émancipation, faire triompher l'unification nationale, convertir l'Egée en lac hellénique, — telles sont les perspectives qui vont s'ouvrir aux yeux éblouis des Grecs; elles valent quelques risques à prendre. On lève donc les objections actuelles contre les concessions en Macédoine que la Serbie serait amenée à faire à la Bulgarie, cet important facteur de toute coopération active dans ces régions; on déclare suffisante la collaboration roumaine, à défaut de l'assistance bulgare; on serait désireux, enfin, de se garantir sinon matériellement, moralement du moins, contre la Bulgarie, par la présence, sur la Péninsule, d'un contingent

[1] См. № 93.

[2] Текст совпадает с англ. пам. запиской от 25/12 янв. См. № 76.

[3] См. № 93.

de l'Entente. Il en a été question ici ces jours derniers et mon collègue d'Angleterre m'a même confié avoir été chargé de s'enquérir du nombre de trains quotidiens que pouvait comporter le service Salonique — Nich.

Le président du Conseil désire sincèrement l'entrée immédiate en campagne de la Grèce aux côtés des Puissances de l'Entente. L'armée est prête jusqu'au dernier bouton, me dit-il. Le roi est partiellement acquis à la nouvelle combinaison, dont le succès jetterait un lustre sans précédent sur son règne déjà si brillamment inauguré! De temps à autre Mr. Vénizélos, qui s'emploie fiévreusement à cette oeuvre de persuasion, vient nous dire les excellentes dispositions de sa majesté. A en juger d'après les articles inspirés de la presse, il cherche à préparer l'opinion. «Depuis la guerre européenne — écrit «Patris» — et les conséquences qui en découlent et en découleront, la Grèce attend l'occasion de l'action qui s'impose; elle considèrerait comme un véritable malheur, si cette occasion ne lui était pas donné». Et encore: «Nul ne peut nier que la Grèce a le devoir d'agir dans le sens que lui dictent ses grands intérêts en jeu». Tout cela indiquerait, semble-t-il, un déblayement de terrain en vue de l'action.

Au cours d'un long et très instructif entretien avec Mr. Vénizélos à la suite de la proposition brusquée anglaise, j'eus l'occasion de me convaincre de l'effet produit sur lui par la démarche officieuse de mon collègue; celle-ci l'avait littéralement électrisé. Il me dit vouloir éviter, par délicatesse, de préciser l'étendue des compensations auxquelles la Grèce pouvait aspirer en Asie Mineure. Il m'indiqua, néanmoins, sur une carte, qu'il avait soigneusement étudiée déjà, quelques contours approximatifs que je vous ai signalés, par mon télégramme No 30 [1]. La limite septentrionale convoitée me semblant s'approcher par trop près du littoral de Marmara et de la mer Noire, je lui fis connaître mon sentiment tout personnel, qu'il était préférable de demeurer dans le cadre du possible, d'autant plus qu'il envisageait l'acquisition de Panderma, au cas où la Bulgarie obtiendrait Rodosto. Il ajouta qu'il laissait naturellement en dehors de toute aspiration le sandjak des Dardanelles. Le surlendemain, j'appris par Sir F. Elliot qu'il avait été tenu compte de mes observations et que les demandes grecques se résumaient,

[1] В тел. от 2 февр./20 янв. за № 30 Демидов следующим образом формулировал пожелания Венизелоса: «Его пожелания распространяются на Айдинский вилайет целиком и на половину Брусского вилайета, граница начиналась бы от берега на высоте Айвали и, следуя параллельно берегу Мраморного моря, спускалась бы прямо к Афиун-Карагиссару, откуда, направляясь к ... водоразделу, она выходила бы на южном берегу немного на восток от Кастеллоризо».

en somme, en l'obtention de la moitié du vilayet de Brousse et de celui d'Aidin tout entier.

Je parlai à Mr. Vénizélos de l'importance évidente d'une coopération de la Bulgarie qui déclancherait toute la Péninsule et de la nécessité de la décider à l'action, sans trop appuyer, pourtant, sur la question délicate des concessions. Le premier ministre semblait croire qu'une fois la Roumanie et la Grèce sorties de leur neutralité, la Bulgarie n'aurait qu'une voie à suivre — celle de l'effort solidaire. A mon grand étonnement, il prononça le mot que j'avais sur les lèvres — Kavala. Ce ne fut, toutefois, que pour me faire étalage, en chiffres officiels, de son inestimable valeur commerciale et pour me dire qu'ayant derechef sondé le roi au sujet d'une cession éventuelle de ce port, il n'avait trouvé, auprès de sa majesté, aucun écho responsif. Je n'insistai point sur ce «non possumus» qui m'était si familier, tout en soulignant de nouveau le prix que nous attachions forcément à la collaboration de la Bulgarie.

Toujours est-il que je fus plutôt surpris lorsque mon collègue anglais vint m'annoncer, deux ou trois jours après, sous le sceau du plus absolu secret, que Mr. Vénizélos était parvenu à ses fins en persuadant le roi de lever son interdiction sur Kavala et d'en admettre le transfert à la Bulgarie, sous condition expresse et sine qua non de sa coopération avec l'Entente. Mr. Vénizélos donnait pouvoir à Sir E. Grey de sonder, dans ce sens, le Cabinet de Sofia, ne voulant pas prendre lui-même l'initiative d'une mesure, contraire au sentiment public, qui serait susceptible, fût-elle ébruitée, de fournir à l'opposition une arme des plus dangereuses contre lui. Ni mon collègue de France, ni moi-même, n'en devions rien savoir — tel était le mot d'ordre entre le président du Conseil et le ministre d'Angleterre. C'est le motif pour lequel j'ai cru devoir décupler auprès de vous mes instances de discrétion. Me compromettre aux yeux de Sir F. Elliot, celui-ci devant Mr. Vénizélos, le président du Conseil, enfin, devant le roi et l'opinion irritée à l'extrême — telles pourraient être les conséquences d'un dévoilement prématuré, outre l'avortement probable de cette suprême tentative d'enrôler la Bulgarie. Vous voudrez bien excuser par conséquent ce surcroît de précautions.

Mon télégramme précité vous rend compte de certaines réserves secondaires formulées par Mr. Vénizélos. La cession envisagée du port de Kavala ne comprendrait pas le district de Serrès; de même voudrait-on acquérir l'enclave peu considérable de Doïran — deux conditions essentielles, paraît-il à la sécurité de Salonique. Il entre, enfin, dans les vues du premier ministre, de passer un accord avec la Bulgarie concer-

nant l'échange de nationaux respectifs afin d'aboutir, autant que possible, à l'homogénéité ethnique des territoires.

Qu'en sortira-t-il de cette combinaison nouvelle? Il est difficile de faire des prévisions quelconques. La Bulgarie se contentera-t-elle de ces concessions? J'ai peine à le croire. Ici, du moins, la parole aura été prononcée, l'acquiescement principiel donné, le geste esquissé. C'est un progrès incontestable d'obtenu, — progrès à mon sens plus que justifié par les perspectives offertes à la Grèce de compensations inespérées jusqu'ici.

Veuillez etc.

Démidow.

Перевод:

Дорогой Сергей Дмитриевич,

В то время как предположенное выступление Антанты в Афинах было еще только предметом предварительного обсуждения, инициатива Англии внезапно покончила со всякого рода проволочками.

24/11 января мой английский коллега, по указанию своего правительства, официозно уведомил г. Венизелоса, что новая австро-германская попытка разгромить Сербию настоятельно требует реальной поддержки со стороны ее союзницы — Греции, и что три державы Согласия готовы за ее содействие признать за ней на Малоазиатском побережьи весьма значительные территориальные приращения. В случае, если бы г. Венизелос пожелал заключить на этих условиях окончательное соглашение, он должен был бы немедленно сообщить об этом трем правительствам, которые, без всякого сомнения, окажут самый благожелательный прием всякому его предложению. Я вам пересылаю на всякий случай французский перевод телеграммы сэра Э. Грея, содержащей инструкции по этому поводу и переданной мне сэром Ф. Эллиотом. Из этих инструкций также явствует, что с аналогичным призывом английское правительство обратилось в Бухарест.

Ответ г. Венизелоса не заставил себя ждать; он, вероятно, был вам сообщен через два дня, 26/13 января греческим посланником в Петрограде.

По моему мнению, это большой шаг в сторону участия Греции в конфликте.

Предложение побережья Малой Азии, еще так недавно казавшееся химерическим планом, задуманным некими странствующими продавцами политических пробных шаров, как, напр., г. Бекстоном, представляется теперь вполне естественным. Это предложение, затрагивающее самые серьезные проблемы истории, обусловлено тем не менее предпосылкой, что состоялось соглашение касательно общей ликвидации несчастной Оттоманской империи; оно обеспечивает Греции, согласно выражению самого г. Венизелоса, «то полное и окончательное национальное обоснование эллинизма», которое является целью всякого греческого патриота — завидная приманка! Ускорить дело освобождения, добиться торжества национального объединения, обратить Эгейское море в эллинское озеро, — таковы перспективы, которые откроются ослепленным глазам греков; они стоят того, чтобы подвергнуться некоторому риску. Поэтому здесь отказываются от имевшихся до сих пор возражений против уступок в Македонии, ко-

торые Сербия будет вынуждена сделать в пользу Болгарии, этого важного фактора всякого активного сотрудничества в этих краях; здесь признают достаточным содействие Румынии в случае неполучения помощи со стороны Болгарии; наконец, очень бы желали гарантировать себя против Болгарии, если не материально, то, по крайней мере, морально появлением на полуострове военных сил Антанты. На этих днях здесь об этом шла речь, и мой английский коллега мне поведал, что ему было поручено узнать об ежедневном количестве поездов, которые могла бы пропустить линия Ниш — Салоники.

Председатель совета искренно желает немедленного вступления Греции в войну бок о бок с державами Согласия. Армия готова до последней пуговицы, — сказал он. Король до известной степени склоняется на новую комбинацию, успех которой придаст беспримерный блеск его столь уже блестяще начатому царствованию. Время от времени г. Венизелос, который лихорадочно занят этим делом убеждения [короля], сообщает нам о прекрасных намерениях его величества. Если судить по инспирированным статьям печати, то он [Венизелос] старается подготовить и общественное мнение: «С начала европейской войны, — пишет «Патрис», — и в связи с теми последствиями, которые вызываются ею и могут быть еще вызваны, Греция выжидает случая, необходимого для ее выступления; она считала бы настоящим несчастьем, если бы этот случай ей не представился». И еще: «Никто не может отрицать, что Греция должна действовать согласно ее крупным интересам, которые в настоящее время затронуты». Все это, повидимому, указывает на подготовку поля действия для выступления.

Во время продолжительной и весьма поучительной беседы с г. Венизелосом, вызванной неожиданным английским предложением, я имел случай убедиться во впечатлении, произведенном на него официозным выступлением моего коллеги; оно его буквально наэлектризовало. Он мне сказал, что из деликатности он желает избежать уточнения компенсаций, на которые Греция могла бы претендовать в Малой Азии. Тем не менее он мне указал на карте, которую он уже тщательно изучил, приблизительно намеченные им пограничные линии, о которых я вам сообщил в моей телеграмме № 30. Ввиду того, что северная граница, коей добивается Греция, подходит, мне кажется, слишком близко к побережью Мраморного и Чёрного морей, я ему высказал по этому поводу мое личное мнение, что предпочтительнее было бы оставаться в пределах возможного тем более, что он предусматривает приобретение Пандермы в случае получения Болгарией Родосто. Венизелос добавил, что он естественно не включает в число притязаний Дарданелльский санджак. Через два дня я узнал от сэра Ф. Эллиота, что мои замечания были приняты к сведению, и что греческие притязания в общем ограничиваются получением половины Брусского вилайета и всего Айдинского.

Я говорил с г. Венизелосом о несомненном значении сотрудничества Болгарии, которое приведет в движение весь полуостров, и о необходимости побудить ее к выступлению, не слишком однако напирая на щекотливый вопрос об уступках. Первый министр, повидимому, полагал, что, раз Румыния и Греция выйдут из своего нейтралитета, Болгарии будет открыт лишь один путь — это путь совместного выступления. К моему большому удивлению, он произнес слово, которое у меня было на языке: Кавала. Сделал он это однако лишь с тем, чтобы выставить на основании официальных данных ее неоценимое коммерческое значение и чтобы сообщить мне о том, что при новой попытке узнать мнение короля

о возможной уступке этого порта, он не добился от его величества никакого ответного отклика. Я нисколько не настаивал на этом «non possumus», так хорошо мне известном, но снова подчеркнул значение, которое мы вынуждены придавать болгарскому сотрудничеству.

Как бы то ни было, я был все же несколько удивлен, когда мой английский коллега пришел мне сообщить два или три дня спустя под условием полной тайны, что г. Венизелос достиг своей цели, убедив короля снять запрет в отношении Кавалы и разрешить ее передать Болгарии под непременным и неизбежным условием сотрудничества последней с Антантой. Г. Венизелос уполномочивал сэра Э. Грея узнать по этому вопросу мнение софийского кабинета, не желая сам принять на себя инициативу меры, неприемлемой для общественного мнения и которая при ее огласке могла бы дать оппозиции весьма опасное против него, Венизелоса, оружие. Ни мой французский коллега, ни я не должны были ничего об этом знать, — таков был уговор между председателем совета и английским посланником. Это была причина, почему я счел нужным усилить мои просьбы к вам о сохранении тайны. Преждевременное разоблачение тайны могло бы скомпрометировать меня перед сэром Ф. Эллиотом, а последнего — перед г. Венизелосом, председателя совета, наконец, — перед королем и крайне раздраженным общественным мнением, не говоря уже о вероятном провале из-за этого последней попытки завербовать Болгарию. Вы не откажите поэтому извинить этот избыток предосторожностей.

Указанная выше моя телеграмма дает вам отчет о некоторых второстепенных оговорках, сделанных г. Венизелосом. Предположенная уступка порта Кавалы не включает округа Сереса; равным образом было высказано пожелание приобрести незначительную входящую клином территорию у Дойрана — два существенных, повидимому, условия для безопасности Салоник. Наконец, в планы первого министра входит заключение соглашения с Болгарией касательно взаимного обмена лицами той и другой национальности с целью достигнуть, насколько возможно, этнической однородности территории.

Что выйдет из этой новой комбинации? Трудно делать какие бы то ни было предположения на этот счет. Будет ли Болгария удовлетворена указанными уступками? Мне не верится. Во всяком случае здесь было сказано слово, дано принципиальное согласие, намечено действие. — Это бесспорно достигнутый успех, — успех, по моему мнению, более чем оправдываемый предложенными Греции заманчивыми компенсациями, на которые до сих пор она не могла надеяться.

Примиге и пр.

Демидов.

№ 115. Посол в Токио министру иностранных дел.

Письмо № 7. 1 февраля/19 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь препроводить вашему высокопревосходительству копии двух справок, переданных мне генерал-майором Гермониусом и военным агентом генерал-майором Самойловым, о заказах и закупках, сделанных в Японии у здешнего военного министерства и у рекомен-

дованных японским правительством частных торговых фирм для надобностей нашего артиллерийского ведомства и интендантства [1].

Из первой справки вы изволите усмотреть, что главное артиллерийское управление приобрело и заказало через посредство генерала Гермониуса в Японии: 335 000 винтовок и к ним $87^1/_2$ миллионов ружейных патронов; 351 орудие, из коих 135 крупного калибра и 216 полевых орудий; около 70 000 орудийных снарядов, свыше полумиллиона шрапнелей, несколько сот тысяч пудов бездымного пороха и значительное количество военных припасов и различных предметов артиллерийского снаряжения, как-то: зарядных ящиков, гильз, штыков, пистолетов, серы, камфары, латуни и прочего, всего на сумму до 38 000 000 иен.

Для надобностей нашего интендантского ведомства, как видно из справки генерала Самойлова, приобретено и заказано при его посредстве в Японии около 10 миллионов аршин мундирного и шинельного сукна, свыше 600 000 пар сапог, 30 000 седел, полмиллиона поясов, миллион подсумков и прочее на сумму свыше 42 000 000 иен, куда не вошел заказанный шанцевый инструмент, переговоры о коем еще не закончены [2].

Большинство вышеозначенных предметов как артиллерийского снаряжения, так и интендантского заготовления приобретены от японского военного министерства или при ближайшем его содействии у рекомендованных японским правительством торговых фирм, известных своей кредитоспособностью.

Все переговоры с военным министерством и упомянутыми фирмами велись непосредственно генералами Гермониусом и Самойловым, по инструкциям их непосредственных начальников, без всякого касательства со стороны императорского посольства. Ими же вырабатывались условия приемок и подписывались контракты по заказам и покупкам, причем самые контракты свидетельствовались императорским российским консульством в Иокогаме со взысканием с поставщиков и их агентов консульской пошлины, поступление коей по этим сделкам в доход казны определяется по [14] 1 января текущего года в сумме около 70 000 рублей.

Содействие, оказанное императорским посольством успешному выполнению возложенных на представителя артиллерийского ведомства и нашего военного агента поручений, выразилось главнейшим

[1] Справки хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле Яп. ст. 1869.

[2] Тел. от 20/7 янв. за № 113 Сазонов поручил Малевскому купить у Японии миллион лопат и по двести тысяч топоров и кирко-мотыг с чехлами.

образом в сношениях с высшими правительственными лицами в Токио, от советов и указаний которых зависело согласие военного министерства на отпуск нам нужных предметов снаряжения. В этом отношении особо ценное содействие оказано нам японским министерством иностранных дел, через которое велись первоначальные переговоры почти по каждому отдельному заказу с военным министерством, вообще проявившем большую неуступчивость в удовлетворении наших требований. При каждом моем обращении к барону Като я встречал с его стороны полную готовность оказать нам содействие, и его стараниям следует приписать в значительной степени достигнутые в этом деле успехи.

Вменяю себе в долг засвидетельствовать равным образом об особых трудах и стараниях генерал-майора Гермониуса и военного агента генерал-майора Самойлова, прилагающих всевозможные усилия и понесших в высшей степени напряженные труды при заказах и приемах предметов артиллерийского ведомства и интендантского снабжения. Только благодаря исключительной энергии этих двух военных чинов (генерал-майор Самойлов остался с ноября месяца без помощника, откомандированного сперва в Циндао, а ныне в Пекин) удалось в столь короткий срок принять и отправить во Владивосток значительное количество уступленных японцами для наших армий орудий, ружей, боевых припасов и прочего.

По заявлению генералов Гермониуса и Самойлова, приобретенные здесь предметы вполне удовлетворяют своему назначению и уступлены нам по весьма умеренной цене.

Примите и пр. Н. Малевский-Малевич.

№ 116. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

2 февраля/20 января 1915 г.

Le gouvernement serbe s'est adressé au gouvernement impérial en le priant de lui assurer de la part des trois Puissances alliées un nouveau secours financier de 150 000 000 francs payables par rates de 30 000 000 par mois à partir du 1 Janvier a. c. vieux style. Le gouvernement serbe déclare qu'à défaut de ce crédit la Serbie se verra dans l'impossibilité matérielle de continuer la guerre.

Avant de donner une réponse au gouvernement serbe, Mr. Sazonow croit de son devoir de consulter à ce sujet les gouvernements alliées [1].

[1] Ср. № 135.

Перевод.

Сербское правительство обратилось к императорскому правительству с просьбой гарантировать ему от имени трех союзных держав новую финансовую помощь в сумме 150 000 000 франков, уплачиваемых ежемесячно частями в размере 30 000 000 франков, начиная с 1 января ст. ст. Сербское правительство заявляет, что в случае неполучения этого кредита для Сербии будет материально невозможно продолжать войну.

Прежде чем дать ответ сербскому правительству г. Сазонов считает своим долгом запросить по этому поводу мнение союзных правительств.

№ 117. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

/. Телеграмма № 341. 2 февраля/20 января 1915 г.

Английский посол передал мне предложение Грея ранее предъявления ноты сербскому правительству обсудить частным образом с Пашичем наше предложение. Я ответил отрицательно, считая, что почва в этом отношении достаточно подготовлена и что дальнейшие переговоры могут лишь ослабить значение нашего выступления [1].

Сазонов.

№ 118. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

/. Телеграмма № 358. 2 февраля/20 января 1915 г.

Сообщается д. с. с. Крупенскому в Пекин.

Телеграмма № 343 [2] получена.

Предлагаемая китайскими делегатами редакция статьи об обложении китайского ввоза в автономной Монголии нас не удовлетворяет, тем более что в случае ее принятия взимание предлагаемых вами побочных сборов будет источником протестов и недоразумений. Мы предпочитаем поэтому предложенную в моей телеграмме № 169 [3] редакцию соответствующей статьи.

---

[1] В ответ на это Трубецкой тел. от 3 февр./21 янв. за № 87 сообщил, что, по его мнению, частные беседы трех посланников с Пашичем «могли бы быть полезны, если только в них будет проведено твердое решение держав, когда последние согласятся окончательно по всем пунктам».

[2] Тел от 30/17 янв. за № 343 Миллер передал последнюю уступку кит. делегатов, «далее которой они итти не могут», и формулированную следующим образом: «Все привозимые из Китая во Внешнюю Монголию товары никакими таможенными пошлинами не облагаются, но уплачивают внутренний сбор в размере 2,5%, взимаемый один раз. Тариф будет выработан автономным правительством Внешней Монголии по соглашению с китайским сановником в Урге».

[3] См. № 63.

Для личного вашего сведения добавляю, что китайский посланник сообщил нам о полученных китайскими делегатами в Кяхте указаниях быть сговорчивыми и скорее закончить переговоры о тройном договоре, что, очевидно, объясняется серьезными затруднениями, возникшими у Китая с Японией.

Сазонов.

№ 119. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 29 [1]. 2 февраля/20 января 1915 г.

Министр финансов просит передать Горемыкину: «Ежедневные расходы союзников составляют теперь для каждого от 40 до 50 миллионов франков. Я заявил, что мы должны считаться с необходимостью открытия кредита на войну в размере 500 миллионов рублей в месяц, всего 6 миллиардов на год, из них одна шестая часть, в размере одного миллиарда рублей, необходима в виде кредитов за границей. Наряду с этим я категорически заявил, что мы не можем высылать золота; должны охранять наши золотые запасы. Очень трудно будет найти формулу такого единения наших интересов, чтобы мы получили надлежащие кредиты за границей, не ослабляя наших золотых запасов, в особенности ввиду требований, предъявляемых английскому и французскому рынкам со стороны Бельгии, Сербии и Румынии. Завтра продолжение совета. Наряду с финансовыми вопросами, Ллойд-Джордж поставил на обсуждение вопрос о немедленной посылке на помощь Сербии объединенного корпуса, в составе войск Англии, России и Франции. По мнению англичан, такая активная помощь побудит Грецию, Румынию и Болгарию примкнуть немедленно к нам. Считая с Сербией, такая армия, двинутая с юга против Австрии, составит не менее одного миллиона штыков и сразу изменит все положение, облегчая наше движение на Силезию, оттягивая войска от французского фронта и разрешая вопрос о Проливах. Это предложение было немедленно рассмотрено в частном совещании у Рибо, при участии Вивиани, Мильерана и Делькассе. Мильеран противится посылке французских и английских войск в Сербию, желая иметь возможно большие подкрепления здесь. Вопрос подвергнется дальнейшему обсуждению в совете министров в четверг. — Подписал Барк».

Извольский.

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 136.

№ 120. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 30 [1]. 2 февраля/20 января 1915 г.

Тайный советник Барк просит передать Горемыкину: «Президент Республики принял меня сегодня вечером и долго говорил со мною о трех вопросах, которые его заботят: а) От великого князя Николая Николаевича получена телеграмма, сообщающая о большом недостатке ружей, причем великий князь указывает, что отсутствие в этом деле помощи Франции фатально для России и приводит его лично в отчаяние. Повидимому 5-ти миллионов ружей, которые должны были быть в наличности, в действительности не оказалось. Для Франции такое положение союзницы оказалось совершенно неожиданным, и президент ожидает подробных данных о количестве войск и потребности в ружьях. б) Президента смущают различные выступления и заявления графа Витте [2] и нахождение его во главе комитета финансов. в) Предложение Ллойд-Джорджа о посылке объединенного корпуса союзников на Балканы для побуждения Болгарии, Румынии и Греции к активному выступлению признается президентом заслуживающим большого внимания. Первый вопрос чрезвычайно заботит президента, который несколько раз к нему возвращался, освещая его с разных точек зрения».

Извольский.

№ 121. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 34. 2 февраля/20 января 1915 г.

Копия в Бухарест и Ниш.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 50 [3].

Радославов сказал мне сегодня, что, относясь очень сочувственно к советам Братиану Пашичу о соглашении с Болгарией и сам искренно желая притти к болгаро-сербскому соглашению возможно скорее, он находит однако совершенно неправильным и нежелательным ставить в зависимость от него болгаро-румынское соглашение, которое может быть достигнуто гораздо легче и скорей. С другой стороны, румынский посланник сообщил мне, что Братиану предпочитая, чтобы болгаро-румынское соглашение предшествовало болгаро-сербскому, решил однако не делать из этого conditio sine qua non, если бы обстоятель-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 137.
[2] Ср. № 37.
[3] См. № 109.

ства того потребовали. На это есть указание и в конце телеграммы Поклевского № 524 [1].

Савинский.

№ 122. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 62 [2]. 2 февраля/20 января 1915

Копии в Лондон, Париж, Афины, Софию и Ниш.

Ссылаюсь на телеграммы Демидова № 28 [3] и Савинского № 25 [4].

Как я уже доносил, Братиану придерживается того мнения, что Греция с самого начала нынешнего кризиса преследует главным образом свои частные счеты с Болгарией и что более всего Греция желала бы, будучи в союзе с Румынией, воевать с Болгарией, румынское же правительство, наоборот, находит, что к кооперации с Тройственным согласием и с собирающейся выступить на его стороне Румынией надо привлечь возможно более сил, а потому не только не следует создавать местного балканского конфликта, но необходимо всеми силами стараться привлечь Болгарию на нашу сторону. Ввиду вышеизложенного. Братиану действительно несколько раз отклонял предложения Греции о заключении направленного против Болгарии союза, причем он всякий раз преподавал греческому правительству советы умеренности и уступчивости по отношению к Болгарии. Весьма возможно, что при этом Братиану доказывал общность румынских и греческих интересов при помощи вероятно и ранее неоднократно приводившихся аргументов о том, что оба эти государства являются единственными не-славянскими христианскими государствами на Балканах, и что вопрос о Проливах одинаково для них важен. Такой взгляд на Болгарию у Братиану всетаки нисколько, мне кажется, не доказывает, чтобы румынское правительство стремилось к соглашению с Болгарией в ущерб его отношениям к Сербии и Греции. Это подтверждается тем, что, во-первых, румынское правительство не желает вступить в особые переговоры с Болгарией и заключать с нею отдельное соглашение, пока окончательно не выяснится результат воздействия держав Тройственного согласия в Нише и Софии с целью примирения Сербии с Болгарией; во-вторых, Братиану неоднократно упоминал предо мною, что он в принципе допускает возможность греко-румын-

[1] См. № 4.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 369.

[3] См. № 101.

[4] См. № 96.

ского союзного договора, но лишь после того, как окажется совершенно невозможным вырвать Болгарию из враждебного нам лагеря; в-третьих, Братиану несколько раз высказывался предо мною и моими французским и английским коллегами в том смысле, что нападение Болгарии на Сербию не могло бы оставить Румынию безучастной. Кроме того румынский генеральный штаб давно уже изучает вопрос о ведении Румынией войны на два фронта, и Братиану сообщил мне на-днях, что здешние военные эксперты пришли к заключению, что болгарская армия прекрасно организована, что у Греции менее хороших войск, чем она считает, и что поэтому в случае войны на два фронта, кооперация Румынии на австрийском театре войны должна свестись на сравнительно незначительные размеры.

Поклевский.

№ 123. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

3 февраля/21 января 1915 г.

Télégramme:

«Tenant compte des informations que j'ai reçues en dernier lieu et des propositions russes, j'estime que la question des démarches à faire auprès des Puissances balkaniques en vue de régler les conditions de leur coopération éventuelle avec la Serbie et la Triple Entente se résume ainsi:

L'attitude des différentes Puissances balkaniques continue à dépendre essentiellement de celle de la Bulgarie. C'est donc ce point qu'il s'agit de préciser avant toute autre démarche auprès d'aucune autre Puissance balkanique, notamment la Serbie. Il serait en effet illogique de réclamer de la Serbie des sacrifices territoriaux étendus en faveur de la Bulgarie et imprudent de lui promettre, d'autre part, en compensation des acquisitions territoriales très importantes sans l'assurance qu'en échange de cette combinaison de sacrifices et de compensations, la neutralité et peut-être même la coopération de la Bulgarie sont désormais assurées. La première démarche doit donc avoir lieu à Sofia et être effectuée sous la forme des deux alternatives suivantes:

La Bulgarie sera tout d'abord priée de prendre l'engagement formel et définitif de garder la neutralité vis-à-vis de la Serbie, de la Roumanie et de la Grèce. En retour de cette promesse les Puissances de la Triple Entente s'engageraient de lui remettre, au rétablissement de la paix, la Macédoine serbe jusqu'à la ligne du Vardar.

Il lui sera d'autre part déclaré que, si elle entre en action contre la

Turquie, la Triple Entente lui assurera, en outre au même moment, la région de Monastir, sans toutefois en préciser la limite du côté d'Ochrida.

Une fois la réponse de la Bulgarie obtenue, la Triple Entente chargera ses représentants à Nich d'apporter au gouvernement serbe la promesse définitive, soit de la neutralité seule, soit de l'entrée en action de la Bulgarie. Elle sera alors en mesure de peser utilement sur le gouvernement serbe pour qu'il concède à la Bulgarie, selon la mesure des engagements bulgares, soit la rive gauche du Vardar, soit, en plus par conséquent, la région de Monastir.

A titre de dédommagement, la Triple Entente assurera à la Serbie, lors du règlement de la paix:

1. L'annexion de la Bosnie-Herzégovine.

2. Un large accès à la mer Adriatique (on pourrait au besoin préciser jusqu'au cap Planka, c'est-à-dire Raguse, Spalato, îles adjacentes).

3. Une partie du Banat de Temesvar et une partie de la Syrmie habitée par les Serbes et suffisante pour assurer la défense stratégique de Belgrade.

4. L'assurance du libre accès économique à Salonique par le chemin de fer.

5. Une frontière commune avec la Grèce assurant la continuité des territoires serbes et grecs.

En ce qui concerne cette frontière commune, il y a aurait lieu de ne pas préciser que c'est sur territoire albanais qu'elle sera réalisée, l'Italie ayant clairement manifesté qu'elle prendrait actuellement ombrage d'une promesse de ce genre, puisque, signataire de la Conférence de Londres [1], elle prétend participer, lors du rétablissement de la paix, au règlement de la question albanaise.

Quant à la concession éventuelle de la région de Monastir aux Bulgares pour prix de leur entrée en action contre la Turquie il conviendrait également de s'abstenir d'en préciser la limite jusqu'à Ochrida. La Grèce en effet qui tient essentiellement à conserver une frontière commune avec la Serbie, objecterait à toute extension bulgare dans cette région qui limiterait la possibilité de maintien de cette frontière commune à la seule région dont l'Italie demande que la Triple Entente ne dispose pas dès maintenant sans elle.

J'estime que, d'après mes derniers renseignements, une fois l'accord serbo-bulgare conclu, la Roumanie consentira à négocier une entente avec

---

[1] Имеется в виду статут Албанского государства, подписанный на Лондонском совещании послов 29/16 июля 1913 г.

la Bulgarie sur la base des rétrocessions territoriales désirées par celle-ci. D e l c a s s é».

Перевод.

Телеграмма:

«Учитывая те сведения, которые я недавно получил, а также русские предложения, я считаю, что вопрос о шагах, которые надо предпринять перед балканскими державами в целях урегулирования условий предполагаемых совместных действий их с Сербией и Тройственным согласием, сводится к следующему:

Позиция различных балканских держав продолжает зависеть по преимуществу от позиции Болгарии. Поэтому необходимо выяснить именно этот пункт, прежде чем предпринять какой бы то ни было другой шаг перед той или иной балканской державой, в частности Сербией. Было бы на самом деле нелогично требовать от Сербии значительных территориальных жертв в пользу Болгарии и, с другой стороны, неосторожно обещать ей в виде компенсации весьма важные территориальные приобретения без уверенности, что в обмен на эту комбинацию жертв и компенсаций, нейтралитет и, быть может, даже содействие Болгарии будут отныне обеспечены. Таким образом первое выступление должно иметь место в Софии и может быть облечено в форму двух следующих предложений.

К Болгарии будет сначала обращена просьба принять на себя формальное и окончательное обязательство сохранить нейтралитет по отношению к Сербии, Румынии и Греции. В обмен на это обещание державы Тройственного согласия обязались бы передать ей при восстановлении мира сербскую Македонию до линии Вардара.

С другой стороны, ей будет заявлено, что если она выступит против Турции, Тройственное согласие, сверх того, гарантирует ей в тот же момент район Монастыря без точного однако обозначения его границы со стороны Охриды.

По получении ответа Болгарии Тройственное согласие поручит своим представителям в Нише дать сербскому правительству окончательное обещание или только о нейтралитете Болгарии, или же об ее выступлении. Это обещание сможет в таком случае оказать полезное воздействие на сербское правительство, дабы оно уступило Болгарии, в соответствии с характером болгарских обязательств, или левый берег Вардара или, сверх того, и район Монастыря. .

В виде компенсации Тройственное согласие гарантирует Сербии при заключении мира:

1. Присоединение Боснии и Герцеговины.

2. Широкий доступ к Адриатическому морю (в случае необходимости можно было бы уточнить: до мыса Планка, т. е. Рагузу, Спалато, прилегающие острова).

3. Часть Темешварского Баната и часть Сирмии, населенную сербами и достаточную для обеспечения стратегической обороны Белграда.

4. Обеспечение свободного экономического доступа в Салоники по железной дороге.

5. Общую границу с Грецией, обеспечивающую сопредельность территорий сербской и греческой.

Что касается этой общей границы, то не следовало бы точно указывать, что она будет проведена по албанской территории, так как Италия ясно заявила, что она в данное время отнесется с тревогой к обещанию подобного рода, ввиду

того, что, являясь державой, подписавшей акт Лондонской конференции, она претендует на участие в урегулировании албанского вопроса при восстановлении мира.

Что касается эвентуальной уступки района Монастыря болгарам за их вступление в войну против Турции, то следовало бы также воздержаться от уточнения его границы до Охриды. В самом деле Греция, которая придает большое значение сохранению общей границы с Сербией, возражала бы против всякого расширения болгарской территории в этих краях, которое ограничивало бы возможность сохранения этой общей границы только в той области, на счет которой Италия предъявила требование, чтобы Тройственное согласие не принимало в настоящее время окончательного решения без ее участия.

Я полагаю на основании имеющихся у меня за последнее время сведений что в случае заключения сербо-болгарского соглашения, Румыния готова будет вступить в переговоры о соглашении с Болгарией на основе территориальных уступок, желаемых последней. Д е л ь к а с с е».

№ 124. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

·/. Телеграмма № 375. 3 февраля/21 января 1915 г., 1 ч. 30 м. дня.

Включение в будущий мирный договор статьи, обеспечивающей свободу плавания нейтральных чрез Отрантский пролив, представляется излишним и даже опасным, так как свобода плавания чрез проливы, соединяющие открытые моря, всегда предполагается [1]; оговариваются обыкновенно ограничения этой свободы, как, например, в вопросе о проходе военных судов чрез Босфор и Дарданеллы. С другой стороны, Отрантский пролив настолько широк, что даже в случае утверждения Италии на Албанском побережьи, он не может рассматриваться, как итальянское территориальное море. Поэтому свобода движения по Отрантскому проливу должна существовать совершенно независимо от того режима, который Россия установит для плавания по ее будущим территориальным водам — Босфору и Дарданеллам.

С а з о н о в.

№ 125. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 385 [2]. 3 февраля/21 января 1915 г., 8 ч. веч.

Сообщается в Ниш и Лондон.

Французский посол сообщил мне, что Делькассе разделяет точку зрения посланников в Нише о необходимости сделать заявление сперва

[1] См. № 113.

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 102.

в Болгарии, а затем уже в Сербии [1]. Благоволите приложить все старания к убеждению его в опасности такой тактики. Чувства болгар в отношении сербов хорошо известны ему — без обещания точных определенных выгод Болгария никакими обязательствами не пожелает себя связать в отношении держав Согласия. Из весьма доверительного источника мне стало известно, что правительство Радославова с королем во главе далеко еще не отрешилось от своих германофильских симпатий, хотя бы и идущих вразрез с чувствами народа. При наличности таких условий только надежда на наживу может заставить болгарское правительство встать на правильный путь. Вместе с тем я считаю неудобным давать какие бы то ни было обещания за счет Сербии, не имея на то полномочий от последней. Ввиду того, что от Сербии державы требуют известных уступок, хотя и взамен предлагаемого ей более широкого вознаграждения, представляется естественным обратиться сначала в Ниш.

Державы Согласия должны были бы объявить Пашичу о твердом своем решении не отступить от выраженных ими требований и выразить надежду, что Пашич найдет в себе мужество подчиниться таковым на благо Сербии.

Сазонов.

№ 126. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 64 [2]. 3 февраля/21 января 1915 г.

Reçu votre télégramme No 307 [3] et télégramme Iswolsky No 24 [4].

Cambon me dit qu'il a reçu instructions de proposer tout d'abord une démarche à Sofia, comme vous en aurez été informé directement [5]. Cambon en a parlé à Grey [6]. Ce dernier est revenu sur toute la question démarches à faire [7] à la suite télégramme qu'il venait de recevoir du ministre anglais à Nich. Celui-ci a sondé Pachitch qui lui a répondu que d'exiger

[1] См. № 123.

[2] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[3] См. стр. 125, прим. 3.

[4] См. № 107.

[5] См. № 123.

[6] Тел. от 31/18 янв. за № 58 Бенкендорф сообщал, что Грей присоединяется к проекту заявления, изложенному в тел. за № 266 (см. № 94), и что он послал инструкцию посланнику в Сербии договориться со своими коллегами по поводу выступления.

[7] Слово: «faire» пропущено в лит. копии м-ва.

actuellement de la Serbie une déclaration sur les sacrifices à faire à la Bulgarie entraînerait chute du gouvernement avec conséquences, qu'il deviendrait douteux [1] de pouvoir [2] maintenir en Serbie principe d'autorité et pourrait entraîner dans population mouvement subit pour arrangement avec Autriche. Cambon me dit que Grey très frappé par ce télégramme auquel il attache sérieuse importance. Pour compléter informations je dois ajouter que le gouvernement anglais de plus en plus imbu d'importance extrême question serbe qui le préoccupe actuellement même plus que question belge, l'une et l'autre se trouvant au premier plan de son attention. J'ai pu m'en convaincre au cours d'un entretien hier avec le premier ministre. Avant d'avoir vu Cambon j'avais remis à Nicolson modification texte démarche conformément à télégramme No 307. Nicolson m'avait dit qu'il pensait que Grey adhérerait à ajouté de point 4, mais il m'a prévenu que Grey était fort frappé, comme il l'était lui-même, par télégramme de Des Graz.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 307 и телеграмму Извольского № 24.

Камбон мне сказал, что он получил предписание предложить прежде всего выступление в Софии, о чем вы, вероятно, были уведомлены непосредственно. Камбон переговорил об этом с Греем. Последний пересмотрел весь вопрос о предстоящих выступлениях вследствие только-что полученной телеграммы от английского посланника в Нише. Этот последний спросил мнение Пашича, который ему ответил, что предъявление в настоящее время Сербии требования сделать декларацию о жертвах, которые она должна принести в пользу Болгарии, привело бы к падению правительства со всеми вытекающими отсюда последствиями; весьма сомнительно, что в Сербии можно будет поддержать авторитет власти, и это может повлечь за собой среди населения движение в пользу соглашения с Австрией. Камбон мне сказал, что Грей находится под сильным впечатлением этой телеграммы, которой он придает серьезное значение. В дополнение к этим сообщениям я должен присовокупить, что английское правительство придает все бóльшее и бóльшее значение сербскому вопросу, который заботит его ныне даже сильнее бельгийского: и тот и другой находятся на первом плане его внимания. Я мог в этом убедиться в течение вчерашнего разговора с первым министром. До свидания с Камбоном я передал Никольсону измененный текст заявления согласно телеграммы № 307. Никольсон мне сказал, что, по его мнению, Грей согласится на добавление пункта 4, но он меня предупредил, что Грей весьма подавлен, как и он сам, телеграммой Де Гра.

Бенкендорф.

[1] Вместо слова: «douteux» в лит. копии м-ва: «dangereux».

[2] Слово: «pouvoir» отсутствует в лит. копии м-ва.

№ 127. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 13. 3 февраля/21 января 1915 г.

Ваша телеграмма № 294 [1] получена.

Предписанное сообщение было сделано министру иностранных дел вчера французским послом, сегодня английским и мною. Принимая с удовольствием к сведению советы держав Тройственного согласия балканским кабинетам воздержаться от дальнейших захватов в Албании, министр иностранных дел уполномочил меня вам сказать, что римский кабинет (будет) намерен и впредь не расширять сферы своих действий в Албании и не отступится от сделанных в этом отношении заявлений. При этом министр иностранных дел мне сказал, что, по полученным им из Дураццо сведениям, Эсад-паше будто бы послано из Черногории 12 артиллеристов и два пулемета. Пока содействие Эсаду ограничится этими размерами, римский кабинет не предвидит затруднений, но если таковая помощь продолжится, то министр опасался бы австрийских протестов, на которые Италия не могла бы дать удовлетворительного ответа, тем более что Австрия, которая хозяйничает в Адриатическом море, ищет предлога для вмешательства в албанские дела, и что французский флот бездействует в Адриатике.

Крупенский.

№ 128. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 86. 3 февраля/21 января 1915 г.
Доверительно.

Копии в Париж и Лондон.

Вчера меня посетил управляющий министерством иностранных дел Иованович [2]. На мой вопрос о здоровьи Иованович ответил, что его са-

[1] См. стр. 106, прим. 2.

[2] В тот же день деп. за № 10 Трубецкой более подробно изложил содержание своей беседы с Иовановичем. Указав в качестве основания для выступления держав на опасность австр. наступления и необходимость привлечения нейтральных балканских стран, Трубецкой сказал, что, хотя союзные державы и готовы предоставить Сербии значительные уступки, последняя должна иметь в виду, что Франция и Англия «неизбежно считаются при этом с известными трудностями, из коих на первом плане стоит необходимость принять во внимание интересы Италии в Адриатике». Далее он заявил следующее: «Нельзя не считаться также с тем обстоятельством, что распадение Австрии едва ли составляет само по себе цель для наших союзников; во многих деловых финансовых кругах к этой перспективе относятся без всякого увлечения. Что касается создания Великой Сербии, то в нем могут, пожалуй, усмотреть вновь признак славянской опасности».

мочувствие ухудшилось отчасти с известием о предстоящем совместном выступлении держав, которое крайне его заботит и смущает [1]. Я воспользовался случаем, чтобы в самой задушевной и дружеской форме осветить положение вопроса. Перечислив основания... державы к принятию решения, которые не считают возможным изменить, я сказал, что раз и сербам и нам предстоит подчиниться тяжелой необходимости— им..., принося известные жертвы, нам — настаивая на них, то лучше сделать это, не покидая почвы взаимного горячего братского участия и доверия, которое только [2] облегчит положение обеих сторон, но послужит еще более тесному сближению между нами в будущем. Йованович, видимо понимая желательность такой постановки вопроса, сказал мне, что в конкретных уступках ни Пашич, ни кто другой не может итти дальше линии Вардара, но что если наступит крайняя необходимость, то Сербии останется только заявить, что она предоставляет вопрос решению держав, в доверии к их дружественному вниманию к ее интересам; если Сербия решится на это высшее выражение своей благодарности и своего доверия к России, то, конечно, в надежде, что мы сделаем все, что можем, для выполнения условий здесь, которые облегчили бы эту жертву, и которые в этом случае должны быть предметом особых переговоров с тремя державами, особенно же с нами. Наш разговор имел личный дружественный характер, однако он является некоторым показателем настроения ближайшего сотрудника Пашича.

Трубецкой.

№ 129. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 67. 4 февраля/22 января 1915 г.

Reçu télégrammes NoNo 266 et 307 [3].

J'ai trouvé Grey très soucieux au sujet démarches à Nich et Sofia. D'abord il redoute réellement l'impression que peut produire en Serbie l'exigence d'un sacrifice aussi considérable que Monastir. Il croit qu'à Sofia tout offre qui ne contiendrait pas Monastir n'aurait aucun résultat. Il pense que le moment—lendemain de conclusion d'emprunt 150 millions francs en Allemagne—[4] est mal choisi, et croit qu'Allemagne y ait

[1] Согласно деп. за № 10 (см. стр. 169, прим. 2) речь шла о болезни не Йованович, а Пашича.

[2] Так в оригинале.

[3] См. № 94 и стр. 125, прим. 3.

[4] См. № 77.

mit conditions qu'il ne connait pas et qu'il désirerait beaucoup connaître. Il me dit que des démarches actuelles pourraient tourner contre les alliés à Nich sans gagner Bulgarie, et me dit avoir télégraphié à Buchanan en ce sens. Il me dit qu'il fallait constater un certain attiédissement non seulement à Sofia, mais aussi à Bucarest et Athènes qui devait tenir à quelque motif général, tel qu'apparition troupes alliées en plusieurs points d'Autriche ce qui peut être considéré dans ces pays, moins comme dernier essai sauver Autriche, que comme preuve de recrudescence énergie de l'Allemagne. A ce point de vue Grey n'est nullement pessimiste, et croit que quelques succès marqués des armées des alliés rétabliront la balance. Il me dit que, selon lui, situation pays balkaniques dépend plus de la situation militaire que de l'action diplomatique. Il m'a dit penser surtout pour ce moment à un écroulement soit d'Autriche, soit de la Turquie, soit des deux. Il m'a dit qu'une avangarde de 6 000 turcs avait apparu sur le canal de Suez, mais qu'ils avaient été refoulés sans difficulté et leur appareil de pontage saisi.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграммы №№ 266 и 307.

Я застал Грея очень озабоченным по поводу выступлений в Нише и Софии. Прежде всего он в самом деле опасается впечатления, которое может произвести в Сербии требование столь значительной жертвы, какой является Монастырь. Он думает, что в Софии всякое предложение, не включающее Монастырь, будет безрезультатным. Он считает, что нынешний момент, — немедленно после заключения займа в 150 миллионов франков в Германии, — плохо выбран, и предполагает, что Германия при заключении займа поставила условия, которых он не знает и которые он очень желал бы знать. Он мне сказал, что предпринятые в настоящее время шаги могут обратиться против союзников в Нише, не обеспечив привлечения Болгарии, и сообщил мне, что протелеграфировал в этом смысле Бьюкенену. Он мне сказал, что приходится констатировать некоторое охлаждение не только в Софии, но и в Бухаресте и Афинах, каковое, повидимому, вызвано какой-то общей причиной, вроде появления союзных [германских] войск в нескольких пунктах Австрии, что может быть сочтено в этих странах не столько за последнюю попытку спасти Австрию, сколько за признак роста энергии в Германии. С этой точки зрения Грей отнюдь не настроен пессимистично и думает, что несколько определенных успехов союзных армий восстановят равновесие. Он мне сказал, что, по его мнению, позиция балканских стран зависит больше от военного положения, чем от дипломатических шагов. Он мне поведал, что в настоящее время главным образом рассчитывает на развал Австрии или Турции, или обеих вместе. Он сказал, что турецкий авангард в 6 000 человек появился у Суэцкого канала, но был без труда отброшен, а его понтонные средства захвачены.

Бенкендорф.

№ 130. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 34 [1]. 4 февраля/22 января 1915 г.

Копия в Лондон.

Состоявшийся сегодня под председательством президента Республики совет министров высказался в принципе за принятие английского предложения о посылке соединенных войск на Балканский полуостров [2], под условием однако, что английская дивизия будет взята не из числа четырех дивизий, обещанных Франции 20 февраля нового стиля. Франция готова со своей стороны послать одну дивизию из вновь формируемых. Президент Республики, с которым я только-что беседовал, лично весьма сочувствует этому плану. Он высказал мне опасение, что, после того как на Балканы будет послан союзнический контингент, к союзникам будут предъявляться требования о дальнейшем его усилении. По мнению президента Республики, появление на Балканах союзных войск должно произвести главным образом нравственное впечатление, и Франция ни в каком случае не будет иметь возможности взять со своего фронта более одной дивизии.

Министр иностранных дел высказался в том же смысле. Он будет телеграфировать о вышеизложенном Палеологу [3].

Извольский.

№ 131. Посланник при Ватикане министру иностранных дел.

*/. Депеша № 5. Рим, 4 февраля/22 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь доносить вашему высокопревосходительству 27/14 января с. г. за № 4 [4], в первом выпуске «Acta apostolicae sedis» от 15 января н. ст. был напечатан немного раньше появившийся в газетах декрет папы от 10 января с приложенной к нему особой молитвою о ниспослании скорейшего мира смущенной войною Европе, которую Бенедикт XV предписывает прочитать при особом богослужении, в воскресенье 7 февраля нов. ст., в Европе и в воскресенье 21 марта — вне Европы.

Лишь 28/15 января мне представился случай отправить этот выпуск

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 138.

[2] См. №№ 119 и 120.

[3] Содержание этой тел. было передано в ставку 5 фев./23 янв. за № 413.

[4] Депеша от 27/14 янв. за № 4 хранится в Арх. Вн. Пол., в деле О. П. О., 82; содержание ее в основном изложено в публикуемом документе.

«Acta» обычным порядком в департамент духовных дел иностранных исповеданий, так что означенный декрет достигнет назначения лишь после указанного для прочтения молитвы дня.

Опасаясь, что обстоятельство это будет использовано нашими недругами, дабы поднять шум о том, что императорское правительство препятствует исполнению предписаний св. отца в области церковной, я обратил внимание кардинала статс-секретаря на то обстоятельство, что при нынешнем состоянии почтовых сношений в Европе, и совершенно независимо от способа передачи папских актов в Россию, сказанный декрет во всяком случае не поспел бы во-время. Поэтому мне казалось бы справедливым по отношению к пребывающим в России римско-католическим епископам, чтобы им предоставлено было право прочитать молитву в иной день, если бы декрет не дошел своевременно.

Кардинал не замедлил согласиться с моим доводом, и на-днях в «Osservatore Romano» появилась заметка, что де тем из епископов в Европе, которые не получили бы папского декрета во-время, предоставляется отложить чтение молитвы о мире на 21 марта. Заметка эта имела быть распубликованной всюду чрез посредство газетных агентств.

Ваше высокопревосходительство, вероятно, уже осведомлены об инциденте, происшедшем по поводу папской молитвы во Франции.

Под влиянием, повидимому, радикалов, стремящихся противодействовать усиливающемуся во Франции католически-религиозному движению, правительство запретило было публикование и распространение декрета и молитвы, усмотрев в почине папы воздействие на политическое настроение населения и вмешательство во внутренние дела государства. Но более умеренные элементы общественного мнения тотчас же выразили мысль, что авторитетными истолкователями стремлений папы являются прежде всего епископы и что следует обождать, чтобы они высказались по этому вопросу.

Кардинал Аметт, архиепископ парижский, не замедлил в пастырском послании разъяснить, что под миром, о коем молит папа, вовсе не надо непременно разуметь мира немедленного, во что бы то ни стало, мира ради мира, а мира, как нормы человеческого бытия, мира прочного и долговечного. А такой мир может быть основан только на справедливости и взаимном уважении и признании взаимных прав; а потому, прося о нем, всякий верующий волен понимать его, как осуществление стремлений именно своей родины и государства, к которому он принадлежит.

В этом же смысле высказались и прочие французские епископы,

так что запрещение, наложенное правительством на декрет, было сейчас же снято.

Посетивший меня вчера епископ ницкий монсиньор Шапон сообщил мне, что папа, сначала очень смущенный поступком французского правительства и посетовавший, что этим может быть нанесен удар успокоительному течению (apaisement) во Франции, в продолжение разговора вполне согласился с доводами епископа, что де толкования местных пастырей на тему папской молитвы должны итти несколько далее, чем поневоле общие выражения основного текста, и должны вкладывать в них именно тот смысл, который наиболее по сердцу их пастве. А кардинал статс-секретарь, беседуя на ту же тему, сказал ему прямо: «Mais oui, c'est à vous Mrs les evêques, à mettre les points sur les i»[1].

Вследствие вышесказанного, самое торжественное чтение папской молитвы едва ли может вызвать где-либо какие-нибудь инциденты.

Примите и пр.

Д. Нелидов.

№ 132. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 4 февраля/22 января 1915 г.
Personnelle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je me permets de supplémenter mes récents télégrammes par quelques considérations personnelles au sujet des propositions de l'Entente de compenser libéralement la Grèce en Asie Mineure en retour de sa coopération avec nous.

Ces propositions permettent, semble-t-il, de conclure à l'existence de certain règlement préalable entre les trois Puissances, — et particulièrement entre l'Angleterre et nous, — touchant la liquidation de l'Empire Ottoman. Nul n'applaudira plus que moi à l'impérieuse, — et si opportune, — solution que vous aurez donnée à l'un des plus graves problèmes de notre histoire.

Pour ce qui est du démembrement, et du partage subséquent, de la Turquie d'Asie, nous ne sommes guère en passe, semble-t-il, d'accorder à l'infortuné Empire en dissolution quelque temps de modeste survivance, en exigeant des garanties sérieuses en faveur des populations chrétiennes. L'Angleterre veut probablement, une fois pour toutes, en finir.

Au point de vue de nos intérêts, j'eusse préféré toutefois, la conser-

[1] «Ну, да, это вам, гг. епископы, надлежит поставить точки над i».

vation des Turcs sur le littoral d'Asie Mineure à l'établissement hellénique. Je vous avais transmis l'hésitation de Mr. Vénizélos quant aux précisions, que, par délicatesse, il cherchait à éviter [1]. C'était un peu le «сколько пожалуете» du cocher de fiacre. Qui ne veut rien, en ces temps d'acquisitions, veut tout. Nos propositions, — j'allais dire, les propositions anglaises, — furent accueillies par le président du Conseil avec un tel transport que, le roi et l'état-major consultés, ces précisions ne se firent pas longtemps attendre. Je vous en ai transmis les inquiétantes prémices, elles se réduisent à beaucoup.

Evidemment, une fois les Turcs condamnés, on ne voit pas bien quel pourrait être le possesseur futur de ce littoral, si ce n'est le Grec dont l'influence y prédomine incontestablement. Néanmoins, j'ose attirer votre bienveillante attention sur la situation que nous trouverons à notre sortie prochaine, il faut espérer, des Dardannelles. Nous pénétrerons en pleine cuvette hellénique; sur terre, nous nous préparons vraisemblablement une large frontière avec la Grèce. Je suis éloigné de m'exagérer les dangers pour nous de l'hellénisme. Il y a des gens sages en ce pays, témoin Vénizélos; mais il y en a également, et leur nombre croît, peut-être, avec nos victoires, — qui s'inspirent des périls imminents du slavisme et des attraits impériaux de Byzance. Les Allemands ont sensiblement contribué, par voie de corruption de presse ou autre, à distiller ici le venin d'une pareille mentalité. Au surplus, Vénizélos n'est pas immortel.

Loin de moi l'intention d'exagérer; je constate une tendance éventuelle possible; je ne voudrais point par contre me reprocher plus tard de m'être tû, alors qu'il était temps de se prononcer.

L'Angleterre elle-même craint, peut-être, inconsciemment encore, notre apparition en Méditerranée; elle semble très active ici et, conseillère agissante en faveur de la collaboration grecque, elle s'emploie de son mieux à assurer le succès de cette combinaison. Peut-être cherche-t-elle à corriger en Egée les concessions qu'elle a pu nous faire pour les Détroits. Hypothèses pures.

Toujours est-il, que si la Grèce est appelée à s'installer en Asie Mineure, j'estime qu'il serait de notre intérêt de nous assurer préalablement, par un accord durable avec la Grèce, une navigation en eaux amies et d'envisager, le cas échéant, certaines bases de stabilité à notre prochain état de voisinage.

Veuillez etc.

Démidow.

[1] См. № 114.

Перевод.

Лично.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я позволяю себе дополнить мои последние телеграммы некоторыми личными соображениями по поводу предложения Антанты щедро вознаградить Грецию в Малой Азии за ее сотрудничество с нами.

Эти предложения позволяют, повидимому, притти к заключению о существовании какой-то предварительной договоренности между тремя державами, — и в частности между Англией и нами, — касательно ликвидации Оттоманской империи. Никто более меня не будет приветствовать столь своевременно предложенное вами и настоятельно необходимое разрешение одной из наиболее важных проблем нашей истории.

Что касается расчленения и последующего раздела Азиатской Турции, то мы, повидимому, совершенно не склонны предоставить несчастной разлагающейся империи возможности в течение некоторого времени скромно доживать свой век, потребовав от нее серьезных гарантий в пользу христианского населения. По всей вероятности, Англия хочет раз навсегда с ней покончить.

С точки врения наших интересов, я предпочел бы однако сохранение турок на побережьи Малой Азии появлению там греков. Я вам сообщил о колебаниях г. Венизелоса в вопросе уточнения [греческих притязаний], какового из деликатности он стремился избегать. Это носило характер извозчичьего «сколько пожалуете». В наше время приобретений тот, кто ничего не желает, хочет всего. Наши предложения, — я чуть не сказал: предложения английские, — были приняты председателем совета с таким восторгом, что после согласования дела с королем и главным штабом упомянутые уточнения не заставили себя долго ждать. Я вам уже сообщал о «предварительной наметке», способной вызвать беспокойство; она сводится ко многому.

Очевидно, раз туркам вынесен приговор, единственными обладателями в будущем этого побережья могут быть только греки, влияние которых там, несомненно, преобладает. Тем не менее я осмеливаюсь привлечь ваше благосклонное внимание на положение, которое мы найдем при нашем предстоящем, надо надеяться, выходе из Дарданелл. Мы выйдем в настоящее эллинское внутреннее море; на суше мы, по всем признакам, приготовляем для себя границу с Грецией на большом протяжении. Я далек от того, чтобы преувеличивать опасности для нас со стороны эллинизма. В этой стране имеются мудрые люди, например, Венизелос; но равным образом имеются и такие — и их число, быть может, растет вместе с нашими победами, — которые действуют под впечатлением надвигающейся славянской опасности и которых привлекают мечты о Византийской империи. Немцы путем подкупа прессы или другими способами в значительной мере содействовали внедрению здесь яда подобного образа мыслей. Помимо того, Венизелос, не бессмертен.

Я далек от намерения преувеличивать. Я констатирую возможную в будущем тенденцию. С другой стороны, я не хотел бы впоследствии упрекать себя в том, что промолчал тогда, когда было еще время высказаться.

Сама Англия, быть может еще бессознательно, боится нашего появления в Средиземном море: по всем признакам она здесь очень активна и, будучи деятельной советчицей в пользу греческого сотрудничества, стремится всеми имеющимися у нее средствами обеспечить успех этой комбинации. Возможно, что

она старается исправить в Эгейском море уступки, которые она смогла нам сделать в отношении Проливов. Это — только гипотеза.

Как бы то ни было, если Греция будет призвана обосноваться в Малой Азии, я полагаю, что в наших интересах было бы предварительно обеспечить себе при помощи длительного соглашения с Грецией плавание в дружеских водах и обсудить в этом случае некоторые прочные основы наших будущих добрососедских отношений.

Демидов.

№ 133. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 93. 4 февраля/22 января 1915 г.

Копии в Лондон, Париж, Афины, Бухарест и Софию.

Желание Радославова заключить отдельное соглашение с Румынией [1] вполне понятно, ибо оно устранило бы опасность оборонительного блока балканских государств против Болгарии. Тем самым однако и мы лишились бы серьезного средства воздействия в Софии. Наоборот, наши шансы давления на Болгарию несомненно увеличились бы, если бы державы получили возможность предложить Болгарии одновременно достаточные компенсации от Сербии, Румынии и Греции, поставив софийский кабинет в необходимость или принять их и вновь вступить в блок, или отказаться и иметь всех против себя, в случае враждебных действий против каждого из участников. Что касается вопроса о получении согласия Сербии на требования держав, то для успеха наших настояний весьма ценно было бы заручиться, если можно, доверительным разрешением Братиану заявить от его имени Пашичу, что, если он согласится подчиниться воле держав, в этом случае и Румыния согласится на уступки Болгарии в духе Петроградского протокола [2].

Трубецкой.

№ 134. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 6. 4 февраля/22 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последние дни в персидских правительственных сферах усилились колебания в зависимости от известий, приходивших с севера. Первоначально персы надеялись, что уход наших войск из Тавриза предвещает полное очищение нами Азербайджана и соответственно с сим возобновили свои настояния перед турецким правительством и

[1] Ср. № 121.

[2] Имеется в виду Петербургский протокол от 9 мая/26 апр. 1913 г., согласно которому Румыния получила Силистрию.

усиленно торопили отъезд велиагда. Когда сюда пришли сведения, подтверждавшие сосредоточение русских войск у Маранда и Хоя, и выяснилось, что мы не предполагаем уступать туркам наши позиции, тревога шахского правительства увеличилась. Министры несколько раз собирались на экстренные совещания для обсуждения положения дел, однако ни к каким определенным решениям не пришли. Посетивший меня Моин-оль-Везаре сообщил, что правительство желало бы предотвратить вооруженное столкновение на персидской территории и что лучшим средством избежать таковое было бы отсутствие русских войск, что, по мнению его, повело бы к уходу турок. Я объяснил моему собеседнику, что миссии трудно вмешиваться в стратегические соображения военного начальства, преследующего определенный план, и что к тому же я не вижу оснований для беспокойства, ибо персы должны напротив приветствовать наше выступление, которое избавит их от курдов, уже причинивших много зла.

Опасения по поводу событий в Азербайджане проявили также некоторые тамошние землевладельцы, например, принц Ферман-Ферма и Сепехдар, очень интересовавшиеся нашими будущими намерениями. Я позволил себе заверить этих лиц, что временное отступление русских войск не означает отказа от наших интересов в Азербайджане и что они попрежнему могут рассчитывать на наше покровительство. Такое же заверение дано было мной сыну принца Зилль-эс-Султана Акберу-Мирзе, обеспокоенному враждебным выступлением турецкого вице-консула в Исфагани известного Пюжена [1] и тамошних бахтиарских вождей.

Сражение при Софиане, бегство турок и вступление русских в Тавриз вызвали здесь большую сенсацию и благоприятный поворот в нашу сторону. Наши приверженцы, начинавшие падать духом, приободрились и стали более открыто проявлять свои симпатии к России. Вместе с тем опять заговорили об уходе кабинета и о замене некоторых несочувствующих нам министров. Возник также вопрос о несвоевременности отправления в Тавриз велиагда. Пока в этом деле не принято окончательного решения ввиду недостатка средств и разногласия среди членов правительства. Нужно надеяться, что занятие Тавриза отрезвит здешнее общественное мнение и остановит развитие руссофобии, искусственно раздуваемой турецко-германскими интригами. Дабы предупредить извращение фактов и враждебные инсинуации,

[1] Тел. от 4 фев./22 янв. за № 48 консул в Исфагани Гильдебрандт сообщал, что в город прибыл Пюжен, «выдающий себя за турецкого и германского консула», и что над занимаемым им домом подняты германский и турецкий флаги.

я счел полезным опубликовать сообщение с изложением этого события, отметив, что врагам не удалось нарушить вековую дружбу между двумя народами и что отныне, как в прошлом, согласие восстановлено между Россией и Персией. Шахское правительство, ознакомившись с подробностями занятия Тавриза, просило передать глубокую признательность за умеренность и великодушие, проявленные генералом Чернозубовым и русскими войсками.

Принц Шоа-эс-Солтане, приехавший на-днях в Тегеран, передал мне доверительное письмо вашего высокопревосходительства от [13 января 1915 г.] 31 минувшего декабря № 847 [1], сообщив о высокомилостивых словах, сказанных ему государем императором на высочайшем приеме касательно отсутствия у России агрессивных замыслов относительно Персии и желания поддерживать с ней дружественные отношения. Это изъявление высочайшей воли было доложено принцем шаху и членам правительства и произвело весьма отрадное впечатление, рассеяв чувство недоверия, вызванное нашими действиями в Азербайджане. К сожалению, продолжал принц, налажение добрых отношений между двумя правительствами затрудняет туркофильская пропаганда и распространяемые турками и немцами извращенные сведения о мнимых своих успехах и наших якобы поражениях, коим персы доверяют больше, чем сообщениям двух миссий. Общественное мнение сочувствует туркам, и правительство бессильно повернуть его в другую сторону, даже если бы того пожелало, чего на самом деле нет.

---

[1] При этом письме Сазонов препроводил Коростовцу копию с доклада советника III политического отдела Клемма от 13 янв. 1915 г./31 дек. 1914 г. о пребывании Шоа-эс-Солтане в Петрограде (см. стр. 82, прим. 1). В беседах с представителями росс. м-ва ин. дел Шоа-эс-Солтане выразил надежду, что ему удастся «сгруппировать вокруг себя всех сторонников России, между которыми имеются столь видные лица, как Камран-Мирза, Сепехдар, Ферман-Ферма, Саад-эд-Доуле, Восуг-эд-Доуле и многие другие», и заявил, что «он желал бы видеть больше твердости с нашей стороны в вопросе о новом кабинете и вообще в сношениях с персидскими министрами и настаивает на необходимости решительного противодействия принятому ныне этими министрами обыкновению жаловаться на нас англичанам и вызывать вмешательство последних в наши взаимные с персами дела». В области внешней политики Шоа-эс-Солтане высказался за «необходимость для Персии опираться исключительно на Россию и Англию». Беседы касались также вопроса о русском землевладении в Персии, о назначении должностных лиц в Северной Персии и о казачьей бригаде, причем Шоа-эс-Солтане поддерживал по всем этим вопросам русскую точку зрения, но высказался за желательность привлечения персов в русские концессионные предприятия. «дабы устранить обвинение нас в присвоении нами исключительно себе разработки естественных богатств и равных иных источников доходов страны».

Смена же нынешнего кабинета представляется пока неосуществимой и, повидимому, нежелательной для англичан. Настоящей непопулярности России способствуют, по мнению принца Шоа-эс-Солтане, последние события в Азербайджане и проявленная нами нерешительность, объясняемая здесь слабостью. Принц думает, что обратное занятие Тавриза, изгнание турок и усиление отряда в Казвине произведут благотворный переворот в настроении персов, но что нам следовало бы дать обещание отозвать войска, как только минует опасность возвращения турок. Он полагает также, что обещание финансовой помощи может содействовать восстановлению доверия. Тесное единение русской и великобританской миссий необходимо, ибо персы пользуются малейшей возможностью для возбуждения между ними розни. Вообще, заметил принц Шоа-эс-Солтане, я еще не успел осмотреться, но, судя по дошедшим до меня сведениям, готов подтвердить сказанное в Петрограде. Принц намерен сгруппировать вокруг себя лиц, нам сочувствующих, независимо от их положения и, опираясь на них, а также на духовенство, начать работать с целью восстановления прежних дружественных отношений. Придется, заметил он, действовать весьма осторожно и постепенно, ибо в некоторых кругах к нему относятся с предубеждением, и уже сейчас печать старается дискредитировать его в общественном мнении, намекая на то, что он — клеврет России и явился для проведения русских замыслов. Он уверен, что наши противники сделают все возможное, чтобы набросить на него тень и скомпрометировать в глазах правительства. Принц Шоа также предвидит, что встретит если не явное, то скрытое противодействие великобританской миссии, с недоверием взирающей на его приезд.

Из разговора этого я вынес впечатление, что принц Шоа-эс-Солтане не имеет пока твердой почвы под ногами и сам ищет поддержки, опасаясь в то же время, что близость его с нами может подорвать его положение и репутацию. Он сам признает, что пока не имеет влияния и что приобретение такового, ввиду долгого отсутствия из Персии и демократического характера нынешних правителей, потребует некоторого времени. Его высочество также заметил, что приверженцы наши, пользующиеся покровительством императорского правительства, преследуют главным образом личные цели, лишь прикрываясь личиной патриотов и что среди них нет людей деятельных и авторитетных, исключая, быть может, Саад-эд-Доуле и Восуг-эд-Доуле, но и эти лица, к сожалению, непопулярны.

Не могу не согласиться с сделанной принцем Шоа-эс-Солтане оценкой положения и с необходимостью проявления ныне большей твер-

дости и последовательности, особенно касательно Азербайджана. Мне кажется однако, что принц несколько преувеличивает непримиримость нынешнего кабинета и его туркофильство и что в случае согласного и твердого образа действия двух миссий персидские министры изменят тактику и будут искать дружелюбного соглашения с нами.

При сем имею честь препроводить текст опубликованного миссией сообщения касательно занятия Тавриза [1].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 135. Финансовое соглашение между Англией, Францией и Россией, заключенное в Париже 5 февраля/23 января 1915 г. [2].

A la suite des entretiens qui ont eu lieu entre les ministres des finances des trois pays alliés, il a été décidé:

1) — Une déclaration sera communiquée à la presse pour rendre public le parfait accord des trois gouvernements et affirmer la résolution où ils sont d'unir leurs ressources financières aussi bien que leurs ressources militaires.

2) — Comme première conséquence de ce qui précède la proposition sera faite aux trois gouvernements de prendre à leur charge, par portions égales, les avances faites ou à faire aux pays qui combattent avec la Triple Entente ou qui seraient disposés à entrer prochainement en campagne pour la cause commune.

Le montant de ces avances sera couvert, soit par les ressources propres des trois Puissances, soit par le produit d'un emprunt à émettre en temps opportun, au nom des trois Puissances.

A cet égard il est rappelé que les avances déjà consenties s'élèvent à:

Pour la Belgique: 500 millions de francs avancés moitié par la France, moitié par l'Angleterre.

Pour la Grèce: 20 millions avancés par la France et 1 810 000 livres sterling avancées par l'Angleterre.

Pour la Serbie: 90 millions de francs avancés par la France, 900 000 livres sterling avancées par l'Angleterre et 110 millions qui sont actuellement avancés par les trois alliés.

Pour le Monténégro: 500 000 francs avancés par la France.

---

[1] Приложение в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] Текст соглашения печатается с копии, хранящейся в Арх. Кред. Канц. м-ва фин. II Отд., I ст., № 84 (опубл. Кр. арх., V, стр. 59). Текст этот был сообщен Извольским Сазонову тел. от 5 февр./23 янв. за № 39 (1), опубл. L. N., III, p. 54.

Pour la Roumanie: 5 millions de livres sterling avancées par l'Angleterre.

Les avances ainsi faites resteront en l'état jusqu'à l'émission du premier emprunt qui servira à leur consolidation et sur le produit duquel leur remboursement sera d'abord imputé.

Par contre les nouvelles avances faites sur les ressources propres des trois pays alliés seront supportées par tiers par chacun d'eux.

3) — A la demande de la Banque d'Angleterre, le ministre des finances de Russie, au nom de la Banque de l'Etat russe, adhère à la combinaison suivante, que le ministre des finances de France promet de recommander à la Banque de France:

«Si l'encaisse-or de la Banque d'Angleterre (y compris la réserve spéciale or des «currency notes») venait au cours des prochains six mois à diminuer de plus de dix millions sterling (c'est à dire à tomber au-dessous de quatre vingts millions sterling) ladite Banque aurait la faculté de demander à la Banque de France et à la Banque d'Etat de Russie qu'il lui soit avancé, par moitié par chacune des deux banques, une somme en or effectif ne dépassant pas au total douze millions sterling.

La Banque d'Angleterre s'engagerait à rembourser effectivement l'or ainsi prêté dans un délai maximum d'un an après la cessation des hostilités.

La Banque de France se réserverait, si la Banque d'Angleterre y trouve également convenance, d'imputer sur le montant de son prêt les dollars qu'elle posséderait en Banque aux Etats-Unis».

4) — Le gouvernement anglais ne s'opposera pas à ce que les obligations à court terme, libellées en francs, que doit créer prochainement le gouvernement français, soient introduites sur le marché de Londres.

5) — Le ministre des finances de Russie a indiqué que les besoins du trésor impérial pour le service de la dette, les achats et les commandes à l'étranger s'élèvent pour 1915 à 100 millions de livres sterling.

En attendant que cette somme puisse être obtenue sur les marchés anglais et français par l'émission, sous les auspices des deux gouvernements d'Angleterre et de France, d'emprunts publics qui seraient divisés par parties égales entre lesdits marchés, il est entendu que les gouvernements anglais et français feront au gouvernement russe, sur ses demandes successives, des avances directes et ce jusqu'à concurrence d'une somme de 25 millions de livres sterling (625 millions de francs) pour chacun d'eux. Le remboursement des dites avances sera imputé sur le produit des emprunts.

6) — Les trois ministres sont d'accord pour estimer qu'il est de

l'intérêt commun des alliés de centraliser, en ce qui concerne les fournitures de guerre, leurs commandes et leurs payements aux Etats-Unis. A cet effet une organisation commune sera étudiée aussitôt que possible entre les trois gouvernements.

7) — Le gouvernement russe convient de faciliter par tous les moyens possibles l'exportation du froment et des autres produits dont les alliés pourraient avoir besoin.

A. Ribot. D. Lloyd George. P. Bark.

Перевод.

В результате переговоров, имевших место между министрами финансов трех союзных стран, решено:

1) Будет сделано сообщение в прессе, дабы огласить полное согласие трех правительств и подтвердить решение объединить их финансовые средства так же, как их военные силы.

2) Как первое следствие вышеизложенного, будет сделано предложение трем правительствам взять на себя в равных частях авансы, — как сделанные уже, так и имеющие быть сделанными — странам, которые сражаются вместе с Тройственным согласием или были бы расположены в ближайшем будущем вступить в войну за общее дело.

Сумма этих авансов будет покрыта или собственными средствами трех держав или из поступлений от реализации займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав.

В этом отношении принято во внимание, что авансы, на которые уже последовало согласие, составляют:

Для Бельгии — 500 миллионов франков, авансированных наполовину Францией, наполовину Англией.

Для Греции —20 миллионов [франков], авансированных Францией, и 1 810 000 фунтов стерлингов, авансированных Англией.

Для Сербии — 90 миллионов франков, авансированных Францией, и 900 000 фунтов стерлингов, авансированных Англией, и 110 миллионов [франков], которые в настоящее время авансированы тремя союзными державами.

Для Черногории — 500 000 франков, авансированных Францией.

Для Румынии — 5 миллионов фунтов стерлингов, авансированных Англией.

Уже сделанные таким образом авансы останутся в настоящем положении до первого займа, выпускаемого в целях их консолидации, и из поступлений от реализации его прежде всего должно быть произведено погашение этих сумм.

Напротив, новые авансы, производимые из собственных средств трех союзных стран, будут отнесены на долю каждой из них.

3) По предложению Английского банка, российский министр финансов от имени русского Государственного банка присоединился к следующей комбинации, которую французский министр финансов обещался, с своей стороны, предложить Французскому банку:

«Если золотой запас Английского банка (считая в том числе и специальный резерв золота «currency note:») в течение 6 ближайших месяцев уменьшится бо

лее, чем на 10 миллионов фунтов стерлингов (т. е. упадет ниже 80 миллионов фунтов стерлингов), означенный банк имеет право просить у Французского и русского Государственного банков, чтобы ему было авансировано в равной доле каждым из этих банков золото в натуре в сумме, не превышающей в общем 12 миллионов фунтов стерлингов.

Английский банк обязывается возвратить натурою это золото, ему одолженное, в течение времени, не превышающего года со времени прекращения войны.

Французский банк сохраняет для себя возможность, если Английский банк равным образом найдет это для себя соответственным, включить в вышеозначенную сумму те доллары, которыми он располагает в банке Соединенных Штатов».

4) Английское правительство не будет препятствовать, чтобы краткосрочные обязательства, выписанные во франках, которые должно будет выпустить французское правительство в ближайшем будущем, были допущены на английский рынок.

5) Русский министр финансов указал, что нужды государственного казначейства для оплаты займов, закупок и заказов за границей доходят для 1915 г. до 100 миллионов фунтов стерлингов.

До тех пор пока эта сумма сможет быть получена на французском и английском рынках выпуском при содействии двух правительств — Англии и Франции — государственных займов, которые были бы распределены в равных долях между двумя этими рынками, было решено, что правительства английское и французское будут отпускать российскому правительству по его последовательным заявлениям непосредственные авансы до суммы в 25 миллионов фунтов стерлингов (625 миллионов франков) со стороны каждого из них. Погашение этих авансов будет отнесено на счет поступлений от реализации займов.

6) Тремя министрами было установлено, что в общих интересах союзных стран — централизовать все то, что касается военных поставок, их заказов и платежей в Соединенных Штатах. Для этой цели как можно скорее будет выработана общая организация тремя правительствами.

7) Российское правительство изъявляет согласие облегчить всеми возможными способами вывоз пшеницы и других продуктов, в которых могут иметь нужду союзные страны.

А. Рибо. Д. Ллойд-Джордж. П. Барк.

№ 136. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 71. 5 февраля/23 января 1915 г.

Reçu N.o 306 [1].

Grey me dit qu'il faisait étudier en détail tout ce qui était connu à Londres des aspirations japonaises en Chine, mais que rien de ce qu'il connaissait de leur demande ne ressemblait à celle dont j'avais parlé. Je lui demandais s'il avait connaissance de quelques voeux de privilège ou monopoles étendant à toute la Chine. Il me répondit qu'il n'en connaissait aucun qui eût ce caractère, que le Japon exigeait renouvellement

[1] См. № 111.

des baux de fermage en Mandchourie, qu'il croyait qu'il y avait une question regardant la Mongolie Intérieure qui devait, pensait-il, avoir été prévue dans notre arrangement avec le Japon. Grey me dit qu'il croit informations en question extrêmement exagérées. Concernant rapports anglo-japonais il me dit que jusqu'ici rien n'est intervenu de nature à leur porter atteinte. Je lui dis qu'il savait qu'en Russie on désirait se rapprocher du Japon. Il me dit le savoir et qu'au point de vue anglais il n'y voyait aucun inconvénient, plutôt le contraire. Dans mon opinion Grey, quand il s'agit des rapports futurs avec le Japon, ne perd pas de vue, non pas probabilité, mais possibilité que dans avenir des difficultés peuvent surgir, moins à cause de la Chine, que du côté des possessions anglaises sur Pacifique, Australie et Canada, pour motifs de race, mais ces préoccupations lointaines n'exercent pas d'influence sur lui actuellement.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 306.

Грей мне сказал, что он приказал подробно изучить все, что было известно в Лондоне о японских притязаниях в Китае, но что ничего из того, что он знал, не походило на то, о чем я ему говорил. Я его спросил, дошли ли до него сведения о каких-либо пожеланиях приобрести привилегии или монополии, которые распространялись бы на весь Китай. Он мне ответил, что не знает никаких, которые носили бы подобный характер, что Япония требовала возобновления арендного контракта в Манчжурии, и что, по его мнению, имеется какой-то вопрос, касающийся Внутренней Монголии, каковой, он полагает, был предусмотрен в нашем соглашении с Японией. Грей сказал, что он считает сведения, о которых идет речь, до крайности преувеличенными. Что касается англо-японских отношений, то, по его словам, ничего до сих пор не произошло такого, что могло бы их затронуть. Я ему сказал, что, как ему известно, в России желают сближения с Японией. Он мне сказал, что он это знает и что, с английской точки врения, он не видит в этом никакого неудобства, скорее наоборот. По моему мнению, Грей, когда дело идет о будущих отношениях с Японией, не теряет из виду если не вероятность, то возможность, что в будущем могут возникнуть затруднения не столько из-за Китая, сколько со стороны английских тихоокеанских владений, Австралии и Канады, по расовым причинам, но эти отдаленные опасения не оказывают в настоящее время на него влияния.

Бенкендорф.

№ 137. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 41 [1]. 5 февраля/23 января 1915 г.

№ 3 [2].

Explications confidentielles que Mr. Bark prie transmettre au prési-

[1] Опубл. L. N., III, p. 56.

[2] О тел. Извольского за № 39 (№ 1) см. стр. 181, прим. 2; о № 40 (№ 2) см. стр. 197, прим. 3.

dent du Conseil des ministres: «Dans accord passé entre les trois ministres dont texte intégral est envoyé sub No 39, points essentiels: 1) Ma demande de crédit pour 100 millions livres sterling agréée sans aucune restriction ce qui n'a pas été facile. Non seulement concédée garantie ouverture marché pour placement emprunts publics, mais en outre gouvernements français et anglais se sont engagés nous fournir des avances dans cas nécessité pour moitié de la somme, soit 50 millions livres sterling. 2) Il est expressement entendu que ces crédits sont accordés sans aucun envoi d'or. Seulement en cas de run sur la Banque d'Angleterre, il y aurait à envisager un envoi d'or limité et en tout cas conjointement avec la Banque de France. Cette question a été résolue avec très grande difficulté. 3) Accord envisage aide commune aux petits états. Ai trouvé impossible me soustraire à la nécessité pourvoir aux besoins de la Belgique, mais dans ma lettre à Ribot expressément stipulé que nous n'avons pas à nous préoccuper de la question du change. Nous pourrons avancer seulement des roubles. D'après les données fournies par le ministre des finances belge, dépenses à prévoir seraient pour six mois 800 millions de francs ou 300 millions roubles, soit 100 millions roubles pour chacun des alliés ou 17 millions roubles par mois. De fait part russe serait payée ici par gouvernement français pour notre compte et n'entraînerait aucune difficulté de trésorerie ou de change.

Autres points essentiels pour nous inclus dans arrangement: 1) Dans intérêt commun faciliter notre exportation aux pays alliés, ce qui retablirait notre change. Dans cet ordre d'idées aurai demain conférence avec ministre d'agriculture, insisterai sur contrats à passer avec notre gouvernement pour fournitures céréales. Agirai de même à Londres. 2) Projet centraliser commandes des alliés en Amérique ainsi que procédé de payement, ce qui faciliterait dans grande mesure notre tâche. — Compte partir demain Londres. Y resterai lundi et mardi, hôtel Ritz. Rentrerai Paris pour deux jours. Il serait de très grande importance pouvoir annoncer à Londres et à Paris approbation par gouvernement russe de l'accord des trois ministres, sauf à le soumettre à la sanction de sa majesté l'empereur après retour de sa majesté du front. Vous serai infiniment reconnaissant me télégraphier hôtel Ritz, Londres».

Iswolsky.

Перевод.

№ 3.

Доверительные объяснения, которые г. Барк просит передать председателю совета министров: «В соглашении, состоявшемся между тремя министрами, полный текст коего послан за № 39, существенными являются следующие пунк-

ты: 1) Моя просьба о кредите в 100 миллионов фунтов стерлингов принята без всякой оговорки; это было нелегко. Не только дана гарантия в открытии рынка для размещения наших государственных займов, но, помимо того, английское и французское правительства обязались в случае необходимости предоставить нам авансы в размере половины всей суммы, иначе говоря, 50 миллионов фунтов стерлингов. 2) Точно оговорено, что эти кредиты предоставляются без всякой посылки золота. Только в случае усиленного наплыва в Английский банк требований на золото предусматривается посылка золота, но в ограниченном размере, и во всяком случае совместно с Французским банком. Этот вопрос был разрешен с большими затруднениями. 3) Соглашение предусматривает общую помощь малым державам. Я счел невозможным уклониться от необходимости приходить на помощь нуждам Бельгии, но в моем письме к Рибо я точно оговорил, что нас не касается вопрос о денежном курсе. Мы можем дать аванс только в рублях. По данным, представленным бельгийским министром финансов, на 6 месяцев предусматриваются расходы в размере 800 миллионов франков, или 300 миллионов рублей, т. е. по 100 миллионов рублей на каждого из союзников, что составляет по 17 миллионов рублей в месяц. В действительности русская доля будет выплачиваться здесь французским правительством за наш счет и не вызовет никаких денежных или валютных затруднений.

Другими существенными для нас пунктами, включенными в соглашение, являются: 1) В общих интересах облегчать наш вывоз в союзные страны, что восстановило бы наш денежный курс. В этом смысле я буду иметь завтра разговор с министром земледелия и буду настаивать на необходимости заключения контрактов с нашим правительством на поставку зерна. Буду в том же смысле действовать в Лондоне. 2) Проект централизовать союзные заказы в Америке, а равно процедуру платежей, что в значительной степени облегчит нашу задачу. Предполагаю завтра выехать в Лондон. Пробуду там понедельник и вторник, в гостинице Риц. Вернусь в Париж на два дня. Было бы чрезвычайно важно иметь возможность заявить в Лондоне и Париже об одобрении российским правительством соглашения трех министров при условии представления его на утверждение его величества императора по возвращении его величества с фронта. Был бы вам бесконечно признателен, если протелеграфируете: гостинница Риц, Лондон».

Извольский.

№ 138. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 38. 5 февраля/23 января 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 36 [1].

Ссылаясь на личный разговор со мною, Радославов прислал сегодня официально письменную справку о происходящих в Берлине переговорах с Disconto Gesellschaft. По этой справке болгарское правитель-

[1] Тел. от 4 февр. /22 янв. за № 36 (опубл. Ц. Р., стр. 102) Савинский передал сделанное ему Радославовым и Тончевым сообщение о переговорах в Берлине, причем, по словам Радославова, вся эта операция являлась лишь исполнением контракта от июля 1914 г. (см. т. IV, № 310).

ство должно получить в счет июльского займа прошлого года аванс в 150 миллионов; из них 50 миллионов уплачивается в момент подписания сделки, 25 миллионов — в 5 приемов по одному каждые 10 дней, а 75 миллионов — по десяти миллионов каждые 15 дней, начиная с [1 апреля] 19 марта. Аванс выдается взамен бонов государственного казначейства из 6 процентов и $^3/_8$ процента комиссионных; срок погашения — год спустя после заключения мира. Несмотря на официальный характер этой справки, я узнаю, что в Берлине ничего еще не кончено и что министр финансов Тончев прибегает теперь к тем же уловкам для заблуждения [1] общественного мнения, как и минувшей весной, когда он постоянно распускал преждевременные и ложные слухи о подписании контракта [2].

Савинский.

№ 139. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 46. 5 февраля/23 января 1915 г.

Министр иностранных дел выразил мне глубокую благодарность за образцовый порядок при занятии вновь Тавриза нашими войсками и благожелательное отношение генерала Чернозубова к населению города, что произвело во всем обществе наилучшее впечатление. Тон беседы на этот раз был весьма дружелюбный, и никаких требований мне не было предъявлено. Вообще благодаря нашим победам над турками и отчасти советам Тоунлея замечаются признаки новой ориентировки шахского правительства в смысле сближения с нами. Также, в частной беседе, Моин-оль-Везаре конфиденциально сообщил Баху, что в правительственных сферах сомневаются, что Персии возможно будет в дальнейшем придерживаться политики нейтралитета, каковую она не в силах отстоять на деле и что вследствие сего, быть может, в интересах Персии было бы стать на сторону России и Англии, конечно, за известные выгоды и компенсации.

Ввиду возможного желания персов продолжать разговоры на эту тему, прошу указаний, следует ли мне в случае более конкретного выступления с их стороны поощрять намерение шахского правительства перейти на нашу сторону, или же будет признано более выгодным довольствоваться нейтралитетом Персии. Полагаю, что впечатление на министров произвели наступление турок к Ахвазу и решимость бах-

[1] Так в оригинале.
[2] Ср. т. IV, № 136.

тиар в случае надобности самостоятельно защищать свои интересы, о чем я сообщил телеграммой за № 29 [1].

Коростовец.

№ 140. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 21. 5 февраля/23 января 1915 г.

Продолжение телеграммы № 17 [2].

При вчерашнем свидании моем с Като я сказал ему, что германская интрига в Китае способствует распространению всевозможных тревожных слухов о требованиях, предъявленных Японией в Пекине, и что эти слухи могут смутить наше общественное мнение и зародить подозрительность по отношению к японской дипломатии. Я прибавил, что нас менее интересуют шаньдунские требования, но что уверенность в соблюдении Японией политических договоров и параллелизм нашей политики и японской в Манчжурии и Монголии дает нам повод предполагать, что для обеспечения успеха мы могли бы оказать друг другу существенную поддержку, если откровенно и доверительно выяснили бы свои намерения в Китае. Като мне ответил, что распространяемые слухи о японских требованиях исходят из китайских источников, на которые германская интрига несомненно воздействует. На самом деле переговоры едва начались и совершенно еще не определились. Он уверен, что то, что Японии удастся выговорить у Китая, послужит и нам на пользу. Он прибавил, что появившееся вчера сообщение прессы о начатых переговорах, переданное в агентство телеграммой его токийского корреспондента, отвечает взглядам министерства. В заключение министр иностранных дел вновь обещал поставить нас в известность о существе переговоров с Китаем, как только рассеются, по его выражению, облака, которыми этот вопрос пока еще заволакивается.

Малевский.

---

[1] Тел. от 29/16 янв. за № 29 Коростовец сообщал, что в связи с наступлением турок по направлению к англ. нефтяным сооружениям у Ахваза, бахтиары, «заинтересованные в нефтяным предприятиях», запросили перс. прав-во, что оно намерено предпринять, и угрожали самостоятельным выступлением против турок.

[2] Тел. от 31/18 янв. за № 17 Малевский, сообщая об отсутствии у франц. и англ. послов в Токио сведений по поводу происходящих в Пекине переговоров, передал мнение англ. посла Грина, что Англия «в настоящее время не в состоянии вмешаться против желания Японии в эти переговоры, после только-что оказанного японскими военными силами и флотом содействия англичанам в уничтожении германской мощи на Дальнем Востоке».

№ 141. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 25. 5 февраля/23 января 1915 г.
Strictly confidential.

Copy Peking.

№ 2 [1].

Section in relation to the province of Shantung.

1) Engagement on the part of China to consent to all matters that may be agreed upon between Japan and Germany regarding to the disposal of all rights, interests, and concessions which in virtue of treaties or otherwise Germany possessed in relation to the province of Shantung.

2) Engagement not to alienate or lease upon any pretext the province of Shantung or any portion thereof and any island lying near the said province.

3) Grant to Japan of the right of construction of a railway connecting Chifu or Lunkou and the Tsinan-Kiao-chow railway.

4) Addition of open ports in the province of Shantung.

Section in relation to South Manchuria and Eastern Inner Mongolia:

1) Extension of the terms of lease of Kwangtung, the South Manchuria railway and the Antung — Mukden railway.

2) a, — acquisition by the Japaneses of right of residence and the ownership of land; b, — grant to Japan of the mining rights of the mines specified by Japan.

3) Obligation to obtain in advance the consent of Japan before she grants railway concessions to any third Power, procures the supply of capital from any third Power for the construction of a railway or raises from any third Power a loan on security of any duties or taxes.

4) Obligation on the part of China to consult Japan before employing advisers or tutors regarding political, financial or military matters.

5) Transfer of the management and control of the Kirin — Changchun railway to Japan.

Third section:

Agreement in principle that at an opportune moment in future Hanyang Company should be placed under the Japanese and Chinese cooperation.

Fourth section:

Engagement, in accordance with the principle of maintenance of the

[1] Тел. от того же числа за № 24 (№ 1) Малевский сообщал, что япон. прав-во просит рассматривать передаваемый в тел. за № 25 текст япон. требований «не как документ, а как краткое изложение японских домогательств», причем япон. м-р ин. дел высказал мнение, что «все, что касается до Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, вполне отвечает русской политике».

territorial integrity of China, not to alienate or lease any ports and bays and islands near the coast of China [1].

Malevsky.

Перевод.

Строго доверительно.

Копия в Пекин.

№ 2.

Раздел, касающийся Шаньдунской провинции:

1. Обязательство со стороны Китая дать свое согласие на все условия, о которых могли бы между собою сговориться Япония и Германия относительно пользования всеми правами, интересами и концессиями, каковыми Германия на основании договоров или на ином основании обладала по отношению к Шаньдунской провинции.

2. Обязательство не отчуждать или сдавать в аренду под каким бы то ни было предлогом Шаньдунскую провинцию или какую-либо часть ее, а также какой бы то ни было остров, лежащий вблизи указанной провинции.

3. Предоставление Японии права постройки железной дороги, соединяющей Чифу или Лунькоу с Цзинань — Киаочжоуской железной дорогой.

4. Увеличение числа открытых портов в Шаньдунской провинции.

Раздел, касающийся Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии:

1. Продление сроков аренды Квантуна, Южно-Манчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог.

2. а) Приобретение японцами права поселения и владения землей; б) предоставление Японии права на разработку копей, указанных самой Японией.

3. Обязательство заранее получить согласие Японии — до предоставления [Китаем] железнодорожных концессий какой-либо третьей державе, до получения капитала от какой бы то ни было третьей державы на постройку железной дороги и до заключения займа у третьей державы под гарантией сборов или налогов.

4. Обязательство со стороны Китая предварительно обращаться к Японии за советом по поводу приглашения политических, финансовых и военных советников или инструкторов.

---

[1] В тот же день аналогичное сообщение было сделано Мотоно Сазонову. После пунктов, касающихся Манчжурии и Внутренней Монголии, в япон. пам. записке сказано, что «эти требования Японии имеют единственной целью положить конец двусмысленному положению, существующему в областях Манчжурии и Восточной Монголии, где Японская империя имеет специальные интересы, уничтожить на будущее причины всяких недоразумений и недоверия между Японией и Китаем и показать всему миру, что Япония не имеет каких-либо замыслов в смысле расчленения этих областей». Тел. от 6 февр./24 янв., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Мотоно сообщал, что Сазонов заявил ему, что «по беглом ознакомлении с требованиями, касающимися также России, он особых возражений не имеет и что он после надлежащего изучения памятной записки еще вернется к этому вопросу».

5. Передача управления и контроля Гирин—Чанчунской железной дороги Японии.

III раздел.

Принципиальное соглашение о том, что в будущем в подходящий момент, Ханьепинское общество должно перейти в японо-китайскую совместную эксплоатацию.

IV раздел.

Обязательство, в согласии с принципом сохранения территориальной неприкосновенности Китая, не отчуждать или не сдавать в аренду никаких портов и бухт, а также островов вблизи побережья Китая.

Малевский.

№ 142. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 43. 6 февраля/24 января 1915 г.

Военный агент просит передать военному министру и в ставку: находящийся в Париже наш министр финансов обратился ко мне с просьбою выяснить вопрос о впечатлении, произведенном на президента Республики телеграммою о нашем якобы отчаянном положении в отношении ружей. Министр, кроме самого факта, был озабочен вопросом, на каком основании французы усматривают в этом какую-то роковую ошибку в наших первоначальных расчетах. Доношу, что я сегодня исполнил просьбу министра и доложил нижеследующее: тревога президента Республики основана на телеграмме генерала Лагиша, переданной через министерство иностранных дел от 29/16 января, которую я лично прочитал сегодня, но которая не была передана генералу Жоффру. Она является прямым ответом на мою телеграмму № 22 [1], посланную мною после всестороннего и серьезного обсуждения вопроса о производстве ружей во Франции. Посему на изменение положения и на изготовление для нас ружей во Франции мы не можем рассчитывать. Очевидно, все наши усилия должны быть направлены исключительно на покупку ружей за границей. Мне известно, между прочим, что Англия перехватила у Франции покупку на-днях 200 000 японских ружей. Что касается якобы ошибочности наших расчетов, то чрез Мильерана, мне кажется, удалось рассеять эти невыгодные для нас легенды. Игнатьев. № 97.

Извольский.

№ 143. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 45 [2]. 6 февраля/24 января 1915 г.

Ваша телеграмма № 414 получена [3].

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. № 120.

[2] Опубл. Stieve, S. 169.

[3] Тел. от 5 февр./23 янв. за № 414 Сазонов, ссылаясь на тел. Извольского за № 30 (см. № 120), сообщил, что Янушкевич, отрицая посылку из ставки верх.

Как вы усмотрели из телеграммы графа Игнатьева № 97 [1] сведения о впечатлении, произведенном на августейшего верховного главнокомандующего невозможностью для Франции оказать нам помощь в деле снабжения нас ружьями, основано на телеграмме генерала Лагиша от [29] 16 января, полученной здесь чрез французское министерство иностранных дел. Я не мог ознакомиться с текстом этой телеграммы, которая была тотчас передана Мильерану, но, по словам графа Игнатьева, который прочел ее в военном министерстве, в ней говорится лишь о чувстве сожаления верховного главнокомандующего, и фраза о том, что отсутствие помощи Франции «фатально для России и приводит великого князя лично в отчаяние», отнюдь не приписывается его императорскому высочеству [2]

Извольский.

№ 144. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 46 [3]. 6 февраля/24 января 1915 г.

Копии в Лондон и Ниш.

Получил вашу телеграмму № 385 [4].

Тотчас объяснился по ее содержанию с Делькассе и подробно ознакомил его с вашими аргументами, а также с данными, заключающимися в телеграмме Трубецкого № 86 [5]. Делькассе повторил мне уже известные вам возражения, основанные на сведениях, сообщаемых французским посланником в Нише, и на телеграммах из Лондона, а именно: что Пашич ни в каком случае не пойдет далее своей декларации 1 сентября [19 августа] [6] и не согласится ни на какие уступки на запад от Вардара; что предлагаемые вами шаги в Нише могут вызвать в сербском правительстве и войске чувство отчаяния и усилить влияние партии, высказывающейся в пользу немедленного мира с Австрией, и т. д. Сегодня

главнокомандующего тел., в которой указывалось бы, что «отсутствие помощи Франции в деле снабжения нас ружьями фатально для России», опасается «какого-либо серьезного недоразумения».

[1] См. № 142.

[2] На многократные запросы в. кн. Николая Николаевича через Сазонова, кому именно эта фраза «приписывается», Извольский тел. от 13 февр./31 янв. за № 57 сообщил, что она «никому не приписывалась, а была, очевидно, употреблена г. Пуанкаре под влиянием тревожного впечатления, произведенного на него телеграммой Лагиша».

[3] Опубл. Stieve, S. 170.

[4] См. № 125.

[5] См. № 128.

[6] См. т. VI, № 205.

я возобновил мои настояния, и в результате Делькассе согласился предписать французскому посланнику в Нише сговориться со своими русским и английским коллегами относительно выступления в смысле вашего проекта со внесенными в него вами поправками.

Извольский.

№ 145. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 45. 6 февраля/24 января 1915 г.
Весьма доверительно.

Венизелос доверительно сообщил моим двум коллегам и мне, что в Афины прибыл состоящий при греческой миссии в Турции некий Николаидис с особым поручением заявить от имени командующего 1 корпусом в Константинополе Мехмед-Али-паши, что последний при помощи войск готов совершить государственный переворот и покончить с немцами при условии, чтобы державы Тройственного согласия поручились за сохранение в целости Оттоманской империи. Венизелос просит, чтобы его отнюдь не считали замешанным в этот вопрос.

Демидов.

№ 146. Посол в Токио министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 27. 6 февраля/24 января 1915 г.

Копия сообщается в Пекин.

Дополнение телеграммы № 24 [1].

Прочитывая со мною пункты японских требований, Като на мои вопросы объяснил:

Первый отдел относительно Шаньдуна имеет в виду перенесение на японцев всех прав, коими пользовались в Шаньдуне германцы, при гарантии, что эта провинция не будет переуступлена китайцами в третьи руки до ликвидации войны.

Второй отдел японских домогательств, кроме продления на 99 лет со дня подписания нового соглашения аренды на Квантун, Южно-Манчжурскую железную дорогу и Аньдун — Мукденскую линию, имеет в виду обеспечение для японцев прав приобретения земельной собственности и копей в Южной Манчжурии. Пункт о приобретении земли Като считает наиболее трудным. Параграф третий этого отдела имеет целью предупредить попытки постройки железнодорожных линий, подобных Цзинь-чжоу—Айгунской; параграф четвертый вызван недавним назна-

[1] См. стр. 190, прим. 1.

чением немца военным советником мукденского генерал-губернатора; параграф пятый устраняет неудобства смешанного японско-китайского заведывания Гирин — Чанчунской линией.

Отдел третий касается предприятий, куда вложено больше двадцати миллионов иен японских капиталов, но от заведывания коими японцы устранены.

Наконец, отдел четвертый гарантирует от захвата германцами после утраты Циндао другой китайской провинции [1]

На мой вопрос, согласны ли эти требования, по мнению министра иностранных дел, с началами равноправия и открытых дверей, Като ответил, что и при нынешних условиях начала эти ограничены правами, которыми Россия и Япония обладают в Манчжурии. Он прибавил, что переговоры ведутся в дружественной форме и вовсе не имеют ультимативного характера, который им стараются придать китайские газеты.

Министр, когда я затронул вопрос Фуцзяна, дал мне понять, что изложенными пунктами ограничиваются японские пожелания [2].

Малевский.

№ 147. Начальник штаба верховного главнокомандующего председателю совета министров Горемыкину.

Телеграмма № 700/10150. 6 февраля/24 января 1915 г.

Копии министру иностранных дел и военному министру.

По повелению его императорского высочества верховного главнокомандующего имею честь уведомить ваше высокопревосходительство о нижеследующем: 1) Появление объединенных войск союзников на Балканском полуострове могло бы иметь несомненное политическое и военное значение только при условии, что с прибытием этих войск успех оружия перейдет на нашу сторону. Нельзя ставить войска союзников

[1] В деп. от 11 февр./29 янв. за № 10, излагающей более подробно эту беседу, Малевский указал, что Като сослался при этом на герм.-кит. конвенцию от 6 марта/22 февр. 1898 г. об уступке Циндао, ст. 5-я которой гласит: «В случае, если Германия выразит когда-нибудь желание вернуть бухту Циндао Китаю до истечения арендного срока, то Китай обязуется возместить затраты, которые Германия сделала в Циндао, и предоставить последней более подходящее место».

[2] Тел. от 7 февр./25 янв. за № 50 Крупенский известил Сазонова, что в ответ на доверительное сообщение япон. требований он задал япон. посланнику вопрос, касались ли они Фуцзянской провинции. По словам Крупенского, «посланник, видимо смущенный, ответил, что действительно имеются некоторые давнишние неразрешенные еще между Японией и Китаем вопросы, но что он получил инструкции сообщить лишь перечисленные им пункты».

в такое положение, при котором они могли бы потерпеть на Балканах неудачу, так как такой поворот дела произвел бы впечатление, как раз обратное тому, на которое рассчитывают инициаторы предложения, а именно, к падению нашего престижа. Так как никто не может помешать нашим врагам также перебрасывать свои силы на сербский фронт, то необходимо заранее предвидеть такую обстановку, при которой вслед за отправкой союзных войск на Балканский полуостров придется посылать им подкрепления, причем размер таковых трудно даже предвидеть заранее. Не говоря уже о том, что при таких условиях будут до крайности затруднены вопросы управления и снабжения всем необходимым союзных войск, следует иметь в виду, что посылка сколько нибудь значительных сил на Балканы поведет к ослаблению войск наших и наших союзников на главных театрах, что совершенно противоречит самым элементарным правилам стратегии, требующей сосредоточения всех войск и усилий на главном театре, хотя бы в ущерб положению дел на второстепенных театрах. Верховный главнокомандующий, на основании детального изучения распределения сил наших противников, затрудняется признать вероятным предположение о возможности для них в ближайшее время сосредоточения больших сил против Сербии, которой, таким образом, едва ли грозит в ближайшее время серьезная опасность, особенно ввиду начавшейся в Сербии распутицы и разлива главнейших рек. С другой стороны, успех против Германии или на Карпатах может произвести на колеблющиеся нейтральные государства едва ли не более сильное впечатление, чем появление войск союзников в Сербии, которая все же остается по общим условиям борьбы театром второстепенным. На основании изложенных соображений верховный главнокомандующий решительно признает нецелесообразным отправку более или менее значительных сил союзников и наших на сербский театр. Его высочество при этом высказал свое крайнее сожаление, что наш посол в Париже и министр финансов признали для себя возможным войти в обсуждение и даже высказывать свои соображения представителям иностранных правительств по вопросу, едва ли относящемуся до их компетенции [1], так как вопрос этот касается прежде всего ведения военных операций, вверенного волей государя императора августей-

[1] Тел. от 3 февр./21 янв. за № 32 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 137) Извольский передал свою беседу с Делькассе по поводу посылки союзных войск на Балканы, во время которой он заявил, что, по его личному мнению, «высказанные Ллойд-Джорджем соображения имеют несомненный вес и что появление на Балканах французских, английских и особенно русских войск действительно может возыметь теперь решающее действие». См. также №№ 119 и 120.

нему верховному главнокомандующему. Вопрос о помощи Сербии уже был поднят главнокомандующим сербской армией королевичем Александром, причем, по докладе государю императору, его величеству благоугодно было указать на возможность, исключительно в целях нравственного воздействия, предложить сербам отправку к ним одного казачьего полка [1]. Дальше этого решительно итти не следует. 2) О недостатке у нас ружей и о своем якобы отчаянии по сему поводу верховный главнокомандующий лично решительно никому не писал и не говорил [2]. О желательности помощи Франции в деле снабжения нас ружьями действительно делалось заявление генералу Жоффру, который одно время признавал возможным притти нам на помощь в этом деле. Несомненно, что эта помощь нам желательна, и соответственные данные о размерах ее ваше высокопревосходительство всего лучше получите от военного министра, в руках которого сосредоточен вопрос снабжения наших армий предметами вооружения.

Янушкевич.

№ 148. Министр финансов французскому министру финансов Рибо.

Письмо [3]. 6 февраля/24 января 1915 г.

Monsieur le président,

Me référant à nos entretiens, je crois devoir vous rappeler divers points sur lesquels nous avons désiré nous fixer par un échange de lettres.

1. Il est entendu que je vous indiquerai ultérieurement le montant des avances faites par le gouvernement russe à la Serbie.

2. Il a été convenu que le gouvernement français mettrait sur demandes successives jusqu'à 25 millions de livres sterling à la disposition du

---

[1] Серб. прав-во упорно и долго добивалось присылки русских воинских частей в Сербию. Письмом от 4 февр./22 янв. (опубл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 47) Кудашев сообщил Сазонову об отказе ставки послать войска на серб. театр воен. действий, но добавлял, что «ввиду настойчивости, с которой сербский военный агент Лонткевич доказывал моральное значение присутствия русских, начальник штаба с разрешения великого князя обещал отправить в Сербию бригаду ополчения (около 6 000 чел.)».

[2] См. № 142 и 143.

[3] Настоящее письмо печатается с копии, хранящейся в Архиве Кред. Канц. м-ва фин., II отд., 1 ст., № 84. Текст, напечатанный в L. N., III, p. 56, представляет собою тел. Извольского от 5 февр./23 янв. за № 40 (№ 2). Ср. стр. 181, прим. 2. Оба текста идентичны за исключением последней части 3-го пункта. После слов «les trois gouvernements alliés» в тел. Извольского сказано: «le gouvernement de Russie mettra en roubles à Pétrograd à la disposition des gouvernements re-

gouvernement russe, pour les objets indiqués dans l'article 5. En même temps il a été prévu que le gouvernement russe faciliterait les exportations de céréales (article 7). Le gouvernement russe effectuera par anticipation le remboursement de partie de ces 25 millions de livres sterling, en y consacrant les sommes que le gouvernement français aura à lui verser pour les céréales achetées pour son compte par l'intermédiaire du gouvernement impérial. Cette opération de remboursement anticipé ne diminue pas le crédit d'emprunt ouvert par l'article 5.

3. Dans le cas où des avances seraient faites aux pays visés par l'article 2, notamment à la Belgique, par les trois gouvernements alliés, la part afférente à la Russie sera avancée par les gouvernements français et anglais respectivement et imputée sur les emprunts à émettre ultérieurement pour consolider ces avances.

Veuillez agréer etc.

Bark.

Перевод.

Г. председатель,

Ссылаясь на наши переговоры, я считаю долгом вам напомнить различные пункты, которые мы желали закрепить путем обмена писем.

1. Решено, что я вам впоследствии укажу размеры авансов, предоставленных российским правительством Сербии.

2. Состоялся уговор, что французское правительство предоставит по мере последовательных запросов до 25 миллионов фунтов стерлингов в распоряжение российского правительства по назначениям, указанным в статье 5-й. В то же время предусмотрено, что российское правительство облегчит вывоз зерна (статья 7-я). Российское правительство будет производить предварительное частичное погашение этих 25 миллионов фунтов стерлингов, употребляя на это суммы, которые французское правительство должно будет ему вносить за зерно, купленное за его счет через посредство императорского правительства. Эта операция досрочного погашения не уменьшает размер кредитов по займу, открытых по статье 5-й.

3. В случае, если авансы будут предоставлены странам, указанным в статье 2-й, в частности Бельгии, тремя союзными правительствами, то часть, выпадающая на долю России, будет авансирована французским и английским правительствами и отнесена на счет займов, имеющих быть впоследствии выпущенными для консолидации этих авансов.

Примите и пр. Барк.

---

spectifs la part incombant à la Russie dans cette avance. Le rouble sera calculé à raison de 2,666 francs», («российское правительство предоставит в Петрограде в распоряжение соответствующих правительств падающую на Россию часть этого аванса в рублях. Рубль будет исчисляться по курсу 2,666 франка»). Печатаемый текст письма Барка является аутентичным, так как ответное письмо Рибо от того же числа, выражая согласие на все пункты этого письма, повторяет заключительную его часть в печатаемой нами редакции.

№ 149. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II. [1]

7 февраля/25 января 1915 г.

Во исполнение высочайшего повеления [2] я сегодня же, тотчас же по получении вашего императорского величества собственноручного предписания, телеграфировал д. с. с. Поклевскому-Козелл немедленно прибыть по делам службы в Петроград. Вместе с тем, опасаясь крайне нежелательных с точки зрения общего политического положения толков, которые может вызвать столь внезапное отозвание из Румынии императорского посланника в настоящую минуту, я поручил д. с. с. Поклевскому пока объяснить свой отъезд какими-нибудь неотложными причинами личного свойства [3].

Озабочиваясь подысканием подходящего лица для замещения весьма важного для нас поста в Бухаресте, я почту своим долгом представить по сему вопросу мои соображения на благоусмотрение вашего императорского величества в ближайшем личном докладе по возвращении вашего императорского величества в Царское Село [4].

[Сазонов.]

---

[1] Черновик написан рукою Шиллинга.

[2] Сазонов имеет в виду записку к нему Николая II от 7 февр./25 янв., в которой последний сообщал, что ему представлялся Веселкин, доложивший «весьма прискорбные подробности о деятельности посланника в Румынии Поклевского-Козелл» и заявивший, что «из всего сказанного мне для меня совершенно очевидно, что при настоящих условиях военного времени Поклевский не может быть терпим на занимаемом им месте». Николай II считал необходимым, чтобы Поклевский «был немедленно отозван». «Верховный главнокомандующий — заканчивал свою записку Николай II, — настаивает со своей стороны на отозвании Поклевского, считая его деятельность в Румынии вредной России». (Лемке «250 дней в ставке», стр. 587—588). В делах б. м-ва ин. дел этот документ не обнаружен. Кудашев писал 8 февр./26 янв. в частном письме Сазонову (опубл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 49), что в последнее время он заметил недружелюбное отношение и недоверие Янушкевича к Поклевскому. Не зная, чем вызваны жалобы на последнего, Кудашев замечал, что ему «показалось во всяком случае несправедливым сваливать на него вину за невыступление Румынии». Это свое мнение Кудашев высказал Николаю II.

[3] 28/15 янв. Сухомлинов писал Янушкевичу: «О Поклевском я говорил с министром иностранных дел — он и слышать не хочет никаких доводов, говорит, что если уберут Козла, то и он уйдет. Государю я все это доложил, и он прочитал показания Пустошкина».

[4] 21/8 февр. в. кн. Николай Николаевич писал Николаю II: «Я только-что узнал, что посланник наш в Румынии Козелло-Поклевский, повидимому, успел оправдать себя и возвращается на свой пост. То, чего я так боялся, значит, случилось. Виновником, как кажется, является первый се-

№ 150. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

·/. Телеграмма № 468. 7 февраля/25 января 1915 г.

Благоволите выразить министру иностранных дел нашу признательность за сообщение списка японских требований [1], которое тем более для нас ценно, что до нас доходили явно преувеличенные слухи об их содержании.

Так газеты утверждали, что японское правительство требует для себя права организации китайских вооруженных сил, что, очевидно, не могло бы оставить нас равнодушными.

По пункту восьмому [2] относительно иностранных советников мы желали бы иметь разъяснения, относится ли требуемое японским правительством право голоса при их выборе только к провинциальным управлениям в Южной Манчжурии или ко всему Китаю вообще. Даже в первом случае мы не можем не заметить, что в некоторых отношениях компетенция мукденских властей распространяется и на Северную Манчжурию, а половина Гиринской провинции входит в нашу сферу. Нам пришлось бы поэтому обменяться с японским правительством мыслями для установления в этом отношении такого порядка, который не нарушал [бы] равноправия между нашим положением в Северной Манчжурии и положением Японии в Южной Манчжурии [3].

Сазонов.

кретарь Арсеньев. К тем данным, которые известны вашему величеству по обвинению Козелло-Поклевского в государственной измене, я имею много данных, которые подтверждают это. На основании этого не только я один, но все знающие это дело уверены, что, пока Козелло-Поклевский будет в Бухаресте, Румыния не выступит, и, кроме вреда для России, ничего не будет. Мне неизвестно, как было обставлено выяснение виновности Козелло-Поклевского, но из того, что до меня дошло, формального, законно обставленного расследования не было. Только расследование в той форме, как закон это требует, может пролить истинный свет на это дело. Колоссальнейшая важность полного выяснения деятельности Козелло-Поклевского заставила меня взять смелость беспокоить ваше величество чтением мной излагаемого» (Опубл. «Николай II и великие князья», Госизд. 1925 г., стр. 31. Документ этот в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен). См. также по этому вопросу переписку Сухомлинова с Янушкевичем, опубл. Кр. арх., т. III, стр. 30—31.

[1] Тел. от того же числа за № 467 Сазонов передал Малевскому содержание япон. пам. записки от 5 февр./23 янв. (см. стр. 191, прим. 1).

[2] В тел. за № 467 (см. предыд. прим.) Сазонов пометил 8-м пунктом 4-й пункт второй группы японских требований (см. № 141).

[3] Тел. от 15/2 февр. за № 40 Малевский сообщал, что на сделанное им в смысле тел. Сазонова заявление Като ответил, что 8-й пункт «относится не ко всему

№ 151. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 477. 7 февраля/25 января 1915 г.

Еще до получения телеграммы генерала Янушкевича на имя председателя совета министров № 10150 [1] в министерстве подготавливался ответ Извольскому в смысле соображений, изложенных в этой телеграмме [2]. Прошу вас сообщить мне, ставится ли посылка казачьего полка в Сербию в зависимость от одновременного отправления на Балканы франко-великобританского отряда. Посол в Лондоне, телеграмма № 72 [3] коего вам передается вместе с сим, предвещает пересмотр этого вопроса в Лондоне. Быть может, посылка и нашего полка могла бы быть задержана до выяснения, к какому решению придут в Лондоне, или, по крайней мере, до более благоприятного времени для военных операций на Балканах [4].

Сазонов.

№ 152. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 41 [5]. 7 февраля/25 января 1915 г.

Правительство опубликовало через местное телеграфное агентство, что соглашение с Disconto Gesellschaft относительно аванса в

Китаю, а только к Южной Манчжурии и к Внутренней Восточной Монголии» и что «Япония ни в каком случае не желает вторгнуться в сферу наших интересов, а потому он заранее выражает принципиальное согласие на предлагаемый обмен мнений относительно иностранных советников» после принятия этого пункта Китаем и «убедительно просит вообще не выступать в Китае с требованием с нашей стороны, чтобы не усложнять положения».

[1] См. № 147.

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4227, имеется проект пам. записки м-ва ин. дел англ. пос-ву в Петрограде от 7 февр./25 янв. с пометой: «Non avenu», в которой Сазонов высказывался против посылки в настоящий момент союзных сил на Балканы, ссылаясь на имеющиеся у него сведения об отсутствии у австрийцев намерения перейти в наступление против Сербии ранее мая и считая крайне нежелательным отвлечение каких-либо сил с главных театров войны.

[3] Тел. от 5 февр./23 янв. за № 72 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 139) Бенкендорф, ссылаясь на тел. Извольского от 3 февр./21 янв. за № 32 (см. стр. 196, прим. 1), просил Сазонова отложить ответ союзникам до более подробного обсуждения вопроса во время предстоящего пребывания Делькассе в Лондоне.

[4] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 49 Кудашев ответил, что «проектируемая, но еще окончательно не решенная посылка казачьего полка в Сербию отнюдь не находится в связи с английским предложением союзного экспедиционного отряда на Балканском полуострове», и имеет целью оказать «исключительно моральную поддержку Сербии».

[5] Опубл. Ц. Р., стр. 103.

150 000 000 вступило в силу со вчерашнего дня. Германофильские круги склонны придавать этой сделке известное значение в смысле нового поворота правительства в сторону Германии. Румынский посланник, видевший вчера Радославова, уверяет, что мог заметить это настроение, что Радославов настойчиво говорил о необходимости сохранения нейтралитета и относился гораздо холоднее, чем прежде, к болгаро-румынскому сближению, отказываясь от ранее данного заверения следовать во всем за Румынией и говоря, что до активного выступления сотласованность действий Болгарии и Румынии не пойдет. Согласие Германии дать деньги, хотя и в столь невыгодных и даже обидных для Болгарии условиях — мой № 38 [1] — было вызвано, конечно, желанием не выпускать Болгарию из своих рук и сохранить в силе июльский контракт о займе. Согласие это должно бы быть при этом тем тяжелее для Берлина, что взамен Болгария, как видно, не дала ничего другого, кроме обещания продолжать сохранять нейтралитет. Чего стоит это обещание и как оно будет выполнено в момент нашей решительной победы в Польше или даже в случае удачи миссии герцога Гиза, — это другой вопрос. Правительство Радославова продолжает шататься из стороны в сторону под влиянием всяких второстепенных обстоятельств, как, например, теперь по случаю получения аванса, устроенного убежденным сторонником Германии Тончевым.

Савинский.

№ 153. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42 [2]. 7 февраля/25 января 1915 г.

Личная.

Ссылаюсь на свой № 39 [3].

Герцог Гиз был вчера любезно принят королем. В полуторачасовой беседе он сумел подробно изложить цель своей миссии и указать на те выгоды, которые лично король и Болгария извлекли бы от откровенного обращения к Тройственному согласию. Король обещал все обстоятель-

[1] См. № 138.

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 103.

[3] Чтобы подчеркнуть свое отрицательное отношение к миссии своего племянника и к тем предложениям, которые он ему привез от держав Согласия, король Фердинанд игнорировал герцога Гиза в течение недели, заставив последнего жить от 30/17 янв. до 6 февр./24 янв. инкогнито в гостинице в ожидании приема. 1 февр./19 янв. герцог написал письмо Фердинанду с просьбой о свидании. Последний через своего секретаря Добровича известил его, что он на охоте и вернется лишь 3 февр./21 янв. в Софию. На следующия день герцогу сообщили, что он будет принят королем. Во дворце Добрович ему заявил, что Фердинанд

но обдумать и дать ответ в одно из следующих свиданий. Тем временем он просил герцога продолжать жить в гостинице, сохраняя инкогнито. Передавая в этом сжатом виде свою беседу с королем французскому посланнику, герцог прибавил, что он обещал королю не говорить пока более подробно об его ответах. Панафье заключает из этого, что король, должно быть, высказал нарекание на правительства трех держав. Герцог в общем доволен результатами своего свидания.

Савинский.

№ 154. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 273. 7 февраля/25 января 1915 г.

Телеграфирую в Тегеран за № 274:

Нахождение на административных постах Азербайджана Сердар-Решида и его ставленников гарантирует нашим войскам повиновение персидских властей, выполнение приказаний наших войсковых начальников, доставление сведений о противнике, наблюдение за путями сообщения, почтой и телеграфом, содействие в пользовании местными средствами. В случае же прибытия в Тавриз велиагда, неответственного по своему положению и молодости, с особым штатом администрации, которая постепенно заменит наших сторонников, мы в значительной мере лишимся важных в военном отношении перечисленных выше условий. По негласным сведениям в свиту велиагда вошло некоторое число германских и турецких агентов. Кроме того, прибытие с велиагдом жандармерии недопустимо, из-за возможных столкновений ее с нашими войсками [1].

Ввиду всего сказанного, представлялось бы необходимым задержать выезд велиагда из Тегерана и отложить его прибытие в Тавриз на не-

---

болен и что герцога примет королевич Борис. Гиз дал понять Борису, что понимает характер болезни Фердинанда, однако не уедет, пока его не увидит. (Тел. Савинского от 2 февр./20 янв. за № 32 и 5 февр./23 янв. за № 39). По словам Савинского, это был не первый случай игнорирования высокопоставленных агентов Антанты. Савинский посвятил длинное письмо перечислению всех случаев нелойяльного отношения Фердинанда и его правительства к державам Согласия: «Для приема генерала По, князя Юсупова у короля не находилось времени, за полгода он также не нашел свободной минуты принять до сих пор нашего военного агента, между тем у него находится время принимать в длинных аудиенциях таких лиц, как нештатный болгарский консул в Берлине еврей Мандельбаум или агент Круппа, тоже еврей, Кауфман». (Письмо Савинского от 1 марта/16 февр.).

[1] В тел. Коростовцу от 2 февр./20 янв. за № 366 Сазонов формулировал следующим образом вполне определенную точку зрения росс. прав-ва на этот во-

определенное время, мотивируя возможностью военных действий в Тавризе, и, следовательно, опасностью для жизни велиагда [1].

Воронцов-Дашков.

№ 155. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

_/. Телеграмма № 75 [2]. 8 февраля/26 января 1915 г.

Pour président du Conseil: «Crois mon devoir vous communiquer impression recueillie de la part cercles gens d'affaires à Paris qui considèrent que le déclanchement des Balkans serait de la plus haute importance et se présente d'une manière tout à fait urgente. Point essentiel — faire marcher Bulgarie contre Turquie, ce qui résoudrait sans retard question des Détroits, extrêmement grave pour tout le commerce et surtout pour notre exportation. Moyen d'agir — donner des pots de vin aux membres du gouvernement bulgare d'une manière adroite. Si l'on considère le coût énorme de la guerre pour les trois alliés — 50 000 000 roubles environ par jour — même de fortes dépenses pour but susindiqué qui pourraient évidemment se chiffrer à quelques millions de roubles au maximum, si elles pouvaient abréger guerre, seraient forcément très avantageuses même au point de vue financier. B a r k».

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Для председателя совета министров: «Считаю своим долгом сообщить вам о впечатлении, вынесенном из сношений с деловыми кругами Парижа, которые полагают, что выступление балканских стран имело бы весьма большое значение и представляется совершенно неотложным. Самое существенное — за-

прос: «Ввиду германофильского большинства шведских офицеров жандармерии, присутствие какого-либо из них в Тавризе считаем недопустимым. Поэтому, если во главе жандармов, сопровождающих велиагда, имеется такой офицер, то он, по доставлении своей части в Тавриз, должен немедленно удалиться оттуда. Что касается жандармов вообще, то мы всегда высказывались против применения их в нашей сфере, особенно же там, где имеются наши войска. Так как шахское правительство не хочет с этим считаться, то оно берет на себя ответственность за последствия. Во всяком случае при малейшем поводе к неудовольствиям ими может произойти то, что жандармы будут обезоружены нашими войсками и высланы из Тавриза. Благоволите в этом смысле объясниться с шахским правительством».

[1] В ответ на эту тел. Коростовец 10 февр./28 янв. тел. за № 56 сообщил наместнику на Кавказе, что отъезд велиагда отложен и что он постарается убедить перс. прав-во «повременить с этой командировкой».

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 251.

ставить выступить Болгарию против Турции, что разрешило бы без замедления вопрос о Проливах, крайне важный для всей торговли и в особенности для нашего вывоза. Метод действия — ловко раздать взятки членам болгарского правительства. Если принять во внимание громадные затраты трех союзников на войну, — приблизительно 50 000 000 рублей в день, — то даже значительные расходы на указанный предмет, которые могли бы исчисляться, очевидно, в сумме, не превышающей нескольких миллионов рублей, были бы, в случае если бы они могли приблизить окончание войны, весьма полезны даже с финансовой точки зрения. Б а р к».

Б е н к е н д о р ф.

№ 156. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 45 [1]. 8 февраля/26 января 1915 г.

Личная.

Король объявил вчера герцогу Гизу, что по зрелом обсуждении вопроса с компетентными лицами, он видит, что не может выступить против Турции. Как предлог он выставил, что война была бы непопулярна, и солдаты не пойдут в бой. Истинную причину этого решения определить, конечно, трудно, тем более что их может быть несколько: нежелание выступать против Австро-Германии, личные счеты с Россией и Францией, нежелание допустить давления на себя со стороны, и наконец, причина, выставленная королем, но эта последняя мало вяжется со всеми наблюдающимися здесь военными приготовлениями. Известное влияние оказывает и то соображение, что болгары признают линию Мидия—Энос дважды им обещанною: в Лондоне [2] и [9 декабря] 26 ноября минувшего года, за соблюдение ими нейтралитета — моя телеграмма № 520 [3] — и ради нее не считают необходимым выступать против Турции. Как бы то ни было миссию герцога Гиза приходится считать вполне провалившейся.

С а в и н с к и й.

№ 157. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 110. 8 февраля/26 января 1915 г.

Прошу расшифровать лично.

Лично. Сегодня Пашич крайне доверительно сообщил мне, что на личное обращение к нашему верховному главнокомандующему о присылке сюда русских войск престолонаследник получил от его высоче-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 104.

[2] Имеется в виду Лондонский мирный договор от 30/17 мая 1913 г.

[3] См. т. VI, № 627.

ства ответ, что некоторая помощь, имеющая более моральное значение, может быть оказана присылкою сюда одной или двух бригад. Пашич крайне счастлив этому известию и сказал мне, что пока он не сообщает его даже министрам ввиду желательности, чтобы оно осталось тайною. Было бы крайне важно, чтобы для австрийцев это явилось совсем неожиданным. Главное значение присылки наших войск он усматривает в том, что присутствие их в Сербии обеспечит ее от возможного нападения Болгарии. Английский генерал Пэджет, едущий в Россию для вручения орденов, коему ничего неизвестно об этом предположении, равным образом доверительно сообщил мне свое личное мнение, что английское правительство могло бы уделить 20 000 — 30 000 войска из египетского экспедиционного корпуса для посылки сюда или в Румынию. По его словам, турецкая затея нападения на Египет должна недели через три потерпеть окончательный крах, после чего часть английских войск также могла бы освободиться. Возможно, что мнение английского генерала является совершенно личным и не будет разделено его правительством. Я очень просил бы не ссылаться на его беседу, имеющую доверительный характер, но, конечно, если мы можем уделить лишь немного войск, то тем важнее было бы сделать это одновременно с англичанами. Если бы указанная помощь была осуществлена нами одними или совместно с англичанами, то несомненно державы, ее оказавшие, имели бы право рассчитывать на благодарность Сербии и готовность считаться с их справедливыми требованиями. Быть может, неудобно ставить такую помощь вопросом торга, однако если она будет оказана без условий, то я не чужд опасения, что, использовав выгоды положения, сербы не слишком склонны будут считаться с обязанностями одного лишь морального свойства подчиниться воле держав.

Трубецкой.

№ 158. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 51. 8 февраля/26 января 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 46 [1].

Тоунлей мне сообщил, что некоторыми членами правительства ему было сделано определенное предложение перехода Персии на сторону России и Англии, ввиду бессилия правительства заставить уважать провозглашенный нейтралитет как соседями Персии, так и воинственными племенами внутри страны. Так, например, получены сведения,

[1] См. № 139.

что турецкая пропаганда среди кашкайцев и также в Курдистане принимает тревожные размеры. Обычным затруднением для принятия правительством нового политического курса являются симпатии в широких массах народа к туркам на мусульманской почве, и персы запросили мнение Тоунлея, чем бы им следовало воспользоваться в целях подготовки поворота общественного мнения. Тоунлей им указал главным образом на расхищение турками сокровищ Кербелы, на агитацию турецкого посла в Тегеране, на ... персидских властей и прочее. По его мнению, вполне разделяемому Лондоном, ввиду впечатления, (производимого) на мусульманский мир, особенно в Индии, было бы весьма желательно воспользоваться настоящим моментом, чтобы отвлечь правительство на нашу сторону. Германо-турецкая пропаганда, хорошо организованная и весьма деятельная, ведется с целью побудить нынешних министров выступить в пользу Турции. Не сочувствуя союзу с Турцией, кабинет однако предвидит, что не сможет долго противиться туркофильскому большинству и должен будет выйти в отставку, в каковом случае несомненно будет заменен сторонниками совместного действия с турками.

Коростовец.

№ 159. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 53. 8 февраля/26 января 1915 г.

Весьма доверительно.

Министр иностранных дел признался, что, кроме перечисленных в сообщении, переданном Като нашему послу, требований Японии Китаю, распределенных по четырем группам, японцами были предъявлены здесь еще пятая и шестая группы требований [1], первая из коих предусматривала обязательство Китая не представлять третьим державам концессий в Фуцзяне без согласия Японии, шестая касалась предоставления японцам свободы буддийской пропаганды во всем Китае, права повсеместного учреждения японских школ, собраний и храмов с приобретением ими недвижимых имуществ, приглашения «авторитетных» японских советников по политической, финансовой, военной части, участия Японии в реорганизации полиции Китая, обязательства делать в Японии половину всех военных заказов и, наконец,

[1] Ссылаясь на эту тел. Крупенского, Малевский тел. от 12 февр./30 янв. за № 87 сообщил, что он сравнил полученный им текст с документами, полученными англ. и франц. послами, и все они оказались тождественными.

предоставления японцам концессий на железнодорожные линии в провинциях Фуцзянь, Цзянси и Хунань. Министр иностранных дел во время двух новых аудиенций, которые он имел с японским посланником, заявил ему, что не может обсуждать четвертую, пятую и шестую группы японских требований, как затрагивающие самостоятельность и суверенные права Китая и что требования третьей группы, как касающиеся частной Ханьепинской компании, также не могут быть предметом обсуждения между обоими правительствами. Относительно же первой и второй групп министр заявил, что китайское правительство готово приступить к обсуждению заключающихся в них японских требований. Китайский контр-проект по всем пунктам этих двух групп будет доставлен завтра японскому посланнику [1].

Крупенский.

№ 160. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 11. 8 февраля/26 января 1915 г.

Весьма секретно

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь препроводить у сего вашему высокопревосходительству копию с копии секретного письма на имя начальника главного артиллерийского управления, переданной мне генерал-майором Гермониусом совершенно доверительным и частным образом для личного моего сведения [2]. В этом письме, как вы изволите усмотреть, генерал Гермониус доносит своему непосредственному начальству о тех намеках, которые делались ему и генералу Самойлову со стороны товарища военного министра и других прикосновенных к делу лиц относительно непосредственного обращения по вопросу об уступке нам японских ружей государя императора к микадо.

Вам угодно будет припомнить, что при посещении моем князя Ямагаты, о коем я доносил телеграммой № 279 [3], маршал по поводу просьбы

---

[1] Тел. от 10 февр./28 янв. за № 59 Крупенский сообщил, что япон. посланник посоветовал кит. м-ру ин. дел «пересмотреть это решение и не посылать ему до того предположенного контр-проекта». В той же тел. Крупенский в поправку к тел. за № 53 указывал, что дополнительно сообщенные ему требования изложены не в двух группах — пятой и шестой — а в одной группе (пятой). Текст кит. контр-проекта опубл. в япон. белой книге в англ. переводе «The documents regarding the negociations between Japan and China (1915)», p. 58.

[2] Содержание письма от 22/9 янв. за № 22 в основном изложено в настоящей депеше.

[3] См. т. VI, № 464.

моей об отпуске нам предметов вооружения, ответил мне, говоря о своем повелителе: «все будет зависеть от приказания его величества».

Намеки на возможность такого исхода дела слышал впоследствии не раз генерал Самойлов, который чуть не ежедневно посещает здешнее военное министерство. Слова, сказанные генералу Гермониусу генералом Ошима, еще с большею определенностью раскрывают мысль японцев [1].

Нельзя сомневаться в том, что японское правительство вполне сочувствует уступке нам военным ведомством возможно большего комплекта ружей не только прежней системы, но и новых, из военного запаса. Ружья старой системы, коих оставалось у японцев 380 000, мы все уже выбрали, как я доносил секретным письмом от [1 февраля] 19 января за № 7 [2]; таких ружей нами приобретено 300 000 (кроме 35 000 новых, так называемых мексиканских); остальные 80 000 в неудовлетворительном состоянии, и их японцы нам продавать не находят возможным. Но, кроме этих ружей, я вел с министром иностранных дел переговоры об уступке нам хотя бы еще ста тысяч винтовок н о в о й системы, обещая вместе с ними взять без технической приемки и те 80 000, которые японцы сами забраковали [3].

Однако барон Като ответил мне на это очень определенно, что и он, и премьер-министр, и князь Ямагата сделали все возможное, чтобы сломать упрямство военного министерства насчет новых ружей, но безуспешно; генерал Ока грозит отставкой, если тронут его запасы. При таких условиях я считаю, что мы получили от японцев все, что было возможно, и достигли успеха, на много раз превышающего достигнутого здесь англичанами и французами, получившими лишь по 50 000 ружей.

Способ, о котором пишет генерал Гермониус, то есть непосредственное обращение его императорского величества к японскому императору,

---

[1] В разговоре с Гермониусом ген. Ошима между прочим сказал, что «ружья иначе как по личному приказу императора получить нельзя, а для такового надо непосредственное обращение нашего государя императора к японскому императору».

[2] См. № 115.

[3] Тел. от 25/12 янв. за № 11 Малевский сообщил со слов Като, что у военного ведомства есть запас в 180 000 ружей, из которых 80 000 признаны неудовлетворительными и предложить их оно не может. Остальные 100 000 ружей требуют осмотра и исправления. По просьбе Сухомлинова, Сазонов телеграфировал 7 февр./25 янв. за № 469 Малевскому, чтобы он добился передачи этих винтовок малыми партиями, по 5—10 тысяч, по мере их исправления.

я не осмелился упоминать по соображениям, о коих излишне распространяться.

И ныне, когда все доступные нам доводы, как политические, так и материальные, нами исчерпаны, и задача, возложенная на генерала Гермониуса по части приобретения ружей, фактически приведена к концу, я не решаюсь придавать намекам генерала Ошима определительного значения. Японскому императору было бы несомненно в высшей степени лестно быть осчастливленным личной телеграммой государя императора, но ручаться за полный успех столь чрезвычайного шага не берусь, не будучи точно уверен в степени того влияния, коим молодой повелитель Японии пользуется у своих министров. До сих пор его величество Иосихито не проявлял, насколько мне известно, своей личной инициативы ни в каких государственных делах.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 161. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

:/. Телеграмма № 497 [1]. 9 февраля/27 января 1915 г.

Копия в Ниш.

Сегодня мною передана французскому и английскому послам следующая памятная записка:

Les trois Ministres à Nich feront à Mr. Pachitch la déclaration suivante:

«Les Puissances ayant décidé de demander à la Bulgarie de se prononcer nettement et sans retard pour la Triple Entente, tiennent à mettre le gouvernement royal au courant des compensations qu'elles ont promises à la Bulgarie pour sa coopération militaire éventuelle et qui sont consignées dans l'aide-mémoire ci-joint remis à Mr. Radoslavoff [2].

En échange des parties du territoire serbe situées au sud de la ligne Egri-Palanka — Keprülü — Ochrida, ces villes y comprises, à transférer à la Bulgarie au retablissement de la paix, la Serbie obtiendra:

1) L'annexion de la Bosnie — Herzégovine;

2) un large accès à la mer Adriatique;

[1] Лит. копия.

[2] См. № 162.

3) des territoires assurant la contiguïté de la Serbie et de la Grèce;

4) une partie du Banat et une partie de la Syrmie habitées par les serbes et suffisantes pour servir à la défense stratégique de Belgrade;

5) la garantie par les Puissances de la liberté du transit économique et du passage des matériaux de guerre sur tout le parcours du chemin de fer entre Salonique et la Serbie.

Les Puissances ne doutent pas que le gouvernement serbe, appréciant les avantages multiples dont il bénéficiera comme prix des sacrifices auxquels il devra consentir, ne se conforme au programme arrêté par les alliés».

Sazonow.

Перевод.

Сегодня мною передана французскому и английскому послам следующая памятная записка:

Три посланника в Нише сделают г. Пашичу следующее заявление:

«Державы, решив потребовать от Болгарии, чтобы она высказалась вполне определенно и без промедления в пользу Тройственного согласия, желают поставить королевское правительство в известность о компенсациях, обещанных Болгарии за ее эвентуальное военное содействие и перечисленных в приложенной к сему памятной записке, переданной г. Радославову.

За передачу Болгарии при восстановлении мира частей сербской территории, расположенных к югу от линии Эгри-Паланка—Кепрюлю—Охрида, включая эти города, Сербии будут предоставлены:

1) право на присоединение Боснии и Герцеговины;

2) широкий доступ к Адриатическому морю;

3) территории, обеспечивающие сопредельность Сербии и Греции;

4) части Баната и Сирмии, населенные сербами и достаточные, чтобы обеспечить стратегическую оборону Белграда;

5) гарантия державами свободы экономического транзита и перевозки военных материалов на всем протяжении железной дороги между Салониками и Сербией.

Державы не сомневаются в том, что сербское правительство, ценя многообразные преимущества, получаемые им в виде компенсации за жертвы, на которые оно должно будет согласиться, подчинится плану, выработанному союзниками».

Сазонов.

№ 162. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 498 [1]. 9 февраля/27 января 1915 г.

Сообщается для личного сведения в Софию и Ниш.

Я передал вчера французскому и великобританскому послам памятную записку следующего содержания:

[1] Лит. копия. Опубл. Ц. Р., стр. 104.

«Le caractère jusqu'ici imprimé par la Bulgarie à sa neutralité n'est pas de nature à autoriser les Puissances alliées à insister auprès du gouvernement serbe en vue de l'amener à des sacrifices territoriaux réalisant les aspirations nationales bulgares. Les alliés se voient donc obligés de demander au gouvernement bulgare de se prononcer nettement et sans retard pour la Triple Entente et se déclarer prêt à mettre à sa disposition ses forces armées au moment qui lui sera indiqué. De leur côté, les alliés garantissent à la Bulgarie, au cas où elle accéderait à leur invitation, le transfert des territoires de la Macédoine situés au sud de la ligne d'Egri-Palanka—Keprülü et Ochrida, ces villes y comprises, dès que la Serbie aura obtenu les compensations territoriales à elle promises par les Puissances alliées.

En dehors d'avantages territoriaux la Bulgarie pourrait compter et ce dans une large mesure, sur le concours financier des alliés, sur l'envoi de munitions de guerre et sur toute autre aide et assistance dont le besoin se justifierait par le changement de la politique bulgare.

Si la Bulgarie persiste néanmoins dans son attitude actuelle c'est elle seule qui portera les conséquences pouvant résulter de sa politique hésitante» [1].

Sazonow.

Перевод.

Сообщается для личного сведения в Софию и Ниш.

Я передал вчера французскому и великобританскому послам памятную записку следующего содержания:

«Характер, который Болгария до сих пор придавала своему нейтралитету, не такого свойства, чтобы дать союзным державам право настаивать перед сербским правительством на территориальных жертвах, отвечающих национальным стремлениям болгар. Союзники поэтому видят себя вынужденными потребовать от болгарского правительства, чтобы оно вполне определенно и без промедления высказалось за переход на сторону Тройственного согласия и заявило о своей готовности предоставить в распоряжение последнего свои вооруженные силы в момент, который будет ему указан. Со своей стороны союзники гарантируют Болгарии, в случае если она примет их приглашение, передачу ей территорий Македонии, расположенных к югу от линии Эгри-Паланка — Кепрюлю — Охрида, включая эти города, как только Сербия получит территориальные компенсации, обещанные ей союзными державами.

[1] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 506 (опубл. Ц. Р., стр. 105) Сазонов сообщил Савинскому, что по получении его сотоварищами соответствующих инструкций он может сделать заявление болг. прав-ву. Тел. от того же числа за № 508 Извольскому и Бенкендорфу он высказался за желательность одновременного заявления в Софии и Нише.

Помимо территориальных преимуществ, Болгария могла бы рассчитывать, и притом в широких размерах, на финансовую помощь союзников, на доставку военного снаряжения и на всякого рода иную помощь и содействие, потребность в коих была бы оправдана изменением болгарской политики.

Если Болгария тем не менее будет упорствовать в сохранении своей нынешней позиции, то она одна понесет последствия, могущие явиться результатом ее колеблющейся политики».

Сазонов.

№ 163. Посланник в Берне министру иностранных дел.

с/. Телеграмма № 39. 9 февраля/27 января 1915 г.

Сэр Э. Грей сообщил здешнему английскому посланнику, что швейцарский посланник в Лондоне в разговоре сказал ему, что если Англия и Франция будут теснить Швейцарию в экономическом отношении, то хотя она решила соблюдать нейтралитет до крайности, она может быть принуждена из него выйти. Швейцарский представитель в Риме вел подобный же разговор в Консульте, причем добавил, что нейтралитет Италии для Швейцарии—жизненный вопрос. Такое выступление швейцарских представителей можно объяснить тем, что Швейцария считает для себя стеснительным и унизительным то право контроля над вывозом и провозом через Швейцарию, кроме военной контрабанды, некоторых необходимых Германии предметов, которым заручились здесь Англия и Франция, не довольствуясь обещаниями федерального правительства бороться с контрабандою. О том же, чтобы заморить Швейцарию голодом, не может быть и речи, но, наоборот, Франция обязалась доставлять в страну ежедневно 130 вагонов хлеба, а теперь изучается вопрос о пропуске в Швейцарию угля по дешевой цене из Англии, который до сих пор получался здесь из Германии. Для меня несомненно, что швейцарцы действовали в Лондоне и Риме под давлением из Берлина, где путем запугивания нейтральных держав стараются их побудить не признавать некоторые предметы контрабандой, в особенности хлеб. Французский посланник, который вчера говорил с президентом союза и с начальником политического департамента по поводу снабжения Швейцарии нужными продуктами, не придает значения разглагольствованию швейцарских дипломатов и полагает, что ближайшая цель их — получить задержанный Англией в Гибралтаре груз меди и вообще добиться смягчения принятых мер контроля ввоза в Швейцарию.

Бахерахт.

№ 164. Контракт с банком Беринг.

9 февраля/27 января 1915 г.

Entre les soussignés:

son excellence Mr. Pierre de Bark, ministre des finances, agissant au nom et pour compte du gouvernement impérial de Russie, d'une part, et Mrs. Baring Brothers & Company Limited d'autre part, il a été convenu ce qui suit:

En vertu d'un oukase impérial du vingt-six décembre mil neuf cent quatorze (huit janvier mil neuf cent quinze) [1] le ministre des finances de Russie a été autorisé à émettre des engagements à court terme du Trésor impérial à concurrence de £ 40 000 000 (quarante millions de livres sterling). Une expédition de cet oukase est annexée au présent contrat.

Ceci exposé, les conventions suivantes sont intervenues:

Article I.

Sur les £ 40 000 000 (quarante millions de livres sterling) effets du Trésor impérial de Russie dont la création a été autorisé en vertu de l'oukase susmentionné et dont une première portion s'élevant à £ 20 000 000 (vingt millions de livres sterling) a fait l'objet du contrat du premier février mil neuf cent quinze, une seconde portion s'élevant à £ 10 000 000 (dix millions de livres sterling) en effets du Trésor (engagements à court terme), datés le 23 février 1915 et remboursables le 22 février 1916, est mise à la disposition de la maison Baring Brothers & Company Limited.

Le ministre des finances ayant décidé de procéder à l'émission publique sur la place de Londres de cette portion de £ 10 000 000 (dix millions de livres sterling), Mrs. Baring Brothers & Company Limited s'engagent à donner leur concours afin d'assurer l'émission susdite par l'intermédiaire de la Banque d'Angleterre qui consent à prendre l'engagement de souscrire elle-même, dès le 23 février 1915 tous ceux de ces effets du Trésor impérial qui n'auraient pas été souscrits par le public, de façon à permettre d'annoncer que l'émission a été intégralement couverte.

Ces effets du Trésor impérial seront cédés sous déduction d'un escompte fixe de 5% (cinq pour cent) soit à 95% (quatre-vingt-quinze pour cent) du montant nominal de chacun des effets.

Ils seront divisés en coupures de £ 1 000 (mille livres sterling) (six

[1] Указ Николая II от 8 янв. 1915 г./26 дек. 1914 г. был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» от 1 февр./19 янв. 1915 г., № 21.

mille effets) et de £ 5 000 (cinq mille livres sterling) (huit cents effets).

Le gouvernement impérial s'engage à compléter intégralement la provision à la Banque d'Angleterre pour le remboursement de ces effets en livres sterling au plus tard le vingt février mille neuf cent seize.

Le gouvernement impérial payera à la Banque d'Angleterre une commission de $^1/_4$% (un quart pour cent) sur le montant nominal de £ 10 000 000 (dix millions de livres sterling) et autorise le payement d'un courtage de $^1/_8$% (un huitième pour cent).

Il prend à sa charge le payement du timbre anglais dont ces effets seront susceptibles, les frais de confection de ces effets à Londres, ainsi que les autres debours que Mrs. Baring Brothers & Company Limited auront à faire pour l'exécution de ce contrat.

Le montant des effets ainsi placés par l'entremise de Mrs. Baring Brothers & Company Limited sera porté au crédit du Trésor impérial dans un compte spécial qui lui sera ouvert chez Mrs. Baring Brothers & Company Limited.

Fait en double exemplaire à Londres le neuf février mil neuf cent quinze [1].

Ministre des finances de Russie P. Bark.
Director Revelstoke.
Assistant Secretary [подпись неразборчива].

Перевод.

Нижеподписавшиеся:

его превосходительство г. Петр Барк, министр финансов, действующий от имени и по полномочию императорского российского правительства, с одной стороны и гг. братья Беринг и К⁰ Ltd — с другой, договорились о нижеследующем:

На основании императорского указа от 26 декабря 1914 г. (8 января 1915 г.) российский министр финансов был уполномочен выпустить краткосрочные обязательства императорского казначейства на сумму 40 000 000 фунтов стерлингов (сорок миллионов фунтов стерлингов). Копия этого указа приложена к настоящему контракту.

В связи с вышеизложенным состоялось следующее соглашение:

---

[1] Тел. от 10 февр./28 янв. за № 81 Бенкендорф передал Горемыкину тел. Барка, в которой последний, сообщая о подписании этого контракта, указывал что «английское правительство придает большое значение этой операции; она должна явиться первой попыткой создать при помощи Английского банка рынок для русских ценностей».

Статья 1.

Из 40 000 000 фунтов стерлингов (сорок миллионов фунтов стерлингов) денежных обязательств императорского российского казначейства, выпуск которых был разрешен на основании вышеупомянутого указа и первая часть которых, достигающая 20 000 000 фунтов стерлингов (двадцать миллионов фунтов стерлингов), составила предмет контракта 1 февраля 1915 г., — вторая часть на сумму 10 000 000 фунтов стерлингов (десять миллионов фунтов стерлингов) денежных обязательств казначейства (краткосрочные обязательства), датированных 23 февраля 1915 г. и подлежащих оплате 22 февраля 1916 г., предоставляется в распоряжение банкирского дома гг. братьев Беринг и К⁰ Ltd.

Ввиду того, что министр финансов решил приступить к эмиссии на лондонском денежном рынке этой части в 10 000 000 фунтов стерлингов (десять миллионов фунтов стерлингов), гг. братья Беринг и К⁰ Ltd обязуются оказать содействие в целях обеспечения вышеуказанной эмиссии при посредничестве Английского банка, который соглашается взять на себя обязательство подписаться сам, начиная с 23 февраля 1915 г., на все те обязательства императорского казначейства, которые не были бы расписаны между покупателями, с тем, чтобы дать возможность объявить, что эмиссия полностью размещена.

Эти обязательства императорского казначейства будут размещены с удержанием учета, определенного в 5% (пять процентов), иначе говоря по 95% (девяносто пять процентов) номинальной цены каждого обязательства.

Они будут поделены на купюры — в 1 000 фунтов стерлингов (тысячу фунтов стерлингов) (6 000 купюр) и в 5 000 фунтов стерлингов (пять тысяч фунтов стерлингов) (800 купюр).

Императорское правительство обязуется целиком восполнить провизионное вознаграждение Английскому банку для оплаты этих обязательств в фунтах стерлингов не позже 20 февраля 1916 г.

Императорское правительство уплатит Английскому банку комиссию в $^1/_4$% (четвертая часть процента) с номинальной суммы в 10 000 000 фунтов стерлингов (десять миллионов фунтов стерлингов) и разрешает уплату куртажа в размере $^1/_8$% (восьмая процента).

Оно принимает на себя оплату английского налога, которому будут подлежать эти обязательства, расходы по изготовлению этих денежных бумаг в Лондоне, а равно другие издержки, которые выпадут на долю гг. братьев Беринг и К⁰ Ltd при выполнении этого контракта.

Суммы, полученные таким образом от размещения обязательств через посредство гг. братьев Беринг и К⁰ Ltd, будут внесены в кредит императорского казначейства на специальный счет, который будет ему открыт у гг. братьев Беринг и К⁰ Ltd.

Составлено в двух экземплярах в Лондоне 9 февраля 1915 г.

Российский министр финансов П. Барк.

Директор Ревельсток.

Помощник секретаря [подпись неразборчива].

№ 165. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 513. 10 февраля/28 января 1915 г.
Весьма доверительно.

Поклевский телеграфирует № 69 [1]: «Я сообщил Братиану об оставлении нами Южной Буковины и высказался за желательность занятия ее румынскими войсками для охраны населения от бедствий войны [2]. Братиану ответил, что весь румынский план кампании основан на движении главных сил на Арад, по направлению к Будапешту, при чем здешний генеральный штаб основывается на предположении, что мы будем твердо занимать Буковину. Оставление нами этой провинции несколько расстраивает румынский план, но все же последний дает такие преимущества, что румынское правительство и при нынешних обстоятельствах будет его придерживаться и лишь в случае войны выставит заслон со стороны Буковины».

Сазонов.

№ 166. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 80. 10 февраля/28 января 1915 г.

Lord Kitchener avec lequel ai eu sur son désir long entretien m'a parlé de trois questions: 1) Commandes guerre à effectuer à l'étranger. Il se met entièrement à la disposition de notre gouvernement pour faciliter exécution de nos commandes, il prie seulement qu'on fasse connaître au gouvernement britannique tous nos besoins et que nos représentants militaires soient munis de tels pleins pouvoirs qui leur permettraient de prendre des décisions sans retard. Il est surtout préoccupé de nous fournir des explosifs dans les quantités nécessaires. D'après son avis il est impossible d'exiger un seul explosif le toluol, puisque la production de ce dernier dans monde entier ne suffirait pas aux besoins de cette guerre et par

[1] От 9 февр./27 янв. 1915 г.

[2] В тел. Кудашеву от 4 февр./22 янв. за № 71 секретарь дипл. канцелярии при ставке Муравьев, посланный со специальной миссией в Буковину, высказал мысль о желательности, в целях большего сближения России с Румынией, предложить последней занять своими войсками Южную Буковину. Тел. Муравьева была доложена Янушкевичем Николаю II и последний одобрил это предложение «с тем однако, чтобы было условлено, что занятие того или иного пункта не предрешало его будущего присуждения России или Румынии» (тел. Янушкевича от 7 февр./25 янв. за № 46). 6 февр./24 янв. Сазонов тел. за № 438 предложил Поклевскому «осторожно затронуть» в разговоре с Братиану вопрос о возможности немедленного занятия Румынией Южной Буковины

conséquent il est nécessaire de penser aux autres explosifs existants et qui pourraient être fournis en quantité voulue [1]. Kitchener m'a répété qu'il prie de le considérer comme notre commissionnaire tout disposé à nous aider de son mieux, mais qu'il serait de la plus grande importance qu'il puisse traiter ici avec des représentants militaires ayant toute autorité. 2) Kitchener trouve qu'il serait de la plus grande utilité que l'action militaire des trois alliés soit coordonnée. Son idéal serait qu'on puisse effectuer une pression combinée à la fois par les trois alliés afin que l'offensive se fasse par tous à un jour et même à une heure déterminés pour produire le plus d'effet sur ennemi qui de tous les côtés serait assailli à la fois et serait dans impossibilité de disposer sur tous les théâtres de renforts. 3) Même question mentionnée par président république sur envoi d'un corps mixte aux Balkans. — Lord Moulton qui est spécialement chargé par ministère de la guerre d'élaborer une instruction nécessaire pour fournir à tous les alliés des explosifs et qui est venu me voir m'a entretenu du même sujet et m'a dit que jusqu'à présent malgré tous ses efforts il n'est pas parvenu à savoir au juste ce qu'il nous faut et m'a prié qu'on lui fournisse toutes les données nécessaires et qu'on lui donne possibilité de traiter avec des représentants militaires munis de pleins pouvoirs et disposant de l'autorité nécessaire.

Benckendorff.

Перевод.

Лорд Китченер, с которым, согласно его желания, я имел продолжительную беседу, говорил со мной по трем вопросам: 1) военные заказы, имеющие быть размещенными за границей. Он полностью отдает себя в распоряжение нашего правительства, дабы облегчить выполнение наших заказов. Он просит лишь о том, чтобы до сведения английского правительства было доведено о всех наших нуждах и чтобы наши военные представители были снабжены такими полномочиями, которые позволили бы им принимать решения без замедления. Он особенно озабочен вопросом доставления нам в нужном количестве взрывчатых веществ. По его мнению, невозможно требовать поставки только одного вещества, именно толуола, так как производства его в целом мире нехватит для нужд этой войны; поэтому необходимо подумать о других существующих взрывчатых веществах, которые могли бы быть доставлены в желательном количестве. Китченер мне повторил, что он просит, чтобы его рассматривали как нашего комиссионера, вполне готового помочь нам, сколько он может, но что крайне важно, чтобы он

[1] Тел. от 1 марта/16 февр. за № 874 Сазонов просил Бенкендорфа передать Китченеру просьбу мор. м-ва об удовлетворении новых заказов еще до конца года на следующие «взрывчатые вещества и материалы: 1 000 тонн тринитротолуола или 500 тонн толуола; 500 тонн пикриновой кислоты или 300 тонн фенола; 1 000 тонн бензола хотя бы 90% и 400 тонн селитры».

мог здесь вести переговоры с вполне авторитетными военными представителями. 2) Китченер находит весьма полезным, чтобы военные действия трех союзников были согласованы. Его идеалом была бы возможность производить одновременно согласованный между тремя союзниками натиск [на врагов] с тем, чтобы наступление начиналось всеми в определенный день и даже час с целью произвести наибольшее впечатление на врага, который, находясь под ударами со всех сторон, не имел бы возможности располагать подкреплением на всех театрах военных действий. 3) Все тот же вопрос, затронутый президентом Республики, о посылке смешанного корпуса на Балканы. — Лорд Мультон, которому специально поручено военным министерством выработать необходимую инструкцию для снабжения всех союзников взрывчатыми веществами и который посетил меня, говорил со мной о том же и сказал мне, что до сих пор, несмотря на все усилия, ему не удалось узнать в точности, что нам нужно; он просил меня, чтобы ему доставили все нужные данные и дали ему возможность вести переговоры с военными представителями, снабженными полномочиями и в достаточной мере авторитетными.

Бенкендорф.

№ 167. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 53. 10 февраля/28 января 1915 г.

Le ministre des finances prie transmettre au président du Conseil des ministres: Reçu votre télégramme No 496 [1]. 1. Les avances déjà accordées aux petits états par les alliés restent à la charge des alliés respectifs qui ont effectué débours. Ces débours seraient imputés sur emprunt garanti par les trois Puissances qui serait à réaliser au moment opportun. Seulement les avances à l'avenir seraient partagées par parties égales entre les trois Puissances, toutefois on ne pourrait exiger de nous de payer en francs ou en livres sterling, tout au plus nous mettrions à la disposition roubles Pétrograd, mais comme je l'avais indiqué, les avances seraient effectuées de fait pour notre compte par France et Angleterre. 2. En cas envoi or, Bank of England créditera Banque d'Etat contre-valeurs en livres sterling. Ayant en vue sauvegarde stock d'or et droit d'émission, j'ai notamment insisté sur deux points, savoir: envoi d'or seulement comme prêt, non vente, devant être restitué après certain délai Banque

[1] Тел. от 8 февр./26 янв., за № 496 Горемыкин, извещая Барка, что совет м-ров одобрил подписанное им соглашение, просил разъяснений: а) будет ли высчитана из займа падающая на Россию доля авансов, уже выданных Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии; б) в случае отправки в Англию золота в сумме 6 млн. ф. ст., откроет ли Английский банк русс. Государственному банку кредит на такую же сумму, и в) входят ли в 100 млн. ф. ст. полученные уже авансы в Англии на сумму в 32 млн. ф. ст. и во Франции на сумму в 500 млн. франков.

d'Etat, et puis — que contre-valeur puisse être inscrite au bilan Banque d'Etat. 3. L'accord intervenu entre les trois ministres vise opérations à l'avenir et ne peut englober crédits dont contrats ont été signés antérieurement. J'ai insisté là-dessus pendant durée notre négociation et suis parvenu à maintenir mon point de vue. En conséquence emprunt à réaliser pour 100 millions livres sterling dont 50 millions seront accordés comme avance au fur et à mesure de nos besoins par crédits directs en France et en Angleterre, sont en dehors des 12 et 20 millions livres sterling bons trésor négociés à Londres et 500 000 francs [1] négociés en France. Au total sommes négociées jusqu'à présent seraient de 82 millions livres sterling en Angleterre et de 1 750 000 000 de francs en France. Signé: Bark. Fin.

Iswolsky.

Перевод.

Министр финансов просит передать председателю совета: Ваша телеграмма № 496 получена. 1) Уже предоставленные союзниками малым державам авансы продолжают числиться за соответствующими союзниками, произведшими расход. Эти расходы будут отнесены на счет гарантированного тремя державами заёма, который будет реализован в подходящий момент. Лишь будущие авансы будут распределяться в равных долях между тремя державами; тем не менее от нас нельзя будет потребовать платить во франках или в фунтах стерлингов. Мы в крайнем случае предоставили бы рубли в Петрограде, но, как я указал, авансы будут в действительности производиться за наш счет Францией и Англией. 2) В случае посылки золота Английский банк будет кредитовать Государственный банк соответствующей суммой в фунтах стерлингов. Имея в виду сохранение золотого запаса и права эмиссии, я в особенности настаивал на двух пунктах: именно на посылке золота только в виде займа, а не продажи его, причем оно должно быть возвращено через некоторое время Государственному банку, а также на том, чтобы эквивалент мог быть занесен в баланс Государственного банка. 3) Соглашение, состоявшееся между тремя министрами, имеет в виду будущие операции и не может распространяться на кредиты, предоставленные до его подписания. Я настаивал на этом в течение наших переговоров, и мне удалось провести до конца мою точку зрения. В результате в заем, реализуемый в сумме 100 миллионов фунтов стерлингов, из коих 50 миллионов будут выплачиваться в виде авансов, по мере нашей нужды в таковых, путем непосредственных кредитов во Франции и Англии, не входят обязательства казначейства на 12 и 20 миллионов фунтов стерлингов, предоставленных в Лондоне, и на 500 000 франков, предоставленных во Франции. Всего в Англии до сих пор договорено о 82 миллионах фунтов стерлингов и во Франции о 1 750 000 000 франков. Подпись: Барк. Конец.

Извольский.

---

[1] В оригинале ошибка: следует читать: 500 000 000.

№ 168. Французский министр иностранных дел Делькассе французскому послу в Петрограде Палеологу.

Телеграмма [1]. 10 февраля/28 января 1915 г.

Notre ministre à Bucarest me communique le télégramme ci-dessous:

L'attaché militaire à ma légation me prie de transmettre à votre excellence le télégramme suivant:

«Le lieutenant colonel Mircesco, attaché militaire à Berlin, a conquis la confiance des Allemands par son attitude. Après avoir visité les fronts de combat occidental et oriental, il a été appelé par l'empereur Guillaume au quartier général de l'armée de Pologne.

En présence de Mr. de Jagow, l'empereur Guillaume lui a remis une lettre autographe pour le roi de Roumanie et l'a envoyé à Bucarest en lui disant: «Allez rapporter au roi Ferdinand ce que vous avez vu. Dites lui bien que nous sommes sûrs du succès. Il est indispensable que la Roumanie se décide maintenant, nous sommes toujours ses alliés dont elle n'a pas à se plaindre; somme toute, elle n'a à se plaindre que des Hongrois, et la Transylvanie lui reviendra un jour. Votre opinion publique me semble déjà plus raisonnable. L'agitation contre nous a cessé. J'ai confiance en Mr. Bratiano et en Mr. Marghiloman; Mr. Carp est un homme de tête; Mr. Philipesco s'est calmé et Mr. Take Jonesco n'est qu'un vulgaire ambitieux. Je vous demande six divisions, pas plus, bien que vous puissiez disposer de vingt-cinq divisions. En me fournissant six divisions pour opérer en Bukovine, nous serons entièrement débarrassés des Russes en quelques semaines».

Le personnage politique qui, sous le sceau du secret le plus absolu, m'a révélé cette mission ajoute que la lettre autographe doit avoir pour objet surtout de mettre le roi dans le plus grand embarras.

Перевод.

Наш посланник в Бухаресте сообщает мне нижеприведенную телеграмму:

Военный атташе при моей миссии просит меня передать вашему превосходительству следующую телеграмму:

«Военный атташе в Берлине подполковник Мирсеску своим поведением завоевал доверие немцев. После посещения западного и восточного фронта военных действий он был приглашен императором Вильгельмом в главную квартиру армии в Польше.

В присутствии г. фон Ягова император Вильгельм передал ему собственноручное письмо для румынского короля и послал его в Бухарест, говоря: «Передайте королю Фердинанду все, что вы видели. Скажите ему, что мы уверены в

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

успехе. Необходимо, чтобы Румыния приняла решение теперь: мы продолжаем быть ее союзниками, на которых она не может пожаловаться. В общем она может быть недовольна лишь венграми, а Трансильвания со временем к ней вернется. Ваше общественное мнение стало, мне кажется, уже более разумным. Агитация против нас прекратилась. Я питаю доверие к г. Братиану и к г. Маргиломану; г. Карп — человек с головой; г. Филиппеску успокоился, а г. Таке Ионеску лишь заурядный честолюбец. Я у вас прошу шесть дивизий, не более, хотя вы могли бы располагать двадцатью пятью. Если вы мне предоставите шесть дивизий для операции в Буковине, мы совершенно отделаемся от русских в течение нескольких недель».

Политический деятель, который под условием соблюдения строжайшей тайны поведал мне об этой миссии, добавил, что собственноручное письмо должно иметь главным образом целью поставить короля в крайне затруднительное положение.

№ 169. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 51 [1]. 10 февраля/28 января 1915 г.
Весьма доверительно.

Видел вчера Радославова, который по собственному почину спросил меня, что привез «парижский гость», намекая на герцога Гиза [2]. Я отозвался незнанием. Из дальнейшего разговора и намеков Радославова было ясно, что король говорил с ним о миссии герцога и, вероятно, поручил ему в разговоре со мною загладить впечатление полученного герцогом отказа. Радославов сказал, что теперь наступило для правительства самое трудное время, так как оно чувствует, что пришел момент изменить характер строгого нейтралитета, которого до сих пор держалась Болгария и что его работа состоит в том, чтобы этого момента не упустить. С одной стороны, он видит, что державы Тройственного согласия ставят непременным условием активное выступление Болгарии против Турции, а с другой — сознает, что эта война была бы непопулярна, так как весь народ считает, что он положил достаточно человеческих жизней в неравной борьбе против Турции; что, как славянин, он страдает от сознания, что не может притти на помощь России в ее борьбе за славянские интересы [3]. Я ответил, что если он пра-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 105.

[2] См. №№ 100, 153, 156.

[3] 4 февр./22 янв. Тарновский телеграфировал в Вену: «Министр-президент сегодня выразил радость по поводу того, что принц Борис ненавидит Россию гораздо больше, чем король. Министр-президент слышал, что Борис так громко выражает отвращение к России, что даже должен был его призвать к осторожности, на что принц ответил, что его ненависть к России так велика, что он едва в состоянии владеть собой. Министр-президент сказал: это счастье для Болгарии» (тел. за № 102, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел).

вильно понимает интересы своей страны, то его поведение было бы совершенно ясно и что он давно воспользовался бы неоднократно предлагавшимися Россией случаями вступить с нею в доверчивые переговоры, которые и могли бы разъяснить положение, что, медля бесконечно, Болгария рискует и в этот раз прогадать, не говоря уже о том тяжелом впечатлении, которое получается у всех русских и славян вообще от этой нерешительности. «Счастье проходит мимо вас, — сказал я, — и вы рискуете его упустить. Вместо того, чтобы обратиться к России,— сказал я,— вы получаете деньги от немцев». По этому поводу он клялся, что эта ничтожная финансовая операция никакого политического значения не имеет и что Болгария не может связывать себя с Германией, союзницей Турции, уничтожение которой одинаково желательно и для Болгарии и для России. Я передаю несколько подробнее этот разговор на случай, если бы ваше высокопревосходительство в полученном Болгарией авансе также впоследствии не усматривали непреодолимого препятствия для возобновления тех переговоров, которые недавно велись между тремя кабинетами Согласия. Если бы это случилось, думаю, на основании совокупности всех имеющихся у меня данных, что было бы практичнее и целесообразнее не ставить болгарскому правительству условием активное выступление, а лишь требовать придать открыто и на деле нейтралитету дружественный нам характер.

Савинский.

№ 170. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

/. Письмо. 10 февраля/28 января 1915 г.

Très confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai pris la liberté de vous adresser un long télégramme [1] à la suite de celui de Poclevsky sub No 62, qui rendait compte du point de vue de Mr. Bratiano sur les propositions du Cabinet d'Athènes visant une coopération roumano-grecque. A mon télégramme j'ai cru devoir annexer les instructions textuelles de Mr. Vénizélos au ministre de Grèce à Bucarest; je vous transmets, par la présente, la pièce en question pour plus de sûreté, en y joignant une copie de la réponse télégraphique de Mr. Psycha.

[1] Демидов имеет в виду тел. от 5 февр./23 янв. за № 38, состоящую из двух частей. В тел. за № 1 Демидов, ссылаясь на тел. Поклевского за № 62 (см. № 122), возражал против высказанного Братиану мнения, что Греция стремится «завлечь» Румынию в конфликт с Болгарией. За № 2 он передал тел. Венизелоса греч. посланнику в Бухаресте (см. приложение № 1 к публ. документу).

On ne saurait plus habilement altérer, semble-t-il, les intentions du gouvernement hellénique, en leur attribuant un sens agressif à l'endroit de la Bulgarie. Mr. Vénizélos m'avait déjà déclaré que la réponse roumaine lui paraissait rien moins que satisfaisante et que, tout en réprouvant l'attitude trop passive du représentant hellène devant les allégations du président du Conseil de Roumanie, il avait chargé Mr. Psycha de s'élever contre la thèse, selon laquelle la Grèce chercherait à édifier une combinaison dont la pointe serait dirigée contre la Bulgarie. Le but que se propose la Grèce tend à immuniser autant que possible le virus bulgare afin de permettre à la Roumanie de réaliser ses visées nationales sans craindre une attaque sur ses derrières. Avec leurs 800 000 bayonnettes, les trois pays — Roumanie, Serbie, Grèce — seraient largement en état de faire face à deux tâches—paralyser la Bulgarie et lutter victorieusement contre les Austro-Allemands. On admet volontiers, — et l'on s'en féliciterait, — que, ce but atteint, la Bulgarie suive le courant général sur la Péninsule et s'en prenne à la Turquie.

Si notre premier appel à la Grèce pour soutenir son alliée fut infructueux, j'ai l'impression très nette aujourd'hui, que, l'appât d'Asie Mineure aidant, ce pays épouserait ouvertement notre cause, pourvu que la Roumanie entrât en lice. Or, à en juger d'après l'intéressant entretien rapporté par Poclevsky, Mr. Bratiano semble vouloir chercher des prétextes à temporisation. Il est aussi difficile de déclancher, en cette heure grave, les Etats balkaniques, qu'il l'était naguère de les retenir. Les motifs réels de l'hésitation roumaine ne me paraissent pas bien clairs: rigueurs d'une campagne d'hiver, défauts de préparatifs militaires, craintes excessives de la Bulgarie, doutes subsistants encore à l'endroit de l'issue finale du conflit, méfiances à l'égard du slavisme, opposition sourde d'une oligarchie terrienne appréhendant le reveil de la question agraire avec l'acquisition de la Transylvanie, sécurité, enfin, fondée sur un accord avec nous, aux termes duquel la Roumanie se serait réservé le choix du moment de son entrée en campagne, — tous ces mobiles divers ne présentent point, semble-t-il, d'insurmontables obstacles à une ferme décision d'agir.

Quant à la Bulgarie, la récente conclusion à Berlin de l'emprunt de 150 millions qui la lie, dit-on, jusqu'au mois de juillet prochain, je crains qu'elle n'ait assumé certains engagements politiques avec nos ennemis et que toutes les complaisances grecques pour la déterminer à se joindre à l'Entente n'aient plus grande valeur à ses yeux et aux nôtres. Dans ces conditions, l'Angleterre a repris l'idée de secourir la Serbie, tout en intimidant la Bulgarie, par l'envoi d'un corps expédi-

tionnaire sur la Péninsule, d'accord avec la France qui en ferait de même. Mon collègue Sir F. Elliot n'attend que la réception par Mr. Deville d'instructions identiques dans ce sens pour demander officiellement au gouvernement hellénique le libre passage par Salonique de ce corps d'armée. Cette demande doit être faite, aux termes des instructions d'Elliot, même au cas où la Russie ne croirait pas pouvoir suivre cet exemple dans le nord. L'apparition d'un contingent anglo-français venant du sud et surtout d'un autre, russe, par la voie septentrionale, produirait sans nul doute un sérieux effet sur le Bulgare et lui en imposerait. Reste à savoir s'il nous est possible de distraire une partie de nos troupes à cette fin; reste à savoir aussi ce que dira Mr. Vénizélos d'une action devant compromettre, de façon définitive, la Grèce aux yeux des Austro-Allemands. Je suis porté à croire que cette démarche serait susceptible de faire pencher la balance hellénique vers le parti de l'action, solidaire avec l'Entente.

Mais nous en revenons toujours à la même antienne: brider la Bulgarie. Je ne saurais mieux faire, à ce propos, que de vous citer les paroles d'un fin observateur, qui fut, trois ou quatre années durant, ministre d'Italie à Sofia. Lorsque je témoignai au comte Bosdari ma surprise au sujet de l'attitude, réellement surprenante, de la Bulgarie: «C'est une lamentable illusion, — me dit-il — que vous autres Russes ne cessez d'entretenir à l'encontre de toute évidence et qui consiste à croire que vous pourrez ramener la Bulgarie, sous son souverain actuel, dans votre giron. Le roi Ferdinand a, depuis des années, partie liée avec Vienne et Berlin; en ma qualité de spectateur en quelque sorte, j'ai pu m'en convaincre, attendu qu'on ne craignait pas trop de me prendre pour confident. Ce n'est qu'à la dernière extrémité et lorsque tout espoir de victoire germanique se sera évanoui, que vous pourrez vraisemblablement compter sur un revirement favorable dans l'esprit des gouvernants bulgares».

Le départ du ministre d'Allemagne n'est plus qu'une question de jours. Son successeur, le comte Mirbach, arrive incessamment, dit-on, à bord d'un contre-torpilleur que le gouvernement hellénique mettrait à sa disposition à Brindisi de crainte des visites en mer imposées par les escadres alliées. Le comte Mirbach serait envoyé à Athènes, — non pas, ainsi que je vous l'ai télégraphié par erreur, en qualité de «chargé d'affaires», mais «en mission spéciale» temporaire; on ne doute pas qu'il ne soit nommé par la suite, au poste de ministre en Grèce. Quant au comte de Quadt, il part sans esprit de retour en emportant avec lui tous les regrets, ce qui fait qu'il n'en laisse plus derrière lui.

Veuillez etc. Démidow

Перевод.

Весьма доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я решился послать вам длинную телеграмму, вследствие телеграммы Поклевского за № 62, дающей отчет о точке зрения г. Братиану касательно предложений афинского кабинета о греко-румынском сотрудничестве. К моей телеграмме я счел долгом присоединить текст инструкции г. Венизелоса греческому посланнику в Бухаресте; я препровождаю вам при сем для большей верности указанный документ, добавив к нему копию телеграфного ответа г. Психа.

Трудно, кажется, более искусно извратить намерение эллинского правительства, приписав ему агрессивные замыслы в отношении Болгарии. Г. Венизелос мне уже заявлял, что румынский ответ представляется ему совершенно неудовлетворительным и что, осуждая черезчур пассивную позицию, занятую эллинским представителем по поводу утверждений румынского председателя совета [министров], он поручил г. Психа возразить против тезиса, согласно которому Греция, будто бы, стремится создать комбинацию, острие коей направлено против Болгарии. Цель, поставленная себе Грецией, состоит в обеаврежении по возможности болгарской заразы, дабы дать возможность Румынии добиться осуществления ее национальных стремлений, не опасаясь нападения с тыла. С их 800 000 штыками три страны — Румыния, Сербия и Греция — были бы вполне в силах выполнить две задачи — парализовать Болгарию и победоносно бороться против австро-германцев. Здесь охотно допускают — и были бы этому рады, — что как только эта цель будет достигнута, Болгария последует за общим течением на полуострове и примется за Турцию.

Если наш первый призыв, обращенный к Греции с тем, чтобы она поддержала свою союзницу, и не имел успеха, то теперь у меня сложилось вполне определенное впечатление, что под влиянием малоазиатской приманки эта страна открыто станет на нашу сторону, лишь бы выступила Румыния. Между тем, судя по интересной беседе, изложенной Поклевским, г. Братиану, повидимому, ищет предлогов к отсрочке. В этот серьезный момент столь же трудно поднять балканские страны, сколь некогда трудно было их удержать. Действительные причины румынских колебаний представляются мне не вполне ясными: трудности зимнего похода, недостатки в военной подготовке, чрезмерный страх перед Болгарией, существующие еще сомнения насчет конечного исхода конфликта, недоверие к славянству, глухая оппозиция со стороны землевладельческой олигархии, опасающейся пробуждения аграрного вопроса в связи с приобретением Трансильвании и, наконец, чувство обеспеченности, вытекающее из соглашения с нами, по которому Румыния сохраняет за собой право выбора момента для своего вступления в войну, — все эти разнообразные мотивы не представляют, казалось бы, непреодолимых препятствий к твердому решению перейти к действию.

Что касается Болгарии, то в связи с недавно заключенным в Берлине займом в 150 миллионов, который, как говорят, связывает ее до будущего июля, я опасаюсь, что она приняла на себя некоторые политические обязательства по отношению к нашим врагам и что вся предупредительность со стороны греков, направленная к тому, чтобы убедить ее [Болгарию] присоединиться к Антанте, не имеет ни в ее, ни в наших глазах большого значения. При этих условиях Анг-

лия вернулась к мысли помочь Сербии, запугивая вместе с тем Болгарию посылкой экспедиционного корпуса на Балканский полуостров в согласии с Францией, которая со своей стороны поступит так же. Мой коллега сэр Ф. Эллиот ожидает лишь получения г. Девиллем тождественных инструкций в этом смысле, чтобы официально потребовать от греческого правительства свободного прохода этого корпуса войск через Салоники. Это требование, согласно инструкции Эллиота, должно быть предъявлено даже в том случае, если Россия не сочтет возможным последовать этому примеру на севере. Появление англо-французского контингента с юга и в особенности другого, русского, северным путем произвело бы, без всякого сомнения, серьезное впечатление на болгар и оказало бы на них свое воздействие. Остается лишь выяснить, возможно ли будет для нас отвлечь с этой целью часть наших войск. Неизвестно также, что скажет Венизелос о шаге, который должен окончательно скомпрометировать Грецию в глазах австро-германцев. Я склонен думать, что этот шаг может вывести Грецию из равновесия, склонив ее к выступлению совместно с Антантой.

Но мы опять возвращаемся к той же старой теме: обуздать Болгарию. В этом отношении я не могу сделать ничего лучшего, как привести слова тонкого наблюдателя, который был в течение 3—4 лет итальянским посланником в Софии. Когда я выразил графу Боздари мое удивление по поводу действительно необыкновенной позиции Болгарии, он мне сказал: «Прискорбной иллюзией, которую вы, русские, не перестаете лелеять вопреки всякой очевидности, является уверенность в том, что вам удастся вернуть Болгарию при ее нынешнем повелителе в ваше лоно. Король Фердинанд в течение многих лет ведет общую игру с Веной и Берлином; в качестве своего рода зрителя я мог в этом убедиться, так как в Софии не очень боялись доверять мне свои тайны. Лишь в случае крайней необходимости и когда всякая надежда на германскую победу исчезнет, вы будете, вероятно, иметь возможность рассчитывать на благоприятный поворот в умах болгарских правителей».

Отъезд германского посланника ожидается через несколько дней. Его преемник граф Мирбах приезжает на-днях, как говорят, на эскадренном миноносце, который греческое правительство предоставит в его распоряжение в Бриндизи из опасения осмотра в море со стороны союзных эскадр. Граф Мирбах, будто бы, посылается в Афины не в качестве «поверенного в делах», как я вам по ошибке телеграфировал, но с временной «специальной миссией»; не сомневаются, что он будет назначен впоследствии на пост посланника в Греции. Что касается графа фон Квадта, то он уезжает без надежды на возвращение, увозя с собой все сожаления, которые таким образом он не оставляет здесь по себе.

Примите и пр.

Демидов.

Приложение I.

Греческий министр иностранных дел Венизелос греческому посланнику в Бухаресте Психа.

Телеграмма. 25/12 января 1915 г.

Strictement confidentiel.

Vous prie voir d'urgence président [du] Conseil [des] ministres et lui faire, sous le sceau du secret le plus absolu, la communication suivante: Dans le

cas où la Roumanie, considérant qu'il serait dans l'intérêt des pays balkaniques de ne pas laisser la Serbie être écrasée par l'Autriche-Hongrie et l'Allemagne, ce qui compromettrait l'indépendance et la liberté d'action des Etats chrétiens des Balkans, serait disposée à prêter son appui à la Serbie menacée, la Grèce se déclare aussi prête à participer à la guerre pour aider la Serbie, en coopération avec la Roumanie. Pour faciliter une entente entre tous les Etats chrétiens des Balkans, la Grèce à déclaré au gouvernement serbe qu'elle ne s'oppose pas à des concessions que la Serbie pourrait être disposée à faire à la Bulgarie, à la condition que celle-ci prenne part à la guerre contre la Turquie ou au moins qu'elle conserve une neutralité non malveillante, et aussi à la condition que la Serbie réalise ses aspirations du côté de l'Adriatique. En prenant après mûre réflexion ces résolutions, la Grèce croit servir la cause des Etats chrétiens balkaniques et garantir leur indépendance et leur essor dans les limites assignées à chacun d'eux par leurs droits nationaux.

Перевод.

Строго доверительно.

Прошу вас немедленно посетить председателя совета министров и сделать ему под условием соблюдения абсолютной тайны следующее сообщение: В случае если Румыния, признав, что в интересах балканских стран не допустить, чтобы Сербия была разгромлена Австрией и Германией, — что скомпрометировало бы независимость и свободу действия христианских держав на Балканах, — была бы склонна оказать свою поддержку Сербии, находящейся в опасности, то Греция заявляет, что она также готова принять участие в войне, чтобы совместно с Румынией помочь Сербии. В целях облегчить соглашение между всеми христианскими балканскими государствами Греция заявила сербскому правительству, что она не возражает против уступок, каковые Сербия могла бы сделать в пользу Болгарии при условии, чтобы последняя приняла участие в войне против Турции или, по крайней мере, соблюдала бы невраждебный нейтралитет и чтобы Сербия осуществила свои стремления на Адриатическом побережьи. Принимая после зрелого размышления эти решения, Греция полагает, что служит делу балканских христианских государств и обеспечивает их независимость и их развитие в пределах, предуказанных каждому из них их национальными правами.

Приложение II.

Греческий посланник в Бухаресте Психа греческому министру иностранных дел Венизелосу.

Телеграмма. 28/15 января 1915 г.

Strictement confidentiel.

En réponse à la communication que je lui ai faite, d'accord avec la dépêche télégraphique sub No 361, le président du Conseil m'a dit ce qui

suit: Mr. Bratiano considère qu'aucune modification n'est survenue à la situation (pour devier de) la réponse qu'il m'a faite naguère à une proposition analogue. Aujourd'hui comme alors le président du Conseil ne croit pas pouvoir adhérer à une combinaison qui pourrait avoir une pointe contre la Bulgarie. Il veut surtout éviter de voir (se greffer) sur un conflit européen un conflit balkanique et, s'il désire ardemment l'union des Etats balkaniques chrétiens, il ne lui convient en aucune façon que cette union se forme contre la Bulgarie. Il prend note avec satisfaction de ce que nous n'ayons pas d'objections aux concessions que la Serbie pourrait, dans les conditions mentionnées, consentir à la Bulgarie et croit, d'ailleurs que les craintes que nous manifestons au sujet de l'agrandissement démesuré de la Bulgarie sont toutes illusoires. La Bulgarie ne trouvera jamais libre le champ balkanique, car elle ne s'agrandira que parallèlement à la Serbie, la Roumanie et la Grèce, cette dernière pouvant s'attendre à obtenir l'Epire, les îles et peut-être d'autres territoires encore. Le président du Conseil regrette que cette vérité soit méconnue en Serbie, où l'on fait preuve d'esprit fort peu conciliant; aussi il évitera de prendre envers elle un engagement tel, par exemple, que celui que je lui propose, qui, en éliminant les dangers inhérents à la situation serait de nature à la fortifier dans son intransigeance. J'ai pu constater, non sans satisfaction que, de tous les entretiens que j'eus jusqu'à ce jour avec Mr. Bratiano sur la situation balkanique, ce dernier est le seul où il ne s'est pas revenu avec insistance sur la (thèse) de concession de notre part à la Bulgarie.

Перевод.

Строго доверительно.

В ответ на сообщение, которое я ему сделал согласно вашей телеграмме за № 361, председатель совета [министров] сказал мне следующее: Г. Братиану считает, что никакой перемены в положении не последовало, чтобы видоизменить ответ, который он мне в свое время дал на аналогичное предложение. Теперь, как и тогда, председатель совета [министров] не считает возможным присоединиться к комбинации, острие которой могло бы быть направлено против Болгарии. Он желает главным образом избежать, чтобы на европейском конфликте вырос конфликт балканский, и если он горячо желает объединения балканских христианских государств, то он нисколько не желает, чтобы это объединение было направлено против Болгарии. Он с удовлетворением принимает к сведению, что мы не имеем возражений против уступок, которые Сербия при указанных условиях могла бы сделать в пользу Болгарии, и думает, кроме того, что опасения, которые мы проявляем по поводу чрезмерного увеличения Болгарии, совершенно неосновательны. Болгария никогда не найдет балканскую арену свободной, так как она будет расти лишь параллельно с Сербией, Румынией и Грецией. Последняя могла бы получить Эпир, острова и, быть может, еще другие

территории. Председатель совета [министров] сожалеет о том, что эта истина не осознана в Сербии, где царит весьма непримиримое настроение. Поэтому он не примет в отношении ее обязательств, как, например, то, которое я ему предлагаю и которое, устраняя опасности, связанные с существующим положением, способно было бы укрепить ее непримиримость. Я мог отметить, не без удовлетворения, что из всех бесед, которые я до сих пор имел с г. Братиану о положении на Балканах, последняя была единственной, в которой он не вернулся с настойчивостью к тезису об уступке с нашей стороны в пользу Болгарии.

№ 171. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 534 [1]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Копия в Лондон.

Телеграммы №№ 46 [2] и 51 [3] получены.

Нам кажется, что открытое присоединение к нам Персии, с объявлением последнею войны Турции, не могло бы принести нам существенной пользы ввиду бессилия шахского правительства. С другой стороны, это повлекло бы за собою обязанность для нас и Англии не только снабжать персов деньгами и оружием, но и, быть может, оказывать им вооруженную помощь там, где это было бы для нас крайне затруднительным, как, например, в Керманшахском районе. Непосредственное участие в войне дало бы, кроме того, персам право требовать впоследствии известного вознаграждения. Хотя персы несомненно получат таковое и за благожелательный нейтралитет, но это будет носить иной характер, и нам, быть может, удастся в таком случае добиться взамен каких-либо выгод в Персии.

Ввиду этого, казалось бы, нет надобности добиваться от Персии большего, чем благожелательного нейтралитета, который должен выразиться в решительном противодействии германо-турецким интригам и воспрепятствовании, по мере возможности, проникновению турок на персидскую территорию, путем не только протестов и воздействия на своих курдов, но, быть может, и партизанских действий пограничных персидских племен против турецких банд.

Что касается возможной перемены в составе тегеранского кабинета, то мы не допускаем мысли, чтобы шах мог призвать людей, способных толкнуть Персию на гибельный путь союза с нашими противниками, особенно после блестящих побед наших и англичан над турками.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 139.

[3] См. № 158.

№ 172. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

*/. Телеграмма № 541 [1]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Копия в Тегеран (для руководства и исполнения).

Телеграмма № 273 [2] получена.

Разделяя вполне мнение вашего сиятельства о нежелательности приезда велиагда в Тавриз, я в свое время уже поручал посланнику высказаться в этом смысле перед тегеранским кабинетом [3]. Нам было бы однако неудобно произвести слишком сильное давление на шахское правительство, чтобы добиться отмены принятого им решения. Посылкою наследника престола в Азербайджан персы желают наглядно подтвердить свои права на эту провинцию, и наш протест против этого лишь усилил бы давнишние толки о нашем намерении завладеть ею, что особенно нежелательно в настоящее время. Мы можем, конечно, настаивать на том, чтобы окружающие велиагда лица соответствовали нашим видам, и, насколько мне известно, явно нежелательных нам лиц или германско-турецких агентов в свите принца не имеется. Относительно жандармов тегеранский кабинет уже предупрежден, что при малейшем поводе они будут нами обезоружены и высланы из Тавриза, [4] шведские же офицеры туда совсем не будут допущены. В случае каких-либо интриг, нам нетрудно будет добиться и отозвания виновных приближенных принца. С другой стороны, приобретя влияние на последнего, — что должно быть нашей главной задачей, — мы в значительной мере развяжем себе руки и окончательно ослабим вмешательство центрального персидского правительства в азербайджанские дела [5]. В изложенном смысле мною даются указания нашему посланнику.

Сазонов.

---

[1] Лит копия.

[2] См. № 154.

[3] См. № 45.

[4] См. стр. 203, прим. 1.

[5] Ссылаясь на тел. Коростовца за № 24 (см. № 91), Клемм тел. от 2 февр./20 янв. за № 362 предлагал консулу в Тавризе Орлову принять все меры к тому, чтобы «установить с велиагдом и его окружающими дружественные и доверчивые отношения», ограждая всячески «личное положение и достоинство принца». Тел. от того же числа за № 363 Сазонов сообщил наместнику на Кавказе, что необходимо оказать велиагду воинские почести при вступлении в Тавриз «ввиду его положения и данных им обещаний руководствоваться указаниями наших представителей и поддерживать дружбу с Россией».

№ 173. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 29 [1]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Благоволите передать генералу Янушкевичу для доклада его императорскому высочеству верховному главнокомандующему: Французский и английский послы сообщили мне сегодня, что вопрос о посылке их правительствами по одной дивизии в Салоники решен окончательно. Я считаю крайне нежелательным с политической точки зрения, чтобы наши союзники оказали без нас Сербии помощь, которой приписывают главным образом нравственное значение. Считаю поэтому полезным, чтобы намеченная для посылки в Сербию ополченская бригада прибыла туда по возможности одновременно с союзническими войсками. Прошу срочного ответа [2].

Сазонов.

№ 174. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 85 [3]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Grey m'a parlé aujourd'hui des ouvertures adressées à Vénizélos par commandant du premier corps d'armée turque [4]. Grey n'y attache pas importance sérieuse, mais pense qu'il ne faudrait pas entièrement décourager tentatives dont au moment opportun on pourrait tirer parti pour Turquie d'Asie surtout, qu'il fallait seulement s'abstenir de toute perspective de garantie à donner aux turcs et qu'il entendait ne modifier en rien ce qu'il avait dit sur question Détroits [5] dont il considérait la solution au moment de la paix commune nécessaire pour une paix stable.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил мне сегодня о предложениях, сделанных Венизелосу командиром первого турецкого армейского корпуса. Грей не придает этому серьезного значения, но полагает, что не следует окончательно отводить подобные попытки.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 139.

[2] Тел. от 12 февр./30 янв. за № 59 Кудашев сообщил, что в связи с принятым Англией и Францией решением «верховный главнокомандующий предполагает послать в Сербию не только бригаду ополченцев, но и один казачий полк», а тел. от 13 февр./31 янв. за № 61 в. кн. Николай Николаевич известил Сазонова о согласии на это Николая II.

[3] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 239.

[4] Ср. № 145.

[5] См. т. VI, № 484.

Они в подходящий момент могут быть использованы, в особенности для Азиатской Турции. Следует лишь воздержаться от каких-либо обещаний гарантий туркам. Грей, по его словам, не намерен ни в чем изменять того, что он сказал по вопросу о Проливах, разрешение коего в момент общих мирных переговоров необходимо, по его мнению, для прочного мира.

Бенкендорф.

№ 175. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 54 [1]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши №№ 497 [2], 498 [3], 506 [4], 507 [5] и 508 [6].

Переговорил сегодня по их содержанию с Делькассе, который вернулся вчера вечером из Лондона [7]. Он сказал мне, что еще не успел обдумать ваше предложение. При этом он ознакомил меня с телеграммами из Ниша и Софии, из коих явствует, с одной стороны, что Пашич ни за что не пойдет далее своей декларации 1 сентября [19 августа] [8], а с другой, — что никакие обещания не побудят Болгарию сойти с занятой ею нейтральной позиции, покуда не наступят те или другие решительные военные события. Ему кажется, что намеченные вами шаги в Нише, и в особенности в Софии, могли бы оказаться более действительными, если бы они совпали с предположенной посылкой на Балканский полуостров союзных войск. Во время своего пребывания в Лондоне он убедился, что английское правительство, в особенности лорд Китченер, очень настаивают на этой посылке. По поводу отзыва нашего верховного главнокомандующего, что он может уделить для (Сербии) полк, в Лондоне было высказано предположение, что посылке более крупного русского отряда, вероятно, препятствует недостаток не в людях, а в предметах вооружения. Если это так, то недостаток этот может быть восполнен Англией и Францией. Лорд Китченер убежден, что появление русских войск тотчас увлечет болгар и окажет решаю-

[1] Опубл. L. N., III, p. 58.

[2] См. № 161.

[3] См № 162.

[4] См. стр. 212, прим. 1.

[5] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 507 Сазонов предписал Трубецкому сделать совместно с франц. и англ. посланниками серб. прав-ву заявление, согласно тел. от 9 февр./27 янв. за № 497.

[6] См стр. 212, прим. 1.

[7] Тел. от 6 февр./24 янв. за № 47 Извольский сообщил, что «Делькассе выезжает сегодня вечером или завтра утром в Лондон, где он намерен пробыть два дня».

[8] См. т. VI, № 205.

щее влияние на румын. Делькассе склонен разделить это мнение, и, по его словам, Франция и Англия действительно могут помочь нам вооружить экспедиционный отряд. Он присовокупил, что ваше предложение в связи с возбужденным Англией вопросом о посылке войск, будет обсуждаться в совете министров в субботу, по возвращении президента Республики, находящегося в поездке на фронт.

Извольский.

№ 176. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 56. 11 февраля/29 января 1915 г.

Ваши телеграммы №№ 498 и 506 [1] получены.

Французский и английский посланники еще ничего не знают о переданной вами их правительствам памятной записке. Считая долгом повторить то, что было высказано мною вчера в конце телеграммы № 51 [2], боюсь, что во второй фразе вашей записки Болгария увидит, во-первых, наше нежелание считаться с ее соображениями относительно тяжести зимней кампании, и во-вторых, нарушение ее суверенных прав. Так как нам важно не поставить себя в открыто враждебные с Болгарией отношения, а достигнуть известного результата, то не нашли ли бы вы более целесообразным смягчить конец второй фразы, сделав ее менее обидной и более приемлемой для болгарского национального самолюбия. Приблизительная редакция этой фразы передается в отдельной телеграмме № 57 [3]. Для успеха шага, мне кажется, также было бы необходимо, чтобы всем трем посланникам было вменено в обязанность при передаче записки болгарскому правительству прибавить на словах, что в случае неполучения совершенно определенного и благоприятного ответа весь шаг станет широко известным общественному мнению страны, которая будет сама в состоянии оценить по достоинству преступное отношение к нему правительства. Кроме того, для полноты впечатления было бы желательно включить в текст записки,

[1] См. № 162 и стр. 212, прим. 1.

[2] См. № 169.

[3] Тел. от 11 февр./29 янв. за № 57 Савинский предлагал переменить конец второй фразы пам. записки Сазонова: «et se déclarer... indiqué» следующим образом «et de s'engager à entrer immédiatement après en pourparlers avec eux pour régler la question de l'entrée en action des forces armées de la Bulgarie» («и обязаться немедленно вслед за тем начать переговоры с ними для урегулирования вопроса о вступлении в действие военных сил Болгарии»). В ответ на это Сазонов тел. от 12 февр./30 янв. за № 569 предписал Савинскому придерживаться редакции тел. за № 498.

если к тому нет принципиальных препятствий, и те территориальные приобретения, на которые Болгария в праве рассчитывать во Фракии и Добрудже, так как отсутствие этого упоминания может дать повод говорить, что от сих последних мы теперь как бы отступаемся. Было бы полезно одновременно с правительством осведомить тем или другим образом и дворец. Для поддержания нашего традиционного престижа в Болгарии и на Балканах вообще Россия в лице своего представителя должна была бы выступить первая, а французский и английский посланники должны были бы получить совершенно определенные инструкции поддержать мои шаги. Это имеет колоссальное значение, и не далее как во время третьегоднешнего [1] разговора Радославова, несмотря на то, что (тот) хорошо знал, что я — младший по назначению из трех посланников, отметил с особым ударением, что я был последний из трех представителей, которые вручили ему идентичную ноту [9 декабря] 26 ноября [2]. Но для этого необходимо, чтобы английский посланник получил самое категорическое приказание из Лондона, а чтобы я и Панафье были об этом поставлены в известность. Кроме того, мне одному могло бы быть поручено сказать на словах, что союзники не требуют немедленного активного выступления Болгарии, потому что Россия в своей неусыпной заботливости о Болгарии и ее нуждах прониклась соображениями, представленными правительством в ноябре против зимней кампании, и убедит своих союзников на ней не настаивать. Приношу глубокое извинение за все эти соображения, высказать которые меня побудило горячее желание, чтобы предположенный вами шаг, столь желательный и важный, удался и сопровождался реальными результатами.

Савинский.

№ 177. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 47. 11 февраля/29 января 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 501 [3].

Греческое правительство воодушевлено желанием удовлетворить нашим требованиям относительно воспрещения вывоза из Греции и

---

[1] Так в оригинале.

[2] См. т. VI, № 627.

[3] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 501 Сазонов сообщал Демидову, что последний может присоединиться к заявлению франц. посланника в Афинах греч. прав-ву, содержащему просьбу принять меры к прекращению ввоза контрабанды через Салоники в Турцию.

транзита чрез Салоники военной контрабанды. Оно в настоящее время озабочено изысканием формулы, одновременно допускающей транзит в Сербию, а оттуда в Румынию и Россию необходимых припасов и воспрещающий вывоз и транзит таковых в Болгарию и Турцию, не подавая предлога к протестам. Политис полагает формулу эту найти в сохранении за союзническим обязательством Сербии преобладающего значения над предположенным королевским декретом об общем запрещении вывоза и транзита военной контрабанды [1].

Демидов.

№ 178. Болгарский посланник в Бухаресте Радев болгарскому посланнику в Петрограде Маджарову.

Телеграмма № 235 [2]. 11 февраля/29 января 1915 г.

Для сведения.

Русский полномочный министр уезжает сегодня или завтра в Петроград [3]. От одной миссии, принадлежащей к Тройственному согласию, я узнал, что он был вызван для личных объяснений, вследствие того, что высказал относительно политики Румынии оптимистическое мнение, которое было опровергнуто событиями. Между прочим, он посоветовал начать несчастное наступление в Буковине, выразив надежду, что оккупация этой области возбудит здешнее общественное мнение и заставит Братиану высказаться в пользу России. Из того же источника я узнал, что у г. Сазонова был конфликт с румынским посланником в Петрограде, который также делал обещания, оставшиеся неисполненными. Я должен добавить со своей стороны, что французский полно-

[1] Письмом от 27/14 февр. Демидов сообщил, что 16/3 февр. король подписал декрет «о предоставлении министру финансов права воспрещать транзит предметов, считаемых военной контрабандой». На основании этого декрета, росс. прав-во, по словам Демидова, «сможет приостановить по мере надобности и по соглашению с министром финансов вывоз и дальнейшее следование через Грецию всяких продуктов, воспрещение вывоза которых еще не последовало, но, по нашему мнению, желательно».

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского.

[3] Против Поклевского велась кампания советником миссии в Бухаресте Арсеньевым, флигель-адьютантом Веселкиным, воен. агентом Семеновым и другими. Их донесения сосредоточивались в военном ведомстве. Арсеньев отправил на имя Сазонова 21/8 февр. обвинительную записку против Поклевского на 20 страницах (опубл. Семенников «Монархия перед крушением», М. 1927 г., стр. 207). За время отсутствия Поклевского из Бухареста Сазонов запретил Арсеньеву самостоятельные сношения с рум. м-вом без разрешения из Петрограда. Ср. № 149.

мочный министр обвиняет своего здешнего русского коллегу в том, что он существенно повредил дипломатическим выступлениям Тройственного согласия в Бухаресте, обещав Румынии компенсации за ее нейтралитет, между тем как в действительности нужно было дать ясно понять Братиану, что Румыния не может рассчитывать ни на какие компенсации, если не решится воевать. Как я вам уже раньше сообщал, ни Англия, ни Франция не гарантировали русского обещания [1].

№ 179. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 129. 11 февраля/29 января 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил ваши №№ 497 [2] 498 [3]. Ссылаюсь на мой № 86 [4]. Копии в Париж и Лондон.

Со времени беседы с Иовановичем ни мои коллеги, ни я не считали себя уполномоченными вступать в новые объяснения с ним или с Пашичем; между тем последние могли бы быть с местной точки зрения полезными, если бы мы имели возможность сказать, что известное решение держав по существу непреклонно и не подлежит обсуждению, но что мы готовы принять во внимание соображения Пашича о наилучшей форме и способе самого заявления. Сделанное здесь без предупреждения и одновременно в Софии заявление может вызвать глубокое чувство горечи и уязвленного самолюбия, ибо сербы считают, что в праве рассчитывать на иное отношение союзных держав, чем к Болгарии. Это впечатление усилится тем, что союзные державы выступят с своими предложениями Болгарии в то время, как последняя ждет аванс из Германии и, следовательно, выказывает желание продолжать двусмысленную политику, пока принесшую ей только выгоды. Что ка-

[1] 14/1 февр. Кудашев в частном письме (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 123) писал Сазонову: «Янушкевич мне сказал, что вопрос об отозвании Поклевского государем решен. При этом он делал такие инсинуации по поводу Поклевского, что я только руками разводил». Янушкевич сказал: «Меня предупреждали дважды, притом чины вашего же министерства, в декабре 1913 г. и в марте 1914 г., что Поклевский — человек ненадежный и опасный».

Около половины февр. (ст. ст.) Янушкевич писал Сухомлинову: «С ужасом узнал, что Ков[елло] Покл[евский] оправдался и едет продолжать свое гнусное дело измены России. Неужели это упрямство С. Д. [Сазонова]? Ведь и Пустошкин это утверждает, а теперь и Веселкин, ех-товарищ по лицею этого Козла в огороде» (Переписка Сухомлинова с Янушкевичем, опубл. Кр. арх., т. III, стр. 30—31).

[2] См. № 161.

[3] См. № 162.

[4] См. № 128.

сается Болгарии, позволяю себе высказать следующие соображения. Как бы обширны ни были приобретения ее за счет сербской территории, но раз в Софии знают, что можно рассчитывать на уступки и со стороны Румынии, то одна Македония не удовлетворит болгар, вследствие чего можно ожидать от них уклончивого ответа. В предположенном заявлении сообщения кабинету [1] рядом с обещаниями есть угрозы. Мне кажется, это—лучший способ действий с болгарами, но эти угрозы получили бы больше веса, если бы державы могли выступить в Софии от имени Сербии, Румынии и Греции с солидарными уступками и заявлениями, что в случае отклонения предложений враждебное действие Болгарии против одного из союзников блока найдет их всех сплоченными. На этой почве легче добиться уступки от Сербии и Греции. Последняя, повидимому, готова на них при известных условиях [2].

Трубецкой.

№ 180. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 130. 11 февраля/29 января 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 129 [3].

Считаю долгом обратить внимание на редакционную разницу в текстах заявлений здесь и в Софии. В заявлении сербам сказано об уступке Болгарии «des parties du territoire serbe au sud» [4] и т. д. В заявлении болгарам сказано, что им обеспечивается «transfert des territoires de la Macédoine situés au sud» [5] и т. д. Так как в понятие Македонии входят и местности, отошедшие к грекам, то болгары могут воспользоваться этим распространительным толкованием, если после слова «Македония» не будет поставлено в кавычках [6] «сербской» [7]. Некоторое сомнение

[1] Так в оригинале; в лит. копии слово: «сообщения» исправлено карандашом на «сообщенном». Повидимому, следует читать: «Софийскому».

[2] В ответ на это Сазонов тел. от 12 февр./30 янв. за № 570 сообщил Трубецкому, что он не возражает против доверительного осведомления Пашича относительно принятого державами решения, если по местным условиям это представляется целесообразным. Тел. от 13 февр./31 янв. за № 131 Трубецкой сообщил, что франц. и англ. посланники не получили еще никаких инструкций относительно заявления серб. прав-ву.

[3] См. № 179.

[4] «Частей сербской территории, расположенных к югу...»

[5] «Передачу ей территорий Македонии, расположенных к югу...»

[6] Так в оригинале; следует читать: «в скобках».

[7] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4228, имеется проект пам. записки м-ва ин. дел Палеологу и Бьюкенену от 13 февр./31 янв. с пометой: «Non avenu», в котором предлагалось вставить после слова: «Македонии» слово: «сербской».

возникает также в обещании Сербии всей Герцеговины. Между тем на известную часть ее будет претендовать Черногория.

Трубецкой.

№ 181. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Депеша № 8. 11 февраля/29 января 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь неоднократно доносить вашему высокопревосходительству о колебаниях и сомнениях, испытываемых шахским правительством в связи с вопросом о сохранении им в будущем заявленного нейтралитета. Мостоуфи-оль-Мемалек в беседах со мной и великобританским посланником признался, что правительство пользуется достаточным влиянием в столице и в ближайших местностях, чтобы сдержать в должных границах туркофильские чувства населения, но в провинциях, особенно в пограничных, турецкая пропаганда, поддерживаемая духовенством, делает заметные успехи. Эти сведения, между прочим, подтверждаются донесениями наших консулов в Исфагани и в Керманшахе и секретными данными великобританской миссии о готовящемся в Курдистане и среди кашкайцев движении, в организации коего принимает, будто бы, деятельное участие здешнее турецкое посольство, старающееся, кроме того, вызвать промусульманское движение в самом Тегеране. Опасаясь, что правительству под давлением общественного мнения придется все более и более сближаться с Турцией, то есть вести пагубную для Персии политику, председатель совета министров и некоторые его товарищи пришли к заключению о необходимости занять более определенную позицию в смысле открытого перехода на сторону держав Согласия. Обращение к нам с более конкретными предложениями задерживается, по признанию Мостоуфи-оль-Мемалека, длящимся кризисом кабинета. При новой министерской комбинации пост министра внутренних дел займет принц Эйн-эд-Доуле, военное министерство поручат принцу Самсам-эс-Солтане, а министерство юстиции — Хаким-оль-Мольку. Тотчас же по сформировании этого министерства Мостоуфи-оль-Мемалек, сохраняющий пост председателя, возбудит вопрос о новой политической ориентировке и предложит соглашение с Россией и с Англией.

Дабы облегчить себе соответствующее выступление перед меджлисом и склонить на свою сторону общественное мнение, тяготеющее к Германии и к Турции, правительству необходимо иметь достаточно веские

основания, оправдывающие такой поворот политики. Поводом к разрыву с Портой могло бы быть вторжение турок в Персию, совершенные ими насилия и жестокости, как, например, казнь персидских чиновников, беззастенчивая агитация турецких официальных лиц под предлогом защиты ислама с целью вызвать междоусобие и внутренние беспорядки. Великобританский посланник, очень сочувствующий, как я имел честь телеграфировать [1], переходу Персии на нашу сторону, ввиду огромного морального впечатления от такого перехода на мусульманский мир, отметил также, как предлог для разрыва с Турцией, расхищение капиталов и драгоценностей шиитских святынь в Кербеле. Мостоуфи-оль-Мемалек выразил мнение, что все эти доводы покажутся недостаточно убедительными меджлису, который, вероятно, возбудит вопрос о присутствии русских войск, ввиду чего было бы хорошо получить от императорского правительства положительные заверения относительно удаления последних. Я объяснил персидским министрам, что ныне, в разгар военных действий с Турцией, когда приходится руководствоваться исключительно стратегическими соображениями, поднимать этот вопрос совершенно неуместно. Насколько мне известно, сэр В. Тоунлей поддержал сказанную точку зрения, пойдя даже дальше и посоветовал персам отказаться от мысли назначения в Тавриз великагда.

Я не вижу, что может нам дать официальный переход Персии на нашу сторону. Военного значения такой союз не имеет, ибо боевые качества персидских племен под большим сомнением, исключая разве бахтиар. К тому же власть Тегерана над ними чисто номинальная. Столь же сомнительно моральное впечатление персидского союза на наших мусульман, сохраняющих, повидимому, полную лойяльность. Отрицательная же сторона присоединения к нам Персии довольно ясна. Прежде всего нам придется считаться с чрезмерной притязательностью персов, которые думают, что окажут нам особое благодеяние, и потребуют несоразмерных компенсаций, на что мной уже указывалось в депеше от [31] 18 декабря минувшего года № 80 [2]. Кроме того, войдя в соглашение с Персией, мы свяжем свою свободу действия и лишим себя возможности урегулировать русско-персидские отношения

[1] См. № 158.

[2] В этой деп. Коростовец передавал имеющиеся у него сведения, что в качестве компенсаций за переход на сторону Антанты персы потребуют эвакуацию Азербайджана, крупный заем или аванс, снабжение оружием, сокращение процента по ссудам России и Англии и уменьшение таможенных пошлин; в качестве желательного условия упоминалась также уступка Кербелы и Неджефа.

при ликвидации войны, например, в деле установления нового режима в Азербайджане в связи с пересмотром англо-русского соглашения или в вопросе об оккупации Маку и Мугани в обеспечение персидских долговых обязательств [1]. Вот почему мне кажется, что сохранение нынешнего положения, то есть персидского нейтралитета, больше отвечает нашим интересам. Союз с Турцией мало вероятен, а если бы на него отважились тегеранские правители, то едва ли бы это очень изменило соотношение сил, тем более, что некоторые племена уже сражаются на стороне турок. Для Великобритании же открытый переход Персии на нашу сторону, конечно, выгоден в смысле нравственного влияния на Индию, Афганистан и вообще на мусульман, а также на арабские племена юга, с которыми англичанам, как слышно, уже приходится вести борьбу.

Хотя велиагд официально уже отбыл в Тавриз, но продолжает жить в загородном доме, выжидая счастливого дня для окончательного отъезда. Последний замедляется главным образом вследствие отсутствия средств и в надежде, что положение дел в Азербайджане станет более устойчивым и определенным. В душе шахское правительство и двор рассчитывали, что ко времени прибытия велиагда в Тавриз, там не будет ни русских, ни турок или что последние удалятся тотчас же по водворении новой администрации. Наше возвращение в Тавриз горько разочаровало персидских правителей, которые, впрочем, ничем не показали своего неудовольствия. Мне передавали, что шах отнесся к этому факту с раздражением, заявив, что «велиагд всетаки должен ехать».

При двукратной беседе с велиагдом я старался внушить его высочеству важность в обоюдных интересах дружить с Россией и поддерживать доверчивые отношения с нашими властями и учреждениями, не поддаваясь советам и происка злонамеренных лиц, стремящихся нас перессорить. Я подчеркнул, что Россия — ближайший сосед Пер-

[1] Тел. от 15/2 февр. за № 64 Коростовец, опять возбудив этот вопрос, сообщал следующее: «Ввиду невозможности для Персии при настоящей ее финансовой системе аккуратно платить даже по существующим ее займам и авансам, не говоря о новых обязательствах, и желательности избежать денежных пререканий, отражающихся неблагоприятно на наших взаимных отношениях, мне представляется более целесообразным обеспечить оказываемый Персии нами кредит фактическим образом, без особенного покуда соглашения, например, оккупацией Маку и Мугани». «Аналогичное положение на Юге Персии с погашением части англо-индийских займов посредством продажи островов Персидского залива, о чем уже не раз возбуждался вопрос индийским правительством, — заканчивал свою телеграмму Коростовец, — говорит в пользу осуществимости предлагаемой комбинации».

сии, к помощи коего она неоднократно прибегала, и что ей нужно особенно дорожить расположением императорского правительства, являющегося ее естественным покровителем. Я также указал на желательность не включать в состав свиты жандармов, заменив их казаками бригады. К сожалению, шахское правительство не отменило своего решения, и жандармы все же отправляются, но под командой персидских офицеров. Велиагд слушал меня весьма внимательно, заверяя в чувствах преданности государю императору и расположении к России. Его высочество выразил удовольствие, что начальником русского отряда в Тавризе состоит генерал Чернозубов, которого он помнит как командира казачьей бригады. Заговорив о приезде принца Шоа-эс-Солтане [1], велиагд поинтересовался узнать, как к нему относятся в Петрограде и пользуется ли он нашим доверием. Лично я не усматриваю вреда для нашего положения в Азербайджане от назначения велиагда правителем. Пребывание наследника престола в Тавризе, то есть в непосредственной близости к России, может облегчить наше воздействие на Тегеран, ускользающий по разным причинам от русского влияния, и в то же время способствовать обособлению этой провинции в политическом отношении. Ослабление зависимости Тавриза от столицы будет, вероятно, более достижимо при велиагде, чем при сменявшихся доныне правителях, принужденных для сохранения положения лавировать между нами и Тегераном.

Весьма благоприятное впечатление произвел на меня Низам-оль-Мольк, едущий с велиагдом в качестве пишкара, с которым я имел продолжительную беседу. Это — человек старого закала и независимого образа мыслей, отрицательно относящийся ко всем новшествам, начиная с меджлиса. На мой вопрос, почему выбор правительства остановился на нем, Низам объяснил, что, находясь давно не у дел и не преследуя личных выгод, он не принадлежит ни к какой партии и, вероятно, поэтому удостоился столь высокой миссии. Его выбрали также потому, что он уже занимал пост генерал-губернатора Азербайджана и состоял пишкаром при шахе Мохамеде-Али в бытность его величества велиагдом. Низам-оль-Мольк заявил, что ему даны широкие полномочия в смысле направления деятельности велиагда и контроля над поведением его высочества. Он намерен поддерживать нейтралитет, сообразуясь с обстоятельствами, и сохранять наилучшие отношения с русскими, являющимися старыми и верными друзьями Персии.

Примите и пр.

Коростовец.

[1] См. № 134.

№ 182. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

12 февраля/30 января 1915 г.

Sir E. Grey has discussed with Mr. Delcassé the question raised by the overtures made to the allies through the Greek Governement by a member of the Turkish Liberal Party [1]. Sir E. Grey told the French Minister for Foreign Affairs that a movement which might bring about the overthrow of the Committee and of their German Allies should, in his opinion, not be discouraged, though it would be impossible to give any guarantee of the kind asked for by the Commander of the Ist Army Corps (namely that no penalty should be incurred by Turkey for having sided with our enemies).

Sir E. Grey suggests that a reply might be given in general terms that, in the event of steps being taken to place a Turkish Governement in the position of being able to negotiate for peace with the Allies, the latter would be disposed to consider terms of peace, but only on the distinct understanding that satisfactory guarantees were given that what had passed—especially the closing of the Straits—in future would not occur again. The Powers would also have to consider how these essential conditions could be best secured and, in general, how their several political and other interests in Asia Minor and elsewhere could best be safeguarded.

Sir E. Grey would be glad to learn whether Mr. Sazonow would agree to the terms of such a reply.

It appears to Sir E. Grey unnecessary, in any communication of the kind contemplated, to define the nature of the eventual settlement about the Straits. Sir E. Grey would not propose, in the event of the German party at Constantinople being ousted by a peace party, to negotiate on any conditions which would either qualify or impair what he has already said to Mr. Sazonow on the subject of Constantinople and the Straits since Turkey attacked Russia [2].

Перевод.

Сэр Э. Грей обсудил с г. Делькассе вопрос, возникший в связи с предложениями, сделанными через посредство греческого правительства одним членом турецкой либеральной партии. Сэр Э. Грей сказал французскому министру иностранных дел, что, по его мнению, не следует отталкивать движение, могущее привести к низвержению комитета и его германских союзников, хотя и было бы невозможно дать какие-либо гарантии, о которых просит командир

[1] См. № 174.

[2] См. т. VI, № 484.

I армейского корпуса (именно, что на Турцию не падет никакого возмездия за то, что она стала на сторону наших врагов).

Сэр Э. Грей полагает, что можно дать ответ в общих выражениях, а именно, что в случае если будут предприняты шаги к созданию для того или иного турецкого правительства возможности вступить в мирные переговоры с союзниками, то последние будут склонны обсудить условия мира, но при определенном условии, что будут даны достаточные гарантии, что то, что произошло, — особенно закрытие Проливов, — не произойдет снова. Державы должны будут также обсудить, каким путем лучше всего добиться этих существенных условий и каким образом их различные политические и иные интересы в Малой Азии могли бы быть наилучшим образом ограждены.

Сэр Э. Грей хотел бы знать, согласится ли г. Сазонов на подобный ответ.

По мнению сэра Э. Грея, ни в каком сообщении этого рода не следует определять характер будущего соглашения о Проливах. Сэр Э. Грей не предполагает, в случае если германофильская партия в Константинополе будет устранена партией мира, вести переговоры о каких-либо условиях, которые могли бы ограничить или умалить то, что он уже сказал г. Сазонову относительно Константинополя и Проливов, после того как Турция напала на Россию.

№ 183. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

№ Телеграмма № 564. 12 февраля/30 января 1915 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Телеграмма № 361 [1] получена.

Благоволите ответить китайским делегатам, что именно с точки зрения русско-китайской дружбы мы считаем необходимым, чтобы автономная Монголия пользовалась всеми правами, вытекающими из признанной за ней самостоятельности во внутреннем управлении, в том числе правом самостоятельно распоряжаться в деле торгового обложения, поскольку при этом сохраняется равноправие между китайцами и монголами. Мы убеждены, что дружеские отношения между Россией и Китаем только выиграют от добросовестного признания китайскими делегатами всех последствий положенного в основу декларации 5 ноября/23 октября 1913 года [2] принципа самостоятельности монгольского правительства во внутреннем управлении страною.

---

[1] В тел. от 11 февр./29 янв. за № 361 сообщалось, что кит. делегаты просили передать росс. прав-ву их «усерднейшую просьбу сделать какую-нибудь уступку в обложении китайской торговли во Внешней Монголии». Опасаясь, что кит. предложения будут приемлемы для монг. делегатов, Миллер далее сообщал: «Допуская возможность согласия монголов на пятипроцентное обложение всех товаров, без исключения спирта и табака, испрашиваю указаний».

[2] Ст. 3-я русско-кит. декларации об автономии Внешней Монголии, подписанной в Пекине 5 ноября/23 окт. 1913 г. гласит: «Признавая исключительное право

Что касается монгольских делегатов, то им благоволите объяснить, что согласием на фиксацию обложения китайских торговцев они умаляют автономные права своего правительства. В случае нужды вы могли бы обратить внимание хутухты и его министров на такой непатриотический образ действий их уполномоченных в Кяхте.

Сазонов.

№ 184. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 571 [1] 12 февраля/30 января 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 51 [2].

Слова Радославова о неминуемости, повидимому, прекращения нейтралитета Болгарии без упоминания в чью пользу, получение денег в Берлине, а также известия о возобновившемся, будто бы, австрийцами обстреле Белграда, о наведении германскими саперами понтонных мостов на Дунае, указывают на крайнюю напряженность настоящей минуты. Ныне уже нельзя откладывать до посылки на Балканы союзных войск предложенное мною выступление, ибо обстоятельства могут опередить полезность такового. Благоволите приложить все старания к убеждению правительства, при коем вы аккредитованы, в необходимости сделать безотлагательно намеченное в Нише и Софии заявление.

Сазонов

№ 185. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 30 [3]. 12 февраля/30 января 1915 г.

Великобританский посол сообщил мне строго доверительно, что попытка союзников прорваться через Дарданеллы, о коей Черчилль упоминал в частной телеграмме на имя верховного главнокомандующе-

---

монголов Внешней Монголии самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной области, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не будет содержать там никаких военных или гражданских властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны...»

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 106.

[2] См. № 169.

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 140.

го [1], будет произведена приблизительно через неделю. Лично я считаю операцию чрезвычайно рискованною, ибо в случае неуспеха значение союзнического флота в Средиземном море может быть серьезно подорвано.

Сазонов.

№ 186. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 12 февраля/30 января 1915 г.

Grey m'a reparlé aujourd'hui de projet descente troupes anglo-françaises à Saloniques [3]. Il est revenu sur nécessité mettre Serbie à l'abri d'un écrasement. Pourtant il ne donne pas à la réponse de Vénizélos [4] une interprétation aussi catégorique que Delcassé. Ce dernier pense qu'il suffirait à la Grèce pour se déclarer que alliés envoient des détachements. Grey comprend que Grèce s'engage à entrer en action: 1) si Bulgarie entre en action; 2) si à la suite déclaration de neutralité — qui suffirait à la Roumanie — celle-ci entrait en action; 3) si Roumanie entre en action et que troupes alliées coopèrent ce qui constituerait garantie suffisante contre Bulgarie ou pour sa coopération. Grey me dit que grand duc généralissime avait donné son consentement à l'envoi d'une brigade russe [5]. Il espérait toujours qu'une division serait possible attendu immense avantage au point de vue Bulgarie et pour effet moral dans Balkans. Quant à la route par laquelle troupes russes pourraient arriver — Grey répondit à ma question à ce sujet qu'il doutait qu'opinion publique bulgare permette au gouvernement de refuser, sinon qu'il y aurait lieu de s'entendre avec Roumanie en la ménageant toutefois. Grey pense que l'apparition des troupes russes dans Balkans produirait une impression à changer toute la situation. Il mentionna aussi comme possibilité descente russe en Turquie d'Europe. Je répondais que je ne pouvais rien dire à ce sujet, mais qu'il était clair que pour pareil projet il faudrait contingent

[1] Ср. № 43

[2] Номер отсутствует. В арх. б. росс. пос-ва в Лондоне черновик тел. имеет № 88.

[3] Тел. от 11 февр./29 янв. за № 82 Бенкендорф сообщал, что Грей и Делькассе известили его о принятом решении послать по одной дивизии в Салоники. Одновременно с этим Китченер, являющийся, по словам Бенкендорфа, одним из главных сторонников этого плана, заявил ему, что он придает первостепенное значение участию русского отряда в этой экспедиции.

[4] См. № 93.

[5] Ср. стр. 232. прим. 2.

russe beaucoup plus considérable que celui que grand duc considère possible en ce moment.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил со мною сегодня снова о проекте высадки англо-французских войск в Салониках. Он вернулся к вопросу о необходимости оградить Сербию от разгрома. Тем не менее он не дает столь категорического толкования ответу Венизелоса, как Делькассе. Последний думает, что для выступления Греции было бы достаточно посылки отрядов союзниками. Грей полагает, что Греция возьмет на себя обязательство выступить на следующих условиях: 1) если выступит Болгария; 2) если вследствие заявления (Болгарии) о нейтралитете, что было бы достаточно для Румынии, последняя начнет военные действия; 3) если выступит Румыния и ей будут помогать союзные войска, что будет служить достаточной гарантией против Болгарии или вызовет сотрудничество последней. Грей мне сообщил, что великий князь верховный главнокомандующий дал свое согласие на посылку русской бригады. Он все же надеется, что будет возможно послать дивизию, принимая во внимание громадное значение этой посылки в отношении Болгарии и морального впечатления на Балканах. Что касается пути, по которому русские войска могли бы прибыть, то Грей ответил на мой вопрос по этому поводу, что он сомневается, чтобы болгарское общественное мнение позволило своему правительству в этом отказать; в противном случае надо будет сговориться с Румынией, щадя во всяком случае ее самолюбие. Грей думает, что появление русских войск на Балканах произвело бы впечатление, способное изменить все положение. Он также упомянул, как об одной из возможностей, о русском десанте в Европейской Турции. Я ответил, что ничего не могу сказать по этому вопросу, но ясно, что для осуществления подобного проекта понадобился бы гораздо более значительный контингент русских войск, чем тот, который считается великим князем достаточным в настоящий момент.

Бенкендорф.

№ 187. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

13 февраля/31 января 1915 г.

With reference to the departure of Poklewsky from Bucharest on leave, Sir G. Barclay has telegraphed to Sir E. Grey expressing the earnest hope that his Russian Colleague's leave will not be prolonged as his presence at Bucharest is most desirable in the interest of the Allied cause.

His Majesty's Embassy has now received a telegram from Sir E. Grey containing instructions to express unofficially to Mr. Sazonow the hope that Mr. Poklewsky will soon be able to return to his post[1].

[1] Ср. стр. 199, прим. 4 и стр. 237, прим. 1.

Перевод.

В связи с отъездом г. Поклевского в отпуск сэр Дж. Барклай телеграфировал сэру Э. Грею, что он самым серьезным образом надеется на то, что отпуск его русского коллеги не затянется, так как его присутствие в Бухаресте в высшей степени желательно в интересах союзнического дела.

Посольство его величества ныне получило от сэра Э. Грея телеграмму с предписанием выразить неофициально г. Сазонову надежду на то, что г. Поклевский получит вскоре возможность вернуться к месту своего служения.

№ 188. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 60. 13 февраля/31 января 1915 г.

От военного агента доклад военному министру: «Наш министр финансов во время пребывания в Париже просил меня, как представителя нашего военного ведомства, присутствовать на совещании между министрами трех союзных держав для обсуждения вопроса, поднятого Англией, о заключении контракта с домом Моргана по заказам в Америке согласно тому, что сделала сама Англия, объединившая все свои заказы в Америке в руках Моргана. Не имея времени запрашивать об инструкциях, я позволил себе выразить личное мнение о нежелательности для нас монополизировать все заказы и во всяком случае [о] необходимости сохранить за собой не только все состоявшиеся военные заказы, но и полную свободу действий по отношению к банкам и торговым фирмам в Америке, которые по тем или иным причинам вполне нас удовлетворяют. Я стремился свести вопрос к желательности некоторого обоюдного сообщения между союзными державами с целью сократить между ними конкуренцию, имеющую последствием известное мне несоразмерное повышение цен на некоторые товары, а также и перевозки; последние возросли с начала кампании на 300%. Представители Франции разделили вполне этот взгляд, и французское военное министерство, составив совместно со мною проект конвенции, передало его мне для переговоров в Лондоне, где мне необходимо было застать нашего министра финансов. Генерал Ермолов представил меня лорду Китченеру, из бесед с которым я выяснил, что английское военное министерство само не вполне подготовлено к разрешению этого вопроса, ввиду чего вопрос о контракте с Морганом должен быть отложен до выработки проекта соглашения между союзными державами. Доложив министру, я через 24 часа вернулся в главную квартиру. Донося об этом, я в предвидении возможности возникновения новых переговоров на этой почве и одобрения моих действий, считал бы необходимым быть осведомленным в самых общих чертах об организации

нашего военного рынка в Америке и наших взглядах на вопрос о конкуренции на нем союзных держав. № 133. Игнатьев»[1].

Извольский.

№ 189. Российский министр финансов французскому министру финансов Рибо.

Письмо[2]. 13 февраля/31 января 1915 г.

Mr. le président,

Nous nous sommes entendus pour que les sommes à valoir sur le montant global de 625 millions francs soient mises à la disposition du gouvernement russe sur demandes successives, au moyen de bons du Trésor français qui seront remis à l'escompte à la Banque de France pour compte du gouvernement russe.

L'escompte en sera fait et les bons porteront intérêt à compter du virement effectué au crédit du gouvernement russe à la Banque de France.

Le taux d'intérêt débité au gouvernement impérial ne sera pas supérieur à cinq pour cent l'an.

Les bons seront à trois mois et renouvelables à la demande du gouvernement russe. Le ministère impérial des finances en avisera, en temps utile, le ministère des finances de France.

Il indiquera d'une façon approximative, dès qu'il pourra le faire, les montants dont il aura besoin pour les objets indiqués dans la convention.

Les données que je possède actuellement me donnent lieu de penser que pour les trois mois qui vont suivre, une somme de 300 millions de francs au minimum sera nécessaire.

Notamment le lundi 15 février il faut effectuer un payement de 46 millions pour des commandes de guerre et j'estime avoir besoin en outre de 25 millions de francs. Le ministère des finances de Russie demande donc l'escompte de 71 millions de francs de bons du Trésor français[3].

Veuillez agréer etc.

Bark.

Перевод.

Г. председатель,

Мы условились между собой, чтобы суммы, получаемые по мере требований в счет общей суммы в 625 миллионов франков, поступали в распоряжение российского правительства в виде бонов французского казначейства, которые

[1] Ответ воен. м-ра на эту тел. не обнаружен.

[2] Настоящее письмо печатается с копии, хранящейся в арх. Кред. Канц. м-ва фин., II отд., 1 ст., № 84.

[3] Письмом от 17/4 февр. за № 92 Рибо подтвердил свое согласие на выполнение всех пожеланий, выраженных Барком в этом письме.

будут передаваться на учет Французского банка по счету российского правительства.

Учет их будет производиться, и боны будут приносить процент с момента поступления их во Французский банк на счет российского правительства.

Размер процента, причитающегося с императорского правительства, будет не больше 5% годовых.

Боны будут сроком на три месяца и могут обмениваться на новые по требованию российского правительства. Императорское министерство финансов будет предупреждать об этом заблаговременно французское министерство финансов.

Оно будет приблизительно указывать, как только будет иметь на то возможность, размер сумм, нужных ему на предметы, упомянутые в соглашении.

Данные, которые я в настоящее время имею, заставляют меня предполагать, что в течение ближайших трех месяцев понадобится, по меньшей мере, сумма в 300 миллионов франков.

В частности в понедельник 15 февраля надо произвести платеж в 46 миллионов по военным заказам, и, кроме того, я думаю, что мне еще понадобятся 25 миллионов франков. Поэтому российское министерство финансов просит об учете 71 миллиона франков в бонах французского казначейства.

Примите и пр.

Барк.

№ 190. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

14/1 февраля 1915 г.
Very confidential.

His Majesty's Embassy has been instructed to inform Mr. Sazonow very confidentially of a conversation which Sir E. Grey has had in London with Colonel House, a friend of President Wilson's.

– Before leaving Washington, Colonel House had conversations with the Ambassadors of the three Allied Powers. Colonel House does not propose to mediate, but merely wishes to obtain information as to the prospects of peace. He thinks that Germany realizes the failure of her plans, that she understands that she cannot attain the measure of success she had hoped and that she wishes to conclude peace.

Sir E. Grey's reply to Colonel House was to the effect that His Majesty's Government had no evidence from Berlin of any feelings of this kind and that they did not believe in Germany's desire to make peace at present. The three Allies would, after consultation with one another, draw up the conditions which they would consider to be satisfactory (in accordance with the line of action which Mr. Sazonow considered they should adopt).

Sir E. Grey told Colonel House that anything which he, Colonel House,

[1] Лит. копия.

might say to the German Government might be used by them to represent that a disposition existed with one or other of the Allies to start separate negotiations. It was accordingly impossible for Sir E. Grey to say anything without keeping in close touch with the two Allied Governments. Colonel House quite understood and accepted this position.

Sir E. Grey communicated the substance of his conversation with Colonel House to Mr. Delcassé when the latter was in London [1].

Перевод.

Весьма доверительно.

Посольство его величества получило предписание сообщить весьма доверительно г. Сазонову о разговоре, который сэр Э. Грей имел в Лондоне с полковником Хаусом, другом президента Вильсона.

Перед отъездом из Вашингтона полковник Хаус беседовал с послами трех союзных держав. Полковник Хаус не предполагает выступить в качестве посредника, а желает только получить информацию по вопросу о перспективах заключения мира. Он думает, что Германия отдает себе отчет в неудаче ее планов, что она понимает, что для нее невозможно добиться успеха в тех размерах, на которые она рассчитывала, и что она желает заключить мир.

Ответ сэра Э. Грея полковнику Хаусу сводился к тому, что правительство его величества не имеет из Берлина никаких указаний на наличие подобных настроений и что оно не верит в желание Германии заключить мир в настоящее время. Три союзника после совещания друг с другом выработают условия [мира], признаваемые ими удовлетворительными (согласно той линии поведения, которой, по мнению г. Сазонова, они должны были бы придерживаться).

Сэр Э. Грей сказал полковнику Хаусу: все, что́ бы он, полковник Хаус, ни передал германскому правительству, может быть использовано последним для того, чтобы представить дело так, будто тот или другой из союзников склонен начать сепаратные переговоры. Поэтому для сэра Э. Грея невозможно сказать что-либо, не будучи в тесном контакте с двумя союзными правительствами. Полковник Хаус вполне понял эту позицию и согласился с ней.

Сэр Э. Грей сообщил сущность разговора с полковником Хаусом г. Делькассе, когда последний был в Лондоне.

№ 191. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

14/1 февраля 1915 г.

Sir E. Grey has sent the following telegram to His Majesty's Minister at Sofia:

«Bulgarian Minister has informed me that no political conditions of any kind are attached to the advance that Bulgaria has arranged in Ber-

[1] См. стр. 233, прим. 7.

lin [1]. He expressed great satisfaction at this and I said I was glad to hear it.

Referring to what he had said the other day as to the promise of territory to Bulgaria, I pointed out to him, speaking privately and personally, that I was as favourable to Bulgaria getting districts that were Bulgarian as I was to Servia getting districts that were Servian. I was in sympathy with national aspirations of Bulgaria on national lines. But, to make a promise of territory at this moment, without knowing how Bulgaria would receive that promise, would be to run risk of arousing apprehensions of Servia and getting nothing in return. If Bulgaria would say that if she were assured of getting certain territory at the end of the war, she would participate in the war say against Turkey, it might be easier for the three Powers to make her a promise. They could then tell Servia, though they had promised to Bulgaria something that Servia was reluctant to concede, yet they had received in return promise of support that would assure Servia's gains of territory inhabited by Servians to the north and west, and therefore the three Powers had made a good bargain in Servia's own interest. But it would not be fair to Servia to make to Bulgaria a promise that King Ferdinand and the Bulgarian Government might put in their pocket without giving any pledge».

Sir E. Grey thinks that it would be better to adopt this line at Sofia rather than to make to Bulgaria promises which would not be effective until after the exhaustion of the German advance against Russia. As far as Sir E. Grey is able to judge from the information contained in the Russian official communiqués, the German offensive both in the Carpathians and on the Vistula has been stopped with enormous loss to the Germans; it will also, Sir E. Grey assumes, no doubt be stopped in Bukovina and East Prussia as soon as the Russian troops, which are now retiring before superior numbers, have obtained reinforcements and reached their strong positions.

Until then, Sir E. Grey thinks that it will be impossible for us to move Bulgaria. According to Sir E. Grey's information, the Germans have tried to bluff the Balkan States into the belief that their offensive will be successful, whereas real opinion in Germany is that, unless Germany

[1] Тел. от 17/4 февр. за № 59, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Буриан сообщил австр.-венг. посланнику в Софии Тарновскому, что в ответ на запрос итал. посла в Вене Аварны, связаны ли с займом политические условия, он ответил отрицательно, указав, что это — операция чисто банковского характера и что Австрия и Германия не связаны с Болгарией каким-либо соглашением.

succeeds in securing peace before Russia's vast reserves have been armed, she must lose.

Meanwhile, anything favourable said at Sofia might be made known to the leaders of the Bulgarian opposition. It has been suggested that any threats made at Sofia at this moment against King Ferdinand may stimulate him to commit Bulgaria to the side of our enemies.

Перевод.

Сэр Э. Грей отправил посланнику его величества в Софии следующую телеграмму:

«Болгарский посланник сообщил мне, что никаких политических условий не связано с займом, который Болгария заключила в Берлине. Он выразил по этому поводу большое удовлетворение, и я сказал, что рад это слышать.

Ссылаясь на то, что он говорил на-днях относительно обещания Болгарии территорий, я указал ему, частным образом и лично от себя, что я отношусь столь же благоприятно к получению Болгарией округов, которые являются болгарскими, как и к получению Сербией округов, которые являются сербскими. Я сочувствую национальным стремлениям Болгарии в пределах ее национальных границ. Но дать какое-либо обещание относительно территорий в настоящий момент, не зная, как Болгария примет это обещание, значило бы подвергаться риску возбудить опасения сербов и не получить ничего взамен. Если бы Болгария сказала, что при уверенности получить известные территории по окончании войны она вступила бы в войну, предположим, против Турции, то для трех держав было бы легче дать ей это обещание. Они могли бы тогда заявить Сербии, что хотя они и обещали Болгарии кое-что из того, что Сербия не хотела уступить, они все же получили взамен обещание поддержки, каковая обеспечит Сербии приобретение населенных сербами территорий на севере и на западе, и что, следовательно, три державы заключили сделку, выгодную с точки зрения собственных интересов Сербии. Но было бы некрасиво в отношении Сербии дать Болгарии обещание, которое король Фердинанд и болгарское правительство могли бы положить себе в карман, не давая никаких гарантий».

Сэр Э. Грей думает, что было бы лучше проводить в Софии эту линию поведения, чем давать Болгарии обещания, которые стали бы действительными лишь после ослабления германского наступления против России. Насколько сэр Э. Грей может судить по информациям, содержащимся в русских официальных сообщениях, германское наступление как в Карпатах, так и на Висле остановлено с громадными потерями для немцев; оно также будет, по мнению сэра Э. Грея, несомненно остановлено в Буковине и Восточной Пруссии, как только русские войска, отступающие перед превосходящими их численностью силами, получат подкрепления и достигнут своих сильных позиций.

До этого момента, по мнению сэра Э. Грея, для нас невозможно будет заставить Болгарию выступить. Согласно сведениям сэра Э. Грея, немцы пытались запугать балканские государства, убеждая их, что немецкое наступление будет успешно, между тем как в Германии в действительности думают, что если Германия не добьется мира, прежде чем громадные резервы России будут вооружены, то она должна проиграть.

Тем временем все, что будет сказано благоприятного в Софии, может быть доведено до сведения вождей болгарской оппозиции. Имеется указание, что те или иные угрозы, направленные в Софии в данный момент против короля Фердинанда, могут побудить его ввести Болгарию в ряды наших врагов.

№ 192. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

т/. Телеграмма № 592 [1]. 14/1 февраля 1915 г.

Великобританский посол сообщил мне [2], что, по мнению Грея, не следовало бы отталкивать турецкую либеральную партию, предложившую устроить переворот в Константинополе и изгнать немцев. Одновременно Грей поручил послу заверить меня, что даже при торжестве турецкой либеральной партии, ставящей однако условием сохранение в целости Оттоманской империи, он не изменит своему слову касательно Константинополя и Проливов, данному мне после нападения Турции на Россию [3]. Я ответил послу, что не возражаю против переговоров, но в самых общих выражениях, с либеральною партиею, ибо требования нашего общественного мнения идут далее моих первоначальных предположений, как это наглядно сказалось в заявлениях членов Государственной думы по поводу моей речи [4].

Сазонов.

№ 193. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

т/. Телеграмма № 594 [5]. 14/1 февраля 1915 г.

Великобританский посол сообщил мне [6], что Грей предпочитает до официального заявления держав в Нише и Софии сначала узнать от болгар, какое содействие они согласны оказать трем державам или их союзникам, дабы в зависимости от такого обещания болгар добиваться для них от сербов земельных уступок. Такая постановка вопроса мне не кажется правильною, ибо она даст повод болгарам предложить самые незначительные жертвы и предъявить за таковые требо-

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 240.

[2] См. № 182.

[3] См. т. VI, № 484.

[4] В речи, произнесенной в Гос. думе 9 февр./27 янв., Сазонов, между прочим, заявил, что победы русских войск на Кавказе «приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю». Это заявление Сазонова было поддержано Милюковым, Шидловским (лев. окт.), Савенко (нац. фр.), Львовым (центр) и Левашевым (прав.).

[5] Опубл. Ц. Р., стр. 106.

[6] См. № 191.

вания, которые во всяком случае будут превышать те, что державы Согласия смогут доставить им. Переговоры с Софиею сделаются известными сербскому правительству, которое в этих переговорах увидит новое покровительство Болгарии, хотя бы на пользу Сербии, но без ее полномочия.

Я готов согласиться с Греем, что, быть может, в настоящую минуту военное положение не определилось еще для нейтральных держав с достаточною ясностью, чтобы заявление в Софии увенчалось успехом. Ввиду этого я не возражаю против отсрочки наших выступлений в обеих балканских столицах до того времени, когда какое-нибудь военное событие откроет глаза и болгарам, но в таком случае нужно предвидеть, что для сербов будет труднее встать на нашу точку зрения о необходимости земельных уступок.

Я также присоединяюсь к мнению Грея о необходимости одновременно с официальным обращением к правительству ознакомить с содержанием нашего заявления и вожаков оппозиции. Они будут в таком случае знать, на ком лежит вина в замедлении осуществления заветных пожеланий Болгарии [1].

Сазонов.

№ 194. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 53. 14/1 февраля 1915 г.
Confidentiel.

Copie Paris, Londres, Nich et Bucarest.

Mes collègues français et anglais ont été chargés par leurs gouvernements de faire une démarche auprès de Vénizélos pour proposer le concours immédiat à l'armée grecque d'une division anglaise et d'une autre française collaborant à la défense de la Serbie et constituant une assurance contre l'attaque eventuelle bulgare, tellement appréhendée ici. Aux termes de leurs instructions cette démarche devait être effectuée par mes collègues même au cas où la Russie n'estimerait pas possible d'envoyer de son côté un contingent sur la Péninsule. Vénizélos a maintenu l'absolue nécessité d'une participation roumaine sur la base d'une

[1] 15/2 февр. Сазонов вручил пам. записку аналогичного содержания Палеологу и Бьюкенену. Тел. от 18/5 февр. за № 70 Савинский сообщал о получении англ. посланником «нового проекта заявления болгарскому правительству», которое, исходя из мысли, что «характер болгарского нейтралитета не позволяет настаивать перед сербами на территориальных жертвах», «кончается обращением трех держав к болгарскому правительству с просьбой указать условия, на которых оно было бы согласно выступить активно». По словам Савинского, все три посланника считают, что подобное обращение даст Болгарии возможность снова ответить уклончиво.

entente préalable, tout en considérant comme insuffisants les effectifs anglo-français proposés et a declaré que ce serait un acte de folie pour la Grèce de s'exposer ainsi à une attaque de flanc de la part de la Bulgarie. Vénizélos m'a dit vouloir prendre à témoin à titre d'autorité militaire le général Pau qui passe demain par Athènes en route pour la Russie. Elliot m'a lu son télégramme à Grey rendant compte de l'avortement de cette démarche et conçu en des termes franchement irrités. Personnellement je regrette qu'on ne se soit pas borné à demander le libre passage, pur et simple de ces effectifs qui eût entrainé la Grèce de façon moins sensible à se ranger à nos côtés.

Démidow.

Перевод.

Доверительно.

Копии в Париж, Лондон, Ниш и Бухарест.

Моим французскому и английскому коллегам было поручено их правительствами выступить перед Венизелосом с предложением немедленно оказать содействие греческой армии при помощи одной английской и одной французской дивизий, которые приняли бы участие в защите Сербии и создали бы оплот против ожидаемого болгарского нападения, внушающего здесь столь большие опасения. По смыслу полученных ими инструкций, это выступление должно было быть сделано моими коллегами даже в случае, если бы Россия не признала возможным послать с своей стороны отряд на полуостров. Венизелос настаивал на совершенной необходимости участия Румынии на основании предварительного соглашения, считая в то же время недостаточными предлагаемые англо-французские военные силы, и заявил, что для Греции было бы большим безумием подвергать себя таким образом риску удара во фланг со стороны Болгарии. Венизелос мне сказал, что он намерен запросить по этому поводу, в качестве военного авторитета, мнение генерала По, который завтра проезжает через Афины по пути в Россию. Эллиот мне прочел свою телеграмму Грею, дающую отчет о неудаче этого выступления и составленную в явно раздраженном тоне. Лично я сожалею, что не ограничились простой просьбой о свободном пропуске этих войск, которая менее заметным образом побудила бы Грецию стать в наши ряды.

Демидов.

№ 195. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 12. 14/1 февраля 1915 г.

Доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 10 [1].

Сообщая мне, как представителю одной из держав Тройственного согласия, уже известный вашему высокопревосходительству отзыв Черногории на наш совет воздерживаться от захватов в Албании, Пламенац передал исключительно мне нижеследующее ходатайство

[1] Ответ черног. прав-ва на заявление представителей держав Согласия (см. № 80) был передан Обнорским тел. от 10 февр./28 янв. за № 10; отмечая, что

черногорского правительства: возобновляя обещание неуклонно следовать указаниям России, Черногория доводит до сведения императорского правительства о неоставлении ею своей давнишней мечты овладеть при благоприятных обстоятельствах городом Скутари и прилежащей областью. Момент этот должен наступить, когда Россия окончательно сломит Австрию. Черногория ходатайствует о нашем содействии в этот момент ввидах устранения возможных возражений со стороны Франции и в особенности Англии.

Обнорский.

№ 196. Рескрипт верховного главнокомандующего председателю совета министров Горемыкину.

№ 1468 [1]. 14/1 февраля 1915 г.
Совершенно секретно.

Иван Логгинович,

Министр иностранных дел возбудил вопрос [2] о необходимости закончить настоящую войну с Турцией нашим утверждением в Проливах.

На этот вопрос по моему повелению был послан ответ, сущность которого сводилась к тому, что если задача по утверждению в Проливах не будет разрешена дипломатическим путем, то для осуществления ее силой необходимы весьма значительные силы и средства, которые возможно будет выделить лишь после окончания войны с нашими западными соседями.

за все время войны Черногория не нарушила алб. границы, несмотря на провокационные выступления австрийцев, черног. прав-во заявило, что «оно не отступит от линии поведения, которую оно занимало до сих пор по отношению к албанской территории, и не нарушит ее за исключением случаев крайней необходимости, вызванных нападением этой страны». Одновременно оно выражало надежду, что державы «помешают новым нападениям на его границу и гарантируют ему пользование его правами на р. Бояне и Скутарийском озере».

Тел. от 13 февр./31 янв. за № 11 Обнорский со слов итал. поверенного в делах в Цетинье сообщил, что на совет Италии «воздержаться от активных выступлений против Албании», черног. прав-во дало аналогичный ответ.

[1] Маш. копия. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 124. Рескрипт этот был зачитан на совещании по вопросу о Проливах, состоявшемся у Горемыкина 22/9 февр., см. № 237 (письмо Сазонова Горемыкину от 4 марта/ 19 февр. за № 179, опубл. К-поль и Пр., II, стр. 126). Ссылаясь на просьбу Сазонова прислать ему этот рескрипт, так как он «по своему предмету непосредственно касается» м-ва ин. дел, Горемыкин препроводил его Сазонову при отношении от 9 марта/24 февр. за № 1936.

[2] См. т. VI, № 675 и прим. к нему

При этом было указано на необходимость обширной политической подготовки, которая давала бы нам возможность произвести беспрепятственно высадку в одном из болгарских портов и пользоваться через Румынию железнодорожной сетью для снабжения высадившейся и наступающей на Босфор армии всем необходимым.

Одновременно с сим морской министр обратился с заявлением о желательности теперь же приступить к усилению наших транспортных средств и разработке положения, регулирующего взаимоотношения между сухопутными и морскими начальниками в предположенной десантной экспедиции.

Из указанной переписки я вывел заключение, что в некоторых министерствах заняты вопросом о Проливах, причем у меня явилось опасение в том, чтобы работы эти не приняли характер разрозненности, в особенности в отношении подготовки соответственных сухопутных и морских сил и средств.

Изложенное привело меня к решению испросить, во время последнего пребывания государя императора на ставке, высочайшее разрешение представить на благоусмотрение государя императора возбужденный вопрос о Проливах и доложить его императорскому величеству мой на это взгляд.

Изложив с разрешения его императорского величества все касающееся этого вопроса, я просил государя императора, не благоугодно ли будет его величеству дать мне соответствующие директивы.

Государь император изволил мне высказать, что вопрос об утверждении на Проливах и в Константинополе должен быть разработан, так как его императорскому величеству благоугодно, если бог в этом поможет, чтобы Проливы, т. е. Босфор и Дарданеллы, стали достоянием России.

Вместе с тем государю императору благоугодно было высказать, что подготовительные работы всех министерств должны вестись по определенному плану, основные положения коего должны быть установлены верховным главнокомандующим.

О таковой высочайшей воле его императорское величество дал мне указание сообщить вашему высокопревосходительству, дабы вы изволили оповестить о сем всех подлежащих гг. министров.

Что касается министров военного и морского, то я вместе с сим сообщу им особо о последовавшем высочайшем повелении.

Глубоко вас уважающий

Николай.

№ 197. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 608. 15/2 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Трубецкого № 137 [1].

Эта телеграмма является новым фактом, подтверждающим правильность моего взгляда, что нельзя более откладывать предложенное мною одновременное выступление в Нише и Софии. Я готов был уступить Грею и отложить выступление до той минуты, когда наши военные успехи откроют глаза и болгарам [2]. Теперь же, ввиду обнаруживаемой Пашичем готовности итти на уступки в пользу Болгарии, нам нельзя упустить этот момент и, ставя в известность вожаков болгарской оппозиции о делаемых нами правительству предложениях, мы окажем давление на правительство и возложим на него ответственность за невыполнение им своего долга перед страной.

Прошу принять соответствующие меры и ответить по телеграфу [3].

Сазонов.

№ 198. Поденная запись министерства иностранных дел [4].

15/2 февраля 1915 г.

Румынский посланник был принят министром и в разговоре упомянул о том, что общие интересы России и Румынии имеются не только в отношении австрийских земель, но и в другой области, а именно: в отношении Проливов. При этом Диаманди напомнил, что первое внешнее проявление состоявшегося между Россией и Румынией за последнее время сближения коснулось именно этого вопроса — сов-

[1] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 137 Трубецкой передавал содержание беседы Пашича с находящимся в Нише проездом в Петроград далматинским деятелем Супило, во время которой последний коснулся вопроса о том, что «судьба присоединения Далмации к Сербии в значительной степени зависит от уступчивости последней относительно Македонии». Пашич, по словам Супило, ответил, что для этого необходимы два условия: а) чтобы болгары «показали готовность открыто перейти на сторону Тройственного согласия» и б) чтобы сербы получили «более определенные перспективы будущих земельных приращений», и особенно «менее общие обещания держав насчет Далматинского побережья, наиболее интересующего сербов».

[2] См. № 193.

[3] 16/3 февр. Сазонов вручил пам. записку такого же содержания Палеологу и Бьюкенену.

[4] Поденная запись за 1915 г., начиная с 22/9 апр., опубл. в Кр. арх., т. XXXI, стр. 5 и след. За янв. 1915 г. поденная запись в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. За февр. и март запись публикуется впервые.

местное выступление России и Румынии в Константинополе в начале июня 1914 г. [1] С. Д. Сазонов ответил, что Румыния может быть вполне спокойной, так как Россия, вполне признавая экономические интересы Румынии, связанные с выходом из Черного моря, не намерена ни в чем таковые нарушать. Румынский посланник благодарил за это заявление и, обещав в тот же день протелеграфировать в Бухарест, сказал, что оно произведет в Румынии наилучшее впечатление.

№ 199. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 95. 15/2 февраля 1915 г.

Reçu No 571 [2].

Comme je vous en ai rendu compte [3], Grey, après séjour Delcassé ici, maintenait qu'il était préférable s'abstenir actuellement de démarches à Sofia et Nich à cause danger qui pourrait résulter de la pression produite en Serbie, sans que d'un autre côté il y ait suffisamment de raisons compter sur succès à Sofia. Il pensait que les inconvénients certains n'étaient pas compensés par les avantages qui resteraient problématiques. Grey ne maintient plus cette attitude. Il convient que le moment est venu pour intervenir. Mais selon lui il reste urgent de menager Serbie et d'éviter qu'elle puisse porter rancune à la Triple Entente pour lui avoir, même éventuellement, imposé des sacrifices sans nous être assurés d'avance de l'alliance bulgare. D'un autre côté ces sacrifices seraient manifestement légitimés aux yeux de la Serbie, si les avantages de l'alliance bulgare étaient acquis. Bulgarie s'étant plainte jusqu'ici que les Puissances de l'Entente ne s'étaient jamais expliquées clairement et n'étaient pas sorties des généralités sur les avantages que alliance devait procurer à la Bulgarie, la marche à suivre, selon Grey, est de demander à la Bulgarie elle-même formuler ses aspirations, de les accepter dans la mesure indiquée dans votre proposition, et, si possible, de conclure, pour être à même de déclarer au gouvernement serbe que si les trois Puissances attendent de la Serbie des sacrifices, elles lui apportent la sécurité de l'alliance conclue entre elles et la Bulgarie. Grey pense que si la question était posée de cette façon à Sofia, l'opposition bulgare suffisamment tenue au courant serait à même exercer forte pression sur gouvernement Radoslavoff et sur roi Ferdinand. Grey adresse à Buchanan télégramme en ce sens [4].

Benckendorff.

---

[1] См. т. III, № 290.

[2] См. № 184.

[3] См. № 129.

[4] См. № 191.

Перевод.

Получил № 571.

Как я вам сообщил, Грей после пребывания здесь Делькассе продолжал утверждать, что в настоящее время целесообразнее воздержаться от выступления в Софии и Нише ввиду опасности, которая могла бы возникнуть в результате произведенного на Сербию давления, в то время как, с другой стороны, нет достаточных оснований рассчитывать на успех в Софии. Он полагал, что несомненные неудобства не были бы компенсированы выгодами, которые оставались бы проблематическими. Грей больше не стоит на этой позиции. Он согласен с тем, что наступил момент для вмешательства. Но, по его мнению, остается необходимым считаться с Сербией и избегать возможности ее недовольства Тройственным согласием, вызванного требованием от нее, хотя бы только предположительно, жертв без предварительного обеспечения союза с Болгарией. С другой стороны, эти жертвы были бы явно оправданы в глазах Сербии, если бы были обеспечены выгоды союза с Болгарией. Так как Болгария до сих пор жаловалась, что державы Согласия никогда ясно не высказывались и не выходили за пределы общих выражений в вопросе о преимуществах, которые доставит Болгарии вступление ее в союз, то по мнению Грея, образ действий, коего следовало бы придерживаться, состоит в том, чтобы предложить Болгарии самой высказать свои пожелания, принять их в пределах, указанных в вашем предложении, и если возможно заключить [союз], дабы иметь возможность заявить сербскому правительству, что если три державы ожидают от Сербии жертв, то они приносят ей гарантии безопасности, предоставляемые союзом, заключенным между ними и Болгарией. Грей думает, что если бы вопрос был поставлен таким образом в Софии, то болгарская оппозиция, достаточно об этом осведомленная, смогла бы оказать сильное давление на правительство Радославова и на короля Фердинанда. Грей посылает Бьюкенену телеграмму в этом смысле

Бенкендорф.

№ 200. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 62 [1]. 15/2 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 571 [2].

На основании ее, а также телеграммы Савинского № 51 [3], приложил все усилия к убеждению Делькассе в необходимости безотлагательного заявления в Нише и Софии. Делькассе подтвердил мне, что герцог Гиз, отправившийся в Софию в качестве частного путешественника, имел от него поручение при случае повторить королю Фердинанду, своему близкому родственнику, аргументы в пользу перехода Болгарии на сторону держав Согласия. Король ответил герцогу, что бол-

[1] Опубл. L. N., III, p. 59.

[2] См. № 184.

[3] См. № 169.

гарская армия не расположена воевать против Турции и что Болгария пока должна соблюдать status quo [1]. Ответ этот и двусмысленные слова, сказанные Радославовым Савинскому, заставляют его сомневаться в том, чтобы при нынешних обстоятельствах предложенный вами шаг мог увенчаться успехом. Он продолжает думать, что лишь появление союзных, и в особенности русских войск может оказать решительное влияние на Болгарию. Тем не менее он лично отнюдь не хочет уклониться от выполнения вашего предложения, которое будет опять обсуждаться завтра в совете министров. Делькассе очень доволен полученным из Петрограда известием, что верховный главнокомандующий сможет послать на Балканы пехотную бригаду и один казацкий полк [2]. В Лондоне ему удалось убедить Китченера послать дивизию сверх четырех обещанных Франции. Отсюда также пошлют дивизию с горной артиллерией. Таким образом он считает, что вопрос о посылке союзных войск окончательно решен и что этим выполняется условие, поставленное Грецией для немедленного выступления на помощь Сербии.

Извольский.

№ 201. Поверенный в делах в Бухаресте [3] министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. 15/2 февраля 1915 г.

Виделся с французским посланником, который находит, что положение, занимаемое ныне Братиану, остается попрежнему загадочным.— Месяц тому назад, когда наши войска достигли в Буковине самой румынской границы и когда в Трансильвании еще не началось сосредоточение австро-германских войск, румынское правительство не воспользовалось благоприятным моментом для решительного перехода на нашу сторону. Теперь же, когда ввиду ухода нашего из Южной Буковины и появления австро-германских сил в Трансильвании, выступление было бы сопряжено для Румынии с гораздо большим риском, — она усиливает свои войска близ венгерской границы и мини-

[1] Чтобы несколько смягчить впечатление от отклонения предложения герцога Гиза, Фердинанд при дальнейших встречах с ним делал ему «некоторые намеки», а королевич Борис сам вызвался на обстоятельный разговор с сопровождавшим герцога Дувром. Дувр, по словам французского посланника в Софии Панафье, «повторил королевичу все доводы в пользу открытого обращения Болгарии к Тройственному согласию и обратил его внимание на опасности, грозящие в противном случае стране и династии» (тел. Савинского от 14/1 февр. за № 62).

[2] См. стр. 232, прим. 2.

[3] Ср. № 149 и стр. 236, прим. 3.

рует горные проходы, каковые меры как будто свидетельствуют о том, что она предвидит возможность вооруженного столкновения с Австрией и Германией. Однако одновременно румынское правительство продолжает оказывать им неоценимые услуги, ежедневно допуская массовый вывоз отсюда в Венгрию продуктов продовольствия и пригодного для автомобилей рафинированного керосина, и ведет с нашими врагами переговоры об обмене на военные материалы большого количества вагонов с запрещенными к вывозу бензином, пшеницей и фасолью. Не исключена возможность, что сия двойная игра ведется Братиану с целью ввести в заблуждение Австрию и Германию, оставив их до последней минуты в убеждении, что Румыния намерена до конца войны одинаково дружить с обоими европейскими враждебными лагерями. Но гораздо более вероятно, что Братиану отложил окончательное решение до тех пор, пока не произойдет такое событие, военное или политическое, которое даст Румынии возможность выступить с совершенной уверенностью в том, что она получит все ей обещанное с минимальною затратой сил, крови и денег. Французский перевод сей телеграммы я показал г. Блонделю, который подтвердил мне, что изложенное в ней совершенно соответствует его взгляду, вместе с тем оно, к сожалению, соответствует, — насколько мне о том дано судить, — также и истинному положению дел.

Арсеньев.

№ 202. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 11. 15/2 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня выехал в Петроград пробывший здесь несколько дней известный далматинский деятель г. Супило [1].

Во время своего пребывания в Нише г. Супило виделся с престоло

[1] О поездке Супило в Петроград известил Сазонова через Крупенского также и находившийся в то время в Риме росс. посланник в Черногории А. Гирс (тел. от 26/13 янв. за № 7), сообщавший, что цель этой поездки — «согласовать с сербами основы политического объединения их с хорватами и словинцами и в случае, если не удастся прийти к соглашению, убедить нас в необходимости навязать свое властное решение». — Члены юго-славянского комитета, депутаты загребского сейма Трумбич, Хинкович и Стоянов просили росс. прав-во через посла в Риме «считать пребывающего в Петрограде депутата Супило уполномоченным всей сербо-хорватской эмиграции, взгляды которой вполне совпадают с его воззрениями». При этом они ссылались на полученное комитетом сообщение, согласно которому «Пашич также вполне одобрил программу Супило» (тел. Крупенского от 10 марта/25 февр. за № 38).

наследником, Пашичем и главными сербскими политическими деятелями. Он также неоднократно посещал меня и делился своими чаяниями и впечатлениями, вынесенными из поездок в Париж, Лондон и Рим, где он старался нащупать почву для осуществления своей заветной задачи — объединения юго-западных славян под эгидой Сербии.

С этой точки зрения взгляды г. Супило приобретают несомненный интерес. До сих пор державы ставили вопрос о будущих приобретениях Сербии в качестве справедливого вознаграждения ее за жертвы, сопряженные с войной, и осуществления национального идеала сербов королевства. Г. Супило является представителем интересов зарубежного сербского народа и юго-западного славянства, стремящегося к освобождению и объединению ради самого себя, а не тех выгод, которые получит от этого нынешнее Сербское королевство.

Нельзя отрицать, что указанная точка зрения является вполне законной и заслуживающей полного внимания как всех держав Согласия, провозгласивших лозунгом нынешней войны справедливое разрешение национальных вопросов, так в особенности России, отношение коей к славянству не может быть столь же общего и только гуманитарного характера, которое присуще нашим союзникам.

Как мне кажется, интерес России к судьбе юго-западного славянства может определяться не только естественным сочувствием к освобождению наших братьев. Сердечное участие, проявляемое нашим народом к участи славян, является в то же время выражением верного государственного инстинкта. Правда, оно влечет иногда за собой тяжелые жертвы, сопряженные с войнами, прошлыми и настоящей, но это отношение наше к славянству создает в то же время то положение России в Европе, которое настолько тесно срослось с нашей историей и политикой, что его нельзя не принимать как нечто от нас неотъемлемое, от чего мы не могли бы отказаться, без утраты нашего великодержавного положения.

Если я позволил себе на несколько минут утомить ваше внимание этими рассуждениями общего свойства, то это лишь потому, что здесь в Сербии в настоящую минуту представителю России неизбежно приходится в основу своего отношения к людям и событиям ставить постоянно именно эти общие соображения. Главный, можно сказать, драматический интерес к тому, что касается Сербии, зависит от того, что здесь находится исходный пункт новых национальных образований, в зависимости от перераспределения земель, связанного с концом войны. На долю России ложится тяжелая и ответственная задача определить каждому, на что он может и на что не должен рассчитывать.

Сербия находится сейчас на перепутьи. Перед ней еще неясно вырисовывается будущее, поэтому ей так нелегко отделаться от прошлого. В этом вся сложность и трудность македонского вопроса и необходимость очень определенных гарантий будущих земельных приращений, дабы можно было склонить Сербию уступить то, что ею уже было завоевано.

В этом отношении пребывание здесь г. Супило было несомненно полезно. В повседневных заботах об армии, беженцах, болезнях, набегах албанцев и кознях болгар сербы не всегда успевают осмотреться и правильно наметить главные вехи, к которым надо стремиться. В этой вечной суете теряется правильная перспектива целей. Приезд Супило был, может быть, некоторым толчком, заставившим мысль сдвинуться из круга привычных забот. Для католика-далматинца Македония — это прошлое не сербского народа, а Сербского королевства, причем прошлое, к которому вовсе не лежит его сердце. Стремление Сербии на юг он считает печальной необходимостью, в которую она была поставлена, не имея выхода на запад к морю, отрезанная на севере от своих соплеменников. Народное, экономическое и государственное развитие должно быть направлено в сторону Адриатики, а не к Эгейскому морю.

Разумеется, открыто эти взгляды г. Супило стеснялся выражать здесь, чтобы не повредить своей задаче, однако его настроение ясно давало себя чувствовать. Насколько трудно его еще усвоить здешним сербам, — видно из того, что, когда после первого свидания г. Супило с г. Йовановичем, тем самым, который так недавно развивал мне великосербские чаяния [1], я спросил последнего, что он думает о взглядах далматинского деятеля, Иованович ответил: «Да он, конечно, отстаивает интересы прежде всего своей Далмации».

Г. Супило сумел однако найти аргументы, которые и здесь были поняты, не как узко далматинские. В разговоре с Пашичем он напомнил ему, как Пьемонт стал Италией, как для этого он должен был отказаться от своего узкого прошлого, ничего не говорившего другим провинциям, которые вокруг него объединились. «Готовы ли вы сделать то же?» — спросил он его. По словам Супило, Пашич понял значение вопроса и не сразу ответил на него. После минутного молчания и с видимым волнением он однако сказал: «Я могу вам ответить за себя и за Сербию: да, мы готовы».

Так передал мне эту беседу г. Супило. Явились ли слова Пашича

[1] См. № 128.

результатом душевного движения в беседе с глазу на глаз, или жестом, рассчитанным, чтобы привлечь на свою сторону представителя Далматинского побережья, или, может быть, последний в своей горячей вере в дело народного объединения невольно преувеличил значение слов своего собеседника, — об этом, конечно, трудно судить. Факт тот, что Супило затронул с Пашичем вопрос о сербо-болгарском примирении [1], и Пашич ответил, что в принципе он является горячим сторонником этого примирения, если только сами болгары облегчат хоть в чем-нибудь эту задачу, если они решатся откровенно стать на сторону держав Тройственного согласия. Вместо того ежедневные отношения между обоими народами все время отравлены мелкими кознями и неприятностями, обличая сношения болгар с австрийцами и немцами, начиная с шпионажа и кончая займом, который так или иначе наводит на мысль о том, что совсем даром немцы едва ли станут расточать крупные деньги.

Пашич сказал, между прочим, что на линию Вардара сербы согласны, но что можно было бы пойти дальше, если бы болгары облегчили задачу уступок, и если также сербы получат возможность направить общественное мнение в сторону будущих расширений на менее неопределенных, чем доселе, основаниях, особенно что касается Далматинского побережья [2].

Последнее способно оказывать здесь особое притягательное влияние. Г. Супило рассказал мне, что, когда он рисовал своим собеседникам картину будущего развития Сербии на берегах Адриатики с богатыми коммерческими гаванями, с своей «Ривьерой» у Рагузы, которая славится красотой местоположения, может быть, с военно-морскими портами, в коих население — природные моряки, являющиеся лучшим элементом австро-венгерского флота, — на сербов все это производило сильнейшее впечатление.

Что выйдет из всех этих чаяний и предположений, — сказать, конечно, трудно. Нельзя однако не отметить, что такие деятели, как г. Супило, могут сыграть значительную и весьма полезную роль для сербского и общеславянского дела. Между кроатами и болгарами издавна существовала известная симпатия, основанная на сознании того, что их интересы не должны сталкиваться. Никто, следовательно, не может с бо́льшим успехом служить делу сербо-болгарского примирения. С другой стороны, отстаивая начало объединения с Сербией

[1] См. стр. 259, прим. 1.

[2] Это заявление Пашича было передано Сазоновым англ. и франц. послам в пам. записке от 15/2 февр.

в европейских столицах, далматинцы, равно как кроаты, становятся на почву не выгод Сербии, а требований национального принципа, что более отвечает настроению общественного мнения Англии и Франции.

В вопросе об условиях объединения г. Супило проявляет самую большую сговорчивость. Он говорил мне то же, что приходилось слышать и здесь от сербов, а именно, что желательно сохранить сильную государственную власть, относясь в то же время с уважением к местным особенностям, которые постепенно уступят место полному слиянию. Всего сложнее, конечно, поставится вопрос относительно Кроации, где аристократия и более старое поколение, быть может, не вполне еще отделались от австро-венгерского тяготения, в то время как новое поколение — до тридцатилетнего возраста — является горячим сторонником слияния с Сербией. Здесь необходимо будет проявить много такта, но, по словам Супило, задача сама собой разрешится, поскольку дело будет итти о выражении желания со стороны населения.

Вопрос об имени, которое будет носить будущее государство, может возникнуть, хотя лучше, если он не будет возбужден. Могут быть три имени: Югославия, Сербо-хорватское королевство и, наконец, Сербия. Г. Супило лично готов принять любое из этих имен и полагает, что, если понадобится решить вопрос, надо предоставить России окрестить новое государство.

Мне кажется, что, конечно, все эти вопросы представляются отчасти преждевременными, однако вопрос об имени будет в свое время иметь весьма серьезное значение, ибо за ним кроется известный лозунг. С этой точки зрения, хотя для нас весьма желательно направлять сербское политическое мышление в сторону Адриатики и на север, нам не следует, мне кажется, поощрять слишком большого оппортунизма, ради достижения главной цели объединения. Уступчивость в национальных вопросах, конечно, весьма желательна, но нам интересно, чтобы в будущем королевстве руководящая роль принадлежала бесспорно тому сербскому православному ядру, коим до сих пор определялся характер нынешней Сербии и ее отношений к единоверной России.

Примите и пр. Трубецкой.

*** № 203. Посланник в Сербии министру иностранных дел.**

*/. Депеша № 12. 15/2 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич.

Не знаю, насколько верно можно судить здесь о настоящих намере-

ниях Италии, но по беседам с Пашичем, а также некоторыми моими иностранными коллегами, все более и более складывается впечатление, что Италия не выступит до окончательной развязки.

Рассуждение, которое приводит к этому выводу, заключается в следующем.

Италия уже сделала фактически самое крупное приобретение, заняв Валону, являющуюся ключом Адриатического моря. Если ей остается получить Триент и даже Триест, стоит ли это жертв войны, в которой участвовала бы миллионная армия? Не представляется ли более целесообразным дождаться развязки, когда те же приобретения можно получить даром, все равно из рук Германии или от Тройственного согласия в ту минуту, когда никто не захочет затевать из-за этого крупной ссоры с Италией, у которой будет под ружьем нетронутая армия? Не представляется ли это наилучшим способом сохранить до конца расположение каждого из главных противников, Австрия же в счет не идет.

Правда, у Италии являлись вожделения на Далматинское побережье. Повидимому, однако эти вожделения были вполне справедливо охлаждены державами Тройственного согласия. Помимо того, сама Италия не может не сознавать, что после легкого успеха может наступить трудная борьба за удержание своего положения на побережьи, обслуживающем славянское население в глубине материка.

Симптомы нового, более умеренного направления итальянских стремлений подметил, между прочим, г. Супило, о коем я писал в предыдущем донесении [1]. С другой стороны, г. Пашич сказал мне, что на этих днях королевич Георгий, находящийся в Италии, посетил короля Виктора-Эммануила. Последний в присутствии сербского посланника дважды сказал королевичу, что притязания Италии по окончании войны будут весьма умеренны.

Не мне, конечно, судить, насколько выступление Италии представляется ценным с военной точки зрения, когда бы оно ни произошло. Если однако у нас мало надежд побудить ее к этому в ближайшем времени, то нельзя не сказать, что воздержание Италии, если ей будет соответствовать умеренность требований, будет иметь свою хорошую сторону. В самом деле, если Италия распространится на Далматинском побережьи, то нынешняя война будет таить в себе зародыш будущего неминуемого столкновения Италии с увеличенной Сербией.

Принимая во внимание трудность для России воздержания в такой борьбе, приходится отметить, насколько для нас важно возможно

[1] См. № 202.

более справедливое распределение земель согласно народному на-чалу, как одно из обеспечений прочности мира на Балканах и в Европе.

В размере возможных приращений и способе их получить кроется как мне кажется, существенная разница между положением Италии и Румынии. Для последней получение Трансильвании и части Буковины не только вопрос гораздо большего национального и экономического значения, но и вопрос удержания равновесия наряду с соседями, которые получат приращение. Кроме того, если Италия может рассчитывать, что при известных условиях Германия согласится пожертвовать Австрией и что Триентом можно будет без труда овладеть, то едва ли Румыния может делать аналогичное рассуждение относительно венгерской Трансильвании и думать, что она может ее получить против воли России.

Это особое положение Румынии дает некоторую надежду, что усилия склонить ее на нашу сторону в конце-концов окончатся успехом. Однако нынешнее приближение австро-германских войск к румынским границам, являясь для румын известной острасткой, в то же время сделало болгар как-будто более уверенными. Таково, по крайней мере, впечатление от поведения софийского кабинета за последнее время. Оно было подтверждено мне сегодня только-что прибывшим сюда великобританским военным агентом в Софии полковником Нэпиром.

Убежденный в желательности склонить Болгарию на нашу сторону определенными обещаниями, главным образом относительно Македонии, г. Нэпир сказал мне, что, по его мнению, выбор минуты для представлений держав будет иметь существенное значение. Необходимо выступить с предложениями в минуту какого-либо успеха, одержанного на западном или восточном фронте, а не во время частичной неудачи.

Полагая, что приведенное мнение полковника Нэпира заслуживает внимания, с своей стороны я никоим образом не могу согласиться с нашим посланником в Софии, что «практичнее и целесообразнее не ставить болгарскому правительству условием активное выступление, а лишь требовать придать открыто и на деле нейтралитету дружественный нам характер» [1].

Помимо того, что пример Румынии достаточно убедителен, чтобы не придавать особого значения благожелательному нейтралитету, который не мешает ей пропускать нашим противникам нужные для них грузы, нельзя не отметить, что между политикой Братиану и по-

[1] См. № 169.

литикой нынешнего болгарского правительства все же существует громадная разница, — такая же в сущности, какая бывает между людьми просто малосимпатичными и людьми явно недобросовестными. В чем будет отличаться «благожелательный нейтралитет» Болгарии от нынешнего? Не в том ли только, что державы будут считать себя связанными известными обещаниями, а Болгария — ничем? Разве факт, что Болгария получила аванс от Германии, не указывает на то, что между ними есть, вероятно, такое же соглашение о благожелательном нейтралитете, которое Болгария нипочь была бы заключить с нами в обмен на другие выгоды, которые ей предоставили бы державы Тройственного согласия? — Не обинуясь, можно сказать, что уступка Македонии Болгарии за один «доброжелательный нейтралитет» была бы принята Сербией как глубокое оскорбление и могла бы действительно толкнуть ее на такие крайности, как отдельный мир с Австрией, ибо сербы утратили бы всякое доверие к державам Тройственного согласия.

Впрочем сам Радославов признался, что «чувствует, что пришел момент изменить характер строгого нейтралитета» [1]. Быть может, это признание есть первый шаг той медленной эволюции, о которой мне говорил Чапрашиков, соразмерно с первым крупным взносом германского аванса. Кстати, Чапрашиков обращал мое особое внимание на то обстоятельство, что первый 75-миллионный взнос является для Болгарии наиболее существенным, другие же не представляют того же интереса. Очень возможно, что, получив деньги от немцев, расчетливый Радославов поймет, что лучшее средство не платить процентов — это перейти на сторону Тройственного согласия.

Как бы то ни было, но убеждение всех соседей Болгарии, что только ее действия могут служить реальной гарантией ее политики, представляется пока трудно оспоримым фактом.

Примите и пр.

Трубецкой.

№ 204. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

№/. Телеграмма № 99. 16/3 февраля 1915 г.

J'ai demandé à Grey ce qu'il croyait des notes américaines [2]. Il me dit qu'il n'avait connaissance officielle que de la note adressée à l'Angle-

[1] См. № 169.

[2] Имеются в виду две ноты прав-ва США от 13 февр./30 янв. 1915 г., обращенные к Германии и Англии, относительно права пользования флагом

terre, qu'aujourd'hui même le Cabinet arrêterait termes réponse qui probablement consisterait à mieux définir le droit et les occasions où un pavillon neutre pouvait être hissé. Je dis à Grey que je ne doutais pas qu'il avait lieu d'être satisfait de la différence de ton, termes et fond entre les deux notes et lui demandai si le président Wilson ne pourrait sur cette base s'en faire un mérite aux yeux de l'Angleterre pour activer mouvement de la paix. Je lui demandai qui était le colonel House qui est à Londres [1]. Grey me répondit qu'il le croyait depuis quelque temps ici, qu'il n'avait pas de mission, mais qu'il était un ami du président Wilson, qu'à ce titre il l'avait vu et qu'il lui avait dit les choses comme elles étaient, c'est à dire que si l'Allemagne désirait la paix, elle pouvait faire un appel direct aux trois Puissances qui alors se concerteraient sur conditions qu'elles exigeraient, que jusqu'ici il n'y avait eu encore raison pour se concerter, qu'il ne pouvait par conséquent rien dire des conditions. Dans son opinion personnelle, pour compte Angleterre deux conditions seraient formulées en tout cas: restauration et consolidation de la Belgique et une réduction nécessaire de la puissance militaire allemande qui est une menace constante de la paix et seule oblige le monde aux armements ruineux, comme jusqu'ici. Il n'avait pas qualité pour parler au nom de la Russie et de la France, mais il ne doutait pas que Russie exigerait entre autre solution question Constantinople et Détroits, ce qui répondait aux intérêts des trois Puissances, quant à la France il allait sans dire que l'Alsace-Lorraine devait lui revenir.

Benckendorff.

нейтральных государств. В ноте, обращенной к Германии, указывалось, что «если командиры германских военных судов, исходя из того предположения, что флаг Соединенных Штатов поднят незаконным образом, стали бы прибегать к разрушению в открытых морях американских судов и уничтожению американских граждан, то правительству Штатов было бы трудно рассматривать подобный образ действия иначе, как не поддающееся оправданию нарушение прав нейтральной державы, что было бы, конечно, трудно согласовать с дружественными отношениями, в настоящее время, к счастью, существующими между обоими правительствами».

В ноте же, обращенной к Англии, прав-во США заявило, что оно ожидает, что англ. прав-во сделает все возможное, дабы избежать злоупотребления английских судов нейтральным флагом, так как в противном случае «суда дружественной державы при плавании будут подвергаться опасности, и на английское правительство в известном смысле падет ответственность за смерть американских граждан и потерю судов в случае нападения неприятельских морских сил».

[1] См. № 190.

Перевод.

Я спросил у Грея, что он думает об американских нотах. Он мне сказал, что он официально осведомлен лишь о ноте, адресованной Англии, что именно сегодня кабинет примет редакцию ответа, который, вероятно, сведется к более точному определению случаев, когда нейтральный флаг может быть поднят. Я сказал Грею, что не сомневаюсь в том, что имеется основание быть довольным различием в тоне, выражениях и содержании между обеими нотами, и спросил его, не может ли на этом основании президент Вильсон поставить себе это в заслугу перед Англией для усиления деятельности в пользу мира. Я его спросил, кто такой находящийся в Лондоне полковник Хаус. Грей мне ответил, что, по его сведениям, он находится уже здесь некоторое время, что он не имеет определенной миссии, но что он — друг президента Вильсона и что, как такового, он (Грей) его видел и сказал ему о действительном положении вещей, т. е. что если Германия желает мира, она может обратиться непосредственно к трем державам, каковые тогда сговорятся между собой об условиях, которые они потребуют, но что до сих пор не было еще оснований для подобного обмена мнений, а потому он ничего не может сказать об условиях. По его личному мнению, что касается Англии, то два условия будут предъявлены во всяком случае: восстановление и укрепление Бельгии, необходимое ослабление германской военной мощи, каковая является постоянной угрозой для мира и одна принуждает весь мир к разорительным вооружениям, как это было до сих пор. Он не призван говорить от имени России и Франции, но он не сомневается, что Россия потребует, между прочим, разрешения вопроса о Константинополе и Проливах, что отвечает интересам трех держав; относительно же Франции излишне говорить, что Эльзас и Лотарингия должны быть ей возвращены.

Бенкендорф.

№ 205. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 67 [1]. 16/3 февраля 1915 г

Копия в Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 592 [2] и 608 [3].

Содержание первой было сообщено мною Делькассе вчера. Вторая получена мною лишь сегодня, уже после заседания совета министров. Я тотчас ознакомил с нею Делькассе и употребил все старания к убеждению его в невозможности более откладывать выступление в Нише и Софии; он ответил мне, что лично готов с вами согласиться, но просит меня предварительно представить вам следующие соображения: из телеграммы князя Трубецкого [4] ясно, что на заявление трех держав Пашич ответит требованием более точных обещаний насчет Далматин-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 141.

[2] См. № 192.

[3] См. № 197.

[4] Имеется в виду тел. за № 137, см. стр. 259, прим. 1.

ского побережья; это, несомненно, тотчас будет известно Италии, которая сейчас переживает критический момент. Завтра открывается итальянский парламент, и следует ожидать новых попыток со стороны нейтралистов. С другой стороны, итальянское правительство принимает меры, повидимому, указывающие на близость активного выступления, — запрещение эмиграции и т. п. — В такую минуту известия о переговорах с Сербией о Далмации могут произвести в Риме крайне нежелательное впечатление. Но в виде еще более веского аргумента Делькассе сообщил мне весьма доверительно, что на-днях, — может быть, уже завтра или послезавтра, — следует ожидать открытия активных действий со стороны союзного англо-французского флота с целью прорваться чрез Дарданеллы. Если эта попытка удастся, она может вызвать в Константинополе переворот и произвести решительное воздействие на все балканские государства, в том числе и на Болгарию. Делькассе полагает поэтому, что предлагаемые вами шаги в Нише и Софии должны быть отложены, по крайней мере, до выяснения результата вышесказанной операции [1].

Последнее соображение Делькассе мне кажется верным.

Царское Село, [19]6 февраля 1915 г.

Извольский.

№ 206. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 69 [2]. 16/3 февраля 1915 г.

Я воспользовался сегодня свиданием с Делькассе, чтобы категорическим образом и от своего собственного имени, но вполне откровенно высказать ему недоумение по поводу участия французского министра в Лондонской социалистической конференции [3]. Делькассе дал мне

[1] Ссылаясь на эту тел. и на тел. Сазонова за № 608 (см. № 197), Бенкендорф тел. от 17/4 февр. за № 103 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 142) сообщал, что Грей «имеет в виду соображение, изложенное Делькассе относительно морских операций», но не надеется на быстрый результат, так как «речь идет о двух или трех неделях».

[2] Опубл, L. N., III, p. 62.

[3] Лондонская конференция социалистических партий «союзных стран» была открыта 14/1 февр. 1915 г. Участники конференции: 11 англ., 16 франц. и 3 бельг. делегата. От русских меньшевиков был Майский, от социалистов-революционеров 3 делегата. Представитель ЦК РСДРП (большевиков) в Международном Социалистическом Бюро М. М. Литвинов («Максимович») официального приглашения не получил, но он, по поручению ЦК своей партии, все же явился на кон-

следующие разъяснения: присутствие двух членов социалистической партии в кабинете с начала войны имеет для правительства большое значение, ибо оно подчеркивает единодушную решимость всех французов довести войну до конца. Гг. Самба и Гэд действуют в этом отношении заодно со всем кабинетом, но не имеют никакого влияния на общую политику правительства и в особенности на отношения его к России. Впрочем оба они во всех случаях относились к России вполне корректно, и г. Самба действительно выступил на-днях в собрании социалистической партии с настойчивым советом не вмешиваться во внутренние российские дела. Решение их участвовать в Лондонской конференции было принято во время его — Делькассе — отсутствия, и он, конечно, ему бы воспротивился. С другой стороны, ему известно, что г. Самба поехал в Лондон с твердым намерением действовать на конференции умеряющим образом. Он еще не вернулся в Париж, и г. Делькассе с точностью еще не известны подробности того, что происходило на конференции. Он даже не знает, вполне ли точен текст резолюций, появившихся в здешних газетах. Давая мне объяснения, Делькассе был видимо смущен и взволнован, и я вполне убежден, что он лично в отчаянии от случившегося. Я не скрыл от него, что настоящий инцидент произведет в Петрограде самое тяжелое впечатление и может лишь послужить на пользу врагов русско-французского союза.

Извольский.

№ 207. Густав V Николаю II [1].

Письмо. Стокгольм, 16/3 февраля 1915 г.

My dear Nicky,

Having heard that there is a question of exchange of wounded prisoners of war between Russia and Germany-Austria, I hasten to send you

---

ференцию для того, чтобы на ее пленуме декларировать отношение большевиков к войне. Так как председатель конференции не дал т. Литвинову дочитать декларацию до конца, то уходя он передал президиуму в письменном виде эту декларацию, содержащую резкую критику шовинистической политики социалистических партий обеих воюющих сторон и выдвигавшую в противовес этой политике большевистские лозунги революционной борьбы против империалистической войны.

Одновременно представитель латышской социал-демократической партии Я. А. Берзин передал председателю конференции заявление о присоединении его партии к декларации большевиков (см. соч. Ленина, т. XVIII, 3-е изд., стр. 122 — 123).

[1] Опубл. Семенников, «Монархия перед крушением», М. 1927, стр. 33.

these lines. I want to assure you that it would be a great satisfaction to me if I could be of any use in this matter and I am most willing to do what I can to facilitate this transaction and to give necessary instructions to my authorities for the fulfillment of this charitable purpose.

You can well understand, dear Nicky, how deeply impressed I am by all the horrors of this terrible war. And it is only natural that my thoughts should dwell upon the possible means of soon bringing this dreadful menslaughter to an end. I am not able to judge when this may be attainable, but my conscience bids me to tell you, that I would at any moment that might, sooner or later, seem convenient to you be ready to offer you my services.

If you find my suggestions worthy a thought I would feel very happy, and at all events I hope you will kindly send me a few words, so that I may hear your opinion on this matter.

In remembrance of our old friendship I feel convinced that you will not misunderstand my adressing these lines to you.

With much love to you and Alix, ever, dear Nicky, your affectionate cousin and friend [1].

Gustaf.

Перевод.

Мой дорогой Ники,

Узнав, что возник вопрос об обмене ранеными военнопленными между Россией — с одной стороны, и Германией и Австрией — с другой, я спешу послать тебе эти строки. Я хотел бы убедить тебя, что я получил бы большое удовлетворение, если бы я мог быть сколько-нибудь полезен в этом деле, и я чрезвычайно желаю сделать все возможное, чтобы облегчить этот обмен, дав нужные инструкции моему правительству в целях выполнения этого доброго дела.

Ты легко поймешь, дорогой Ники, как глубоко я потрясен ужасами этой страшной войны, и вполне естественно, что мои мысли направлены на изыскание возможного способа положить скорейший конец этой ужасной бойне. Я не могу судить о том, когда это станет достижимо, но моя совесть велит сказать тебе, что в любой момент, — раньше или позже, — когда это тебе покажется своевременным, я готов предложить тебе свои услуги.

Если ты найдешь мои предложения заслуживающими внимания, я буду очень счастлив; во всяком случае я надеюсь, что ты будешь добр написать мне несколько слов с тем, чтобы я мог узнать твое мнение по этому вопросу.

Памятуя нашу старую дружбу, я убежден, что ты не истолкуешь превратно эти обращенные к тебе строки.

С большой любовью к тебе и Алисе, всегда твой, дорогой Ники, неизменно преданный кузен и друг

Густав.

[1] Ответ Николая II на письмо Густава не обнаружен.

№ 208. Болгарский министр иностранных дел Радославов болгарскому посланнику в Лондоне Хаджимишеву.

*/. Телеграмма № 220 [1]. 16/3 февраля 1915 г.

Так как положение вещей все еще не выяснилось и результат неизвестен, прошу вас избегать вступать в переговоры. Воспользуйтесь авансами, которые вам делают, и продолжайте подчеркивать болгарский тезис строгого, но полезного для Тройственного [2] нейтралитета и требуйте за него Добруджу, Македонию с Кавалой и пр. Нейтралитет, который болгарское правительство столь строго соблюдает из уважения к России и ее союзникам, с риском подвергнуться критике в своей же стране, и все усилия удержать народ от стремления отомстить Сербии и Румынии — уже два раза спасли Сербию от полного разгрома и удержали Румынию в самом начале от ее влечения к Тройственному союзу. Будучи гарантирована перед Тройственным согласием, Румыния может приступить ныне к осуществлению своих национальных задач, столь торжественно обещанных Тройственным согласием малым народностям и державам. Для своего обеспечения Болгария сделала во время балканской войны все усилия и больше своих союзников принесла жертв, благодаря которым Греция была реабилитирована, а Сербия получила возможность расширить свою территорию даже вне пределов, предусмотренных договором 1912 года. И поныне Болгария не желает ничего чужого, но за услуги, которые оказывает воюющим державам, соблюдая нейтралитет, она надеется вернуть утраченное и уверена, что Англия в границах справедливости отнесется с уважением к своим ноябрьским обещаниям [3] и договору, столь энергично поддержанному ею в Лондоне [4]. На эту тему вы можете говорить, когда представится случай подчеркнуть претензии Болгарии на компенсации за соблюдаемый ею нейтралитет.

№ 209. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42. 16/3 февраля 1915 г.

Копия сообщается в Пекин.

При свидании моем с Като я просил его сказать мне совершенно

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского.

[2] Так в оригинале.

[3] См. т. VI, № 627.

[4] Имеется в виду мирный договор между Турцией с одной стороны, и Сербией, Грецией, Болгарией и Черногорией — с другой, заключенный в Лондоне 30/17 мая 1913 г.

определенно, ограничивается ли списком, переданным мне и моим английскому и французскому сотоварищам, перечень требований, предъявленных Японией Китаю. Министр иностранных дел ответил мне, что этим списком вполне исчерпываются предъявленные Японией требования, но что одновременно Япония выразила Китаю пожелание разрешить ряд частных вопросов, с давнего времени находящихся в переговорах между Китаем и Японией. К таким вопросам принадлежит, например, испрашиваемое издавна право миссионеров для японских будлийских проповедников с дозволением приобретать недвижимости для постройки школ и кумирен. Министр считает, что второстепенные вопросы, накопившиеся с прежнего времени и составляющие особую категорию японских домогательств, не стоят в связи с политическими требованиями, изложенными в вышеозначенных списках. Он прибавил, что вопросы этой второй категории не имеют никакого касательства к нашим интересам. Като надеется, что переговоры в Пекине придут к некоторому принципиальному, по крайней мере, разрешению в конце февраля нов. ст. Он вновь заметил, что труднейшим является пожелание Японии приобрести право водворения и землевладения в Южной Манчжурии и Восточной Монголии.

Малевский.

№ 210. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо № 319. 16/3 февраля 1915 г.

М. т. Сергей Дмитриевич,

На-днях вернулся в ставку командированный в Буковину полковник генерального штаба Самойло, которому поручено было объехать Южную Буковину в видах выяснения желательного для нас направления будущей границы между Буковиной и Румынией с стратегической точки зрения.

Полковник Самойло в общих чертах ознакомил меня с вынесенными им от своей поездки впечатлениями и с выводами, к которым он пришел относительно границы. Выводы эти сводятся к тому, что мы должны присоединить всю Буковину, не уступая ничего Румынии. Такое мнение совпадает с мнением командующего нашими войсками в Буковине генерала Вебеля (мое донесение [6 февраля] 24 минувшего января № 295) [1].

[1] При письме от 6 февр./24 янв. за № 295 Кудашев препроводил Сазонову полученное им письмо командира XXX армейского корпуса Вебеля от 28/15 янв. за № 379, в котором последний высказывал следующую мысль: «Южная Буко-

По моей просьбе соображения полковника Самойло были им изложены письменно, и записку по сему предмету за подписью генерал-от-инфантерии Данилова я ныне имею честь представить при сем в копии на благоусмотрение вашего высокопревосходительства [1].

Из записки этой вы благоволите усмотреть, что, по мнению штаба, присоединение к нам Галиции должно повлечь за собою присоединение Мармарошского комитата, ибо граница, соответствующая нынешней административной границе Галиции, в военном отношении представляет существенные невыгоды. Выгодной же для нас границей могла бы быть лишь проведенная по следующему направлению: исходя от точки, где сходятся границы Румынии, Венгрии и Буковины, пограничная линия должна бы следовать по венгерско-буковинской границе до Кирлибаба; от этого пункта — направиться к западу по хребту Родна (захватив у Кирлибаба даже незначительный угол Трансильвании) по направлению к г. Густову на р. Тиссе. Несколько западнее Густова, если дальнейшее присоединение закарпатских земель будет признано нежелательным, граница может быть направлена на север к Бескидскому перевалу и затем уже следовать на запад по административной границе Галиции.

Конечно, возможно было бы получить эту границу и все же уделить Румынии часть Южной Буковины (например, юго-восточный ее угол). Но такая уступка едва ли удовлетворит Румынию и только даст неудобную пограничную линию.

К соображениям не-военным, могущим поддержать взгляд штаба на необходимость присоединения нами всей Буковины, можно отнести нижеследующие: 1) местное население, не исключая румынского, никакого тяготения к Румынии не проявляет, а к присоединению к России, повидимому, относится сочувственно (упоминаемое камер-юнкером Муравьевым заявление бургомистра Кимполунга) [2]; 2) в случае уступки нами Румынии Южной Буковины могут возникнуть некоторые затруднения в области духовного управления, и в частности по вопросу об имуществе православной буковинской церкви. Последняя владеет

вина, занятая нашими войсками во второй половине декабря 1914 г., по моему мнению, должна быть в целости присоединена к России».

[1] См. приложение к публ. документу.

[2] В докл. зап. Кудашеву от 14/1 янв. 1915 г. о занятии Южной Буковины Муравьев сообщал, что «отношение румынского народа к нам характеризуется встречей, устроенной генералу Вебелю в Кимполунге румынской депутацией, и речью, произнесенной бургомистром Хуттою, заявившим, что румыны благодарны русским властям за их отношение к ним и рады выразить свои чувства как подданных государя императора».

значительными имениями в Буковине, по некоторым отзывам оцениваемыми свыше 30 миллионов рублей. Большая часть этих имений находится в южной части Буковины, и в случае уступки ее Румынии придется либо оставить буковинскую церковь в материальной зависимости от Румынии, либо вознаградить ее за счет русской казны.

Против осуществления желаний военного ведомства присоединить всю Буковину имеются, между прочим, следующие доводы:

1) Присоединив всю Буковину, мы увеличим число инородческого населения в пограничной полосе и приобретем такие пункты, с которыми связаны некоторые исторические предания у румын, т. е. создадим объект территориальных вожделений у румын в России, — а это современем создаст совершенно лишний повод трений с нашим соседом; 2) отказ, данный нами Румынии, отдать ей часть Буковины несомненно оттолкнет ее от нас и вызовет крутой поворот ныне благоприятно настроенного к нам ее общественного мнения. При этом она в праве будет возложить на нас ответственность за такую перемену, так как мы до сих пор не только признавали ее исторические права на Буковину, но побуждали ее выступить вместе с нами именно для осуществления ею ее исторического национального идеала. Это соображение тесно связано с переговорами, которые велись в Бухаресте с начала нынешней войны. Мне лично, а также штабу верховного главнокомандующего известно лишь в самых общих чертах содержание обязательств, взаимно принятых императорским правительством и румынским относительно Буковины. В видах ближайшего выяснения вопроса о том, насколько возможно согласование пожеланий штаба в отношении Буковины с принятыми нами на себя обязательствами я был бы как нельзя более признателен вашему высокопревосходительству за сообщение мне для доклада начальнику штаба указаний ваших по сему вопросу [1].

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

---

[1] Письмом от 8 апр./26 марта за № 56/п Сазонов ответил Кудашеву следующим образом: «По сему поводу считаю долгом весьма доверительно поставить ваше сиятельство в известность, для доклада начальнику штаба верховного главнокомандующего, что вопрос о направлении будущей границы нашей в восточных областях Австро-Венгрии не может быть разрешен иначе, как в согласии с обязательствами, принятыми на себя императорским правительством в начале войны по отношению к Румынии. По состоявшемуся соглашению, получившему высочайшее одобрение, относительно Буковины условлено, что будущее разграничение между Россией и Румынией в этой области дол-

Приложение.

Соображения о стратегическом значении наших будущих границ с Венгрией и Румынией [1].

Ставка, 14/1 февраля 1915 г.

Для того, чтобы с присоединением к русским владениям Галиции наше положение в последней было вполне прочным в стратегическом отношении, безусловно необходимо в черту будущей границы включить: все южные скаты главного Карпатского хребта, весь хребет Трансильванских Карпат, служащий южной границей Мармарошского комитата, и всю Буковину. Лишь при этом условии обладания не только северными, но и южными (венгерскими) скатами Карпат, последние могут обеспечить нам прочную оборону Галиции, а в случае активных действий — дать нам возможность беспрепятственно наступать в венгерскую равнину. Такое же значение имеет для нас и Буковина: присоединенная к нам, она надежно прикроет доступы в Восточную Галицию со стороны Румынии и представит удобное направление для нашего наступления и в Румынию, и в Трансильванию.

Такое решение, давая выгодное исходное положение на случай новых осложнений с Венгрией или Румынией, будет тем более естественным, что почти все южные склоны Карпат заселены русскими или славянами; из районов же, заселенных румынами или венграми, к нам должны отойти преимущественно только южная половина Буковины и значительно меньшая часть Мармарошского комитата.

Итак, сохранение Галиции, с ее теперешней границей по главному Карпатскому хребту, и раздел Буковины по этнографическому рубежу в ней между нами и румынами есть решение безусловно неприемлемое со стратегической точки зрения. Лишь в самом крайнем случае, как минимальное требование от будущей нашей границы, можно бы поступиться южными склонами Карпат от Бескидского перевала к западу; но тогда тем резче для нас выступит значение и необходимость Мармарошского комитата, с обоими скатами его южного рубежа — Трансильванских Карпат, так как только этот естественно сильный плацдарм даст нам столь важные выгоды активной обороны Карпат (как к западу в сторону венгерской равнины, так и к востоку, к Буковине) и легкость наступления через горы в Венгрию и Трансильванию.

жно быть проведено на основании этнографического начала, причем осуществление такового разграничения должно быть поручено особой смешанной комиссии. Вышеозначенные обязательства поневоле суживают нашу свободу действия при выборе будущей нашей юго-западной границы». (См. т. VI, № 340).

[1] Заголовок оригинала.

Из необходимости владеть Мармарошским комитатом, как логическое следствие, вытекает необходимость для нас и в южной части Буковины.

В самом деле, прочность владения названным комитатом зависит от степени обеспеченности за нами путей в него. Главнейшими же путями являются два: один (железнодорожный и шоссейный) через главный хребет Лесистых Карпат от Мармарош-Сигета на Делатынь, и второй — в обход названного хребта, шоссе долиной реки Золотая Быстрица от м. Кирлибаба — на Селетин к северу и в район Якобени — Дорна-Ватра к югу; при этом, путь Кирлибаба — Селетин (южный участок его плохо шоссирован) является лишь худшим по свойствам ответвлением главного пути на Якобени — Дорна-Ватра. Как путь на Делатынь, так и на Якобени, не исключая друг друга, являются для нас одинаково необходимыми, соответственно значению всего Мармарошского комитата. Однако владение узлом Кирлибаба по свойствам местности (котловина) не обеспечено, если доступы к нему со стороны Якобени находятся в руках противника. Следовательно, обладание Якобени и Дорна-Ватра или, другими словами, всем промежутком Кирлибаба — Дорна-Ватра, связывающим Трансильванию с Буковиной, есть ключ к владению Мармарошским комитатом. Отсюда столь же последовательно вытекает новое положение — о необходимости для нас в южной части Буковины, заключающей лучший шоссейный путь к участку Якобени — Кирлибаба и единственную прорезывающую всю Буковину железную дорогу. Оставление южной части Буковины, а следовательно и этих путей, в руках румын парализует связь нашу с Мармарошским комитатом.

Если участок Кирлибаба—Якобени—Дорна-Ватра имеет столь важное стратегическое значение для прочности нашей галицийской границы, то, с другой стороны, он имеет не меньшее значение, как район, господствующий над связью будущей сильной Румынии (для нас более опасной, чем Австро-Венгрия) с ее новыми владениями в Трансильвании.

Таковы соображения стратегического характера, обусловливающие для нас необходимость добиваться, во что бы то ни стало, включения в наши пределы, кроме Мармарошского комитата, и южной части Буковины.

Этнографическая разница между северной и южной частью Буковины — единственное обстоятельство, говорящее за раздел, — в данном случае отнюдь не может влиять на последний, так как именно для Буковины эта разница имеет гораздо меньшее значение, чем остальные —

религиозные, политические, экономические и социальные условия жизни в области, скрепляющие ее в одно нераздельное целое.

Все эти данные базируются на весьма тщательном исследовании, произведенном на месте генерального штаба полковником Самойло, специально командированным для сей цели в Буковину и Галицию из управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем.

Подписал: генерал-от-инфантерии Данилов.

Скрепил: полковник Самойло.

№ 211. Командир вспомогательного крейсера «Орел» начальнику морского генерального штаба Русину.

Телеграмма [1]. Пинанг, 16/3 февраля 1915 г.

В Сингапуре начали бунт индийские полки. Английские власти ходатайствуют о помощи, если то же произойдет и здесь. Без ослабления боевой готовности можно свезти не более 30 человек, прекратив работы водолазов. Прошу указаний [2].

Винокуров.

№ 212. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 67. 17/4 февраля 1915 г.

Английский посланник сообщил мне, что Радославов сказал ему сегодня, что турецкий посланник спрашивал, какое положение займет Болгария в случае греко-турецкого столкновения. Радославов ответил, что Болгария, решив до конца общей войны сохранить нейтралитет, воспротивится одинаково вступлению на болгарскую территорию как греческих, так и турецких войск, и посоветовал, будто бы, Турции удовольствоваться войной на море. По словам Радославова, этот ответ очень не понравился турецкому посланнику [3].

Савинский.

---

[1] Маш. копия.

[2] В ответ на это Русин телеграфировал 17/4 февр.: «Окажите необходимое содействие. Если нужно, прекратите работу водолазов». 18/5 февр. в морском штабе была получена тел. Винокурова от 16/3 февр.: «Вышел Сингапур по спешной депеше консула».

[3] Тел. от 18/5 февр. за № 69 Савинский передал свою беседу с болг. воен. м-ром Фичевым, который в качестве доводов против активного выступления Болгарии указал, что «Болгария не может выдержать продолжительной войны», так как «если для Болгарии война затянулась бы, то это вызвало бы в стране революцию».

№ 213. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

/. Телеграмма № 143 [1]. 17/4 февраля 1915 г.

Trotz wiederholter Zusage, dass die Insurgenten-Action gegen die Eisenbahn-Verbindung mit Saloniki im Gange, haben die Macedonier bis jetzt nichts ausgerichtet. Ich beschloss eine diesbezügliche Anfrage und erfuhr, dass die Führer die Verzögerung durch technische Schwierigkeiten erklären und versichern Leute hinausgesandt zu haben und dass die Action bevorstehen würde.

Der Minister-Präsident, der vor einiger Zeit die Unterbrechung der Bahn-Verbindung mit Saloniki aufrichtig zu wünschen schien, äusserte sich, als ich ihn gestern darüber ausfragte, ein wenig ausweichend. Aus seiner Sprache und dem, was ich sonst erfahre, habe ich den Eindruck, dass man hier mit der fraglichen Action mit Absicht zaudert, da man, solange unsere Offensive in Serbien nicht begonnen, vermeiden möchte, die bulgarische Bevölkerung der Rache der Serben auszusetzen.

Das macedonische Comité selbst versichert, dass es sich von dieser Rücksicht nicht leiten lässt.

Es muss einige Tage abgewartet werden, ob sich das obengenannte Versprechen erfüllen wird [2].

Перевод.

Несмотря на повторные обещания, что действия повстанцев, направленные против железнодорожного сообщения с Салониками, будут начаты, до сих пор македонцы ничего не сделали. Я решил обратиться по этому поводу с запросом и узнал, что главари объясняют это промедление техническими трудностями и утверждают, что выслали людей и что предстоит выступление.

Министр-президент, который, повидимому, с некоторых пор действительно желает прекращения железнодорожного сообщения с Салониками, высказался, когда я его вчера об этом спросил, несколько уклончиво. Из его слов и из того, что я прежде слышал, я вынес впечатление, что здесь с этими действиями умышленно медлят, так как, пока наше наступление в Сербии не началось, хотели бы избежать риска подвергнуть болгарское население мести со стороны сербов.

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] Тел. от 19/6 марта за № 304 Трубецкой передал полученные им от консула в Ускюбе сведения, что 16/3 марта ночью бол. комитаджская чета в 30 человек напала на серб. пограничный пост Раянцы на юго-восток от Радовиште и что на болг. территории у Струмицы были собраны болг. четы, снабженные австр. ружьями и деньгами в ожидании приказания напасть на сербов. По словам Трубецкого, Пашич подтвердил эти сведения.

Сам македонский комитет утверждает, что он не руководствуется этими соображениями.

Надо выждать несколько дней, чтобы увидеть, будут ли упомянутые выше обещания выполнены.

№ 214. Консул в Сингапуре в IV политический отдел министерства иностранных дел.

Депеша № 44. 17/4 февраля 1915 г.

В дополнение к секретной телеграмме от вчерашнего числа [1] имею честь донести:

Часть мятежников засела в джунглях, которые врезываются клином в Сингапур по соседству с русским, французским и японским консульствами; часть перебита или сдалась; некоторые отбились отдельными группами и представляют опасность для прилегающих частей города, так как совершенно потеряли голову. Против засевших в джунглях, повидимому, ожидают прибывающий из Рангуна полк (так как нужна легкая артиллерия); против остальных идут уже операции облавного характера, в коих принимают участие русский, французский и японский десант. Часть волонтеров и все способные носить оружие горожане несут охранную службу и отчасти разведку. Общее положение считается опасным, в особенности ввиду того, что расположенный вне Сингапура другой полк настроен также тревожно, и если возмутится, то с ним будет уже справиться нелегко, так как он имеет полное боевое снабжение.

По беспроволочному телеграфу, через наш крейсер «Орел», вызваны с моря французское флагманское судно «Монкальм» и два японских крейсера [2]. «Орел» ожидаю завтра к вечеру и полагаю задержать до тех пор, пока положение не выяснится вполне [3].

Генеральный консул Н. Распопов.

Постскриптум. 18/5 февраля, полдень.

Насколько положение считается еще серьезным, можно судить по тому, что уже в 9 ч. утра сегодня адмирал сам приехал ко мне в гостиницу (куда нас выселили) и, выразив благодарность за призвание

[1] Тел. в делах б. м-ва ин. дел. не обнаружена.

[2] Тел от 17/4 февр. за № 44 Малевский сообщил из Токио, что в Сингапур спешно высланы японские крейсера «Цусима» и «Оттова» и ушел французский крейсер «Монкальм».

[3] Ср. стр. 282, прим. 2.

«Орла», спросил, может ли им вполне располагать и, главное, может ли «Орел» дать десант, скоро ли и сколько.

На этот вопрос я, конечно, в точности ответить не мог, и, по предложению адмирала, решено, что мы вместе выедем навстречу крейсеру, лишь только он подойдет, чтобы, не теряя времени, вырешить этот существенный вопрос.

Генеральный консул Н. Распопов.

№ 215. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 655 [1]. 18/5 февраля 1915 г.

Копия в Тегеран.

Положение дел в Тегеране внушает нам серьезные опасения. Наблюдавшееся, к сожалению, за последнее время отсутствие дружественного взаимодействия между нашей и великобританской миссиями и несомненное стремление последней воспользоваться моментом для подрыва нашего влияния в Персии путем поддержки враждебных нам элементов способствовали в значительной мере успеху турецко-германской агитации. В результате появилось явно недружелюбное к нам отношение, легко могущее повести к осложнениям, которые нынешний неспособный кабинет не в силах будет предотвратить.

При столь критических уже условиях возникает ныне, как видно из сообщения Коростовца [2], предположение о включении в состав кабинета лиц вроде Эйн-эд-Доуле, германофила Мухбер-эс-Солтане и одного из вождей демократической партии Хаким-оль-Молька, при оставлении министром иностранных дел Ала-эс-Солтане. Нет надобности распространяться о последствиях, к коим это могло бы привести.

Императорское правительство не только не могло бы оказать подобному кабинету какой-либо денежной поддержки, но, вероятно, скоро оказалось бы вынужденным порвать с ним всякие сношения и принять активные меры к защите своих интересов.

Благоволите обратить самое серьезное внимание Грея на эти соображения и обсудить с ним создавшееся положение вещей. Единственным выходом представляется нам коренная перемена в составе кабинета, с привлечением в него лиц энергичных и благожелательных, которые, вероятно, быстро добьются поддержки умеренного большинства меджлиса, ныне подпавшего под влияние демократического меньшинства.

[1] Лит. копия.

[2] Тел. Коростовца от 15/2 февр. за № 65 (см. ниже стр. 289, прим. 2) и от 18/5 февр. за № 66.

Прежде всего однако следует настоять на отсрочке сформирования нового кабинета до прибытия в Тегеран новых представителей России и Англии, коим должны быть преподаны руководящие указания. Мы надеемся, что Грей не откажется сделать соответствующие распоряжения Тоунлею.

В заключение не могу не указать вновь на желательность скорейшей замены Черчилля [1], который издавна тесно связан с враждебными нам демократическими сферами Персии и которому трудно отрешиться от покровительствования им, хотя бы в явный ущерб нам, нашим добрым отношениям с Англией и общим целям, нами преследуемым.

О последующем прошу телеграфировать.

Сазонов.

№ 216. Министр иностранных дел посланнику в Стокгольме Неклюдову.

Письмо № 30/п [2]. 18/5 февраля 1915 г.

Срочно.
Секретно.

М. г. Анатолий Васильевич,

Вашему превосходительству, вероятно, известны донесения военного и военно-морского агентов в Швеции, отправляемые ими своим начальствам. Согласно сообщениям подполковника Кандаурова и капитана II ранга Сташевского, Швецией делаются в настоящее время усиленные военные приготовления, и предусматривается возможность вооруженного выступления против России.

Вследствие сего покорно прошу вас в возможно скором времени сообщить мне отзыв ваш по настоящему вопросу.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 217. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 102. 18/5 февраля 1915 г.

Personnel.

Reçu votre № 608 [3].

Ai vu Nicolson à ce sujet. Il ne m'a pas donné de réponse au nom de Grey, mais il a usé de même argument que Delcassé, en disant qu'il

[1] См. № 36.
[2] Черновик написан рукою Базили.
[3] См. № 197.

pensait personnellement qu'il est préférable remettre pour cette raison surtout. J'ai répondu que cela prendrait du temps. Il pense que résultat moral serait acquis très vite. Il a beaucoup appuyé sur proposition Grey de démarche à Bucharest [1] et m'a dit que personnellement il était persuadé que point de résistance le plus faible d'entrée en action immédiate était à Bucharest et que action de Grèce dépendrait surtout de Roumanie. Je crois que pour gagner temps et pour que les deux propositions soient decidées sans que l'une nuise à l'autre, il serait indiqué que vous donniez le plus tôt possible même sans attendre réponse de Grey à No 608, votre opinion au sujet proposition de Grey concernant Roumanie. C'est un des cas ou télégrammes pour deux propositions se croisent, — état qui occasionne extrême retard.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Получил ваш № 608.

Виделся по этому поводу с Никольсоном. Он мне не дал ответа от имени Грея, но он прибег к тому же аргументу, как и Делькассе, говоря, что, по его личному мнению, предпочтительнее отложить, особенно по этой причине. Я ответил, что это вызовет задержку. Он думает, что моральный результат будет достигнут очень скоро. Он очень настаивал на предложении Грея о выступлении в Бухаресте и сказал мне, что он лично убежден в том, что наиболее слабым пунктом сопротивления против немедленного вступления в войну является Бухарест, и что образ действия Греции зависит главным образом от Румынии. Для выигрыша времени и разрешения вопроса об обоих выступлениях так, чтобы одно не вредило другому, я думаю, что было бы целесообразно чтобы вы как можно скорее, даже не дожидаясь ответа Грея на № 608, высказали свое мнение по поводу предложения Грея относительно Румынии. Это один из случаев, когда телеграммы по двум предложениям расходятся в пути, — случай, вызывающий крайнее запоздание.

Бенкендорф.

№ 218. Японский посол в Лондоне Иноуэ японскому послу в Петрограде Мотоно.

*/. Телеграмма [2]. 18/5 февраля 1915 г.

Я уполномочен министром иностранных дел передать вам для вашего безусловно конфиденциального осведомления следующую телеграмму, полученную от него.

«№ 57. Секретно.

Одновременно с предъявлением Юань Ши-каю требований, содер-

[1] Тел. Бенкендорфа, передающая предложение Грея о выступлении в Бухаресте, в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.

жащихся в моих телеграммах №№ 8 и 9, содержание которых было сообщено правительствам Англии, России, Франции и Америки, императорское правительство ему предложило выполнить пункты, перечисленные в прилагаемой телеграмме за № 58-А и выделенные в совершенно особое дело, не имеющее ничего общего с вышеупомянутыми требованиями [1]. (Под выражением «в тех местностях, где это потребуется», в телеграмме № 58-А пункт 3, имеются в виду главным образом, Южная Манчжурия и Восточная Монголия.) Принимая во внимание отношение Юань Ши-кая и других к отдельным пунктам указанного предложения, я 16 февраля телеграфировал нашему посланнику в Пекине, что мы решили видоизменить требования, как изложено в прилагаемой телеграмме № 58-Б [2]. Конечно, относительно этих видоизмененных требований нашему посланнику была предоставлена полная свобода сделать эту уступку сразу или спустя некоторое время. Пункты означенного предложения основываются главным образом на программе, которую мы издавна преследуем в Китае. Отдельные требования по своему характеру разнятся между собой и переговоры ведутся относительно каждого требования в отдельности. Ввиду этого мы и не сообщаем их ни одному из правительств. Передайте поэтому эту телеграмму вместе с телеграммой № 58 нашим послам под строжайшим секретом».

№ 219. Посол в Париже министру иностранных дел.

•/. Телеграмма [3]. 18/5 февраля 1915 г.

Делькассе сказал мне сегодня, что он вечером предписал по телеграфу Палеологу по собственному почину дать вам касательно уча-

[1] Тел. за № 58-А Като передал содержание япон. требований, изложенных в семи пунктах и совпадающих с пам. запиской япон. пос-ва от 24/11 февр. (см. стр. 324, прим 1).

[2] Тел. № 58-Б читается следующим образом: «Относительно п. 1 можно ограничиться заявлением китайскому правительству, что японское правительство серьезно надеется на осуществление приглашения на службу советников. Относительно пп. 2 и 7 — ограничиться подтверждением обещания, что они подвергнутся благосклонному рассмотрению. От п. 3 можно пока отказаться. П. 4 можно просто ... на устройство ... во Внутреннем Китае. Равным образом относительно вооружения можно ограничиться принципиальным соглашением, что по этому поводу впоследствии состоится соглашение между нашими и китайскими властями. П. 5. Подтвердить право Японии дать деньги для займа и ... чтобы Китай на занятые деньги сам произвел постройку. П. 6 можно совершенно ... если будет удобнее ...» (пункты 4 — 6 в телеграмме плохо расшифрованы).

[3] Опубл. L. N., III, p. 63. Номер отсутствует.

ствия г. Самба в Лондонской социалистической конференции приблизительно те же разъяснения, как переданные в моей телеграмме № 69 [1]. Он прибавил, что не только он сам, но и весь кабинет очень озабочен и взволнован тем, что произошло в Лондоне и ожидает возвращения г. Самба, чтобы обсудить положение и принять соответствующие решения. Он повторил мне, что присутствие двух социалистов в кабинете имеет большое значение, как выражение состоявшегося в начале войны единения всех партий, и отставка их вызовет большую пертурбацию в парламенте и ослабит положение правительства в минуту, когда оно должно обладать особенно сильным авторитетом. Тем не менее кабинет, конечно, перед этим не остановится и вполне сознает, что он должен вполне определенно высказать свое отношение к резолюции Лондонской конференции, даже если это вызовет распадение министерства. Все сегодняшние газеты, за исключением органов объединенных социалистов, энергично порицают Лондонскую конференцию и участие в ней французских министров. С особенной силой высказывается в этом смысле г. Клемансо в своем органе «L'Homme enchaîné». Факт, что столь строго действующая с начала войны цензура пропускает эту статью, подтверждает уверение г. Делькассе об отношениях правительства к настоящему вопросу.

Извольский.

№ 220. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 10. 18/5 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграфных моих сообщений ваше высокопревосходительство уже изволили осведомиться о намерении шахского правительства включить в состав кабинета двух новых членов: принца Эйн-эд-Доуле в качестве министра внутренних дел и принца Мухбер-эс-Солтане, нынешнего генерал-губернатора Шираза, в качестве министра юстиции [2]. Хотя назначения эти уже решены в принципе, но представление обновленного кабинета меджлису до сих пор откладывалось, ввиду трудности достигнуть полного единогласия министров относительно

[1] См. № 206.

[2] Сообщая о предположении включить в состав кабинета этих лиц, Коростовец добавлял, что, «хотя я не разделяю оптимистических взглядов Тоунлея на Эйн-эд-Доуле, репутация коего, как туркофила и нашего противника, твердо установлена, не вижу основания противиться означенной кандидатуре, если таким путем может быть достигнуто единение двух миссий» (тел. от 15/2 февр. за № 65).

дальнейшей политической программы, а главным образом из опасения протеста со стороны императорского правительства. Зная, что кандидатура названных лиц не встретит нашего сочувствия, персы в беседах со мной старательно обходили вопрос о намеченной комбинации, стараясь действовать окольным путем, главным образом через великобританскую миссию. Из объяснений, представленных по этому поводу Моин-оль-Везаре, явствует, что кандидатура принца Эйн-эд-Доуле выдвинута самим Мостоуфи-оль-Мемалеком, стремящимся использовать влияние этого сановника в стране, особенно среди кочевых племен, и опереться на него в меджлисе, где Эйн-эд-Доуле имеет много сторонников. Вступив в кабинет, Эйн-эд-Доуле намерен, будто бы, сообразоваться с взглядами председателя совета министров и, конечно, не позволит себе никаких враждебных России выходок. Моин-оль-Везаре намекнул, что туркофильство Эйн-эд-Доуле, если оно есть, должно быть неприятно не столько нам, сколько англичанам; между тем последних это нимало не тревожит. Моин прибавил, что назначение Эйн-эд-Доуле задерживается опасением вызвать наше неудовольствие, и выразил надежду, что мы не будем делать возражений и облегчим задачу правительства. Моин-оль-Везаре просил также не придавать значения слухам о германофильских чувствах другого министра Мухбер-эс-Солтане, который будет действовать в полном единодушии с остальными членами кабинета. Я ответил Моин-оль-Везаре, что в Петрограде действительно предубеждены против принца Эйн-эд-Доуле, ввиду его предшествующей деятельности, и посему могут сделать некоторые возражения, но что шахскому правительству следовало бы, с своей стороны, дать хоть какое-нибудь доказательство своих повторных заверений в дружелюбии и показать сговорчивость хоть в одном из наших спорных вопросов, например, в малиатном.

Великобританский посланник, с которым я говорил по поводу предположенного обновления кабинета, весьма горячо выступил в защиту Эйн-эд-Доуле, доказывая, что он один может обеспечить спокойствие и удержать страну от присоединения к туркам. Сэр В. Тоунлей убежден в расположении названного сановника к России и в готовности действовать согласно с нашими видами. Если бы мы отказались санкционировать это назначение, Мостоуфи-оль-Мемалеку пришлось бы уйти в отставку, и власть перешла бы в руки сторонников Турции. По мнению моего английского коллеги, Эйн-эд-Доуле — единственный человек, способный в настоящее трудное время поддержать колеблющееся правительство и направить его по надлежащему

пути. Все другие кандидатуры, если бы мы предложили таковые, будут отвергнуты Мостоуфи-оль-Мемалеком, опирающимся на общественное мнение и на меджлис. Известное туркофильство и непопулярность Саад-эд-Доуле мешают ему серьезно претендовать на пост первого министра. Что касается Восуг-эд-Доуле, то он скомпрометирован участием в сделке с нашим банком по ликвидации долгов Арбаба-Джемшида. Должен заметить, что приведенная аттестация названных сановников не совсем отвечает имеющимся у меня сведениям.

Настаивая на необходимости иметь в составе кабинета человека энергичного и влиятельного, сэр В. Тоунлей вновь обратил мое внимание на опасность перехода, хотя бы и не официально, персов на сторону Турции, что может отразиться на настроении Афганистана, Аравии и повлиять на лойяльность мусульман Индии. Уже теперь приходят тревожные известия о движении арабов на юге и о переходе некоторых персидских вождей, например, вали Пуштикуха, на сторону Турции. Есть также сведения о выступлении турок от Касри-Ширина на Керманшах и на Хамадан, причем местные племена проявляют склонность перейти на их сторону. На это обстоятельство указывает также великобританский агент в Бушире (находится теперь в Басре) сэр П. Кокс, считающий необходимым воздействовать на шахское правительство, дабы побудить его остаться нейтральным, обещав взамен этого следующие компенсации. Так, в случае занятия английскими войсками Кербелы и Неджефа, можно гарантировать Персии назначение туда шиитских губернаторов и сложение всяких поборов с персидских паломников, подвергающихся ныне большим притеснениям со стороны турок. Можно также согласиться на беспроцентный аванс, обеспечением коего могли бы явиться острова Персидского залива. По поводу последнего предположения мой английский товарищ заметил, что мысль гарантировать аванс занятием островов исходит от него, и сэр П. Кокс лишь извратил ее значение, пристегнув к персидскому нейтралитету, который Персия, несмотря ни на какие компенсации, не в состоянии будет соблюсти. С этим мнением я вполне согласен и думаю, что все рассуждения персов о нейтралитете имеют чисто академический характер и что, если бы в стране под влиянием джихада проснулся религиозный фанатизм, правительство едва ли бы стало противодействовать мусульманскому движению.

Возвращаясь к принцу Эйн-эд-Доуле, я позволю себе повторить уже высказанное в телеграммах, а именно, что я не вижу основания противиться его назначению, столь горячо рекомендуемому велико-

британской миссией, видящей в нем залог сохранения шахским правительством дружественного нейтралитета и прекращения мусульманской агитации. Хотя Эйн-эд-Доуле слывет нашим противником, но возможно, что он будет держаться примирительно ради чувства солидарности с главой кабинета, не желающим обострять отношений с Россией, и чтобы не компрометировать английской поддержки. Некоторые наши сторонники, особенно представители армянской колонии, относятся к выбору этому совершенно отрицательно, предсказывая усиление турецкого и германского влияния, антирусские и армянские осложнения.

Примите и пр. К о р о с т о в е ц.

№ 221. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 11. 18/5 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я не преминул принять к руководству телеграмму вашего высокопревосходительства от 11 февраля/29 минувшего января, № 541 [1], касательно нашего отношения к назначению велиагда в Тавриз. Действительно, при данных обстоятельствах нам неудобно выступать слишком решительно против этого назначения, коим шахское правительство желает подтвердить свой суверенитет в Азербайджане и показать, что, несмотря на русскую оккупацию, связь этой провинции с остальной Персией продолжает существовать. Примирившись с фактом появления велиагда в Тавризе, нам нужно принять необходимые меры для приобретения возможно большего влияния на юного правителя, или, вернее, на его советников. С этой целью наше тамошнее генеральное консульство должно употребить возможные старания, дабы внушить его высочеству мысль о необходимости поддерживать самые близкие отношения с русскими официальными представителями и не чуждаться русского влияния. Само собой разумеется, что в сношениях с велиагдом наши власти должны оказывать его высочеству соответствующий почет и знаки внимания, старательно избегая всяких трений и пререканий с приближенными и военными чинами нового правителя. Можно предвидеть, что шахским правительством не будут приняты достаточные меры для обеспечения велиагда и его многочисленного персонала нужными средствами. В таком случае оказание денежной помощи могло бы быть одним из способов привлечения велиагда на нашу сторону. Для начала можно было бы предоста-

[1] См. № 172.

вить в распоряжение велиагда часть малиатных сборов, получаемых с русских подданных и персидских протеже, переводимых ныне в Тегеран через наш банк. Впрочем, генеральное консульство найдет, может быть, и другие способы расположить в свою пользу новую администрацию.

Привлечение велиагда на нашу сторону может принести пользу, если будет проводиться одновременно с общей программой обособления Азербайджана и ослабления зависимости от центрального правительства, о чем я уже имел честь докладывать в предыдущих донесениях [1]. Если мысль эта признается заслуживающей внимания, то дело следовало бы поставить так, чтобы новые правители понемногу привыкли считать генеральное консульство той главной инстанцией, от которой зависит решение большинства местных вопросов. Генеральное же консульство можно было бы поставить в более непосредственную связь с кавказской администрацией, например, в вопросах военном, пограничном, переселенческом и т. п. Известная зависимость последнего от наместника его величества упростит наше воздействие на дела Азербайджана, создав в противовес тегеранскому правительству другой центр, с которым персам поневоле придется считаться. Такая постановка вопроса облегчит также деятельность миссии, на которую здесь привыкли возлагать ответственность в вопросах чисто местного характера или же возникающих по инициативе Петрограда и Тифлиса. Благодаря военному времени подобный порядок отчасти уже установился, и нам остается лишь закрепить его для будущего. Конечно, следует предвидеть, что с прибытием велиагда в Тавриз персы будут стремиться усилить при его посредстве зависимость азербайджанской администрации от центрального правительства, добиваясь при этом умаления значения наших консульств. По крайней мере, такое впечатление вынесено мной из бесед как с самим велиагдом, так и с пишкаром Низам-оль-Мольком. Велиагд, между прочим, заметил, что наши консулы в Азербайджане ведут чересчур самостоятельную политику, не сообразуясь с приказаниями миссии, что их своеволие тормозит деятельность персидских властей, и посему было бы желательно положить этому конец. Я объяснил велиагду, повторявшему, повидимому, заученный урок, что сведения эти не отвечают истине и что консулы руководствуются инструкциями, но что известная самостоятельность неизбежна, ибо миссии иногда бывает трудно судить о местных обстоятельствах. Ваше высочество, прибавил я,

[1] Ср. № 181.

сами убедитесь в невозможности слепо исполнять получаемые из центра предписания и в необходимости предоставления агенту, будь то администратор или консульский представитель, известной свободы действий.

Велиагд продолжает жить в загородном дворце, постоянно откладывая свой отъезд.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 222. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 67. 18/5 февраля 1915 г.

Копия сообщается в Токио.

Продолжение телеграммы № 65 [1].

Президент прислал мне доверенное лицо, чтобы сказать, что он не придает особенной веры слухам о японском ультиматуме, но что во всяком случае он твердо решил не уступать тем из японских требований, которые он считает посягательством на суверенные права Китая, даже если бы японцы прибегли к силе.

Министр иностранных дел сообщил мне, что китайскому посланнику в Петрограде поручено конфиденциально сообщить вашему высокопревосходительству текст требований, предъявленных Японией Китаю [2].

Крупенский.

№ 223. Консул в Сингапуре в IV политический отдел министерства иностранных дел.

Депеша № 45. 18/ 5 февраля 1915 г.

В дополнение к секретной телеграмме [3] и первому донесению от 4—5 числа за № 44 [4] имею честь донести нижеследующие подробности:

Утром 16/3 числа от одного русского подданного, находившегося

---

[1] Тел. от 17/4 февр. за № 65 Крупенский сообщал из япон. источников о решении Японии предъявить Китаю ультиматум и передавал мнение «приближенных к президенту лиц», что последний не уступит «требованиям японцев касательно японских советников» и скорее «пойдет на риск разрыва с Японией».

[2] Полный текст япон. требований, переданный кит. посланником в Петрограде, в делах б. м-ва не обнаружен. Ср. приложение к деп. Крупенского от 24/11 февр. за № 5 (№ 249).

[3] Тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[4] См. № 214.

в городском бесплатном госпитале, было получено в консульстве известие, что его выселили из госпиталя, потому что туда поступает множество раненых и убитых. Отправившись к колониальному секретарю, я, к сожалению, нашел присутствие закрытым, вероятно, ввиду китайского нового года. Город казался вымершим. В центральной части— все мужское европейское население на часах, вооруженное. На всех перекрестках расклеиваются плакаты о немедленной высылке детей и женщин на предоставленный специально для них транспорт «Нил» (впоследствии было предоставлено еще четыре,— и их не хватает). Вскоре после этого — новые плакаты об осадном положении. Ничего более определенного узнать было нельзя. В комендантском управлении я застал только одного молодого лейтенанта, который, вероятно, не считал себя в праве или действительно не мог мне ничего сообщить. По городу ходили уже самые тревожные слухи: говорили, что гарнизон взбунтовался и с минуты на минуту ждут нападения на город; что китайцы и малайцы, под впечатлением отчасти этого бунта, отчасти праздничного угара, резко выказывают свою неприязнь к белым, — что можно ожидать резни и т. д. Общее возбуждение, конечно, усиливалось бегущими на транспорт «Нил». У японского консульства собрались волонтеры. На центральную полицейскую станцию, куда я направился за сведениями, со всех сторон стекались все способные к несению патрульной службы. Происходила раздача оружия. Подходы к станции забаррикадированы. Вдоль ограды и у подъездов — вооруженный кордон. Главный инспектор полиции мог только подтвердить мне, что полк Fifth Light Infantry действительно взбунтовался, что он рекомендует крайнюю осторожность и категорически повторил мне распоряжение отправить жену и женскую прислугу на транспорт или на яхту, которую любезно предложили консульству гг. Гаджино. Исполнить это оказалось однако невозможным, так как в консульстве и без того было много дела, и когда я мог вывезти их, то на «Ниле» было уже до 2 000 беглецов и сообщение с ним прекращено.

Консульством были отправлены три телеграммы. Кроме той, которая была адресована IV отделу, крейсеру «Орел», работавшему в Пинанге над погибшим «Жемчугом» [1], было послано распоряжение:

«Ввиду бунта гарнизона, спешно выходите в Сингапур, приняв всех русских и соблюдая в пути крайнюю осторожность и полную боевую готовность. Адмиралу сообщил».

[1] Тел. от 28/15 окт. 1914 г. за № 277 Малевский сообщал, что русский крейсер «Жемчуг», стоявший на якоре в порте Пинанг, был 28/15 окт. потоплен германским крейсером «Эмден».

И командующему эскадрой во Владивостоке адмиралу Шульцу: «Ввиду мятежа гарнизона спешно вызвал «Орел» в Сингапур». От командира «Орла» получен ответ: «Приду пятого утром».

Колониальный секретарь в самых прочувствованных выражениях благодарил меня за оказанную помощь. Я не счел удобным расспрашивать его о происшедшем, но он по собственной инициативе подробно сообщил мне все, и я ныне записываю это с его слов:

Пятый полк, как и все туземные индийские полки, набран из двух частей. Одну составляют уроженцы Патани, другую — уроженцы Раджпутаны. Обе половины между собой не в ладах. Несколько времени тому назад полк решено было перевести в Гонконг. У него уже были отобраны для упаковки легкая артиллерия, снаряды и патроны. Никаких признаков брожения замечено не было. Утром в день мятежа генерал произвел смотр и сказал полку напутственное слово. После смотра все патани устроили лойяльную манифестацию и в горячих выражениях заявили о своей искренней готовности итти, куда бы их ни послали. Другая часть стала, наоборот, высказывать неудовольствие по поводу недавно происшедших экзаменов и выбора новых офицеров. Повидимому, лойяльные патани сделали или попытку протеста против этих пререканий, или какие-нибудь неприятные для раджпутанов замечания. Раджпутаны набросились на них и в своем стремительном натиске успели добраться до складов, где происходила упаковка патронов, и захватить их. С этой минуты положение стало критическим: верных солдат расстреливали, и они, не имея, чем защищаться, были принуждены бежать или были захвачены и уведены бунтовщиками в качестве заложников. Мятежники бросились на лагерь добровольцев (около 150 человек) и на концентрационный лагерь германских пленных. Они успели перебить нескольких офицеров. Но вскоре добровольцам удалось захватить дом полковника и, укрепившись в нем, продержаться до утра. Те из метяжников, которые бросились на концентрационный лагерь, перебили всю охрану, 16 человек, и, заверяя интернированных немцев в своих симпатиях, дали им оружие и пригласили примкнуть к ним. Но из всего лагеря, как оказалось впоследствии, ушло только около 20 человек. Часть совершенно ошалевших мятежников рассыпалась по дорогам и принялась расстреливать всех, кто попадался; убили трех докторов центрального госпиталя, одну даму, несколько офицеров и частных лиц; сегодня похоронили 21.

По несчастной случайности, когда джохорский султан выслал на помощь своих милиционеров и запросил по телефону, надо ли снабдить их патронами и прочим снаряжением, ему за минуту до нападения на

склад ответили, чтобы скорее высылал людей, а снабжение им дадут по приходе. Таким образом, когда подошло первое подкрепление, то и оно оказалось в беспомощном положении, не имея возможности стрелять. Как мне рассказал султан, им с трудом могли дать 200 патронов на 180 человек. К счастью, мятежники не озаботились разрушить телефона, и осажденные волонтеры успели предупредить, чтобы людей не высылали на напрасный убой.

Благодаря распорядительности властей, панику в городе удалось остановить. Мобилизовано все, что оказалось под рукой, — все автомобили, все оружие: патрули по 5—6 человек в автомобиле деятельно несут разведочную и сторожевую службу; к ней призваны все, до стариков 50—60 летнего возраста. К транспорту «Нил» приданы еще 4 парохода, но и они переполнены свыше всякой меры.

Около 6 ч. вечера [16] 3 февраля главный инспектор полиции опять прислал мне записку с предупреждением, что на ночь оставаться в консульстве безусловно нельзя, и он требует, чтобы мы перешли хотя бы в одну из гостиниц на набережной, где безопасность сравнительно обеспечена. Шифры, печати, книги и все наиболее важное уложено в сейф, так как возить все это с собой по городу я не решаюсь. С большим трудом удалось найти комнату в гостинице. На следующий день, [17] 4, я уже мог однако два раза съездить в консульство и лично убедился, что собственно его безопасности ничто не угрожает. Есть, конечно, некоторый риск материальный для частного имущества, так как все дома брошены незапертыми на попечение китайской и малайской прислуги, и в связи с новогодними праздниками легко могут случиться кражи и даже грабежи. Но пока все идет благополучно. Только все пригороды покинуты и точно вымерли.

С приходом «Орла» я имею в виду вернуться в консульство и поместить при нем 2—3 вооруженных матросов, не столько для защиты, в коей не предвижу надобности, сколько для того, чтобы иметь верных людей на случай экстренных сношений с крейсером, фортом и адмиралом.

Генеральный консул Н. Распопов.

№ 224. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 113 [1]. 19/6 февраля 1915 г.

Reçu votre No 659 [2].

Ai demandé Grey si malgré réponse du gouvernement grec, gouver-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 143.

[2] Тел. от 19/6 февр. за № 659 Сазонов запрашивал Извольского и Бенкендорфа, сохранили ли франц. и англ. прав-ва намерение послать дивизию на по-

nement britannique maintenait projet envoyer division au secours de la Serbie à Salonique. Grey me répondit que projet était complètement abandonné. Nicolson m'avait déjà prévenu que débarquement à Salonique ne serait plus possible et Grèce ne pouvant être pour le moment entrainée, résultats possibles de l'expédition militaire ne contrebalanceraient pas les risques et inconvénients évidents. Cambon et Grey me mirent au courant du projet très secret d'envoyer les divisions anglo-françaises à Lemnos pour les débarquer éventuellement sur presqu'île de Gallipoli. Gouvernements anglais et français sont en correspondance télégraphique à ce sujet [1]. Grey nous dit qu'à Conseil du Cabinet tenu ce matin il avait été décidé de remettre décision de cette question d'une semaine à peu prés pour avoir temps se rendre compte des résultats probables du bombardement des Dardanelles qui a du commencer ce matin avec toute énergie [2].

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 659.

Я спросил Грея, сохраняет ли британское правительство в силе, несмотря на ответ греческого правительства, проект посылки дивизии в Салоники на помощь Сербии. Грей мне ответил, что проект совершенно отпал. Никольсон меня уже предупредил, что высадка в Салониках не представляется более возможной и ввиду того, что в настоящий момент нельзя вовлечь Грецию в войну; возможные результаты военной экспедиции не окупят очевидный риск и затруднения. Камбон и Грей поставили меня в известность относительно крайне секретного проекта о посылке англо-французских дивизий на Лемнос, чтобы в случае надобности высадить их на Галлиполийском полуострове. Английское и французское правительства находятся в телеграфных сношениях по этому поводу. Грей сказал нам, что сегодня утром в совете министров было решено отсрочить решение этого вопроса приблизительно на неделю, чтобы иметь время уяснить себе вероятные результаты бомбардировки Дарданелл, которая должна была со всей силой начаться сегодня утром.

Бенкендорф.

мощь Сербии, несмотря на занятое в этом вопросе Грецией положение (ср. № 194).

[1] Тел. от 19/6 февр. за № 79 Извольский сообщил, что предложение это рассматривается франц. прав-вом, которое «отнюдь не отказалось от намерения послать дивизию на Балканский полуостров».

[2] Тел. от того же числа за № 114 Бенкендорф сообщил, что на запрос Камбона, не лучше ли отложить бомбардировку Дарданелл до решения вопроса о высадке дивизии, Грей ответил решительным отказом, указав, что бомбардировка уже началась и что вопрос о посылке войск будет зависеть от ее результатов.

№ 225. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 78 [1]. 19/6 февраля 1915 г.

После моего вчерашнего разговора с Пуанкаре [2] можно было ожидать, что правительство выступит открыто против резолюций Лондонской социалистической конференции и участия в ней г. Самба. На самом деле г. Вивиани отступил перед опасением нарушить провозглашенное в начале войны «священное единение партий» и вызвать при настоящих обстоятельствах министерский кризис. Декларация его, поскольку она касается вопросов, связанных с войною, составлена весьма искусно. Он избегает в ней открытого порицания (...) социалистов и вместе с тем дает удовлетворение общественному мнению путем энергичного заявления о неизменности преследуемых правительством целей, о преданности Франции соглашению 4 сентября [3] и о незыблемости союза с Россией. Но допущенная Лондонскою конференцией некорректность по отношению к России оставляется им без возражений, и он не находит другого исхода из затруднения, кроме «фигуры умолчания». Я не мог видеться сегодня с Делькассе, поглощенным парламентом, но один из влиятельнейших членов кабинета, Бриан, с которым у меня установились особенно близкие отношения, по собственному почину дал мне следующие разъяснения. Поездка г. Самба в Лондон имела целью помешать конференции под влиянием английских социалистов, тесно связанных с германскими, выступить против войны и в пользу Германии, что могло отразиться на социалистах французского парламента, поддержка коих столь необходима правительству. Это ему вполне удалось (...). Г. Самба и здесь, и в Лондоне настойчиво советовал не вмешиваться во внутренние русские дела. Заключительный протест конференции фактически состоялся без его ведома и согласия (...). Бриан выразился с энергичным порицанием о социалистах, но указал вместе с тем на первостепенную важность для правительства не итти в настоящую минуту на открытый с ними разрыв. С этой точки зрения, сказал он, декларация г. Вивиани должна считаться весьма удачной и достигшей своей цели. Я ответил Бриану, что, вполне понимая его аргументы, я однако не могу не отметить беспримерности факта участия французского министра в публичной манифестации против союзной России и отнюдь не могу предре-

---

[1] Опубл. L. N., III, p. 65.

[2] Так в оригинале, следует читать: «Делькассе». (см. № 219).

[3] Имеется в виду соглашение о незаключении сепаратного мира от 5 сентября/23 августа 1914 г. (см. т. VI, № 220).

шить отношения к этому факту императорского правительства. Большинство сегодняшних газет, очевидно, под внушением свыше, высказывается в том смысле, что декларация Вивиани снимает с правительства ответственность за лондонские резолюции [1] и что инцидент (...) исчерпан [2].

Извольский.

№ 226. Поверенный в делах в Цетинье товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 14. 19/6 февраля 1915 г.

Копия в Афины.

Получил ваш № 551 [3]. Телеграфирую Трубецкому:

Императорское министерство предписало мне выяснить совместно с вами вопрос о доставке в Черногорию дарованных Россиею 3 000 000 пудов хлеба [4]. Наш посланник в Афинах сообщил мнение главнокомандующего французской эскадрой о желательности, ввиду затруд-

[1] В резолюциях, принятых конференцией и содержащих, по оценке Извольского, «весьма двусмысленные выражения по отношению к настоящей войне», имелись также протесты «против ареста членов Гос. думы, прекращения русских социалистических газет и осуждения их редакторов, а также против преследования финляндцев, русских евреев и германских поляков» (тел. Извольского от 16/3 февр. за № 64, опубл. L. N., III, p. 60).

[2] Тел. от 21/8 февр. за № 700 Сазонов сообщил Извольскому о своем заявлении Палеологу, что «императорское правительство считает исчерпанным инцидент с участием двух французских министров в лондонском социал-демократическом съезде».

[3] Тел. от 27/14 янв. за № 6 Обнорский сообщил Сазонову, что Пламенац ходатайствует об ускорении посылки хотя бы некоторого количества дарованного Черногории хлеба в Салоники, «куда черногорцы будут в скором времени иметь возможность отправить предоставленный им английский пароход в 1200 тонн». Тел. от 1 февр./19 янв. за № 311 Сазонов просил Демидова выяснить, сколько вагонов с хлебом греч. прав-во согласно пропускать в день от Гевгели до Салоник и может ли оно предоставить в Салониках помещение для склада хлеба, который будет постепенно перевозиться в Антивари на англ. пароходе. В ответ на это Демидов тел. от 5 февр./23 янв. за № 37 сообщил со слов франц. посланника в Афинах, что командующий франц. эскадрой адмирал Буэ де Лапейрер «никоим образом не может рекомендовать путь на Антивари для снабжения Черногории хлебом. Путь этот, по его мнению, крайне ненадежен, и каждое направляющееся туда судно, хотя бы под сильным конвоем, подвергается крупному риску». Содержание этой тел. было передано Сазоновым Обнорскому тел. от 11 февр./29 янв. за № 551.

[4] Тел. от 5 февр./23 янв. за № 421 Сазонов известил Обнорского, что постановление совета м-ров об отпуске Черногории хлеба утверждено Николаем II 23/10 янв. 1915 г.

нительности доставки морем из Салоник в Антивари, направить зерно сухим путем чрез Сербию. Здешний французский посланник уполномочил меня сообщить, что вопрос о доставке провианта в Черногорию после продолжительной переписки только-что решен правительством в смысле полного отрицания какой-либо возможности направлять продукты чрез Сербию, ввиду отсутствия удобных путей сообщения и главное — каких-либо средств тяги у черногорского правительства. Недавно выезжавший на свидание с Лапейрером Пламенац поведал мне, что адмирал в конце-концов признал неосуществимость иных, кроме морского, способов доставки и, принимая во внимание голод, угрожающий Черногории и укрывшимся в ней босно-герцеговинским беженцам, выразил готовность, несмотря на все затруднения, постепенно конвоировать в Антивари партии провианта, не стесняясь количеством [1]. Ввиду усиленных просьб черногорского правительства, опасающегося грядущего голода со всеми его последствиями, предполагаю усердно ходатайствовать перед императорским министерством о направлении всего дарованного нами хлеба по партиям на Салоники, откуда он будет постепенно отправляем в Антивари на предоставленном Черногории английском пароходе.

Обнорский.

№ 227. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

20/7 февраля 1915 г.

A suggestion has been made that His Majesty's Government should give the following undertaking to the Persian Government in return for the suppression of the Jehad and the neutrality of Persia.

1. As soon as the retirement of the Turkish troops and the cessation of the Jehad admits, British troops shall be withdrawn from Ahvaz.

2. The full influence of His Majesty's Government in Irak will be devoted to the reduction of the heavy quarantine imposed on corpses, the abolition of taxes on pilgrims and to the maintenance of the Shiah Governors of Kerbela and Nejef.

3. The British Government will grant the Persian Government a large

[1] Тел. от 10 февр./28 янв. за № 119 Трубецкой сообщил о полученном черног. посланником в Сербии известии, что «адмирал Лапейрер уговорился с Пламенацем о доставке морем необходимых припасов в Черногорию, войдя на этот счет в соглашение с итальянским пароходным обществом. Суда будут итти под итальянским или албанским флагом и выгружаться в Антивари или Медуа, причем из последнего порта грузы направятся в Черногорию по Бояне».

loan on the security of the islands in the Persian gulf, the average revenues of these islands to form the only interest.

Sir E. Grey does not think there is anything in this scheme, which he has mentioned to Mr. Etter, whereby Russian interests could possibly be adversely affected. It must be remembered that the suppression of the Jehad and the maintenance of Persian neutrality is a matter of considerable importance to His Majesty's Government.

Перевод.

Последовало предложение, чтобы правительство его величества взамен упразднения джихада и сохранения Персией нейтралитета пошло навстречу желаниям персидского правительства, сделав ему следующие уступки:

1. Как только это позволят удаление турецких войск и прекращение джихада, британские военные силы покинут Ахваз.

2. Все влияние правительства его величества в Ираке будет использовано в целях смягчения строгого карантина, применяемого к трупам умерших, в целях отмены налога на паломников и в целях сохранения шиитских губернаторов в Кербеле и Неджефе.

3. Британское правительство предоставит персидскому крупный заем под гарантию островов в Персидском заливе с тем, чтобы средние доходы с этих островов являлись единственными процентами по этому займу.

Сэр Э. Грей не думает, что в этом плане, о котором он говорил с г. Эттером, имеется что-либо, могущее нанести ущерб русским интересам. Следует иметь в виду, что упразднение джихада и сохранение Персией нейтралитета представляют для правительства его величества значительную важность.

№ 228. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 80 [1]. 20/7 февраля 1915 г.

Делькассе подтвердил мне [2], что по почину Англии здесь обсуждается план высадки союзных войск на остров Лемнос, с целью комбинировать их действия с операцией англо-французской эскадры, состоящей из 16 броненосцев, против Дарданелл. По полученным сведениям, операция эта началась вчера с обстрела, повидимому, успешного, входных фортов. Здесь полагают, что форсирование Пролива будет развиваться довольно медленно и займет не менее трех или даже четырех недель. Делькассе высказал мне надежду, что наш Черноморский флот, имеющий, вследствие аварии «Гебена» [3], преимущество над

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 144.

[2] См. стр. 298, прим 1.

[3] Имеются в виду повреждения, полученные «Гебеном» 26/13 дек. 1914 г. на русском минном заграждении у входа в Босфор.

турецким, с своей стороны предпримет действия против Босфора и что в случае успеха обе эскадры — русская и англо-французская — появятся одновременно перед Константинополем, что весьма важно как с военной, так и в особенности с политической точки зрения.

Извольский.

№ 229. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 155 [1]. 20/7 февраля 1915 г.

Mein Telegramm No 143 [2]. Banden-Action.

Ich unterrichtete unlängst Oberst Laxa über meine im obigen Telegramm angeführten Eindrücke, wonach er... gerow ausgeholt hat, dass die Regierung bezüglich der Banden-Action gegen die Eisenbahn tatsächlich zaudert, was das macedonische Comité zugiebt.

Da bis jetzt nichts geschehen, befragte ich heute wieder den Minister-Präsident über die Tätigkeit der Banden; er sagte, in letzter Zeit seien via Saloniki bloss Transporte für Rumänien expediert. Letztere wären stark bewacht, so dass mit kleinen Banden nichts auszurichten ist. Nun wären stärkere, für die Regierung handelnde Banden ausgerüstet worden, die nach Macedonien bereits abgeschickt sind.

Ich sprach die Erwartung aus, dass der Bahnverkehr unterbrochen wird und der Minister-Präsident antwortete, er wünscht es auch [3].

Перевод.

Моя телеграмма № 143. Деятельность банд.

Я недавно осведомил полковника Лакса о впечатлениях, изложенных мною в упомянутой выше телеграмме, после чего он ... геров узнал, что правительство в отношении выступления банд против железной дороги действительно колеблется; это признает и македонский комитет.

Так как до сих пор ничего не произошло, сегодня я снова запросил министра-президента о деятельности банд; он сказал, что за последнее время через Салоники отправляются лишь транспорты для Румынии. Последние сильно охраняются, так что с небольшими бандами ничего нельзя сделать. Теперь организованы более сильные, действующие для правительства банды, которые уже высланы в Македонию.

Я выразил надежду, что железнодорожное сообщение будет прервано, и министр-президент ответил, что он тоже этого желает.

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. № 213.

[3] Содержание этой тел. было передано Сазоновым Трубецкому тел. от 8 марта/23 февр. за № 1013.

№ 230. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 75. 20/7 февраля 1915 г.

Доверительно.

Ссылаюсь на телеграмму Малевского № 50 [1].

Ссылаюсь на свою телеграмму № 74 [2].

Если императорское министерство считает желательным, чтобы я запросил министра иностранных дел о том, какие именно требования китайское правительство готово удовлетворить, то, по всей вероятности, мне будут даны желаемые разъяснения, так как меня уверяют, что президентом приказано Лу Чжэн-сяну сообщать мне все сведения о ходе переговоров, которых я потребовал бы. Я однако до сих пор тщательно воздерживался [как] от всякого вмешательства в происходящие переговоры, каковому китайцы были бы очень рады, так и от преподания им каких-либо советов, о чем меня косвенно частным образом просили, опасаясь, что это легко могло бы поставить нас в ложное положение по отношению либо к Японии, либо к Китаю. Я ограничивался оказанием китайцам мелких услуг доверительным сообщением доходивших до меня сведений и слухов, что, повидимому, было ими оценено и за что они всячески стараются выразить мне свою благодарность, тем более что они крайне разочарованы образом действий Англии, на которую возлагались большие надежды, между тем как от нас ни сочувствия, ни помощи никогда не ожидали.

Прошу указаний, одобряет ли такой образ действий ваше высокопревосходительство [3].

Крупенский.

№ 231. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 1185. 20/7 февраля 1915 г.

В настоящее время в штаб кавказской армии прибыл представитель армян Зейтуна, заявивший, что около 15 тысяч армян готовы напасть

---

[1] Тел. от 19/6 февр. за № 50 Малевский запросил Крупенского, какие из предъявленных Японией требований кит. прав-во считает приемлемыми.

[2] Тел. от 20/7 февр. за № 74 Крупенский сообщил, что, по его мнению, кит. прав-во не согласится «на назначение авторитетных японских советников по вопросам политическим, финансовым и военным и на участие японцев в реорганизации полиции в Китае, так как это свелось бы к установлению фактического японского протектората».

[3] Тел. от 22/9 февр. за № 718 Сазонов известил Крупенского, что он одобряет его образ действий.

на турецкие сообщения, но не имеют ружей и патронов [1]. Ввиду расположения Зейтуна на сообщении турецкой эрзерумской армии, крайне желательно необходимое количество ружей и патронов доставить в Александретту, где они будут взяты армянами. Ввиду же того, что действия зейтунских армян будут полезны французам и англичанам и ввиду спешности этого вопроса и отсутствия возможности передать ружья непосредственно от нас, я полагал бы необходимым снестись с французским или английским правительством о желательности доставить в Александретту французские или английские ружья и патроны на французских или английских кораблях [2].

Воронцов-Дашков.

К докладу.

Царское Село, [22] 9 февраля 1915 г.

№ 232. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [3].

21/8 февраля 1915 г.

[21] 8 февраля 1915 года у министра иностранных дел состоялось частное совещание, на котором генерал-адъютант Куропаткин ознакомил со своими предположениями по вопросу о Проливах С. Д. Сазонова, посла в Константинополе М. Н. Гирса, товарища министра иностранных дел Нератова, начальника канцелярии министра барона Шиллинга, советника II политического отдела Гулькевича, советника III политического отдела Клемма и помощника начальника канцелярии Базили.

Обрисовав историческое развитие вопроса о Проливах и значение его для нас в военном, экономическом и политическом отношениях, генерал-адъютант Куропаткин высказался за безусловную необходимость

[1] Аналогичное предложение было сделано ген. консулу в Каире Смирнову представителями партии хинчакистов, выразившими желание отправить тысячу армян на Кавказ в качестве добровольцев и для этой цели испрашивавшими материальной помощи. Сообщая об этом (тел. без номера от 22/9 февр.), Смирнов добавлял, что подобное обращение было уже отклонено англичанами.

[2] Тел. эта была передана в Париж и Лондон 22/9 февраля за № 708, и в ответ на нее Извольский телеграфировал 2 марта/17 февр. за № 111, что франц. прав-во «лишено возможности уделить какое-либо количество ружей для зейтунских армян, ибо само в них крайне нуждается». — 6 марта/21 февр. Савинский сообщил за № 113, что к нему явился председатель главного армянского комитета Варандиан и «просил дать возможность армянам киликийского побережья принять участие в войне против турок». От имени комитета он «предложил услуги армян, находящихся в Америке» но просил «послать суда за живущими в Америке армянами и дать им вооружение».

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 126.

воспользоваться настоящей войной для решительного осуществления целей наших на Босфоре и Дарданеллах. Решение этого вопроса, по мнению А. Н. Куропаткина, должно состоять в занятии нами: 1) европейского берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл до линии Энос — Мидия, 2) омывающего эти воды азиатского берега [1] до линии, идущей по реке Сакарии до Левке и оттуда через Баликесри до Митиленского залива и 3) островов, прилегающих к Дарданелльскому проливу. На Босфоре надлежало бы соорудить первоклассную крепость, использовав для этой цели Чаталджинскую позицию и естественную оборонительную линию, идущую от Хинкиара до Еникиой. Редюитом этой крепости явились бы укрепления у Верхнего Босфора, расположенные от Киреч-Бурну и от Бейкоса до берега Черного моря. Галлиполийский полуостров надлежало бы укрепить, использовав Булаирскую позицию. Предусматриваемый генералом Куропаткиным расход войск на оборону этой территории определяется им в 4 корпуса. Трата войск эта компенсируется, по его мнению, возможностью ослабить в случае занятия Проливов силы, расположенные в Одесском военном округе. Что же касается города Константинополя, то в случае если присоединение его признано будет связанным с чрезмерными трудностями и невыгодами, генерал Куропаткин полагал бы возможным образование из него вольного города. Независимо от того или иного решения вопроса о судьбе Константинополя, он считает выгодным для нас устройство там порто-франко.

Посол М. Н. Гирс возражал против предложения об образовании из Константинополя вольного города, указав на то, что в нем не найдется элементов, могущих обеспечить самостоятельное управление его при условии согласия с нашими интересами.

№ 233. Товарищ министра иностранных дел генеральному консулу в Каире Смирнову.

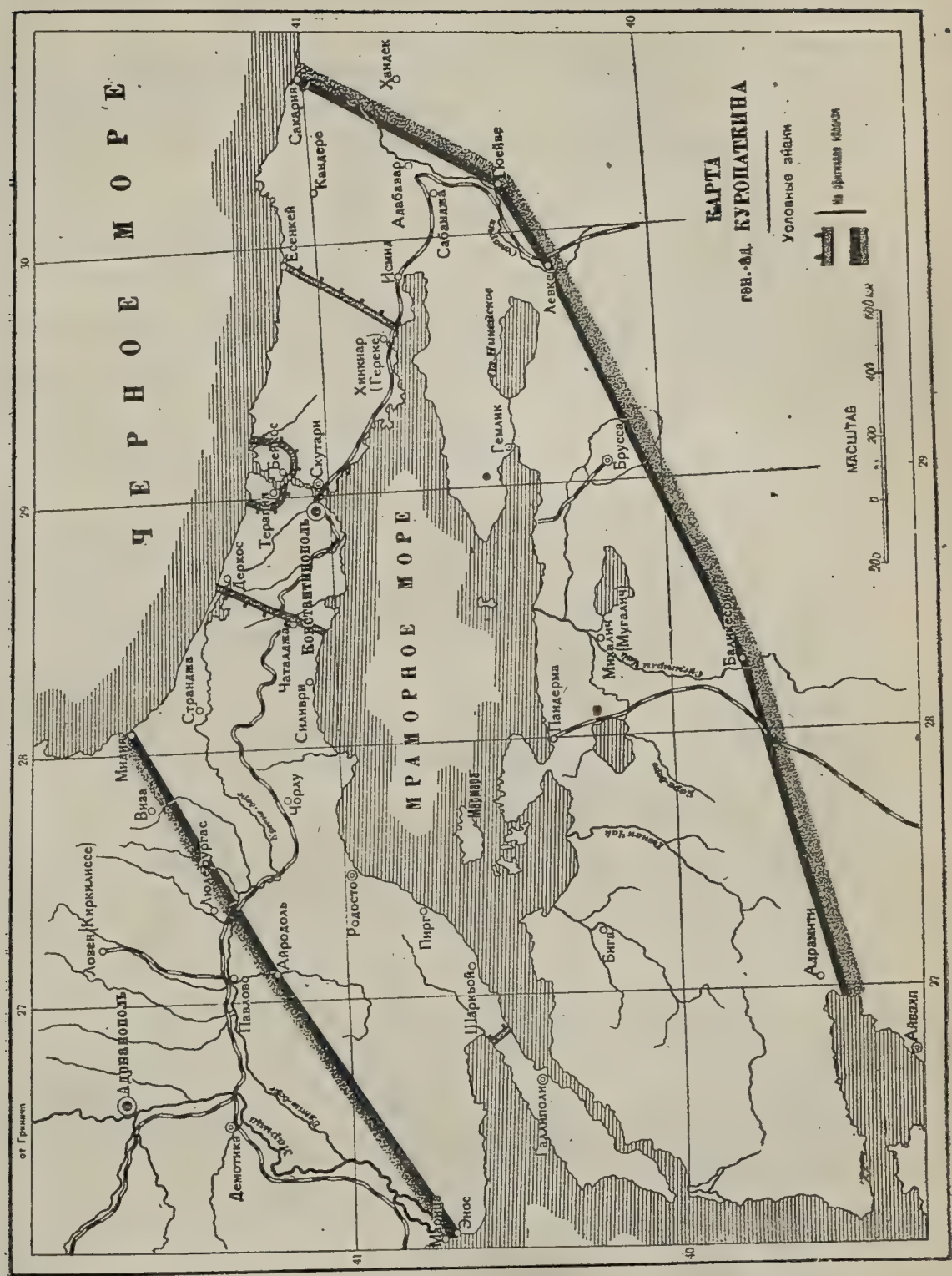
Телеграмма № 703. 21/8 февраля 1915 г.

Бьюкенен передал телеграмму английского комиссара в Каире о прибытии евреев из Сирии на американском военном судне и предстоящих новых приездах их. Комиссар указывает на неудовольствие местных кругов по поводу издержек на содержание иноземных бедняков, на тяжесть для местной казны этих издержек [2].

Послу поручено настаивать на разрешении нами этого трудного

[1] Так в оригинале.

[2] Имеется в виду пам. зап. англ. пос.-ва в Петрограде от 1 февр./19 янв.


КАРТА
ген.-ад. КУРОПАТКИНА
Условные знаки
МАСШТАБ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
Адрианополь
Константинополь
Мидия
Виза
Люлебургас
Лозен (Киркилиссе)
Павлов
Демотика
Энос
Маница
Айродоль
Чорлу
Родосто
Пирг
Шаркьой
Галлиполи
Бига
Адрамити
Айвали
Мармара
Пандерма
Михалич (Мугалич)
Баликесри
Брусса
Гемлик
Левке
Гюейве
Сабанджа
Адабазар
Исмид
Хинкиар (Гереке)
Скутари
Терапия
Бейкос
Деркос
Чаталджа
Силиври
Странджа
Сакария
Кандере
Есенкей
Хандек
от Гринича

вопроса. Самым естественным выходом казался бы, ввиду имеющихся у евреев в Палестине имущественных интересов, переход в оттоманское подданство, согласно требованию турок. Со стороны нашего правительства никаких репрессий по этому поводу не последует [1].

Телеграфируйте, сколько русских евреев прибыло в Египет и еще ожидается.

Какие меры приняты вами для помощи им и каков остаток переведенных вам на этот предмет средств? [2]

Арцимович.

№ 234. Болгарский министр иностранных дел Радославов болгарскому посланнику в Петрограде Маджарову.

Телеграмма № 260 [3]. 21/8 февраля 1915 г.

На № 145 [4].

Откуда вы узнали, что Румыния обязуется вернуть принадлежавшую нам часть Добруджи? По имеющимся у нас сведениям, Румыния не желает войти в соглашение с Болгарией, пока последняя не столкуется с Сербией. Того факта, что Россия обещала Румынии за ее нейтралитет Трансильванию, не отрицает и доныне г. Савинский. Ваши другие заверения преждевременны, так как Румыния дала обязательства и центральным державам.

№ 235. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петрограде Мотоно.

№ 67. 22/9 февраля 1915 г.

Strictement confidentiel.

Par son aide-mémoire du [5 février] 23 janvier 1915 [5] l'ambassade du Japon a bien voulu faire savoir au ministère impérial des affaires étran-

[1] Ср. № 40.

[2] Ответной тел. от 27/14 февр. за № 21 Смирнов сообщил, что кредиты на помощь евреям-беженцам получены и остаток имеется, но что количество евреев, прибывающих из Палестины, все увеличивается. По мнению Смирнова, все же «невозможно предлагать переходить в турецкое подданство лицам, уже покинувшим Турцию..., внушать же эту мысль оставшимся в Турции евреям отсюда совершенно нет возможности за отсутствием всяких сообщений».

[3] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского. Опубл. Ц. Р., стр. 108, где она по ошибке датирована 6 марта/21 февр.

[4] Тел. от 18/5 февр. за № 145, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Маджаров, сообщая о возможном согласии Румынии на уступку Добруджи взамен приобретений в Трансильвании, «заверил» Радославова в том, что «Румыния на стороне Тройственного согласия», но сможет принять участие в войне, «или когда Россия отправит достаточное количество войск в Буковину, или когда Италия окажет поддержку, или когда войдет в соглашение с Болгарией».

[5] См. стр. 191, прим. 1.

gères que le gouvernement japonais exigeait entre autres du gouvernement chinois le droit de résidence et de propriété foncière dans la Mandchourie du Sud. Si le gouvernement chinois donnait satisfaction à cette demande le gouvernement russe se croirait en droit d'exiger que le même régime fut étendu à la Mandchourie du Nord.

Dans ce cas, il paraîtrait désirable que, afin d'éviter toute concurrence et tous malentendus sur ce terrain, les accords politiques russo-japonais dont le but est d'écarter toute concurrence entre les deux pays en Mandchourie fussent complétés par un nouvel engagement de chacune des deux parties contractantes de renoncer à la jouissance par ses nationaux des dits droits de résidence et de propriété foncière dans la sphère de l'autre partie contractante.

Le gouvernement russe serait reconnaisant d'être informé si le cas échéant l'idée d'un accord supplémentaire dans le sens susindiqué serait favorablement accueillie par le Cabinet de Tokio [1].

Перевод.

Совершенно доверительно.

Памятной запиской от [5 февраля]23 января 1915 г. японское посольство благоволило поставить в известность императорское министерство иностранных дел, что наряду с другими требованиями японское правительство добивается от китайского правительства права жительства и владения недвижимостью в Южной Манчжурии. Если китайское правительство удовлетворит это требование, российское правительство будет считать себя в праве требовать, чтобы аналогичный режим был распространен и на Северную Манчжурию.

В этом случае представлялось бы желательным, во избежание всякой конкуренции и недоразумений на этой почве, чтобы политические русско-японские соглашения, целью которых было уничтожить всякое соперничество обеих стран в Манчжурии, были пополнены новыми постановлениями об отказе каждой из договаривающихся сторон от пользования их подданными вышеуказанным правом жительства и владения недвижимой собственностью в сфере другой договаривающейся стороны.

В случае если бы идея о дополнительном соглашении в вышеуказанном смысле встретила благоприятный прием со стороны токийского кабинета, российское правительство было бы признательно за уведомление об этом.

---

[1] При черновике этой пам. записки имеется черновая запись советника IV политического отдела Козакова о беседах Сазонова с Мотоно и его, Козакова, с советником япон. пос-ва в Петрограде Тацуке по этому вопросу. Запись эта совпадает со второй частью письма Сазонова Малевскому и Крупенскому от 15/2 марта 1915 г., посвященной этим беседам (см. № 377), и кончается следующими словами: «Я сказал г. Тацуке, что данные бароном Мотоно и им разъяснения удовлетворяют цели, которые мы преследовали в памятной записке [22] 9 февраля, и просил его не передавать нашего запроса японскому правительству».

№ 236. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

22/9 февраля 1915 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича от [21]8 февраля 1915 года:

«Прошу вас выразить императорскому правительству глубокую благодарность от имени сербского правительства за то, что оно, по соглашению с правительствами Тройственного согласия, согласилось дать Сербии еще 150 000 000 франков для покрытия военных расходов в течение пяти месяцев, начиная с первого января. Одновременно попросите уведомить нас, предоставлены ли деньги в распоряжение сербского правительства и можно ли давать приказ о выплате старых заказов и делать авансы для новых заказов. Работа по военным заказам остановилась, потому что без денег не выдают товары, а также не соглашаются без задатка принимать заказы. Из кредита 150 000 000 нужно 30 000 000 предоставить Национальному банку, чтобы увеличить число ассигновок. Кроме того, мы должны закупать в нейтральных государствах для военных надобностей все то, чего у нас в стране нет и что не можем получить в союзных с нами государствах. Дабы могли выплатить заказы, сделанные нами в Швейцарии, Америке, Греции, Румынии и Италии, нам нужно 50 000 000 золотом. Прочие 70 000 000 могут оставаться в державах [1] Тройственного согласия для будущих выплат. Кроме кредита в 150 000 000 франков, одобренного для военных нужд для пяти месяцев, начиная с 1 января по старому стилю, нам одобрены [1] еще деньги на покупку 100 000 испанских винтовок с 1 000 патронов на каждую. Тогда, когда мы просили кредит, винтовки стоили 21 000 000 франков, а теперь цена поднялась на 29 000 000. Мы должны согласиться на такую цену потому, что винтовки нам необходимы. Если теперь не заплатим, нам наверное придется еще дороже платить. Кроме того, нам одобрен [1] кредит в 6 000 000 франков для приспособления железной дороги от Зайчара до Парачина для большой перевозки, почему мы и заказали локомотивы и нужное число вагонов в Америке и Швейцарии. Также мы получили разрешение израсходовать 12 000 000 франков для окончания железнодорожного полотна от Княжеваца до Ниша, дабы сделать возможным сообщение между Румынией и Нишем. Эта работа будет готова в течение 120 дней. Когда будет закончена эта железная дорога, тогда будет обеспечено сообще-

[1] Так в оригинале.

ние через Солунь между Россией и Румынией с одной стороны, и прочих государств, кроме Австро-Венгрии и Германии, — с другой. Хотя эти три последние статьи не входят в кредит в 150 000 000 франков, мы здесь их упомянули для того, чтобы ясно было, что́ нам нужно, как и для того, чтобы точно знали, что, кроме 150 000 000, мы имеем и надобность и одобрение союзников для удовлетворения упомянутых нужд. И то: кредит в 29 000 000 франков для винтовок с патронами в Испании, кредит в 6 000 000 франков для железной дороги от Зайчара до Парачина и кредит в 12 000 000 для железной дороги от Княжеваца до Ниша, всего 47.000 000 франков, что составляет общую сумму в 197 000.000 франков. Следовательно, в наше распоряжение нужно предоставить в золотой монете: во-первых, 50 000 000 франков на покрытие разных нужд на пять месяцев покупками вне страны и союзных нам держав; во-вторых, 30 000 000 франков для увеличения ассигновок Национального банка для оборотов в стране; в-третьих, 29 000 000 франков для покупки винтовок и патронов в Испании; в-четвертых, 6 000 000 франков для уплаты стоимости уже заказанных локомотивов и вагонов для железной дороги Зайчар—Парачин; в-пятых, 12 000 000 франков для окончания железной дороги Княжевац — Ниш. На постройке последней дороги будут работать пленные. Нужно, следовательно, чтобы в наше распоряжение было предоставлено 97 000 000 франков золотом, а 30 000 000 франков предоставить сербскому Национальному банку как депозит в Париже. Таково наше финансовое положение. От исполнения вышесказанного зависит наше дальнейшее сопротивление, и поэтому прошу вас настоятельно стараться, чтобы все было исполнено насколько возможно скорее, ибо от этого зависит наша государственная жизнь и защита отечества» [1].

№ 237. Поденная запись министерства иностранных дел.

22/9 февраля 1915 г.

Совещание у председателя совета министров при участии министра иностранных дел, военного и морского министров и лиц, их сопровождающих, по вопросу о Константинополе и проливах [2].

[1] Постановлением совета м-ров от 23/10 марта, утвержденным Николаем II, доля ассигновок, падающая на Россию (50 000 000 фр.), была отпущена. Тел. от 22/9 марта за № 1293 Сазонов известил Извольского о согласии России и Англии на испрашиваемый Сербией дополнительный кредит. В ответной тел. от 25/12 марта за № 170 Извольский сообщил, что франц. прав-во, соглашаясь на него, считает необходимым отложить его до того момента, когда будет исчерпан основной аванс.

[2] Ср. № 196.

№ 238. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 724 [1]. 23/10 февраля 1915 г.

Продолжение моей телеграммы № 655 [2].

Мостоуфи-оль-Мемалек, не дождавшись результата переговоров с обеими миссиями относительно состава нового кабинета, добился утверждения такового шахом и представил его меджлису [3]. Кабинет этот, по некоторым вошедшим в него лицам, в особенности германофилу Мухбер-эс-Солтане и Эйн-эд-Доуле, избравшему своим товарищем туркофила Мирзу Сулейман-хана, не внушает нам никакого доверия.

Ввиду сего мы поручаем Коростовцу заявить Мостоуфи-оль-Мемалеку следующее: Так как кабинет сформирован им без предварительного соглашения с нами, то мы предоставляем себе полную свободу действий в зависимости от того положения, которое кабинет этот займет в отношении нас.

Во всяком случае он не может рассчитывать на какую бы то ни было поддержку с нашей стороны, пока не докажет на деле свою дружбу к нам и способность повести Персию на путь сближения с Россией и Англией.

Признаем крайне желательным в это тяжелое время, чтобы великобританское правительство выказало полную солидарность с нами в этом деле и поручило Тоунлею сделать аналогичное заявление.

Благоволите безотлагательно переговорить об этом с Греем и о последующем тотчас телеграфировать.

Сазонов.

№ 239. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

/. Телеграмма №740 [4]. 23/10 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграммы Столицы за № 439 [5] и на передаваемые

[1] Лит. копия. Эта тел. была в копии сообщена Коростовцу.

[2] См. № 215.

[3] В тел. от 21/8 февр. за № 73 Коростовец, сообщая Сазонову о состоявшемся представлении меджлису кабинета Мостоуфи-оль-Мемалека, объяснил, что «поспешность образования кабинета, невзирая на мои предостережения о неблагоприятном впечатлении, которое он произведет у нас, и заявление, что мной ожидаются инструкции из Петрограда», была вызвана «желанием Мостоуфи-оль-Мемалека угодить меджлису и, вероятно, показать ему, что в выборе министров Персии не стеснены желаниями России».

[4] Лит. копия.

[5] Тел. от 13 янв. 1915 г./31 дек. 1914 г. за № 439 Столица сообщал о предполагаемом, в связи с наблюдающимся ухудшением русско-перс. отношений, увеличении Казвинского отряда, «дабы дать министру иностранных дел действительное средство влиять на персидское правительство». В ответ на эту тел.

[телеграммы] Коростовца за №№ 69 [1] и 73 [2] и на мою от сего числа [3].

В случае проявления новым тегеранским кабинетом недружелюбного к нам отношения и склонности сблизиться с Турцией, лучшим ответом с нашей стороны было бы значительное усиление Казвинского отряда, тем более, что в таком случае наши и союзные миссии и подданные оказались бы в большой опасности.

Не откажите телеграфировать, насколько это представляется осуществимым при настоящих условиях [4].

Сазонов.

№ 240. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

*/. Телеграмма № 36. 23/10 февраля 1915 г.

Весьма секретно.

Английский посол по поручению своего правительства спросил, намерены ли мы предпринять действия против Зунгулдака, являющегося, по сведениям великобританского правительства, единственным источником снабжения Турции углем.

Благоволите о вышеизложенном доложить начальнику штаба и о последующем телеграфируйте.

Сазонов сообщил о наблюдающемся повороте Персии в сторону России, вызванном, повидимому, «намерением турок остаться в Азербайджане», и высказался против усиления Казвинского отряда, но за желательность увеличения Авербайджанского отряда, «дабы скорее отбросить от Тавриза турок» (тел. от 15/2 янв. за № 20).

[1] Тел. от 20/7 февр. за № 69 Коростовец просил разрешения заявить перс. прав-ву, что, «не желая затягивать кризиса и создавать им затруднения, мы не возражаем на назначение Эйн-эд-Доуле, но с тем, что при малейшем проявлении недружелюбия мы принуждены будем принять иные меры к ограждению своих интересов». Далее Коростовец передавал мнение Тоунлея, что согласие на назначение Эйн-эд-Доуле необходимо, так как «даже при совместном воздействии двух миссий мы не в состоянии принудить шахское правительство к назначению угодного нам кабинета, и такое понуждение рискованно, ибо может повести к длительному кризису, усилению туркофильства и даже к переходу власти к открыто враждебной партии».

[2] См. стр. 311, прим. 3.

[3] См. № 238.

[4] Тел. от 28/15 февр. за № 179 наместник на Кавказе сообщил, что он находит усиление Казвинского отряда «желательным и осуществимым в ближайшем будущем».

С своей стороны полагаю, что активные действия, начатые англо-французским флотом, дают до некоторой степени основания такому вопросу [1].

Сазонов.

№ 241. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Като.

*/. Телеграмма [2]. 23/10 февраля 1915 г.

Наш посол в Париже телеграфирует:

«Из разговора, который я имел с начальником азиатского департамента министерства иностранных дел, я убедился, что французское правительство не ведет переговоров по поводу японских требований. В местных газетах также, кроме телеграмм по этому поводу, не были помещены никакие особые статьи. Банки, имеющие сношения с Дальним Востоком, даже приветствуют желание Японии приобрести в Китае новые права. Надо полагать, что по этому вопросу французское правительство не заявит возражений. (Начальник азиатского департамента сказал, что из всех японских требований требование относительно провинции Фуцзянь для Франции является самым важным, но что, если будет признан договор 1906 [3] года, французское правительство не имеет возражений).

Следует немедленно сообщить французскому правительству о содержании наших настоятельных пожеланий, о которых мы конфиденциально сообщили английскому и русскому правительствам. Если мы не сообщим о них лишь одной Франции, мы вызовем только ее недовольство. Поэтому я прошу мне разрешить сделать это заявление при удобном случае».

№ 242. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 86 [4]. 23/10 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассе сказал мне, что из сообщенного ему Палеологом факта

[1] Тел. от 25/12 февр. за № 81 Кудашев сообщил о данном командующему Черноморским флотом предписании «иметь в виду желание английского правительства бомбардировать Зунгулдак».

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.

[3] Слова «договор 1906 г.» вставлены карандашом. В оригинале, повидимому, ошибка: имеется в виду франко-япон. договор от 10 июня/28 мая 1907 г. (опубл. Э. Д. Гримм, «Сборник договоров и других документов по Дальнему Востоку», Москва, 1927 г., стр. 170).

[4] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 241.

посылки нашим морским министерством капитана Смирнова к начальнику французской эскадры [1], он заключает, что у нас решено действовать нашим Черноморским флотом против Босфора одновременно с действиями англо-французского флота против Дарданелл. Он поручил французскому посланнику в Нише при проезде капитана Смирнова посоветовать ему ехать прямо к английскому адмиралу, командующему англо-французской эскадрой у Дарданелл, ибо адмирал Буэ де Лапейрер сейчас, вероятно, находится в Адриатическом море. Делькассе высказал мне еще раз надежду, что не только наш флот, но и наши сухопутные войска подойдут к Константинополю не позже, нежели англо-французские силы. Здешняя печать проявляет большой интерес к операциям против Дарданелл и обсуждает вопрос о будущем режиме Константинополя и Проливов, причем выражаются различные комбинации международного характера. Что касается французского правительства, то я, конечно, не имею никакого основания подозревать его в желании пренебречь нашими правами и интересами, но, не будучи точным образом осведомлено о наших видах, оно легко может пойти по ложному пути. Из телеграммы вашей № 592 [2] видно, что под влиянием требований нашего общественного мнения возможно, что мы пойдем далее наших первоначальных предположений. Для меня было бы поэтому весьма важно иметь определенные указания по настоящему вопросу, как ввиду моих разговоров с Делькассе, также и для соответствующего воздействия на печать.

Извольский.

Нужно постараться наших послов в известность относительно будущности Проливов.

Царское Село, [25] 12 февраля 1915 г.

№ 243. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 87 [3]. 23/10 февраля 1915 г.

Сэр Эдуард Грей уведомил английского посланника [4], что он сказал болгарскому представителю в Лондоне, что великобританское прави-

[1] Письмом от 24/11 февр. начальник мор. ген. штаба Русин сообщил Нератову, что, «согласно повеления верховного главнокомандующего, к английскому адмиралу, командующему эскадрой, блокирующей Дарданеллы, командирован с секретным поручением капитан II ранга М. И. Смирнов», который выехал из Одессы 23/10 февр.

[2] См. № 192.

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 107.

[4] Ср. № 191.

тельство, продолжая относиться симпатично к идее объединения разных балканских национальностей, находит однако, что положение, занятое Болгарией, не дает Англии достаточных оснований настаивать перед Сербией на территориальных уступках в пользу Болгарии. Поэтому английское правительство не берет на себя в данную минуту никаких обязательств гарантировать Болгарии те или другие территориальные приобретения, но выступление Болгарии против Турции совершенно изменило бы отношение Англии к этому вопросу.

Савинский.

№ 244. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 75. 23/10 февраля 1915 г.

Телеграмма за № 670 [1].

Мною и Тоунлеем будет сделано словесное заявление о нарушении шахским правительством нейтралитета в пользу Турции и о предписании вождям племен Курдистана и Керманшаха, бахтиарам и пр. противодействовать турецкому вторжению [2]. Мы намерены также предложить персам принять меры против агитации немцев, называющих себя консулами и находящихся в Исфагани, Касри-Ширине, Шустере. Здешние бахтиары предупредили турецкого посла, что не допустят турецкого вторжения на их территорию. Ассим-бей объяснил, что турки ничего не имеют против бахтиар и стремятся лишь отрезать путь отступления англичанам от Ахваза и Басры [3].

Коростовец.

---

[1] Тел. от 19/6 февр. за № 670 Сазонов предлагал Коростовцу совместно с Тоунлеем обсудить, какие фактические меры могли бы быть приняты против герм.-турец. консула в Исфагани Пюжена, который ведет сильную агитацию против Англии и России.

[2] Заявление должно было быть сделано согласно инструкции Сазонова, данной в его тел. от 20/7 февр. за № 693.

[3] Тел. от 26/13 февр. без номера Коростовец сообщал, что в ответ на словесное заявление посланников перс. прав-во обещало дать телеграфное предписание губернаторам и вождям племен всемерно противиться турец. наступлению, а также «приняло к сведению заявление о необходимости, в целях сохранения нейтралитета, энергично воздействовать на немцев-агитаторов».

№ 245. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо № 334 [1]. 23/10 февраля 1915 г.

Секретно.

Вчера вечером я был приглашен генералом Даниловым присутствовать на собеседовании, которое он имел с адмиралом Ненюковым и целью которого было выяснение того, что мы в силах сделать в случае, если бы Черноморскому и англо-французскому флотам удалось, прорвавшись через Проливы, подойти к столице Турции.

Все то, что я слышал от генерала Данилова, вполне совпадает с тем отзывом штаба верховного главнокомандующего, о котором я имел честь докладывать вашему высокопревосходительству и устно и письменно (мое донесение [25] 12 января с. г. [2]). Если в отношении нашего флота с тех пор произошла некоторая перемена к лучшему (удостоверены аварии, понесенные «Гебеном» [3]), то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флоты. (Я не говорю, конечно, о симулированной посадке на транспорты ополченцев, проектируемой адмиралом Эбергардом.)

Изложенное наводит на серьезные размышления. В случае — пока еще гадательного — прорыва Проливов мы окажемся лицом к лицу со следующим положением.

Константинополь будет, правда, под выстрелами трех эскадр, но завладеть им ни мы, ни союзники наши не будем в состоянии. Наступит момент, когда надо будет использовать то несомненно большое нравственное впечатление, которое произведет появление военных судов союзников у стен Константинополя. Сделать это придется спешно, пока не обнаружится наше бессилие завладеть берегами Босфора и городом. Я не сомневаюсь в том, что наши союзники, памятуя свои обещания, тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре. Но так как мы не сможем этого сделать, а использовать успех, который будет добыт Англией и Францией, вероятно, большими жертвами, можно будет с тем большей выгодою, чем скорее будут предприняты после-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 145.

[2] См. № 79. — В совершенно частном письме от 14/1февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 123) Кудашев писал, между прочим, следующее: «Генерал Янушкевич мне еще сообщил волю государя, чтобы дело о завладении Проливами сосредоточилось в ставке и что государь признает только одно решение этого вопроса: присоединение обоих Проливов».

[3] См. стр. 302, прим 3.

дующие действия, — то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных экономических и иных выгод, упразднением германского влияния и т. д. Между тем, какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертвовать своею столицею, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота никогда не захотят и не смогут. Таким образом разрешения вопроса о Проливах «в согласии с нашими интересами», как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтаниями, как бы дороги они ни были для нас. Завладение же нами Константинополем не только теперь, когда столько внешних обстоятельств для нас сложилось благоприятно, но и на долгое время останется мечтою, так как оно не соответствует ни нашей нравственной, ни нашей военной мощи.

Высказываясь так определенно в вопросе, в котором мое чувство расходится с выводами рассудка, которому однако в политике всегда следует давать предпочтение, прошу вас верить, что я не делаю это под тяжелым впечатлением неблагоприятных вестей, получаемых за последнее время с театра войны, а на основании прочно создавшегося у меня убеждения [1].

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 246. Поденная запись министерства иностранных дел.

24/11 февраля 1915 г.

Приезд в Петроград известного хорватского деятеля Супило в сопровождении серба Васильевича для доклада о нуждах и чаяниях южных славян и выяснения точки зрения России на будущую судьбу серб-хорвато-словинских земель.

[1] Письмом от 24/11 февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 146) Кудашев сообщил Сазонову следующее: «В штабе мне сказали, что генерал Данилов вдруг находит возможным посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва Проливов». В дополнение к этому письму тел. от того же числа (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 148) Кудашев сообщил, что «обсуждается, но еще окончательно не решено о посылке, в случае крайней надобности, десанта на Босфор численностью не свыше одного корпуса, взятого с Кавказа».

№ 247. Посол в Париже министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 89 [1]. 24/11 февраля 1915 г.

Получил ваши телеграммы №№ 722 [2] и 723 [3].

Делькассе сказал мне, что он не преминул зондировать почву в Софии и пришел к убеждению, что Радославов и Тончев слишком связали себя с австро-германцами, чтобы поддаться указанным в телеграмме Барка способам воздействия; генерал Савов, повидимому, более доступен такому воздействию, и Делькассе намерен предпринять по отношению к нему дальнейшие шаги. Впрочем, по убеждению Делькассе, решительное влияние на болгарское правительство, положение которого весьма непрочно, будет иметь исход союзных операций против Проливов и Константинополя.

Извольский.

№ 248. Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Серафимов министру иностранных дел.

Телеграмма № 127. 24/11 февраля 1915 г.
Через Дедеагач [4].

Доверительно.

Продолжение № 126.

Пасифисты сообщают, что им удалось склонить комитет на свою сторону. Вопреки заявлениям германского посла и приготовлениям к

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 256.

[2] Тел. от 23/10 февр. за № 722 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 256 под № 719) Сазонов, ссылаясь на переданную Бенкендорфом тел. Барка о подкупе болг. деятелей (см. № 155), высказывал мнение, что «политические соображения говорят, казалось бы, в пользу этой сделки», и запрашивал о точке зрения Делькассе по этому вопросу.

[3] Тел. за № 723 была передана в Париж тел. Бенкендорфа от 8 февр./26 янв. за № 75 (см. № 155).

[4] С началом подготовки к дарданельской экспедиции росс. верх. командованию потребовалась бесперебойная доставка «срочных сведений о движении военных судов и транспортов» от его агентов в Турции. 17/4 янв. Поклевский, по поручению Сазонова, испросил у Братиану разрешение на передачу шифром через рум. дипл. миссию в К-поле тел. русского чиновника Серафимова, находившегося при итал. посольстве в К-поле. 7 февр./25 янв. рум. посланник Ману заявил Серафимову: «При всей искренности моих чувств к России считаю недопустимой для джентльмена такую передачу, и мне будет стыдно смотреть в глаза великому визирю». Тем не менее тел. Серафимова отправлялись за подписью советника рум. миссии. 23/10 февр. Братиану одобрил точку зрения Ману, и осведомительная служба Серафимова должна была прекратиться.

обороне, указанным в телеграмме 132 [1], он решил, лишь только прорыв англо-французов через Дарданеллы станет очевидным, созвать совет из 210 человек под председательством наследника престола. Сто членов комитета, сто наиболее выдающихся людей Турции различных лагерей и десять принцев крови решат судьбу империи. Большинство членов предполагаемого собрания уже предупреждено, равно как и Юсуф-Изеддин, давший свое согласие. Ввиду срочности указанных решений комитет уже ведет под рукой подготовку заседания, постановление коего старается заранее установить.

Серафимов.

№ 249. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 5. 24/11 февраля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из всех здешних политических вопросов единственным, привлекающим к себе за последнее время общее внимание, является тот кризис, в который вступили японо-китайские отношения со времени вручения лично президенту Юань Ши-каю японским посланником, по возвращении его из отпуска, длинного списка требований, предъявляемых Японией Китаю.

Последовательными секретными телеграммами моими я имел честь доносить вашему высокопревосходительству обо всем происходившем здесь в этом отношении. Полного текста японских требований, сообщенного ныне, по словам китайского министра иностранных дел, главнейшим заинтересованным в Китае державам, до сих пор, насколько мне известно, ни у кого из здешних иностранных представителей не

После сильного нажима из Петрограда «Братиану вызвал 21/8 марта в Бухарест советника румынской миссии в Константинополе, чтобы путем личных переговоров наладить дело о передаче телеграмм Серафимова». Через неделю советник вернулся в К-поль с соответствующими инструкциями. (Тел. Сазонова Поклевскому от 17/4 янв. за № 73, от 23/10 февр. за № 734 и от 14/1 марта за № 1146; тел. Нератова Серафимову от 17/4 янв. за № 76; тел. Поклевского от 21/8, 29/16 марта за №№ 167 и 182 и Серафимова от 7 февр./25 янв. и 10 февр./28 янв. за №№ 105 и 107.)

[1] Тел. за № 132 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, следует читать: № 126, от 23/10 февр., в которой Серафимов сообщал о предполагавшемся в связи с бомбардировкой Дарданелл выезде султана из столицы и о заявлении герм. посла итальянскому, что «Энвер и немцы останутся в Константинополе, где, якобы, окажут нам отчаянное сопротивление».

имеется, хотя вай-цзяо-бу на-днях и обещало доверительно доставить его мне.

Однако и сообщенных уже мне Лу Чжэн-сяном данных достаточно, чтобы признать, что среди японских требований имеются некоторые, — как, например, приглашение Китаем «авторитетных» японских советников по политическим, военным и финансовым вопросам и участие Японии в реорганизации полиции в Китае, — которые являются отнюдь не безразличными для наших интересов и которые серьезно угрожают независимости Китая, особенно если принять во внимание свойственную японцам манеру, при осуществлении на практике своих требований, толковать их в самом распространительном смысле, к чему они, как меня уверяют, обнаружили уже склонность и в настоящем вопросе, при словесных объяснениях с китайцами о некоторых подробностях. Неудивительно поэтому, если Юань Ши-кай действительно решился до конца сопротивляться некоторым из домогательств японцев, заявив при этом, что он никогда не допустит, чтобы Китай постигла судьба Кореи. Повидимому, президент надеется, что ему удастся сравнительно благополучно выпутаться из настоящего тяжелого положения, но на чем он при этом основывает свои рассчеты, — сказать трудно. В помощи со стороны Великобритании, на которую они вначале считали себя в праве надеяться, китайцы не замедлили разочароваться. Быть может, они еще рассчитывают на содействие Соединенных Штатов, которые, как здесь говорят, приступили к обмену мыслей по настоящему вопросу с остальными державами, хотя здешний американский посланник и не имеет из Вашингтона никаких указаний, подтверждающих этот слух. Более вероятным однако кажется мне, что Юань Ши-кай надеется, что японцы в конце концов удовлетворятся теми, в сущности весьма значительными, уступками, которые китайское правительство будет готово им сделать, и откажутся от самых тяжелых из своих требований, не желая прибегать к военным действиям, которые легли бы непосильным бременем на и без того плохие финансы Японии и, кроме того, самым неблагоприятным образом отозвались бы на представляющей для японцев громадную важность обширной торговле их с Китаем. К японским военным демонстрациям и даже высадке японских войск в некоторых пунктах Китая китайское правительство вполне подготовлено; они не встретят никакого сопротивления со стороны китайцев, но и не окажут на них желаемого воздействия, так как не заставят их преклониться перед всеми без исключения требованиями Японии.

Большой козырь в своей игре китайцы, повидимому, усматривают

в том обстоятельстве, что, оповещая остальные державы о предъявленных Китаю требованиях, Япония в сообщенном им списке последних утаила целый ряд весьма важных своих домогательств. Пекинское правительство полагает, что такое двуличие, сделавшись ныне всем известным, неизбежно поставит Японию в ложное положение и стеснит до некоторой степени ее свободу действий. В соответствии с этим вся местная пресса, очевидно, по данному ей лозунгу, старается особенно подчеркнуть помянутое обстоятельство и в образе действий Японии желает видеть готовность ее отказаться от тех требований, о которых она не упомянула в своем сообщении державам. Мне думается однако, что подобная газетная кампания не только не достигнет преследуемой ею цели, но скорее может даже привести к обратным результатам и что китайское правительство поступило бы разумнее, соблюдая и в этом отношении тот осторожный образ действий, которого оно продолжает вообще придерживаться в настоящем вопросе.

Любопытно отметить, что между тем как английские официальные лица, в глубине души чрезвычайно недовольные выступлением Японии, соблюдают в этом деле крайнюю сдержанность, — вся дальневосточная английская пресса и все столь вообще влиятельные английские коммерческие круги в Китае, не без основания усматривая в японских требованиях большую опасность для своих интересов, самым резким образом высказываются против них и открыто выражают свое сочувствие китайцам. Это дает в свою очередь повод японской печати упрекать англичан в недружелюбии к Японии, причем особенным нападкам подвергается здешний великобританский посланник сэр Дж. Джордан, известный своими симпатиями к Китаю.

До сих пор японо-китайские переговоры не подвинулись ни на шаг вперед, и обе стороны на происходящих между ними совещаниях продолжают выказывать крайнее упорство.

Примите и пр.

В. Крупенский.

P. S. Министр иностранных дел только-что прислал ко мне чиновника с поручением под строжайшим секретом передать прилагаемый при сем английский перевод текста японских требований.

Ut in litteris.

В. Крупенский.

Приложение.

Translation of Documents handed to the President Yuan Shih-kai, by Mr. Hioki, the Japanese Minister, on January 18th, 1915 [1].

I

The Japanese Government and the Chinese Government being desirous of maintaining the general peace in Eastern Asia and further strengthening the friendly relations and good neighbourhood existing between the two nations agree to the following articles:

Article 1. The Chinese Government engages to give full assent to all matters upon which the Japanese Government may hereafter agree with the German Government relating to the disposition of all rights, interests and concessions, which Germany, by virtue of treaties or otherwise, possesses in relation to the province of Shantung.

Article 2. The Chinese Government engages that within the province of Shantung and along its coast no territory or island will be ceded or leased to a third Power under any pretext.

Article 3. The Chinese Government consents to Japan's building a railway from Chifu or Lunkou to join the Kiaochow — Chinanfu railway.

Article 4. The Chinese Government engages, in the interest of trade and for the residence of foreigners, to open by herself as soon as possible certain important cities and towns in the Province of Shantung as commercial Ports. What places shall be opened are to be jointly decided upon in a separate agreement.

II

The Japanese Government and the Chinese Government, since the Chinese Government has always ackonowledged the special position enjoyed by Japan in South Manchuria and Eastern Inner Mongolia, agree to the following articles:

Article 1. The two Contracting Parties mutually agree that the term of lease of Port Arthur and Dalny and the term of lease of the South Manchurian Railway and the Antung-Mukden Railway shall be extended to the period of 99 years.

Article 2. Japanese subjects in South Manchuria and Eastern Inner Mongolia shall have the right to lease or own land required either for erecting suitable buildings for trade and manufacture or farming.

[1] Заголовок оригинала. Опубл. в япон. белой книге стр. 3. (ср. стр. 208, прим. 1).

Article 3. Japanese subjects shall be free to reside and travel in South Manchuria and Eastern Inner Mongolia and to engage in business and in manufacture of any kind whatsoever.

Article 4. The Chinese Government agrees to grant to Japanese subjects the right of opening the mines in South Manchuria and Eastern Inner Mongolia. As regards what mines are to be opened, they shall be decided upon jointly.

Article 5. The Chinese Government agrees that in respect of the two cases mentioned herein below the Japanese Government's consent shall be first obtained before action is taken:

(a) Whenever permission is granted to the subject of a third Power to build a railway or to make a loan with a third Power for the purpose of building a railway in South Manchuria and Eastern Inner Mongolia.

(b) Whenever a loan is to be made with a third Power pledging the local taxes of South Manchuria and Eastern Inner Mongolia as security.

Article 6. The Chinese Government agrees that if the Chinese Government employs political, financial or military advisers or instructors in South Mandchuria or Eastern Inner Mongolia, the Japanese Government shall first be consulted.

Article 7. The Chinese Government agrees that the control and management of the Kirin—Changchun railway shall be handed over to the Japanese Government for a term of 99 years dating from the signing of this Agreement.

III

The Japanese Government and the Chinese Government, seeing that Japanese financiers and Hanyehping Company have close relations with each other at present and desiring that the common interest of the two nations shall be advanced, agree to the following articles:

Article 1. The two Contracting Parties mutually agree that when the opportune moment arrives the Hanyehping Company shall be made a joint concern of the two nations and they further agree that without the previous consent of Japan, China shall not by her own act dispose of the rights and property of whatsoever nature of the said Company nor cause the said Company to dispose freely of the same.

Article 2. The Chinese Government agrees that all mines in the neighbourhood of those owned by the Hanyehping Company shall not be permitted, without the consent of the said Company, to be worked by other persons outside of the said Company; and further agree that if it is desired to carry out any undertaking which, it is apprehended, may

directly or indirectly affect the interests of the said Company, the consent of the said Company shall first be obtained.

IV

The Japanese Government and the Chinese Government with the object of effectively preserving the territorial integrity of China agree to the following special article:

The Chinese Government engages not to cede or lease to a third Power any harbour or bay or island along the coast of China.

V [1]

Article 1. The Chinese Central Government shall employ influential Japanese as advisers in political, financial and military affairs.

Article 2. Japanese hospitals, churches and schools in the interior of China shall be granted the right of owning land.

Article 3. Inasmuch as the Japanese Government and the Chinese Government have had many cases of dispute between Japanese and Chinese police to settle, cases which caused no little misunderstanding, it is for this reason necessary that the police departments of important places (in China) shall be jointly administrated by Japanese and Chinese or that the police department of these places shall employ numerous Japanese, so that they may at the same time help to plan for the improvement of the Chinese police service.

Article 4. China shall purchase from Japan a fixed amount of munitions of war (say 50% or more of what is needed by the Chinese Government) or that there shall be established in China a Sino-Japanese jointly worked arsenal. Japanese technical experts are to be employed and Japanese material to be purchased.

Article 5. China agrees to grant to Japan the right of constructing a railway connecting Wuchang with Kiukiang and Nanchang, another line between Nanchang and Hanchow, and another between Nanchang and Chaochow.

Article 6. If China needs foreign capital to work mines, build

[1] 24/11 февр. япон. пос-во в Петрограде передало Сазонову пам. записку, в которой сообщало, что «помимо предъявленных недавно китайскому правительству требований, (см. стр. 191, прим. 1) японское правительство сочло нужным высказать ему определенное число пожеланий в целях положить конец переговорам, которые тянулись в течение долгого времени между обоими правительствами». Далее в этой пам. записке передавалось содержание 7 пунктов V группы.

railways and construct harbour works (including dockyard) in the Province of Fukien, Japan shall be first consulted.

Article 7. China agrees that Japanese subjects shall have the right to propagate Buddhism in China.

Перевод

Перевод документов, врученных президенту Юань Ши-каю японским посланником г. Хиоки 18 января 1915 г.

I

Японское правительство и китайское правительство, стремясь к сохранению общего мира в Восточной Азии и к дальнейшему укреплению дружественных и добрососедских отношений, существующих между обеими нациями, соглашаются на следующие статьи:

Статья 1. Китайское правительство обязуется дать полное согласие на все то, о чем японское правительство может впоследствии договориться с германским правительством касательно пользования всеми правами, интересами и концессиями, которыми Германия в силу договоров или на другом основании обладает по отношению к Шаньдунской провинции.

Статья 2. Китайское правительство дает обязательство не уступать и не сдавать в аренду никакой части территории или островов в пределах провинции Шаньдун или вдоль ее берега третьей державе под каким бы то ни было предлогом.

Статья 3. Китайское правительство выражает согласие на постройку Японией железной дороги из Чифу или Лункоу на соединение с железной дорогой Киао-чжоу — Цинаньфу.

Статья 4. Китайское правительство принимает обязательство в интересах торговли и для проживания иностранцев открыть по собственной инициативе как можно скорее некоторые из важных городов в Шаньдунской провинции в качестве торговых портов. О том, какие пункты должны быть открыты, должно быть сообща определено в особом соглашении.

II

Японское правительство и китайское правительство, считаясь с тем, что китайское правительство всегда признавало особое положение, занимаемое Японией в Южной Манчжурии и в Восточной Внутренней Монголии, соглашаются на следующие статьи:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, что срок аренды Порт-Артура и Дальнего и срок аренды Южно-Манчжурской и Аньдун — Мукденской железных дорог должен быть продлен на срок 99 лет.

Статья 2. Японские подданные в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии должны иметь право арендовать или владеть землею, необходимой или для постройки зданий, отвечающих торговым и промышленным целям, или же для сельского хозяйства.

Статья 3. Японские подданные свободно допускаются к проживанию и пере-

движению в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, к занятию там торговой деятельностью и к устройству промышленных предприятий какого бы то ни было рода.

Статья 4. Китайское правительство соглашается предоставить японским подданным право эксплоатации копей в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии. Что касается того, какие копи должны быть открыты, то это должно быть определено сообща.

Статья 5. Китайское правительство соглашается, что в двух нижеупомянутых случаях должно быть получено предварительное согласие японского правительства, прежде чем будут предприняты соответствующие действия:

а) каждый раз, как будет даваться разрешение подданному третьей державы на постройку железной дороги или на заключение займа с третьей державой на сооружение железной дороги в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии;

б) каждый раз, когда будет заключаться заем у третьей державы под залог местных пошлин в Южной Манчжурии или Восточной Внутренней Монголии.

Статья 6. Китайское правительство соглашается, что, если китайское правительство будет пользоваться услугами политических, финансовых или военных советников или инструкторов в Южной Манчжурии или Восточной Внутренней Монголии, то предварительно будет запрошено японское правительство.

Статья 7. Китайское правительство соглашается на то, что контроль и управление Гирин — Чанчунской железной дороги будут переданы в руки японского правительства на срок 99 лет, считая со дня подписания этого соглашения.

III

Японское правительство и китайское правительство, усматривая, что японские финансисты и Ханьепинская компания имеют в данное время тесные сношения друг с другом, и желая дальнейшего преуспеяния общих интересов обеих наций, соглашаются на следующие статьи:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, что, когда наступит благоприятный момент, Ханьепинская компания будет обращена в объединенный концерн обоих народов; сверх того, они соглашаются, что без предварительного согласия Японии Китай не будет ни распоряжаться по собственному усмотрению всякого рода правами и собственностью упомянутой компании, ни побуждать ее распоряжаться ими по ее усмотрению.

Статья 2. Китайское правительство соглашается, что разработка всех копей, расположенных по соседству с теми, которыми владеет Ханьепинская компания, не будет разрешена без ее одобрения лицам, не принадлежащим к этой компании. Равным образом оно соглашается на то, что если будет признано желательным осуществить какое-либо предприятие, вызывающее опасение, что оно может прямо или косвенно затронуть интересы указанной компании, то предварительно должно быть получено согласие названной компании.

IV

Японское правительство и китайское правительство в целях действительного сохранения территориальной неприкосновенности Китая соглашаются на следующую особую статью:

Китайское правительство обязуется не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какого бы то ни было порта, бухты или острова вдоль берега Китая.

V

Статья 1. Китайское центральное правительство будет приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам.

Статья 2. Японским госпиталям, церквам и школам должно быть предоставлено право владеть землею внутри Китая.

Статья 3. Поскольку японское правительство и китайское правительство вынуждены были разрешать многие случаи столкновений между японской и китайской полицией, — случаи, создававшие немало недоразумений, — необходимо, чтобы полицейские управления в важных пунктах (в Китае) управлялись совместно японцами и китайцами или же, чтобы полицейские управления этих пунктов принимали на службу многочисленных японцев с тем, чтобы последние могли одновременно помочь при выработке плана по улучшению китайской полицейской службы.

Статья 4. Китай будет приобретать в Японии определенное количество военного снаряжения (приблизительно 50% или более того, что необходимо китайскому правительству) или будет создан в Китае на началах совместной работы китайско-японский арсенал. При этом должны быть приглашены японские технические эксперты и приобретен японский материал.

Статья 5. Китай соглашается предоставить Японии право постройки железной дороги, соединяющей Учан с Цзюцзяном и Наньчаном, а также линии между Наньчаном и Ханчжоу, и, наконец, линии между Наньчаном и Чаочжоу.

Статья 6. Если Китай нуждается в иностранном капитале для эксплоатации копей, постройки железных дорог и портов (включая доки) в провинции Фуцзянь, то предварительно должна быть запрошена Япония.

Статья 7. Китай соглашается на то, чтобы японские подданные имели право проповедывать буддизм в Китае.

№ 250. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 768. 25/12 февраля 1915 г.

Сообщается в Токио и Пекин.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 526 (525) [1].

Японский посол доверительно сообщил мне дополнительный список требований, предъявленный японским правительством Китаю [2]. Тождественное сообщение несомненно сделано и правительству, при котором вы аккредитованы.

---

[1] За этими номерами была послана в Париж и Лондон тел. Крупенского за № 53 (см. № 159).

[2] См. стр. 324, прим. 1.

С точки зрения русских интересов, неудобными являются те из сказанных требований, которые касаются приглашения японских советников в состав центрального китайского правительства и учреждения смешанной японо-китайской полиции в различных местностях Китая, так как их удовлетворение отдало бы Китай под опеку Японии. Что касается требований концессий на железные дороги в долине Янтце-кианга и прав контроля за привлечением иностранных капиталов для предприятий в Фуцзянской провинции, то я заметил японскому послу, что по этим вопросам японскому правительству следовало бы предварительно сговориться с Англиею и Франциею.

Благоволите доверительно ознакомить министра иностранных дел с такими нашими взглядами на дополнительные требования Японии и выяснить его к ним отношение [1].

[Сазонов.]

№ 251. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 779 [2]. 25/12 февраля 1915 г.

По сведениям морского штаба: 1) новая группа турецких морских офицеров послана в Германию для надзора за перевозкой подводных лодок чрез Румынию, 2) заключается соглашение Турции с Румынией о вывозе меди для Турции, 3) единственным средством помешать серьезной починке «Гебена» и других судов — это остановить разрешенный Болгариею пропуск ранее задержанных военных грузов для Турции.

Полагаю необходимым, чтобы вы приложили всяческие усилия к получению полной уверенности, что ни подводные лодки, ни задержанные военные грузы не прошли бы в Турцию, а также не было заключено соглашение с Турцией о вывозе меди [3].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 25/12 февр., расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Мотоно сообщал Като, что в ответ на япон. пам. записку (см. стр. 324, прим. 1) Сазонов высказался за желательность изменения пункта 1, который «производит впечатление, как будто бы Япония желает осуществить контроль над Китайской республикой», и заявил, что относительно остальных условий «он не имеет особых возражений».

[2] Лит. копия.

[3] На это Поклевский ответил: «Румынское правительство уверяет, что оно никоим образом не отступит от данного им уже обещания о непропуске в Турцию подводных лодок, военных грузов и машин для исправления «Гебена». Что же касается меди, то в Румынии, по словам Поклевского, запасов ее не имеется, и никаких переговоров о вывозе ее не ведется (тел. Поклевского Сазонову от 4 марта /19 февр. за № 124).

№ 252. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 126. 25/12 февраля 1915 г.

Reçu No 655 [1].

Ai chargé Sabline remettre mémorandum disant que nouveau Cabinet projeté était composé d'éléments qui ne pourraient pas nous inspirer confiance, que vous appréhendiez difficultés nouvelles et que subside financier sera emprunté difficilement, que l'important serait arrêter toute transformation jusqu'entrée en fonctions nouveaux représentants [2]. Vous ai communiqué réponse faite à Sabline sub No 122 [3]. Ce matin Grey m'a dit que par égard pour nos préventions, que d'ailleurs Grey ne partage pas, Townley n'avait pas appuyé candidature Ein-ud-Dovleh. Nomination de Muchabir déplait ici comme ... quoique pour motifs plus personnels. Point de vue anglais pour maniement affaires persanes en ce moment vous est connu. Il ne me sera pas possible le modifier au moment surtout où l'Orient devient un des points des plus importants du théâtre de guerre que mutinerie à Singapour [4] met en relief et qui pourrait paralyser Angleterre dans sa lutte. Grey considère que toute démarche à Téhéran qui ne serait d'urgence pour affaires générales serait imprudente. Lord Hardinge et les ministres des Indes et des colonies appuient sur ce point de vue le plus possible. D'un autre côté je dois constater que à aucun moment non seulement l'attitude du gouvernement anglais, mais celle de toute l'opinion publique anglaise ne nous a été plus favorable. Ce progrès s'accentue tous les jours. Je crois que tout dissentiment de principe avec Grey au sujet Perse serait, vu ces circonstances, tout à fait regrettable. Je me rends parfaitement compte de l'importance de nos intérêts locaux, mais je demande s'il est possible leur donner en ce moment la place au premier rang qui d'ailleurs leur appartient. Grey, sans être satisfait des modifications ministérielles en Perse ne leur attribue pas, je crois, l'importance au point de vue spécial que vous leur attribuez, et il attendra, pour se prononcer de voir le Cabinet réformé à l'oeuvre.

---

[1] См. № 215.

[2] См. № 81.

[3] Тел. от 24/11 февр. за № 122 Саблин, по поручению Бенкендорфа, известил м-во, что, согласно сведениям англ. м-ва ин. дел, Мостоуфи-оль-Мемалек уже представил новый кабинет меджлису и что Коростовец не протестовал против включения в состав его Эйн-эд-Доуле, считая, что «при настоящих условиях в Тегеране двум миссиям невозможно влиять на выборы министров».

[4] См. №№ 214 и 223.

Je crois devoir vous signaler que toute démarche ultérieure sur ingérence directe en ce point serait tout à fait contraire au point de vue politique anglaise sur la situation et constituerait le dissentiment qu'il me paraît d'urgence prévenir et éviter après, surtout, la concession importante qui nous a été faite sur la représentation.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 655.

Поручил Саблину передать меморандум, гласящий, что предполагаемый новый кабинет составлен из элементов, не могущих внушить нам доверия, что вы опасаетесь новых затруднений и что финансовую субсидию будет трудно получить при помощи займа, что было бы очень важно приостановить всякие изменения впредь до вступления в должность новых представителей. Я вам сообщил данный Саблину ответ за № 122. Сегодня утром Грей сказал мне, что ввиду нашего предубеждения, которого, впрочем, он, Грей, не разделяет, Тоунлей не поддержал кандидатуры Эйн-эд-Доуле. Назначение Мухбера не нравится здесь как... хотя и по мотивам более личного свойства. Английская точка зрения относительно направления персидских дел в настоящее время вам известна. Для меня будет невозможно изменить ее, особенно в момент, когда Восток становится одним из наиболее важных пунктов театра войны, ярким доказательством чему является мятеж в Сингапуре, а это могло бы парализовать Англию в ее борьбе. Грей считает, что всякое выступление в Тегеране, не являющееся крайне необходимым в связи с общим положением дел, было бы неосторожно. Лорд Гардинг и министры Индии и колоний чрезвычайно настаивают на этой точке зрения. С другой стороны, я должен отметить, что никогда не только позиция английского правительства, но и всего английского общественного мнения не была для нас более благоприятна. Прогресс в этом отношении сказывается с каждым днем. Я думаю, что всякое принципиальное разногласие с Греем по поводу Персии при этих обстоятельствах было бы в высшей степени прискорбно. Я вполне отдаю себе отчет в важности наших местных интересов, но я спрашиваю, возможно ли в данный момент отвести им то первое место, которое им принадлежит обычно. Грей, не будучи удовлетворен министерскими переменами в Персии, не придает им, думаю, важности со специальной точки зрения, которую им придаете вы, и, чтобы высказаться, он будет выжидать того момента, когда преобразованный кабинет примется за работу. Я считаю долгом указать вам, что всякий последующий шаг в смысле непосредственного вмешательства в это дело шел бы совершенно в разрез с английской политической точкой зрения на общее положение и создал бы расхождение, которое, мне кажется, крайне важно предупредить и предотвратить, в особенности после важной уступки, сделанной нам в области представительства.

Бенкендорф.

№ 253. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 129 [1]. 25/12 февраля 1915 г.

Copie Paris.

Reçu votre télégramme No No 305 [2] et 495 [3].

Propositions japonaises à la Chine ont fait l'objet d'une conversation entre Nicolson, Cambon et moi. En réponse à Cambon Nicolson a dit que le gouvernement japonais n'avait en aucune façon consulté le gouvernement britannique en cette question. Il m'a dit que Foreign Office n'avait pas encore pu examiner une à une toutes les exigences japonaises, que l'important était de se rendre compte de l'attitude réelle du Japon, qu'au début elle paraissait intransigeante, mais que depuis le gouvernement japonais avait, à plusieurs reprises, complété ses premières communications très confidentielles en donnant, de sa propre initiative, des explications conciliantes qui réduisent la question à moindres proportions. Pour cette raison le gouvernement anglais compte encore à s'en tenir à une attitude expectante et à ne pas hâter ses observations.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил ваши телеграммы №№ 305 и 495.

Японские предложения Китаю послужили предметом разговора между Никольсоном, Камбоном и мной. Отвечая Камбону, Никольсон сказал, что японское правительство совершенно не обращалось по этому вопросу к английскому правительству и что Foreign Office не мог еще рассмотреть последовательно все японские требования одно за другим; что важно отдать себе отчет в действительной позиции Японии, что вначале эта позиция казалась непреклонной, но что затем японское правительство многократно дополняло свои первые, строго доверительные сообщения, давая по собственному почину примирительные объяснения, которые сводят вопрос к меньшим размерам. По этой причине английское правительство предполагает пока придерживаться выжидательной позиции и не спешить со своими представлениями.

Бенкендорф.

№ 254. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 91 [4]. 25/12 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Некоторые здешние финансовые деятели, из числа самых почтенных

[1] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] См. стр. 148, прим. 2.

[3] За № 495 была передана в Лондон тел. Сазонова за № 468, см. № 150.

[4] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 311.

и преданных России, обратили мое внимание на проживающего в Лондоне бывшего советника младотурецкого правительства армянина Гульбенкияна, как на человека, который охотно взялся бы осуществить дело подкупа турецких деятелей с целью вызвать в Константинополе переворот в пользу держав Согласия. Гульбенкиян обладает состоянием в 25 миллионов фунтов и состоит главным акционером Нидерландского нефтяного общества. Он состоит в близких отношениях с богатыми соплеменниками в России. Передавшие мне об этом финансовые деятели присовокупляют, что сами они по своему положению не могут завязать переговоры с Гульбенкияном по столь щекотливому делу [1].

Извольский.

№ 255. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Т/. Телеграмма № 51. 25/12 февраля 1915 г.

Здесь за последнее время чувствуется сильная германская интрига, дабы побудить скандинавские страны, особливо же Швецию и ее короля, взять почин мирных переговоров между Германией и Россией. Здесь при дворе и в обществе сердечно сочувствуют подобной мысли, и публикуемые германским генеральным штабом известия об огромных потерях наших и полном поражении и уничтожении X армии принимаются здесь на веру и еще более поощряют миротворческий пыл шведов. Я считал бы полезным не допустить, чтобы дело дошло до формальных с шведской стороны предложений, ибо несомненный и решительный с нашей стороны отказ раздражил бы короля и общественное мнение; между тем как категорическое, но заблаговременное с нашей стороны предупреждение, что всякие попытки к примирению покамест совершенно неосуществимы, будет здесь принято к сведению и оставит шведам надежду на будущее. Не найдете ли ваше высокопревосходительство удобным объясниться в этом смысле при удобном поводе с Брандстремом?

Неклюдов.

[1] Тел. от 27/14 февр. за № 840 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 311) Сазонов поручил Бенкендорфу выяснить, не пожелает ли англ. прав-во «воспользоваться мыслью французских финансистов», так как «всякие беспорядки в Константинополе могут только облегчить намеченную цель». В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4073, имеется следующий проект тел. Сазонова в Париж и Лондон от 27/14 февр. с пометой: «Non avenu», ссылающейся на тел. Извольского за № 91: «При настоящих условиях не вижу никакого основания для нас вступать в переговоры об устройстве переворота в Константинополе. Ныне наступил момент осуществления заветного стремления России утвердиться на Проливах и Константинополе, с чем, очевидно, не сможет примириться ни одна турецкая партия».

№ 256. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 12. 25/12 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя преобразование кабинета путем включения в него принца Эйн-эд-Доулэ и Мухбер-эс-Солтане было решено несколько времени тому назад, Мостоуфи-оль-Мемалек не решался представить новых министров меджлису, не без основания предвидя, что выбор этот вызовет наше неудовольствие. Не имея возможности увидеть Мостоуфи-оль-Мемалека, я еще раз обратился к министру иностранных дел (уже подавшему в отставку) и указал ему на неблагоприятные последствия дальнейшего испытывания терпения императорского правительства. Ала-эс-Солтане ответил по обыкновению уклончиво, сославшись на председателя совета, на меджлис и общественное мнение, прибавив, что вопрос еще обсуждается. Накануне представления министров меджлису я виделся с Моин-оль-Везаре и предупредил его, что намеченный состав министров произведет весьма дурное впечатление в Петрограде, и вообще советовал изменить политический курс. Моин-оль-Везаре сначала уверял, что состав кабинета еще не выяснен окончательно, а затем стал доказывать, что названные министры одушевлены наилучшими намерениями, что Эйн-эд-Доуле никогда не был противником России и что он намерен действовать в полном согласии с нами. Что касается Мухбер-эс-Солтане, то его германофильство чисто теоретическое, что, между прочим, видно из того, что в Ширазе он энергично подавил попытки германо-турецкой агитации. Далее Моин сослался на необходимость иметь в составе правительства авторитетное лицо, ввиду брожения племен и усиления мусульманской пропаганды.

В тот же день я был у сэра В. Тоунлея и просил его воздействовать на Мостоуфи-оль-Мемалека в смысле изменения намеченной министерской комбинации или отсрочки таковой до приезда новых представителей России и Великобритании. На мое объяснение, что в Петрограде ничего не имеют против обновления кабинета, но желали бы видеть у власти людей энергичных и благожелательных, мой английский товарищ заявил, что ему очень трудно возражать против помянутых кандидатов, и выразил сожаление, что мы не указываем, какие именно лица нам желательны, но тут же заметил, что наши избранники, то есть лица, предлагавшиеся нами раньше, например, Саад-эд-Доуле, Восуг-эд-Доуле, принц Ферман-Ферма и Сепехдар, не подходят, ибо имеют против себя меджлис и общественное мнение. Когда я высказал

предположение, что наше совместное представление, поддержанное категорическим предупреждением об отказе в авансе и принятии мер к ограждению своих интересов должно произвести на персов должное впечатление, сэр В. Тоунлей заметил, что такое выступление бесполезно, ибо в настоящее время обе миссии не могут серьезно повлиять на шахское правительство и заставить его подчиниться нашим желаниям. Он, кроме того, считает, что совместный шаг возбудит общественное мнение и усилит турецко-германскую партию. Что касается преобразования кабинета, то он имеет заверение Эйн-эд-Доуле не принимать министерского поста до получения нашего одобрения. Такое же обещание получено им от главы кабинета.

Несмотря на заверения персов повременить с обновлением кабинета, таковое все же состоялось, и [20] 7 февраля Мостоуфи-оль-Мемалек представил новых министров меджлису. Не придавая слишком серьезного значения смене персидских кабинетов и министров, людей без всяких политических убеждений и принадлежащих, за немногими исключениями, к одной категории казенных паразитов, я не могу не отметить вызывающего характера сделанного персами шага, особенно ввиду полученных ими с нашей стороны предупреждений. Во всяком случае стоящее ныне во главе Персии правительство этим поступком еще раз доказало, что не намерено считаться с русскими советами и мало дорожит нашим расположением. Хотя английский посланник и обобщает такое заключение, находя, что неменьшее пренебрежение проявлено и в отношении Великобритании, однако с подобным взглядом едва ли можно согласиться. Здесь все знают и открыто говорят, что новый кабинет сформирован, если не при поддержке, то с согласия великобританской миссии. Впрочем сэр В. Тоунлей не отрицает своих симпатий к принцу Эйн-эд-Доуле, с которым он и г. Черчилль уже давно находятся в постоянных сношениях. Я лично не разделяю увлечения моего английского товарища государственными способностями названного принца, который якобы один только и может направить персидскую политику в русло дружественного нам нейтралитета и положить конец германо-турецкой интриге. Мне кажется, что даже если бы Эйн-эд-Доуле пожелал переменить фронт с целью заручиться нашей поддержкой, то ему будет весьма трудно [это] сделать, ввиду его связей с демократической партией и известных мусульманских симпатий. Я также не могу согласиться с мнением сэра В. Тоунлея, что совместное русско-английское выступление по поводу смены кабинета было бы бесцельным и еще более возбудило бы против нас общественное мнение. Такое выступление, — но, конечно, прямое и искрен-

нее, — принесло бы хоть ту пользу, что показало бы солидарность двух миссий и помешало бы усилению популярности одной из них за счет другой, что, к сожалению, в последнее время наблюдалось довольно часто. Рекомендуя в своих телеграфных донесениях согласиться на предположенную министерскую комбинацию, я имел главным образом в виду подчеркнуть эту солидарность и отсутствие различия во взглядах между мной и моим английским коллегой. Мне думается, что сэр В. Тоунлей уж чересчур преувеличивает опасность мусульманского движения и джихада, угрожающих Афганистану и Индии, и что многие его действия диктуются именно этими опасениями. По крайней мере, в разговорах со мной он неоднократно с горечью замечал, что у нас недостаточно считаются с возможностью взрыва панисламизма с со всеми его последствиями для английских интересов в Азии.

Принц Шоа-эс-Солтане, которого я просил сообщить мне свой взгляд на предположенное обновление кабинета, просил меня рекомендовать вашему высокопревосходительству оказать доверие принцу Эйн-эд-Доуле и не возражать против его назначения, так как принц, будто бы, искренно намерен с нами сблизиться и вообще не предпринимать ничего враждебного русским интересам. Это заступничество объясняется стародавними отношениями между вышеупомянутыми лицами и чувством благодарности за помощь, оказанную названным сановником принцу Шоа против бывшего шаха Мохамеда-Али и Садразама. Как известно, Эйн-эд-Доуле даже пытался провести принца Шоа в велиагды.

Примите и пр

Коростовец.

№ 257. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

*/. Телеграмма № 809 26/13 февраля 1915 г.

№ 384 [1] получен.

Одобряя ваши предположения относительно редакции первого и второго пунктов статьи, касающейся юрисдикции, считаем необходимым настаивать на разъяснении того, что должно пониматься под

[1] Тел. от 23/10 февр. за № 384 Миллер сообщил следующие предполагаемые статьи о юрисдикции:

а) Дела между китайцами разбираются: у кит. сановника — в Урге и его помощников — в других местах Внешней Монголии; дела между китайцами и монголами разбираются при участии монг. властей и кит. представителей в монг. ямыне, если ответчик — монгол, и у кит. представителя, если ответчик — китаец.

применением седьмой статьи Тяньцзинского договора [1] в смешанных русско-китайских делах. Совместное с русским делегатом разбирательство такого рода дел, если ответчиками в них являются китайцы, необходимо ввиду недостатков китайского суда. Напротив, русские суды организованы настолько правильно и их беспристрастие настолько выше сомнений, что участие китайского делегата в разбирательстве дел, по которым ответчиками являются русские подданные, ничем не оправдывается. Для удовлетворения самолюбия китайцев в договор можно было бы включить лишь следующее постановление: «Китайский сановник равным образом может лично или через уполномоченное лицо присутствовать при разборе дел, в которых ответчиком или обвиняемым является русский подданный, а истцом или обвинителем китайский подданный».

Что касается третьего пункта вашего проекта, то предпочитаем его опустить, как создающий слишком сложный и едва ли приемлемый для всех заинтересованных сторон порядок разбора смешанных дел, в которых ответчики или обвиняемые принадлежат к различным национальностям. Практически такие дела могут, повидимому, разделяться на несколько дел, из которых каждое должно разбираться порядком, установленным для национальности соответствующего ответчика или обвиняемого.

Сазонов.

№ 258. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 815 [2]. 26/13 февраля 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 86 [3] получена.

Целью нашего утверждения на Проливах является исключительно обеспечение для России выхода в свободное море как в мирное, так и в военное время. Недавние примеры попрания Германией актов, обязывавших ее к уважению нейтралитета, а также меры, принимавшиеся Турцией за последние годы в Проливах с громадным ущербом для нашей торговли, служат доказательством, что только прочное

б) О разборе русско-кит. дел предполагали ограничиться ссылкой на ст. 7 Тяньцзинского договора (см. № 17).

в) Дела русско-кит.-монг. разбираются в росс. консульстве, если ответчики — русский и китаец, и в монг. ямыне, если обвиняемые — монгол и китаец, при участии представителей всех сторон.

[1] См. № 17.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 242.

[3] См. № 242.

основание наше на Проливах сможет служить гарантией того, что мы будем в состоянии отразить всякую попытку запереть нас в Черном море. Никаких земельных приращений ради увеличения нашей территории мы не ищем. Ввиду этого правительство озабочено определением того минимума земель, присоединение коих необходимо для достижения намеченной выше цели. Работа эта еще не окончена и сводится покамест к следующему: на европейском берегу должен быть положен конец турецкому владычеству, и линия Энос — Мидия должна служить границей между нами и Болгариею. На азиатском берегу пограничная линия должна примерно итти по реке Сакарии, а засим должно быть обеспечено наше положение в Проливах со стороны южного берега Мраморного моря. Экономические интересы как Румынии, Болгарии, вероятно, остатка Турции, а также интересы международной торговли будут приняты нами во внимание [1].

Сазонов.

№ 259. Поденная запись министерства иностранных дел.

26/13 февраля 1915 г.

Посетивший барона Шиллинга румынский посланник навел разговор на Проливы и сказал, что полученные им румынские газеты указывают на сильное возбуждение, вызванное в стране произнесенными в Государственной думе речами касательно этого вопроса [2]. Отметив

[1] Тел. от 2 марта/17 февр. за № 879 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 244) Сазонов сообщил Извольскому и Бенкендорфу, что для обеспечения свободы международной торговли через Проливы, помимо областей, указанных в тел. за № 815, России необходимо получить острова Мраморного моря, а также Имброс и Тенедос.

[2] Повидимому, имеются в виду следующие заявления членов Гос. думы в ответ на речь Сазонова от 9 февр./27 янв. (см. стр. 254, прим. 4): Ковалевский (от Воронежской губ.) заявил, между прочим, следующее: «В первую очередь приходится поставить завершение векового нашего спора с Турцией относительно Босфора и Дарданелл. Обращая взоры на запад, мы твердо уверены, что Червонная Русь, русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России». Милюков (Петроград) заявил, что он уверен, что «приобретение Проливов и Константинополя будет своевременно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами». Левашев (Одесса) заявил, что «все русские земли должны немедленно и навсегда слиться со своей матерью Россией... Русь Червонная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны немедленно слиться с Великой, Малой и Белой Русью... Проливы, составляющие выход из Черного моря, вместе с соответствующим участком суши на европейском и азиатском берегах должны поступить во владение России» (Стенографический отчет Гос. думы о заседании 9 февр./27 янв. 1915 г.).

первостепенное значение этого вопроса для Румынии, Диаманди высказал сожаление, что, говоря о необходимости для России завладеть Проливами, никто из депутатов не счел нужным успокоить румынское общественное мнение указанием на то, что интересы Румынии в этом вопросе находят в России полное признание.

Барон Шиллинг обратил внимание посланника на необходимость считаться с общим положением, существовавшим в ту минуту, когда были произнесены эти речи. Он напомнил Диаманди, что общественное мнение в России в настоящее время скорее неблагоприятно настроено по отношению к Румынии, вследствие продолжающихся колебаний последней открыто перейти на сторону держав Тройственного согласия. Ввиду этого можно было скорее опасаться, как бы указанное недовольство не нашло выражения, быть может, даже в несколько резких словах в речах депутатов. Барон Шиллинг прибавил, что может доверительно сказать, что если подобные нежелательные с точки зрения наших взаимных отношений выступления были избегнуты, то лишь благодаря заблаговременно оказанному С. Д. Сазоновым личному влиянию на наиболее видных депутатов; требовать же, чтобы с трибуны Государственной думы не только не нападали на Румынию, но еще высказывали заботливость об ее интересах, было бы при нынешнем положении вещей, очевидно, невозможно.

Признав справедливость этого замечания, Диаманди тем не менее настаивал на том, что вопрос о Проливах ни для кого не представляет такой важности, как для Румынии, так как она является единственным прибрежным к Черному морю государством, которое не имеет никакого иного выхода к открытому морю, как через Босфор и Дарданеллы.

Вследствие сего, по словам Диаманди, понятна та нервность, с которой к этому вопросу относится общественное мнение, особенно под влиянием науськиваний наших врагов, пользующихся этим случаем, чтобы указать румынам на то, что главная для них опасность исходит от России. Ссылаясь на эти доводы, Диаманди настаивал на необходимости допустить Румынию к участию в разрешении вопроса о Проливах.

Не входя в рассуждение по этому поводу, барон Шиллинг ограничился ссылкой на недавнее заявление С. Д. Сазонова, достаточно обеспечивающее соблюдение нами экономических интересов Румынии [1].

---

[1] См. № 198.

№ 260. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 15. 26/13 февраля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме моей от сего числа № 54 [1], имею честь донести, что при вчерашнем свидании моем с министром иностранных дел я спросил его о ходе переговоров в Китае и обратил его внимание на всевозможные слухи, которые обращаются в печати по поводу предъявленных Японией в Пекине дополнительных требований.

Барон Като ответил, что переговоры идут спокойно и в дружественном тоне, но еще далеко не закончены; не будучи пессимистом, он предвидит немало трудностей по отдельным пунктам японских пожеланий, провести которые здешнее правительство считает необходимым. Но пока никакого срока для ответа Китаю японцы не ставили, надеясь на благоразумие Юань Ши-кая. «Само собою разумеется,—прибавил Като, — что мы не можем тянуть переговоры эти до бесконечности».

Что касается дополнительных требований, о коих министр говорил со мной в общих чертах [16] 3 текущего месяца (телеграмма за № 42) [2], то он вполне сознает, как неблагоприятно отражается на ходе дела распространение китайцами и их советчиками преувеличенных и искаженных слухов о характере японских требований. Китайцы желали бы придать им значение попытки со стороны Японии взять Китай под свой протекторат, что ни мало не входит в задачи японского правительства. Он, со своей стороны, получил из Пекина сведения, дающие повод думать, что китайцы преклоняют слух не только к агентам г. Гинце, но и к некоторым другим негласным вдохновителям пекинского правительства. При этом барон Като упомянул о Молиссоне и Путнам-Вили.

Дополнительные требования, имеющие, по утверждению министра, скорее характер частных вопросов, из коих некоторые возникли еще тогда, когда он, Като, поступал на службу, изложены в семи пунктах; краткое содержание их он поручил барону Мотоно доверительно сообщить вашему высокопревосходительству, если вы пожелаете с ними ознакомиться [3]. На мой вопрос, — почему японское правительство их не публикует во всеобщее сведение для устранения неправильных

[1] Тел. от 26/13 февр. за № 54 Малевский передал содержание дополнительных требований Японии, сообщенных Сазонову нам. запиской от 24/11 февр. (см. стр. 324, прим 1).

[2] См. № 209.

[3] См. стр. 324, прим. 1.

толкований, министр заметил, что это явилось бы нарушением дипломатического обычая. Равным образом он ответил мне, что слухи о вмешательстве Америки в переговоры неосновательны. Он сообщил здешнему американскому послу список японских домогательств и дал ему по ним все нужные объяснения по собственному почину.

Записав с его слов содержание вышеупомянутых семи пунктов, переданных моей телеграммой № 54 в точном изложении, я просил министра дать мне некоторые объяснения, на что он охотно согласился.

По 1 пункту, о японских советниках при центральном пекинском правительстве, барон Като подтвердил, что Япония вовсе не домогается исключительного права на назначение таких советников, что распространяют китайцы, а лишь уравнения японцев с другими иностранцами. В Пекине имеются и ныне советники разных национальностей по политическим, финансовым и военным делам. Япония желает, чтобы на такие посты приглашались, наряду с иностранцами, и ее подданные.

2. В Китае открыто несколько школ и больниц на японские средства. Япония желает иметь право содержать эти учреждения, заведывать ими, увеличивать их число и приобретать недвижимую собственность для их помещения; равным образом, желает получить право строить храмы, о чем давно хлопочет.

3. Вопрос улучшения полицейской службы касается не всего Китая, как сообщили китайские газеты, а лишь тех местностей, где имеются особые японские интересы, например, в Южной Манчжурии. Учреждение смешанной японо-китайской полиции в таких местах или привлечение на службу известного числа японцев полицейскими должно содействовать предупреждению столкновений, которые не раз имели место раньше.

4. Большинство китайских арсеналов для выработки пушек, ружей и военных снарядов основано и ныне содержится немцами, в том числе Круппом. Имеются также английские заводы Виккерса. Располагая здесь несколькими арсеналами, которые могут вырабатывать оружия больше, чем требуется для японской армии, японское правительство желало бы принять участие в снабжении Китая ружьями и другими предметами артиллерийского снаряжения. Оно домогается в Пекине или обязательства китайцев заказывать в Японии не менее половины своего вооружения, или оборудования в Китае арсеналов под смешанным японо-китайским управлением.

5. Концессии на постройку железнодорожных линий, которых добивается Япония, касаются: а) дороги от Цзюцзяна до Учана (from

Kiukiang in Kiangsi province to Wuchang), б) дороги от Наньчана до Ханчжоу (from Nanchang to Hanchow south of Jangtze) и в) от Наньчана до Чаочжоу (from Nanchang to Chaochow near Swatow). На мой вопрос, как отнесутся англичане к пожеланию Японии построить железную дорогу к пункту, лежащему на юг от Янтце-кианга, но в его соседстве [1], Като мне ответил, что об этом проекте Японии Англии известно.

6-ой пункт японских пожеланий касается Фуцзянской провинции и является развитием прежних соглашений между Китаем и Японией. Ввиду особых интересов последней в этой области желательно, по словам министра, обеспечить там за Японией преимущественные права на помещение капиталов в железнодорожные предприятия, разработку копей и оборудование гаваней.

Наконец, в пункте 7, касающемся проповеднической деятельности буддийских миссионеров, японцы выразили пожелание, чтобы их миссионеры были поставлены в такие же условия, как миссионеры христианских исповеданий.

В заключение я спросил барона Като, почему все вышеприведенные дополнительные пожелания выделены в особую группу и не составляют одного целого с теми, которые включены в записку, переданную им 2 февраля н. с. (телеграмма моя № 25) [2]. На это министр ответил довольно неясно: из его слов можно было заключить, что требования первоначальные, изложенные в 4 пунктах, как имеющие политический характер, должны составить предмет политического договора, тогда как настоящие, дополнительные пожелания относятся по большей части к прежним длительным переговорам частного свойства, и не предполагается, чтобы они вошли в какой-либо формальный дипломатический акт [3].

Со своей стороны думаю, что в этом разделении, помимо вопроса сравнительной важности тех и других домогательств, кроется еще и иное различие: пожеланиям второй категории не придается, повидимому, такого значения, которое предопределило бы дальнейший ход японской политики в Китае. Нет сомнения, что принятие пекинским правительством первых 4 групп японских требований, и особенно того, что касается Шаньдуна, Южной Манчжурии и Внешней

---

[1] Так в оригинале.

[2] См. № 141.

[3] Ср. опубл. в япон. белой книге (стр. 1) инструкцию Хиоки от 3 дек /20 нояб. 1914 г.

Монголии, создаст вполне приемлемую почву для соглашения по всем прочим пунктам.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 261. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 139 [1]. 27/14 февраля 1915 г.

Suite à mon No... [2]

Reçu télégramme No 768 [3].

Nicolson est revenu hier sur question d'attitude anglaise en présence exigences en Chine. Il m'a prié de préciser que jusqu'ici Foreign Office avait évité de se prononcer en aucune façon tant vis-à-vis de Japon que de la Chine, en vue des explications que l'ambassade japonaise vient fournir sur les différents points, avec tendance à les atténuer et circonscrire. Ces explications servent à gouvernement anglais à bien se renseigner sur intentions réelles japonaises. Après avoir reçu subséquemment votre No 768 j'en ai communiqué contenu à Nicolson, qui m'a prié vous remercier vivement de cette communication [4].

Benckendorff.

Перевод.

Продолжение моего №...

Получил телеграмму № 768.

Никольсон вчера снова вернулся к вопросу о позиции Англии в отношении требований [предъявленных] Китаю. Он меня просил ясно указать, что до сих пор Foreign Office уклонялось каким бы то ни было образом высказаться как в отношении Японии, так и Китая, ввиду только-что полученных от японского посольства по поводу различных пунктов объяснений, стремящихся их смягчить и ограничить. Эти объяснения позволяют английскому правительству получить точное представление о действительных намерениях Японии. После получения затем вашего № 768 я сообщил его содержание Никольсону, который просит горячо вас поблагодарить за это сообщение.

Бенкендорф.

---

[1] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] На оригинале номер не указан. Следует читать, повидимому, № 129 (см. № 253).

[3] См. № 250.

[4] Тел. от 27/14 февр. за № 101 Извольский сообщал, что Делькассе «еще не успел обсудить дополнительные японские требования и не может покуда высказать по существу их определенного взгляда»

№ 262. Посланник в Сербии министру иностранных дел

*/. Телеграмма № 200 [1]. 27/14 февраля 1915 г.

Сообщив мне крайне доверительно полученное им известие о предстоящей посылке к Дарданеллам стотысячной англо-французской армии, Пашич высказал личное мнение, что раз наши союзники сочли возможным отделить столь значительные силы, значит, вероятно, и с нашей стороны будут соответствующие согласованные действия, ибо занятие Константинополя одними нашими союзниками могло бы дать разрешению самой жизненной для нас задачи направление, которое не отвечало бы в той же мере правам и ожиданиям России... что мне ничего не известно по этому поводу, но что я не сомневаюсь, что наши интересы и действия были заранее согласованы с действиями наших союзников. Пашич добавил, что, повидимому, Греция изменила свое недавнее отношение и предложила свое содействие союзным державам. Из разговоров с Пашичем и с престолонаследником выношу впечатление, что, быть может, единственный из балканских народов, сербы искренно желают нашего утверждения на Проливах, видя в нем самое верное обеспечение против болгарского империализма и возможных притязаний Румынии на Балканах.

Трубецкой.

№ 263. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 201 [2]. 27/14 февраля 1915 г.[3]

Личная.

Продолжение № 200 [4].

Хотя вопрос о Проливах выходит из нынешней моей компетенции, однако важность минуты и долголетний опыт на ... побуждают меня представить на ваше усмотрение следующие соображения. Захват Константинополя и Проливов для наших союзников представляется вопросом средства в общем плане военных операций. Разрешая вопрос морских сообщений, оказывая сильнейшее воздействие на Болгарию и на Румынию, занятие Проливов может несомненно весьма способствовать скорейшему одолению наших общих противников, что для французов и англичан является конечною целью не только военною, но и

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 383.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 199.

[3] В оригинале по ошибке документ датирован 26/13 февр. Следует читать 27/14, так как №№ 198—200 датированы этим числом.

[4] См. № 262.

политическою. Между тем Проливы для нас не только средство, но и конечная цель, коею осмысливается вся нынешняя война и приносимые ей жертвы. Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средства для достижения этой народной цели. С этой точки зрения не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеем Проливами. Одно участие их с нами в (этом) деле является уже прискорбным, ибо создает им опасные для нас права в конечном разрешении вопроса. Завладение же Проливами без нас было бы прямо пагубно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нашего союза. Между тем, не будучи посвящен в нынешнее положение, я все же сомневаюсь, возможно ли в настоящую минуту наше деятельное участие в занятии Проливов. Если не ошибаюсь, с точки зрения военно-морской форсирование Босфора при данном соотношении морских сил наших и турецких является операцией трудно осуществимою. Не менее трудною представляется возможность десантной операции, по недостаточности как перевозочных средств, так и свободных войск. Впрочем в этом последнем отношении положение, вероятно, изменилось, ибо, если у нас находятся войска для посылки в Сербию, значит, найдутся и для разрешения нашей важнейшей задачи; ибо едва ли можно рисковать посылкой в Сербию войск худшего качества, которые считались бы неприменимыми против турок. В этом случае однако казалось бы, что наши войска крайне нежелательно употреблять в качестве лишь диверсии, способствующей англо-французскому движению на Константинополь. Наоборот, мы сами легче произвели бы десант в свое время, как только турецкие войска будут оттянуты нашими союзниками. Это было бы только справедливо, ибо на западном фронте мы уже достаточно послужили оттягиванием на себя сил. Относительно конечного разрешения вопроса категорически должен вновь высказать глубокое убеждение, что только полный и всецелый контроль наш над (обоими) Проливами может быть признан действительным разрешением задачи, допущение же участия наших союзников в контроле над Дарданеллами, хотя бы под видом их нейтрализации, может послужить началом конца наших взаимных отношений и установить для нас режим менее обеспеченный, чем при слабых турках. Поэтому, если невозможно разрешить вопроса всецело в нашу пользу, то есть присуждением нам границы Мидия—Энос, то наименее плохим из последующих решений было бы оставление на Проливах Турции с установлением нашего военно-морского контроля на Проливах. Это фактически привело бы Турцию к положению Бухары и в то же время оградило бы финансовые и экономические интересы союз-

ников, не встречая, вероятно, непреодолимых препон в их общественном мнении. Во всяком случае, только исчерпывающий обмен мнений с ними теперь же способен предотвратить самые опасные осложнения в ближайшем будущем. Все это позволяю себе высказать, исходя из предположения, что наши союзники решили довести дело до конца. В противном случае неудачная попытка десанта в Галлиполи может лишь укрепить нежелательное настроение нейтральных.

Трубецкой.

К докладу.

Царское Село, [28] 15 февраля 1915 г.

№ 264. Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Серафимов министру иностранных дел.

Телеграмма № 128. 27/14 февраля 1915 г.
Через Дедеагач.

Продолжение № 127 [1].

Вследствие постоянных уверений пасифистов о том, что они хотят во что бы ни стало сохранить спокойствие в Константинополе, в случае нашего к нему прорыва, я позволил себе сказать им, что город сможет избежать бомбардировки, лишь если немцы будут из него удалены раньше отъезда правительства. В противном случае германские офицеры не допустят мирной сдачи Константинополя и не задумаются залить улицы Стамбула и Перы кровью. Поэтому следовало бы скорее принять окончательное решение и предложить немцам оставить Константинополь до появления наших судов у стен столицы.

Считаю долгом отметить, что энергия турок приходит к концу, и каждый день бомбардировки увеличивает страх, охвативший Порту.

Серафимов.

№ 265. Записка с основными положениями для подготовки к выполнению десантной операции, имеющей целью овладение Проливами [2].

Ставка, 27/14 февраля 1915 г.

Секретно.

I

Исторический вопрос о прочном утверждении нашем на Проливах и в Константинополе, повидимому, может быть разрешен лишь путем употребления вооруженной силы против Турции, ибо с большим ве-

[1] См. № 248.

[2] Заголовок оригинала.

роятием можно утверждать, что без борьбы нынешняя владелица Проливов не уступит нам таковых даже и в том случае, если бы с окончанием нынешней войны на западном фронте на нее было бы оказано соответствующее дипломатическое давление.

Таким образом следует предвидеть необходимость ведения войны с Турцией для овладения силой Проливами, причем достижение этой цели может быть поставлено нашей армии лишь по окончании войны на западном фронте, ибо в период текущей войны абсолютно не представляется возможным выделить достаточные силы для борьбы в районе Проливов.

По докладе государю императору верховным главнокомандующим сих основных положений, его императорское высочество изволил высказать, что вопрос об утверждении нашем на Проливах и в Константинополе должен быть разработан, так как его императорскому величеству благоугодно было указать на необходимость стремиться к тому, чтобы Проливы (Босфор и Дарданеллы) стали достоянием России.

Вместе с тем государю императору благоугодно было высказать, что подготовительные к этой войне работы всех подлежащих министерств должны вестись по определенному плану, основные положения коего устанавливаются верховным главнокомандующим.

II

Полное разрешение вопроса о Проливах достижимо только путем непосредственного утверждения нашей власти на Босфоре и Дарданеллах с частью Эгейских островов и с достаточным береговым пространством, дабы владение собственно Проливами было прочным.

Для сего необходимо:

а) приобрести [1] оба берега Босфора в пределах, необходимых для устройства первоклассной сухопутной и морской крепости, каковая явится будущей базой русского флота, а именно:

1) на фракийском берегу получить весь район от Босфора до Чаталджинской позиции, идущей от Деркосского озера к заливу Буюк-Чекмедже, с не менее как 25-верстной полосой впереди нее для образования будущего крепостного района;

2) на вифинийском берегу — район от Босфора до линии р. Сакарии (от устья до г. Левке) и далее по хребту [2], идущему южнее оз. Изник-

[1] В оригинале слово: «приобрести» подчеркнуто в. кн. Николаем Николаевичем.

[2] Дабы иметь в своих руках залив Измид. (Прим. оригинала).

гель к гор. Гемлик (Киос), также с не менее как 25-верстным пространством впереди;

3) принцевы острова, как входящие в сферу будущего крепостного района Босфорской крепости;

б) остров Мармара, как звено, связующее оба пролива и обеспечивающее выход флота из Босфора в Мраморное море;

в) ксеросский (Галлиполийский) полуостров для устройства на нем морской крепости со включением в ее район булаирской позиции и также с не менее как 25-верстным гласисом к северу

и г) острова Тенедос и Имброс, как господствующие над выходом из Дарданелльского пролива в Эгейское море.

Независимо [от] этого для прочного обеспечения владения Проливами необходима нейтрализация [1] нижеследующих районов [2]:

а) обоих берегов Мраморного моря и Троянского полуострова — по линии от полуострова Эрдек (Артаки) до залива Эдремит

и б) островов Лемноса и Самофракии.

III

При борьбе с Турцией за обладание Проливами возможно развитие действий по двум операционным направлениям: европейскому, определяемому высадкой на европейском берегу для действий на фракийском театре, и азиатскому, предусматривающему высадку на анатолийском берегу для действий со стороны Вифинийского полуострова.

Первое операционное направление, при условии высадки на болгарской территории, надо считать более безопасным и обещающим более верно привести к успеху, хотя и не в столь короткий срок, как при десанте на анатолийском берегу, так как с захватом Измида мы сразу отрезываем Константинополь и Проливы от внутренних областей Турецкой империи, где сосредоточены все источники жизни турецкой армии.

Но дабы решиться на выбор этого операционного направления, необходима особо благоприятная обстановка [3], так как армии придется

---

[1] В данном случае под нейтрализацией следует понимать воспрещение устраивать крепости, отдельные укрепления, военные и коммерческие порты, а также проводить железные дороги и иные пути. (Прим. оригинала).

[2] В оригинале слово: «нейтрализация» подчеркнуто в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «приобрести». Против двух следующих абзацев приписано: «тоже».

[3] В оригинале слова: «необходима особо благоприятная обстановка» подчеркнуты в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «Надо ее создать и пользоваться тем и другим операционным направлением».

высаживаться на враждебной территории и принимать ряд мер по обеспечению пункта высадки и своих сообщений с ним.

При выборе операционного направления через Болгарию, которое следует признать наиболее обеспеченным, в целях большей быстроты сосредоточения наших войск на фракийском театре желательно заручиться возможностью перевозки наших войск через Румынию и, во всяком случае, для обеспеченности снабжения необходимо обеспечить за собою право пользования железными дорогами румынскими, болгарскими, а равно греческими от Салоник на Дедеагач и Димотику.

В соответствии с этими общими стратегическими соображениями политическая подготовка операции должна выразиться в нижеследующем:

1) Прежде всего в получении от наших союзников Англии и Франции, а также от Италии, документального заверения в том, что державы эти не препятствуют и даже выражают согласие на то, чтобы Проливы и Константинополь стали частью Российского государства.

Желательно при этом, чтобы Англия и Франция выразили согласие помочь нам флотом для овладения Дарданелльским проливом, если бы по тем или иным причинам не представилось возможным участие нашего Балтийского флота в операции по овладению этим проливом со стороны Эгейского моря.

2) В принуждении Германии и Австрии примириться со стремлением России к овладению Проливами.

3) В привлечении на нашу сторону Болгарии, а также Румынии, причем от первой мы должны получить право на высадку наших сил в болгарских портах, на сосредоточение этих сил и прохождение их через болгарскую территорию к Константинополю; что касается Румынии, то желательно получить разрешение на пользование румынскими железными дорогами для перевозки войск и грузов, и

4) в соглашении с Грецией на право пользования греческой железнодорожной линией от Салоник на Дедеагач, так как сопротивление Адрианополя может надолго задержать установление железнодорожного сообщения между десантной армией и внутренней Болгарией.

IV

Турецкая армия, состоящая в мирное время из 13 корпусов, к началу войны с Россией оказалась сосредоточенной в следующих пяти группах:

1) Константинопольская армия, в составе 6 корпусов, — в районе Проливов.

2) Кавказская армия, в составе трех корпусов, — в Армении и Курдистане.

3) Египетская армия, в составе трех корпусов (считая в том [числе] один вновь сформированный резервный корпус), — в Сирии и Палестине.

4) Месопотамская армия, в составе одного корпуса.

5) Аравийская армия, в составе одного корпуса и двух отдельных дивизий.

В течение первых трех месяцев войны группировка эта подверглась значительным изменениям. Разгром турецких корпусов нашей кавказской армией, с одной стороны, и занятие англичанами Басры и угроза Багдаду — с другой, потребовали выделения из состава константинопольской армии значительных подкреплений, в общем до четырех корпусов, уже выступивших из Константинополя и частью уже прибывших по назначению.

Вследствие этого состав константинопольской армии значительно сократился и в настоящее время не превышает двух полевых корпусов, а если принять во внимание еще и резервные части, сменившие ушедшие полевые корпуса, то силу константинопольской армии в настоящее время можно определить примерно в четыре корпуса.

Таков приблизительно максимум тех сил, с которыми на первых порах придется встретиться нашей армии при подходе к Константинополю.

Оставление турками в районе Проливов, по первоначальному развертыванию, к началу войны с Россией шести корпусов из тринадцати показывает, какое значение придавалось руководителями турок — германцами — вопросу обороны Проливов и Константинополя. Следовательно, с уверенностью можно признать, что если Константинополю будет угрожать действительная опасность, то турки немедленно начнут сосредоточение туда всего, что можно вернуть с других театров. Считая, что на второстепенных театрах будут оставлены лишь строго необходимые силы (в кавказской армии — 4 корпуса, в Сирии и Палестине — 2 корпуса, в Месопотамии и Аравии — по одному корпусу, всего 8 корпусов), окажется, что турки смогут вернуть в район Проливов до четырех корпусов. Однако сосредоточение этих четырех корпусов к Константинополю потребует времени и произойдет, по сделанным подсчетам, едва ли ранее конца второго месяца после выступления головных частей [1].

Следовательно:

1) в начале десантной операции наша армия может встретить в районе Проливов не свыше четырех корпусов; 2) к концу же второго месяца силы турок в районе Проливов могут возрасти до 8 корпусов.

Опираясь на эти рассчеты, нам надлежит для выполнения операции по овладению Проливами предназначить не менее десяти полевых корпусов, что составит почти полуторное превосходство в силах над противником, считая, что из восьми турецких корпусов два корпуса будут представлять из себя резервные формирования, и принимая во внимание, что наши корпуса по числу батальонов сильнее турецких, а также лучше обеспечены артиллерией и прочей материальной частью.

Как уже указывалось, для овладения Проливами представляется два операционных направления: европейское и азиатское. Возможно также производство операций одновременно по обоим этим направлениям [2]. Окончательный выбор операционного направления необходимо отложить до последних дней, так как

---

[1] При всех рассчетах по части сбора турецких сил приняты наименее благоприятные для нас условия (Прим. оригинала).

[2] В оригинале слова: «Возможно... направлениям» подчеркнуты в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «Не возможно, а обязательно».

он будет находиться в тесной зависимости как от группировки турецких сил [1] так и от положения дел на Черном море и прочих условий. В соответствии с сим подготовку средств надо вести так, чтобы сохранить свободу решения за лицом, которому будет вверено руководство операцией.

При развертывании наших сил на болгарской территории наши войска могут быть направлены либо морским путем с высадкой на болгарском побережьи Черного моря, либо, при условии соглашения с Румынией, — тем же морским путем, и, сверх того, по румынским и болгарским железным дорогам.

При рассчете времени, какое потребуется на развертывание наших сил для занятия на болгарской территории исходного положения для движения к Константинополю, приходится исходить из менее благоприятного случая, то есть, когда соответственного соглашения с Румынией по тем или иным причинам не будет достигнуто и сосредоточение наших сил придется производить исключительно путем перевозки морем.

Успех такой перевозки, естественно, основывается на состоянии транспортных средств Черного моря и организации транспортной флотилии.

В настоящее время, по последним полученным данным, мы можем рассчитывать на 140 транспортных судов, зарегистрированных в наших портах Черного моря.

Разнообразие и малая грузоподъемность этих судовых единиц, могущих быть привлеченными к перевозке войск для десантной операции, несомненно, осложняют дело перевозки войск и должны будут отразиться на времени выполнения каждого рейса. Кроме того, так как единственным пунктом высадки на болгарском побережьи нашими моряками намечается Бургасский залив с портом того же имени, который может принять сразу не более 20 судов, то время, потребное на совершение собственно первого рейса, удлинится еще более, так как потребуется устройство дополнительных пристаней, необходимых для выгрузки войск.

В предположении, что погрузка войск будет сосредоточена в четырех портах северного побережья Черного моря (Керчи, Феодосии, Севастополе и Одессе) [2], на совершение первого рейса (полный кругооборот) потребуется 10 суток, считая на сбор судов, посадку и прямой путь — 4 суток, на выгрузку — 4 суток и на обратный путь еще 2 суток. Следующие рейсы, имея в виду, что пункт высадки у Бургаса будет уже оборудован для выгрузки войск, могут совершаться скорее, примерно в 8 суток.

Общая грузоподъемность имеющихся 140 судов позволяет поднять сразу полтора корпуса, считая корпусную конницу (1 полк), обозы, учреждения и парки [3].

Желательно, если представилась бы к тому возможность, иметь столько транспортных средств, чтобы поднять сразу хотя бы два корпуса со всеми их обозами и тыловыми учреждениями [4], дабы не нарушить организационных подразделений

---

[1] В оригинале слова; «группировки турецких сил» подчеркнуты в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «Силы на каждом из двух операционных направлений в зависимости от обстановки».

[2] Николаев признается неудобным для погрузки судов (Прим. оригинала).

[3] По имеющимся данным, эти 140 судов могут поднять за раз: 300 рот, 24 батареи и 12 эскадронов без обоза и учреждений (Прим. оригинала).

[4] Дополнительные транспортные средства могли бы быть зафрахтованы в Румынии и Болгарии (Прим. оригинала).

войск и иметь возможность сразу высадить такое число войск, которое составляло бы из себя законченный отряд, что крайне важно на случай решения произвести высадку на неприятельском побережьи, например, на анатолийском берегу или на обоих берегах.

Недостаток же транспортных средств обязывает принимать менее смелые решения, то есть непременную высадку в Болгарии, и озаботиться, путем соглашения с Румынией, о допущении перевозки наших войск по румынским железным дорогам.

Увеличение транспортной флотилии позволило бы высадить быстро и сразу значительные силы, что обеспечило бы успех десантной операции, одним из главных условий коей является внезапность.

Наши железные дороги, ведущие к портам северного побережья Черного моря, обладают нижеследующей пропускной способностью:

1) Линия Жмеринка — Одесса (двупутная) — 46 пар, из коих под воинские перевозки может быть назначено 30 поездов (в одном направлении).

2) Линия Александровск — Севастополь (Феодосия) — 19 пар, из коих под воинские перевозки может быть назначено 15—16 поездов (в одном направлении).

Следовательно, ежедневно может быть подаваемо к намеченным портам высадки [1] 45—46 эшелонов.

Считая, что в каждый рейс будет грузиться одновременно полтора корпуса, т. е. $\frac{130 \cdot 3}{2} = 195$ эшелонов, а на погрузку их на суда потребно до двух дней, прибытие войск в пункты посадки должно начаться не менее как за три-четыре дня до сбора судов в портах посадки и погрузки.

Из приведенных данных явствует, что в течение 26 дней, т. е. за три рейса, мы при наших транспортных средствах можем высадить в районе Бургасского залива до 4 корпусов с 1 кавалерийской дивизией.

Этих сил для первоначального закрепления нашего положения в районе развертывания на болгарской территории и начала наступления можно признать достаточным, ибо к этому времени в районе Константинополя турки будут располагать, как изложено выше, не более как двумя полевыми и двумя резервными корпусами.

На перевозку остальных сил (осадной артиллерии и 6 корпусов) потребовалось бы до 5—6 рейсов, т. е. всего до 40—48 дней. Следовательно, перевозка десяти корпусов с осадной артиллерией и одной кавалерийской дивизией потребует 26 + 48 = 74 дня, т. е. только в первой половине третьего месяца войны может закончиться сосредоточение намеченной армии на болгарской территории.

Таким образом, по сравнению с временем, потребным туркам на сосредоточение подкреплений из Малой Азии к Константинополю мы несколько запаздываем, особенно, если считать, что на продвижение нашей армии к Чаталджинской позиции (200 верст) потребно не менее двух недель.

Ускорение сосредоточения нашей армии может быть отчасти достигнуто, если мы, войдя в соглашение с Румынией, приобретем право перевозки наших войск по железным дорогам Болгарии и Румынии [2].

---

[1] Так в оригинале.

[2] В оригинале этот абзац отчеркнут в. кн. Николаем Николаевичем, и против него на полях приписано: «Обязательно получить разрешение».

О величине этого сокращения не представляется возможным дать точных цифр, за неимением данных о действительной пропускной способности румынских и болгарских железных дорог. Принимая однако во внимание отсутствие связи между болгарскими и румынскими железными дорогами, вследствие неимения железнодорожных переправ через Дунай, можно думать, что вряд ли такая перевозка приведет к значительному сокращению времени. Во всяком случае направление части наших сил через Румынию и Болгарию, даже при слабой пропускной способности железных дорог в этих государствах, должно будет повлечь за собой сокращение срока развертывания наших сил на болгарской территории, поэтому наличие такого права в связи с увеличением средств нашей транспортной флотилии суть те два средства, коими мы можем ускорить сосредоточение наших сил в Болгарии и опередить в этом отношении турецкую армию.

Необходимость сразу развить решительные действия требует, как уже отмечено выше, по крайней мере, полуторного превосходства в силах над турками; вот почему сила армии, предназначаемой для овладения Проливами, оценена в 10 корпусов с необходимой осадной артиллерией и одной кавалерийской дивизией.

План операции примерно может быть таковым:

Первоначально в районе развертывания собираются 4 корпуса и одна кавалерийская дивизия.

По сборе этих сил один корпус получает назначение составить заслон к стороне Адрианополя, а три корпуса, подтянув осадную артиллерию, направляются для атаки Чаталджинской укрепленной позиции (фронт позиции 30 верст), выставляя также заслон к Булаиру.

Эти силы в четыре корпуса приблизительно равняются по могуществу армии, двинутой Болгарией в 1912 году, особенно при условии поддержки атаки Чаталджинской укрепленной позиции Черноморским флотом, каковая поддержка должна считаться обязательной.

Следующие четыре корпуса по мере высадки усиливают войска, перешедшие в наступление, причем вполне примерно могут быть распределены так: один корпус — для усиления заслона к стороне Адрианополя [1], если это будет признано необходимым, а три корпуса — для развития операции к стороне Галлиполийского полуострова и атаки Булаирской позиции, дабы захватить названный полуостров, а с ним и Дарданеллы.

Операции этой мог бы оказать в высокой степени полезное содействие наш Балтийский или соединенный флот наших союзников действиями со стороны Эгейского моря.

В зависимости от обстановки, захват Галлиполийского полуострова может предшествовать атаке Чаталджинской укрепленной позиции.

Наконец, последние два корпуса составят общий резерв, для обеспечения и развития успеха операции.

В отношении артиллерии, придаваемой корпусам, желательно:

1) Половину артиллерии иметь горной — по одному дивизиону на диви-

---

[1] По имеющимся сведениям, в настоящее время Адрианополь не представляет существенной силы, вследствие вывоза из него на Проливы орудий и значительного ослабления гарнизона (Прим. оригинала.)

зию, ввиду бездорожья на фракийском театре и горной местности Анатолии [1].

2) При корпусах иметь их мортирные дивизионы.

3) Рассчитывая потребность в тяжелой артиллерии для атаки Чаталджинской укрепленной позиции, надо иметь в виду, как указано выше, развертывание в первую линию трех корпусов, т. е. 6 дивизий; желательно атаку каждой дивизии поддержать тяжелым дивизионом в 12 орудий.

Из 18 тяжелых четырехорудийных батарей желательно:

$$\text{пушечных } \frac{1}{3} = 6 \text{ батарей} \begin{cases} 2 \text{ батареи } 6'' \text{ скоростр. пушек} \\ 4 \quad » \quad 42 \text{ лин.} \quad » \end{cases}$$

$$\text{гаубичных } \frac{2}{3} = 12 \text{ батарей} \begin{cases} 2 \text{ батареи } 8'' \text{ гаубиц} \\ 10 \quad » \quad 6'' \quad » \end{cases}$$

Кроме того, желательно наличие при десантной армии хотя бы четырех 11-дюймовых осадных гаубиц.

При высадке в Анатолии количество тяжелой артиллерии допустимо рассчитывать вдвое меньше.

Излишняя конница затруднит перевозку десанта, а потому достаточно:

1) Корпусной конницы — по полку на каждый корпус.

2) Армейской конницы — 1 дивизия.

Кроме технических войск, входящих нормально в состав каждого корпуса, необходимо к армии придать:

а) 1—2 саперных батальона для оборудования пункта высадки в помощь специальным морским командам и работ по закреплению позиций;

б) 1 железнодорожный батальон (широкой колеи) для эксплоатации местных железных дорог;

в) 2 железнодорожных батальона узкой колеи для прокладки узкоколейки от пункта высадки до железной дороги [2];

г) 1 телеграфный батальон и радиостанции по числу корпусов и для штаба армии [3].

Кроме того, необходимо придать армии полевой и осадный инженерный парки, каковые должны перевозиться одновременно с осадной артиллерией.

V

Для обеспечения операции как в период перевозки войск по Черному морю, так и по окончании перевозки для обеспечения коммуникационной линии высадившейся армии, на флот Черного моря, помимо организации самой транспортной флотилии и подготовки пунктов посадки и высадки, возлагаются нижеследующие задачи:

---

[1] Если высадка будет решена на азиатском побережьи (Прим. оригинала).

[2] Расстояние Бургас — Бабаэски — 130 верст, а Мидия — Бабаэски — 80 верст (Мидия как промежуточная база) (Прим. оригинала). Этот абзац в оригинале отчеркнут в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «Не мало ли?»

[3] В оригинале абзац «г» отчеркнут в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «При двух опер[ационных] напр[авлениях] две».

1) приобретение, еще до начала операции, боем безусловного господства на Черном море;

2) тесная блокада Босфора, как в том случае, если противник скроется в нем, избегая боя, так и в том случае, если остатки флота противника скроются в нем после успешного для нас боя;

3) погрузка, перевозка и выгрузка войсковых эшелонов средствами организованной транспортной флотилии;

4) обеспечение десантной армии доставки всего необходимого и вывоза всего излишнего;

5) конвоирование эшелонов транспортной флотилии;

6) содействие с моря операциям войск, производимым в береговой полосе.

По числу имеющихся 140 судов, зарегистрированных в портах Черного моря, организация транспортной флотилии может предусматривать одновременную перевозку лишь $1^1/_2$ армейских корпусов с положенной артиллерией, корпусной конницей и всем обозом, включая сюда и корпусный продовольственный транспорт.

Желательно доведение транспортных средств до такой нормы, при которой стала бы возможной переброска первоочередных 4 корпусов и 1 кавалерийской дивизии с необходимой осадной артиллерией не более как в два рейса [1].

Для одновременной погрузки всей транспортной флотилии назначаются Одесский, Севастопольский, Феодосийский и Керченский порты.

Общим местом высадки намечен Бургасский залив; не исключается [2] однако возможность высадки и в других пунктах балканского и анатолийского побережья до Эрегли включительно, что определится обстановкой.

Транспорты должны быть заблаговременно подготовлены для перевозки и выгрузки указанных выше войсковых частей с рассчетом дальности перевозки на всякий случай в трое суток. В пунктах посадки должны быть организованы средства для быстрой погрузки войсковых частей.

Общей задачей транспортной флотилии при ныне имеющихся средствах ставится: в один месяц [3] перевезти в Бургас четыре армейских корпуса, одну кавалерийскую дивизию хотя бы с частью осадной артиллерии, расширяя, по мере накопления войск в пункте высадки, средства для сообщения десантной армии с портами Черного моря, каковые средства главным образом будут необходимы для снабжения армии боевыми запасами и прочими предметами снабжения.

Флот Черного моря должен приложить все усилия к тому, чтобы ко времени начала десантной операции установить тесную блокаду Босфора и тщательно осмотреть все турецкое побережье Черного моря. Для воспрепятствования прорыву блокады подводными лодками необходимо соответственным образом расширить и установить у Босфора минные поля.

Базой блокады может быть избран Бургасский залив, в коем должна быть расположена плавучая база флота. Вход в Бургасский залив должен быть прикрыт средствами флота.

---

[1] В оригинале абзац: «Желательно... рейса» отчеркнут в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «более чем необходимо».

[2] Слово: «не исключается» подчеркнуто в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «конечно».

[3] Точнее — 26 дней (Прим. оригинала).

К посадке войсковых частей в назначенных для сего пунктах может быть приступлено лишь по установлении тесной блокады Босфора. К этому времени должны быть сосредоточены транспорты в местах посадки соответственно с боевым расписанием десантной армии.

Для перехода к пункту высадки транспортная флотилия, в видах облегчения конвоирования, может быть разделена на два отряда: Одесский и Крымский [1].

До прибытия в Бургасский залив первого эшелона специальные морские команды [2] заготовленными для сего средствами должны подготовить каждый из избранных для высадки пунктов этого залива и самый порт Бургас.

Ввиду невозможности получения полной уверенности в том, что блокада Босфора не будет прорвана миноносцами и подводными лодками, должны быть организованы два конвоирующих отряда, в соответственном составе каждый, например, из одного крейсера или линейного корабля и дивизиона миноносцев. Каждому отряду должны быть специально вверены сбор и конвоирование соответствующего отряда транспортов (Одесского и Крымского).

В целях содействия десантной армии при операциях ее в береговой полосе должен быть организован отряд, который может быть составлен из мелкосидящих судов (канонерских лодок и миноносцев), для ближнего обстрела позиций противника, примыкающих к морю. Для этой же цели, в мере возможности, могут быть привлечены и части главных сил флота. Кроме того, для производства при удобных случаях высадки в тылу неприятельских позиций, примыкающих к морю, должны быть заготовлены специальные средства для производства быстрой высадки войск в размере примерно до дивизии пехоты с артиллерией.

VI

Для обеспечения операции в смысле снабжения десантной армии всем необходимым в Одесском военном округе необходимо заблаговременно создать соответствующую базу, образовав в гг. Одессе и Кременчуге, а быть может, и в Екатеринославе [3], запас продовольствия и фуража, по крайней мере, по рассчету на два месяца на всю армию.

Главным базисным пунктом явится, конечно, г. Одесса, как пункт, связанный с империей двупутной железной дорогой, обладающий наиболее оборудованным и обширным портом и ближе других портов Черного моря расположенный от пункта высадки — Бургаса, что, конечно, дает наиболее короткую коммуникационную линию.

Рассчет необходимого числа местных парков, кои должны быть вполне готовы к началу операции, должен быть построен на норме не менее 1 000 ружейных

---

[1] В Одесском порту может одновременно грузиться до 80 судов, что и составит Одесский отряд транспортов; остальные 60 транспортов, распределенные по портам Крыма, составят Крымский отряд транспортов (Прим. оригинала).

[2] Совместно с саперным батальоном, для той же цели предназначенным (Прим. оригинала).

[3] В зависимости от имеющихся помещений в указанных пунктах (Прим. оригинала).

патронов и столько же артиллерийских патронов на каждое легкое орудие и гаубицу и 1 200 снарядов — на горное орудие.

При этих условиях необходимо заготовить:

8 легких парков,

10 мортирных парков,

16 горных парков.

Что касается тяжелой (осадной) артиллерии, то боевой комплект на каждое орудие должен быть не менее 400 снарядов.

Затем необходимо, чтобы внутри империи имелось такое же количество огнестрельных припасов, хотя бы в полуготовом виде, но с окончательной готовностью не менее как в 2 месяца.

Для обеспечения укомплектований, идущих в армию, вооружением необходим особый запас винтовок по рассчету 25% от числа штыков в пехоте, т. е. 80 000 винтовок и такой же запас винтовок к концу второго месяца.

По нормальным рассчетам для армии в 10 корпусов необходимы нижеследующие санитарные средства:

1) 40 подвижных госпиталей (не приданных дивизиям), считая по 2 на дивизию;

2) 80 запасных госпиталей (по 4 на дивизию);

3) 20 военно-санитарных транспортов (по одному на дивизию);

4) 25—30 военно-санитарных поездов или соответствующее число мест военно-санитарных пароходов; при пользовании румынскими железными дорогами часть раненых может быть направляема по железным дорогам, а часть их — морским путем, соответственно чему и должен быть построен план эвакуации;

5) 1 полевая аптека.

В отношении обеспечения армии инженерным имуществом необходимо в кременчугском окружном инженерном складе (с отделением в Одессе) образовать инженерные запасы по рассчету на армию в 10 корпусов, согласно установленным на сей предмет нормам. Желательно [1] в число инженерного имущества включить переносные щиты, хотя бы по рассчету для 6 дивизий, предназначенных для атаки Чаталджинской позиции, а также содержать в достаточном размере проволоку.

Ввиду сравнительной бедности предстоящего театра военных действий перевозочными средствами полагалось бы армию снабдить пошире транспортными средствами, а именно, по рассчету одного обозного батальона на каждые 2 корпуса; всего потребно, следовательно, 5 обозных батальонов, что составит 25 транспортов. Остальные транспорты придется формировать в Болгарии из местных средств.

Что касается снабжения армии топографическими картами, то представляется необходимым заготовить заблаговременно нижеследующие карты:

1) 3-верстную карту Балканского полуострова, района от Черного моря до Дуная (на севере) и до линии Плевна-Филиппополь (на западе).

2) 10-верстную карту района Одесского военного округа, Румынии и Болгарии.

---

[1] В оригинале слово «желательно» подчеркнуто в. кн. Николаем Николаевичем и на полях приписано: «необходимо».

3) 20-верстную карту южного побережья Черного моря (изд. Кавказского военного округа), района от Дарданелл до Поти.

4) Верстовую карту окрестностей Проливов всего имеющегося района.

Управление предназначаемой для овладения Проливами армией должно быть организовано по штату отдельной армии с добавлением морского отдела и дипломатической канцелярии, причем необходимо:

а) теперь же выработать взаимоотношения между командующим этой отдельной армией и командующим морскими силами Черного моря [1], и

б) предназначить старших начальников, дабы они могли теперь же приступить к подготовительным к десантной операции работам и к собственной подготовке к предстоящим обязанностям.

Генерал квартирмейстер при верховном главнокомандующем
генерал-от-инфантерии Данилов.
Генерального штаба полковник Щелоков.

№ 266. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 845 [2]. 28/15 февраля 1915 г.

Благоволите безотлагательно доложить начальнику штаба верховного главнокомандующего:

Английский посол передал мне сейчас нижеследующую памятную записку [3]. «Первый лорд адмиралтейства просит, чтобы следующее сообщение было доведено до сведения верховного главнокомандующего: Атака Дарданелл продолжается удовлетворительно. Хотя самая трудная часть дела впереди, мы имеем основание полагать, что операции кончатся ранее, чем мы предполагали. Мы думаем поэтому, что русский Черноморский флот в Севастополе должен был бы быть подготовлен к появлению у входа в Босфор, когда наступит решительный момент. Мы не преминем сообщить своевременно русскому флоту о наступлении этого момента. Было бы также желательно, чтобы были сделаны приготовления к посадке на суда всех русских войск, которыми можно располагать».

Сазонов.

---

[1] Работы уже поручены управлению генерального штаба (Прим. оригинала).—В оригинале против абзаца «а» на полях приписано в. кн. Николаем Николаевичем: «Флот должен быть подчинен команд[ующему] армией».

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 150.

[3] Пам. записка англ. пос-ва от 28/15 февр. хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4186.

№ 267. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 850 [1]. 28/15 февраля 1915 г.

Мною выработана совместно с французским и великобританским послами программа действий союзных правительств на случай обращения Порты с просьбой о мире, под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы. Союзные правительства ответят, что они не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-Венгрия и Германия не положат оружия.

Союзники согласятся только на перемирие на следующих условиях[2]:

1) Немедленная сдача германских судов.

2) Немедленная выдача всех германских офицеров, унтер-офицеров, солдат, моряков и инженеров на турецкой службе.

3) Немедленное разоружение всех батарей, которые уцелели бы на берегах Дарданелл и Босфора.

4) Немедленное удаление мин, оставшихся в Дарданеллах, Мраморном море и Босфоре.

5) Согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем.

6) Сдача тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе.

В случае необходимости может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий [3].

Сазонов.

Пятое условие лишнее.

Царское Село, [3 марта] 18 февраля 1915 г.

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 113.

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4195, имеется записка от 26/13 февр., содержащая франц. текст этих условий перемирия, с пометой: «Передано Палеологом».

[3] Тел. от 1 марта/16 февр. за № 873 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 313) Сазонов сообщил Бенкендорфу и Извольскому, что к шести пунктам он считает необходимым прибавить следующий: «Немедленное удаление всех оттоманских войск из европейской части Турции, а также вывод их на анатолийском берегу за линию, которая будет указана начальниками союзных войск». Однако другой тел. от 2 марта/17 февр. за № 888 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 313) он просил не предпринимать никаких шагов по содержанию этой тел.

№ 268. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма № 861 [1]. 28/15 февраля 1915 г.

Не признает ли верховный главнокомандующий, в случае прорыва союзников через Дарданеллы, возможным направить для следования за нашим флотом через Босфор, по крайней мере, ополченские бригады, предназначавшиеся его императорским высочеством для Сербии [2]. Обязуюсь высказать убеждение [3], что если это только представляется допустимым для нас с военной точки зрения, — необходимо, чтобы при вступлении союзнических войск в Константинополь участвовали и наши войска [4].

Сазонов.

№ 269. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 55. 28/15 февраля 1915 г.

Получил срочное секретное письмо вашего высокопревосходительства № 30 [5]. Наши военный и морской агенты подробно и постоянно доносят о мерах, приведших шведскую армию и флот к непосредственной боевой готовности. В здешней офицерской среде объясняют эту готовность намерением начать весною военные действия против России. Подобные толки не были скрыты нашим морским агентом от своего начальства. Но в действительности военная готовность шведов и продолжающаяся у них работа, которую, они впрочем не скрывают, отнюдь не знаменует желания воевать с Россиею. Король, правительство и парламент не хотят войны и таковой не вызовут; но правительство, исполняя ту программу национальной обороны, ради кото-

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 150.

[2] См. № 173.

[3] Так в оригинале.

[4] В ответ на это Муравьев сообщил о решении верх. главнокомандующего «подготовить достаточное число войск на Кавказе для совместных действий с союзниками в Проливах, в случае прорыва Дарданелл», — сохраняя за отрядом, предназначенным для посылки в Сербию, его прежнее назначение, — а также о данном Черноморскому флоту распоряжении «быть готовым итти к Босфору и подготовить транспортные средства для перевозки войск» (тел. от 1 марта/16 февр. за №№ 92 и 96, опубл. К-поль и Пр., II, стр. 152). О решении верх. главнокомандующего Сазонов известил Извольского тел. от 3 марта/18 февр. за № 912 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 153) в ответ на его тел. от 1 марта/16 февр. за № 106 (см. ниже № 273).

[5] См. № 216.

рой оно было призвано к власти, побуждается к сугубым мерам военной готовности беспримерным в истории Европы пожаром. Словом, пока кабинет Гаммаршельда и Валленберга у власти, мы можем быть совершенно спокойны. Положение же кабинета вполне твердое; король ему доверяет безусловно, а парламентское большинство с ним солидарно. Военный и морской агенты вполне разделяют вышеизложенную политическую оценку положения, я же безусловно доверяю изложенным сведениям.

Неклюдов.

№ 270. Греческий министр иностранных дел Венизелос греческому посланнику в Петрограде Драгумису.

/. Телеграмма [1]. 28/15 февраля 1915 г.

Au sujet de l'intéressante conversation que vous avez eue avec le conseiller anglais et que vous avez résumée dans votre rapport No... du 30 janvier je vous prie de provoquer une nouvelle conversation avec le même personnage, pour rectifier l'opinion que vous avez émise à titre personnel dans le sens suivant, dont vous voudrez bien vous inspirer dans toute autre conversation que vous pourrez avoir sur le même sujet.

Si les Puissances de la Triple Entente se mettent d'accord en principe pour adopter quant au sort de Constantinople un régime d'internationalisation, nous devons dans notre intérêt de voir réussir pareil projet, n'émettre aucune prétention, ni laisser croire à des pensées pouvant en compromettre le succès. Nous devons au contraire soutenir que, à part l'administration locale dont le problème pourra être laissé aux sultans sous le contrôle des Puissances, mais dirigé et guidé par elles, il faut agir de manière que les grands intérêts politiques concentrés sur son territoire, puissent grace à un régime gouvernemental complètement approprié à un caractère international, être à l'abri de l'action isolée d'une Puissance quelconque. Etant donné la complexité du problème et l'extrême difficulté de trouver une formule pratique de l'internationalisation de tout un Etat, il y aurait pour ce qui concerne grand avantage à avoir pour tous les cas un projet prêt à proposer à l'attention des Puissances. Aussi bien nous mettons la question à l'étude, et je vous prie de réfléchir, ayant en vue l'analogie des précédents en Crète en pareille matière, et de nous faire éventuellement part de votre manière de voir.

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел; опубл. К-поль и Пр., II, стр. 187.

Перевод.

По поводу интересной беседы, которую вы имели с советником великобританского посольства и которую вы изложили в вашем донесении от 30 января за № ... прошу вас вызвать на новый разговор то же лицо, чтобы в мнение, высказанное вами частным образом, внести поправку в нижеследующем направлении, в духе коего и благоволите высказываться во всех других беседах, которые вы могли бы иметь по тому же самому вопросу.

Если державы Тройственного согласия принципиально договорятся принять в отношении будущей судьбы Константинополя принцип интернационализации, мы не должны, будучи заинтересованы в осуществлении подобного проекта, ни высказывать каких-либо притязаний, ни давать возможности предполагать намерения, которые могли бы повредить его успеху. Напротив, мы должны поддерживать ту мысль, что, за исключением вопроса о местной администрации, — разрешение которого может быть предоставлено султанам, но под контролем держав, направляющих и руководящих ими, — необходимо действовать таким образом, чтобы крупные политические интересы, сосредоточенные на его территории, могли быть обеспечены от изолированного действия какой-либо одной державы, благодаря установлению административного режима, вполне соответствующего принципу интернационализации. Принимая в соображение сложность вопроса и чрезвычайную трудность найти практическую формулу для интернационализации целого государства, для нас было бы крайне выгодно иметь на всякий случай готовый проект, который мы могли бы предложить вниманию держав. К тому же мы приступаем к изучению вопроса, и я прошу вас обдумать, имея в виду аналогичные прецеденты на Крите по тому же поводу, и при случае сообщить нам вашу точку зрения.

№ 271. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

·/· 1 марта/ 16 февраля 1915 г.

Более скорый прорыв французскими и великобританскими военными силами через Дарданеллы, чем можно было предполагать, побуждает меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, не выжидая завтрашнего моего доклада, нижеследующее:

Французский и великобританский послы от имени своих правительств настаивают на том, чтобы наши флот и войска приняли участие в занятии Константинополя. Союзниками направляется в Турцию десант общею численностью в 80—85 000 человек. Они рассчитывают взять босфорские укрепления с тыла и этим облегчить наше проникновение в пролив, но считают нежелательным, чтобы историческое событие изгнания турок из Царьграда осуществилось без нашего в нем участия. Полагая, что верховный главнокомандующий не сочтет возможным в настоящую минуту уделить для взятия Константинополя число войск, соответствующее силам наших союзников, я решаюсь всеподданнейше ходатайствовать о высочайшем вашего императорского

величества соизволении на безотлагательное отправление в Одессу тех частей, которые должны были быть направлены в Сербию, то есть 53-го казачьего полка [1] и того числа ополченских дружин, которое может быть выделено без ущерба для наших операций на западе. Немедленная посылка этих войск в Сербию затрудняется ныне чрезвычайно неблагоприятными санитарными и продовольственными условиями в королевстве. Некоторое замедление в исполнении просьбы сербского престолонаследника найдет себе объяснение в том обстоятельстве, что занятие Константинополя служит общим для всех союзников целям.

Во избежание потери времени, передаю содержание настоящего всеподданнейшего моего доклада начальнику штаба верховного главнокомандующего для представления его императорскому высочеству [2].

Если вашему императорскому величеству благоугодно будет одобрить в принципе изложенные соображения, осмеливаюсь ходатайствовать о всемилостивейшем сообщении высочайших указаний верховному главнокомандующему.

Сазонов.

№ 272. Поденная запись министерства иностранных дел.

1 марта/16 февраля 1915 г.

По поручению С. Д. Сазонова барон Шиллинг указал греческому посланнику на отрицательное впечатление, произведенное в Петрограде отказом Греции открыто стать на сторону держав Тройственного согласия [3] и выступить совместно с ними, несмотря на обещанную державами военную помощь. Впечатление этого отказа тем более неблагоприятно, что не далее как месяц тому назад греческое правительство изъявило готовность выступить активно на стороне союзников при условии этой поддержки [4]. Сопоставляя настоящий отказ Греции с недавним назначением Стрейта посланником в Константинополь [5], можно притти к заключению об усилении в Афинах влияния Германии и Австрии. Между тем в интересах Греции, особенно в на-

[1] См. № 268.

[2] Тел. Кудашеву от того же числа за № 45 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 151).

[3] См. № 194.

[4] См. № 93.

[5] Тел. от 24/11 февр. за № 68 Демидов извещал, что греч. посланник в Константинополе Панас заменен Стрейтом, б. м-ром ин. дел в кабинете Венизелоса. (Ср. т. VI, ч. 1, стр. 227, прим. 2.)

стоящую минуту, не вызывать недовольства держав Согласия, что могло бы охладить дружественное отношение союзников к греческому правительству.

№ 273. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 106 [1]. 1 марта/16 февраля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 850 [2].

Делькассе, не успевший еще обсудить предлагаемую в ней программу действий, сказал мне, что на первый взгляд выработанные нами пункты эвентуального перемирия с Турциею не вызывают никаких возражений. Но, по его мнению, необходимо предвидеть еще другие случайности: а именно весьма возможно... дойдут к Константинополю, они уже не найдут там турецкого правительства, и тогда может возникнуть вопрос о совместной оккупации города и его окрестностей [3]. Это во всяком случае положит конец существованию Европейской Турции [4]. Но этим еще не разрешится дальнейшая судьба азиатских владений Турции. Делькассе думает, что следовало бы заранее сговориться относительно всех этих вопросов. Он высказал мне также сожаление, что до сих пор ему ничего в точности неизвестно о наших предположениях насчет участия наших морских и сухопутных сил в общих действиях против Проливов и Константинополя.

Извольский.

№ 274. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 32. 1 марта/16 февраля 1915 г.

В беседе со мною министр иностранных дел категорически опроверг все слухи о переговорах, будто бы происходящих между Римом и венским кабинетом, относительно территориальных уступок [5]. Министр

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 114.

[2] См. № 267.

[3] Против фразы: «Но, по его мнению... окрестностей» имеется помета Николая II: «Весьма возможно.» —«Царское Село, [3 марта] 18 февраля 1915 г.»

[4] Тел. от 4 марта/19 февр. за № 117 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 315) Извольский сообщил о согласии Делькассе с 6 пунктами перемирия, что, по мнению последнего, не исключало «в случае надобности введения в перемирие еще других условий сообразно с обстоятельствами».

[5] О переговорах между Италией и Австро-Венгрией о компенсациях Италии на основании ст. VII договора о Тройственном союзе от 6 мая/23 апр. 1891 г., начавшихся в середине декабря н. ст. 1914 г., ср. итал. зеленую книгу «Il libro

даже не скрыл от меня, что он не верит в возможность получить что-либо от Австрии. При этом он однако осторожно уклоняется от обсуждения другого пути. Но о его личном мнении можно заключить хотя бы по угрозам, которыми он не жалеет..... ить по адресу Джиолитти за письмо [1], в коем последний писал, что «кое-что» можно будет получить от Австрии без войны. «Это письмо, — сказал мне дословно Соннино, — принесло много вреда». Германский посол продолжает со своей стороны успокаивать и утверждать, что Австрия, без сомнения, удовлетворит вожделения Италии при соблюдении последней нейтралитета до конца.

Крупенский.

№ 275. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

№ Телеграмма № 113. 1 марта/16 февраля 1915 г.
Весьма доверительно.

В продолжительной беседе со мною здешний итальянский посланник высказался теперь гораздо определеннее и настойчивее, чем прежде [2]. Он находит крайне желательным, чтобы державы Тройственного согласия ныне же вступили с итальянским правительством в переговоры об активном выступлении Италии и о возможных приобретениях последней на побережьи Адриатического моря и об участии ее в эвентуальном разделе турецкого наследства. Фашиотти также упоминал об исправлении в пользу Италии границы между Триполи и Тунисом или о какой-либо другой в этом роде уступке со стороны Франции, но я позволил себе высказать ему мое личное мнение, что едва ли Франция согласится поступиться какими бы то ни было теперешними ее владениями. Мой коллега считает, что через месяц Италия будет иметь вполне готовую к выступлению армию в 1 800 000 человек и содержать такую военную силу, не принимая участия в войне, нет никаких рассчетов. Итальянский посланник пытался мне разъяснить, что в случае войны итальянская армия не ограничится занятием Адриатического побережья, а пойдет прямо на Вену и что все трудности подобного похода, нисколько не устрашая итальянского правительства, лишь

verde. Documenti Diplomatici presentati al parlamento Italiano», Milano, 1915 (русс. пер., изд. 1916 г.), № 1 и сл., а также австр. красную книгу «Oest.-Ung. Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke betreffend die Beziehungen Oesterreich-Ungarns zu Italien», Wien, 1915, №№ 74—79, 90—92, 95—99, 103 и сл.

[1] Имеется в виду письмо Джиолитти депутату Пеано от 21/8 января 1915 г., помещенное в газете «Tribuna».

[2] Ср. № 14.

дают ему право на соразмерное с его усилием вознаграждение. Из слов Фашиотти я мог заключить, что итальянское правительство вполне осведомлено об его разговоре со мною и что он сам был своевременно поставлен в известность о том, что Братиану позволил себе высказаться пред вашим высокопревосходительством о желательности переговоров держав Тройственного согласия с Италией [1].

Поклевский.

№ 276. Памятная записка министерства иностранных дел [2].

2 марта/17 февраля 1915 г.

Mr. Sazonow ne verrait pas sans inquiétude l'Italie entrer en scène, alors que son concours militaire et naval a perdu la meilleure part de sa valeur. Toute collaboration nouvelle rendrait les négociations de paix plus difficiles. L'intime confiance qui règne entre les trois Puissances alliées est le principe même de leur force. Si une quatrième Puissance s'immisçait dans leur concert, ne faudrait-il pas craindre que celle-ci ne cherchât à les désunir pour son profit personnel.

Mr. Sazonow estime donc que, si le gouvernement italien nous offre son concours, nous devrions l'éluder sous les formes les plus amicales [3].

Перевод.

Г. Сазонов не без тревоги увидел бы появление на сцене Италии в то время, когда ее морское и военное содействие потеряло в значительной части свою ценность. Всякое новое сотрудничество сделало бы мирные переговоры более трудными. Искреннее доверие, которое царит между тремя союзными державами, является источником их силы. Если четвертая держава вмешается в их согласие, то не следует ли опасаться, что она попытается разъединить их в целях личной выгоды?

Г. Сазонов поэтому думает, что если итальянское правительство предложит нам свое содействие, мы должны были бы отклонить его в самой дружественной форме.

---

[1] Ср. № 13.

[2] Черновик написан рукою Палеолога. Пам. записка, повидимому, адресована франц. и англ. послам в Петрограде.

[3] Тел. от 5 марта/20 февр. за № 313, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Грей передал Бьюкенену полученный им из Парижа текст тел. Делькассе Палеологу, в которой последнему поручалось просить Сазонова «не говорить ничего такого, из чего Италия могла бы заключить, что Тройственное согласие не придает значения ее военному сотрудничеству». По словам Делькассе, «французское правительство понимает, что сотрудничество Италии увеличит затруднения при установлении условий мира по окончании победоносной войны, но благодаря ему многое существенное может быть достигнуто». Соответствующая пам. записка Палеолога Сазонову в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

№ 277. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

*/. Телеграмма № 878 [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на ваш № 72 [2], т. е. на последнее ее предложение.

Ни при каких условиях мы не можем допустить участие греческих войск [3] во вступлении союзных войск в Константинополь.

Сазонов.

№ 278. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

*/. Телеграмма № 887 [4]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Успешные действия союзников в Дарданеллах вызывают необходимость подготовить общественное мнение Франции и Великобритании к признанию наших прав на Проливы и Константинополь. Являясь отдельным театром войны, на котором действуют наши союзники, указанная область может быть ими занята без прямого нашего содействия. В предвидении этой возможности правительству, при коем вы аккредитованы, надлежит безотлагательно провести в сознание общественных кругов, что [5] все союзники в равной мере способствуют общей цели и что поэтому насущные интересы каждого из них должны найти полное удовлетворение при распределении выгод войны.

Сазонов.

---

[1] Опубл. в К-поль и Пр., II, стр. 189.

[2] Тел. от 27/14 февр. за № 72 (опубл. в К-поль и Пр., II, стр. 186) Демидов сообщал, что, по сведениям греч. прав-ва, Болгария намеревается мобилизовать три дивизии и под прикрытием этой мобилизации произвести общую, с целью напасть на Грецию. Греч. прав-во, по словам Демидова, решило предупредить софийский кабинет, что «при первом признаке мобилизации оно тотчас же откроет военные действия против Болгарии».

Далее Демидов указывал, что в Афинах наблюдается большой интерес к действиям союзных сил против Проливов и «все заметнее становится желание так или иначе приобщить Грецию, наряду с Тройственным согласием, к завершению великого исторического дела».

[3] В черновом отпуске далее зачеркнуто: «в торжестве, если господу угодно будет благословить нас на таковое».

[4] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 245.

[5] В черновом отпуске далее зачеркнуто: «определяемая историей доля каждого из союзников в наследии Оттоманской империи должна ему достаться безотносительно к тому, кем из них она будет завоевана».

№ 279. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

•/. Телеграмма № 903 [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Телеграмма за № 138 [2] получена.

Заявление уже сделано было Коростовцом председателю совета министров с ведома Тоунлея, который вполне согласился с его содержанием и целесообразностью [3]. Нам представляется, что невозможно было бы не реагировать на произвольное составление кабинета со включением в него явно нежелательных нам членов. Молчание наше могло бы быть истолковано слабостью, что было бы особенно опасно в настоящее время.

В ответ на заявление Мостоуфи-оль-Мемалек заверил Коростовца в дружественных чувствах шахского правительства и дальнейшем соблюдении нейтралитета; он поручился также за Эйн-эд-Доуле и Мухбер-эс-Солтане. Министр иностранных дел также дал дружественные заверения.

Дальнейшего давления мы на персов пока производить не намерены.

Доведите об изложенном до сведения Грея, добавив, что, по сообщению наместника на Кавказе [4], наш кавказский [5] отряд может быть усилен, если бы того потребовали образ действий персидского правительства или события вроде движения на Тегеран Салар-эд-Доуле с турками и курдами [6].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 27/14 февр. за № 138 Бенкендорф сообщил, что, по мнéнию Грея, выступление перед новым перс. кабинетом (см. № 238) до выяснения направления его деятельности нежелательно, так как оно не даст никаких результатов и будет на пользу только Германии и Турции.

[3] Сообщено Коростовцом тел. от 28/15 февр. за № 88.

[4] См. стр. 312, прим. 4.

[5] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «Казвинский».

[6] Ссылаясь на дружественные заверения, данные перс. прав-вом Коростовцу, и «во избежание излишнего раздражения в Персии», Сазонов тел. от 2 марта/17 февр. за № 898 сообщил наместнику на Кавказе, что он «полагал бы пока дальнейшего давления на персов не производить и повременить усилением Казвинского отряда, имея однако наготове необходимые для этого части, чтобы быстро двинуть их в Казвин», в случае если «образ действий нового кабинета того потребует». В ответ на эту тел. наместник на Кавказе тел. от 7 марта/22 февр. за № 212 предупредил Сазонова, что «известная вам операция, отвлекающая значительные силы с сухопутного фронта, не позволит мне произвести предположенного вами усиления этого отряда».

№ 280. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 1. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Днем получена телеграмма из ставки от верховного главнокомандующего с вопросом о том, можно ли нам воспользоваться портом Бургас, как базой для действий против Босфора [1], а также телеграмма князя Кудашева о том, что к Босфору предполагается отправить войска с Кавказа, а что за казачьим полком, предназначенным для Сербии, по повелению великого князя сохраняется указанное назначение [2].

В 6 часов у министра — всеподданнейший доклад в Царском Селе. Государь император соизволил признать основательными доводы против посылки войск в Сербию и необходимость, наоборот, по возможности усилить отряд, призванный действовать против Турции на Босфоре. Что касается вопроса о том месте, где удобнее всего было бы устроить базу для военных действий против Босфора, его величеству благоугодно было указать министру переговорить с военным и морским министрами и о результате такового совещания безотлагательно донести в Царское Село.

По возвращении в Петроград С. Д. Сазонов в тот же вечер вместе с военным министром отправился к морскому министру, где с участием начальника морского генерального штаба состоялось означенное совещание. Последнее пришло к заключению, что неудобства в политическом отношении воспользоваться для указанной цели Бургасом столь значительны, что предпочтительно постараться использовать хотя бы и менее удобные в морском отношении, но все же представляющиеся возможными другие порты, как, напр., Зунгулдак, Эрегли или Иниада. При этом решено запросить адмирала Эбергарда о его мнении касательно возможности использовать эти порты.

№ 281. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 2. 2 марта/17 февраля 1915 г.

По поводу высказанного с нескольких сторон предложения, чтобы державы Тройственного согласия вступили в переговоры с итальянским правительством, дабы побудить Италию к активному выступлению против Австрии и Германии, как в министерстве иностранных дел, так и французским и английским послами в Петрограде было выражено

[1] Тел. за № 97, опубл. К-поль и Пр., II, стр. 289.

[2] Имеется в виду тел. Муравьева, см. стр. 359, прим. 4.

отрицательное отношение к возобновлению подобных переговоров. По этому вопросу было указано, что Италия, не ставшая активно в течение шести месяцев на сторону союзных держав, не может уже в настоящее время оказать своим выступлением такого решающего влияния, которое оправдывало бы те весьма значительные территориальные приращения, относительно которых она, несомненно, пожелает заранее заручиться обещанием союзников. Во всяком случае, если выступление Италии и представлялось бы возможным в ближайшем будущем, то всякая попытка вступить в переговоры по этому вопросу должна исходить от итальянского правительства. Разумеется, что несмотря на вышеизложенные соображения, остается попрежнему желательным не вызывать охлаждения отношений между державами Тройственного согласия и Италией, что могло бы побудить последнюю подчиниться влиянию Германии и Австрии.

№ 282. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 146 [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г

Ai trouvé Grey très fort sous impression dernières nouvelles de la situation militaire en Pologne et plus nettement optimiste que jusqu'ici. Il me dit avoir été extrêmement satisfait de l'accueil fait par Chambre à sa déclaration concernant vues russes sur Détroits [2], et qu'il avait été applaudi par tous les partis de l'oposition, ce qui pour lui était l'important. Il me parla ensuite des opérations dans Dardanelles assez satisfaisantes et m'a répété que l'amirauté a expédié immédiatement 10 000 hommes de brigade marine, que le gouvernement français expédie 4 000 hommes pour besoins immédiats des côtes, que 30 000 hommes de l'armée d'Egypte étaient à la disposition de Carden, qu'une divison française serait concentrée à Biserte pour besoins ultérieurs et que, cas échéant, une division anglaise d'Angleterre pourrait suivre, à moins d'éventualités imprévues, qui obligent de l'expédier en France. Il me dit qu'il fallait prevoir que flotte turque serait obligée prendre large dans mer Noire avant qu'elle ne puisse être atteinte par flotte anglaise, mais que, privée de base sérieuse, elle devait devenir proie de flotte impériale et que, mer Noire étant libre, rien n'empêcherait descente forces russes à tel point que gouvernement impérial jugerait le plus opportun. Il me dit que concentration forces anglo-françaises plus considérables dès maintenant rencontrerait difficultés, parce que Lem-

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 247.

[2] См. стр. 371, прим 2.

nos est trop petit et qu'il est difficile trouver autre base assez proche. Lui ai parlé des conditions d'un armistice dans éventualité que Turquie demande paix [1]. Il me dit qu'il venait de recevoir télégramme à ce sujet de Buchanan et ne l'avait pas examiné. Il pense qu'à ce moment même il pourrait être opportun que vous mettiez le marché à la main du gouvernement bulgare pour ligne Enos—Midia: Grey tient autant que jamais à intervention Roumanie et Grèce, entre autre pour sauver Serbie. Il pense que Roumanie entraînerait l'Italie. Toute cette dernière partie de l'entretien à titre de simples réflexions.

Benckendorff.

Перевод.

Я нашел Грея под сильным впечатлением последних известий о военном положении в Польше и более оптимистично настроенным, чем до сих пор. Он выразил мне свое крайнее удовлетворение приемом, оказанным палатою его декларации относительно видов России на Проливы, сказав, что ему аплодировали все партии оппозиции, что было для него важно. Затем он перешел к вопросу об операциях в Дарданеллах, представляющихся достаточно удовлетворительными, и повторил мне, что адмиралтейство тотчас же отправило 10 000 человек морской пехоты, что французское правительство посылает 4 000 человек для непосредственных потребностей на побережьи, что 30 000 человек египетской армии находятся в распоряжении Кардена, что французская дивизия будет сосредоточена в Бизерте для последующих надобностей и что, в случае необходимости, за ней может последовать английская дивизия из Англии, если только непредвиденные обстоятельства не заставят отправить ее во Францию. По его словам, необходимо предвидеть, что турецкий флот может быть вынужден выйти в Черное море, прежде чем он будет настигнут английским флотом, но, лишенный надежной базы, он должен сделаться добычей императорского флота; а когда Черное море будет свободно, тогда ничто не помешает высадке русских сил там, где императорское правительство сочтет это наиболее подходящим. Он сказал мне, что сосредоточение в данную минуту более значительных англо-французских сил встретило бы затруднение, так как Лемнос слишком мал, и трудно подыскать достаточно близко другую базу. Я с ним говорил об условиях перемирия в случае, если Турция запросит мира. Он мне сказал, что только-что получил телеграмму по этому вопросу от Бьюкенена и еще не рассмотрел ее. Он думает, что в данную минуту было бы своевременно, если бы вы вступили в переговоры с болгарским правительством о линии Энос—Мидия. Грей больше, чем когда-либо настаивает на вмешательстве Румынии и Греции, между прочим, для спасения Сербии. Он думает, что Румыния вовлекла бы в войну Италию. Вся эта последняя часть беседы носила характер простых размышлений.

Бенкендорф.

[1] См. № 267.

№ 283. Статс-секретарь по иностранным делам Грей российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Private.

Dear Count Benckendorff,

I am more disappointed than I can express to hear from Sazonow that my statement in the House of Commons about the Straits has been unfavourably received in Russia [2]. I wish now that I had said nothing at all.

I have telegraphed to Buchanan to explain that I can't be more Russian than the Russian Government itself in my public utterances.

I haven't told Buchanan that I had shown you the answer before I gave it, but I should be very glad if you could telegraph something to Sazonow to explain how the answer in Parliament came to be given and what I said to you as to my desire to say in public what I have said to Sazonow in private; and if you could get this explained to the Emperor it would be useful, for I hear he is upset.

Yours sincerely

E. Grey.

I shall be glad if you can come to see me to-morrow (Wednesday) afternoon 3. 30.

Перевод.

Дорогой граф Бенкендорф,

Я не могу выразить, как я разочарован тем, что, по словам Сазонова, мое заявление относительно Проливов в палате общин было неблагоприятно принято в России. Я желал бы теперь, чтобы я совсем ничего не говорил.

---

[1] Печатается с подлинного письма, хранящегося в арх. б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] 25/12 февр. Грею в палате общин в связи с речью Сазонова (см. стр. 254, прим. 4) был предъявлен запрос, были ли слова Сазонова, что «Россия имеет в виду навсегда занять Константинополь», согласованы с мнением англ. прав-ва (тел. Бенкендорфа от 25/12 февр. за № 122, опубл. К-поль и Пр., I, стр. 241). В ответ на это Грей, приведя текст заявления Сазонова, сказал следующее: «Это — стремление, которому мы вполне сочувствуем. Точная форма, в которой оно осуществится, несомненно будет установлена условиями мира» (тел. Бенкендорфа от 25/12 февр. за № 133, опубл. К-поль и Пр., I, стр. 242).

Тел. от 1 марта/16 февр. за № 865 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 244) Сазонов, указывая, что ответ Грея «вызвал недоумение в нашей печати и произвел не совсем благоприятное впечатление в думских кругах», выражал пожелание, чтобы Грей при удобном случае «сделал новое заявление, ближе подходящее к данным нам великобританским правительством заверениям» (см. т. VI, № 484).

Я телеграфировал Бьюкенену, предлагая объяснить, что я не могу быть более русским, чем само русское правительство в моих публичных выступлениях.

Я не сообщал Бьюкенену, что я показывал вам [проект] моего ответа, прежде чем я произнес его [в палате], но я был бы очень рад, если бы вы могли протелеграфировать что-нибудь Сазонову, чтобы объяснить ему, что вызвало необходимость дать ответ в парламенте, а также о высказанном мною вам желании заявить публично то, что я сказал Сазонову частным образом; если бы вы могли довести эти объяснения до императора, это было бы полезно, так как я слышал, что он весьма взволнован.

Э. Грей.

Искренно ваш

Я был бы рад, если бы вы могли посетить меня завтра, в среду, в 3.30 пополудни.

№ 284. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 107 [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Личная.

Копия в Лондон.

Вашу телеграмму № 815 [2] получил.

В разговоре с Делькассе я в самой осторожной форме и от собственного имени коснулся вопроса о Проливах. Сославшись на ответ, данный вами великобританскому послу, — ваша телеграмма № 592 [3],— я высказал ему, что наше общественное мнение требует вполне прочного обеспечения выхода России в свободное море и безопасности нашего Черноморского побережья, но что хотя мне в точности и неизвестно, в чем именно будут заключаться наши требования, я не могу не ожидать, что мы должны будем пойти и в настоящем вопросе далее наших первоначальных предположений. Видимо встревоженный моими словами, Делькассе ответил мне, что до сих пор он всегда думал на основании собственных разговоров с вами и донесений Палеолога, что мы допускаем для Константинополя и его ближайших окрестностей международную организацию и желаем лишь присоединения части Фракии до будущей границы с Болгарией; относительно же Проливов, что мы стремимся лишь к обеспечению в них нашей коммерческой свободы и к установлению достаточных международных гарантий против их закрытия для нашей торговли. Недавний ответ Грея в парламенте [4] показывает, что в Лондоне именно так понимают наши пожелания в этом последнем вопросе. Слова, сказанные вами великобри-

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 245.

[2] См. № 258.

[3] См. № 192.

[4] См. стр. 371, прим. 2.

танскому послу, он, Делькассе, понял в том смысле, что ныне мы, может быть, стремимся к обладанию и Константинополем, что он лично считает вполне естественным. Но (так как) оказалось, что мы хотим утвердиться не только на европейском, но и на азиатском берегу Проливов, то он должен ожидать, что подобное стремление вызовет энергичный отпор со стороны лондонского кабинета и всего европейского общественного мнения. На различные мои возражения, он высказал мнение, что нынешние воззрения на свободу морей исключают переход в полное обладание какой-либо державы какого-либо пролива, имеющего значение с точки зрения общих международных интересов. В виде примера он привел мне Гибралтарский пролив, где Франция ни в каком случае не допустила бы утвердиться Великобритании на обоих берегах, то есть и в Гибралтаре и в Танжере. Наше утверждение политическое и даже военное на европейском берегу Проливов, по его мнению, может быть оправдано, и он лично готов ему содействовать. Но захват нами обоих берегов неизбежно встретит самое серьезное затруднение. В заключение Делькассе сказал мне, что было бы крайне желательно подвергнуть всестороннему обсуждению между Россией и Францией как настоящий, так и многие другие вопросы и что он не задумался бы предпринять с этой целью путешествие в Петроград, если бы он не был абсолютно связан парламентской сессией. Ввиду вышеизложенного позволяю себе еще раз возвратиться к мысли о вашей встрече с Делькассе и Греем в Париже [1], ибо лишь этим способом, мне кажется, возможно избежать недоразумений при разрешении назревающих серьезных вопросов [2].

Извольский.

№ 285. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 108 [3]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Продолжение моего № 107

Здешнее общественное мнение, утомленное затяжным характером

[1] См. стр. 90, прим. 1.

[2] Тел. от 6 марта/21 февр. за № 155 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 263) Бенкендорф, излагая подробно англ. и франц. точки зрения на вопрос о Проливах, сообщал между прочим, следующее: «Впрочем, я убежден и я знаю, что Грей всецело разделяет мнение Делькассе, к которому я вполне присоединяюсь, как и мой парижский коллега, — мнение, что вопрос этот настолько важен, что только совещание между Делькассе, Греем и вами могло бы разрешить его сообразно с нашими интересами».

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 153.

войны, с увлечением относится к предприятию англо-французских сил против Дарданелл и Константинополя и ожидает от них чрезвычайных последствий. При этом отсутствие сведений о нашем участии в сказанном предприятии отодвигает как бы нашу роль и наши интересы на задний план. В печати и публике главным образом обсуждаются различные международные комбинации для Константинополя и Проливов. Если окажется, что англо-французские силы сыграют при форсировании Проливов и падении турецкого владычества в Константинополе главную роль, то настроение это может еще усилиться. При том громадном влиянии, которое имеют здесь общественное мнение и печать, обстоятельство это заслуживает самого серьезного внимания.

Извольский.

№ 286. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 2 марта/17 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предыдущем письме я высказываю причины, по которым мне кажется, что принятое вашим высокопревосходительством решение не предпринимать пока пред болгарским правительством никаких новых шагов с целью побудить его к активному выступлению, как нельзя более соответствует обстоятельствам [1].

Того же мнения держится и оппозиция, как мне пришлось в том убедиться вчера из длинного разговора с Даневым, который в ту самую минуту, когда я его видел, выходил из общего заседания вождей оппозиционных партий, обсуждавших, какими способами можно было бы заставить правительство переменить курс, который признается всей страной как крайне опасный и вредный.

Положение оппозиции в стране, где власть пользуется еще правами и обаянием, присущими власти на Востоке, вообще довольно трудное и неблагодарвое; в Болгарии же с существованием ныне военного положения, усиленного на-днях запрещением всяких собраний, в том числе заседаний политических партий, оно особенно тяжело.

Теперешние оппозиционные партии испытывали это уже не раз, как вам угодно будет припомнить из моих предыдущих донесений. Если

[1] Письмом от 1 марта/16 февр. Савинский высказывал мнение, что причиной, по которой желательно отсрочить выступление в Софии, является усиление герм.-австр. агитации в стране, в связи с русскими военными неудачами (ср. № 193).

присоединить к этому отсутствие энергии и настойчивости в людях, стоящих ныне во главе различных оппозиционных организаций, то легко можно себе представить, к каким ничтожным практическим результатам приводят все их благие пожелания вроде манифестов, воззваний к народу и других проявлений, о которых я своевременно имел честь доносить вашему высокопревосходительству [1].

Чувствуя всетаки, что на их обязанности лежит реагировать против направления современной политики, лидеры оппозиции и собрались вчера для обсуждения мер, которые можно было бы предпринять с этой целью. Нужно сознаться, что все то, что сказал мне об этом совещании Данев, производит самое безотрадное впечатление. Оппозиционные вожди пришли к убеждению, что все возможные способы воздействия уже исчерпаны и что остаются разве такие исключительные и, в сущности, вряд ли целесообразные, как обращение к экзарху и македонцам. Их взоры обратились к экзарху как пламенному патриоту, который мог бы, по их мнению, объединить всех деятелей — правительственных и оппозиционных, пользуясь своим личным авторитетом, но они упускают из виду, что над экзархом тяготеет гнев короля, и его вмешательство, даже если бы правительственные деятели и пошли на придуманную оппозиционерами меру, вряд ли имело бы практические последствия.

Что касается македонцев, то нужно признаться, что их влияние за последнее время значительно ослабело в стране, отчасти в связи с потерей той популярности, которой раньше пользовался шеф стамбуловистов-македонцев Геннадиев, скомпрометировавший себя окончательно и в частной, и в общественной жизни, и в глазах народа, и в глазах собственной партии. Раньше македонцы, предводимые смелыми вожаками и не стеснявшиеся выбором средств, могли, быть может, оказывать давление и на правительство и на дворец; теперь же обращение к ним вряд ли было бы целесообразно, хотя, по словам Данева, сами они не отказывают в своем содействии и не сомневаются в его успехе.

Не знаю, что решат оппозиционные партии предпринять со временем, чтобы заставить услышать свой голос; теперь же они сами со-

---

[1] В письме от 30/17 января Савинский сообщал о появившихся в болгарской печати «манифесте верховного совета народной партии» и «воззвании софийских граждан», занимавших видное общественное положение; оба документа высказывались за необходимость сближения Болгарии с Россией и ее союзниками. Правительственная пресса, по словам Савинского, «подвергла как манифест, так и воззвание критике».

знаются в своем бессилии и возлагают надежды на благоприятный для нас оборот дел на военных полях, чтобы заставить короля, которого они тоже признают единственным влиятельным фактором, переменить внешнюю политику Болгарии.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 287. Верховный главнокомандующий Николаю II.

Телеграмма № 8455 [1]. 2 марта/17 февраля 1915 г.

Министр иностранных дел сообщил мне текст проекта условий перемирия с Турцией в случае успешного форсирования Дарданелл и Босфора [2]. Я указал ему на те изменения и дополнения, которые считал необходимыми [3]. Условия перемирия должны быть таковы, чтобы они обеспечивали нам во всех отношениях возможность перебросить большую часть кавказской армии для действия против Австрии и Германии, и это последнее может быть сделано по соглашению с союзниками, в смысле совместной операции в Сербии или, если эпидемии тому воспрепятствуют, действиями со стороны Рагузы или иного пункта Адриатического моря. Со своей стороны, считаю, что нам совместно с союзниками следует настаивать на заключении мира с Турцией, так как только подобное решение даст возможность без риска все освободившиеся силы наши и союзников направить против Австрии и Германии. Подобное решение вопроса дает полное основание рассчитывать наискорейшим образом довести всю войну до победоносного конца.

Генерал-адъютант Николай.

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 314.

[2] См. № 267.

[3] Верх. главнокомандующий, указывая, что «по закону заключение перемирия входит в круг его прав», просил Сазонова иметь в виду, что перемирие может только тогда иметь значение, если освободит с Кавказа значительную часть войск. Это, по его мнению, будет возможно только при наличии достаточных гарантий, каковыми по п. 6 могла бы быть сдача Чаталджинской укрепленной позиции и обезоружение Адрианополя. Кроме того, он высказывался за необходимость распространения перемирия и на малоазиатский фронт (тел. Янушкевича Сазонову от 2 марта/17 февр. за № 98, опубл. К-поль и Пр., II, стр. 313).

№ 288. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

3 марта/18 февраля 1915 г.

His Majesty's Ambassador is instructed to approach the Russian Government with the following urgent representations.

In spite of continued correspondence between the two Governments dating from October of last year the British War Office is still ignorant as to the extent of the problem with which the Russian Government are faced with regard to the supply of ammunition. This uncertainty compromises the whole scheme of military operations [1].

Isolated appeals for help do not enable His Majesty's Government to understand the situation or to render any real assistance to the Russian Government. It is therefore absolutely essential that the Russian Government should furnish His Majesty's Government with a full, frank, detailed and precise statement of their total requirements as regards ammunition. This statement, to be of real value, should give particulars of all orders placed by the Russian Government abroad and all negotiations for orders begun but not yet concluded.

Moreover, in order to deal promptly and effectively with the situation, His Majesty's Government would ask the Russian Government to send to London some responsible person with full and accurate knowledge of Russia's requirements, with absolute control over all purchases either in the United States or in England and with full authority to act independently. Finally, it would be indispensable that there should be some means of exercising some supervision over the various Russian agents who seem to be competing against one another in the same markets for the same article, and none of whom appears to be in touch with the other agents or to know what instructions have been issued to them.

His Majesty's Ambassador is instructed to impress strongly upon the Imperial Government the absolute necessity of clearing up the situation; and he is to point out that, if any shortage of ammunition exists, a gravely disquieting situation will arise unless the Artillery Department can accurately estimate its extent and take adequate measures to meet it [2].

---

[1] В половине февр. Янушкевич писал Сухомлинову: «Расход патронов под Праснышем громадный... А доставляют их нам хуже, чем в январе. Жутко от этого. На фронте Бзуры есть батареи со 100 патронов на орудие... Тимченко-Рубан артиллерийского дела не знает, и ему трудно помочь» (Кр. арх., т. III, стр. 31).

[2] Во время пребывания Барка в Лондоне Китченер имел с ним специальные совещания по вопросам централизации снабжения. 9 марта/24 февр. вел. кн.

Перевод.

Посол его величества получил предписание обратиться к российскому правительству со следующими срочными представлениями:

Несмотря на длительную переписку между обоими правительствами, начавшуюся в октябре минувшего года, британское военное министерство находится все же в неведении касательно размеров стоящей перед российским правительством задачи в отношении снабжения [армии] снаряжением. Эта неизвестность нарушает весь план военных операций.

Отдельные обращения за помощью не дают правительству его величества возможности представить себе общее положение дел или оказать какое бы то ни было действительное содействие российскому правительству. Поэтому совершенно необходимо, чтобы российское правительство доставило правительству его величества полную, откровенную, подробную и точную сводку его общих потребностей в снарядах. Чтобы иметь реальное значение, эта сводка должна дать подробные сведения о всех заказах, помещенных российским правительством за границей, и о всех переговорах по ним, начатых, но еще не законченных.

Помимо того, в целях скорого и успешного урегулирования дела, правительство его величества просило бы российское правительство отправить в Лондон ответственное лицо, точно и подробно осведомленное о потребностях России, с возложением на него полного контроля за всеми закупками, как в Соединенных Штатах, так и в Англии и с предоставлением ему полного права действовать самостоятельно. Наконец, было бы необходимо обеспечить какую-либо возможность надзора за разными русскими агентами, которые, повидимому, вступают друг с другом в конкуренцию на одном и том же рынке и по тем же самым предметам, причем ни один из них, повидимому, не находится в контакте с другими агентами и не знает, какие им были даны инструкции.

Посол его величества получил предписание обратить самое серьезное внимание императорского правительства на абсолютную необходимость выяснить положение; ему поручено указать, что в случае недостатка снарядов может возникнуть весьма тревожное положение, если только артиллерийское ведомство не будет в состоянии точно установить размеры этого недостатка и принять соответствующие меры для его устранения.

№ 289. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

Телеграмма № 911 [1]. 3 марта/18 февраля 1915 г., 9 ч. веч.

Телеграмма моя послам в Париже и Лондоне [2] явилась результатом предварительного обмена мнений между мною и французским и вели-

---

Николай Николаевич поручил Бенкендорфу «передать Китченеру, что он вполне одобряет высказанные им предложения» Барку «об упорядочении дела военных заказов», и «рассчитывает на содействие лорда Китченера в смысле гарантий качества и сроков поставок».

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 314.

[2] См. № 267.

кобританским послами в Петрограде. Она вызвана была желанием избегнуть разногласия между нами и нашими союзниками, озабоченными не заключать отдельного мира с Турцией, ибо таковой до победы над Германией не будет прочным. К тому же намеченные в общих чертах пункты перемирия столь тяжки, что турки добровольно не согласятся принять их. Источник, из которого исходили слухи о намерении турок обратиться к союзникам, мне не внушает доверия. Если бы вопрос приобрел более серьезное основание, он будет представлен на благоусмотрение верховного главнокомандующего для получения указаний относительно условий, желательных для нас. Сдача Чаталджинской позиции и Адрианополя предусмотрена пунктом шестым программы; последнее предложение телеграммы № 850 имело в виду, как малоазиатский фронт, так и сирийский [1].

Сазонов.

№ 290. Поденная запись министерства иностранных дел.

3 марта/18 февраля 1915 г.

Утром морской министр прислал составленную им записку с изложением заключений состоявшегося накануне совещания [2], и министр иностранных дел во исполнение высочайшего повеления поспешил отправить таковую в Царское Село на благоусмотрение государя императора.

Днем у председателя совета министров было совещание министров с участием варшавского генерал-губернатора князя Енгалычева для обсуждения разных вопросов по польским делам. Тем временем фельдъегерь привез из Царского Села обратно утренний доклад министра с пометой, предписывающей морскому министру немедленно осуществить предположение о запросе адмирала Эбергарда. К этому была приложена собственноручная записка государя, выражавшего желание переговорить с С. Д. Сазоновым по вопросу о Проливах и приглашавшая его прибыть для этого на другое утро в четверг [4 марта] 19 февраля в Царское Село. Записка вместе с докладом, на котором была упомянутая помета, были тотчас отправлены министру в совещание у председателя совета министров, так что высочайшее повеление адмиралу Григоровичу могло быть передано без замедления.

В этот же день утром государю императору представлялся генерал По, который был приглашен к высочайшему завтраку вместе с фран-

[1] Ср. стр. 376, прим. 3.

[2] Ср. № 280. Записка Григоровича опубл. К-поль и Пр., II, стр. 290.

цузским послом и военным агентом маркизом де Лагиш. В вышеозначенной записке государь император предупреждал С. Д. Сазонова, что он поручил г. Палеологу передать министру содержание своего разговора с его величеством[1].

Тотчас по возвращении министра из совещания, около 7 часов, приехал французский посол и сообщил, что в милостивой беседе, которой его удостоил государь, его величество коснулся того, что, по его мнению, должна достигнуть Россия в результате нынешней войны. На замечание французского посла, что хотя эти виды ему в общих чертах уже знакомы, он тем не менее еще не имел случая выслушать по этому поводу положительное волеизъявление государя, его величество сказал, что просит считать только-что высказанное им соображение за таковое официальное волеизъявление. Государем императором было намечено то, что по берегам Проливов следует включить в состав Российской империи для обеспечения жизненных интересов последней.

№ 291. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 147 [2]. 3 марта/18 февраля 1915 г.

Personnel.

Le «Times» a publié télégramme de Pétrograd disant que réponse de Grey à Chambre [3] a produit en Russie mauvaise impression. Je crois savoir que ce qui est en réalité arrivé est que question annoncée à Chambre sans que Grey l'ait provoqué ni qu'il en eut suggéré termes. Il avait par conséquent d'abord à répondre à ces termes. Ce qu'il a fait dans première phrase, si cette phrase est le motif de mauvaise impression en Russie, cette impression est tout-à-fait erronnée. Il m'a dit depuis lui-même que conformément à son usage, il avait eu hâte rendre publics des engagements restés jusqu'ici confidentiels. De mon côté j'ai pensé que cela correspondait à nécessité pour notre opinion publique. Grey a saisi première occasion pour le faire et en le faisant il a affirmé sympathie entière du gouvernement britannique pour aspirations russes. Il les a défini comme il avait été dit, dernière phrase de sa réponse laissant d'ailleurs ouverte solution finale de la question. S'attendre à ce que Grey dise plus que jusqu'ici il avait été établi entre vous et lui, ne me paraît pas justifié. Il s'est aussi basé sur vos paroles à la Douma

[1] В записке Николай II, приглашая Сазонова приехать к нему 4 марта/19 февр. в 11 ч. утра, писал: «Хочу с вами переговорить по вопросу о Проливах и Царьграде, о чем вам сегодня передаст Палеолог по моему поручению».

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 248.

[3] См. стр. 371, прим. 2.

telles qu'elles lui étaient parvenues. Il ne faut pas se méprendre sur son intention qui était de manifester au plutôt que dans cette question principe de politique anglaise avait subi profonde transformation et qu'elle avait renoncé à traditions aujourd'hui surannées. Son intention aussi était de provoquer assentiment de la Chambre à cette transformation. Ceci lui a réussi — un point très important qui est acquis. Il s'attendait, je crois non sans raison, que cette manifestation publique produirait en Russie impression favorable. Il m'incombe d'autant plus rectifier impression chez nous telle qu'elle me revient, que Grey m'avait communiqué texte de sa réponse avant de la donner. Je n'avais, vu l'état de la question, rien trouvé à y objecter, attendu que je n'y rencontrai aucun obstacle à réalisation de nos vues telles qu'elles sont. Au contraire j'y avais vu porte ouverte pour arriver à précision qui deviendrait bientôt nécessaire. Je m'attendais par conséquent moi-même à impression plus favorable en Russie. Vu cette circonstance surtout je ne voudrais pas que sa majesté l'empereur put s'y être mépris et je vous serais très obligé vouloir bien soumettre ce télégramme à sa majesté.

Benckendorff.

Понимаю: теперь это не имеет значения.

Царское Село, [5 марта] 20 февраля 1915 г.

Перевод.

«Times» опубликовал телеграмму из Петрограда, сообщающую, что ответ Грея в палате произвел в России дурное впечатление. Насколько я знаю, в действительности вопрос этот был поднят в палате без участия Грея, который ни вызвал его, ни подготовил его форму. Поэтому ему пришлось прежде всего ответить на самую форму запроса, что он и сделал в первой фразе, и если эта фраза вызвала дурное впечатление в России, то впечатление это совершенно ошибочно. Впоследствии Грей сам сказал мне, что, по своему обыкновению, он поспешил предать гласности обязательства, остававшиеся до сих пор секретными. С своей стороны я полагал, что это отвечало требованиям нашего общественного мнения. Грей воспользовался первым удобным случаем, чтобы это сделать, и тем самым подтвердил полное сочувствие британского правительства русским стремлениям. Он определил их, как было сказано, оставляя последней фразой ответа вопрос об окончательном разрешении этой проблемы открытым. Ожидать, чтобы Грей сказал больше, нежели то, что было до сих пор установлено между ним и вами, мне представляется неосновательным. Он опирался также на ваши слова в Думе в том виде, как они до него дошли. Не следует ошибаться относительно его намерения, которое заключалось в том, чтобы показать прежде всего, что в этом вопросе принципы английской политики претерпели глубокое изменение и что Англия отказалась от устарелых ныне традиций. Он намеревался

также вызвать одобрение палатой этой перемены политики. Это ему удалось, — достигнут очень крупный успех. Он надеялся и, по моему мнению, не без основания, что это публичное заявление произведет в России благоприятное впечатление. Я тем более должен исправить произведенное у нас впечатление, как оно до меня дошло, что Грей, прежде чем дать ответ, сообщил мне его текст. Ввиду положения вопроса мне нечего было возражать, так как я не видел в этом никаких препятствий к осуществлению наших подлинных намерений. Напротив, я увидел в нем открытые двери для достижения той точности, которая вскоре будет необходима. Таким образом, я сам ожидал более благоприятного впечатления в России. Ввиду этого обстоятельства я в особенности не желал бы неправильного понимания со стороны его императорского величества, и вы меня очень обяжете, соблаговолив представить настоящую телеграмму на благовоззрение его величеству.

Бенкендорф.

№ 292. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Т. Телеграмма № 151 [1]. 3 марта/18 февраля 1915 г.

Copie Paris.

Suite de mon télégramme No 147 [2].

Hier soir j'ai reçu billet privé [3] de Grey me disant à quel point il était désappointé par impression russe sur sa réponse et me priant passer aujourd'hui. Je le trouvai tout-à-fait désolé. Je lui fis lecture de deux passages de mon télégramme personnel No 147, le passage où je vous explique comment choses se sont passées, y compris mon commentaire sur dernière phrase de sa réponse. Grey me dit que j'avais parfaitement compris sa pensée. Je lui lus ensuite le passage sur ses intentions en donnant cette réponse, sur modifications profondes de politique anglaise, renoncement à principes surannés, sur son intention obtenir assentiment de la Chambre et sur importance de résultat obtenu en ce sens. Il me répondit qu'il approuvait entièrement mon explication et qu'il avait été frappé dès début de la guerre par fait absolument anormal et qui ne pouvait pas durer qu'un immense empire comme Russie puisse se trouver en situation n'avoir d'autre issue sur mer qu'Arkhangelsk et Vladivostok et que question Détroits devait être résolue conformément à nos intérêts économiques et politiques, que forme précise de l'acte se trouverait à l'époque de la paix. Je lui fis observer exigences nouvelles et irrésistibles de notre opinion publique. Dès hier, à titre renseignement confidentiel, je lui indiquai en larges traits zone où consoli-

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 115.

[2] См. № 291.

[3] См. № 283.

dation russe devenait nécessaire. Aujourd'hui je lui montrai sur carte ligne Enos—Midia et celle du Sacaria ajoutant qu'il faudra trouver garanties au sud mer Marmara. Je lui dis que je croyais qu'il n'y avait pas d'illusions à garder, que selon moi consolidation de puissance russe signifie annexion. Je lui dis qu'il me paraissait qu'opinion publique anglaise y était préparée. Il me dit qu'il ne pourrait pas séance tenante se prononcer, mais il convint qu'il restait peu d'Anglais qui en principe diraient que Russie à Constantinople est impossible. Il ne formula pas objections spéciales, mais il ajouta que gouvernement anglais devra avant de se prononcer s'enquérir d'opinion française. Même en ce cas, porter la chose à la tribune des Chambres tout de suite entraînerait d'abord que question conditions économiques serait soulevée. Allocation territoriale à Russie entraînerait en outre question partage de toute la Turquie, où appétits de beaucoup de Puissances se réveilleraient. Il m'a dit qu'Angleterre n'avait aucune vue sur aucune partie ni d'Asie Mineure ni de la Syrie, sauf des points dans parages golfe Persique et qu'il était contraire à l'idée rendre publique actuellement pensée de partage vu que Turquie n'est pas encore conquise et que pour cette raison il ne pourrait porter à la tribune nouvelle déclaration dont précision serait prématurée. Il me dit encore qu'à la paix, quel que soit théâtre sur lequel chaque Puissance aurait opéré, c'est l'ensemble des droits de chacun qui devrait être considéré et que siège des intérêts russes ne pouvait pas faire de doutes. Je lui dis que je comprenais qu'une nouvelle déclaration pour compléter celle qu'il avait faite était difficile, mais que des assurances plus précises sur notre programme dont je lui avais fait confidence devenait de plus en plus désirable. Sans faire objections directes, il me dit que sans consulter France cela était trop difficile et qu'il n'avait pas échangé un mot à ce sujet avec gouvernement français. Comme je le voyais fort optimiste au point de vue militaire tant à cause mouvement en Pologne que par dernières nouvelles de Dardanelles, j'en pris occasion pour lui dire que je pensais qu'il n'y avait pas de temps à perdre. Cet entretien avait caractère complètement confidentiel. J'y confirme mes impressions que si des obstacles s'élevaient à nos vues sur Constantinople, ils viendraient plutôt de Paris que de Londres et que c'est ce côté de la question qui complique beaucoup la situation de Grey. Du côté anglais il faudrait plutôt s'attendre à des demandes de garanties économiques.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 147.

Вчера вечером я получил частную записку Грея, в которой он сообщил мне, до какой степени он был огорчен впечатлением, произведенным в России его ответом, и просил меня зайти сегодня. Я нашел его в полном отчаянии. Я прочел ему два отрывка из моей личной телеграммы № 147, а именно отрывок, в котором я вам объясняю, как все произошло, включая и мой комментарий к последней фразе его ответа. Грей сказал, что я отлично понял его мысль. Затем я прочел ему отрывок о намерениях, которые он имел, давая ответ, о глубоких изменениях в английской политике, об отказе от устарелых принципов, о намерении его получить одобрение палаты и о значении достигнутого в этом направлении результата. Он ответил, что вполне одобряет мое объяснение и что с начала войны он был поражен совершенно ненормальным явлением, которое не может долее продолжаться, а именно тем, что такая огромная империя, как Россия, могла не иметь другого выхода к морю, кроме Архангельска и Владивостока; что вопрос о Проливах должен быть разрешен сообразно нашим политическим и экономическим интересам, а точная форма его решения будет найдена в эпоху мира. Я указал ему на новые и непреодолимые требования нашего общественного мнения. Уже вчера в форме доверительного сообщения я указал ему в общих чертах зону, где утверждение России является необходимым. Сегодня я показал ему на карте линии Энос — Мидия и Сакарии и добавил, что нужно будет найти гарантии на юге Мраморного моря. Я сказал ему, что, по-моему, не нужно сохранять иллюзий и что, на мой взгляд, утверждение русского могущества означает аннексию. Я сказал ему, что, как мне представляется, английское общественное мнение к этому подготовлено. Он мне ответил, что он не может высказаться сейчас же, но он согласился, что мало осталось англичан, считающих принципиально невозможным отдать России Константинополь. Он не формулировал определенных возражений, но добавил, что, прежде чем высказаться, великобританское правительство должно ознакомиться с мнением Франции. Даже в этом случае немедленное возбуждение этого вопроса в палатах заставило бы прежде всего поднять вопрос об экономических условиях. Территориальнее приращение России вызвало бы, кроме того, вопрос о разделе всей Турции, что пробудило бы аппетиты многих держав. Он сказал мне, что Англия не имеет никаких видов на какую-либо часть Малой Азии или Сирии, за исключением некоторых пунктов в районе Персидского залива, и что он—против придания огласки мысли о разделе, так как Турция еще не побеждена и что поэтому он не может выступить в палате с новой декларацией, категоричность которой была бы преждевременна. Он добавил, что на каком бы театре войны ни действовала каждая держава, в момент мира в соображение будет принята совокупность прав каждой, и что местонахождение русских интересов не подлежит сомнению. Я ему сказал, что понимаю трудность выступления с новым заявлением в дополнение к уже сделанному, но что более точные заверения относительно нашей программы, о которой я ему сообщил доверительно, становятся все более и более желательными. Не делая прямых возражений, он сказал, что без предварительного обсуждения с Францией это было бы слишком трудно сделать и что он не обменялся еще

ни словом по этому вопросу с французским правительством. Так как я нашел его очень довольным военным положением как в связи с продвижением в Польше, так и благодаря последним известиям из Дарданелл, я воспользовался случаем чтобы сказать ему, что, на мой взгляд, не приходится терять времени. Этот разговор носил строго доверительный характер. В результате его окрепли мои впечатления, что, если бы и встретились препятствия нашим видам на Константинополь, они скорее исходили бы из Парижа, чем из Лондона, и что именно эта сторона вопроса весьма осложняет положение Грея. Со стороны Англии следует скорее ожидать требований экономических гарантий.

Бенкендорф.

№ 293. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 3 марта/18 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя вопрос наших отношений с Грецией не только выходит из моей компетенции, но я даже не знаю в точности, в чем именно состоит их последний фазис, я тем не менее решаюсь сказать о них несколько слов в дополнение к моей секретной телеграмме от [26] 13 сего февраля за № 93 [1].

Из присланной мне вашим высокопревосходительством в литографиях дипломатической переписки я узнал, что один момент речь шла о посылке на Балканы отряда союзных войск. При своем проезде чрез Софию наш министр финансов передал мне со слов наших послов в Париже и Лондоне некоторые относящиеся к этому вопросу подробности, а несколько дней спустя французский посланник показал мне телеграмму своего правительства, в которой говорилось, что «ввиду последовавшего со стороны греческого правительства отказа допустить высадку в Салониках англо-французского отряда и ввиду положения, занятого в последнее время Румынией, дальнейшие настояния пред болгарским правительством на его активном выступлении признаются несвоевременными».

Таким образом мы с Панафье скорее случайно узнали об отказе греков. Этот отказ совпал по времени с замеченным мною и моими коллегами заигрыванием здешней германской миссии с греками, которые охотно на него отзывались. Из этого мы сделали заключение, — не знаю, правильное или нет, — что, должно быть, в той упорной борьбе, которая велась между королем Константином с его придворной кликой и Венизелосом, за которым стоял народ и все общественное мнение, произошел перелом в пользу немецкого влияния в Афинах.

[1] Содержание этой тел. полностью изложено в настоящем письме.

Исходя из этого предположения и после сделанного мне заявления Радославовым о том, что если бы Кавала досталась Болгарии, то она навсегда отказалась бы от Салоник, я и позволил себе высказать в совершенно личной телеграмме от [26] 13 февраля [1], что, быть может, в вышеприведенных обстоятельствах можно было бы сделать выбор между Грецией и Болгарией и приобрести содействие последней, предоставив ей взять силой Кавалу. Греко-болгарская война, которая предвещается в последнее время самыми разнообразными признаками и которой, по всей вероятности, в конце-концов не избежать, имела бы для нас ту хорошую сторону, что определила бы положение Болгарии как по отношению к Двойственному союзу, так и к нам и отняла бы у Румынии предлог откладывать дольше свое выступление. Я не буду утруждать вас перечислением всего того, что указывает на крайнюю натянутость болгаро-греческих отношений; это чувствуется здесь на каждом шагу; об этом громко говорят не только партийные органы печати, но и правительственные, из которых «Echo de Bulgarie» поместил [25] 12 февраля особо резкую в этом отношении статью под заглавием «La sincérité grecque».

Поводом, по которому враждебность между двумя соседями сказалась с особой силой, было ассигнование Грецией $2^1/_2$ миллионов драхм на маневры; болгарское правительство ответило на это ассигнованием на ту же цель 5 миллионов левов. Секретная телеграмма Демидова от [27] 14 февраля за № 72 [2], говорящая о возможности открытия военных действий, указывает ясно, насколько отношения эти обострились.

Вместе с тем эта телеграмма Демидова как бы рассеивает те впечатления недоверия к Греции, которые создались у нас здесь после отказа греческого правительства в высадке союзных контингентов в Салониках. Ему, конечно, виднее, и если он думает, что угрозой военных действий Греция имеет в виду «натравить болгар против Турции» и находит, что «все заметнее становится желание Греции приблизиться наряду с Тройственным согласием к действию союзных сил против Проливов», — тем лучше. Тогда мои опасения падают, и Греция будет иметь случай осуществить на деле данные нам минувшей осенью формальные обещания [3] выступить активно на море и на суше в момент, который будет нами указан.

Известия о блестящем ходе бомбардировки дарданелльских укрепле-

[1] За № 93. (См. стр. 385, прим. 1).

[2] См. стр. 366, прим. 2.

[3] См. т. VI, № 127.

ний еще более облегчат Греции исполнение взятого ею перед нами обязательства.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 294. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 80 [1]. 3 марта/18 февраля 1915 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мой № 79 [2] и на ваш 878 [3].

На состоявшемся коронном совете Венизелос изложил политическое положение в связи с выступлением Греции. Члены потребовали перед принятием столь важного решения некоторого времени для обсуждения вопроса. Совет соберется снова в пятницу. На улицах царит чрезвычайное волнение. Толпы демонстрантов, большею частью студенты, приветствуют союзные миссии восторженными кликами. По мере приближения союзников к Константинополю греческое национальное чувство все больше требует участия в войне, причем, очевидно, совместное с союзниками действие имеет главным образом в виду удовлетворить разыгравшееся греческое самолюбие вступлением греческого отряда в оттоманскую столицу. Вполне сознавая нежелательность для нас такого события, мне кажется, надлежало бы во избежание недоразумений предупредить греческое правительство непременно сообща, что в случае участия Греции в войне с Турцией предположенный к десанту греческий корпус всецело должен подчиниться требованиям союзников. Разочарование, по всей вероятности, будет немалое с соответственным охлаждением к выступлению. Лично возлагаю надежду на сопротивление греческого штаба, ибо полагаю, что если бы англо-французы могли обойтись без содействия греков, оно было бы лучшим с нашей точки зрения исходом [4]. Опасаюсь все

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 190.

[2] Тел. от 3 марта/18 февр. за № 79 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 189) Демидов, сообщая, что на предстоящем заседании чрезвычайного совета может быть принято решение о выступлении против Турции и высадке греч. десанта в Галлиполи, указывал, что «намеченное выступление способно усилить греческие национальные вожделения в нежелательном для нас направлении».

[3] См. № 277.

[4] Тел. от 3 марта/18 февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 191), расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, греч. посланник в Петрограде Драгумис сообщил Венизелосу сделанное ему англ. послом следующее заявление: «Я считаю маловероятным, чтобы Греция в столь критический момент оставалась в стороне,

же, что дело здесь настолько подвинуто, что всякое движение назад вредно отразится как на положении Тройственного согласия в Греции, так и на популярности правительства. Можно было бы воспользоваться в случае, если вы находите участие греков в десанте недопустимым, весьма веским, казалось бы, доводом, а именно, что отвлечение греческих сил от их главного назначения — удержать болгар — может скомпрометировать безопасность Сербии [1].

Демидов.

№ 295. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 6. 3 марта/18 февраля 1915 г.

За истекшую со времени моего последнего донесения неделю переговоры между японским посланником в Пекине и министром иностранных дел развивались нормально, повидимому, утратив свой прежний обостренный характер.

Согласно полученному мною доверительному сообщению, сделанному со слов самого министра иностранных дел, они представляются в следующем виде:

Обсуждение первой группы вопросов, касающихся Шаньдунского полуострова, пока отложено и будет возбуждено впоследствии, ибо г. Лу Чжэн-сян, с одной стороны, указал на необходимость участия в них англичан, помогавших японцам брать Циндао, а с другой стороны, заявил, что, так как Китай сохраняет свой нейтралитет в настоящей войне, его договоры с Германией остаются в силе.

По второй группе, касающейся Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, министр пытается исключить из вступительной части слова «особое положение», как противоречащие прежним

имея возможность самостоятельно выполнить дарданелльскую операцию». Со своей стороны советник франц. посольства заявил Драгумису, что «греческая помощь была бы желательна, но действия будут продолжаться и без нее».

[1] Тел. от 7 марта /22 февр. за № 994 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 121) Сазонов, соглашаясь с мнением Демидова, предписал ему независимо от шагов, которые он предпримет совместно с франц. и англ. посланниками, дать понять греч. прав-ву, что Россия «не может допустить, чтобы судьба Константинополя и Проливов была решена иначе как в полном соответствии с жизненными стремлениями русского народа», и что «за свое участие в войне против Турции Греция будет широко вознаграждена в Малой Азии, но отнюдь не в области, безраздельное господство над которой необходимо для обеспечения нашего права на выход к свободному морю». Сазонов считал неудобным ссылаться на «безопасность Сербии», так как это могло бы быть истолковано как возбуждение греков против болгар.

обязательствам Китая [1]. Он старается также установить различие между положением первой из этих областей, относительно которой существует несколько международных актов, и Восточной Внутренней Монголией, по поводу коей Китай до сих пор ни в какие соглашения не входил. Вопрос о продлении сроков аренды Квантуна и контрактов на железные дороги не представит затруднений, и Китай соглашается на японские требования. По вопросу о Гирин — Чанчуньской линии министр старается побудить японцев отказаться от их требования, указывая, что если оно будет принято, то это заставило бы китайское правительство относиться в будущем более осторожно к предложениям японских частных капиталистов о предоставлении им новых концессий, ибо Китай будет всегда опасаться, что такие частные предприятия легко будут по настоящему прецеденту переходить впоследствии в собственность японского правительства.

Вопрос о приобретении недвижимых имуществ считается г. Лу Чжэнсяном крайне трудно разрешимым.

О положении переговоров по третьей и четвертой группам пока ничего неизвестно, но г. Лу Чжэн-сян дал понять японскому посланнику, что китайское правительство готово обсуждать первые четыре группы японских требований, но надеется, что японцы не будут настаивать на пятой группе.

Г. Хиоки запросил инструкций из Токио.

По получении таковых он ответил, что не может исключить пятую группу, но что не будет настаивать на немедленном ее обсуждении.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 296. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

4 марта/19 февраля 1915 г.

Sir G. Buchanan did not fail to inform Sir E. Grey that Mr. Sazonow had expressed the hope that His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs would take an early opportunity of making some statement to show that His Majesty's Government were in favour of a settlement of the Straits and Constantinople question which would meet the aspirations of the Russian people and the views of the Russian Government [3].

[1] См. стр. 322.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 253.

[3] См. стр. 371, прим. 2.

Sir E. Grey has now replied that he thought that his recent expression of admiration of, and entire sympathy with, Mr. Sazonow's speech in the Duma would give complete satisfaction to Russian public opinion. He is much disappointed at the disappointment caused in Russia by his recent statement in the House of Commons. No narrow construction was placed upon that construction in England, where it was exceedingly well received. Sir E. Grey adds that he cannot be expected to be more Russian than the Russians.

Sir E. Grey hopes that this will be explained to the Emperor without delay.

Sir E. Grey thinks that, if he is wanted to make a more definite statement than what he has already said in public or to Mr. Sazonow, the question must be discussed with the French Government also. The French Government cannot be left out of the discussion of one of the most important terms of peace which must all be settled in common. In saying as much as he has said about the Straits and Constantinople without previous consultation with the French Government, Sir E. Grey thinks that he has already gone rather far. As, however, Great Britain had, in years now long past, taken a leading part in opposing Russia's aspirations, Sir E. Grey felt that we should take a leading part in showing our sympathy with them now that our views have entirely changed.

Перевод.

Сэр Дж. Бьюкенен не преминул сообщить сэру Э. Грею, что г. Сазонов выразил надежду, что статс-секретарь его величества по иностранным делам, воспользовавшись ближайшим случаем, сделает заявление, свидетельствующее о благосклонном отношении правительства его величества к разрешению вопроса о Проливах и Константинополе согласно стремлениям русского народа и взглядам российского правительства.

Сэр Э. Грей теперь ответил на это, что, по его мнению, его недавнее выражение восхищения и полного сочувствия речи, произнесенной г. Сазоновым в Думе, должно было вполне удовлетворить русское общественное мнение. Он был очень огорчен недовольством, вызванным в России его последним заявлением в палате общин. Этому заявлению не придается ограничительного характера в Англии, где оно было принято исключительно доброжелательно. Сэр Э. Грей добавил, что нельзя ожидать от него, чтобы он был более русским, чем сами русские.

Сэр Э. Грей надеется, что это будет незамедлительно разъяснено императору.

Сэр Э. Грей полагает, что если требуют от него более определенного заявления, чем то, которое он уже сделал публично, или г. Сазонову, то вопрос должен быть обсужден также и с французским правительством. Французское правительство не может быть оставлено в стороне при обсуждении одного из главней-

ших условий мира, которые все должны быть установлены сообща. Сэр Э. Грей полагает, что он уже зашел, пожалуй, слишком далеко, сказав так много о Проливах и Константинополе, как он сказал, без предварительного обсуждения с французским правительством. Однако, так как Великобритания в давно прошедшие времена брала на себя руководящую роль в противодействии русским стремлениям, сэр Э. Грей считает, что мы должны взять на себя инициативу в выражении нашей симпатии этим стремлениям теперь, когда эти взгляды коренным образом изменились.

№ 297. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

4 марта/19 февраля 1915 г.

Повергая у сего на высочайшее благовоззрение полученную мною от великобританского посла памятную записку по вопросу о нашем вооружении [1], приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству, что сэр Дж. Бьюкенен был принят сегодня великим князем Сергеем Михайловичем и передал его императорскому высочеству, по поручению лорда Китченера, нижеследующее: Озабоченный неудовлетворительным ходом наших заказов предметов вооружения за границей, лорд Китченер предлагает оказать нам в этом отношении полное содействие под условием, чтобы все дело это было сосредоточено в его руках и чтобы он мог сноситься по этому поводу непосредственно с великим князем Сергеем Михайловичем, в руках которого в свою очередь было бы сосредоточено все это дело с русской стороны.

Великий князь, сообщивший мне содержание своей беседы с великобританским послом, сказал мне, что он готов был бы принять предложение лорда Китченера, если бы на то последовало всемилостивейшее соизволение вашего императорского величества и соответствующее высочайшее повеление по военному ведомству.

По просьбе великого князя Сергея Михайловича и великобританского посла приемлю смелость повергнуть сие на высочайшее благоусмотрение и ходатайствовать о высочайших указаниях вашего императорского величества .

С а з о н о в.

До моего решения прошу поговорить с военным министром. Эту мысль я одобряю [2].

Царское Село, [4 марта] 19 февраля 1915 г.

[1] См. № 288.

[2] Письмом от 6 марта/21 февр. за № 1310 Сухомлинов известил Сазонова, что он не возражает против непосредственного сношения в. кн. Сергея Михайловича с Китченером по вопросам артиллерийского снабжения. «Что же касается наших заказов по другим ведомствам и вне Англии, то в этом мы не мо-

№ 298. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

4 марта/19 февраля 1915 г.[1].

Приемлю смелость поднести у сего на всемилостивейшее благовоззрение памятную записку о Проливах, составленную мною сегодня во исполнение высочайших указаний по обмене взглядов с великобританским и французским послами[2].

Полагая, что в записке сей исчерпывающим образом определяются общие основания для разрешения насущнейшего для империи вопроса, долгом своим почитаю всеподданнейше доложить, что содержание ее вместе с сим сообщается великобританскому и французскому правительствам.

Смею думать, что вашему императорскому величеству угодно будет одобрить изложенные в ней положения.

Сазонов.

Вполне одобряю.

Царское Село, [4 марта] 19 февраля 1915 г.

№ 299. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 937[3]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму 879[4].

Сегодня мною составлена совместно с французским и великобританским послами памятная записка следующего содержания:

Le cours des derniers événements amène sa majesté l'empereur Nicolas à penser que la question de Constantinople et des Détroits doit être résolue définitivement selon les aspirations séculaires de la Russie.

Toute solution serait insuffisante et précaire si la ville de Constantinople, la rive occidentale du Bosphore, de la mer de Marmara et des Dardanelles, ainsi que la Thrace Méridionale jusqu'à la ligne Enos — Midia, n'étaient désormais incorporées à l'empire de Russie.

De même, et par nécessité stratégique, la partie du littoral asiatique, comprise entre le Bosphore, la rivière Sakharia et un point à fixer sur

---

жем себя связывать подобного рода зависимостью, которая, по моему мнению, явится для нас тормозом. Его величеству угодно было это мнение мое одобрить».

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 251.

[2] Текст этой пам. записки см. № 299.

[3] Лит. копия. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 113.

[4] См. стр. 337, прим. 1.

le golfe d'Ismid, les îles de la mer de Marmara, les îles d'Imbros et de Ténédos devront être incorporées à l'empire.

Les intérêts spéciaux de la France et de la Grande Bretagne dans la région ci-dessus désignée, seront scrupuleusement respectés.

Le gouvernement impérial se plait à espérer que les considérations ci-dessus seront accueillies avec sympathie par les deux gouvernements alliés. Les dits gouvernements alliés sont assurés de rencontrer auprès du gouvernement impérial la même sympathie pour la réalisation des desseins qu'ils peuvent former en d'autres régions de l'empire Ottoman, comme ailleurs [1].

Сазонов.

Перевод.

Ссылаюсь на свою телеграмму 879.

Сегодня мной составлена совместно с французским и великобританским послами памятная записка следующего содержания:

Ход последних событий наводит его величество императора Николая на мысль, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть окончательно разрешен согласно вековым стремлениям России.

Всякое разрешение было бы недостаточно и непрочно, если бы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также Южная Фракия до линии Энос—Мидия не были впредь присоединены к Российской империи.

Равным образом в силу стратегической необходимости часть азиатского побережья между Босфором, рекой Сакарией и пунктом, имеющим быть намеченным в Измидском заливе, а также острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть присоединены к империи.

Особые интересы Франции и Великобритании в указанном выше районе будут полностью ограждены.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут сочувственно приняты двумя союзными правительствами. Эти союзные правительства могут быть уверены в том, что они встретят у императорского правительства такое же сочувственное отношение к осуществлению планов, которые они могли бы иметь в других районах Оттоманской империи, равно как и в прочих местах.

Сазонов.

---

[1] В первоначальном проекте этой пам. записки, дословно совпадающем с окончательной редакцеий, 1, 2 и 4-й абзацы написаны рукою Шиллинга. Абзац 3-й вставлен карандашом рукою Палеолога. В 4-м абзаце слова: «seront scrupuleusement respectés» написаны рукою Палеолога вместо вычеркнутых им в начале абзаца слов: «Aucune atteinte ne sera d'ailleurs portée aux...». Последний абзац первоначально был написан Сазоновым на англ. пам. записке от 4 марта/19 февраля (см. № 296).

№ 300. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 942 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Ваша телеграмма № 107 [2] получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 937 [3].

Чисто теоретическое мнение Делькассе о недопустимости нашего утверждения на обоих берегах Проливов опровергается фактическими данными о невозможности для нас обеспечить иначе свободу прохода в Босфор.

Малоазиатский берег пролива командует над европейским; последний находился бы под постоянною угрозою турок, если бы за ними он был оставлен.

Сазонов.

№ 301. Поденная запись министерства иностранных дел.

4 марта/19 февраля 1915 г.

На состоявшемся утром в Царском Селе всеподданнейшем докладе министра были точнее определены пределы подлежащих включению в состав империи земель по обеим сторонам Проливов и признано необходимым нижеследующее: Вопрос о Константинополе и Проливах должен получить окончательное разрешение согласно вековым стремлениям России. Всякое решение было бы недостаточным, если бы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, равно как Южная Фракия по линию Энос—Мидия не были включены в Российскую империю. Равным образом, в силу стратегической необходимости, часть азиатского берега между Босфором, рекой Сакарией и Измидским заливом, а также острова Мраморного моря, Имброс и Тенедос, должны войти в состав империи. Вместе с тем особые интересы Франции и Великобритании в этих местностях должны быть строго обеспечены.

По возвращении министра в 3 часа к нему были вызваны французский и английский послы, которым министр передал составленную соответственно вышеизложенному памятную записку, текст коей был вслед за тем препровожден государю императору и удостоился высочайшего одобрения.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 252.

[2] См. № 284.

[3] См. № 299.

№ 302. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 153 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Reçu votre No 878 [2].

Copie Paris.

Grey me dit que d'après certaines indications Grèce paraissait plus prête entrer en action. Je lui dis tout de suite que gouvernement impérial aurait les plus grandes objections à voir flotte grecque coopérer dans Dardanelles. Je lui développais inconvénient au point de vue russe d'apparition possible à Constantinople de pavillion grec avant le nôtre. Il me répondit que si Grèce devait mettre conditions à entrer en action, il faudra lui répondre immédiatement qu'elles doivent être examinées par trois Puissances alliées. Il dit pourtant que amirauté pour raisons techniques tenait beaucoup à flotte grecque et que d'ailleurs il n'y aurait pas inconvénient à la laisser opérer du côté Smyrne que toutes Puissances lui paraissaient disposées céder à Grèce. Grey me représenta avantages immenses d'entrée en action de toutes les Puissances balkaniques que maintien de nos succès en Pologne et forcement des Dardanelles devaient, selon lui, entraîner. Il insista beaucoup sur ce point. Roumanie pourrait entraîner Italie, un résultat d'importance directe pour fin plus prochain de guerre, et ajouta que mettre entraves à Grèce pourrait retarder les choses de beaucoup. Il me dit que c'est pour les mines qu'amirauté a besoin de navires grecs peu profonds dont flotte alliée manque et qu'on pensait aussi à forces grecques pour occupation presqu'île de Gallipoli. Je dis à Grey qu'il me paraissait impossible que vous consentiez jamais à donner gages pareils à Grèce. Il me répondit qu'il sentait cette difficulté, mais qu'on pourrait obvier comme il avait été fait avec Japon qui avait dû consentir à ce que toute occupation d'îles allemandes soit par eux, soit par forces coloniales anglaises, soit considérée temporaire, partage devant être fait à la paix sans considérer forces occupantes [3]. Je répétais à Grey que je croyais que vos objections à mêler Grèce à question des Détroits et surtout Constantinople seraient extrêmement vives surtout que coopération russe me paraissait éloignée. Grey me répondit qu'il venait de recevoir nouveau télégramme de Buchanan informant que outre coopération navale nous préparions corps d'arme pour descente [4].

Benckendorff.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 193.

[2] См. № 277.

[3] См. т. VI, № 395.

[4] См. № 271.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил вашу телеграмму № 878.

Грей сказал мне, что на основании некоторых признаков Греция, повидимому, более склонна вступить в войну. Я ему тотчас же ответил, что императорское правительство могло бы выдвинуть весьма крупные возражения против соучастия греческого флота в Дарданеллах. Я ему подробно изложил те затруднения, которые, с русской точки зрения, заключаются в возможном появлении греческого флага в Константинополе прежде нашего. Он мне ответил, что если бы Греция выдвинула условия своего вступления в войну, необходимо ей немедленно ответить, что условия эти должны быть рассмотрены тремя союзными державами. Тем не менее, по его словам, адмиралтейство в силу технических соображений придает большое значение греческому флоту, и к тому же не имеется затруднений в предоставлении ему возможности действовать в районе Смирны, которую, как ему [Грею] кажется, все державы намерены уступить Греции. Грей мне указал на огромные преимущества от вступления в войну всех балканских государств, которые, по его словам, должны быть в нее вовлечены закреплением наших успехов в Польше и форсированием Дарданелл. Он сильно настаивал на этом пункте. Румыния могла бы увлечь за собою Италию — результат, имеющий непосредственное значение для более близкого окончания войны; к этому он добавил, что ставить препятствия Греции означало бы сильно замедлять события. Он мне сказал, что адмиралтейство нуждается для борьбы с минными заграждениями в мелкосидящих греческих судах, ибо в судах такого рода союзный флот ощущает недостаток, и что греческие силы предполагают употребить также для оккупации Галлипольского полуострова. Я сказал Грею, что мне представляется невозможным, чтобы вы когда-либо согласились предоставить Греции подобного рода залог. Он мне ответил, что он сознает всю трудность этого, но что ее можно было бы обойти, как это и было сделано по отношению к Японии, которая принуждена была согласиться с тем, что всякая оккупация германских островов ею или колониальными английскими войсками считается временной, раздел же должен совершиться при заключении мира и независимо от [национальности] оккупационных войск. Я повторил Грею, что, по моему мнению, ваши возражения против вмешательства Греции в вопрос о Проливах, и особенно в вопрос о Константинополе, будут крайне настойчивыми, особенно ввиду того, что русское соучастие мне представляется отдаленным. Грей мне ответил, что им только-что получена новая телеграмма от Бьюкенена, сообщающая, что, кроме морского соучастия, мы приготовляем армейский корпус для десанта.

Бенкендорф.

№ 303. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

-/. Телеграмма № 305 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

For Paris 449.

Your despatch 185.

Please inform Mr. Delcassé that I cannot share this view. Common

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 311.

object of France, Great Britain and Russia is to end this war... on satisfactory terms. Participation on our side of Italy and Balkan States would enormously facilitate this object. It would probably in comparatively short time effect crush of German and Austrian forces. I cannot see how collaboration of Italy or Balkan States would endanger confidence and harmony existing between three allies. [1] If Italy or any Power demand as price of cooperation conditions that appear to Russia likely to endanger a settlement in favour of her of question of Constantinople and Straits England and France also would acquiesce with Russia in refusing such conditions and in present circumstances no compensation for cooperation of any Power would be agreed except by France, England and Russia in consulting and agreeing together.

It must also be reminded that if cooperation of any other Power is offered to and refused, it may involve that Germany would be ready to offer attracting conditions.

Перевод.

Для Парижа 449.

Ваша депеша 185.

Не откажите уведомить Делькассе, что я не могу разделить эту точку зрения. Общая цель Франции, Великобритании и России — окончить эту войну ... на удовлетворительных условиях. Участие в войне Италии и балканских государств на нашей стороне в величайшей степени облегчило бы достижение этой цели. Оно, вероятно, в сравнительно короткое время привело бы к разгрому германских и австрийских сил. Я не вижу, каким образом сотрудничество Италии или балканских государств могло бы представить опасность для взаимного доверия и гармонии, существующих между тремя союзниками. Если б Италия или какая-либо другая держава обусловила свое участие требованиями, которые с русской точки зрения могли бы воспрепятствовать разрешению в пользу России вопроса о Константинополе и Проливах, то Англия и Франция присоединятся к России в отклонении таких условий; при существующих обстоятельствах никаких компенсаций за участие какой-либо державы не может быть установлено иначе, как по обсуждению и взаимному соглашению между Францией, Англией и Россией.

При этом нужно иметь в виду, что если какая-либо держава предложит свое участие, и предложение ее будет отклонено, то это может повлечь за собой готовность со стороны Германии предложить ей заманчивые условия.

---

[1] Ср. стр. 365, прим. 3.

№ 304. Болгарский посланник в Лондоне Хаджимишев болгарскому министру иностранных дел Радославову.

Телеграмма № 111 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Вчера вечером я имел продолжительный разговор с английским министром финансов, который сказал мне, что Тройственное согласие решило во что бы то ни стало покончить с Турцией.

В этих целях решено сделать десант с двух сторон. На первое время будет отправлена стотысячная армия, по всей вероятности, под командою генерала Гамильтона, который несколько лет тому назад посетил Болгарию. Через 6 недель Тройственное согласие будет в состоянии отправить в Турцию даже 500 000 солдат, если сочтет это необходимым.

По мнению министра финансов, Болгария может ныне оказать помощь союзникам, и за это Тройственное согласие гарантирует ей Македонию в пределах, указанных в сербско-болгарском договоре 1912 года, со включением... Битоли, Охриды и утраченной в 1913 году части Добруджи, а также восстановление границы Энос — Мидия.

Вопрос об уступке Болгарии Кавалы, по словам министра финансов, встречает большие затруднения, так как Тройственное согласие убеждено, что если оно будет на этом настаивать, то Венизелос не останется у власти, а без него возможно, что Греция выступит вместе с Германией. Тройственное согласие, разумеется, не дало Греции обязательства не настаивать на уступке нам Кавалы, но эта местность могла бы отойти к Болгарии, если бы вопрос о Битоли был решен в пользу Греции и если бы ей за Кавалу была обещана Смирна с окрестностями.

Ллойд-Джордж добавил, что если мы выступим против Турции вместе с Тройственным согласием, то нам нечего опасаться Румынии и Греции. Италия несомненно выступит вместе с союзниками, дабы обеспечить себе приобретения в Малой Азии в области Адалии, и в Риме прекрасно понимают, что без вмешательства Италия ничего не получит.

Греция также вмешается в войну, и через три недели начнется бомбардировка Смирны. Есть основания полагать, что Румыния последует ее примеру и также окажет содействие Тройственному согласию.

Болгария, по словам министра финансов, должна вмешаться ныне,

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с болгарского. Опубл.: К-поль и Пр., II, стр. 257.

так как позднее ее выступление будет лишено всякого значения. Союзные державы и сами будут в состоянии выставить против Турции полумиллионную армию, и тогда Тройственное согласие не даст того, что обещает ныне.

Из слов министра финансов я вынес впечатление, что Тройственное согласие, хотя и не охотно, но всетаки согласно удовлетворить румынские аспирации по отношению к Проливам. Что же касается Турции, то с ней решено покончить, и как государство, она обречена на гибель.

По заявлению министра финансов, Тройственное согласие непременно исполнит все, что обещает, и окажет нам не только моральное содействие, но и помощь своими войсками, которые будут находиться на Балканах. По его мнению, Болгарии нечего опасаться, так как болгарская стотысячная армия, при совместных действиях с союзной, окажется вполне достаточной для операций в Восточной Фракии.

Из этого разговора, длившегося три часа, я вынес впечатление, что ныне настал момент, к которому царское правительство должно отнестись в высшей степени серьезно. Совместные действия союзников против Дарданелл создали на Балканах новое положение, и нам необходимо принять более определенное решение, так как всякое колебание и промедление может иметь неприятные для Болгарии последствия. Прошу инструкций.

Из слов министра финансов явствует, что английский посланник в Софии больше не пользуется полным доверием кабинета, и что английское правительство полагает, что он не мог занять надлежащее положение перед болгарским правительством. Если царское правительство пожелало бы, чтобы он оставил Софию, то английское правительство наверное назначило бы в Софию другого посланника.

№ 305. Посол в Париже министру иностранных дел

*/. Телеграмма № 113 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 879 [2] и 887 [3].

Из телеграммы моей № 107 [4] вам уже известно о настроении Делькассе по отношению к вопросу о Проливах и Константинополе. При

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 116.

[2] См. стр. 337 прим. 1.

[3] См. № 278.

[4] См. № 284.

таких условиях едва ли можно ожидать, чтобы здешнее правительство ныне же повлияло на общественное мнение в направлении, вполне согласном с нашими пожеланиями. Разговору моему с Делькассе я придал вполне частный и общий характер и не коснулся в нем конкретных наших требований: мне кажется, что, покуда я не буду уполномочен вполне точно и подробно изложить ему эти требования, а главное разъяснить, какие именно гарантии мы намерены предоставить международной торговле, дальнейший обмен мыслей с ним был бы лишь опасен, ибо он может преждевременно вызвать обсуждение этого вопроса в здешнем совете министров и переговоры с Лондоном. Я имею основание думать, что слова, сказанные мне Делькассе, являются отголоском его недавнего разговора с английскими министрами и политическими деятелями, и я более чем когда-либо сожалею, что до поездки в Лондон [1] он не имел случая видеться с вами. Несомненно, что узел вопроса находится не здесь, а в Лондоне. Если, как приходится — увы — заключить из вашей телеграммы, занятие Константинополя и Проливов может совершиться без нашего участия, это создаст крайне неблагоприятные условия для разрешения в нашу пользу столь громадной важности вопроса. При такой обстановке мне кажется, что обыкновенные дипломатические пути могут оказаться недостаточными, и я продолжаю думать, что настоящие чрезвычайные обстоятельства настойчиво требуют непосредственных объяснений между вами, Делькассе и Греем о будущности не только Константинополя и Проливов, но и малоазиатской Турции. Во всяком случае до получения от вас точных указаний я воздержусь от дальнейших разговоров с Делькассе о настоящем предмете.

Извольский.

Делькассе кивает на Лондон, а Грей — на Париж.

Царское Село, [7 марта] 22 февраля 1915 г.

№ 306. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 114 [2]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассе сказал мне, что из телеграммы, полученной им от Палеолога, он заключает, что вы не склонны допустить Италию к участию

[1] См. стр. 233, прим. 7.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 311.

в действиях союзников против Проливов и Константинополя [1]. Делькассе высказал мне с большой настойчивостью, что было бы крайне опасно оттолкнуть в настоящую минуту Италию, если она заявит о своем желании участвовать в этих действиях. Для союзников в высшей степени важно окончательно сомкнуть вокруг Германии и Австрии стальное кольцо и сломить их силой еще до августа месяца, т. е. до нового урожая. По имеющимся несомненным признакам, Италия должна будет в скором времени выйти из нейтралитета, и следует употребить все усилия к тому, чтобы 1 000 000 слишком ее штыков оказался на нашей стороне. Подобным средством может именно оказаться привлечение ее к союзническим действиям против Турции. Делькассе телеграфирует Палеологу, поручая ему высказаться перед вами в вышеизложенном смысле.

Извольский.

№ 307. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 115 [2]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Сегодня Делькассе по собственному почину заговорил со мною о Константинополе и Проливах. Он сказал мне, что им получена от Палеолога телеграмма, из коей он заключает, что у нас произошла существенная перемена во взглядах на разрешение этого вопроса; еще весьма недавно и здесь, и в Лондоне предполагали на основании весьма определенных сообщений из Петрограда, что мы согласны на международное управление Константинополя и на нейтрализацию Проливов. Заявление Грея, что Англия со своей стороны согласна на разрешение этих вопросов в смысле наших пожеланий последовало именно в ответ на сказанные сообщения. Ныне следует ожидать серьезных возражений со стороны лондонского кабинета против наших новых планов. «Вы не можете сомневаться, — присовокупил Делькассе, — в моей искренней готовности сделать все, что от меня зависит, чтобы поддержать ваше историческое стремление обладать Константинополем, но, по моему убеждению, осуществление этого

[1] Тел. от 5 марта/20 февр. (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 312), расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Бьюкенен передал Грею сделанное ему и Палеологу заявление Сазонова, что «он с самого начала желал получить сотрудничество Италии [ср. № 276] и что он готов принять всякое соглашение, к которому придут Франция и Англия для обеспечения этого содействия, с тем условием, что Проливы и соседние территории будут вне сферы действия итальянских войск».

[2] Опубл. Р. ав. Т., стр. 117.

желания будет зависеть главным образом от того, будет ли предварительно разрешен вопрос о Проливах в смысле полной их свободы». На мой вопрос, что именно он понимает под выражением «полная свобода», Делькассе ответил, что это означает воспрещение кому бы то ни было укреплять Проливы и подчинение их международной организации, наподобие Дунайской комиссии [1]. При этом на сей раз он уже не делал принципиальных возражений против обладания нами обоими берегами Проливов и как будто допускал возможность подобного обладания, ограничившись лишь замечанием, что утверждение наше на азиатском их берегу зависит от разрешения уже другого вопроса, а именно вопроса о разделе азиатских владений Турции. (В разговоре) он выразил между прочим мысль, что если мы будем обладать хотя бы одним берегом Проливов, а тем более обоими, то, несмотря на воспрещение укреплять самые Проливы, мы, конечно, будем иметь фактическую возможность с помощью наших войск и флота в любую минуту закрыть Проливы; против этого не может быть сделано никаких принципиальных возражений. В заключение Делькассе высказал мне еще раз живейшее желание лично обсудить с вами все эти вопросы и сожалел, что парламентская сессия не позволяет ему съездить в Петроград. Весьма вероятно, что он возобновит вам через Палеолога предложение съехаться в Париже с ним и Греем [2].

Извольский.

---

[1] По поводу затронутых в этой тел. Извольским вопросов Бенкендорф в тел. от 7 марта/22 февр. за № 159 (опубл. Р. Ав. Т., стр. 121.) сообщал Сазонову: «Сомневаюсь, чтобы идея Делькассе об учреждении органа наподобие Дунайской комиссии была встречена здесь благосклонно. Иначе обстоит дело с территориальной нейтрализацией, полной или частичной, хотя бы для Галлипольского полуострова. Отсутствие гарантий встретит серьезную оппозицию. Я считаю их неизбежными и полагаю предпочтительным опередить события, — первое впечатление облегчит все остальное. Я полагаю, что нам не следует более медлить высказываться относительно Армении в смысле автономии. Это важно. Я думаю, что существует антитеза между английской и французской точкой зрения на будущую судьбу азиатских владений Турции в бассейне Средиземного моря. Грей сказал мне, что Англия не стремится захватить здесь ничего, и что он свободен от всяких обязательств по этому поводу, за исключением мусульманских святых мест, Мекки и остальных, которые, по его словам, должны остаться в чисто мусульманских руках. Я даже не думаю, чтобы Англия хотела изменить существующий режим на Суэцком канале, где она уже имеет достаточное преобладание, но мне ясно, что Грей опасается обсуждения вопроса о разделе турецких владений в Азии из-за Франции и Италии, тогда как Делькассе выдвигает его на первый план».

[2] Тел. от 7 марта/22 февр. за № 993 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 264) Сазонов сообщил Извольскому, что он полагает невозможным отлучиться из Петро-

№ 308. Посол в Париже министру иностранных дел.

т/. Телеграмма № 116 [1]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Копии в Лондон и Афины.

Получил вашу телеграмму № 878 [2] и телеграммы Демидова № 72 [3] и № 79 [4].

По поводу вашего ответа Демидову, что ни при каких условиях мы не можем допустить участия греческих войск во вступлении союзных войск в Константинополь, Делькассе сказал мне, что, насколько он понимает, вы делаете различие между подобным участием и кооперациею сказанных войск вообще в союзнических действиях против Турции — ваша телеграмма № 137 [5]. Не предрешая этого последнего вопроса, подлежащего обсуждению тремя союзниками, Делькассе лично того мнения, что, если Греция предложит свою кооперацию, ей следует напомнить, что, если Греция желает действовать сообща с союзниками в предпринятой ими великой борьбе, она должна нести соответственные труды и обязанности, что поэтому союзники имели основание ожидать, что Греция выступит на помощь Сербии и что они продолжают думать, что Греция окажет большую услугу общему делу именно в этом направлении. Делькассе прибавил, что он не имеет указаний на то, что лондонский кабинет поощряет желание Греции послать свои войска на Галлиполи.

Извольский.

№ 309. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 231 [6]. 4 марта/19 февраля 1915 г.

Копии в Софию и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 79 [7]. Не могу не разделить

града «даже на самое короткое время», но тем не менее считает, что вопрос о Проливах и Константинополе требует безотлагательного решения союзными правительствами. Далее, предписывая Извольскому выполнить поручение, переданное в тел. за № 937 (см. № 299), он указывал, что «русское общество никогда не примирится с иным разрешением вопроса, как безраздельное наше господство над Проливами и Константинополем, которое одно может обеспечить полную свободу и независимость нашей торговли», и признавал невозможным «ни удовольствоваться обладанием одним европейским берегом, ни отказаться от укрепления Проливов».

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 192.

[2] См. № 277.

[3] См. стр. 366, прим. 2.

[4] См. стр. 387, прим. 2.

[5] См. стр. 75, прим. 2.

[6] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 194.

[7] См. стр. 387, прим. 2.

опасения в случае участия Греции в действиях против Проливов. При нынешнем состоянии умов Болгария может решиться на опасную авантюру, пока яснее не определится успех союзников на Проливах. Против них она, конечно, не отважится, но, если, вызвав инцидент, она двинется в сторону Македонии, это будет серьезной помощью туркам, которые в этом случае могут спокойно располагать гарнизоном Адрианополя и частью войск, ныне отвлеченных ввиду еще неизвестного образа действий Болгарии. С другой стороны, участие греков в действиях против Константинополя несомненно повысит их притязания. Они во всяком случае потребовали бы предварительного точного письменного заявления, что Греция не может рассчитывать на компенсации в районе Проливов и против Мраморного моря, ибо заявление, заключающееся в памятной записке английского посла в Петрограде от [27] 14 января [1] едва ли может быть признано достаточным. Между тем, всякая недомолвка может иметь последствием обманутые надежды и порчу наших отношений с Грецией, чего желательно избежать, особенно ввиду владения этой державой Лемносом, могущим в будущем стать базою враждебных нам действий. Опасаюсь, что даже письменное условие не вполне обеспечит от возможности обострений на почве греческих притязаний.

Трубецкой.

№ 310. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 399. Кяхта, 4 марта/19 февраля 1915 г.

№ 2 [2].

«Территорию автономной Внешней Монголии составляют, согласно четвертой статье нот, обмененных между Россией и Китаем [5 ноября] 23 октября 1913 года, области, находившиеся в ведении китайского амбаня в Урге, цзянь-цзюня в Улясутае и китайского амбаня в Кобдо, причем границей с Китаем служат границы хошунов четырех айма-

[1] Пам. запиской от 27/14 янв. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 186) Бьюкенен сообщил о согласии Грея с заявлением Сазонова англ. поверенному в делах О'Бейрну, что Россия не будет чинить препятствий военной оккупации Галлиполии Грецией при условии, что «французское и английское правительства не допустят, чтобы Греция предприняла что-либо противное русской политике и русским интересам на Проливах».

[2] Тел. от того же числа за № 398 (1) Миллер сообщил о готовности кит. и монг. делегатов принять статью о разграничении в редакции, изложенной в настоящем документе, и указывал, что «добиться каких-либо дальнейших уступок представляется крайне затруднительным».

ков Халхи и Комбодского округа, сопредельных на востоке с Хулунь-буирским округом, на юге с Внутренней Монголией, на юго-западе с Гоби Синьцзянской провинции, на западе с Алтайским округом.

Формальное разграничение между Китаем и автономной Внешней Монголией будет произведено особой комиссией из делегатов России, Китая и автономной Внешней Монголии, причем к началу работ по разграничению будет приступлено не позже двух лет со дня подписания настоящего соглашения»[1].

Миллер.

№ 311. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел[2].

5 марта/20 февраля 1915 г.

His Majesty's Embassy has received the following telegram from Sir E. Grey:

«The Russian Ambassador gave me on March 4th his impression with regard to the statement which I have made in the House of Commons on February 25th. In his opinion my intention was to show clearly, on this question, that British political opinion had undergone a radical change and that the traditional views had now become antiquated. He realized that I wished to obtain the agreement of the House of Commons to this change, that this important object had now been secured; and that I hoped, not without justice, that this public demonstration would create a favorable impression in Russia. He did not see that my answer offered any obstacle to the realization of Russian policy: on the contrary, he thought that the reply gave a full opportunity for a more exact definition of the question, which would soon become necessary. I said that the Ambassador had given a correct and clear statement of my position in the matter, and I confirmed the views which he had experessed»[3].

Перевод.

Посольство его величества получило от сэра Э. Грея следующую телеграмму:

«Российский посол высказал мне 4 марта свое впечатление по поводу заявле-

[1] Статья о территориальном разграничении умышленно была формулирована в общих выражениях и явилась компромиссом, так как попытки указать пункты разграничения вызвали крупные разногласия сторон. В результате сошлись на том, что разграничительные смешанные комиссии на месте уточнят границы. Тел. от 6 марта/21 февр. за № 966 Сазонов одобрил эту редакцию статьи о разграничении.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 259.

[3] Ср. № 292.

ния, сделанного мною 25 февраля в палате общин. По его мнению, моим намерением было ясно показать в этом вопросе, что английская политическая точка зрения потерпела коренное изменение и что традиционные взгляды ныне устарели. Он отметил, что я хотел добиться согласия палаты общин на эту перемену, что этот важный факт ныне обеспечен и что я надеялся, не без основания, на то, что это публичное выступление произведет в России благоприятное впечатление. Он не усмотрел в моем ответе каких-либо препятствий к осуществлению русской политики: напротив, он полагал, что мой ответ дал полную возможность для более точного определения вопроса, которое скоро сделается необходимым. Я сказал, что посол дал правильное и ясное изложение моей позиции в данном вопросе, и подтвердил высказанные им взгляды».

№ 312. Поденная запись министерства иностранных дел.

5 марта/20 февраля 1915 г.

Из телеграмм, полученных от Извольского, стало ясно, что французское правительство ошбочно предполагало, что мы можем удовольствоваться открытием для нас свободного пропуска через Проливы на основе каких-нибудь международно-правовых комбинаций, вроде нейтрализации, интернационализации или тому подобных искусственных положений. Застигнутое как бы врасплох неожиданным расширением наших требований в отношении Проливов и Константинополя, французское правительство, повидимому, в первые минуты, опасаясь впечатления, которое это может произвести на общественное мнение во Франции, было склонно сузить размер преимуществ, которые оно согласилось бы нам предоставить в указанной области. Понимая, что если этому не положить сразу конец, то на этой почве легко могут возникнуть разногласия, способные привести к самым нежелательным последствиям с точки зрения прочности франко-русского союза, С. Д. Сазонов решил сразу поставить вопрос ребром, и в этот день [5 марта] 20 февраля положительно заявил французскому послу, что если бы Франция стала чинить нам затруднения в отношении осуществления наших пожеланий касательно Проливов и Константинополя, то он не задумается подать в отставку, что может повести к замене его другим министром из числа тех лиц, которые еще имеются в России и являются приверженцами старой системы Dreikaiserbund'a [1]. Что эти слова произвели на французского посла сильное впечатление, — тому является доказательством его полушутливое, полусерьезное возвращение к этому предмету в тот же вечер после обеда у министра финансов.

[1] «Союза трех императоров».

№ 313. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

·/. Телеграмма № 954 [1]. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Благоволите безотлагательно передать начальнику штаба для доклада верховному главнокомандующему:

Английский посол только-что передал мне следующую памятную записку:

«Великобританское посольство получило нижеследующую телеграмму от первого лорда адмиралтейства верховному главнокомандующему:

Великобританскому адмиралу, командующему в Дарданеллах, даны указания войти в непосредственные сношения с Черноморским флотом чрез «Аскольда» [2] за четыре дня до того времени, к которому он предполагает войти в Мраморное море.

Великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что русский флот, когда наступит этот момент, тотчас же придет ко входу в Босфор и начнет в соответствии с английской морской атакой Мраморного моря систематичную с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора.

Великобританское правительство придает первостепенное значение совместным действиям русского флота с союзным флотом.

Сведения относительно военных передвижений будут сообщены в дополнительной телеграмме. Первый лорд адмиралтейства будет время от времени посылать телеграфные донесения касательно морских операций, которые ныне продолжаются удовлетворительно». Конец великобританского сообщения.

Сазонов.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 154.

[2] Тел. от 23/10 февр. за № 745 Сазонов сообщил Бенкендорфу что, по мнению морского ведомства, в связи с началом союзных действий против Дарданелл «полагалось бы желательным присутствие крейсера «Аскольд» в составе эскадры вице-адмирала Кардена для установления необходимой связи между союзной эскадрой и Черноморским флотом». Тел. от 26/13 февр. за № 134 Бенкендорф со слов Грея сообщил, что присоединение крейсера «Аскольд» к морским силам, действующим против Дарданелл, будет встречено самым сочувственным образом как союзными эскадрами, так командующим ими адмиралом Карденом. Ссылаясь на высказанное Николаем II мнение, что «Аскольд» должен быть в эскадре, прорывающейся через Проливы, Сазонов тел. от 4 марта/19 февр. за № 945 просил Бенкендорфа «вызвать со стороны английского адмиралтейства соответствующие приказания командиру «Аскольда».

№ 314. Посол в Париже товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 118. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 883 [1]. Ссылаюсь на свою телеграмму № 84 [2].

Стег обещал доставить мне планы, которые вышлю согласно вашим указаниям. Считаю однако нужным отметить, что, ввиду вероятного в близком будущем завладения нами Константинополем, быть может, предпочтительно воздержаться пока от разрушения зунгулдакских сооружений, тем более что вывозимый оттуда уголь может оказаться весьма ценным для союзных флотов. К тому же нам нет расчета, без крайней необходимости, разрушать дорого стоящие постройки в области, на которую в будущем должно в той или иной форме распространиться наше влияние. Эти соображения представил мне Мавроокордато.

Извольский.

№ 315. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 82. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мой № 80 [3].

Венизелос настолько значения придает выступлению Греции в настоящую минуту, что на вопросе этом он поставил судьбу кабинета. Временно удаленный генерал Дусманис [4] обратно призван по предложению Венизелоса на бывшую должность начальника штаба под ловким предлогом годовщины взятия Янины [5]. Хотя отзыв его

---

[1] Тел. от 2 марта/17 февр. за № 883 Нератов просил Извольского срочно выслать адмиралу Эбергарду планы Зунгулдакских копей, которые, согласно заявления директора Оттоманского банка Стега, легко достать в Париже.

[2] Тел. от 23/10 февр. за № 84 Извольский передавал, что, по мнению русского подданного банкира Мавроокордато, в целях прекращения эксплоатации Зунгулдакских копей Турцией необходимо разрушить имеющиеся на копях приспособления для промывки угля.

[3] См. № 294.

[4] Тел. от 11 февр./29 янв. за № 46 Демидов сообщал, что отставка ген. Дусманиса была вызвана «энергичными настояниями Венизелоса» в связи с опубликованием в германофильской газете «Афины» письма, «в коем бывший начальник штаба подвергал критике бездействие правительства и армии».

[5] Штурм Янины, закончившийся ее взятием греками, продолжался с 4 марта/19 февр. по 6 марта/21 февр. 1913 г.

будет иметь вес на завтрашнее решение, все же едва ли следует ожидать, чтобы король пожертвовал Венизелосом. Приезд сюда греческого посланника в Париже находится в связи с предстоящим решением. Он, повидимому, настойчиво указывал на недовольство во Франции пассивным доселе отношением Греции к повторным призывам союзников. Если вопрос будет разрешен в положительном, как надо думать, смысле, Венизелос, по всей вероятности, предложит трем державам содействовать им в виде предоставления одного, самое большее двух корпусов для военных операций у Проливов; предложение это, вероятно, поставлено будет в связь с прежними призывами Тройственного согласия и будет как бы на них откликом. Между тем в действительности существенный на мой взгляд разлад состоит в том, что три державы обратились к Греции за помощью в пользу Сербии, а ныне Греция предлагает... на определенную, намеченную ею цель с предоставлением незначительной, хотя, может быть, и нужной союзникам части своих сил с очевидным намерением участвовать во вступлении в Константинополь, и, надо сказать, временно в ущерб сербским интересам. Мой английский коллега толкует шаг этот как успех в смысле общего сдвига Греции на нашу сторону. Не знаю, насколько это окажется верным, пока же не могу не отметить со слов Политиса моему сербскому коллеге, во-первых, что с греческой точки зрения желательно было бы придать действиям против Константинополя более общий международный характер, а во-вторых, что выступление Греции против Турции отнюдь не связано, по его мнению, с разрывом с Австрией и Германией, так как оно представляет собою отдельное, совершенно обособленное сведение счетов с исконным врагом. Под этой фикцией, вероятно, кроется и желание оберегать семейные отношения королевской четы. Полагаю, что стремление приобщить Грецию к занятию Константинополя объясняется не столько удовлетворением народных вожделений, но также надеждой получить голос на будущих обсуждениях. Достижение этого должно быть сопряжено с возможно меньшими жертвами для Греции. Ответ союзников на ожидаемое предложение Венизелоса, разумеется, решен будет сообща и обставлен удовлетворяющими нас условиями. В крайнем случае, может быть, присутствие греческого военного судна могло бы быть допущено среди союзного флота без особенного ущерба. Иначе можно опасаться поворота здешнего общественного мнения против Тройственного согласия, а в частности и против России. 19 февраля[1].

Демидов.

[1] Так в оригинале.

№ 316. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 83 [1]. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и балканские миссии.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 80 [2].

После сегодняшнего чрезвычайного совета Венизелос созвал моих двух коллег и меня и заявил нам [3], что хотя король просил обдумать вопрос до завтрашнего утра, он все же пожелал сейчас официозно сообщить решение правительства предложить державам Тройственного согласия кооперацию Греции против Проливов в виде предоставления в распоряжение союзников одной полной дивизии — 15 000 человек — и всего греческого флота. Он счел нужным нас при этом не впервые категорически заверить, что никаких политических видов в Константинополе Греция не имеет и что греческие войска, вступившие в оттоманскую столицу, тотчас ее покинут, ограничившись посещением храма св. Софии. В случае, едва ли вероятном, отрицательного решения короля Венизелос подаст в отставку со всем кабинетом. Если же предложение его не будет принято тремя державами, то он уйдет один, так как лично ему невозможно оставаться, столь резко скомпрометировав себя перед здешними представителями Австрии, Германии и Турции, кабинет же сохранит свое политическое направление. Министр надеется, что выступление Греции способно содействовать и выступлению Болгарии против Турции. Во всяком случае македонский фронт останется обеспеченным сформированием резервной дивизии, для замены отправляемой в Галлиполи. Я не счел целесообразным отдельно от своих товарищей что-либо заявить в смысле вашей телеграммы № 878 [4].

Демидов.

№ 317. Греческий министр иностранных дел Венизелос греческому посланнику в Петрограде Драгумису.

·/. Телеграмма [5]. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Très confidentiel.

Ministre bulgare à Vienne a tâché par deux fois d'entamer avec notre ministre une conversation sur l'éventuel forcement des Dardanelles,

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 195.

[2] См. № 294.

[3] Текст заявления Венизелоса был передан Сазонову греч. посланником в Петрограде пам. запиской от 8 марта/23 февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 200).

[4] См. № 277.

[5] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

lui parlant du grand danger que constituerait pour les Etats balkaniques une domination de la Russie sur le Bosphore et les Dardanelles. Notre ministre a évité d'exprimer une opinion sur la question, en se tenant sur la réserve à ce sujet.

Le président du Conseil de Bulgarie a parlé aussi au représentant de la Grèce à Sofia du danger qui menacerait des Etats balkaniques, si l'occupation des Détroits par la Russie a lieu. Il a ajouté qu'il est à prévoir, qu'en cas du l'arrivée de la flotte alliée devant Constantinople, le roi malgré ses sentiments personnels austrophiles, sera obligé d'en finir avec la politique antislave de ses ministres et les remplacer par un Cabinet à tendances russophiles.

Je vous communique ce qui précède à titre d'information et pour votre gouverne seulement.

Перевод.

Весьма доверительно.

Болгарский посланник в Вене два раза пытался начать с нашим посланником разговор о предполагаемом прорыве Дарданелл, указывая на большую опасность, которую представило бы для балканских государств господство России над Босфором и Дарданеллами. Наш посланник уклонился от выражения мнения по этому вопросу, соблюдая в этом отношении осторожность.

Болгарский председатель совета министров говорил также представителю Греции в Софии об опасности, которая грозила бы балканским государствам, если бы состоялось занятие Проливов Россией. Он добавил, что следует предвидеть, что в случае появления союзного флота у Константинополя король, несмотря на свои личные австрофильские чувства, будет вынужден покончить с антиславянской политикой своих министров и заменить их кабинетом руссофильского направления.

Сообщаю вам вышесказанное в целях информации и для вашего личного руководства.

№ 318. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 130. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Министр иностранных дел стал тоже теперь более откровенным [1] и рассказал мне следующее про политику Италии. С самого начала войны Румыния стремилась сблизиться с Италией, и оба правительства согласились стараться взаимно сообразовать свою политику во время нынешнего кризиса. После заключения соглашения с нами [2] Румыния пыталась ускорить активное выступление Италии, но по-

[1] Ср. № 275.

[2] См. т. VI, № 340.

следняя постоянно заявляла, что она еще не готова и что обоим государствам выгоднее принять участие в войне позднее, когда они могут сыграть более решающую роль. Назначение Бюлова в Рим [1] сильно встревожило румынское правительство, но итальянское правительство успокоило его заверениями, что миссия нового берлинского посла не может иметь успеха. Между тем здесь знают из достоверного источника, что Бюлов вступил в переговоры с Джиолитти о территориальных уступках, ценою коих Италия согласилась бы остаться нейтральной до конца войны, и составленный по этому плану Джиолитти меморандум был представлен в Вене итальянским послом. Австрия наотрез отказалась пойти на какие бы то ни было территориальные уступки, и тогда здешний итальянский посланник сообщил румынскому правительству, что Италия будет готова выступить в конце марта [2]. — По словам Порумбару здешнее правительство всетаки еще очень беспокоится по поводу доходящих до него из частного источника сведений о том, что Бюлов делает теперь в Берлине отчаянные усилия, дабы убедить германское правительство в необходимости путем угроз побудить Австрию на серьезные уступки в пользу Италии. Подробности курьером [3].

Поклевский.

№ 319. Директор дипломатической канцелярии при ставке директору канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Письмо. 5 марта/20 февраля 1915 г.

Дорогой барон,

При сем возвращаю взятые мной бумаги по делу Поклевского. Вчера имел по сему предмету продолжительный и горячий разговор с Янушкевичем. Я ему между прочим показал статью «Adeverul» и на словах изложил все ответы на пункты обвинений против Поклевского. Янушкевич сознался, что эти пункты обвинений не серьезны. Но это нисколько не поколебало его убеждения в том, что Поклевский — недостойный представитель России [4]. Его аргументы сводятся

[1] 4 дек./21 нояб. 1914 г. Бюлов был назначен послом в Рим.

[2] Ср. «Il libro verde», №№ 22, 23 и «Oest.-Ung. Rotbuch», № 106.

[3] См. № 359.

[4] В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 848, имеется следующая докл. зап. Николаю II, исходящая от ставки: «Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич был крайне удручен и озабочен, узнав о том, что наш посланник в Бухаресте Поклевский-Козелл, будучи вызван в Петроград для объяснений касательно его деятельности, сумел оправдаться в глазах своего начальства, что было, вероятно, доложено вашему императорскому величеству и

к следующему: 1) против него высказывается не один человек, а несколько: сходятся в оценке его личности Веселкин, Семенов, Арсеньев и еще какие-то чины министерства иностранных дел, писавшие Нератову обвинения на него. (Одно из этих лиц даже «на ты» с Нератовым). 2) Янушкевич не может допустить, чтобы офицер, флигель-адъютант осмелился солгать государю, притом нарочно приехать на ставку, чтобы сделать здесь лживое заявление.

На это я возразил, что такие обвинения слишком неопределенны, что нельзя запятнать доброе имя человека на основании голословных заявлений, цена которых основана исключительно на характере лиц, от которых они исходят, могущих внушать доверие одним, а недоверие другим.

Так как Янушкевич продолжал заявлять о своем «глубоком» убеждении о виновности Поклевского, то я сказал, что министр одинаково убежден в противном. — Разговор стал очень оживленным (но со стороны генерала, а не с моей), когда я заявил о недовольствии Сер-

вследствие чего ему было разрешено вернуться в Румынию. Между тем верховный главнокомандующий считает, что Поклевский даже если действовал лойяльно, то во всяком случае не на высоте важного в настоящее время поста, им занимаемого, так как он не сумел ничего достичь для пользы России. С другой стороны, великий князь имеет сведения, и после доклада о сем на ставке флигель-адъютанта Веселкина все подтверждающие опасения, что Поклевский вреден на своем месте. А именно следующие факты: 1) из России приезжала в Румынию дочь члена Государственного совета Корвин-Милевская. Будучи заподозрена в провозе тайной корреспонденции, на нашей границе при ее выезде из Румынии наш жандармский офицер должен был ее арестовать и осмотреть находящиеся при ней бумаги; но это не удалось довести до конца, ибо наш жандармский офицер получил предписание от Поклевского ее пропустить и вернуть ей все отобранное. 2) Сведения о деятельности Поклевского от нашего военного агента в Румынии продолжают быть не в его пользу. 3) Великому князю донесли, что был случай, когда в Бухаресте к зданию нашей миссии подошла толпа, сочувственно настроенная к России для выражения дружественной манифестации. Несмотря на то, что посланник был дома, на балконе миссии появился служащий (веротно, лакей) и с балкона безмолвно сделал над толпою рукою знак креста, как бы благословив ее и советуя с миром разойтись. В толпе эта выходка была принята за глум, и это подействовало на настроение народное. Наконец, 4) и самое для великого князя важное, это, что, когда его высочеству представлялся генерал великобританской службы сэр Артур Пэджет, тот ему сказал, что ему сопутствует полковник Глин, из штаба фельдмаршала Френча, и что по сей причине к нему по пути следования через балканские государства, на остановках, являлись английские секретные агенты, кои в один голос докладывали, что русский посланник в Румынии Поклевский-Козелл в руках австрийской польской партии, преданной интересам германизма, и что он в настоящее время вреден как для России, так и для интересов союзных держав».

тея Дмитриевича Семеновым. У Янушкевича даже уши налились кровью (он вообще довольно вспыльчив), и он перебил меня заявлением, что Семенова он одобряет, что он получит не в очередь награду, что его из Бухареста никогда не выкурят... На это я сказал, что министр, конечно, и не попытался это сделать, — не потому, что он бы этого не желал, а потому, что считает это, пока идет война, несогласным с интересами службы. Я здесь скривил душой, каюсь, — ибо знаю, что С. Д. именно угрожал предъявлением требования об отозвании Семенова. Но говорить нельзя. Если можно будет это сделать,— тогда другое дело. Но преждевременная угроза только подольет масла в огонь и произведет обратное действие. К требованию отозвания Семенова здесь гововятся и все пустят в ход, чтобы оно не увенчалось успехом. По-моему, благоразумнее не затевать этого дела. И без того удивительно, что С. Д. удалось отстоять Поклевского. Раздражать еще больше ставку — значит итти на открытую борьбу с ней. Это и нежелательно с точки зрения пользы дела, и может быть фатально для С.Д., так как с великим князем совладать нелегко.

В общем надо думать, что преследование Поклевского не прекратится и ему будут творить всякие козни. По-моему, следует удовлетвориться достигнутым результатом и не обострять отношений.

Должен кончать, ибо Муравьев уезжает.

Жму руку, ваш

Н. Кудашев.

№ 320. Записка и. д. начальника генерального штаба М. А. Беляева[1].

5 марта/20 февраля 1915 г.

Секретно.

Обстановка на Проливах, в связи с начавшейся операцией союзного флота по форсированию Дарданелл, в ближайшем времени может сложиться таким образом, что занятие Константинополя и Босфора состоится при сравнительно небольшом участии наших сухопутных и морских сил.

При таком положении придется поневоле считаться с необходимостью допустить временно, впредь до окончательного разрешения вопроса о Проливах путем дипломатических переговоров, оккупацию

[1] Записка была препровождена при отношении от 5 марта/20 февр. за № 10448 и. д. начальника ген. штаба Беляевым тов. м-ра ин. дел Нератову с надписью: «Спешно». На подлинном отношении имеется помета рукою Гулькевича: «Ответ на устный запрос, сделанный ген. Беляеву 28/15 февраля 1915 г.». На подлинной записке подпись отсутствует.

берегов Босфора и самого Константинополя совместно с английскими и французскими войсками.

Само собой разумеется, что сплошное занятие береговой полосы сделается возможным, только когда сопротивление турецкой армии будет окончательно сломлено, так как иначе придется ограничиться занятием отдельных стратегических пунктов.

Имея в виду, что по условиям обстановки оба берега Дарданелльского пролива будут заняты союзными войсками полагалось бы желательным, чтобы, при наличии достаточного количества русских войск, берега Босфора до предместья Константинополя Орта-кьой включительно — на европейском берегу и до Кускунджика включительно — на азиатском берегу были заняты русскими войсками.

При необходимости допустить к оккупации Константинополя наряду с русскими войсками также и союзные войска, русским войскам предоставляется часть к югу от Золотого Рога (Стамбул, Фанар и прилегающие предместья).

Французские войска в таком случае заняли бы части города Таксим, Перу, Галату и Хас-кной; было бы желательно, чтобы им же были предоставлены для временного занятия и Принцевы острова.

Английские войска могли бы занять Скутари, Хайдер-Пашу (порт и вокзал Анатолийской ж. д.), Кади-кьой, Моду и Картал; если бы признано было необходимым предоставить им больший район, то во всяком случае лучше расширить его по азиатскому берегу Босфора, хотя бы до Анадоли-Гиссара и даже далее, но по возможности не включая в этот район Принцевых островов.

Само собой разумеется, большее участие русских войск в овладении Проливами должно повести за собой и соответствующее расширение оккупируемой полосы.

Что касается будущего порядка управления городом Константинополем, то казалось бы желательным не предрешать сейчас этого вопроса, так как обстановка, при которой совершается занятие Константинополя, может быть весьма разнообразна.

Во всяком случае казалось бы, что после занятия Константинополя вооруженной силой, управление могло бы быть введено только военное, причем если бы пришлось допустить временную совместную оккупацию города союзными войсками, то высшая власть могла бы быть вручена старшему из начальников союзных отрядов, с учреждением при нем особой совещательной комиссии из представителей трех союзных держав, военных или гражданских чинов безразлично.

В таком городе, как Константинополь, да еще занятом при усло-

вии военного времени, единовластие является крайне необходимым, что не исключает сохранения в известных пределах порядка мирного управления на существующих ныне основаниях [1].

№ 321. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

6 марта/21 февраля 1915 г.

His Majesty's Ambassador has been instructed to represent to Mr. Sazonow that it is solely fot the common cause that His Majesty's Government have undertaken the operations in the Dardanelles. Great Britain will derive no direct gain from them: she does not intend herself to establish a footing there; in order to render Turkey useless as an Ally to Germany, to destroy her power of attacking either Russia or Great Britain (the Grand Duke Commanding-in-Chief himself emphasized the importance of the aim in the interests of Russian military operations) and in order to induce the neutral Balkan States to cooperate with the Allied Powers, His Majesty's Government are risking their soldiers, their sailors and their ships.

As far as the future of the Straits and Constantinople is concerned, Sir E. Grey has publicly endorsed what Mr. Sazonow said in the Imperial Duma [3]. Although, in accordance with the Alliance of September 5th any precise and formal agreement must be withheld for discussion with France and can probably not be concluded except in the final peace terms, Sir E. Grey has made no objection to anithing which Mr. Sazonow has said to G. Buchanan on the subject [4].

The assistance, and especially the military assistance of Greece on the Gallipoli Peninsula, might be important and even essential to the complete success of the operations, and in the circumstances it would be unreasonable and impossible to hamper them by refusing that assistance if it were offered.

The Imperial Government must bear in mind that the failure of the operations in the Dardanelles would entail disastrous consequences

---

[1] Указанное в настоящей записке распределение русских, франц. и англ. сил в районе К-поля было сообщено Сазоновым Кудашеву тел. от 7 марта/22 февр. за № 986 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 326) с просьбой предоставить это на утверждение верх. главнокомандующего. Тел. от 8 марта/23 февр. за № 102 (опубл. там же) Кудашев сообщил о согласии последнего.

[2] Опубл. P. Aя. T., стр. 119.

[3] См. стр. 371, прим. 2.

[4] См. № 192.

His Majesty's Government have never contemplated the annexation to Greece of any part on the Straits. Smyrna is the portion of Turkish territory which was contemplated as compensation for Greece. His Majesty's Government readily admit that Greece must have no footing on the Straits that would be in conflict with the interests of Russia. His Majesty's Government agreed with the Russian and French Governments on that point, though the only vested interest which His Majesty's Government have at present in Asia Minor is the Smyrna-Aidin railway. In order to induce Greece to join the Allies, His Majesty's Government were prepared to forego any claim of their own.

His Majesty's Ambassador is to repeat that the operations now being undertaken in the Dardanelles are being prosecuted in the common cause, in the most ungrudging spirit as to the claims of Russia in that district and with the full knowledge that their direct fruits will constitute a gain not for us but for Russia.

His Majesty's Government must not in these circumstances be deprived of any assistance in their part of the operations that may be available. It is of course understood that any assistance which may be given must not depend on any condition or establish any claim except such as the three Allied Governments may agree upon.

It has been made abundantly clear in previous communications that His Majesty's Government have from the first been most anxious for the active cooperation of Russian ships and troops in carrying these operations to a successful conclusion.

Перевод.

Посол его величества получил инструкции заявить г. Сазонову, что, только исходя из соображений пользы общего дела, правительство его величества предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться. Правительство его королевского величества рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь сделать Турцию бесполезной в качестве союзницы для Германии, сокрушить ее наступательную силу против России и Великобритании (великий князь верховный главнокомандующий подчеркнул сам важность этой задачи в интересах русских военных операций), а также и для того, чтобы побудить нейтральные балканские государства к сотрудничеству с союзными державами.

Поскольку это касается будущности Проливов и Константинополя, сэр Э. Грей публично подтвердил сказанное г. Сазоновым в Государственной думе. Хотя, в соответствии с конвенцией от 5 сентября, всякое окончательное и формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией и, вероятно, не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, сэр Э. Грей не

сделал никаких возражений против того, что было сказано по этому поводу г. Сазоновым сэру Дж. Бьюкенену.

Помощь, и особенно военная помощь Греции на Галлипольском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операций, и при данных условиях было бы неразумно и невозможно затруднять их, отклонив эту помощь, если бы она была предложена.

Императорское правительство должно принять во внимание, что неудача дарданельской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия.

Правительство его величества никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части Проливов. Смирна — как раз та часть турецкой территории, которая рассматривалась как компенсация Греции. Правительство его величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на Проливах, что противоречило бы русским интересам. Правительство его величества согласно с российским и французским правительствами по этому вопросу, хотя интересы правительства его величества в настоящее время в Малой Азии ограничиваются вопросом о Смирна-Айдинской железной дороге. В целях побудить Грецию присоединиться к союзникам правительство его величества готово поступиться любыми из своих притязаний.

Посол его величества должен повторно указать, что операции, предпринятые ныне в Дарданеллах, преследуют общую цель самым бескорыстным образом по отношению к притязаниям России в этом районе и с полным сознанием, что непосредственные их результаты будут выгодны не для нас, а для России.

Поэтому в настоящих условиях правительство его величества не должно быть лишено помощи в той части операций, где последняя могла бы быть нам полезной. Само собой разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть дана, не должна зависеть от какого-либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзных правительства.

Из предшествующих сообщений вполне ясно, что правительство его величества с первой же минуты жаждало деятельного участия русских судов и войск для доведения этих операций до успешного конца.

№ 322. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 120 [1]. 6 марта/21 февраля 1915 г

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма №...[2].

Телеграмму (Демидова) № 83 [3] получил.

Делькассе прочел мне телеграмму Палеолога, в которой изложены ваши аргументы против участия Греции в союзнических операциях против Дарданелл и Константинополя. С другой стороны, ему известно,

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 261.

[2] В оригинале номер отсутствует.

[3] См. № 316.

что лондонский кабинет высказывается в пользу подобного участия. Вполне оценивая ваши доводы, Делькассе думает однако, что по соображениям как военно-техническим, так и политического характера вряд ли благоразумно ответить Греции отказом. Участие греков может до известной степени облегчить весьма трудные операции на суше и на море и отнюдь не предрешает тех или иных политических последствий. То же самое можно сказать о вмешательстве болгар. Делькассе продолжает считать крайне желательным не отталкивать итальянцев, помыслы коих ныне, повидимому, всецело направлены на Восток. Этим путем все сказанные нации будут вовлечены в общие действия с союзниками против Австро-Германии, что при нынешних обстоятельствах имеет громадное значение и вряд ли может особенно повлиять на окончательное решение интересующих нас вопросов, ибо главная роль будет во всяком случае принадлежать России, Франции и Англии.

Извольский.

№ 323. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 121 [1]. 6 марта/21 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил ваши №№ 937 [2] и 942 [3].

Я нашел сегодня Делькассе под сильным впечатлением только-что полученного им от Палеолога текста вашей памятной записки. Он повторил мне приблизительно те же соображения, которые изложены в моей телеграмме № 115 [4]. При этом главную свою аргументацию он сосредоточил на том обстоятельстве, что в вашей записке обходится молчанием вопрос, который, по его убеждению, является ключом всего положения, а именно вопрос об обеспечении «свободы Проливов». До сих пор предполагалось, что мы согласны на воспрещение укреплять Проливы и на подчинение их надзору европейской комиссии. Если вопрос этот будет решен в таком именно смысле, то это в значительной степени облегчит разрешение в нашу пользу вопроса об обладании Константинополем и обоими берегами Босфора. — «Во всяком случае, — прибавил Делькассе, — вы ставите ныне вопрос, который не только сам по себе имеет громадную важность, но затрагивает также целый ряд других вопросов, касающихся как Европы,

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 262.
[2] См. № 299.
[3] См. № 300.
[4] См. № 307.

так и Азии. Вопросы эти очень трудно обсуждать при помощи обмена телеграмм, и было бы чрезвычайно желательно подвергнуть их непосредственному совместному обсуждению трех министров иностранных дел». В заключение Делькассе высказал, что крайне важно соблюдать в настоящем деле абсолютный секрет, ибо если бы наши планы сделались известными в Бухаресте, это могло бы побудить Румынию сейчас же присоединиться к враждебному лагерю.

Извольский.

№ 324. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 84 [1]. 6 марта/21 февраля 1915 г.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон и балканские миссии.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 83 [2].

Король вопреки ожиданиям не согласился с мнением правительства относительно выступления Греции и настоял на продолжении прежней политики нейтралитета. Вследствие сего Венизелос подал в отставку со всем кабинетом. Уход Венизелоса в такую минуту и на таком популярном вопросе, как кооперация с Тройственным согласием против Константинополя, создает королю крупные затруднения, в особенности при подавляющем в палате большинстве венизелистов. Город в волнении, беспорядки не исключены [3].

Демидов.

Временное невмешательство Греции для России выгодно.

Царское Село, [8 марта] 23 февраля 1915 г.

№ 325. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 21. 6 марта/21 февраля 1915 г.

Пламенац сообщил мне, что великий князь Николай Николаевич на-днях телеграфировал королю Николаю о намерении нашего министра финансов открыть Черногории кредит в 8 000 000 франков на приобретение амуниции для войск. В отправленной ответной теле-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 196.

[2] См. № 316.

[3] В тел. от 6 марта/21 февр. за № 510 воен. агент в Греции Гудим-Левкович, сообщая об отставке Венизелоса, добавлял следующее: «Полагаю для блага России невмешательство Греции в дела Проливов наилучшее. К сожалению, боюсь, король сдаст».

грамме, составленной Пламенацем, король просит его императорское высочество содействовать, чтобы императорское правительство, не передавая Черногории непосредственное распоряжение этим кредитом, само произвело необходимые заказы или же прислало бы потребную амуницию из своих военных складов [1].

Обнорский.

№ 326. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 990 [2]. **7 марта/22 февраля 1915 г.**

Сообщается в Париж.

Мною отвечено великобританскому послу на его запрос [3], что участие Греции в действиях союзных сил в Проливах и по их соседству может быть нами допущено лишь на следующих четырех условиях:

1) Греческое правительство должно добровольно предложить свое содействие, а не быть к тому приглашено союзными державами.

2) Необходимо ясно дать понять Греции, что, каковы бы ни были результаты операций в Проливах, она не получит территориальных вознаграждений ни в Южной Фракии, ни вблизи Проливов.

---

[1] Письмом на имя Делькассе от 28/15 янв., копия которого хранится в арх. б. росс. пос-ва в Париже, черног. делегат Попович, посланный со специальной миссией во Францию (см. т. VI, № 677) просил франц. прав-во о содействии артиллерией и флотом для операций против Каттаро. В том же письме Попович просил о предоставлении Черногории кредита в 10 млн. фр. на приобретение военного снаряжения, главным образом во Франции.

Пам. запиской от 1 марта/16 февр. Палеолог передал Сазонову просьбу черног. прав-ва об открытии ему кредита и сообщил, что франц. прав-во предлагает предоставить Черногории аванс в размере, не превышающем 10 000 000 фр., который должен быть распределен на три части между союзными державами. Запрошенный по этому поводу Сазоновым Барк в письме от 10 марта/25 февр. за № 218 ответил, что с его стороны не встречается препятствий к участию России в авансе Черногории в размере 10 000 000 фр. «на основаниях, установленных парижской конференцией, т. е. чтобы причитающиеся на нашу долю суммы, поскольку расходы не производятся у нас, были авансированы за наш счет союзными нам великими державами».

Это письмо Барка было препровождено Гулькевичем Кудашеву с просьбой сообщить заключение штаба верх. главнокомандующего. В ответ на это Кудашев письмом от 18/5 марта за № 365 передал мнение начальника штаба, что «согласно просьбе черногорского короля, кредит в 8 млн. фр. (ср. № 437) на приобретение за счет России военных припасов должен быть открыт его величеству во Франции, так как мы ему ничего из наших запасов отпустить не можем».

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 198.

[3] См. № 321.

3) Действия Греции должны ограничиться теми местностями, каковые будут предуказаны начальниками союзных сил.

4) Греческая армия ни при каких обстоятельствах не должна вступать в Константинополь [1].

[Сазонов.]

№ 327. Поденная запись министерства иностранных дел.

7 марта/22 февраля 1915 г.

За завтраком у румынского посланника С. Д. Сазонов имел довольно обстоятельный разговор со своим соседом греческим посланником, причем подтвердил ему, что Россия не может допустить вмешательства Греции в разрешение вопроса о Константинополе, указал [2] Драгумису, что в интересах самой Греции не рисковать своим флотом для действий у Дарданелл, ввиду того, что Греции может потребоваться этот флот впоследствии, хотя бы на случай недоразумений с Италией, интересы коей в некоторых областях сталкиваются с греческими.

№ 328. Греческий посланник в Петрограде Драгумис председателю совета министров Заимису [3].

•/. Телеграмма [4]. 7 марта/22 февраля 1915 г.

Mr. Sazonow m'a dit, ainsi qu'il avait télégraphié au ministre russe à Athènes, le gouvernement russe est d'avis que notre concours est inutile pour les opérations des Dardanelles; que les questions des Détroits et de Constantinople devront être réglées par les seules Puissances de l'Entente sans immixtion de tiers, et que la Russie ne désire pas l'entrée de troupes grecques à Constantinople, bien qu'elle n'ait rien contre l'opération de notre armée de terre et de mer contre Smyrne ou ailleurs. Son point de vue est que la participation de la Grèce à la guerre

---

[1] В составленном совместно с Бьюкененом ответе англ. прав-ву от 6 марта/21 февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 197) Сазонов сообщал, что хотя участие греков в операциях на Проливах приведет, по его мнению, к «бесконечным осложнениям» и вызовет претензии итальянцев и болгар, тем не менее росс. прав-во, не желая лишать союзников помощи греч. флота, согласно на совместные действия Греции на изложенных в настоящей тел. условиях.

[2] Так в оригинале.

[3] После отставки Венизелоса Заимис согласился составить кабинет, но вскоре отказался, и составление кабинета было поручено Гунарису (см. № 329 и стр. 431, прим 1).

[4] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

contre la Turquie seule n'est ni suffisante ni acceptable, et qu'il faut que nous fassions la guerre également à l'Allemagne et Autriche.

J'ai répliqué à Mr. Sazonow qu'en entrant en guerre contre la Turquie nous faisions précisément le premier pas qui d'après moi entraînera nécessairement notre concours sur les autres fronts aussi. En général j'ai remporté l'impression que le gouvernement russe ne veut pas de nous pour les opérations contre Constantinople, et qu'il nous pousse plutôt contre Smyrne.

Mr. Sazonow m'a dit aussi que lui personnellement était convaincu que nous n'avions aucunes visées politiques sur Constantinople, mais que l'opinion publique russe doit être prise en considération, et c'est ce qui oblige le gouvernement russe de ne pas désirer notre concours pour la prise de cette ville.

NN et Mr. Sazonow ne croient pas que la flotte anglaise et française parviennent à forcer les Dardanelles avant trois semaines. L'ambassadeur italien m'a dit en termes très catégoriques que son gouvernement ne pouvait plus se maintenir trop longtemps dans l'expectative. Le réglement de la question de Constantinople et Détroits par l'Entente seule signifiera une prépondérance exclusive de ces trois Puissances dans le bassin de la Méditerranée orientale, ce qui ne concorde nullement avec les intérêts le d'Italie.

Перевод.

Г. Сазонов мне сказал, что, как он телеграфировал российскому посланнику в Афинах, российское правительство считает наше участие в дарданелльских операциях излишним, что вопрос о Проливах и Константинополе должен быть разрешен одними державами Антанты без вмешательства третьей стороны и что Россия не желает вхождения греческих войск в Константинополь, хотя она и не возражает против операций наших сухопутных и морских сил против Смирны или в других местах. Его точка зрения заключается в том, что участие Греции только в войне против Турции и недостаточно, и неприемлемо и что нужно, чтобы мы выступили равным образом против Германии и Австрии.

Я возразил г. Сазонову, что, вступая в войну против Турции, мы делаем именно первый шаг, который, по моему мнению, неизбежно повлечет за собой наше участие в войне на других фронтах. В общем я вынес впечатление, что российское правительство не желает нашего участия в операциях против Константинополя и что для него предпочтительнее наши действия против Смирны.

Г. Сазонов также сказал мне, что лично он убежден в том, что у нас нет политических вожделений на Константинополь, но что надо считаться с русским общественным мнением, и это — то, что заставляет российское правительство не желать нашего участия во взятии этого города.

NN и г. Сазонов не думают, что английскому и французскому флоту удастся овладеть Дарданеллами ранее трех недель. Итальянский посол мне сказал в

очень категорических выражениях, что его правительство не сможет сохранить очень долго выжидательное положение. Разрешение вопроса о Проливах и Константинополе одной только Антантой будет означать исключительное преобладание этих трех держав в восточном бассейне Средиземного моря, что совершенно не отвечает интересам Италии.

№ 329. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 85. 7 марта/22 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 84 [1].

Король предложил бывшему председателю совета и коммиссару на Крите Заимису составить кабинет. Последний согласился; называют Стрейта и Скундуриса на пост министра иностранных дел. Венизелос посоветовал королю, чтобы будущий кабинет не выступал пред палатой с декларацией и чтобы не было приступлено к новым выборам, иначе ему, Венизелосу, пришлось бы активно выступить в оппозиции и начать борьбу против политики нового кабинета, что в настоящую критическую минуту было бы крайне опасным. День прошел спокойно благодаря тому главным образом, что Венизелос предписал своим единомышленникам воздержаться от всяких манифестаций, а полиции — не допускать митингов. Печать более сдержанна, чем можно было ожидать, хотя некоторые газеты намекают на разногласие между политикой короля и национальной греческой. В общем чувствуется глухое недовольство. Отставка кабинета толкуется как победа германофильской партии дворца и главного штаба. Венизелос предполагает выехать чрез несколько дней на Крит, дабы не чинить на первых порах затруднений новому правительству. Мой английский коллега, возмущенный событиями, телеграфировал в Лондон, прося отозвания под благовидным предлогом всей морской миссии. Если бы не уход Венизелоса, не могу лично не порадоваться случившемуся.

Демидов.

№ 330. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

8 марта/23 февраля 1915 г.

D'ordre de son gouvernement et se référant aux demandes formulées par le gouvernement impérial dans l'aide-mémoire du 4 mars 1915 [3], l'ambassadeur de France a l'honneur de déclarer à son excellence Mr Sazonow que le gouvernement impérial peut compter sur toute la bonne

[1] См. № 324.

[2] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 122.

[3] См. № 299.

volonté du gouvernement de la République pour que la question de Constantinople et des Détroits soit réglée conformément aux voeux de la Russie [1]. Cette question, ainsi que les questions qui intéressent la France et l'Angleterre en Orient et ailleurs, que le gouvernement impérial accepte, de son côté, de voir régler conformément aux voeux de l'Angleterre et de la France, trouveront leur solution dans le traité de paix qui, au terme des déclarations du 4 septembre 1914 [2], doit être discutée en commun et signée simultanément par les trois Puissances alliées [3].

Перевод.

По распоряжению своего правительства и ссылаясь на пожелания, формулированные императорским правительством в памятной записке от 4 марта 1915 г., французский посол имеет честь заявить его превосходительству г. Сазонову, что императорское правительство может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства Республики в том, чтобы вопрос о Константинополе и Проливах был разрешен сообразно с желаниями России. Этот вопрос, а также вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах и которые императорское правительство, со своей стороны, соглашается разрешить сообразно с пожеланиями Англии и Франции, найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре, который, согласно декларации 4 сентября 1914 г., должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми тремя союзными державами.

№ 331. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1001 [4]. 8 марта/23 февраля 1915 г.

Признавая в общем желательным привлечение новых союзников к борьбе против Австрии и Германии, я опасаюсь в частности отно-

[1] В ответной пам. записке от 9 марта/24 февр. (опубл. К-поль и Пр. I, стр. 269) Сазонов заявил, что он «принимает это заявление с чувством искреннего удовлетворения».

[2] Так в оригинале, имеется в виду декларация о незаключении сепаратного мира от 5 сент./23 авг. 1914 г. (см. т. VI, № 220).

[3] В письме от 14/1 марта (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 277) Извольский между прочим, писал, что, по его сведениям, эта пам. записка «была исторгнута им (Делькассе) не без труда от совета министров, крайние элементы коего, мало вообще сочувствующие России и зараженные политическим доктринерством, отнеслись к нашим пожеланиям отрицательно». По мнению Извольского, Делькассе «сосредоточил все свои усилия на установлении гарантий для свободы международной торговли и экономических интересов Франции», соответствующая формула для которых, по словам Делькассе, «подвергнута тщательному изучению» совета министров.

[4] Лит. копия. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 314.

сительно Италии, что ее требовательность окажется несоразмерной действительной помощи, которую принесет нам ее выступление. Главную пользу последнего я усматриваю не столько в присоединении к нам новых вооруженных сил, на удельный вес коих едва ли следует возлагать преувеличенные надежды, сколько в нравственном впечатлении, а также в том, что этим будет положен конец проникновению чрез Италию военной контрабанды в Германию и Австрию. Однако в виду желания Франции и Англии скорее вовлечь Италию в войну, я готов не настаивать на моих возражениях, но считал бы необходимым: во-первых, сначала пересмотреть обещания, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад [1], в зависимости от изменившейся обстановки, и, во-вторых, предоставить Италии почин переговоров с нами об условиях открытого перехода ее на нашу сторону и, в-третьих, поставить непременным условием допущения Италии к совместным с нами действиям против Турции ее единовременное выступление против Австрии. Последнее представляется мне необходимым ввиду некоторых признаков, позволяющих думать, что Италия готова была бы предложить нам свою помощь против Турции, чтобы этим приобрести право на вознаграждение как в Турции, так и в Австрии, не порывая пока еще с последней [2].

Сазонов.

№ 332. Советник III политического отдела управляющему генеральным консульством в Тавризе Беляеву.

Телеграмма № 1041 [3]. 9 марта/24 февраля 1915 г.

По приезде велиагда в Тавриз нашей главной задачей будет приобретение влияния на него, чем мы окончательно ослабим вмешательство центрального персидского правительства в азербайджанские дела. Для этого следует с внешней стороны всячески щадить самолюбие принца и постараться установить с ним дружественные отношения. Вместе с тем однако надо с самого начала дать ему почувствовать, что мы не откажемся от традиционной руководящей роли в Азербайджане. Это тем легче будет сделать, что мы можем ныне опираться на

[1] См. т. VI, № 54.

[2] 7 марта/22 февр. Сазонов вручил Палеологу и Бьюкенену пам. записку (опубл. К-поль и Пр., 1, стр. 313), содержание которой почти дословно совпадает с частью этой тел. от слов: «ввиду желания...» и до слов: «Последнее представляется».

Лит. копия.

обстоятельства военного времени, неизбежно требующие нашего вмешательства. Прежде всего надлежит внушить принцу недопустимость преследования наших сторонников, смены удобных нам лиц, попустительства враждебным нам элементам и т. п. Следует также настоять на немедленном преподании строгих указаний курдам и шахсевенам и всяким агитаторам прекратить какие-либо выступления против нас, разъяснив принцу, что неизбежные репрессалии с нашей стороны могли бы иметь самые нежелательные последствия. Подтверждая в беседах с принцем отсутствие у нас каких-либо завоевательных замыслов против Персии и наши к ней дружественные чувства, надо однако очень уклончиво говорить о возможности отозвания наших войск из Азербайджана, о чем пока, конечно, не может быть и речи, даже если б турки больше под нашим натиском, чем из уважения к нему, очистили персидскую территорию. В случае каких-либо недоброжелательных поступков велиагда или его приближенных вы имеете напомнить ему обещания, данные им нашему посланнику, согласно телеграмме последнего, при сем передаваемой [1].

Полагаемся во всем на ваш такт и умение обращаться с туземцами.

Клемм.

№ 333. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 165. 9 марта/24 февраля 1915 г.
Personnel.

Me vois obligé attirer votre attention la plus sérieuse sur conséquence du maintien dans loi militaire, aujourd'hui appliquée, exclusion des Juifs du nombre jeunes gens jouissant privilèges première catégorie. Ce traitement exceptionnel des Juifs rendu tout à coup publique, fera en Angleterre telle impression qu'il m'est impossible de ne pas prévoir des conséquences, qui peuvent devenir nuisibles. Cette impression sera produite au moment même, où popularité de Russie avait attenué importance attachée à question juive qui pourtant restait obstacle voilé à triomphe complet de popularité. A cause circonstances politiques, communauté juive de Londres avait elle-même contribué à cet apaisement. Rothschild a écrit à Grey que cette communauté refusait à coopérer à fonds pour nouvelle campagne anti-russe que communauté de New York a décidé entamer. Grey m'a montré cette lettre, sans rien ajouter d'ailleurs. Veuillez vous souvenir que tension actuelle entre

[1] См. № 91.

Angleterre et Etats-Unis, qui préoccupe gouvernement britannique, a eu tout au moins pour origine première opposition Juifs allemands à sympathies américaines pour Triple Entente à cause Russie. Si impression produite en Angleterre sera forte, celle produite en Amérique sera peut-être plus puissante et retombera autant sur Angleterre que sur Russie. C'est ainsi que pour la première fois question des Juifs en Russie devient, dans un moment de suprême importance, un facteur politique important affectant politique générale extérieure non seulement russe, mais de son alliée. C'est à ce titre que je crois devoir vous signaler encore une fois [1] extrême importance de cette question. Au moment où opinion publique anglaise, bien disposée comme elle l'est, est appelée à jouer un rôle si important dans solution question de Constantinople, je crois que intérêts éxigent de l'aider, au lieu de créer nouveaux obstacles. Aujourd'hui encore, nous avons la question entièrement en nos mains, sans pression de gouvernements étrangers ni circonstances pressantes. Le sort des armes russes nous donnera, il faut l'admettre, nouveaux sujets juifs, circonstance où nombreuses difficultés sont à prévoir. Je ne puis que répéter ma conviction que le moment est venu pour une manifestation qui pronostique d'une réforme de la question juive en Russie, je crois que sagesse d'Etat l'exige. Je crois même que, si au début de la guerre des facilités partielles eussent pu suffir, aujourd'hui réforme devrait aller plus loin. En vous adressant ce télégramme je me tiens purement au point de vue de notre politique extérieure, seule de ma compétence. C'est aussi ce point de vue qui me fait un devoir de ne rien vous cacher de ma conviction, qui est que cette question est un côté de faiblesse dans toute notre situation politique qui se manifeste aujourd'hui, tout comme se manifestera pour la première fois à l'étranger une inégalité spéciale de traitement sujets russes Juifs, particulièrement dure [2].

Benckendorff.

Перевод. Лично.

Считаю необходимым привлечь ваше самое серьезное внимание на последствия сохранения в действующем ныне военном законе пункта об исключении евреев из числа молодых людей, пользующихся льготами первой категории. В случае если это исключение по отношению к евреям станет вдруг общеизвестным, то это произведет в Англии такое впечатление, что я не могу не предвидеть последствий, могущих стать пагубными. Это впечатление будет произведено в тот самый момент, когда популярность России [в Англии] ослабила значение, придаваемое там еврейскому вопросу, который тем не менее продол-

[1] См. № 82.

[2] Так в оригинале

жал служить скрытым препятствием для полного торжества нашей популярности. Ввиду политических обстоятельств еврейская община в Лондоне сама содействовала этому умиротворению. Ротшильд написал Грею, что эта община отказывается полностью солидаризироваться с новой антирусской кампанией, которую решила начать нью-йоркская община. Грей показал мне это письмо, ничего, впрочем, не добавив. Благоволите вспомнить, что нынешние натянутые отношения между Англией и США, озабочивающие британское правительство, имели, по крайней мере первоначальным поводом, оппозицию немецких евреев из-за России американским симпатиям по отношению к Тройственному согласию. Если впечатление в Англии будет сильно, то впечатление в Америке будет, быть может, еще более подавляющим и отзовется на Англии в такой же степени, как и на России. Таким образом впервые еврейский вопрос в России становится в момент необычайного значения важным политическим фактором, затрагивающим общую иностранную политику не только России, но и ее союзницы. На этом основании я считаю своим долгом указать вам еще раз на крайнюю важность этого вопроса. В настоящее время, когда английское общественное мнение, в данный момент благоприятно к нам расположенное, призвано сыграть столь важную роль в разрешении вопроса о Константинополе, я считаю, что [наши] интересы требуют помочь ему, а не создавать новых препятствий. Теперь мы еще являемся хозяевами положения, не подвергаясь давлению ни иностранных правительств, ни крайней необходимости. Следует допустить, что победа русского оружия даст нам новых подданных евреев — положение, при котором надо предвидеть многие затруднения. Я могу лишь повторить мою уверенность, что наступил момент для выступления, предвещающего реформу еврейского вопроса в России; я полагаю, что этого требует государственная мудрость. Я даже считаю, что если в начале войны могли бы быть достаточны частичные льготы, то в настоящее время реформы должны были бы пойти дальше. Обращаясь к вам с этой телеграммой, я рассматриваю вопрос исключительно с точки зрения нашей внешней политики, единственно находящейся в сфере моей компетенции. Та же точка зрения заставляет меня не скрывать от вас моего убеждения в том, что этот вопрос является слабой стороной во всем нашем политическом положении, которая проявляется теперь так же, как проявится впервые за границей, исключительно неравноправное положение, в которое поставлены российские подданные-евреи и которое отличается особой суровостью.

Бенкендорф.

№ 334. Посол в Париже министру иностранных дел.

•/. Телеграмма № 128[1]. 9 марта/24 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1020[2].

Делькассе крайне огорчен вашим отрицательным ответом на его

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 270.

[2] В тел. Извольскому и Бенкендорфу от 8 марта/23 февр. за № 1020 (опубл. К-поль и Пр. I, стр. 268) Сазонов, снова подтверждая невозможность отлу-

предложение съехаться с ним и Греем в Париже [1]. Он повторил мне, что, если бы он не был абсолютно связан парламентской сессией, которая продолжится до июня, он непременно отправился бы в Петроград. «Двух часов разговора с вашим министром иностранных дел, — сказал он, — достаточно, чтобы достигнуть согласия по любому вопросу, для решения коего потребуются недели переговоров по телеграфу». — Он мне не дал окончательного ответа на ваше предложение снабдить Палеолога и Бьюкенена специальными полномочиями, но предложение это, видимо, весьма мало ему улыбается по причинам, на которые он довольно прозрачно мне намекнул и которые касаются личности Палеолога. Грей выразил согласие на съезд в Париже, и Делькассе все же надеется, что вы не откажетесь приехать сюда, если не теперь, то, может быть, несколько позднее.

Извольский.

№ 335. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 9 марта/24 февраля 1915 г.

Личная.

Первое впечатление от бомбардировки Дарданелл, о котором я упоминал в моем № 109 [3], несколько улеглось ввиду сознания, что форсирование всего Пролива потребует много времени и усилий и особенно под влиянием известия о падении кабинета Венизелоса [4]. Тем не менее общественное мнение — как то видно из телеграммы Трубецкого № 257 [5] — понимает все яснее, что может быть упущен момент, и

читься из Петрограда (см. стр. 402, прим. 2), высказывался за желательность «не откладывая договориться относительно главных условий будущего мира» и предлагал уполномочить франц. и англ. послов в Петрограде обсудить с ним эти условия.

[1] См. № 307.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 260; номер отсутствует; согласно мемуарам Савинского («Recollections of Russian Diplomate», p. 257), телеграмма имеет номер 117.

[3] В тел. от 6 марта/21 февр. за № 109 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 195) Савинский высказывался за то, чтобы рум. прав-во дало ясно понять в Софии, что «оно не потерпит никаких выступлений против Сербии». По его словам, «такая острастка бесспорно произвела бы действие, тем более, что успехи союзников на Проливах и наши против германцев и австрийцев сильно смущают короля и правительство».

[4] См. № 324.

[5] Тел. от 7 марта/22 февр. за № 257 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 260) Трубецкой передал свой разговор с Чапрашниковым, накануне отъезда последнего

голоса в пользу выступления против Турции раздаются все громче и громче, причем указывается на значительность той помощи, которую Болгария может нам оказать для окончательного совладания с Турцией. Вследствие этого ждут предложений и обещаний с нашей стороны. Особенно волнуются македонцы, присылавшие ко мне узнать взгляд императорского правительства и предлагающие заставить короля и правительство немедленно выставить против Турции 200 000 армию, если Болгарии будет позволено ввести под каким-угодно предлогом в Македонию хотя бы 30 000. Отвечаю, что у меня нет инструкций, но что я боюсь, что Болгария уже упустила наиболее благоприятный момент и что поэтому единственно правильным, по моему личному мнению, в настоящий момент ее жестом было бы поставить свои вооруженные силы в полное распоряжение России без всяких условий, заявив, что вполне рассчитывает на обычную заботливость, справедливость и великодушие России. Не зная решения императорского правительства в связи с последними важными событиями и боясь сделать что-нибудь в разрез с его планами, воздерживаюсь не только от более определенных разговоров, но и от свиданий с Радославовым, которого со времени начала действий в Дарданеллах видел всего раз мельком в церкви (4 марта/19 февраля). Прошу указаний, в каком смысле следует направлять здесь правительство и общественное мнение.

Савинский.

№ 336. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 90. 9 марта/24 февраля 1915 г.

Copies Paris et Londres.

Le roi a mandé ce matin auprès de lui mon collègue anglais auquel il donna des assurances formelles que nouveau Cabinet [1] suivrait même politique extérieure que Cabinet précédent — celle d'une neutralité bienveillante envers l'Entente. Au dire de sa majesté il ne convenait point de se méprendre sur signification changement ministériel qui s'était produit, en l'attribuant soit à la reine, soit à l'influence

в Софию', во время которого Чапрашников, указав, что «было бы лучше, если бы Болгария помогла России войти в Константинополь вместо канадцев и греков», заявил, «что он отказывается понять свое правительство и надеется, что оно поймет необходимость поворота в нашу сторону».

[1] Новый кабинет Гунариса был образован 8 марта/23 февр. (см. стр. 422, прим. 3). Тел. от 9 марта/24 февр. Демидов сообщил, что Гунарис согласился составить кабинет при условии роспуска палаты и новых выборов.

exercée par la reine, soit à celle de son beau-frère et en lui prêtant les aspects d'un succès diplomatique allemand. Sa confiance en prospérité da la Grande Bretagne n'avait jamais été moins ebranlée. Mais Vénizélos n'avait pas suffisamment, selon lui, soumis à étude une proposition qui offrait d'importantes lacunes au point de vue militaire. Ainsi envoi d'une division eut impliqué d'avis du roi celui d'autres effectifs et Grèce, se trouvant prise dans cet engrenage, eut été forcément amenée de cette façon à découvrir son front principal. Aussi bien les Cabinets de l'Entente n'avaient-ils point fait d'appel au concours de la Grèce et Mr. Sazonow ne venait-il pas au contraire de laisser clairement entendre au ministre de la Grèce à Pétrograd que la présence de contingents grecs dans ces parages était rien moins qu'opportune [1]. Il est à craindre à mon sens que cet argument ne soit exploité, par la suite, contre ancien premier ministre qui aurait voulu précipiter Grèce dans les bras de l'Entente en mettant à profit le courant belliqueux subit de l'opinion. Sa majesté ne paraît pas ajouter foi à idée d'une sortie de la neutralité de la Bulgarie. Elle estime que Serbie pour quelque temps encore ne court aucun risque d'invasion, les troupes austro-allemandes qui lui étaient déstinées ayant été dirigées sur la Bukovine. Le fait même que roi ait cru devoir plaider sa cause devant Entente prouve assez semble-t-il que cette cause n'était pas inattaquable. Nos adversaires s'emploient ici d'ailleurs à invalider les paroles royales en célébrant manifestement leur victoire. Quant à la presse la moitié peut être se trouve aujourd'hui à la solde de l'Allemagne.

Démidow.

Перевод.

Копии в Париж и Лондон.

Король пригласил к себе сегодня утром моего английского коллегу, которому он дал формальное заверение, что новый кабинет будет продолжать ту же внешнюю политику, как и предыдущий, — политику благожелательного нейтралитета в отношении Антанты. По словам его величества, не следовало заблуждаться по поводу значения состоявшейся смены министерства, приписывая ее королеве или ее влиянию или влиянию его шурина и придавая ей характер дипломатического успеха Германии. Его (короля) уверенность в преуспеянии Великобритании никогда не была более твердой. Но, по его мнению, Венизелос недостаточно подверг изучению предложение, которое, с военной точки зрения, имело много пробелов. Так, отправка одной дивизии вызвала бы, по мнению короля, посылку других войск, и Греция, попав в эти осложнения, была бы вынуждена таким путем обнажить свой главный фронт. К тому же, когда кабинеты Антанты

[1] Ср. № 326.

обратились с призывом к Греции о помощи, разве г. Сазонов не дал ясно понять греческому посланнику в Петрограде, что присутствие греческих войск в этих областях вовсе не желательно? Следует опасаться, по моему мнению, как бы этот аргумент не был использован в будущем против прежнего премьер-министра, который, якобы, хотел бросить Грецию в объятия Антанты, пользуясь внезапным воинственным настроением общественного мнения. Его величество, повидимому, не верит в возможность выхода Болгарии из нейтралитета. Король думает, что Сербия на некоторое еще время не подвергнется никакому риску вторжения, так как австро-германские войска, предназначенные для этого, направлены в Буковину. Самый факт, что король счел нужным защищать себя перед Антантой, служит, повидимому, достаточным доказательством, что его позиция может быть подвергнута критике. Впрочем, наши противники стараются здесь ослабить значение королевских слов, открыто празднуя свою победу. Что касается печати, то, быть может, половина ее субсидируется ныне Германией.

Демидов.

№ 337. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 24. 9 марта/24 февраля 1915 г.

Копия в Париж.

В декабре минувшего года здешний французский посланник заявил о готовности французского военного министерства доставить 45 000 комплектов одежды для черногорской армии. Уплата, насколько мне известно, должна быть произведена из открытого нами в парижских банках кредита в 500 000 франков. По сообщению черногорского делегата в Париже Поповича [1], к отпуску этого количества одежды возникли ныне затруднения ввиду неточной... осведомленности французов о контингенте черногорских войск. Получив от Пламенаца подтверждаемый нашим военным агентом и сербскими военными делегатами список состоящей под ружьем и прокормляемой сербами черногорской армии в количестве 46 000 чел., не считая 5 000 вновь призванных рекрут, усердно ходатайствую о содействии императорского министерства скорейшему доставлению необходимого обмундирования в черногорскую армию, получившую с начала войны из Сербии лишь обувь в количестве 50 000 комплектов и испытывающую невероятные лишения в средствах защиты от холода и сырости. В том же смысле телеграфирует и французский посланник.

Обнорский.

[1] См. стр. 421, прим. 1.

№ 338. Австро-венгерский посол в Константинополе Паллавичини австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

Телеграмма № 226 [1]. 9 марта/24 февраля 1915 г.

Geheim.

Halil Bey.

Der Grosswesir versicherte mir, dass er am liebsten selbst statt Halil Beys nach Wien und nach Berlin gereist wäre, dass er aber jetzt aus begreiflichen Gründen sich auch auf kurze Zeit aus Constantinopel nicht rühren könne. Seiner Meinung nach sei die Lage äusserst kritisch und es scheint ihm, dass überhaupt der Krieg an seinen Höhepunkt gelangt wäre, da nun die Ostfrage aufs Tapet gebracht ist. Infolgedessen sei es seiner Ansicht nach von der grössten Wichtigkeit zu verhindern, dass die kleinen Balkanstaaten vorgehen. Vor allem müsste auf Rumänien eine starke Pression ausgeübt werden, das Hauptsächlichste aber scheint ihm doch die Occupation Serbiens. Auf diese Art würde Bulgarien und auch Griechenland in Schach gehalten werden. Der Grosswesir begreift wohl, dass es vielleicht sehr schwer wäre, die Action gegen Serbien aufzunehmen. Seiner Ueberzeugung nach werden aber die Alliierten Russland... Man müsste daher den kleinen Balkanstaaten zu fühlen geben, dass dann die Reihe an sie kommen werde, wenn sie sich jetzt nicht ruhig verhalten.

Sowohl Said Halim Pascha als auch Halil Bey, den ich heute wieder sah, gaben mir die bestimmteste Erklärung, dass die Türkei jedenfalls, falls sie auch gegen Griechenland und vielleicht sogar auch gegen Bulgarien kämpfen müsste, sich verteidigen werde.

Der Grosswesir sagte mir des weiteren, er habe die Absicht, die seitens England und Frankreich hier gemachten Sondierungen nicht gleich abzuschlagen, sondern durch Verhandlungen hinzuziehen. Baron Wangeheim ist mit dieser Politik sehr einverstanden.

Перевод.

Секретно.

Халил-бей.

Великий визирь заверил меня, что он предпочел бы вместо Халил-бея сам отправиться в Вену и Берлин, но что теперь по понятным причинам он даже на короткое время не может отлучиться из Константинополя. По его мнению, положение стало весьма критическим, и ему кажется, что вообще война достигла своей высшей точки, так как на очереди стоит восточный вопрос. Вследствие этого он думает, что крайне важно помешать выступлению малых балканских государств. Прежде всего следовало бы оказать сильное давление на Румынию,

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

по самым существенным ему все же представляется оккупация Сербии. Этим путем Болгария, а также Греция держались бы под угрозой удара. Правда, великий визирь понимает, что было бы весьма трудно предпринять действия против Сербии. Но, по его убеждению, союзники Россию.... Поэтому следовало бы дать почувствовать малым балканским государствам, что тогда очередь дойдет до них, если они в настоящее время не будут держать себя смирно.

Как Саид-Халим-паша, так и Халил-бей, которого я сегодня снова видел, сделали мне самое определенное заявление, что Турция будет защищаться во всяком случае, даже если ей придется сражаться против Греции, а быть может, также и против Болгарии.

Затем великий визирь сказал мне, что он имеет намерение не сразу отклонить предпринятые здесь Англией и Францией шаги, а затянуть их путем переговоров. Барон Вангенгейм с этой политикой вполне согласен.

№ 339. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1058 [1]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Считая справедливым успокоить союзников относительно наших намерений предоставить широкие обеспечения свободы плавания и торговли чрез Проливы и в Константинополе, я высказался по этому поводу самым недвусмысленным образом перед французским и великобританским послами. Я был бы весьма признателен правительству, при котором вы аккредитованы, если бы оно сообщило мне проект желательных для него экономических условий. Такой проект, поскольку он не будет умалять права нашего верховенства над будущими нашими областями, встретит с нашей стороны полное сочувствие [2].

Сазонов.

№ 340. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 170 [3]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Copie Paris

Suite de mon No 167 [4].

Je demandai à Grey en présence Cambon s'il avait connaissance des

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 271.

[2] В ответ на это Никольсон заявил Бенкендорфу, что «английские пожелания по существу не могут нам внушить никаких опасений». По мнению Бенкендорфа, дело касалось «свободы торгового плавания и прав свободного порта для грузов, следующих транзитом» (тел. от 11 марта/26 февр. за № 174, опубл. К-поль и Пр., I, стр. 274).

[3] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 123.

[4] Тел. от 10 марта/25 февр. за № 167 (опубл. Ц. Р., стр. 261) Бенкендорф сообщил о врученном Грею итал. послом Империали меморандуме, содержащем условия вступления Италии в войну (см. № 348).

quatre conditions que vous aviez mises à coopération Grèce contre Turquie [1]. Grey nous répondit qu'il les connaissait, que depuis chute Vénizélos initiative Grèce avait pris fin et que affaire était remise. Sans entrer en discussion des conditions Grey nous dit qu'il connaissait parfaitement combien il était difficile pour Russie juger d'opportunité d'entrée en action nouveaux alliés avant que gouvernement impérial se soit assuré arrangement avec France et Angleterre au sujet Constantinople et Détroits et que cet arrangement conclu, il pensait que question nouveaux alliés se simplifierait. Grey nous dit que Cabinet s'était déjà occupé de notre projet [2] qu'il espérait que point de vue Angleterre serait établi au Cabinet de demain et jeudi, qu'il ne voulait pas se prononcer d'ici là, mais qu'il espérait donner une réponse avant la fin de la semaine. Grey attira notre attention sur dernière phrase votre mémoire où il est question intérêts anglais et français en Turquie d'Asie. Il me représenta que Russie avait un projet tout formulé pour ses intérêts tandis que, de moins en Angleterre, question intérêts anglais n'avait pas encore était étudiée et qu'il n'était pas facile pour lui se prononcer de façon définitive sur les nôtres, avant de savoir quel accueil recevraient aspirations qu'Angleterre pourrait formuler.Il nous dit que ce point surtout lui crée difficultés, mais il répéta qu'à fin semaine il espérait pouvoir donner réponse. Cambon nous dit qu'il n'avait toujours rien reçu de Paris à ce sujet. Il demanda Grey s'il avait télégraphié à Bertie. Grey répondit qu'il avait chargé ambassadeur demander opinion gouvernement français. Cambon demanda s'il avait émis quelque opinion. Grey répondit qu'il n'était entré dans aucune explication, se bornant à poser question. A cause présence Cambon je n'ai pas voulu traduire au long télégramme No 993 [3]. Pourtant j'esquissais à neuf votre programme et je basais nécessité pour nous de nous assurer des deux rives des Détroits et celle de pouvoir les fortifier sur raison énoncée dans votre télégramme précité. Je concluais en disant que situation était tout autre qu'à Suez. Grey tout en réservant à neuf sa réponse officielle, nous répondit qu'il connaissait parfaitement que Russie avait besoin d'une liberté des Détroits complète et assurée en tout temps et que pour que cette liberté soit garantie, il fallait un contrôle réel que possession d'un côté seulement ne pouvait pas nous assurer. Grey ajouta qu'il pensait que Cabinet serait de la même opinion. Benckendorff.

[1] См. № 326.
[2] См. № 299.
[3] См. стр. 402, прим. 2.

Перевод.

Копия в Париж.

Продолжение моего № 167.

Я запросил Грея в присутствии Камбона, знаком ли он с четырьмя условиями, которые вы поставили для привлечения Греции к сотрудничеству против Турции. Грей ответил мне, что он с ними знаком, что после падения Венизелоса инициатива со стороны Греции невозможна и что дело отложено. Не входя в обсуждение условий, Грей нам сказал, что он превосходно знает, как трудно для России судить о своевременности активного выступления новых союзников, прежде чем императорское правительство не обеспечит себя соглашением с Францией и Англией по вопросу о Константинополе и Проливах; по его мнению, по заключении соглашения вопрос о новых союзниках упростился бы. Грей нам сказал, что кабинет уже занимался рассмотрением нашего проекта и что он надеется, что точка зрения Англии будет установлена на заседании кабинета завтра или в четверг; он не желает высказываться до этого времени, но надеется дать ответ еще до истечения этой недели. Грей обратил наше внимание на последнюю фразу вашей записки, где идет речь об английских и французских интересах в Азиатской Турции. Он мне указал, что у России уже есть готовый проект, формулирующий ее интересы, тогда как по крайней мере в самой Англии вопрос об английских интересах еще не изучался, и что ему трудно окончательно высказаться относительно наших требований, прежде чем он узнает, какой прием будет оказан тем притязаниям, которые могла бы формулировать Англия. Он нам сказал, что этот пункт создает для него наибольшие затруднения, но повторил, что в конце недели он надеется дать ответ. Камбон нам заявил, что он все еще ничего не получил из Парижа по этому вопросу. Он спросил Грея, телеграфировал ли он Берти; Грей ответил, что он поручил послу запросить мнение французского правительства. Камбон спросил, не высказал ли он какого-либо мнения. Грей ответил, что не входил ни в какие объяснения, ограничиваясь постановкой вопроса. Ввиду присутствия Камбона я не хотел переводить полностью вашу телеграмму № 993. Тем не менее я вновь набросал вашу программу, обосновывая необходимость для нас обеспечить себе оба берега Проливов и возможность их укреплять на доводах, высказанных в вашей вышеупомянутой телеграмме. Я закончил словами, что положение совсем иное, чем в Суэце. Грей, уклоняясь снова от официального ответа, заявил нам, что он прекрасно знает, что Россия нуждается в полной свободе Проливов, обеспеченной во всякое время, и что для того, чтобы эта свобода была гарантирована, необходим фактический контроль, который не могло бы обеспечить нам владение одним берегом. Грей присовокупил, что, как он полагает, кабинет будет того же мнения.

Бенкендорф.

№ 341. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 171 [1]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Personnel.

Reçu No 1001 [2].

Mon télégramme No 167 [3] répond à une partie de vos objections contre

[1] Опубл.: Ц. Р., стр. 261.

[2] См. № 331.

[3] См. стр. 435, прим. 4.

alliance italienne. Italie offre alliance complète contre toute Puissance en guerre, ce qui semble inclure même éventualité d'hostilités Amérique, attitude Etats Unis paraissant ici trop incertaine. Votre point de vue sur utilité nouvelles alliances et point de vue Angleterre et France me paraissent s'écarter trop pour que je ne vous signale la différence. On se rend parfaitement compte des inconvénients que vous prévoyez, mais point de vue militaire prime en ce moment entièrement. On considère que seule garantie positive contre hostilité possible des neutres en question est une alliance avec eux. Rôle d'Italie peut au point de vue militaire devenir d'importance de premier ordre et son attitude entraîner celle des autres. Evénements d'Athènes, sans inquiéter encore, font pourtant réfléchir. Ouvertures italiennes prouvent selon Grey échec mission Bülow, mais échec de ces ouvertures peut aussi entraîner reprise négociations entre Italie et Allemagne. En tout cas application de théorie de maintien neutralité jusqu'à la fin semble de moins en moins possible.

Benckendorff.

Перевод.

Личная.

Получил № 1001.

Моя телеграмма № 167 отвечает на некоторые из ваших возражений против союза с Италией. Италия предлагает полный союз против всякой воюющей державы, что, повидимому, включает даже возможность враждебных действий по отношению к Америке ввиду того, что позиция Соединенных Штатов представляется здесь весьма сомнительной. Мне кажется, что ваш взгляд относительно пользы новых союзов слишком расходится со взглядами Англии и Франции, чтобы я мог обойти молчанием это расхождение. Здесь вполне отдают себе отчет во всех неудобствах, которые вы предвидите, но в данный момент всецело преобладает военная точка зрения. Здесь считают, что единственной действительной гарантией против возможности враждебных действий со стороны нейтральных стран, о которых идет речь, является союз с ними. С военной точки зрения роль Италии может приобрести первостепенное значение, и ее поведение может повлиять на позицию других. Афинские события, не внушая еще тревоги, наводят однако на размышления. Предложения Италии доказывают, по мнению Грея, неудачу миссии Бюлова, однако неудача этой попытки может вызвать возобновление переговоров между Италией и Германией. Во всяком случае применение теории сохранения нейтралитета до конца становится, повидимому, все менее и менее возможным.

Бенкендорф.

№ 342. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 126 [1]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1001 [2].

Сообщил ее содержание Делькассе, который высказал мне по первому впечатлению нижеследующее: Участие Италии в борьбе союзников против Австрии и Германии продолжает казаться ему весьма желательным как с точки зрения нравственного впечатления, так и в военном отношении; он вполне согласен с вами, что почин переговоров должен принадлежать Италии; само собою разумеется, что Италия должна выступить не только против Турции, но и против Австрии; впрочем, по имеющимся у Делькассе сведениям, итальянское правительство не стремится непременно принять участие в действиях против Проливов и Константинополя. Наконец, что касается пересмотра обещаний, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад, то Делькассе очень опасается, что всякое ограничение этих обещаний способно оттолкнуть Италию от союза. Насколько ему известно, Италии были обещаны лишь Трентино, Триест и Валона, и Делькассе не видит, что́ нужно из этого урезать, тем более, что с германской стороны ей сулят мирное присоединение Трентино. Делькассе даст окончательный ответ по внимательном рассмотрении вашего предложения.

Извольский.

№ 343. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 129 [3]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Продолжение № 127 [4].

Из разговоров моих с Делькассе я выношу впечатление, что он окончательно примирился с мыслью о безраздельном обладании нами

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 317. Тел. за № 126 была, повидимому, задержана отправкой, так как тел. Извольского за №№ 127 и 128 датированы 9 марта/24 февр. (см. № 334 и прим. 4).

[2] См. № 331.

[3] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 272.

[4] Тел. от 9 марта/24 февр. за № 127 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 270) Извольский передал свой разговор с Делькассе по содержанию тел. №№ 815 (см. № 258) и 937 (см. № 299), во время которого последний, между прочим, заявил, что «французское правительство сделает все, что от него зависит, дабы этот вопрос,

Константинополем и Проливами в намеченных нами пределах и готов вполне лойяльно поддержать эту мысль перед Англией. Все свои усилия он несомненно сосредоточит на возможно широком обеспечении свободы международной торговли в Проливах. Точные пожелания в этом направлении он, вероятно, выскажет мне после обсуждения этого вопроса с лондонским кабинетом. Следует ожидать, что при этом возникнет ряд вопросов, не предусмотренных в вашей памятной записке [1]. Если вы желаете, чтобы я продолжал мои разговоры с Делькассе о настоящем предмете, мне необходимо знать, предполагается ли укрепить не только Босфор, но и Дарданеллы, допускаем ли мы учреждение какого-либо международного органа наподобие Дунайской комиссии, имеется ли в виду обращение Константинополя или части его в порто-франко и так далее. На мой личный взгляд было бы предпочтительнее удовольствоваться покуда достигнутым результатом и не принимать инициативы дальнейших переговоров о вышеизложенных вопросах. Подобные переговоры будут, несомненно, успешнее, если по ходу событий нам удастся фактически утвердиться на обоих берегах Босфора и оказаться таким образом в положении beati possidentes. Что касается здешней печати, мною принимаются меры к направлению ее в надлежащее русло, и я не предвижу пока с этой стороны особых затруднений. Вчера Делькассе еще раз и особенно настойчиво указал на необходимость держать дело в абсолютном секрете, в особенности от Румынии.

Извольский.

№ 344. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

*/.Телеграмма № 217[2]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Bericht Toschefs über das Gespräch mit Ew. Excellenz.

Der Minister-Präsident und der Finanzminister erkundigten sich bei mir heute, ob ich den Text des fraglichen Berichts Ew. Excellenz vorgelegt und welche Antwort ich erhalten habe. Sie zeigten sich verwundert, dass ich ihnen diesbezüglich noch nichts mitzuteilen hätte.

представляющийся ему едва ли не самым трудным из всех поднятых войной, был разрешен согласно нашим пожеланиям». Для Франции, по словам Делькассе, «важно главным образом обеспечение свободы международной торговли в Проливах». По мнению Делькассе, разрешение вопроса о К-поле и Проливах «должно быть частью общего урегулирования последствий войны, а не предметом специального соглашения».

[1] См. № 299.

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

Sie verstehen den grossen Wert, welchen ihrer Ansicht nach die Neutralität Bulgariens für die Alliierten Mächte habe und befürchten, dass Ew. Excellenz dieses nicht würdigen wollen. Zugleich gaben sie zu verstehen, dass diese Sprache Ew. Excellenz sehr scharf gewesen ist, was dem König natürlich aufgefallen ist.

Ich antwortete, Ew. Excellenz hätten den Vorteil einer Neutralität Bulgariens für die Alliierten Mächte nie geleugnet, sondern—was ein grosser Unterschied ist—bloss abgeschlagen sich zu Concessionen formell zu verpflichten; dieses wäre nichts Neues, da wir sowie Deutschland vorher die Zusicherung von Gebiets-Erweiterung für actives Eingreifen gegeben hätten. Man könne doch von uns nicht erwarten, dass wir Bulgarien darin bestärken, sich inactiv zu verhalten. Wir hätten schon vor Monaten eine Action Bulgariens erwünscht, dürften eine solche im Interesse Bulgariens selbst in der Zukunft wünschen und können daher unmöglich für eine Neutralität allein etwas geben.

Was die Schärfe der Sprache Ew. Excellenz anbetrifft, so verwechseln die Minister, sagte ich, das Wort «scharf» mit «klar» und «offen». Nun käme es ja nicht so sehr auf den Ton sondern auf den Sinn an; Ew. Excellenz hätten als aufrichtiger Freund Bulgariens gesprochen.

Vertraulich. Der Minister zeigte eine Verständnis für meine Auffassung und sagte, bereits einlenkend, dass Ew. Excellenz der bulgarischen Regierung eine «savonnage» gegeben habe.

Er sagte mir dann, dass er auch den deutschen Vertreter über die Unterredung Ew. Excellenz mit Toschef unterrichtet und ihm den Text bezüglich des Berichts überlassen habe.

Ich war überrascht und fragte, wie es dazu gekommen ist. Interlocutor antwortete, er habe gesprächsweise Herrn Michahelles gegenüber erwähnt, dass man in Wien, mit der Haltung Bulgariens unzufrieden wäre, und um positive Erklärung befragt, habe er den deutschen Vertreter ganz offen unterrichtet.

Перевод.

Донесение Тошева о разговоре с вашим превосходительством.

Министр-президент и министр финансов осведомились сегодня у меня, представил ли я вашему превосходительству текст указанного донесения и какой я получил на это ответ. Они выказали удивление, что я ничего не имею сообщить им по этому поводу. Они понимают, какую большую ценность, с их точки зрения, имеет для союзных держав нейтралитет Болгарии, и опасаются, что ваше превосходительство не желает этого признать. Одновременно они дали понять, что эти слова вашего превосходительства были очень резки, что естественно привлекло внимание короля.

Я ответил, что ваше превосходительство не отрицали выгоды от болгарского нейтралитета для союзных держав, но — в этом большая разница — вы только отказались принять формальные обязательства в отношении уступок; в этом нет ничего нового, так как и мы, и Германия гарантировали перед тем территориальные приращения за активное выступление. Нельзя же от нас ожидать, чтобы мы поощряли Болгарию продолжать в дальнейшем оставаться в бездействии. Мы в течение уже многих месяцев желали выступления Болгарии, принуждены в интересах ее самой желать этого выступления в будущем, и потому, конечно, ничего не можем предоставить за один лишь нейтралитет.

Что касается резкости слов вашего превосходительства, то министры путают слово «резкий» с «ясный» и «откровенный». Впрочем дело идет не о тоне, а о смысле сказанного; ваше превосходительство говорили как настоящий друг Болгарии.

Доверительно. Министр проявил понимание моей точки зрения и сказал уже в примирительном тоне, что ваше превосходительство дало болгарскому правительству «головомойку».

Он после того поведал мне, что он поставил германского представителя в известность о разговоре вашего превосходительства с Тошевым и передал ему текст соответствующего донесения.

Я был поражен и спросил, как это случалось. Собеседник мне ответил, что он в разговоре с г. Михаэлисом упомянул, что в Вене недовольны позицией Болгарии, и на просьбу дать положительное объяснение совершенно откровенно осведомил обо всем германского представителя.

№ 345. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 272 [1]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

... [2] двойную игру и выразил надежду, что болгары не дадут грекам опередить себя и решительно перейдут на сторону России. Радославов до аудиенции у короля сказал сербскому посланнику, что считает переход на сторону держав Согласия неизбежным. По мнению Чолак-Антича, у него нехватает силы для ответственного решения. Пашич считает вероятным, что в Софии также наступит министерский кризис. Несомненно, болгарам открывается неповторяемый случай разом загладить прошлое и рассчитывать в числе компенсаций на часть греческих владений Македонии, кои могут быть обменены на малоазиатские. Это в свою очередь могло бы несколько уменьшить болгарские притязания в сторону Сербии. Из совокупности бесед с Пашичем вынес впечатление, что в душе он считает союз с Грецией [3] несколько искусственным и лично предпочел бы ему (болгарский). Беседуя о министерском кризисе Греции, Пашич отметил неоднократно обнаруживавшееся нежелание греческого правительства, под воз-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 201.

[2] Начало тел. не расшифровано.

[3] Имеется в виду греко-серб. союзный договор от 1 июня/19 мая 1913 г.

действием короля и генерального штаба, связать себя каким-либо действием против Австрии и Германии. Отказав сначала в просьбе о вооруженной помощи своей союзнице, Греция не удовлетворила вслед за тем и просьбу Сербии об артиллерии, разрешив лишь воспользоваться заказанными во Франции горными орудиями. Далее Греция отклонила предложение наших союзников о совместной посылке в Сербию войск и, наконец, теперь уклоняется от совместных с ними действий на Проливах. Греция не сознает, что такими поступками она в сущности изолирует себя и лишается права рассчитывать в свою очередь на чью-либо особую поддержку. Переходя к Болгарии, он сказал, что Чапрашиков также был (у него) перед отъездом [1]. Пашич высказал ему убеждение в невозможности сближения с Болгарией, если бы во главе ее стояли люди, (не) заслуживающие доверия. Пашич отметил также, между прочим, что передаваемые телеграфом отзывы союзной печати создают, очевидно, ошибочное, но опасное представление, будто в вопросе о Проливах нет точно договоренного между союзниками признания особых прав России и развивается мысль одинаковых интересов и прав всех держав.

Трубецкой.

№ 346. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Телеграмма № 109 [2]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 1053 [3]. Верховный главнокомандующий велел передать великобританскому послу для сообщения первому лорду адмиралтейства: «Русский флот бомбардировал Зунгулдак с целью воспрепятствовать снабжению углем Анатолийских железных дорог, каковая цель достигнута; занимать Зунгулдак десантом не предполагается. 12 марта/27 февраля флот начнет демонстративные действия вблизи Босфора и будет готов начать совместные действия с английским флотом против Босфора. Если радиосвязь между русским и английским адмиралами не наладится, то

[1] Ср. стр. 430, прим. 5.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 157.

[3] Тел. от 10 марта/25 февр. за № 1053 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 156) Сазонов передал Янушкевичу для доклада верх. главнокомандующему записку Бьюкенена, содержавшую сообщение Черчилля о благоприятном положении в Дарданеллах и запрос последнего о том, «что делает русский флот в Зунгулдаке и когда он сможет начать совместно с нами соединенную атаку Босфора, в случае входа нашего флота в Мраморное море, а также когда можно будет рассчитывать на корпус русской армии».

нужно предупредить адмирала Эбергарда за три дня до появления союзного флота перед Принцевыми островами. О времени готовности десантного корпуса будет сообщено дополнительно» [1].

Вместе с тем верховный главнокомандующий выразил свое удовольствие по поводу установления непосредственной связи между верховным командованием сухопутными и морскими силами русским и английским [2].

Кудашев.

№ 347. М. А. Васильчикова — Николаю II.

Письмо [3]. 10 марта/25 февраля 1915 г.

Клейн-Вартенштейн, Глоггнитц (Нижняя Австрия).

Ваше величество,

Сознаю всю смелость моего поступка писать вашему императорскому величеству, но только беспредельная любовь к вам, государь, и к моему отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество соблаговолить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т. е. не смею выходить из

[1] Тел. от 11 марта/26 февр. за № 110 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 158) Кудашев сообщил для передачи Черчиллю следующую инструкцию, посланную адмиралу Эбергарду: «Первый период операции: во время действий союзного флота у Дарданелл Черноморский флот производит демонстрации вблизи Босфора — только морские операции. Второй период: при подходе союзного флота к Принцевым островам Черноморский флот приступает к серьезной атаке босфорских укреплений. Главная квартира полагает, что без содействия союзного флота Черноморскому флоту будет не под силу прорваться к Константинополю. Третий период: после уничтожения турецкого флота и соединения союзного флота с Черноморским, высадка десанта по совместно выработанному плану».

[2] Тел. от 15/2 марта за № 134 Извольский сообщил, что «французский десантный отряд под начальством д'Амада (около 20 000 чел.) формируется в Бизерте и будет там посажен на суда в зависимости от хода морских действий». Тел. от 19/6 марта за № 149 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 160) Извольский передал просьбу Делькассе осведомить его «о численности и предположенных действиях русского экспедиционного корпуса, дабы установить подробности кооперации между силами всех трех союзников».

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 369.

моего сада, и ко мне сюда приехали трое — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, что теперь, что все в мире убедились в храбрости русских и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем мира. У вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс. Теперь одно ваше могучее слово—и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние, — а там и страшная желтая раса; против нее стена одна — Россия, имея во главе вас, государь. Одно ваше слово — и вы к вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия.

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение, — что могу я, — мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда стоит лишь сильнейшему из властителей, не побежденному, сказать слово и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила: а Дарданеллы? Тут тоже сказали: стоит русскому царю пожелать, и проход будет свободен.

Люди, которые со мною говорили, не дипломаты, но люди с положением и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова. Так искренно преданный вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров — l'alliance des trois empereurs.

Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое со мною говорившие бывали в России, ее знают и любят. Тоже к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть огромная к Англии.

Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь, что ни в Германии, ни в Австрии нет вашего представителя, мне пришли высказать. Молю меня простить, если ваше величество найдет, что я неправильно поступила.

Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости из-

ложенного, эти трое говорившие со мною могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но эти трое не дипломаты, а так сказать эхо обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

№ 348. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

-/. 11 марта/26 февраля 1915 г.

The Italian Ambassador in London has made a very confidential communication to Sir E. Grey to the effect that, on certain conditions, the Italian Government will be prepared to join in the war on the side of the Allies by the middle or end of April. The following are the main points of the Italian Government's conditions upon which Sir E. Grey would be glad to be furnished with Mr. Sazonow's observations at the earliest date possible.

Russia, France, Great Britain and Italy bind themselves mutually, in the event of the declaration of war between Austria-Hungary and Italy, not to conclude a separate armistice or a separate peace.

The Powers concerned will immediately conclude a military agreement determining the minimum force which Russia must keep in the field against Austria in order that, if Russia decides to devote herself principally to opposing Germany, Austria-Hungary may be prevented from concentrating all her forces against Italy.

On her part, Italy engages to employ the whole of her resources against Austria, Turkey and whatever Power may, either by land or by sea, come to her assistance.

The Anglo-French fleet will give its permanent and active cooperation until the Austrian fleet has been destroyed or peace has been concluded.

Italy will, in the treaty of peace, obtain the Trentino and Cisalpine Tyrol following the natural geographical boundary of the Brenner. She will also obtain Trieste and the whole of Istria as far as the Quarnero including Volosca as well as the Istrian islands. Moreover Italy shall obtain the province of Dalmatia as far south as the river Narenta. She will further obtain the peninsula of Sabbioncello and all the islands situated North and West of Dalmatia.

The fate of the following Adriatic territories would at the end of

the war be left by the arrangement outlined above to the decision of Europe:

In the Lower Adriatic, the whole of the coast from the river Narenta southwards to the river Drin.

In the Upper Adriatic, the whole of the coast from the Bay of Volosca on the borders of Istria as far as the northern boundaries of Dalmatia.

Durazzo would remain to be assigned to Central Albania, which would be an independent Mussulman State.

Italy will obtain in full sovereignty Valona and the island of Saseno with enough territory for its defence. This territory would stretch from the river Voiutza on the North and East approximately as far as Khimara to the South.

In the event of Italy obtaining Istria and the Trentino she will offer no opposition to the partition of North and South Albania between Greece, Servia and Montenegro. This will, however, be subject to the proviso that the following strips of coast are neutralized:

1. Coast from Khimara to Cape Stylos.

2. Coast from and including the Bocche di Cattaro to the mouth of the Voiutza.

The islands of the Dodecanese at present occupied by Italy will remain in her possession.

The contracting parties will recognize that Italy has an interest in the balance of power in the Mediterranean so that, in case the Ottoman Empire is partially or totally partitioned, Italy shall obtain her due share from the provinces of the Mediterranean littoral to the zone of Adalia where the rights and interests which she has already acquired are well known.

In the event of Turkey's territorial integrity being maintained and only modified in the interests of the Powers, the interests of Italy will similarly be taken into consideration.

In case either Great Britain, France, Russia or other States occupy Turkey's Asiatic territory during the war, Italy shall have the right of occupying the zone of Adalia and the regions contiguous to it which shall be reserved to her.

The Entente Powers engage to support Italy in opposing any future proposal to admit a representative of the pope to the peace negotiations at the end of the war or to any diplomatic conference which may be convened during the war for the settlement of questions raised by it.

The present agreement is to be kept secret, but as soon as Italy de-

clares war or war is declared with Italy the first clause only which deals with the ligation on the part of Italy not to conclude peace separately is to be published.

Sir E. Grey has shown the text of the Italian conditions of cooperation to Mr. Cambon and Count Benckendorff and has told them that the Italian Government, unsolicited and without any suggestion on his part, made this overture entirely on their own initiative. Certain of the conditions seemed excessive, but without doubt in order to purchase her neutrality, considerable offers had been made to Italy by Prince Bülow. Sir E. Grey considered therefore that the conditions proposed by the Italian Government should not be rejected, but should, where excessive, be met either by a counterproposal or with criticism.

The need of absolute secrecy was impressed on the Ambassadors by Sir E. Grey, since Italy would otherwise be exposed before she was ready to an attack on the part of Austria-Hungary and Germany and the whole negotiations might break down.

Sir E. Grey informed the Italian Ambassador that, until he has consulted the French and Russian Governments, he can return no answer as to the Italian conditions.

Sir E. Grey considers that it is most desirable that a very early reply should be given to the Italian Government.

Перевод.

Итальянский посол в Лондоне сделал весьма доверительное сообщение сэру Э. Грею в том смысле, что на некоторых условиях итальянское правительство готово было бы вступить в войну на стороне союзников в середине или в конце апреля. Главные пункты условий итальянского правительства, по которым сэр Э. Грей был бы рад получить как можно скорее замечания г. Сазонова, следующие:

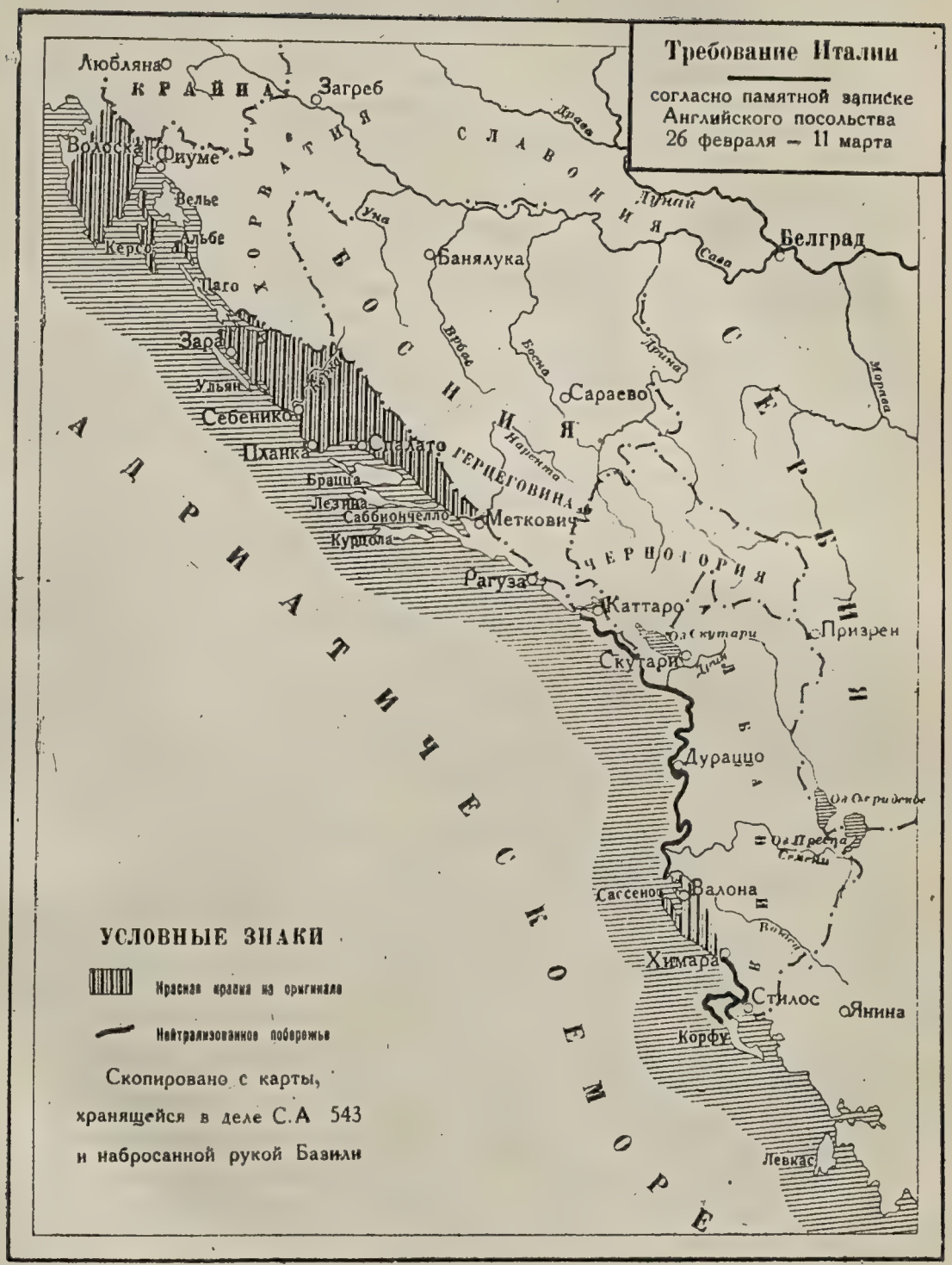
Россия, Франция, Великобритания и Италия взаимно обязуются в случае объявления войны между Австро-Венгрией и Италией не заключать сепаратного перемирия или сепаратного мира.

Указанные державы немедленно заключат военное соглашение, устанавливающее тот минимум сил, который Россия должна держать на фронте против Австрии с тем, чтобы, в случае решения России посвятить себя главным образом борьбе с Германией, Австро-Венгрия не имела возможности сосредоточить все свои силы против Италии.

Со своей стороны Италия обязуется применять все свои силы против Австрии, Турции и какой бы то ни было другой державы, которая на море или на суше придет им на помощь.

Англо-французский флот будет оказывать Италии постоянное и активное содействие до тех пор, пока австрийский флот не будет уничтожен, или мир не будет заключен.

По мирному договору Италия получит Трентино и Цизальпинский Тироль,


Требование Италии
согласно памятной записке Английского посольства 26 февраля — 11 марта
Любляна
КРАЙНА
Загреб
ХОРВАТИЯ
СЛАВОНИЯ
Драва
Волосско
Фиуме
Велье
Керсо
Альбе
Паго
Зара
Ульян
Себеник
Шханка
Браца
Лезина
Саббиончелло
Курцола
Рагуза
Ума
Банялука
Луний
Сава
Белград
БОСНИЯ
Врбас
Босна
Сараево
Неретва
ГЕРЦЕГОВИНА
Моравия
СЕРБИЯ
Меткович
ЧЕРНОГОРИЯ
Каттаро
Скутари
Призрен
Дураццо
Валона
Сассено
Химара
Стилос
Янина
Корфу
Левкас
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Красная краска на оригинале
Нейтрализованное побережье
Скопировано с карты, хранящейся в деле С.А 543 и набросанной рукой Базили

по линии естественной географической границы Бреннера. Она получит Триест и всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску, а равно Истрийские острова. Кроме того, Италия получит область Далмации в пределах, доходящих к югу до реки Наренты. Затем она получит полуостров Саббиончелло и все острова, расположенные к северу и западу от Далмации.

Судьба следующих территорий, примыкающих к Адриатике, по окончании войны будет предоставлена решению Европы, в соответствии с указанным выше соглашением:

В Нижней Адриатике все побережье к югу от реки Наренты до реки Дрина.

В Верхней Адриатике все побережье между бухтой Волоски на границе Истрии и северной границей Далмации.

Дураццо будет предоставлен Центральной Албании, которая будет независимым мусульманским государством.

Италия получит в полное суверенное владение Валону и остров Сасено с достаточной территорией для их обороны. Эта территория будет иметь протяжение от реки Воюсы на севере и на востоке и приблизительно до Химары на юге.

В случае, если Италия получит Истрию и Трентино, она не будет возражать против раздела Северной и Южной Албании между Грецией, Сербией и Черногорией. Это однако должно состояться под условием, что следующие участки побережья будут нейтрализованы:

1. Побережье между Химарой и мысом Стилосом.

2. Побережье между бухтой Каттаро, включая последнюю, до устья Воюсы.

Острова Додеканеза, оккупированные в настоящее время Италией, останутся в ее владении.

Договаривающиеся стороны признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия сил на Средиземном море. Поэтому в случае полного или частичного раздела Оттоманской империи Италия получит причитающуюся ей часть провинций средиземноморского побережья у зоны Адалии, где приобретенные уже ею права и интересы хорошо известны.

В случае если целость турецкой территории останется неприкосновенной и лишь подвергнется некоторым изменениям в пользу держав, то интересы Италии будут равным образом приняты во внимание.

В случае, если Великобритания, или Франция, или Россия или же другие державы оккупируют территорию Азиатской Турции во время войны, то Италия будет иметь право оккупировать зону Адалии и сопредельные районы, которые должны быть оставлены за ней.

Державы Антанты обязуются противодействовать в будущем всякому предложению о допущении представителя папы к мирным переговорам по окончании войны или к какой бы то ни было дипломатической конференции, которая могла бы быть созвана во время войны для урегулирования поднятых ею вопросов.

Настоящее соглашение должно оставаться секретным, но как только Италия объявит войну или война будет объявлена Италии, будет опубликована первая статья соглашения, касающаяся обязательства Италии не заключать сепаратного мира.

Сэр Э. Грей показал текст итальянских условий вступления в войну г. Камбону и графу Бенкендорфу и сказал им, что итальянское правительство без приглашения или какого-либо внушения с его (Грея) стороны сделало это предложение по собственному почину. Некоторые условия кажутся чрезмерными,

но несомненно, что в целях добиться нейтралитета Италии князем Бюловым были сделаны ей значительные предложения. Поэтому сэр Э. Грей полагает, что предложенные итальянским правительством условия не должны быть отклонены, но в той части, где они могут оказаться чрезмерными, им следует противопоставить встречные предложения или же подвергнуть их критике.

Сэр Э. Грей настаивал перед послами на необходимости соблюдения абсолютной тайны, иначе Италия смогла бы подвергнуться нападению со стороны Австро-Венгрии и Германии до приведения себя в боевую готовность, и все переговоры могли бы быть сорваны.

Сэр Э. Грей уведомил итальянского посла, что до обмена мнений с французским и российским правительствами,он не может дать ответа касательно итальянских условий.

Сэр Э. Грей считает в высшей степени желательным, чтобы итальянскому правительству был дан весьма скорый ответ.

№ 349. Поденная запись министерства иностранных дел.

11 марта/26 февраля 1915 г.

За последние дни в немецкой печати («Deutsche Tageszeitung») появилось известие о состоявшемся при посредстве Германии соглашении, в силу которого Австрия уступает Италии Трентино за нейтралитет последней. Между тем [11 марта] 26 февраля получена телеграмма посла в Лондоне [1], сообщающая о сделанном итальянским послом сэру Э. Грею предложении вступить в переговоры об условиях, на которых Италия могла бы согласиться выступить вместе с Россией, Францией и Англией против Австрии. Условия эти были подробно изложены в телеграмме, полученной в тот же день великобританским послом в Петрограде (памятная записка английского посольства от [11 марта] 26 февраля) [2]. В этот же день сэр Дж. Бьюкенен получил также телеграмму, касающуюся вопроса о судьбе Проливов и Константинополя. Приехав к министру иностранных дел в $10^1/_2$ часов вечера, Бьюкенен сообщил содержание этой телеграммы, заключавшей в себе заявление великобританского правительства о полном согласии своем на осуществление пожеланий России в отношении Проливов и Константинополя (памятная записка английского посольства от [12 марта] 27 февраля) [3]. При этом Англия выговаривала себе лишь обеспечение своих экономических интересов в предоставляемой России области и, ссылаясь на заявление С. Д. Сазонова о готовности императорского правительства в свою очередь исполнить пожелания Великобритании

[1] См. № 341 и стр. 435, прим. 4.

[2] См. № 348.

[3] См. №№ 351 и 352. Повидимому, поденная запись за 11 марта/26 февр. была составлена не в тот же день, а позднее.

в иных местностях, высказывала надежду на согласие России предоставить Англии нейтральную зону в Персии.

№ 350. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 127. 11 марта/26 февраля 1915 г.

Японские требования.

Совещания китайского министра иностранных дел с японским посланником происходят три раза в неделю, причем Хиоки настойчиво требует окончания переговоров к 25 марта нов. ст. — сроку парламентских выборов в Японии — и намекает на возможность обращения к понудительным мерам.

По вопросам, касающимся Шаньдуна, китайское правительство готово принципиально согласиться на японские требования, но настаивает, чтобы окончательное решение было отложено, дабы можно было получить согласие других заинтересованных сторон.

По вопросам второй группы министр иностранных дел, указывая на некультурность Внутренней Монголии, предложил отложить на некоторое время распространение на нее японских требований, причем согласился дать письменное обязательство приступить к этому по истечении известного срока. Ответа на это от японского правительства еще не последовало. При словесных объяснениях о том, что следует понимать под Восточной Внутренней Монголией, японский первый драгоман заявил, что в таковую входят Гоби и Хуачен.

На первую статью второй группы китайцы выразили полное согласие, и министр иностранных дел сказал мне по этому поводу, что конечный срок аренды Китайской Восточной железной дороги будет также продлен на 99 лет. По статьям 2, 3 и 4 [1] китайцы предложили японцам компромиссное решение, на пятую же они несомненно согласятся. Относительно статьи шестой японский посланник заявил, что если Китай согласится обязаться приглашать на службу в Южной Манчжурии по политической, финансовой, военной и полицейской частям исключительно японцев, то Япония готова будет отказаться от предъявленного ей в группе пятой требования об участии японцев в полицейском управлении во всем Китае [2]. Требования статьи седь-

[1] См. № 249, стр. 322.

[2] Тел. от 18/5 марта за № 148 Крупенский сообщал, что по ст. 2, 3 и 4 второй группы японцы настаивают «на открытии около 20 местностей в Южной Манчжурии для иностранной торговли», но соглашаются, чтобы для свободного проживания в остальных местностях япон. подданные получали свидетельства от

мой китайцы продолжают упорно отклонять [1]. Сегодня начнется обсуждение третьей группы, по коей, как мне сказал министр иностранных дел, китайцы готовы будут уступить японским требованиям.

Крупенский.

№ 351. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел. [2]

/. 12 марта/27 февраля 1915 г.

Subject to the war being carried on and brought to a successful conclusion and to the desiderata of Great Britain and France in the Ottoman Empire and elsewhere being realized as indicated in the Russian communication herein referred to, His Majesty's Government will agree to the Russian Government's Aide-Mémoire relative to Constantinople and the Straits, the text of which was communicated to His Britannic Majesty's Ambassador by His Excellency Mr. Sazonow on March 4th/February 19th instant [3].

Перевод [4].

В случае если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупомянутом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и Проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 4 марта/19 февраля сего года.

№ 352. Меморандум английского посольства в Петрограде министру иностранных дел. [5]

/. 12 марта/27 февраля 1915 г.

His Majesty's Ambassador has been instructed to make the following observations with reference to the Aide-Mémoire which this Embassy had the honour of addressing to the Imperial Government on March 12th/February 27th 1915.

кит. властей, выдаваемые по требованию япон. консулов. Той же тел. Крупенский сообщал о принятии китайцами ст. 5 и о согласии их на япон. предложение по ст. 6.

[1] Согласно тел. Крупенского № 148, китайцы предложили, чтобы «японцы выкупили принадлежащую китайцам половину капитала, употребленного на финансирование Гирин — Чанчуньской линии, и чтобы действовавший до сих пор порядок управления последней продолжал оставаться в силе».

[2] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 124.

[3] См. № 299.

[4] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

[5] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 125.

The claim made by the Imperial Government in their Aide-Mémoire of March 4th/February 19th 1915 [1] considerably exceeds the desiderata which were fore-shadowed by Mr. Sazonow as probable a few weeks ago. Before His Majesty's Government have had time to take into consideration what their own desiderata elsewhere would be in the final terms of peace, Russia is asking for a definite promise that her wishes shall be satisfied with regard to what is in fact the richest price of the entire war. Sir E. Grey accordingly hopes that Mr. Sazonow will realize that it is not in the power of His Majesty's Government to give a greater proof of friendship than that which is afforded by the terms of the above mentioned Aide-Mémoire. That document involves a complete reversal of the traditional policy of His Majesty's Government and is in direct opposition to the opinions and sentiments at one time universally held in England and which have still by no means died out. Sir E. Grey therefore trusts that the Imperial Government will recognize that the recent general assurances given to Mr. Sazonow [2] have been most loyally and amply fulfilled. In presenting the Aide-Mémoire now, His Majesty's Government believe and hope that a lasting friendship between Russia and Great Britain will be assured as soon as the proposed settlement is realized.

From the British Aide-Mémoire it follows that the desiderata of His Majesty's Government, however important they may be to British interests in other parts of the world, will contain no condition which could impair Russia's control over the territories described in the Russian Aide-Mémoire of March 4th/February 19th 1915.

In view of the fact that Constantinople will always remain a trade entrepôt for South Eastern Europe and Asia Minor, His Majesty's Government will ask that Russia shall, when she comes into possession of it, arrange for a free port for goods in transit to and from non-Russian territory. His Majesty's Government will also ask that there shall be commercial freedom for merchant ships passing through the Straits, as Mr. Sazonow has already promised [3].

Except in so far as the naval and military operations on which His Majesty's Government are now engaged in the Dardanelles may contribute to the common cause of the Allies, it is now clear that these operations, however successful, cannot be of any advantage to His Majesty's

---

[1] См. № 299.

[2] Ср. т. VI, № 484.

[3] См. № 339.

Government in the final terms of peace. Russia alone will, if the war is successful, gather the direct fruits of these operations. Russia should therefore, in the opinion of His Majesty's Government, not now put difficulties in the way of any Power which may, on reasonable terms, offer to cooperate with the Allies. The only Power likely to participate in the operations in the Straits is Greece. Admiral Carden has asked the Admiralty to send him more destroyers, but they have none to spare. The assistance of a Greek flotilla, if it could have been secured, would thus have been of inestimable value to His Majesty's Government.

To induce the neutral Balkan States to join the Allies was one of the main objects which His Majesty's Government had in view when they undertook the operations in the Dardanelles. His Majesty's Government hope that Russia will spare no pains to calm the apprehensions of Bulgaria and Roumania as to Russia's possession of the Straits and Constantinople being to their disadvantage. His Majesty's Government also hope that Russia will do everything in her power to render the cooperation of these two States an attractive prospect to them.

Sir E. Grey points out that it will obviously be necessary to take into consideration the whole question of the future interests of France and Great Britain in what is now Asiatic Turkey; and, in formulating the desiderata of His Majesty's Government with regard to the Ottoman Empire, he must consult the French as well as the Russian Government. As soon, however, as it becomes known that Russia is to have Constantinople at the conclusion of the war, Sir E. Grey will wish to state that, throughout the negotiations, His Majesty's Government have stipulated that the Mussulman Holy Places and Arabia shall under all circumstances remain under independent Mussulman dominion.

Sir E. Grey is as yet unable to make any definite proposal on any point of the British desiderata; but one of the points of the latter will be the revision of the Persian portion of the Anglo-Russian Agreement of 1907 so as to recognize the present neutral sphere as a British sphere.

Until the Allies are in a position to give to the Balkan States, and especially to Bulgaria and Roumania, some satisfactory assurance as to their prospects and general position with regard to the territories contiguous to their frontiers to the possession of which they are known to aspire; and until a more advanced stage of the agreement as to the French and British desiderata in the final peace terms is reached, Sir E. Grey points out that it is most desirable that the understanding

now arrived at between the Russian, French and British Governments should remain secret [1].

Перевод [2].

Посол его величества получил инструкцию сделать следующие замечания касательно памятной записки, которую великобританское посольство имело честь препроводить императорскому правительству 12 марта/27 февраля 1915 года:

Требование, высказанное императорским правительством в памятной записке от 4 марта/19 февраля 1915 года, значительно превосходит пожелания, предусматривавшиеся г. Сазоновым несколько недель тому назад. Прежде чем правительство его величества успело выяснить, каковы будут при заключении окончательного мира его собственные пожелания в иных местах, Россия просит определенного обещания, что ее желания будут удовлетворены по отношению того, что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны. Вследствие сего сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов отдает себе отчет в том, что правительство его величества не имеет возможности дать большего доказательства дружбы, нежели то, которое дается содержанием вышеупомянутой памятной записки. Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии с взглядами и чувствами, в свое время всецело господствовавшими в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшими. Сэр Э. Грей надеется поэтому, что императорское правительство признает, что недавние общие заверения, данные г. Сазонову, выполнены самым лойяльным и полным образом. Ныне, представляя свою памятную записку, правительство его величества верит и надеется, что прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение.

Из великобританской памятной записки следует, что пожелания правительства его величества, какое бы они ни имели значение для английских интересов в других частях света, не будут содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 4 марта/19 февраля 1915 года.

Ввиду того обстоятельства, что Константинополь всегда останется торговым складом для Юго-восточной Европы и Малой Азии, правительство его величества будет просить, чтобы Россия, когда она войдет в обладание им, установила бы свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Правительство его величества будет также просить о том, чтобы была установлена свобода обращения для торговых судов, проходящих через Проливы, как было уже обещано г. Сазоновым.

В настоящее время стало совершенно ясным, что — независимо от того значения, которое могут иметь для общего дела союзников предпринятые правительством его величества операции в Дарданеллах—операции эти, как бы успешны они

[1] Тел. от 14/1 марта за № 178 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 281) Бенкендорф передал конфиденциальное сообщение Грея, что тел. Бьюкенену, содержащая ответ англ. прав-ва по вопросу о К-поле, была до отправления показана представителям оппозиции Лансдоуну, Бонар-Лоу и Бальфуру.

[2] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

ни были, не могут принести какую бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций. Россия не должна была бы поэтому, по мнению правительства его величества, ставить теперь препятствия на пути всякой державы, которая может на разумных условиях предложить союзникам свою помощь. Единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в Проливах, — Греция. Адмирал Карден просил адмиралтейство прислать ему еще истребителей, но таковых свободных не имеется. Помощь греческой флотилии, если бы ею возможно было заручиться, была бы, следовательно, чрезвычайно ценной для правительства его величества.

Одной из главных целей, которые имело в виду правительство его величества, когда им были предприняты операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества надеется, что Россия употребит все усилия, чтобы рассеять опасения Болгарии и Румынии касательно того, будто обладание Россией Проливами и Константинополем невыгодно для них.Правительство его величества надеется также,что Россия сделает все, что в ее власти, чтобы придать сотрудничеству этих государств заманчивый для них характер.

Сэр Э. Грей отмечает, что будет, очевидно, необходимо принять во внимание весь вопрос о будущих интересах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией; формулируя пожелания правительства его величества касательно Оттоманской империи, он должен сговориться с французским правительством так же, как и с русским. Как только однако станет известно, что Россия получит Константинополь при окончании войны, сэр Э. Грей хотел бы заявить, что в течение всех переговоров правительство его величества настаивало, чтобы мусульманские священные места и Аравия остались при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством.

Сэр Э. Грей не в состоянии пока сделать определенного предложения по какому бы то ни было пункту английских пожеланий, но одним из пунктов последних будет пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года, в смысле признания нынешней нейтральной сферы как сферы английской.

До тех пор,пока союзники не будут в состоянии дать балканским государствам, и в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительное заверение относительно их общего положения в отношении территорий, соприкасающихся с их границами и к обладанию которыми они заведомо стремятся; и до того времени, когда будет достигнуто более определенное соглашение касательно французских и английских пожеланий для окончательных мирных условий, сэр Э. Грей также считает, что весьма желательно, чтобы соглашение, к которому теперь пришли русское, французское и великобританское правительства, оставалось бы тайным.

№ 353. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

12 марта/27 февраля 1915 г.

Du fait de l'occupation par les troupes des trois Puissances Alliées de la capitale de l'Empire Ottoman, des problèmes d'ordre diploma-

[1] Маш. копия. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 328.

tique vont se poser. Ce nouvel état de choses nécessitera des mesures politiques, administratives et financières si importantes et si spéciales qu'on ne peut s'en remettre pour leur solution à la décision du chef militaire d'une seule nationalité, quelle que soit la valeur de ce chef.

En attendant l'heure de la paix qui permettra l'établissement du régime définitif, il importe de ménager les intérêts de chacune des Puissances de la Triple Entente et dans ce but d'admettre les trois Puissances à participer sur le pied d'égalité à l'administration provisoire de Constantinople et des territoires sur lesquels s'étendra leur occupation.

A cet effet et jusqu'au règlement définitif de l'avenir de l'Empire Ottoman, trois hauts commissaires civils, représentant leur gouvernement respectif, seront chargés de la haute direction des services administratifs.

Ces commissaires exerceront leur action de concert avec le commandement militaire: ils devront se préoccuper tout d'abord de rétablir dans les postes qu'ils occupaient avant la crise les fonctionnaires, conseillers de ministères, officiers de leur nationalité placés à la tête des administrations publiques: Dette, avec adjonction immédiate d'un délégué russe, Banque Ottomane, douanes, gendarmerie etc. Pour établir l'administration régulière indispensable jusqu'à la paix, les hauts commissaires pourront se reposer sur la compétence et l'autorité dont jouissaient ces agents.

En considération des trois milliards de capitaux que les français ont investis en Turquie et des entreprises et sociétés considérables qu'ils y ont constituées, le gouvernement de la République se doit de rétablir et de sauvegarder ces grands intérêts compromis par le gouvernement ottoman à la faveur de la guerre.

Grâce à l'occupation et à la prise en main de l'administration de la capitale où se trouve le siège des principales entreprises étrangères, la tâche qui lui incombe de remettre en possession les intéressés et les porteurs de fonds ottomans et de prescrire le séquestre des biens des sujets ennemis en sera grandement facilitée.

L'ambassade de France prie le gouvernement impérial de lui faire connaître d'urgence sa manière de voir au sujet des mesures envisagées ci-dessus, car la rapidité des opérations en cours et le délai laissé aux trois Puissances pour déterminer l'action des hauts commissaires et régler leur voyage à Constantinople où ils devront se trouver au jour de l'occupation nécessitent une prompte solution.

Перевод.

Факт занятия столицы Оттоманской империи войсками трех союзных держав поставит на очередь ряд проблем дипломатического характера. Это новое положение вещей потребует столь важных и специальных политических, административных и финансовых мероприятий, что в деле их разрешения нельзя положиться на усмотрение военного начальника одной национальности, каковы бы ни были его личные достоинства.

В ожидании момента заключения мира, который сделает возможным установление окончательного режима, приходится считаться с интересами каждой из держав Тройственного согласия и допустить с этой целью все три державы к участию на равных основаниях во временном управлении Константинополем и территориями, на которые распространится их оккупация.

С этою целью до окончательного урегулирования будущей судьбы Оттоманской империи верховное руководство административными органами будет возложено на трех верховных гражданских комиссаров, представляющих каждый свое правительство.

Эти комиссары будут действовать по соглашению с военным командованием: прежде всего они должны будут озаботиться восстановлением в их довоенных должностях чиновников, советников министерств и офицеров своей национальности, поставленных во главе государственных учреждений, как-то: Оттоманского долга (с немедленным включением одного русского представителя), Оттоманского банка, таможни, жандармерии и т. п. Для установления правильно функционирующего управления, необходимого до заключения мира, верховные комиссары смогут опираться на компетенцию и авторитет, которыми пользовались эти агенты.

Принимая во внимание три миллиарда французских капиталов, помещенных в Турции, и значительные предприятия и общества, которые французы здесь основали, правительство Республики обязано восстановить и обеспечить эти крупные интересы, нарушенные турецким правительством ради военных целей.

Благодаря оккупации и переходу в руки [союзников] администрации столицы, где находится местопребывание главных иностранных предприятий, выпадающая на долю правительства Республики задача — восстановить в правах владения заинтересованных лиц и держателей оттоманских бумаг, а также предписать секвестр имущества подданных неприятельских держав — будет весьма облегчена.

Французское посольство просит императорское правительство срочно сообщить ему свою точку зрения на вышерассмотренные мероприятия, так как быстрота текущих военных операций и срок, остающийся трем державам для окончательного определения формы деятельности верховных комиссаров, а также для установления порядка их следования в Константинополь, где они должны оказаться в день оккупации, требуют немедленного решения.

№ 354. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 1. 12 марта/27 февраля 1915 г.

Итальянский посол приехал к барону Шиллингу и прочел несколько полученных им телеграмм, в том числе одну телеграмму, в которой

Соннино сообщал, что на вопрос Крупенского, действительно ли Италия заявила в Вене, что она не может допустить нового вторжения австрийцев в Сербию, он, Соннино, ответил, что дело было не совсем так. На самом деле, итальянскому послу в Вене было поручено повторить то, что заявляли уже предыдущие итальянские министры, а именно, что Италия считает независимость и процветание Сербии делом первостепенной важности для Италии (considera l'independenza e prosperita della Serbia come interesse di primordine per Italia), вследствие чего Италия желала бы быть вперед осведомлена относительно видов Австрии в этом отношении [1].

Вместе с тем итальянский посол рассказал о недавнем свидании своем с хорватом Супило, с мнениями которого он во многом не соглашается, но которого он считает человеком умным и даже, можно сказать, благоразумным. Некоторые доводы, высказанные Супило против чрезмерных вожделений Италии на хорватские земли и Далматинское побережье, показались маркизу Карлотти даже достойными внимания. В числе таких доводов особенно понравилась Карлотти мысль об общности интересов сербо-хорватов и итальянцев в смысле противодействия угрожающей обоим опасности со стороны стремящегося к выходу на Адриатическое море германизма.

По этому поводу посол спросил, не произошло ли за последнее время перемены во взглядах русского правительства на сербо-хорватский вопрос. До сих пор Карлотти полагал, что Россия не стремится к объединению этих двух племен, в сущности одного народа, разделенных как историей, так и религией. Теперь некоторые признаки позволяют ему думать, что в России назревает мысль о необходимости политического слияния сербов и хорватов. Между тем для Италии создание большого и сильного южно-славянского государства на берегах Адриатики едва ли было бы приемлемо. При этом посол вскользь упомянул, что в Италии многие опасаются такого разрешения вопроса не только потому, что подобное государство будет соперничать с Италией само по себе, но и потому, что оно легко сделается аванпостом на Адриатике еще сильнейшей державы, а именно России.

Считая полезным по возможности усыпить опасения посла, я не нашел нужным приводить ему доводов в пользу сербо-хорватского слияния, но ограничился замечанием, что Россия в этом вопросе лично не заинтересована, а потому будет, вероятно, поддерживать лишь осуществление того, что будут требовать сами заинтересованные на-

[1] См. № 389 и стр. 512, прим. 2.

роды. Если сербы и хорваты не пожелают слиться, Россия не будет иметь никакого основания настаивать на подобном слиянии. Наоборот, если окажется, что сербы и хорваты действительно пожелают создать одно политическое целое, то Россия может отнестись к этому только сочувственно. По моему мнению, чрезмерные итальянские вожделения в сторону Хорватии и Далмации могут толкнуть Италию на опасный путь и поставить ее в то самое положение, в котором до сих пор находилась Австрия и которое приводит последнюю на наших глазах к гибели, так как, если бы даже Италии и удалось теперь утвердиться в славянских землях, она неизбежно найдет в них враждебно настроенное к себе население и поставит себя в непримиримое противоречие с соседними славянскими государствами.

Я напомнил послу только-что прочитанное мне им заявление Сонино о важном значении для Италии независимости и процветания Сербии; указав на то, что в этих словах заключается мудрая политическая мысль, я спросил, каким образом Италия может согласовать таковую с попытками, видимо ею делаемыми, для сокращения по возможности сербских владений на Адриатическом побережьи. Даже с точки зрения противодействия сербо-хорватскому слиянию Италии следовало бы широко отнестись к законным требованиям Сербии о выходе к Адриатике, так как, если Италия в то же самое время поставит себя во враждебные отношения к хорватам, стремясь овладеть частью их земель, и возбудит против себя сербов, препятствуя обеспечению их жизненных интересов путем приобретения достаточной части побережья, то этим самым Италия сама толкнет хорватов и сербов в объятия друг другу, заставит их забыть свои разногласия для объединения в одном, а именно в общей борьбе против Италии.

Признав некоторые из этих доводов справедливыми, посол выразил намерение передать их на усмотрение своего правительства.

№ 355. Поденная запись министерства иностранных дел.

№ 2. 12 марта/27 февраля 1915 г.

В 7 часов вечера был назначен С. Д. Сазонову доклад у государя императора. Государь император принял министра в Царском Селе. Так как английскому послу было предписано испросить прием у государя, чтобы лично передать его величеству заявление великобританского правительства касательно Проливов и Константинополя, с одной стороны, а также английские вожделения в Персии — с другой, а ввиду предстоявшего отъезда государя на другое утро не остава-

лось свободного времени, С. Д. Сазонов испросил разрешение его величества английскому послу прибыть в Царское Село вместе с ним. Таким образом, государь принял министра и посла совместно и выразил удовольствие по поводу сделанного последним сообщения, а также изъявил в принципе согласие на изложенные им английские пожелания.

№ 356. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 1088 [1]. 12 марта/27 февраля 1915 г.

Ваша телеграмма № 1185 [2] получена.

Ссылаюсь на телеграмму Бенкендорфа № 168 [3].

Прошу ваше сиятельство не отказать сообщить мне имена ответственных предводителей Зейтунской организации, а также насколько последняя в состоянии действовать против турок самостоятельно, без поддержки франко-английского десанта. Было бы желательно знать, какие силы могли бы быть выдвинуты турками в районе Зейтуна, дабы в случае поражения армянского отряда не вызвать резни населения.

Сазонов.

№ 357. Болгарский посланник в Петрограде Маджаров Фердинанду Болгарскому.

Донесение № 256 [4]. 12 марта/27 февраля 1915 г.

Французский посол Палеолог, которого я видел вчера вечером, просил меня сообщить лично вашему величеству следующие его слова:

«Ныне Болгарии представляется удобный момент для восстановления своего народного единства. Для форсирования Дарданелл потребуется самое большее 2 месяца, но, может быть, это произойдет и ранее.

Если Болгария объявит, что выступит с Тройственным согласием, и назначит для этого определенный срок, то я гарантирую ей границу по линии Мидия—Энос, исполнение договора 1912 года, Петербургского протокола [5] Кавалу и все финансовые облегчения. Тройственное согласие готово также обеспечить Болгарию от возможного выступления Румынии и Греции.

[1] Лит. копия.

[2] См. № 231.

[3] Тел. от 9 марта/24 февр. за № 168 Бенкендорф сообщил, что англ. прав-во хочет знать имена главнейших предводителей армянской Зейтунской организации и запрашивает, смогут ли армяне принять оружие в Александретте без десанта.

[4] Маш. копия. Опубл. Ц. Р., стр. 109, где оно ошибочно датировано 25/12 марта. Донесение расшифровано в росс. м-ве ин. дел.

[5] См. стр. 177, прим. 2.

Для десанта в Турцию у нас достаточно войска: со стороны России — 100 000, Англии — 60 000 и Франции — 50 000. Численность войск может быть увеличена, если Болгария не пожелает вмешаться в войну.

Я говорю вам об этом лишь как друг вашего царя и Болгарии, о которых храню самые лучшие воспоминания.

Ваше вмешательство необходимо ныне же, ибо впоследствии оно будет излишним.

История предопределила вам блестящую роль, и от вас самих зависит, выполнить ее или нет.

Хотя вопрос о будущем Константинополя еще не решен, но союз трех держав останется незыблемым и после войны. Это будет могущественный фактор, и всякий, кто будет ему противиться... от безденежья.

После падения Венизелоса король Константин пригласил нашего посланника и заявил ему, что ни он, ни его страна не выступят с противниками Тройственного согласия, и что Греция будет держаться той же политики по отношению к Тройственному согласию, как и при Венизелосе [1].

Вот почему Болгария должна поспешить занять место, которое подобает ей, как самой жизнеспособной из балканских держав».

В заключение Палеолог сказал: «Подобное сообщение, быть может, сделает вам и Бьюкенен». В своем рапорте я донес вашему величеству, что и Сазонов сделал мне такое же заявление [2].

№ 358. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

*/. Телеграмма № 225 [3]. 12 марта/27 февраля 1915 г.

Ich hatte heute den Besuch Halil Beys[4], der mir den Zweck seiner Mis-

[1] Ср. № 336.

[2] В пространной деп. от 14/1 марта за № 314 болг. посланник в Петрограде Маджаров писал Радославову: «Из шифрованной телеграммы, которую я получил здесь 9 марта/24 февраля 1915 г., я понял, что болгарское правительство решило не оказывать Тройственному соглашению, а особенно России, даже той помощи, которую Греция и до настоящего времени оказывает Франции и Англии, не оскорбляя этим ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Турции и не считая этого за нарушение нейтралитета». Полемизируя с Радославовым и доказывая необходимость принять предложение Палеолога, Маджаров в той же депеше писал: «Хорошо, если Болгария останется возможно дольше нейтральной... но ваша шифрованная телеграмма за № 451 дала мне серьезный повод предполагать, что вы решили не соблюдать до конца нейтралитет».

[3] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[4] Согласно сообщению серб. миссии в Петрограде от 12 марта/27 февр. серб. посланник в Афинах телеграфировал, что президент турец. парламента Халил-бей

sion in Wien und in Berlin ungefähr so schilderte wie laut Ew. Excellenz Telegramm No 91 an Marquis Pallavicini. Aus dem, was er sagte, geht hervor, dass die Angst der türkischen Regierung durch die Gefahr eines griechischen Zusammengehens mit der Entente hervorgerufen wurde. Nun wäre diese Gefahr gehoben, die türkische Regierung besorgt jedoch, dass der gegenwärtige Kurs in Athen sich wieder im Sinne der Politik Venizelos ändern könnte, in welchem Fall, wenn Griechenland nicht neutral bleibt, man türkischerseits auch eine schädliche Einwirkung auf die Haltung Bulgariens besorgen würde. Die Erzwingung der Dardanellen ohne Landung von Truppen bezeichnete Halil Bey als unwahrscheinlich, es wäre denn, dass der Türkei die Munition ausgeht, was nach «einigen Monaten» eintreten könnte. Die Niederwerfung Serbiens und, wenn dieses eben unmöglich, wenigstens die Besetzung des Nordostdreiecks und das Erscheinen unserer und der deutschen Truppen an der bulgarischen Grenze würden nicht nur eine Gewähr gegen irgendwelche Ueberraschungen seitens der Balkanstaaten bieten, sondern auch den freien Weg für die Munitionstransporte. Dafür musste sich Halil Bey in Wien und in Berlin einsetzen.

Als Halil Bey mich besuchte, hatte er noch keinen bulgarischen Staatsmann gesprochen. Heute muss er Radoslawow sehen und morgen reist er zu kurzem Aufenthalt nach Bukarest und von dort nach Wien.

Перевод.

Меня сегодня посетил Халил-бей, который изобразил цель своей миссии в Вене и в Берлине приблизительно так, как это изложено в телеграмме вашего превосходительства маркизу Паллавичини за № 91. Из того, что он сказал, вытекает, что страх турецкого правительства был вызван опасностью выступления Греции на стороне Антанты. Теперь эта опасность миновала, но турецкое правительство озабочено тем, что нынешний курс в Афинах может снова измениться в духе политики Венизелоса; в случае же если Греция не останется нейтральной, с турецкой стороны опасаются, что это могло бы оказать вредное влияние на позицию Болгарии. Форсирование Дарданелл без высадки сухопутных войск, по мнению Халил-бея, маловероятно, это могло бы случиться, если бы Турция осталась без снарядов, что может произойти через «несколько месяцев». Разгром Сербии, а

выехал в Софию для переговоров с Болгарией. Со своей стороны Савинский телеграфировал 13 марта/28 февр. за № 125, что ему не удалось положительно выяснить, имеет ли миссия Халил-бея официальный характер, но, по слухам, немцы «убедили» Турцию «в необходимости обещать болгарам Восточную Фракию с Родосто для сохранения ими нейтралитета». При разговоре с личным секретарем Фердинанда Добровичем Савинский заявил, что «прием Халил-бея произведет опять неблагоприятное впечатление в Петрограде, не принеся пользы Болгарии». Ср. № 338.

если он невозможен, то занятие, по крайней мере, северо-восточного треугольника и появление наших и германских войск у болгарской границы явилось бы не только защитой против каких-либо неожиданностей со стороны балканских государств, но и открыло бы свободный путь для транспортов со снарядами. В этом смысле Халил-бей должен был выступить в Вене и в Берлине.

Когда Халил-бей был у меня, он еще не говорил ни с кем из болгарских государственных деятелей. Сегодня он должен повидаться с Радославовым, завтра он уезжает на короткий срок в Бухарест, а оттуда в Вену.

№ 359. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 12 марта/27 февраля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Довольно продолжительная болезнь министра иностранных дел приняла на прошлой неделе более серьезный оборот, лишив его возможности заниматься делами министерства, а несколько дней тому назад захворал и Братиану. Последний лишь сегодня несколько оправился и мог меня принять, что позволило мне сегодня же телеграфировать вашему высокопревосходительству ответы румынского правительства по некоторым текущим вопросам [1].

Я воспользовался моим свиданием с первым министром, чтобы переговорить с ним также об общем положении и проверить полученное сэром Барклаем из Афин известие о том, что болгарское правительство предложило, будто бы, на-днях Греции и Румынии сговориться относительно совместного заявления великим державам в том смысле, что интересы помянутых трех государств в вопросе о Проливах были бы лучше всего обеспечены посредством их интернационализации. Братиану ответил, что болгарское правительство не делало здесь подобного шага, и что его крайне удивило бы обращение софийского правительства с этим предложением сначала в Афины, а не в Бухарест. Он добавил, что начало действий союзного флота против Дарданелл лишило его, повидимому, окончательно доверия германского правительства, которое Братиану хотел еще до поры до времени сохранить. Произошло же это от того, что, несмотря на очень сильное давление германской и австрийской дипломатии, румынское правительство продолжает наотрез отказывать в помощи Турции путем пропуска через Румынию военных припасов. Мой собеседник при этом заверил меня, что все распускаемые слухи о проходе через Румынию мин для Тур-

[1] Тел. от 12 марта/27 февр. за № 145 Поклевский известил Сазонова, что, согласно заявления Братиану, рум. прав-во не сможет воспрепятствовать проезду из К-поля через Румынию, небольшими группами и в качестве частных лиц, немецких офицеров и нижних чинов, но не допустит их массового следования через рум. территорию.

ции совершенно неверны, что, наоборот, здесь задержали проникшие в Румынию по фальшивой декларации двадцать вагонов с военными припасами, и что таким образом румынское правительство оказало косвенное содействие нашим операциям против Проливов. Братиану выразил при этом надежду, что потеря им доверия Германии будет компенсирована увеличением такового со стороны вашего высокопревосходительства.

Первый министр воспользовался также этим разговором, чтобы изложить свою собственную точку зрения на вопрос о Проливах. Он сказал следующее: «Румыния не предлагает и не настаивает на какомлибо определенном решении этого вопроса, но ее географическое положение и те услуги Тройственному согласию, которые она уже оказала и окажет еще в будущем, дают ей право рассчитывать, что при всяком решении вопроса о Проливах она будет признана одним из наиболее заинтересованных в этом деле государств. Данные вашим министром иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде заверения дают мне надежду на осуществление этого румынского желания» [1].

Не считая желательным продолжать разговор о столь щекотливом вопросе, я ограничился обещанием передать слова Братиану вашему высокопревосходительству и начал затем говорить о результатах предпринятой союзниками операции форсирования Проливов и о том, что при дальнейшем развитии наших военных действий на суше нам было бы крайне важно знать момент активного выступления Румынии, дабы при разработке, например, плана наступления, нам было вперед известно, можем ли мы рассчитывать на занятие Трансильвании румынскими войсками, или же нам нужно будет самим подготовить военные меры для этой провинции. Братиану не колеблясь ответил, что в момент нашего наступления, которое вероятно начнется к концу весны, румынские войска вступят в Трансильванию. Он прибавил однако, что необходимо до этого окончательно выяснить положение Италии, которая, по словам Братиану, более чем когда-либо склонна к переговорам с Тройственным согласием и готова к выступлению на его стороне в самом непродолжительном времени.

Я высказал Братиану мое мнение о том, что не в интересах Румынии окончательно связывать свою судьбу с судьбой Италии, и что последняя, как великая держава, может себе позволить долее откладывать, нежели Румыния, момент активного выступления. Я выразил также

[1] Ср. № 198.

опасение относительно чрезмерных, может быть, требований Италии и указал также на то, что форсирование Проливов может побудить Болгарию к выступлению против Турции и что Румынии не следовало бы позволить своей соседке опередить себя в этом вопросе.

Братиану заверил меня, что он вовсе не ставит выступление Румынии в полную зависимость от Италии, что Румыния во всяком случае выступит в конце весны, но что для румынских военных планов крайне важно вперед выяснить вопрос, будет ли на левом фланге румынских войск находиться вся итальянская армия, или же только сербская, хотя бы и несколько подкрепленная союзными войсками. Относительно требований Италии он высказал уверенность в их сравнительной умеренности и в том, что они более не распространяются на принадлежащие Франции территории, а ограничиваются лишь владениями наших врагов.

По поводу Болгарии Братиану заметил, что он искренно желал бы скорейшего ее выступления на нашей стороне, так как это окончательно развязало бы руки Румынии, которая при этом уверена, что услужливость, которую может теперь выказать по отношению к нам Болгария, не изменит справедливой оценки со стороны держав Тройственного согласия занятого обоими этими балканскими государствами с начала войны положения.

Когда в конце разговора я попробовал формально зарегистрировать обещание Братиану выступить в конце весны, он сказал: «Не ловите меня на слове, так как я не хотел бы когда-нибудь заслужить упрека в неточности или в неисполнении обещания, но, пожалуйста, верьте мне, что штаб верховного главнокомандующего может вырабатывать план наступления, рассчитывая на присутствие румынской армии в Трансильвании».

Зная осторожность и любовь к общим выражениям Братиану, я не могу не вынести из сегодняшнего разговора заключение, что в его уме действительно созрело уже решение выступить в конце весны. Уклонение же его от принятия на этот счет формального обязательства объясняется, мне кажется, его опасением каких-либо временных военных успехов Германии, при наличности коих даже самые горячие здешние сторонники активного выступления Румынии будут желать несколько отложить момент начала военных действий.

Примите и пр.

С. Поклевский.

№ 360. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде—Бьюкенену и Палеологу[1].

13 марта/28 февраля 1915 г.

Mr. Sazonow serait très reconnaissant à son excellence Sir E. Grey (Mr. Delcassé) s'il voulait bien lui faire connaître son opinion au sujet du régime provisoire à introduire à Constantinople après son occupation par les alliés et jusqu'à la conclusion de la paix.

Son excellence Sir E. Grey (Mr. Delcassé) ne pense-t-il pas que la délimitation des zones de l'occupation militaire de Constantinople pourrait être faite de la manière suivante, en tenant compte des intérêts respectifs de chacun des trois alliés? [2]

Les troupes anglaises occuperaient toute la rive asiatique du Bosphore depuis Kouskoundjouk, y compris les faubourgs de Scutari, Haidar-Pacha, Kadi-Keui, Moda, Kartal etc., faubourgs habités par une colonie anglaise considérable.

Les troupes françaises occuperaient la rive européenne du Bosphore, depuis Orta-Keui jusqu'à la Corne d'Or, y compris les quartiers de Taxim, Pera, Galata et Hass-Keui, où se trouvent concentrés des très forts intérêts français religieux et économiques.

Les forces russes, enfin, occuperaient les deux rives du Bosphore, de la mer Noire à Orta-Keui et Kouskoundjouk inclusivement, ainsi que les quartiers de Stamboul, où se trouve Sainte-Sofie, celui du Phanar, siège du patriarcat oecuménique, et les faubourgs adjacents.

Mr. Sazonow suggère, en même temps, que le commandement militaire de la ville de Constantinople soit provisoirement confié au commandant le plus ancien en grade des armées d'occupation des trois alliés. Il semble, en outre, nécessaire à Mr. Sazonow que ce commandant militaire soit assisté par un conseil provisoire composé des commissaires des trois Puissances alliées et qui serait chargé de l'administration civile de la ville. Ce conseil aurait la mission de sauvegarder, sous la haute direction du commandant militaire les multiples intérêts religieux, nationaux, financiers, économiques et autres, en présence à Constantinople.

Au cas où sa suggestion serait, comme il l'espère, acceptée en principe par son excellence Sir E. Grey (Mr. Delcassé), Mr. Sazonow est prêt à entrer dans un échange de vues sur les détails de l'organisation provisoire projetée laquelle, bien entendu, ne préjugera en rien le sort définitif de la ville de Constantinople qui sera décidé conformément aux engagements des alliés.

[1] Лит. копия. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 330.

[2] См. № 320.

Перевод.

Г. Сазонов был бы крайне признателен его превосходительству сэру Э. Грею (г. Делькассе), если бы он соблаговолил познакомить его со своим мнением по поводу временного управления, которое следует установить в Константинополе с момента занятия его союзниками и до заключения мира.

Не думает ли его превосходительство сэр Э. Грей (г. Делькассе), что, приняв в соображение взаимные интересы каждого из трех союзников, разграничение зон военной оккупации Константинополя могло бы быть произведено следующим образом:

Английские войска займут весь азиатский берег Босфора, начиная от Кускунджука, включая предместья Скутари, Хайдер-Паша, Кади-кьой, Мода, Картал и другие предместья, где имеется значительная английская колония.

Французские войска займут европейский берег Босфора, начиная от Ортакьой до Золотого Рога, включая кварталы: Таксим, Перу, Галату и Хас-кьой, где сосредоточены весьма крупные французские религиозные и экономические интересы.

Наконец, русские силы займут оба берега Босфора, от Черного моря до Ортакьой и Кускунджука включительно, а также кварталы: Стамбул, где находится святая София, Фанар, резиденцию вселенского патриарха, и прилежащие предместья.

Вместе с тем г. Сазонов предлагает, чтобы военная власть в городе Константинополе была временно вверена старшему в чине из командующих оккупационными армиями трех союзников. Кроме того, г. Сазонову представляется необходимым учредить при военном коменданте временный совет, состоящий из комиссаров трех союзных держав, которому было бы поручено гражданское управление городом. Этому совету должна быть вверена, под верховным руководством военного коменданта, охрана многочисленных религиозных, национальных, финансовых, экономических, и других интересов, имеющихся в Константинополе.

В случае если это предложение, как надеется г. Сазонов, будет в принципе принято сэром Э. Греем (г. Делькассе), г. Сазонов готов приступить к обмену мнениями о подробностях проектируемой временной организации, которая, само собою разумеется, ни в чем не предрешит окончательной судьбы города Константинополя; последняя будет решена согласно обязательствам союзников.

№ 361. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

/. Телеграмма № 1129. 13 марта/28 февраля 1915 г.

Телеграмма № 71 [1] получена.

Благоволите выразить маршалу Ямагата нашу искреннюю признательность за проявленную им готовность содействовать одолению общего врага снабжением русской армии нужными ей предметами вооружения.

[1] Тел. от 2 марта/17 февр. за № 302 Сазонов предложил Малевскому «ввиду экстренности дела» спешно обратиться к маршалу Ямагата и, «сославшись на важность для успеха в борьбе с общим врагом возможно большего и луч-

Благоволите также сообщить ему, что, если нам будут переданы винтовки из запасов японского военного министерства с одновременным принятием заказа на равное количество винтовок, мы можем взять на себя расходы по оборудованию японского арсенала для увеличения его производительности, дабы дать японскому правительству возможность скорее пополнить убыль в запасах винтовок. Накладные расходы, которые могли бы потребоваться по этому делу, будут также возмещены нами.

Сазонов.

№ 362. Министр иностранных дел председателю совета министров Горемыкину.

Письмо № 117 [1]. 13 марта/28 февраля 1915 г.
Совершенно доверительно.

М. г. Иван Логгинович,

При письме от [22] 9 сего февраля № 1300 ваше высокопревосходительство препроводили ко мне записку инж.-ген. Унтербергера по поводу появившихся в печати суждений о желательности установления союзных отношений между Россией и Японией и просили моего заключения по изложенным в сказанной записке соображениям [2].

В письме на имя вашего высокопревосходительства, к коему приложена эта записка, инж.-ген. Унтербергер ссылается на свое близкое зна-

шего снабжения русской армии оружием, попросить его содействия прежде всего к отпуску нам ружей нового образца с патронами, а затем вообще поддержки для возможных будущих наших пожеланий». Тел. от 10 марта/25 февр. за № 71 Малевский сообщил, что Ямагата обещал еще раз сделать попытку переубедить воен. м-ра, но на успех не надеется (ср. № 160).

[1] Черновик написан рукою Казакова.

[2] В письме на имя Горемыкина от 17/4 февр. член Гос. совета Унтербергер, ссылаясь на «последовательность, настойчивость и железную энергию, с которыми Япония преследует намеченные себе политические и экономические цели в восточном побережьи азиатского материка», высказывал опасение, чтобы Япония не воспользовалась в ущерб русским интересам европейской войной и отвлечением внимания России от Дальнего Востока. При этом письме Унтербергер препроводил записку, составленную, по его словам, в связи с сочувственным отношением части русской прессы к появившимся в японской печати «суждениям политических деятелей о желательности теперь же закрепить установившиеся добрососедские отношения между Японией и Россией заключением союзного договора»; в этой записке он, по его словам, высказывал мнение, что «в интересах России желательно уклониться от переговоров о союзе, если бы они были возбуждены Японией, впредь до возвращения наших войск на Дальний Восток и занятия нами там твердого положения в военном отношении». Записка Унтербергера в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

комство с приемами японской политики на Дальнем Востоке. По этому поводу я не могу не припомнить, что в 1907 г. в бытность свою приамурским генерал-губернатором, инж.-ген. Унтербергер считал неизбежным новое нападение на нас Японии в самом близком будущем. В это самое время между императорским и японским правительствами происходили переговоры, приведшие к подписанию политического соглашения [28] 15 июля 1907 г., разграничившего сферы деятельности России и Японии в Манчжурии и послужившего преддверием для заключения между ними в 1910 году соглашения о солидарном образе действий в этой области [1]. Факта этого, мне кажется, нельзя не иметь в виду при оценке суждений инж.-ген. Унтербергера о направлении и приемах японской политики.

Обращаясь к рассмотрению самой записки инж.-ген. Унтербергера, обязуюсь прежде всего заметить, что я не могу согласиться с высказываемым им мнением, будто война 1904 — 1905 годов была вызвана желанием Японии оттеснить нас от берегов Тихого океана. С самого того момента, когда Россия овладела Квантунским полуостровом, японское правительство искало для себя компенсации в Корее. При переговорах, которые происходили в то время между нашим посланником в Токио бароном Розеном и японским министром иностранных дел бароном Нисси, вопрос первоначально и был поставлен на почву признания преимущественного положения Японии в Корее взамен признания японским правительством своей незаинтересованности в Манчжурии. Мы не сочли возможным пойти на такую постановку вопроса и настаивали на равноправии России и Японии в Корее. Противодействие, которое мы оказывали японской политике в Корее, и было причиною войны 1904 — 1905 годов. Если же, по Портсмутскому мирному договору, Япония сверх отказа нашего от Кореи добилась передачи ей Квантуна, южной ветки Китайской Восточной железной дороги и южной половины Сахалина, то это было следствием одержанных ею военных успехов, а не выполнением заранее обдуманного плана.

Весьма скоро и вскоре после заключения мира у России и Японии нашелся тот общий интерес, существование которого отрицается в записке инж.-ген. Унтербергера. По Портсмутскому мирному договору Манчжурия должна была быть очищена от русских и японских войск и передана в управление китайских властей. Как пекинское прави-

[1] Имеются в виду соглашения от 30/17 июля 1907 г. и 4 июля/21 июня 1910 г., опубл. Э. Д. Гримм «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке», стр. 169, 177, где первое соглашение по ошибке датировано 13 февраля/31 января 1907 г.

тельство, так и державы были склонны толковать весьма распространительно это постановление и отрицать всякое преимущественное положение России и Японии в областях, обслуживаемых Китайскою Восточною и Южно-Манчжурскою железными дорогами. Само собою разумеется, что ни мы, затратившие огромные силы и капиталы в Манчжурии, ни японцы, силою оружия добившиеся владения жизненной артерией Южной Манчжурии — пересекающей ее от Чанчуня до Порт-Артура железнодорожной линией, не могли согласиться на такое полное лишение нас плодов наших трудов. Результатом чувства солидарности в манчжурских делах, возникшего под влиянием сказанного обстоятельства, явилось соглашение о разграничении русской и японской сфер деятельности, заключенное менее двух лет спустя по подписании мирного договора в Портсмуте. Предложение американского статс-секретаря Нокса выкупить у России и Японии их железные дороги в Манчжурии [1], заставило российское и японское правительства почувствовать необходимость объединить свои силы для защиты принадлежащих им в этой стране интересов, результатом чего явилось новое политическое русско-японское соглашение. [4 июля] 21 июня 1910 года. В дальнейшем, напр., при возникновении проекта Цзинь-чжоу—Айгунской железной дороги [2] при заключении китайских займов и пр., Россия и Япония неоднократно испытывали потребность опереться друг на друга, чтобы оградить свои интересы в Китае. Солидарность русской и японской политики постепенно начинала сказываться таким образом на более широком поле действия, чем одна Манчжурия.

Я не сомневаюсь, что если вопрос об установлении между Россией

[1] 6 нояб./24 окт. 1909 г. статс-секретарь государственного департамента США Нокс предложил английскому правительству план нейтрализации манчжурских железных дорог. Согласно этому плану международный синдикат из американских, английских, французских, германских, русских и японских капиталистов должен был выкупить у России и Японии их манчжурские железные дороги и все принадлежавшие им права и интересы для возвращения их Китаю. Управление дорогами и дальнейшее железнодорожное строительство должны были находиться в руках шестерного синдиката до уплаты Китаем затраченных синдикатом сумм. 8 янв. 1910 г./26 дек. 1909 г. этот план был предложен всем пяти правительствам. Россия и Япония его отвергли 21/8 янв. 1910 г.

[2] 2 окт./19 сент. 1909 г. банкирская группа Моргана заключила соглашение с манчжурскими властями о предоставлении займа на постройку железной дороги Цзинь-чжоу—Айгун. Вследствие сопротивления России и Японии и эта попытка американского капитала проникнуть в Манчжурию потерпела крушение, несмотря на утверждение соглашения от 2 окт./19 сент. эдиктом кит. императора от 21/8 янв. 1910 г.

и Японией более тесных политических отношений, ныне обсуждаемый только на газетных столбцах, будет перенесен в область сношений между правительствами, на что однако пока нет указаний, — почвою для такого сближения могут быть только китайские дела. Разграничиться с Японией в Китае мне представляется задачею исполнимою: Япония интересуется преимущественно Центральным и Южным Китаем — долиною Янтцекианга и Фуцзянскою провинциею; русские же интересы сосредоточены в застенных областях Китая — в Илийской и Тарбагатайской областях, в Алтайском округе, в Синьцзянской провинции, в Монголии.

Чтобы закрепить за собою результаты происходящей ныне войны, нам еще надолго потребуется обратить на запад наши силы и внимание. На Дальнем Востоке в ближайшие годы, а может быть и десятилетия, нам предстоит искать дружбы и мира с нашими соседями и, конечно, прежде всего с сильнейшим из них — с Японией. Вот почему я полагаю, что нам не следует отталкивать эту державу, и если бы она пожелала войти с нами в более близкие отношения, пойти навстречу такому стремлению. Во что могло бы вылиться наше дальнейшее сближение, — пока затруднительно сказать. Едва ли могла бы быть речь об оборонительном и наступательном русско-японском союзе. Но взаимное содействие русской и японской политики на почве китайских дел кажется мне не только не опасным для нас, но скорее желательным.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 363. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 96 [1]. 13 марта/28 февраля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Сегодня имел первую беседу с новым министром иностранных дел [2], который меня заверил в тождественности направления политики нового кабинета с политикой предшествующего. Единственная разница точек зрения состоит в моменте выхода Греции из нейтралитета. Настоящий кабинет, придерживающийся взглядов более консервативных ... ,считает нужным закрепить за Грецией теперешнее ее достояние ранее, нежели пуститься в новые приращения. Венизелос, по мнению министра, слишком торопился выступлением, не имея за собой ни точных уверений и внешних гарантий безопасности, ни твердых обещаний

[1] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 5.

[2] В каб. Гунариса пост м-ра ин. дел занял Зографос.

компенсаций. Новые условия могут однако легко создать возможность греческого выступления, относительно коего министр выражался не без сочувствия. Я счел нужным воспользоваться поворотом беседы, чтобы теперь же вывести... на чистую воду откровенным объяснением наших бесспорных и первостепенных интересов — согласно вашим предписаниям, указывая при этом моему собеседнику на широкие вознаграждения, ожидающие Грецию в Малой Азии в случае ее участия в войне против Турции. Сначала несколько озадаченный, министр спросил меня, убежден ли я в сочувствии Англии нашему безраздельному господству в Константинополе и над Проливами, и не предвидятся ли (по этому поводу затруднения) со стороны Италии, Румынии и других государств. Он обратил мое внимание на много... греческое (население) Константинополя... права их... самоопределение. Он осведомился, наконец, (у) меня, разрешено ли было бы греческим войскам при случае вступить с союзниками в Константинополь [1]. Относительно сочувствия Англии я ответил, что не имею сомнений в полной солидарности России и ее союзницы. Что же касается участи греков, то о ней беспокоиться нечего, так как они искони пользовались уважением в России к их правам, и нет причин тому, чтобы мы переменили наше к ним отношение. Вступление же греческих войск в турецкую столицу мы признаем отнюдь нежелательным, хотя бы во избежание недоразумений, а может быть и беспорядков. Министр закончил принятием нашего разговора к сведению, я же просил его пока считать беседу конфиденциальной.

Демидов.

№ 364. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 136. 13 марта/28 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Миллера № 425 [2].

Так как, несмотря на обещания, неоднократно данные мне министром иностранных дел, и на заявления самого президента, китайские де-

[1] Тел. от 13 марта/27 февр. за № 514 военный агент в Греции Гудим-Левкович сообщал в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба следующее: «Участие во вступлении в Царьград болгар не опасно для нас, не так, как греков, которое взбудоражило бы весь Ближний Восток и воскресило бы замыслы эллинизма, имея последствием массу интриг. Кроме того, за спиной греков могли бы оказаться не только немцы, но и наши союзники, филэллинствующие, чтобы противопоставить панславизму, а за болгар — разве лишь разбитые немцы».

[2] Тел. от 12 марта/27 февр. за № 425 Миллер сообщил, что кит. делегаты соглашаются принять статью о торговом обложении при условии: 1) что будет точно

легаты в Кяхте продолжают проявлять упорство в редактировании статьи о торговом обложении, то мне казалось бы наиболее целесообразным заявить китайцам, что, в случае их несогласия принять означенную статью в нашей редакции, мы прекращаем переговоры, причем, конечно, все достигнутые до сих пор результаты потеряют всякое значение. Вместе с тем необходимо было бы вполне точно разъяснить китайцам, что в таком случае мы не согласимся и на возобновление переговоров на прежних началах в Пекине, что, несомненно, соответствовало бы их рассчетам. Я полагаю, что в настоящий момент осложнений с Японией подобное наше заявление даст благоприятные результаты даже без обращения к принудительным мерам [1].

Крупенский.

№ 365. Японский министр иностранных дел Като японскому послу в Петрограде Мотоно.

./. Телеграмма [2]. 13 марта/28 февраля 1915 г.

О ходе переговоров с Китаем я передал вам телеграммою за № 106. Хотя после того состоялись совещания, но некоторые из требований, которым мы придаем особое значение, еще не приняты. Признавая необходимым в этом вопросе прибегнуть к мерам давления, императорское правительство несколько дней тому назад приказало нашему посланнику в Пекине поспешить с переговорами и одновременно ускорило отправку частей дивизии, которая должна заменить стоящую в настоящее время в Манчжурии дивизию, и отложило на неопределенное время возвращение последней, несмотря на приближение срока отозвания этой дивизии. Предполагалось отозвать в апреле оккупационную армию в Шаньдуне, а теперь решено одновременно с посылкой нового оккупационного отряда оставить и старый отряд, так что фактически в Шань-

---

определен размер обложения; 2) что упоминание о будущем повышении обложения будет опущено и 3) что кит. рабочие и ремесленники будут освобождены от сборов.

[1] Тел. от 15/2 марта за № 1167 Нератов сообщил Крупенскому: «По вопросам юрисдикции, о праве собственности на телеграф и, наконец, о Внутренней Монголии китайские делегаты несомненно проявят одинаковое упорство. Прибегать по каждому из этих вопросов к угрозе отказа от переговоров с возобновлением их лишь на иных основаниях значило бы лишить эту угрозу значения». Крупенскому было предложено сделать кит. прав-ву заявление, согласно тел. за № 1168 (см. № 376).

[2] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел и переведена с японского.

дуне будет стоять более дивизии ... и .... И те, и другие будут посажены на суда и отправлены 16 и 17 марта.

Секретно.

11 марта меня посетил английский посол на моей частной квартире, и я ему конфиденциально сообщил об этом. Так как с отправкой вышеозначенных войск дело обостряется, посол меня спросил, делается ли это с целью произвести давление. Я ответил, что не с целью давления, а потому что неизвестно, какой ответ даст Юань Ши-кай. Посол еще спросил меня, может ли он телеграфировать об этом своему правительству, на что я ему ответил, что я не вижу препятствий, если он будет телеграфировать об этом только сэру Э. Грею.

Вышеизложенное исключительно для вашего конфиденциального осведомления. Прошу передать циркулярно послам в Лондоне, Париже и Вашингтоне.

№ 366. Главноуправляющий землеустройством и земледелием министру иностранных дел.

Письмо № 132 [1]. 13 марта/28 февраля 1915 г.

Доверительно.

Успешные результаты наших военных операций на турецком фронте дают основание предполагать, что в более или менее близком будущем окажется возможность исправления кавказской границы и округления наших владений в Малой Азии и Армении. В настоящее время трудно, конечно, предвидеть характер и размер возможных здесь территориальных приобретений России, так как таковые будут зависеть не только от хода кампании на этом фронте, но и от общих политических обстоятельств. Надо полагать однако, что присоединение к Закавказью некоторых приграничных частей Турции, важных для нас по тем или другим причинам, не представит особых затруднений.

По этим соображениям позволяю себе обратить внимание вашего высокопревосходительства теперь же на те из означенных областей, которые имеют для сельскохозяйственного ведомства существенное значение.

Первую из них представляет побережье Черного моря от теперешней нашей границы до Самсуна (Трапезундский вилайет). По климату и растительности побережье это является непосредственным продолжением Батумской ривьеры, но еще несколько теплее. Оно производит апельсины, лимоны, орехи, табак, богато лесом и представляет исключительно благоприятные условия для дачных поселений и климатиче-

[1] Маш. копия. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 360.

ских курортов. Производительность побережья может быть во много раз увеличена, причем к числу растений, культура коих получит здесь развитие, принадлежит, кроме перечисленных, еще и чай. Расположенные к югу от побережья нагорные районы подняты сравнительно высоко и вполне пригодны для широкого развития переселения.

Другой областью, лежащей к юго-востоку от первой, является бассейн верхнего течения Аракса и Евфрата, обыкновенно называемый Арменией (Эрзерумский и Ванский вилайеты и часть Битлисского вилайета). Большая часть этой области приподнята высоко над уровнем моря, отличается сравнительно суровым здоровым климатом и вполне пригодна для русских переселенцев. Пустующие земли занимают здесь обширные пространства. В особенности важным районом этой области являются верховья Аракса, нижнее течение коего находится в наших пределах и служит источником для орошения обширных степных пространств Восточного Закавказья. Часть этих степей уже орошена, но полное использование пустующих земель в данном бассейне для нужд переселения и хлопководства возможно лишь при условии устройства в верховьях реки водохранилищ для сбережения зимних вод и пополнения таковыми недостатка воды в летнее время. В этих целях, а также и для умножения рыбных богатств в Араксе, обладание районом его верховьев имеет для нас весьма существенное значение.

Не менее важные для нас области расположены и вдоль персидской границы, ввиду чего, в случае общего пересмотра политического устройства Передней Азии, вероятного при грядущих событиях, на эти области необходимо обратить особое внимание.

Одна из этих областей представляет так называемую персидскую Мугань, прилегающую с юга к нашей Муганской степи. Заканчиваемое ныне орошение русской Мугани не может быть распространено по условиям рельефа на южный ее район, обладающий хорошей почвой и заключающий до 40 тысяч десятин. Орошение этого района, а также приграничной части персидской Мугани возможно лишь при условии выведения канала на правый берег Аракса в пределах Персии. В видах орошения этого района возникло предположение испросить у персидского правительства концессию на имя Учетно-Ссудного банка Персии; проект концессии выработан, и вашему высокопревосходительству угодно было поручить это дело особому вниманию императорской миссии в Тегеране [1]. Приобщение персидской Мугани, помимо разреше-

[1] Имеется в виду проект концессии на орошение перс. части Муганской степи, выработанный правлением Учетно-Ссудного банка и одобренный м-вом

ния вопроса об орошении южной части русской Мугани, дало бы возможность оградить наши муганские поселки от большого ущерба, наносимого им грабежом и угоном скота кочующими в пределах Персии шахсевенами. Кроме того, перенесение русской границы на юг до гребня первых значительных возвышенностей весьма желательно в видах успешной борьбы с бичем данного района — саранчой.

Всем этим целям отвечало бы такое спрямление границы, при котором вся вдающаяся на север между Ленкоранским и Карягинским уездами часть Персии отошла бы нам. Еще более желательным явилось бы присоединение всего Северного Азербайджана, так как в таком случае к нам отошел бы весь правый берег Аракса и были бы устранены существенные неудобства, проистекающие при устройстве в бассейне реки орошения из пограничного положения последней.

К данной области с востока прилегает не менее важное для нас южное побережье Каспийского моря — Гилян и Мазандеран. Оно отличается мягким климатом, богато строевым лесом и вполне пригодно для подтропических культур до хлопка, апельсинов и лимонов включительно. Устья впадающих в море рек изобилуют рыбой. Наконец, еще восточнее лежит Астрабадская провинция, занятая бассейном р. Гюргена и других мелких речек. В последнее время здесь образовался ряд русских поселков (10 с населением до 21—22 тыс.), имеется много участков, приобретенных или арендованных русскими предпринимателями, и заявлены ходатайства об оросительных концессиях в целях культуры хлопчатника. Присоединение этого района дало бы возможность упорядочить крайне запутанные здесь земельные отношения и укрепить положение наших переселенцев и предпринимателей, которое пока является довольно шатким и ненадежным.

Как видно из этих данных, приобщение названных областей, расширив на юг пределы империи, разрешило бы в то же время ряд давно назревших хозяйственных вопросов первостепенной важности.

Сообщая о вышеизложенном, долгом считаю обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой принять во внимание приведенные соображения при предстоящих, после завершения военных действий, мирных переговорах и возможном, в результате таковых, исправлении нашей турецко-персидской границы.

Примите и пр.

К р и в о ш е и н.

фин. Копия этого проекта была отправлена поверенному в делах в Тегеране Саблину 15/2 дек. 1913 г.

№ 367. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Т/. Телеграмма № 1145 [1]. 14/1 марта 1915 г.

Телеграмма за № 2363 [2] получена.

По политическим соображениям было бы чрезвычайно трудно предотвратить прибытие в Тавриз велиагда, который находится ныне уже близко к цели своего пути. Есть основание опасаться, что такого рода вмешательство с нашей стороны вызвало бы повсеместное сильное возмущение против нас в Персии. С другой стороны, имеются указания на то, что приезд в Тавриз наследника престола скорее может внести успокоение как в Азербайджане, так и в Тегеране, где этому обстоятельству придается значение закрепления за Персиею сказанной провинции. К тому же враждебный нам кабинет вышел в отставку и, может быть, будет заменен лучшим [3].

Беляеву предписано при первом же свидании внушить велиагду необходимость действовать чрезвычайно осторожно, принять энергичные меры к прекращению агитации против нас и всяких толков, а равно распустить скорее сопровождающих его всадников, во избежание осложнений, которые могли бы поставить в опасное положение самого принца [4].

Если за всем тем приезд велиагда повлечет за собою какие-либо неудобства для нас, то за нами останется полная свобода действий, о чем дано было понять в свое время шахскому правительству.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 12 марта/27 февр. за № 2363 Воронцов-Дашков передал мнение командующего армией, что, ввиду усиления в Азербайджане националистического и антирусского движения, желательно отсрочить приезд велиагда в Тавриз «до выяснения направления политики тегеранского кабинета в Азербайджане и до изменения в лучшую сторону, по отношению к нам, настроения населения Азербайджана».

[3] Тел. от 12 марта/27 февр. за № 99 и от 15/2 марта без номера Коростовец извещал министерство, что Мостоуфи-оль-Мемалек подал в отставку, вызванную «сознанием невозможности работать без нашей поддержки и отрицательным отношением меджлиса», и был заменен Мушир-эд-Доуле.

[4] См. № 332.

№ 368. Разговор советника II политического отдела Гулькевича с уполномоченным сербо-хорватской коалиции Супило [1].

14/1 марта 1915 г.

По словам Супило, он перед отъездом своим из Парижа заходил к Извольскому. Посол жаловался ему на неуступчивость и упрямство сербов, из-за которого мы до сих пор не можем добиться выступления болгар на нашей стороне. «Вы едете в Ниш, — сказал ему, будто бы, Извольский, — повидайте Трубецкого, назначенного не как обыкновенный посланник, а с более широкой миссией. Передайте ему от меня письмо. Посоветуйтесь с ним и попытайтесь воздействовать на сербов, подчеркнув им возможности, которые откроются для Сербии с выходом на Адриатическое побережье. Эти возможности облегчат им, быть может, отказ от Македонии». Супило объявил Извольскому, что готов исполнить его поручение, которое соответствует его взглядам на слияние хорватов с сербами. Его убеждения сводятся к тому, что это слияние должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного миросозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов. Супило подчеркнул при этом европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской.

В Риме Супило виделся с Ризовым и изложил ему свои мысли. «Вы сами знаете, — сказал он Ризову, — что у болгар нет более горячих друзей, чем хорваты. Во время балканской войны очарование болгарами достигло у нас своего апогея. Но братоубийственная война во многом изменила наше отношение к болгарам. Черпая сведения о болгарах исключительно из австрийских органов печати, хорваты сильно в них разочаровались. Вы, болгары,—слепое орудие Австрии и не понимаете, какое зло наносите славянскому делу». Далее, Супило стал убеждать Ризова, что одни хорваты призваны на дело примирения между сербами и болгарами, на отвлечение сербов от Македонии и привлечение их к новой жизни, которая откроется для Сербии с получением выхода на Адриатику.

Ризов отнесся к мыслям Супило сочувственно и сказал, что сам хочет отказаться от своего поста и начать заниматься внутренней политикой своей страны.

Супило выразил, между прочим, в разговоре с Ризовым недоумение по поводу появившегося в итальянских газетах интервью Геннадиева, в котором последний приглашает Италию распространить свое культурное влияние на Балканы. Супило сказал Ризову, что относится

[1] Заголовок оригинала.

к появлению Италии на Балканах отрицательно и что присутствие такового способно задушить балканские народы, отняв у них надежду выхода к Адриатике. Балканским народам Италия, по словам Супило, еще опаснее, нежели Австрия.

Ризов смутился и обещал узнать о причинах газетного выступления Геннадиева. На следующий день он заявил Супило, что Геннадиевым руководило желание сказать любезность Италии и что он под проникновением Италии на Балканы подразумевал исключительно занятие ею Валоны.

Приехав в Ниш, Супило побывал у Трубецкого. Последний посоветовал ему повидать Пашича. Супило виделся с Пашичем. Он убедился, что Пашич его понимает и готов отказаться от Македонии. По его словам, Пашич сознает, что в своем отказе от Македонии он должен опираться на хорватов.

При вторичном свидании с Пашичем последний, узнав, что Супило едет в Россию, отговаривал его от поездки через Софию. Болгары, по его мнению, танцуют по указке Вены. Пашич привел ему следующий пример. Австрийские военнопленные пишут из Сербии домой открытые письма. Эти письма передаются, по словам Пашича, в Софии в австрийскую миссию, которая ставит на них клеймо и разрешает их дальнейшее следование.

Супило поверил Пашичу и рассказал о предостережениях его Трубецкому, который советовал ему не ослушиваться советов Пашича и отправиться прямо в Россию.

Приехав в Петроград, Супило был у Милюкова, которому развивал свои взгляды на болгарские преступления. Милюков предложил ему посетить Маджарова. Маджаров в разговоре с Супило сначала настаивал на том, что виноваты сербы, не желающие отказаться от Македонии. Но под конец Супило удалось убедить Маджарова в своих взглядах.

Советник второго политического отдела предостерег Супило, указав ему, что победа его над Маджаровым особого влияния на болгарское правительство не окажет.

№ 369. Записка, составленная в министерстве иностранных дел.

14/1 марта 1915 г.

К вопросу об уступке англичанам нейтральной зоны в Персии[1].

I.

1) Следует оговорить, что за нами должны остаться округа Исфагани

[1] Ср. № 352, стр. 454.

и Иезда, к югу от этих городов, где у нас имеются многочисленные и существенные интересы. В свое время великобританская миссия в Тегеране уже признала, что так и следует понимать соответствующую I статью конвенции 1907 года [1].

2) Так как наша сфера совершенно не соприкасается с афганской границей, а нейтральная подходит клином к самой нашей границе у Зульфагара, то, в случае уступки англичанам и этой части нейтральной зоны, их сфера влияния распространилась бы до пределов Закаспийской области. Это, конечно, недопустимо. Поэтому придется поделить нейтральную зону на восток от меридиана г. Иезд так, чтобы граница нашей сферы подошла к афгано-персидской границе примерно около Иездуна (Jozdan).

3) В ответ на проектированные англичанами железные дороги в Южной Персии мы предъявили, в свою очередь, притязания на постройку нескольких линий в нейтральной зоне, имевших предотвратить сооружение англичанами таких дорог (так называемых меридиональных), которые могли бы быть чрезвычайно вредными для наших торговых интересов. Вопрос о том, как надо будет поступить с намеченными нами линиями в случае уступки зоны англичанам, требует всестороннего обсуждения.

4) Необходимо отстаивать прежний наш взгляд относительно направления Трансперсидской ж. д. [2], а равно настаивать на предоставлении последней права разработки рудных богатств на известном пространстве по обе стороны пути.

5) Во изменение последней части статьи III конвенции [3], великобританское правительство должно принять меры, дабы Шахиншахский банк прекратил свою деятельность в нашей сфере влияния, за исключением лишь Тегерана; оно не должно также препятствовать тому, чтобы в нашей сфере эмиссионное право перешло к нашему банку. Наш банк, в свою очередь, не будет, конечно, проникать за пределы нашей зоны.

Равным образом великобританское правительство обязуется не чи-

[1] Ст. I англо-русской конвенции от 31/18 авг. 1907 г. англ. прав-во обязалось не домогаться никаких концессий политического или торгового свойства «по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфагань, Иезд, Ках и оканчивающейся в точке на персидской границе при пересечении границ русской и афганской».

[2] См. т. I, №№ 25, 152, 181, 319.

[3] Конец ст. III читается: «Все концессии, существующие в настоящее время в областях, указанных в ст. ст. I и II [устанавливавших сферы влияния], будут сохранены».

нить никаких препятствий к осуществлению нами каких-либо концессий в нашей зоне, как, например, территориальной концессии в Исфаганском округе.

6) Должна быть выговорена для нас по возможности полная свобода действий в нашей сфере влияния и абсолютное невмешательство англичан в наши отношения с персидским правительством по поводу осуществления нами наших прав в сказанной сфере.

II.

В связи с уступкой нами англичанам нейтральной зоны Персии желательно разрешить вопрос о Северном Афганистане в том смысле, как это изложено было в письме гофмейстера Нератова от [10 июня] 28 мая 1914 г. Переписка при сем прилагается [1].

Желательно также добиться для нас права вывода оросительных каналов из рек Аму-Дарья, Мургаб и Теджен на афганской территории в смысле письма гофмейстера Нератова к послу в Лондоне от [20] 7 апреля 1914 г. № 341. Переписка также прилагается при сем [2].

III.

Казалось бы полезным затронуть теперь же и вопрос о священных шиитских городах Неджефе и Кербеле. В этом вопросе Россия заинтересована как с точки зрения паломничества ее подданных, так и с точки зрения ее политики в Персии, для осуществления коей возникали не раз значительные затруднения со стороны Неджефа и Кербелы.

Подобно тому как находящееся географически в русской зоне тегеранское правительство подвергалось с 1907 г. дружественному воздействию совместно России и Англии, было бы желательно обеспечить касательство обеих держав в области высшего духовного руководительства мира шиитов.

Быть может, было бы своевременно указать ныне же и на то, что подобное же положение следовало бы создать и в обще-мусульманских центрах — Мекке и Медине, при участии других держав, имеющих мусульман в числе своих подданных, как Франция и Италия. Это особенно важно, если решено будет отнять у турецкого султана звание халифа.

---

[1] Имеется в виду письмо Сазонова от 10 июня/28 мая 1914 г., См. т. III, № 194.

[2] Письмо Нератова от 20/7 апр. 1914 г. за № 341 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

№ 370. Помощник директора канцелярии министерства иностранных дел министру иностранных дел в ставку.

Телеграмма № 1151 [1]. 14/1 марта 1915 г.

Télégramme de l'ambassadeur de France au ministre:

Je serais reconnaissant à votre excellence de vouloir bien faire savoir à sa majesté l'empereur que le gouvernement de la République, ayant délibéré sur les conditions de paix qu'il conviendra d'imposer à la Turquie désire annexer la Syrie, y compris la région du golfe d'Alexandrette et les régions ciliciennes jusqu'aux chaînes du Taurus [2]. Je serais heureux de pouvoir assurer sans retard à mon gouvernement que sa majesté l'empereur acquiesce à ce désir. — Paléologue [3].

[Базили.]

Перевод.

Телеграмма французского посла министру.

Я был бы признателен вашему превосходительству, если бы вы довели до сведения его величества государя, что правительство Республики, обсудив условия мира, которые придется предъявить Турции, желает присоединить Сирию, включая район Александреттского залива, а также область Киликии до горных цепей Тавра. Я был бы счастлив иметь возможность безотлагательно заверить мое правительство, что его величество император соглашается на это пожелание. Палеолог.

[Базили.]

№ 371. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо [4]. 14/1 марта 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич.

Необходимость использовать остров Лемнос в качестве базы операций против Дарданелл побудила великобританское правительство обратиться через моего английского коллегу к бывшему председателю

---

[1] Лит. копия. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 127.

[2] Тел. от 29/16 янв. за № 22 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 113) Извольский сообщил Сазонову, что из разговоров с Делькассе он вывел заключение, что «в случае раздела азиатских владений Турции, Франция, вероятно, потребует для себя не только сирийское побережье, но и Александретту, в особенности если Смирна будет присуждена Греции».

[3] В тот же день Базили телеграфировал за № 1153 Кудашеву для передачи Сазонову, что Палеолог, признавая исключительную важность вопроса, желал бы лично изложить Николаю II соображения по этому поводу и с этой целью мог бы на следующий день выехать в ставку. Тел. от 15/2 марта Сазонов телеграфировал из ставки о согласии Николая II принять Палеолога 16/3 марта. (Опубл. Р. Аз. Т., стр. 127 и 128.

[4] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 204.

совета министров с соответствующей просьбой о допущении на названный остров союзных отрядов, предназначенных для десанта на Галлиполи.

Принимая во внимание очевидное нарушение этим греческого нейтралитета и в целях избежания протеста, г. Венизелос сговорился с сэром Ф. Эллиотом относительно следующего образа действий. Греческое правительство обращает внимание английского правительства на нарушение подобным поступком нейтралитета Греции, на что лондонский кабинет возражает, что так как Порта доселе отказалась признавать Лондонские постановления, остров Лемнос все еще является в глазах Турции, т. е. государства, наиболее заинтересованного в протесте против действий Англии, оттоманской территорией. Всякий же протест со стороны Турции был бы равносилен признанию острова греческим [1].

Эта ловкая натяжка была принята г. Венизелосом чуть ли не накануне министерского кризиса; таким образом новый кабинет очутился перед совершившимися событиями уговора и фактической высадкой на острове союзных отрядов.

До меня дошло, что нынешний председатель совета г. Гунарис, узнав о произведенной на Лемносе высадке, намеревался было энергично возражать, но его, как кажется, отговорил от этого новый министр иностранных дел.

С другой стороны, сэр Фрэнсис мне поведал, что его правительство непременно отказалось бы в настоящее время придать какое-либо значение запоздалому и при этом заявленному ad hoc признанию Турцией греческого суверенитета над островом. К тому же он здесь дал заверения в том, что остров Лемнос будет очищен до окончания войны.

Примите и пр. Демидов.

№ 372. Памятная записка посольства Соединенных Штатов Америки в Петрограде министру иностранных дел [2].

15/2 марта 1915 г.

In order that non-combatants be accorded safety, the American Ambassador at Constantinople has suggested that neutral zones be established in Pera, Stamboul and Scutari. These zones the Turkish authorities would leave unfortified, and the invading forces attacking Constatinople would agree not to bombard them or use them for landing troops. Accor-

[1] Союзные войска высадились на Лемносе 13 марта/28 февр. См. также ч. 2, стр. 61, прим. 1.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 313.

ding to the American Ambassador this plan is favoured by the Turkish Minister of War.

It has also been laid before the French and British Governments [1].

Перевод.

В целях обеспечить безопасность мирному населению американский посол в Константинополе предложил установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари. Эти зоны турецкое правительство должно будет оставить неукрепленными, а нападающие военные силы, атакующие Константинополь, должны согласиться не обстреливать их и не пользоваться ими для высадки войск. Согласно сообщению американского посла, этот план одобряется турецким военным министром.

Он также представлен французскому и британскому правительствам.

№ 373. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

/. 15/2 марта 1915 г.

По поводу поставленных Италией условий заключения с Россией, Францией и Англией наступательного союза [2] казалось бы возможным высказать от имени императорского правительства следующее [3]:

Большинство условий является для России вполне приемлемыми. Сюда относятся прежде всего:

Незаключение отдельного мира.

Заключение военного соглашения, но при этом взамен определения количества русских войск, имеющих остаться до конца войны в пределах Галиции, было бы желательно установить обязательство Италии не ограничиться занятием Трентино, а вести наступление в глубь Австро-Венгрии [4].

[1] Пам. запиской от 17/4 марта Бьюкенен сообщил об аналогичном выступлении американского посла в Лондоне и запрашивал мнение Сазонова, который в пам. записке от 18/5 марта ответил, что он считает это предложение трудно выполнимым, а в пам. записке от 20/7 марта сообщил, что «штаб верховного главнокомандующего полагает установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари неосуществимым с точки зрения военных требований». Извещенный по этому поводу Сазоновым (тел. от 21/8 марта за № 1284) Извольский тел. от 23/10 марта за № 163 сообщил, что Делькассе разделяет мнение Сазонова. (Все указанные документы опубл. К-поль и Пр., II, стр. 332 и 336.)

[2] См. № 348.

[3] Содержание этой докл. записки дослов: «В таком смысле...» было передано Сазоновым Бенкендорфу и Извольскому 15/2 марта тел. за № 116 (опубл. Ц. Р., стр. 262 где она ошибочно озаглавлена тел. в Рим), а 17/4 марта — пам. запиской Бьюкенену и Палеологу.

[4] В тел. за № 116 и в пам. записке этот пункт читается так: «Заключение военной конвенции, для выработки которой великий князь верховный главно-

Приобретение Италией Трентино и Цизальпинского Тироля.

Образование из центральной Албании самостоятельного государства со столицей в Дураццо.

Приобретение Италией Валоны с прилегающими окрестностями.

Приобретение Италией занятых ею островов Додеканеза.

В случае раздела Турции предоставление Италии Адалии с прилегающим округом.

В случае сохранения хотя бы уменьшенной Турции уравнение Италии с другими державами в отношении прав и преимуществ в турецких областях.

В случае занятия во время войны Малой Азии союзными войсками предоставление Италии занять Адалию.

Недопущение папы к участию в мирных переговорах или международной конференции.

Обнародование соглашения лишь по первому пункту о незаключении отдельного мира.

По всем перечисленным вопросам Россия могла бы, с своей стороны, без затруднения принять поставленные Италией условия, если на это согласятся Франция и Англия.

Напротив, другие условия встречают со стороны России серьезные возражения, а именно Россия не может согласиться на переход в руки Италии почти всех земель со славянским населением на Адриатическом побережьи. В видах достижения соглашения с целью выступления Италии против Австро-Венгрии, Россия могла бы в крайнем случае примириться с уступкой Италии Триеста со всей Истрией и островов в Кварнеро [1]. Что касается остального побережья, от Волоски до Черногории, то казалось бы необходимым прежде всего установить, что Сербия и Черногория должны получить, с целью полюбовного размежевания между собой, весь берег, по крайней мере, от устья реки Керки до нынешней черногорской границы с прилегающими островами. Прибрежная же полоса от Волоски до реки Керки с прилегающими островами должна бы принадлежать Хорватии, в какое бы политическое целое Хорватия ни вылилась после войны.

Наконец, по поводу требования Италии о нейтрализации части Адриатического побережья, то казалось бы возможным согласиться на это в отношении пространства от Химары до Стилоса, а также побе-

---

командующий пригласит главнокомандующего итальянской армией непосредственно договориться с его императорским высочеством».

[1] В тел. за № 116 и в пам. записке согласие на уступку Италии Триеста, Истрии и островов в Кварнеро признается безусловным.

Межд. отн. в эп. импер., т. VII, ч. 1.

режья самостоятельной Албании, но никоим образом Боки Которской и остальной части берега, имеющего отойти к Черногории.

Вместе с тем было бы желательно обусловить, что предлагаемое Италией выступление ее против Австро-Венгрии осуществится не позднее 1 апреля нового стиля, и что Италия заранее обязуется принять все другие условия в связи с окончанием войны, по которым между Россией, Францией и Англией уже достигнуто соглашение.

В таком смысле представлялось бы желательным дать отзыв великобританскому правительству, к посредству которого обратилась Италия для переговоров с нами.

Тем не менее нельзя не предвидеть, что преграда, которую мы стремимся поставить вожделениям Италии на Адриатическом побережьи, вызовет со стороны последней сильнейшее противодействие. Кроме того, в споре по этому вопросу мы не можем рассчитывать на твердую поддержку наших союзников, ибо для них интересы славян на Адриатике представляются второстепенными в сравнении с выгодой привлечения Италии к борьбе против Австро-Венгрии. Поэтому необходимо заранее обдумать, какие уступки мы могли бы сделать в рассматриваемом вопросе, если этого потребует ход последующих переговоров.

Так как главной нашей задачей в данном случае является возможно широкое обеспечение интересов Сербского королевства, то казалось бы желательным постараться прежде всего заручиться согласием держав на присоединение к Сербии вышеуказанной части Далмации. Италии же, если это окажется совершенно необходимым, можно было бы уступить северную часть Далмации с прилегающими островами и населенными итальянцами городами Зара и Себенико, для чего граница по Керке должна была бы близ устья этой реки отойти несколько к югу, чтобы охватить город Себенико, лежащий на левом берегу Керки.

Если вышеизложенные соображения удостоятся высочайшего одобрения, осмелюсь испросить всемилостивейшего соизволения положить их в основу предстоящих по сему поводу переговоров с державами [1].

Сазонов.

С[огласен.]

Царская ставка, [15] 2 марта 1915 г.

[1] В тот же день Нератов тел. за № 1158 (опубл. Ц. Р., стр. 262) передал Сазонову в ставку содержание сообщенной ему Палеологом тел. Делькассе, в которой последний следующим образом высказывался по поводу пожеланий Италии: 1) «создание мусульманской Албании явилось бы источником постоянной смуты

№ 374. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1157. 15/2 марта 1915 г., 3 ч. 30 м. дня.

Ссылаюсь на телеграммы Щеглова № 1369 и Защука № 7-99 [1]. Ввиду первостепенной для нас важности прекращения фактического вывоза бензина и его сурогатов благоволите срочно выяснить, какие меры могли бы к этому привести, а также нельзя ли прибегнуть к подкупу некоторых лиц для достижения этой цели [2].

Сазонов.

№ 375. Помощник директора канцелярии министерства иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Телеграмма [3]. 15/2 марта 1915 г.

Прошу передать министру: по поводу французского сообщения [4] А. А. Нератов высказывает следующие соображения: по его мнению,

---

внутри страны и международных осложнений в будущем»; 2) «осуществление вожделений Италии на все Далматинское побережье было бы в противоречии со стремлением держав предоставить сербам свободное положение на побережьи» и 3) «нейтрализация всего побережья нарушила бы суверенитет прибрежных государств».

[1] Тел. Щеглова за № 1369 и Защука за № 7-99 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[2] Дабы воспрепятствовать вывозу бензина из Румынии в Австро-Венгрию и Германию росс., франц. и англ. прав-ва закупили в окт. 1914 г. у рум. нефтяных фирм 84 000 тонн бензина на сумму в 24 000 000 фр. Платежи по соглашению производила брит. миссия в Бухаресте, которой другие две миссии вносили причитающиеся на их долю суммы. 18/5 апр. 1915 г. англ. прав-во предписало своему посланнику в Бухаресте аннулировать все контракты на покупку нефти.— Росс. посланник добивался полного прекращения вывоза в Австро-Венгрию других нефтяных продуктов, предлагая даже полное прекращение добычи нефти за известное вознаграждение. Рум. прав-во на это не пошло, опасаясь репрессий со стороны центральных держав. Однако росс. миссия в Бухаресте добилась почти полного прекращения вывоза бензина, так что с окт. 1914 г. по 18/5 марта 1915 г. (по данным Поклевского) было вывезено всего 322 вагона бензина в Германию и Австрию в обмен на предметы вооружения.

За вывозом в Турцию бензина зорко следили русские агенты в Болгарии. Бензин, направлявшийся из Румынии в Старую Загору, был взорван в Бургасе агентами полковника Татаринова, так как «он несомненно попал бы в Турцию». (Тел. Савинского Сазонову от 21/8 апр. за № 224, тел. Поклевского от 11 февр./29 янв. за № 73, 18/5 марта за № 158, 8 апр./26 марта за № 198, справка м-ва ин. дел в деле А. В. 71 и пам. записка англ. пос-ва от 18/5 апр.).

[3] Лит. копия; номер отсутствует; опубл. Р. Аз. Т., стр. 123.

[4] См. № 370.

надлежало бы указать французам, что армяне, по нашим сведениям, мечтают о Мерсине с областью, населенной армянами, и что включение этих местностей в зону французских притязаний может вызвать среди армян разочарование по отношению к Франции. Притом надлежало бы объяснить французам, что мы обращаем на это их внимание, дабы они не могли упрекнуть нас в том, что мы не осведомили их своевременно об армянских вожделениях. В заключение А. А. Нератов полагал бы однако необходимым заявить французам, что если Франция признает для себя присоединение Мерсины важным и необходимым, то мы, конечно, не будем этому препятствовать.

Базили.

№ 376. Товарищ министра иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

-/. Телеграмма № 1168. 15/2 марта 1915 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

№№ 412 [1], 413 [2] и 425 [3] получены.

Наша редакция статьи о торговом обложении основана на том положении, что китайцы не пользуются экономической внеземельностью в Монголии. От этого основного положения, отрицаемого китайскими делегатами, мы считаем тем менее удобным отступить, что только таким образом видим возможность бороться против экономического засилья китайцев в Монголии, бывшего одной из главных причин событий, поведших к созданию автономной Монголии. Повторения этих событий равно нежелательны и для нас, и для китайцев, и для монголов. Пре́дположенный тройной договор и призван служить цели их предупреждения.

Благоволите, высказавшись в этом смысле, объяснить китайским делегатам, что их упорство по вопросам о торговом обложении, о юрисдикции, о телеграфе и пр., явно направленное к созданию условий, благоприятных для восстановления экономического засилья

[1] В тел. от 8 марта/23 февр. за № 412 сообщалось, что в этот день была принята всеми тремя сторонами статья о территориальном разграничении Внешней Монголии с Китаем в русской редакции (Ср. № 310). Далее сообщалось, что на предложение монголов обсудить вопросы амнистии и религиозной свободы во Внутренней Монголии кит. делегаты ответили, что они желают раньше договориться о торговом обложении и юрисдикции.

[2] Тел. от 8 марта/23 февр. за № 413 Миллер высказывал опасения, что монголы могут уступить китайцам в вопросах обложения товаров.

[3] См. стр. 473, прим. 2.

китайцев в Монголии, доказывает в наших глазах преследование ими неприязненных России и Монголии замыслов и равносильно нежеланию договориться по этим вопросам. При таких условиях они сами делают дальнейшие переговоры бесполезными.

Нератов.

Правильно.

Царская ставка, [18] 5 марта 1915 г.

№ 377. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому и посланнику в Пекине Крупенскому.

Письмо № 120. 15/2 марта 1915 г.

М. г. Николай Андреевич (Василий Николаевич),

Японский посол ознакомил нас с сущностью предъявленных его правительством Китаю требований памятными записками, в копии при сем препровождаемыми [1].

При рассмотрении этих требований мы не могли не обратить внимания на то, что, если бы те из них, которые касаются японской сферы в Манчжурии и Внутренней Монголии, были удовлетворены китайским правительством, мы имели бы основания требовать от последнего предоставления нам однородных прав и льгот в русской сфере. При этом особенное наше внимание привлек вопрос о праве повсеместного жительства и владения недвижимостями, которого японское правительство добивается в Южной Манчжурии. Нет сомнения, что, ввиду неоднократно провозглашенного принципа открытой двери в этой области, сказанное право, если бы оно было получено японским правительством, распространилось бы не на одних японцев, но и на русских и на всех вообще иностранцев. Такое толкование было нам подтверждено и японским послом. Соответственно этому, если бы мы заручились вышеупомянутым правом повсеместного жительства и владения недвижимой собственностью в Северной Манчжурии, мы не могли бы отказывать в пользовании им подданным других держав без особого на этот счет с ними соглашения. Между тем, едва ли можно сомневаться, что это право было бы широко использовано японцами, вероятно, даже шире, чем русскими. Ввиду этих соображений у нас возник вопрос, не представилось ли бы возможным дополнить наше соглашение с Японией о разграничении сфер деятельности в Манчжурии [2] новым постановлением об отказе каждой из договаривающихся

[1] См. стр. 191, прим. 1 и стр. 324, прим. 1.

[2] Имеется в виду секретная часть русско-япон. соглашений от 30/17 июля 1907 г. и от 4 июля/21 июня 1910 г.

сторон от пользования правом повсеместного жительства и владения недвижимой собственностью в сфере другой договаривающейся стороны. В этом направлении мы решили зондировать почву у японского посла.

Из объяснений наших с бароном Мотоно и советником японского посольства г. Тацуке [1] выяснилось, что, по их мнению, нельзя ожидать, чтобы токийский кабинет пошел на такого рода дополнительное соглашение, по крайней мере, в настоящую минуту, т. е. ранее предполагаемого установления между Россией и Японией более тесного политического сотрудничества. Барон Мотоно выразил опасение, что при той нервности, с которой общественное мнение в его отечестве относится к отказу японцам в праве владения землей в Калифорнии [2], японское правительство было бы поставлено в тягостное положение, если бы согласилось обсуждать наше предложение в вышеозначенном смысле. Само собой разумеется, что ввиду существующего между нами и Японией соглашения об отказе от получения концессий в чужой сфере Манчжурии, японцы не могут претендовать на приобретение обширных земельных площадей в Северной Манчжурии. Но если бы русские и прочие иностранцы получили право проживать в Северной Манчжурии вне полосы отчуждения, то и японцы считали бы себя в праве проживать вне этой полосы и приобретать нужные им для жительства и торговли дома, лавки, склады и пр.

Здешние японские представители полагают однако, что в Японии никто не поставил бы нам в упрек, если бы, сознавая, что правом повсеместного жительства и владения недвижимостями в Северной Манчжурии воспользовались бы не столько русские, сколько японцы и другие иностранцы, мы не требовали бы у китайского правительства этого права, хотя бы японскому правительству и удалось добиться его в Южной Манчжурии и прилегающей к ней Внутренней Монголии.

---

[1] См. стр. 308, прим. 1.

[2] Первые мероприятия, направленные против иммиграции японцев в Калифорнию, относятся к 1906 г., когда в Сан-Франциско было издано постановление, запрещавшее япон. детям доступ в госуд. школы. Это постановление вызвало переговоры между прав-вами Японии и США., приведшие к подписанию в 1907 г. «джентльменского соглашения», по которому япон. дети были снова допущены в школы, но было запрещено переселение японцев с Гавайских о-вов в США. Вслед за тем калифорнийским прав-вом был издан целый ряд ограничительных постановлений, а 2 мая 1913 г. калифорнийским собранием был принят закон, устанавливавший, что иностранцы, не имеющие права стать американ. гражданами (имелись в виду японцы), лишались права владения землей и сохраняли право аренды земли только на 3 года.

По их мнению, было бы вполне естественным наше воздержание от создания в нашей сфере таких порядков, которые представляли бы более выгод для наших соседей, чем для нас самих.

О вышеизложенном считаю долгом сообщить вашему превосходительству для личного вашего сведения.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 378. Поденная запись министерства иностранных дел.

15/2 марта 1915 г.

Приезд министра на ставку. После высочайшего завтрака в царском поезде, на котором присутствовал также генерал По, министр имел двухчасовое совещание с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем, причем были затронуты все главные политические вопросы минуты. Великий князь особенно настаивал на желательности приложить все старания для побуждения Италии и Румынии выступить как можно скорее против Австрии. В отношении Константинополя были рассмотрены вопросы, связанные как с овладением этим городом, так и с временным управлением им впредь до окончания войны. Особенное внимание было уделено вопросу о способах побуждения Болгарии предоставить в наше распоряжение Бургас для облегчения операций против Босфора. Относительно Буковины великим князем было выражено пожелание отнести нашу будущую границу возможно более к югу и было решено, что штаб верховного главнокомандующего отправит в Петроград полковника Самойло, только-что побывавшего в Буковине, для подробного доклада министру всех стратегических соображений, объясняющих означенное пожелание великого князя [1].

В 5 часов состоялся доклад министра у государя императора, соизволившего одобрить соображения касательно нашего ответа на переданные через Грея итальянские предложения. Ответ этот был сообщен в тот же вечер в Лондон в телеграмме за № 116 [2].

Уже по прибытии на ставку министром была получена из Петрограда телеграмма А. А. Нератова с извещением, что французский посол, получивши важные поручения от своего правительства, был бы счастлив лично доложить их его императорскому величеству, если бы ему было разрешено приехать на ставку. Принимая во внимание присутствие генерала По и других французских офицеров, трудно было отклонить

[1] См. № 210 (прил.)

[2] См. стр. 485, прим. 3.

желание посла под предлогом каких-нибудь военных занятий, а потому государю императору благоугодно было соизволить на прибытие г. Палеолога [1].

№ 379. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 179. 15/2 марта 1915 г.

Личная.

В Петроград уехал капитан Нехаев, член комитета морского министерства, для представления отчета по порученным ему министерством заказам. До отъезда он обращался с просьбой к комитету утвердить ему цены, по которым он сдавал заказы. Так как капитан Нехаев делал все заказы, порученные ему морским министерством до и после образования комитета, своими собственными распоряжениями, не испрашивая согласия или совета комитета ни относительно цен, ни относительно поставщиков, то комитет отказался ему утвердить цены, не желая принять ответственности за его личные распоряжения, которые комитет признал нецелесообразными. Не зная английского языка, капитан Нехаев имел слабость позволить окружить себя шайкой евреев-поставщиков, которые его запутали до такой степени, что крупные заказы, как, например, заказ никеля на два миллиона рублей, был (...)уем им не английским фирмам непосредственно, а чрез тех же евреев-поставщиков. На такой порядок передачи правительственных заказов было официально указано Рутковскому английским министром торговли, который заявил при этом, что таковые заказы обходятся дороже казне, и что это дает повод к различным неблагоприятным слухам, прекращение которых желательно для всего состава комитета. Одинаково неудачно было распоряжение капитана Нехаева относительно организации перевозки казенных грузов. Полковником Саговским было зафрахтовано при участии английской фирмы «Р. Мартенс и К⁰ лимитед» одиннадцать пароходов. Пока дело было в руках полковника Саговского и Мартенса, все шло хорошо, но с переходом заведывания перевозками в руки капитана Нехаева дело расстроилось, главным образом благодаря тем же евреям-посредникам, и преимущественно еврею Викову. Началась перевозка различных грузов этих евреев на казенных пароходах без разрешения английских властей, которые повели к протесту английского военного министра и министра торговли, заявленному Рутковскому, и даже к полицейским мерам,

[1] См. стр. 483, прим. 3.

предписанным английским правительством для выгрузки с парохода не (дозволен)ных к вывозу предметов и к установлению надзора. Указанные обстоятельства делают возвращение капитана Нехаева в Англию совершенно невозможным, так как это возвращение и оставление его членом комитета могло бы быть истолковано английскими властями как одобрение со стороны императорского правительства недопустимых в Англии порядков. Во избежание нежелательной огласки дела было бы наиболее целесообразным, чтобы морской министр своим распоряжением оставил капитана Нехаева в Петрограде. Достаточным основанием к такой мере может быть указанное неудовольствие английских властей всей деятельностью капитана Нехаева здесь. Вследствие неумелых распоряжений капитана Нехаева касательно перевозки, массы казенных грузов, в том числе взрывчатые вещества, нужные для государственной обороны, пролежали два месяца в Ливерпуле без отправки. Комитет поэтому решил принять энергичные меры и взять все дело в свои руки, если не встретит к тому возражений со стороны морского министерства, и просит предписать оставшемуся вместо капитана Нехаева капитану Дмитриеву исполнять все распоряжения, которые будут исходить из комитета по сему делу, и не принимать никаких мер без его разрешения. Я вполне разделяю мнение комитета [1].

Бенкендорф.

№ 380. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 81. 15/2 марта 1915 г.

Лично.

Продолжение моей телеграммы № 76 [2].

Я, конечно, не имею ни малейшего намерения так или иначе выражать свое мнение касательно постановлений нашего военного ведомства, но тем не менее считаю своей прямой обязанностью обратить внимание вашего высокопревосходительства на немипуемые последствия

[1] Тел. от 25/12 марта за № 203 Бенкендорф дополнительно сообщил, что ему ранее «не были известны распоряжения морского министерства о приостановке отправки пароходов, которые снимают с капитана Нехаева ответственность за неотправку спешных казенных грузов». Тем не менее он считал нужным, чтобы капитан Нехаев не возвращался в Лондон.

[2] Тел. от 13 марта/28 февр. за № 76 Бахметев обращал внимание Сазонова на то, что изъятие евреев из общего правила об освобождении находящихся за границей военно-обязанных первого разряда от обязанности вернуться в Россию «не может пройти незамеченным» и даст возможность герм. агентам восстановить против росс. прав-ва общественное мнение Америки.

введения в силу исключения лиц иудейского вероисповедания из льгот, дарованных всем другим военно-обязанным русским подданным. Не только сами здешние жиды, но за ними и 10 000 000 немцев и американо-немцев с восторгом воспользуются этим случаем, который они бессовестно раздуют, чтобы возбудить сильнейшую агитацию против нас, и будет нелегко объяснить дело настоящим американцам, которые под впечатлением этой пропаганды сочтут его за проявление религиозного гонения, и плоды столь дружеского и сердечного отношения императорского правительства к С.-А. С. Штатам рискуют пропасть, что в это время было бы крайне непрактично по многим известным вам причинам. Я, конечно, ни слова не сказал моим английскому и французскому товарищам, но они сами неоднократно заговаривали со мною о желательности, по их мнению, для поддержания и усиления столь полезного сочувствия к союзникам, чтобы мы, ежели возможно, успокоили здесь общественное мнение, — постоянно возбуждаемое нашими врагами, — какими-нибудь облегчениями или обещаниями русским жидам. Во всяком случае я сомневаюсь, чтобы вообще в наши консульства явилось большое количество жидов, желающих отправиться на войну, — а несколько случаев отказа в общих льготах было бы достаточным предлогом кампании в печати, до сих пор так хорошо державшейся по отношению к нам. Буду ожидать ваших указаний.

Бахметев.

№ 381. Поденная запись министерства иностранных дел.

16/3 марта 1915 г.

Французский посол прибыл на ставку прямо к высочайшему завтраку, после которого удостоился приема у его величества. Оказалось, что возложенное на него поручение заключалось в следующем: Франция изъявила готовность согласиться на осуществление наших пожеланий в отношении Константинополя и Проливов под условием, чтобы мы, в свою очередь, согласились на присоединение к Франции Сирии и Киликии. При этом возник вопрос о том, следует ли считать Палестину входящей также в пределы Сирии, как утверждал это Палеолог, или нет. Об этом был оживленный спор между французским послом и министром, к которому первый пришел тотчас после приема у его величества. С. Д. Сазонов указывал Палеологу на невозможность для нас согласиться на переход гражданской власти над святыми местами из рук нейтральных турок в руки христианской державы, неизбежно отдающей предпочтение одному из вероисповеданий. Он пред-

сказывал послу значительные затруднения на этой почве не только с нами, но и со всеми другими народами, как, напр., итальянцами, американцами и пр. На возражение посла, что в случае разногласия в чисто религиозных вопросах мы можем иметь дело не с французским правительством, а с римским папой, С. Д. Сазонов отвечал, что это для нас менее всего допустимо. Палеолог предлагал разные формулы [1], оговаривающие, что в отношении св. мест между русским и французским правительствами должно будет быть заключено впоследствии соглашение на почве сохранения порядка, установленного Берлинским трактатом. С. Д. Сазонов сослался на необходимость тщательно обсудить этот вопрос и, заявив о согласии нашем на осуществление пожеланий Франции в отношении Сирии и Киликии, оговорился, что в отношении св. мест он даст ответ лишь по изучении вопроса. Вместе с тем он телеграфировал в тот же день в Париж, чтобы проверить, действительно ли утверждения посла о требованиях Франции касательно св. мест соответствуют видам французского правительства [2].

В $4^1/_2$ часа французский посол был принят великим князем Николаем Николаевичем в присутствии генерала Янушкевича. Как Палеолог впоследствии признался, он был крайне встревожен неожиданным пессимизмом, обнаруженным при этом случае верховным главнокомандующим, который, повидимому, сказал послу, что он не видит

[1] В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 642, имеется следующая записка с надписью: «Предлагаемые французским послом две формулы касательно св. мест. Ставка верховного главнокомандующего, 16/3 марта 1915 г.»: «Что касается св. мест, то русское и французское правительства, ссылаясь на ст. 62 Берлинского трактата, соглашаются ни в чем не нарушать существующего режима», или: «Что касается св. мест, то между русским и французским правительствами будет заключено соглашение на основе существующего режима (ст. 62 Берлинского трактата)». (Опубл. Р. Аз. Т., стр. 129.) Соответствующее место ст. 62 Берлинского трактата читается: «Духовные лица, паломники и иноки всех наций, путешествующие в Европейской и Азиатской Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями. Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других в св. местах и в других местностях. Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за ней, и, само собой разумеется, status quo в отношении св. мест не может подвергнуться никакому нарушению».

[2] Имеется в виду тел. от 16/3 марта за № 119 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 129). В ответ на нее Извольский тел. 17/4 марта за № 140 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 130) сообщил, что Делькассе «очень доволен» ответом Сазонова относительно Сирии и Киликии и заявил ему о своем согласии подвергнуть вопрос о святых местах дальнейшему обсуждению, указав при этом, что он, «может быть, будет настаивать на обладании теми или иными входящими в ее [Палестины] состав местностями».

возможности перейти в скором времени в решительное наступление и придает первостепенное значение помощи Италии и Румынии. Правда, посол отметил, что таковое настроение великого князя мало соответствовало выказанной в тот же день государем императором спокойной уверенности в конечный успех союзников. Тем не менее слова верховного вождя русской армии произвели на Палеолога крайне неблагоприятное впечатление, которое лишь несколько рассеялось под влиянием лиц, ближе знающих великого князя и указавших послу, что благодаря крайней впечатлительности его императорского высочества не следует придавать чрезмерного значения его минутному настроению.

В то время как посол был у великого князя, министр был снова приглашен в вагон государя императора, который со своей стороны указал на необходимость весьма осторожно подойти к разрешению вопроса о судьбе св[ятых] мест.

После обеда в вагоне-столовой великого князя вагоны министра и посла были прицеплены к одному и тому же поезду для обратного следования в Петроград.

№ 382. Румынский посланник в Петрограде Диаманди румынскому министру иностранных дел Порумбару.

·/. Телеграмма № 409 [1]. 16/3 марта 1915 г.

Dans une conversation cet après-midi avec l'ambassadeur de France j'ai exposé notre point de vue dans la question des Détroits. La Roumanie est la première Puissance de la mer Noire qui y a sa seule sortie. Il est du plus grand intérêt pour nous par conséquent de passer les premiers [2]. A toutes mes déclarations Mr. Sazonow répond qu'il assurait que la Russie non seulement prendrait en considération tous nos intérêts, mais qu'elle les comprendrait de la même manière que nous. J'ai dit aussi à l'ambassadeur français que sur ce point il serait difficile aux alliés de la Russie d'ignorer certaines aspirations très répandues dans le public et même dans les cercles officiels russes. L'ambassadeur de France m'a donné les assurances les plus catégoriques qu'entre les alliés aucun accord n'était encore intervenu concernant les Détroits et Constantinople. Comme je lui ai demandé s'il ne croit pas qu'en vue des opérations sur le Bosphore, réclamées par l'opinion publique russe, la campagne russe contre l'Allemagne ne faiblirait, il m'a dit que les conversations tant avec Mr. Sazonow qu'avec l'empereur, avec lequel il a parlé

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 373.

[2] Так в оригинале.

encore hier au quartier-général, ne laissaient aucun doute sur ce qu'aussi longtemps que se poursuit la guerre actuelle contre l'Allemagne, les questions concernant la Turquie ne seront pas traitées séparément, mais conjointement avec toutes les questions de paix générale.

Перевод.

Сегодня днем в беседе с французским послом я изложил ему нашу точку зрения в вопросе о Проливах. Румыния — первая держава на Черном море, имеющая здесь свой единственный выход. Ввиду этого для нас крайне важно быть первыми. На все мои заявления г. Сазонов отвечал уверением, что Россия не только примет во внимание все наши интересы, но и понимает их таким же образом, как и мы. Я сказал также французскому послу, что по этому вопросу трудно было бы союзникам России не знать о существовании известных стремлений, весьма распространенных в обществе и даже в официальных русских кругах. Французский посол заверил меня самым категорическим образом, что между союзниками не состоялось еще никакого соглашения относительно Проливов и Константинополя. Когда я его спросил, не думает ли он, что, ввиду требуемых русским общественным мнением операций на Босфоре, ослабятся русские военные действия против Германии, он мне сказал, что беседы его как с г. Сазоновым, так и с императором, с которым он говорил еще вчера в ставке, не оставляют никакого сомнения, что, пока будет продолжаться настоящая война с Германией, вопросы, касающиеся Турции, будут рассматриваться не отдельно, а в связи со всеми вопросами общего мира.

№ 383. Австро-венгерский посланник в Софии Тарновский австро-венгерскому министру иностранных дел Буриану.

/. Телеграмма № 240 [1]. 16/3 марта 1915 г.

Der Kriegsminister sagte dem deutschen Militär-Agenten, der englische Militär-Agent hätte ihn befragt, wie sich Bulgarien verhalten würde, wenn Russland Truppen, welche es gegen die Türkei verwenden möchte, da in Midia die Landung zu schwierig, in Burgas landen würde. Der englische Militär-Agent hätte von einer Expedition von 250 000 Mann gesprochen.

Der bulgarische Kriegsminister will geantwortet haben, er könne nicht glauben, dass Russland die Neutralität Bulgariens in solcher Weise verletzen würde. Der Kriegsminister erwähnte auch, dass der bulgarische Gesandte in Petrograd in gleicher Weise russischerseits sondiert worden sei, worauf die bulgarische Regierung antworten werde, dass sie eine Landung von Truppen in Burgas, was nun wegen Minierung

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

des Hafens unmöglich wäre, aus Neutralitäts-Anforderungen nicht zulassen könnte.

Werde den Minister-Präsidenten im Gegenstande befragen.

Перевод.

Военный министр сказал германскому военному агенту, что английский военный агент спросил его, какова будет позиция Болгарии, если бы Россия высадила войска, которые она могла бы употребить против Турции, в Бургасе, так как высадка в Мидии слишком трудна. Английский военный агент говорил об экспедиции в 250 000 человек.

Болгарский военный министр ответил, что он не верит, чтобы Россия таким способом нарушила нейтралитет Болгарии. Военный министр упомянул также, что болгарский посланник в Петрограде был с русской стороны доверительно запрошен по тому же поводу, на что болгарское правительство ответит, что оно не может из-за требований нейтралитета допустить высадку войск в Бургасе, невозможную впрочем вследствие минирования порта.

Переговорю с председателем совета министров по этому вопросу.

№ 384. Записка датского государственного советника Андерсена[1].

Resumé of conversations with the Emperor and Reichskanzler of Germany respectively.

In continuation of previous efforts and at the desire of His Majesty I proceeded to Berlin on the 16th of March last. On the next day I had a conversation with Reichskanzler v. Bethmann-Hollweg, when I stated the motives that had made the King of Denmark offer his services in the cause of a general peace.

[1] Опубл. Семенников, «Монархия перед крушением», стр. 27. В оригинале дата отсутствует. Документ печатается под 16/3 марта, т. е. под датой приезда Андерсена в Берлин. Копия этой записки сохранилась в личных делах Николая II. О миссии Андерсена б. австро-венг. м-р ин. дел гр. Буриан сообщает, в своих мемуарах что дат. король послал весной 1915 г. гос. советника Андерсена с секр. миссией в Петроград с целью доверительного зондирования почвы для заключения мира. Андерсену в Петрограде было заявлено, что крупные военные успехи России не допускают и мысли о мире, однако некоторое время спустя он может вновь приехать. Повидимому, Андерсен был в Петрограде до свидания с Вильгельмом II и передавал потом последнему то, что ему говорил Николай II. Об этом приезде Андерсена в делах б. м-ва ин. дел никаких указаний не сохранилось. Андерсен еще раз приезжал в Петроград в конце июля 1915 г. (см. т. VIII, № 361). Несмотря на понесенное страшное поражение в Галиции и Польше, в Петрограде, по словам Буриана, и слышать не хотели ни о всеобщем, ни о сепаратном мире. Царь заверил Андерсена в своей верности Антанте и выразил уверенность, что общее наступление всех союзников осенью исправит военное положение. (Graf Burian, «Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege», Berlin 1923, S. 139.)

The Chancellor responded by expressing his gratitude toward the King of Denmark who, he fully understood, had offered his mediation only in the interest of a general peace.

It was apparent that the Chancellor held a strong and unshaken conviction that Germany had in self-defence been forced into the war. He was emphatic in saying that Germany had not entered into the war with any intention of boundary extention, but merely for the purpose of securing a lasting peace and a peaceful development of her world's trade. But the subsequent course of events had been such that the German nation would hardly be content with a peace that brought Germany no compensation for its great sacrifices, and he feared that the Belgian question would be fraught with great difficulties, and the German people difficult to console for the wrong it had suffered especially on the part of the British nation.

According to a telegram from the Emperor of Germany I proceeded the next evening in the company of the Reichskanzler to the General Head Quarters, where we arrived about 5 o'clock the following afternoon. The Emperor received me immediately after our arrival exclaiming: «What calamities have come on the world since I saw you last».

Having conveyed the King of Denmark's greetings I briefly stated the sentiment that had been guiding His Majesty in offering his services in the interest of peace. And in conformity with His Majesty's desire I asked the Emperor not to interpret this as undue interference, but as an outcome of the King's sincere wish to contribute what lies in his power towards restoring the blessing of peace to the world. His Majesty beside being on friendly terms with the Emperor was closely related to the Emperor of Russia and the King of England, and this fact coupled with the said ardent desire was His Majesty's excuse for offering mediation.

The Emperor replied: «Only a King can mediate in the present affray, and of Kings none is in a better position to do so than King Christian of Denmark. Please convey to the King my warm thanks for his highminded offer».

The Emperor said that on the occasion of his visit to Russia during the Russian-Japanese war and afterwards at Reval the Emperor of Russia had promised that Russia would never draw sword against Germany [1]. England had only shown contempt for Germany and had syste-

[1] Докл. зап. Николаю II от 16/3 июня 1908 г. Извольский сообщил, что по возвращении из Ревеля после состоявшегося там свидания между Николаем II и Эдуардом VII 9 июня/27 мая — 10 июня/28 мая 1908 г. он посетил герм. посла

matically endeavoured to isolate her in order to check her peaceful world's trade. On one of his (the Emperor's) visits to England Sir E. Grey had on one occasion been present for the purpose of exchanging views with him, but during half an hour's conversation had hardly touched politics. On another occasion his son had had a conversation with Sir E. Grey on the same object — and with the same result. He (the Emperor) was half English and his dear Grandmother had died in his arms. Had she still been alive, there would have been no war between Germany and Great Britain.

I observed that I had the impression that the Emperor of Russia held the opinion that the mobilisation had been forced upon Russia by Austria, and that Russia had only drawn her sword in self-defence upon the declaration of war by Germany. From my conversation with Sir E. Grey I had further received the impression that England had sincerely striven to come to an understanding with Germany and that for that purpose Lord Haldane had undertaken the journey to Germany [1]. And I added that it appeared to me that the war had been brought about by sheer misunderstanding, and were the present sentiments further cultivated, peace would still be far away, and if the nations at war had the resources in men and material as alleged, Europe might have another Seven Years' war.

The Emperor said I must have received the impression that Germany had a financially and military excellent position and in spite of all endeavours the German army was still deep in France. French soil at the back of the German armies was being cultivated with German implements and under German supervision for future supply for the German people and armies. The land I had passed through to-day was undergoing a «wirtschaftliche Germanisierung». The manner in which he had been treated prevented him from approaching his foes, but he was open to listen to any proposals they might wish to submit through the King of

---

в Петербурге Пурталеса и дал ему «некоторые успокоительные заверения». По словам Извольского, он заявил Пурталесу, что «мы ни на минуту не помышляем о том, чтобы сойти с почвы наших конкретных соглашений с Англией и вступить в какие-либо новые политические комбинации общего свойства, менее всего в такие, которые могли бы противоречить нашим искренним дружественным отношениям к Германии».

5 июня/23 мая 1908 г. в газете «Россия» была помещена официозная статья по поводу предстоявшего ревельского свидания, в которой между прочим говорилось следующее: «Состоявшееся сближение с Англией, подтверждаемое этим посещением, не знаменует собою нарушения исконно-дружественных отношений наших к соседям».

[1] В феврале 1912 г.

Denmark. He was quite aware that the King could not interest himself in a separate peace, but in spite of all that had happened, he still believed that the best road to peace went through the good heart of the Czar, but had no objection to England leading or following. And the Emperor added verbatim:

«Aber der kommende Friede muss ein dauernder Friede sein, geschlossen auf einer dem deutschen Volke und seinen Opfern würdigen Basis».

I referred to a conversation about 10 years ago at Bernstorff, when the Emperor had said that a united Europe was the best protection against the yellow peril, and added that in my opinion it would be the best protection also against green envy. The Emperor said that Great Britain, not he, had inaugurated the system of the «balance of power» in Europe. I suggested that a united Europe would be the «balance of power» in the world, to which the Emperor uttered: «Yes, facilitate that». The Emperor concluded by requesting me to convey his greetings and sincere gratitude to the King of Denmark for his kind-hearted exertions in the interest of peace, and added that he wished from the bottom of his heart that they would lead to the result King desired.

In the evening before I left the Reichskanzler handed me a note from the Emperor reading as follows:

«Inliegend Zahlen die Andersen eventual zur Information des Czaren gebrauchen konnte.

Das «Genfer Rothe Kreuz» hat folgende Zahlen veröffentlicht: Tote, Verwundete, Gefangene, Dienstuntaugliche bis zum 1 Februar 1915.

I) Deutschland u. Oesterreich.. . . . . .2 751 000 Mann
Dreiverband . . . . . .6 567 000 »
also 1 : 2,5

II) Hierbei sind die Verluste der Russen in der Masurenschlacht und der Franzosen in der Champagneschlacht nicht einbegriffen, diese betragen gegen mehr als $^1/_4$ Million Mann.

In Deutschland sind 10 000 Offiziere, 78 000 Mann Gefangene.

III) Frankreich hat den Jahrgang 1916 bereits eingestellt, Russland muss ihn den 1 April einstellen.

Deutschland wird den Jahrgang 1915 erst am gesetzlichen Termin am 1. Oktober 1915 einstellen.

Перевод.

Резюме разговоров с германскими императором и рейхсканцлером.

Продолжая мои прежние усилия и согласно желанию его величества, я прибыл

в Берлин 16 прошлого марта. На следующий день я имел беседу с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом, которому я изложил мотивы, заставившие датского короля предложить свои услуги для дела общего мира.

Канцлер ответил выражением благодарности датскому королю, который, по его глубокому убеждению, предложил свое посредничество только в интересах общего мира.

Было очевидно, что канцлер держится прочного и непоколебимого убеждения, что Германия была вынуждена вступить в войну ради самозащиты. Он подчеркнул, что Германия вступила в войну без всякого намерения расширить свои границы, но единственно ради обеспечения длительного мира и мирного развития своей мировой торговли. Но последующий ход событий был таков, что германский народ вряд ли удовлетворится миром, который не даст Германии компенсаций за принесенные ею великие жертвы, и он опасается, что бельгийский вопрос будет окружен большими трудностями; кроме того, германский народ будет трудно вознаградить за зло, которое было причинено ему, в особенности британским народом.

Согласно телеграмме германского императора, я отбыл на следующий день вечером, в сопровождении рейхсканцлера, в главную квартиру, куда мы и прибыли на следующий день около 5 часов пополудни. Император принял меня немедленно и воскликнул: «Сколько бедствий обрушилось на мир с тех пор, как я видел вас в последний раз».

Передав императору приветствие датского короля, я коротко изложил чувства, которые побудили его величество предложить свои услуги в интересах мира. Согласно с желаниями его величества, я просил императора не считать это неподобающим вмешательством, но смотреть на это как на результат искреннего желания короля содействовать по мере его сил восстановлению во всем свете благ мира. Его величество, находясь к тому же в дружеских отношениях с императором, является близким родственником русского императора и английского короля. Этот факт, в связи с вышеуказанным пламенным желанием его величества, достаточно оправдывает его выступление с предложением посредничества.

Император ответил: «Только царственная особа может выступить посредником в настоящем раздоре, и из всех царственных особ никто не находится в лучшем для этого положении, чем король Христиан датский. Прошу вас передать королю мою горячую благодарность за его великодушное предложение».

Император сказал, что во время его посещения России в период русско-японской войны и затем во время свидания в Ревеле русский император обещал, что Россия никогда не обнажит меча против Германии. Англия всегда выражала презрение к Германии и систематически старалась изолировать ее с целью остановить мирное развитие ее мировой торговли. В один из его [императора] визитов в Англию сэр Э. Грей был однажды приглашен для обмена мнениями с императором. Но в течение получасовой беседы речь почти не заходила о политике. В другом случае его [императора] сын имел беседу с сэром Э. Греем по тому же предмету и с тем же результатом. Он [император] сам полуангличанин, и его дорогая бабушка умерла на его руках. Если бы она была жива, войны между Германией и Великобританией не было бы.

Я заметил, что у меня сложилось впечатление, что русский император держится того мнения, что мобилизация была навязана России Австрией и что Рос-

сия обнажила меч только для самозащиты по объявлении Германией войны. Из моих бесед с сэром Э. Греем я далее вынес впечатление, что Англия искренно старалась притти к соглашению с Германией и что для этой цели лорд Холден предпринял поездку в Германию. И я добавил, что мне лично кажется, что война была вызвана простым недоразумением, и что если ныне существующие чувства будут культивироваться, то до мира будет очень далеко, и Европа может пережить новую семилетнюю войну, если только у воюющих стран хватит ресурсов для этого — людей и материалов.

Император сказал, что я должен был вынести впечатление о превосходном военном и финансовом положении Германии, — причем несмотря на все усилия неприятеля германская армия все еще находится в глубине Франции. Французская почва в тылу германских армий обработана германскими машинами и под германским наблюдением для снабжения в будущем германской армии и германского народа продуктами.

Страна, по которой я проехал сегодня, подверглась «хозяйственной германизации». Манера, с которой с ним обращались, не дает ему возможности обращаться к его врагам, но он охотно выслушает всякое предложение, которое они пожелали бы представить ему через датского короля. Он прекрасно знает, что король не может быть заинтересован в сепаратном мире, но, несмотря на все, что произошло, он все еще верит, что лучшая дорога к миру проходит через доброе сердце царя; впрочем, он не имеет возражений против того, чтобы Англия взяла на себя инициативу или последовала за чьей-нибудь. Император прибавил (дословно):

«Но грядущий мир должен быть миром длительным, заключенным на базе, достойной германского народа и принесенных им жертв».

Я напомнил разговор, имевший место около 10 лет назад, в Бернсторфе, когда император сказал, что соединенная Европа — лучшая гарантия против желтой опасности, и прибавил, что, по моему мнению, это было бы и лучшей защитой против зеленой зависти. Император ответил, что Великобритания, а не он, ввела систему «равновесия сил» в Европе. Я указал, что соединенная Европа явилась бы «равновесием сил» в мире. На это император сказал: «Да, помогите этому осуществиться». Император заключил поручением мне передать королю датскому его привет и искреннюю благодарность за его сердечные усилия в интересах мира и прибавил, что он от глубины души желает, чтобы эти усилия привели к результатам, которых добивается король.

Вечером, перед моим отъездом, рейхсканцлер передал мне следующую записку от императора.

«При сем цифры, которыми Андерсен мог бы эвентуально воспользоваться для информировании царя.

Женевский «Красный крест» опубликовал следующие цифры: убитые, раненые, взятые в плен, негодные для службы до 1 февраля 1915 г.:

I. Германия и Австрия	2 751 000 чел.
Тройственное согласие	6 567 000 »

Значит, 1 : 2,5.

II. Здесь не включены потери русских во время битв в Мазурских болотах и французов в битве в Шампани; они составляют более чем четверть миллиона человек.

В Германии имеется 10 000 офицеров и 78 000 солдат военнопленных.

III. Во Франции уже состоялся призыв 1916 г. В России он должен быть проведен с 1 апреля.

В Германии призыв 1915 г. состоялся в установленный срок, т. е. 1 октября 1915 г.».

№ 385. Консул в Сингапуре в IV политический отдел министерства иностранных дел.

Депеша № 74. 16/3 марта 1915 г.

Продолжение №№ 44, [1] 45 [2] и 48 [3].

После удачной операции с обезоружением партии мятежников в Джохоре деятельность нашего десантного отряда была направлена на упомянутую уже в предыдущем донесении проверку вверенного ему участка. Работа эта производилась отчасти вооруженными автомобильными разъездами, отчасти распределением небольших постов в местах, где можно было ожидать попыток прорыва. Все шло прекрасно, когда

---

[1] См. № 214.

[2] См. № 223.

[3] № 48 в делах б. м-ва ин. дел отсутствует. Хранящаяся в деле Тих. ст. 1365 «Выписка из донесений с. с. Распопова», имеющая помету Николая II о прочтении, дает возможность установить дату и содержание донесения № 48. Оно было составлено в Сингапуре [22] 9 февр. и основное содержание его было следующее:

«В 5 часов вечера подошел крейсер «Орел», встреченный лично адмиралом Джеррам. Крейсер был уже в полной готовности к свозу десанта; поэтому, как только адмирал съехал, люди немедленно были свезены, и было приступлено к снабжению их подходящей для боевых действий одеждой и снаряжением, что было закончено в 2 часа пополудни [19] 6 февраля.

По диспозиции, выработанной командующим войсками, французскому отряду было поручено оттеснить мятежников по направлению к Джохорскому проливу, а русский отряд должен был принять на себя отступающих и уничтожить их или захватить.

Эта диспозиция оказалась очень удачной, и к вечеру [20] 7 числа часть мятежников, оттесненных к проливу, положила оружие, остальные же рассеялись и производят отдельные нападения и грабежи в городе и окрестностях. Утром [21]8 адмирал два раза приезжал благодарить за оказанную помощь, отмечая прекрасный порядок и быстроту действий нашего отряда. Джохорский султан еще более был обрадован этим успехом и по окончании операции пригласил весь отряд в местный отель и устроил ему в своем личном присутствии прекрасный обед.

[22] 9 числа генеральный консул с командиром крейсера Винокуровым и с заведующим оперативным отделом капитаном II ранга Валком посетил отряд на позиции, передал ему благодарность султана и адмирала, а затем все трое представились султану, который вопреки этикету встретил их на подъезде своего дворца.

Ныне наш отряд вернулся на позиции, где продолжает нести охранную службу; потерь у него нет».

[25] 12 февраля неожиданно произошло нападение на один из наших постов. Произошло это при следующих обстоятельствах:

Оба десантные офицера, взяв с собой трех человек команды, отправились к вечеру помянутого числа в объезд, чтобы снять на ночь посты. Уже начинало темнеть, когда с последнего поста послышалась сильная перестрелка. Все бросились на выстрелы, с возможной осторожностью пробираясь по джунглям и ананасовым плантациям, но пикета уже не нашли и, опасаясь за его судьбу, пошли на розыски. Наступила уже ночь и, хотя луна светила, но ее белесоватый свет скорее мешал что-нибудь видеть среди и без того серовато-белых ананасовых порослей. Вдруг почти в упор, в двух-трех шагах сзади начальника десанта раздался выстрел, и шедший с ним матрос, тяжело раненый, навалился на него. Упал и еще один. Сейчас же легли, и тут началась отчаянная стрельба. При малейшем движении стреляли со всех сторон. Наши отвечали на вспышки выстрелов, но не зная ни числа, ни расположения нападавших, могли только заботиться о том, чтобы не отбиваться друг от друга и не нести дальнейших потерь. С большим трудом и под непрерывным обстрелом ползком удалось добраться до более закрытого места и собрать людей. Как впоследствии оказалось, уже через неделю, на этом месте нашли два трупа мятежников, очевидно, убитых или раненых нашими при этой ночной перестрелке. Выяснилось также, что пикет успел благополучно выйти на дорогу и добраться до лагеря.

На другой день разбившиеся на мелкие кучки мятежники сделали попытку прорваться в месте расположения наших пулеметов (всего их насчитали 22), но, разглядев опасность, прошли более глухими местами к берегу пролива и здесь 8 или 9 человек были захвачены нами совместно с подошедшими местными солдатами. Дальнейших вооруженных столкновений не было. Раненые доставлены в Сингапурский военный госпиталь. Тот, которого в первую минуту считали безнадежным (прострелен навылет через спину), быстро идет на поправку; другой, получивший две пули в плечо и в ногу, вне опасности, но страдает больше [1].

---

[1] В донесении от 3 апр./21 марта за № 90 Распопов сообщал, что находившийся во время мятежа в Сингапуре шведский принц Эрик передавал офицерам слухи, что «будто ночную перестрелку десантного отряда устроили сами русские» и что лейтенант Рыбалтовский заявил принцу, что «этими нелепыми слухами мы обязаны англичанам, после чего он выразился о последних довольно резко». В дальнейшем Распопов сообщал, что «слухи эти если и не исходили от английских офицеров, то во всяком случае среди них циркулировали».

[3 марта] 18 февраля десант сдал свой пост подошедшему из Рангуна отряду и вернулся в Сингапур, где губернатор, в качестве командующего войсками, произвел ему смотр. И власти, и местное население встретили наш маленький отряд с большим вниманием и симпатией. По особой просьбе генерала отряд представился в своем походном снаряжении (хаки). При сем — фотографии [1].

Утром в день смотра личный секретарь губернатора вручил мне прилагаемый при сем текст его речи. Так как командир «Орла» не владеет английским языком, то я перевел ее и, приготовив ответ на английском языке, дал ему текст по-русски.

На смотр прибыли, кроме губернатора, адмирал Джеррам, генерал, командующий гарнизоном, все начальники частей, много офицеров, между прочим японских, колониальный секретарь, жена губернатора и множество дам и публики. Приняв парад, губернатор сказал речь, которую, по установленному церемониалу, я прочел перед фронтом по-русски. Затем капитан II ранга Винокуров выступил с ответной речью, и тут произошло небольшое недоразумение: намеренно или просто растерявшись, он сказал не заготовленную речь, но нечто совершенно другое, притом довольно несвязное и хотя заключавшее несколько слов по адресу губернатора, но совершенно не отвечавшее его речи. Даже при заблаговременной подготовке я затруднился бы перевести в приемлемой форме его слабую речь, ввиду ее неопределенности и многократных повторений: тут же, при необходимости немедленного ответа и перед громадным стечением англичан, неудобно было рисковать экспромтами, и я от имени капитана прочел в ответ губернатору тот английский текст, который был заранее заготовлен (и, кстати упомяну, одобрен самим капитаном) [2].

После смотра адмирал Джеррам и генерал, командующий гарнизоном, устроили для команды обед, а затем у адмирала состоялся обед и для офицеров и консула. Через два дня состоялся также парадный обед у губернатора, и он еще раз в очень теплых выражениях благодарил за оказанную русским крейсером помощь «в действительно трудные минуты».

Заканчивая на этом свое донесение, я считаю долгом засвидетельствовать не только прекрасное поведение команды, но и то отношение к ней и к делу, которое проявлено офицерами, в особенности ввиду того серьезного и ответственного значения, которое имела возложенная

[1] Указанное приложение при документе отсутствует.

[2] Тексты речей хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле Тих. ст. 1365.

на них задача, требуя от каждого неусыпного внимания, решительности и самостоятельной инициативы.

Командовал десантом старший офицер г. Петров. Спокойный и распорядительный, он выказал не только отличное знание дела и военную доблесть, но и большую предусмотрительность при снаряжении отряда. Главным образом по его настоянию люди были с головы до ног экипированы по-походному (хаки), и я должен сказать, что только благодаря этому мы их не потеряли: будь они в белом, ни один бы не спасся при ночном нападении.

Младший десантный офицер, г. Кованько, как в прекрасном выполнении всех поручений, дававшихся ему старшим, так и в личном поведении под огнем заслужил одинаково всеобщее изумление и высокое одобрение.

С величайшей похвалой и глубоким уважением я должен отметить и третьего офицера-участника десанта, судового врача Н. Н. Кузнецова. Как доктор, он один успел осуществить ту задачу, которая не удалась ни одному из его коллег при французском, японском и английском десантах: благодаря его предупредительным мерам в крайне нездоровой местности операций у него не было ни одного заболевания ни лихорадкой, ни дизентерией, ни тифом. Но, не ограничиваясь своей специальной службой, доктор Кузнецов показал себя и прекрасным боевым офицером, серьезно понимающим патриотический долг. Видя, что каждый человек был у нас на счету, он с оружием в руках был повсюду первым с командой, и в сторожевой службе, и на разведке, и под огнем, подавая людям высокий пример добровольного служения русскому делу. Не говорю уже о том, что, когда, по первоначальному плану, его не предполагалось вовсе назначить в десант, он сам энергично просил о назначении, заготовив даже рапорт, на случай если бы в этой просьбе ему было отказано.

Я счастлив, что могу сказать в заключение: своевременная военная помощь и симпатичное гостеприимство, оказанное на «Орле» искавшим убежища женщинам и детям, оставили здесь глубокое впечатление и как мне самому, так и офицерам приходилось неоднократно слышать от лиц самых разнообразных классов не только живую благодарность, но и удивление, что при ничтожности имевшихся в нашем распоряжении средств так много было сделано для общего блага [1].

Генеральный консул Н. Распопов.

---

[1] Пам. запиской от 28/15 февр. Бьюкенен по поручению своего прав-ва благодарил росс. прав-во за быструю помощь при подавлении мятежа в Сингапуре.

№ 386. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1214. 17/4 марта 1915 г.

№ 428 [1] получен.

Благоволите сделать китайским делегатам предписанное вам телеграммой № 1167 [2] заявление, объяснив также и монголам, что, отстаивая принцип подчинения китайцев в Монголии одинаковому обложению с монгольскими подданными, мы имеем в виду дать монгольскому правительству средство бороться против экономического засилья китайцев, повышая или понижая это обложение в зависимости от потребности.

Для личного вашего сведения добавляю, что мы не настолько заинтересованы в подписании тройного договора, чтобы заключить его на условиях, нас не удовлетворяющих, и полагаем возможным бороться с попытками монголов договориться с китайцами помимо нас указанием монгольскому правительству на то, что исполнение взятых нами относительно его обязательств ставим в зависимость от его желаний считаться с нашими интересами. Однако вопрос о перерыве тройных переговоров может быть решен лишь по выяснении результатов поручаемого вам заявления и объяснений посланника в Пекине с китайским правительством.

Сазонов.

---

[1] Тел. от 15/2 и 16/3 марта за №№ 426 и 428 Миллер доносил, что кит. делегаты сделали следующие предложения: а) Принять статью о торговом обложении в следующей редакции: «Ввиду того, что Внешняя Монголия, составляющая часть китайской территории, не имеет права учреждать таможен, китайские купцы будут уплачивать все установленные виды внутреннего обложения с провозимых ими во Внешнюю Монголию товаров любого происхождения в размере 5 процентов. В случае каких-либо дальнейших изменений в будущем, таковые устанавливаются по соглашению обеих сторон. Купцы Внешней Монголии будут торговать в Китае на прежних основаниях». б) Они далее согласились, что спирт и табак будет облагаться вдвойне при условии, что в договоре об этом не будет упомянуто. в) Эту уступку они поставили в зависимость от удовлетворения их требований об освобождении кит. ремесленников и рабочих от сборов, а также от принятия их статьи об юрисдикции. Ввиду отказа Миллера принять предложения китайцев, последние взяли их обратно. Тел. за № 428 Миллер сообщил, что монг. прав-во и хутухта пессимистически относятся к настояниям России, «объясняя таковые какими-то особыми, преследуемыми нами, скрытыми, но непонятными для них целями». Так как такие настроения монголов заставляли Миллера опасаться сепаратных их соглашений с китайцами, то он просил разрешения прервать переговоры, если это окажется необходимым.

[2] См. стр. 474, прим. 1.

№ 387. Поденная запись министерства иностранных дел.

17/4 марта 1915 г.

Утром барон Шиллинг провел часа полтора в вагоне французского посла, беседуя с ним о затронутых накануне вопросах. С картой в руках барон Шиллинг указал послу на желательность при будущем разделе Малой Азии не лишать Турцию какого-нибудь удобного порта на Средиземном море, дабы не создавать из нее лишнего государства, отрезанного от открытого моря Проливами, которые должны перейти в наше владение. Кроме того, пользуясь тем, что, исходя от меня, подобный упрек носит менее официальный характер, я указал послу на невыгодное впечатление, произведенное здесь разницей между заявлениями, сделанными нам Англией и Францией касательно Проливов и Константинополя. Действительно, тогда как первая, от которой, казалось бы, можно было ожидать больших затруднений, уже дала нам самые положительные заверения в желательном для нас смысле, Франция до сих пор ограничивалась общими выражениями сочувствия, высказанными Делькассе Извольскому и ничего не значащей фразой в памятной записке Палеолога о том, что Франция готова отнестись к нашим пожеланиям возможно благожелательно (avec toute la bonne volonté) [1]. Посол старался указать, что по существу не может быть сомнений в согласии Франции на наши пожелания, но обещал вызвать более определенные выражения такового согласия, чтобы рассеять то впечатление, на которое я ему указал.

Заболевший во время поездки С. Д. Сазонов по возвращении в Петроград слег в постель, но тем не менее принял в 5 часов великобританского посла и просил его выяснить точку зрения своего правительства на вопрос об отношении к домогательствам Франции касательно святых мест в Палестине.

№ 388. Посол в Париже министру иностранных дел.

—/. Телеграмма № 142 [2]. 17/4 марта 1915 г.

Получил № 116 [3].

Ознакомил с нею Делькассе, который был видимо смущен ее содер-

[1] Ссылаясь на заявление англ. прав-ва, а также на франц. пам. записку от 8 марта/23 февр. (см. № 330), Сазонов тел. от 18/5 марта за № 1226 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 282) просил Извольского получить от Делькассе «более точное заявление о согласии Франции на полное удовлетворение наших пожеланий, подобно тому как это сделало великобританское правительство». (См. № 352.)

[2] Опубл. L. N., III, p. 82.

[3] См. стр. 485, прим. 3.

жанием, ибо два дня тому назад он получил от Палеолога из Петрограда телеграмму с несколько иной версией вашего ответа на итальянские предложения, а именно, Палеолог телеграфировал, что вы настаиваете на разделе Албании между Грецией и Сербией и соглашаетесь на присоединение к Италии части Далмации. Он тотчас телеграфировал в Лондон о своем согласии на все ваши оговорки. Ныне он объясняет себе ваше согласие на создание Албанского государства тем, что вы надеетесь этим путем добиться от Италии отказа от Далмации. Несмотря на свое убеждение в совершенной нецелесообразности сохранения самостоятельной Албании, он был бы готов не возражать против этого. Что касается Далмации, он ничего не имеет против присоединения части ее к Кроации, но убежден, что Италия ни за что не откажется от этого побережья, и в особенности от близлежащих островов, которые необходимы ей по соображениям морской стратегии. По другим пунктам Делькассе ограничился замечанием, что вряд ли возможно требовать от Италии открытия военных действия непременно не позже 1 апреля [н. ст.]. В заключение он высказал, что, по имеющимся у него сведениям, император Франц-Иосиф, вероятно, кончит тем, что согласится на требуемые от него Германией уступки в пользу Италии, и что поэтому весьма важно как можно скорее сговориться с итальянским правительством и что он надеется, что ваши возражения не будут иметь абсолютного характера [1].

Извольский.

№ 389. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо № 116 [2]. 17/4 марта 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от 10 марта/25 февраля [3] ваше высокопревосходительство поручили мне проверить точность сообщения, протелеграфированного в Афины греческим посланником в Вене, согласно которому

[1] В дополнение к этой тел. Извольский тел. от 19/6 марта за № 148 (опубл. L. N., III, p. 83) сообщил, что Делькассе в целях ускорения переговоров с Италией «готов заранее согласиться на все пункты, по которым будет установлено согласие между Петроградом и Лондоном», так как он придает «огромное значение» выступлению Италии и не хотел бы «оказаться виновником задержки сказанных переговоров хотя бы на 10 минут».

[2] Опубл. L. N., III, p. 87.

[3] Тел. от 10 марта/25 февр. за № 1052 Сазонов просил Крупенского проверить сведения, сообщенные Демидовым тел. от 8 марта/23 февр. за № 86, содержание которой изложено в публикуемом документе.

«итальянское правительство заявило венскому кабинету, что оно не расположено допустить вторичное вторжение австрийских войск в Сербию, ибо в таком случае ему будет трудно удержать общественное мнение, требующее выхода Италии из нейтралитета»[1].

Зная осторожность и щепетильность римского кабинета, я отнесся с недоверием к помянутому сообщению и не допускал возможности, чтобы гг. Саландра и Соннино решились придать итальянскому выступлению в Вене столь ультимативную форму.

Посетив в тот же день барона Соннино, я ему сказал, что, по дошедшим до меня сведениям, Италия сделала де в Вене вышеприведенное сообщение. Министр, как я вам телеграфировал 11 марта/26 февраля — для большей верности имею честь препроводить при сем копию моей телеграммы[2], — ответил мне, что такого сообщения он никогда не делал. «Как вы знаете, — сказал он мне, — участь Сербии нас с самого начала кризиса озабочивала, и мы всегда считали независимость Сербии итальянским интересом первостепенной важности, и мы этого никогда не скрывали от Австрии».

Ваше высокопревосходительство вспомните, что я неоднократно привлекал ваше внимание на такое отношение римского кабинета к Сербии и доносил вам, насколько в Консульте желают, чтобы Сербии была оказана помощь.

«Побуждаемые теми же чувствами, — продолжал министр, — мы теперь подчеркнули в Вене более настоятельно нашу точку зрения, сказав, что мы не сможем допустить, чтобы Австрия предприняла что́ бы то ни было против Сербии без предупреждения итальянского правительства, так как благосостояние и независимость Сербии — prospérité et indépendance — являются жизненным для нас интересом».

На мой вопрос, что министр понимает под словами: «предпринять что́ бы то ни было против Сербии без предупреждения Италии», подразумевается ли под этим необходимость согласия последней на всякое наступательное действие против Сербии и вторжение в ее пределы австрийских войск, барон Соннино ответил уклончиво, сказав мне, что́ он мне передал совершенно верно сделанное им в Вене сообщение

---

[1] О заявлении итал. прав-ва в Вене 15/2 февр. 1915 г., что оно будет рассматривать всякое военное действие Австро-Венгрии на Балканах как нарушающее ст. VII Тройственного союза, если предварительно между двумя державами не будет достигнуто соглашение в смысле этой статьи, см. «Oest.-Ung. Rotbuch», №№ 106, 109, 111, «Il libro verde», №№ 24, 26, 28 и сл.

[2] Тел. ва № 40, хранящейся в Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 1764. (Ср. № 354).

и что он затрудняется точнее определить смысл своего выступления, так как он даже в Вене более этого не сказал.

Из слов министра можно было однако заключить, что римский кабинет пошел, очевидно, в последнем своем сообщении в Вене гораздо дальше, чем он делал до сих пор, и что он желал дать понять австрийскому правительству, что новые агрессивные действия против истощенной Сербии не могли бы быть согласны с интересами Италии, и следует поэтому полагать, что Австрия, всемерно желающая не возбуждать против себя еще более Италии, воздержится от вторжения в Сербию.

Коснувшись в нашей беседе австро-итальянских отношений, я спросил министра, насколько верны слухи, все определеннее передаваемые печатью, о переговорах, ведомых между Веною и Римом о нейтралитете Италии.

Как ваше высокопревосходительство вспомните, я этот вопрос уже прежде ставил министру, и я мог вам телеграфировать 1 марта/16 февраля за № 32 [1], что барон Соннино категорически опроверг слухи о переговорах, будто происходящих между венским и римским кабинетами относительно территориальных уступок, и что он не верит в возможность достижения таковых мирным путем.

Теперь же, то есть десять дней спустя, барон Соннино был не только гораздо менее категоричен, но и несравненно сдержаннее. Мой вопрос поставил его в большое затруднение, и, видимо приискивая свои слова, он мне сказал, что он прямо на мой вопрос ответить не может, так как, отвечая сегодня или завтра на мой вопрос отрицательно, он не гарантировал бы себя от повторения того же вопроса чрез несколько дней и, если тогда он должен был [бы] отказать мне в ответе, то его отказ не мог бы быть иначе истолкован, как признание, что переговоры действительно ведутся. За будущее же он тем менее ручается, что он не находит оснований мешать берлинскому кабинету и, по его словам, «многоречивому» Бюлову оказывать давление на Австрию. «В переговоры мы готовы вступить со всеми, с Берлином, с Веною, с державами Тройственного согласия, даже с Мексикою, — прибавил министр, смеясь, — но это еще не значит, что такие переговоры должны увенчаться успехом. Если бы Австрия нам предложила все, что мы желаем, то мы, разумеется, не отказались бы от такого дара, но я продолжаю думать, что Австрия, несмотря на давление берлинского кабинета, никогда не решится на достаточные жертвы. Мы ничем и ни с кем не

[1] См. № 274.

связаны, совершенно свободны в наших решениях, хотя, разумеется, это положение может измениться. Пока мы продолжаем придерживаться бдительного нейтралитета, но если бы переговоры действительно наладились, я, как само собою понятно, о них с иностранными представителями не мог бы говорить». Это позволило мне спросить министра, допускает ли он то, что я продолжаю считать невозможным, чтобы Италия пошла бы с Германией и Австрией против нас. «Вы совершенно правы, — ответил мне министр, — так как это абсолютно недопустимо».

Я старался передать как в моей телеграмме, так и в настоящем письме с возможной точностью мою продолжительную беседу с министром иностранных дел, и я полагаю, что ваше высокопревосходительство, точно так же, как и я, придете к заключению, что не только Германия старается согласовать чрезмерность итальянских желаний с упорным сопротивлением венского кабинета, но что и между Римом и Веною уже начался обмен мнений по тому же вопросу.

Мне кажется ясным, что гг. Соннино и Саландра ищут мирного выхода из создавшегося положения и, может быть, готовы даже пойти на некоторые уступки. Но, ввиду настроения умов в Италии, эти уступки едва ли могут быть значительны. С другой же стороны, действительно трудно допустить, чтобы Австрия решилась отдать без боя провинции, которые так дороги династии Габсбургов. Для окончательного же решения этого вопроса нужно быть хорошо осведомленным обо всем, что происходит в Вене, и поэтому я должен воздержаться от всякого суждения. Здесь же не удовлетворятся теми минимальными уступками, которые как будто намечаются Германией. Но еще менее приемлемою является предлагаемая условность этих уступок, так как, судя по газетам, Австрия согласилась бы отдать Италии Трент после войны [1], и после того как ей удастся приобрести, с согласия Италии, компенсации на Балканском полуострове. Такое решение вопроса как по недоверию к германским и австрийским обещаниям, так и вообще a priori здесь не допускается.

Пока же Италия продолжает вооружаться и принимать все меры, чтобы быть готовой в минуту возможного разрыва.

Примите и пр.

Крупенский.

---

[1] Ср. «Oest.-Ung. Rotbuch», №№ 117, 118 и ел.; «Il libro verde», №№ 46, 47 и ел.

P. S. При сем имею честь приложить также и недельный обзор печати [1].

Крупенский.

№ 390. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 138 [2]. 17/4 марта 1915 г.

Вчера после завтрака у меня в честь генерала Пэджета [3] Радославов, стараясь придать своим словам характер доверия и добродушия, сказал мне, что еще до падения Венизелоса он как-то намекнул здешнему греческому посланнику на желательность найти почву для сближения двух стран, к которому могла бы примкнуть и Румыния. Наум передал это в Афины, откуда уже от нового правительства получил ответ, что оно готово вступить с болгарским в переговоры и спрашивает, на какой базе. Радославов говорит, что ответ поставил его в затруднение, так как серьезно он этого вопроса не обдумывал и не ожидал, что греческое правительство так охотно откликнется на его предложение, что он думает потребовать от греков уступки территории по течению Струмы, Кавалу и Серес. Сегодня, сообщая, что король не говорил с ним об общеполитических вопросах, он сказал, что в принципе король дал свое согласие на эту базу, если только она будет принята греками, и что генералу Фичеву будет поручена ее разработка. Я выслушал его заявления молча, прибавив только, что у меня были сведения — телеграмма Демидова № 81 [4], — что он защищал пред греческим посланником мысль о сближении Болгарии с Грецией и Румынией, но против русской опасности на почве вопроса о Константинополе и Проливах. Он с жаром отрицал подобную подкладку своего разговора с Наумом.

Савинский.

№ 391. Военный агент в Румынии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма [5]. 17/4 марта 1915 г.

Наш посланник в Бухаресте сообщил мне о том, что румынское правительство дало ему формальное обещание не выпускать ни одного

[1] Приложение хранится в Арх. Вн. Пол., в деле С. А.537.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 263.

[3] Ген.-адъютант англ. короля Пэджет приезжал со специальной миссией в Петроград 16/3 февр. 1915 г. (Ср. № 157). На обратном пути он посетил Румынию и Болгарию.

[4] От 3 марта/18 февр. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 257).

[5] Маш. копия, номер отсутствует.

вагона с боевым материалом, который будет предназначаться [к] доставке транзитом через Румынию из Германии в Турцию; при этом Братиану заявил посланнику, что Румыния, препятствуя доставке огнестрельных припасов в настоящий критический момент для Турции, будет считать вправе приписать себе часть предстоящих нам успехов по взятию Проливов. Кроме того, наш посланник сообщил мне, что, по словам, которые были сказаны ему Братиану, Германия уже начала менять свой взгляд на роль Румынии и считает занятое ею последнее время положение почти враждебным интересам Двойственного союза.

На вышеизложенное я доложил нашему посланнику имеющиеся в моем распоряжении нижеследующие сведения по этому вопросу. Германцы в Бухаресте в настоящее время настойчиво добиваются разрешения пропуска 32 вагонов из общего числа 216 вагонов, находящихся уже в пределах Румынии и заключающих в себе боевой материал для Турции. Эти 32 вагона, повидимому, должны быть доставлены в первую голову и представляют для Турции чрезвычайную важность, заключая в себе мины, патроны и снаряды. Эти вагоны распределены по различным станциям Румынии и на них имеются надписи «Türkei. Via Predeal. Transit».

Кроме того, я узнал из достоверного источника, что Братиану заявил германскому посланнику в Бухаресте, что немедленно пропустить боевые материалы для Турции он не может, но обещается спустя некоторое время, когда вопрос потеряет свою настоящую остроту, выпустить эти грузы, хотя бы по частям, дабы сделать пропуск этих вагонов через границу менее заметным.

Имея в виду, что около месяца тому назад через Румынию, на Базарджик уже прошло в Турцию 18 вагонов с боевым материалом, из коих 5 с патронами, что официально отрицается румынским правительством, а также ссылаясь на мою телеграмму минувшего года номер 243 [1], я лично полагаю, что если нами не будет оказано самого энергичного воздействия и не будут приняты самые действительные меры для своевременного обнаружения хотя бы части военного груза, выпущенного из Румынии, то все 216 вагонов пройдут румыно-болгарскую границу, как то и случалось ранее.

---

[1] Тел. от 25/12 окт. 1914 г. за № 243 Семенов сообщал, что «с целью скрытия факта пропуска через Румынию из Австрии и Германии военных грузов для Турции» запломбированные вагоны пропускаются на пограничных таможнях без осмотра, после чего рум. прав-во «заявляет о будто бы произведенном задержании. На самом же деле отдаются секретные распоряжения о выпуске этих вагонов мелкими партиями далее по назначению».

Из другого источника, косвенно проверенного, я узнал, что [14] 1 марта в Бухаресте было особое совещание по изложенному вопросу, на котором участвовали: Халил-бей, председатель оттоманского парламента, турецкий посланник Сефа-бей, недавно вернувшийся из Италии Геннадиев, германский посланник с военным агентом, болгарский посланник и представитель румынского военного ведомства — секретарь кабинета военного министра майор Сирбу.

На этом совещании было принято принципиальное решение, что военный груз будет выпущен из Румынии, но по частям, причем будут сделаны ссылки, что груз предназначен не для Турции, а для нейтральной Болгарии.

Из частного источника я узнал, что в Предеале находятся 28 платформ, повидимому, с частями подводных лодок для Турции.

Семенов.

№ 392. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 9. 17/4 марта 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В положении японо-китайских переговоров, изложенном мной в секретной телеграмме от [11 марта] 26 минувшего февраля за № 127 [1], не произошло с тех пор никаких существенных перемен. Обе стороны продолжают упорно стоять на своем, ответа же японского правительства на сделанные китайцами по некоторым пунктам компромиссные предложения пока еще не последовало.

Единственный вопрос, по которому удалось достичь полного соглашения, — это продление на новые 99 лет аренды Квантуна и контрактов Южно-Манчжурской и Мукден—Аньдунской железных дорог. Окончательная редакция касающейся этого пункта статьи уже установлена и парафирована китайским министром иностранных дел и японским посланником. При этом имевшееся в прежних соглашениях постановление о праве Китая досрочно выкупить железную дорогу по истечении 36 лет ныне совершенно опущено.

Присылая ко мне своего секретаря доверительно сообщить мне о вышеизложенном, г. Лу Чжэн-сян поручил ему передать мне, что китайское правительство вполне готово предоставить России по отношению к Китайской Восточной железной дороге те же преимущества,

[1] См. № 350.

которые Япония таким образом ныне приобретает в отношении Южно-Манчжурской и Мукден — Аньдунской линий [1].

Так как, по мнению японского правительства, переговоры не достаточно быстро и успешно подвигаются вперед, оно пытается оказать некоторое давление на китайцев, посылая ныне раньше срока в Пекин, Тяньцзин, Южную Манчжурию, Шаньдун и Ханькоу смены тамошних японских гарнизонов и вместе с тем удерживая на месте подлежащие возвращению в Японию части, что на деле сводится к замаскированному усилению японских войск в Китае. Едва ли однако подобная демонстрация окажет желаемое воздействие на пекинское правительство, и, чтобы заставить последнее всецело покориться предъявленным ему требованиям, Японии придется решиться на более действительные меры воздействия.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 393. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1227. 18/5 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мой № 116 [2].

Вследствие переданной мне великобританским послом памятной записки, заключающей предположение сэра Э. Грея касательно ответа, который надлежало бы дать Италии по вопросу о ее выступлении [3], мною сегодня вручена английскому и французскому послам

---

[1] Позднее в деп. от 28/15 апр. за № 19 Крупенский сообщал, со слов Лу Чжэнсяна, что, согласившись на продление на 99 лет срока аренды Квантунского полуострова и контрактов Южно-Манчжурской и Мукден-Аньдунской ж. д., китайцы добились от Японии «той уступки, что началом 99-летнего срока будет считаться не число подписания нового японо-китайского соглашения, как того домогались японцы, а время первоначального вступления в силу помянутых концессий». Отсюда Крупенский делал вывод, что «в случае распространения выговоренного японцами в свою пользу продления арендного срока и на нашу Китайскую Восточную железную дорогу время действия контракта последней будет продолжено против прежнего всего на 19 лет».

[2] См. стр. 485, прим. 3.

[3] Проект ответа, переданный Бьюкененом пам. запиской от 18/5 марта, совпадает, за исключением редакционных изменений, с текстом заявления Грея Империали, сообщенным Бьюкененом пам. запиской от 21/8 марта (см. ниже № 402). Тел. от 20/7 марта за № 194 Бенкендорф, со слов Никольсона, сообщил о согласии Делькассе на проект ответа Италии, предложенный Греем.

Русское предложение
к исходящей телегр. № 1227
5 марта 1915 г.
Любляна
Загреб
Волоска
Фиуме
Велье
Керсо
Албе
Пато
Зара
Ульян
Себенико
Планка
Спалато
Браццо
Лезина
Саббиончелло
Курцола
Рагуза
Меткович
Сараево
Банялука
Белград
Дунай
Сава
Дрина
Врбас
Босна
Неретва
Морава
Вар. Морава
Каттаро
Оз. Скутари
Скутари
Призрен
Дуранцо
Оз. Охридское
Оз. Преспа
Валона
Сассено
Химара
Стилос
Янина
Корфу
Левкас
Адриатическое море
Сербия
Черногория
Албания
Босния
Герцеговина
Славония
Хорватия
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Красная краска на оригинале
Скопировано с карты, хранящейся в деле С. А 543 и набросанной рукой Базили

памятная записка нижеследующего содержания: «Ayant pris connaissance de la réponse que Sir E. Grey suggère de donner, au nom des trois Puissances à l'ambassadeur d'Italie, Mr. Sazonow en approuve en général la teneur. Pour ce qui est des points que Sir E. Grey propose d'exposer au marquis Impériali verbalement [1], Mr. Sazonow est d'avis que les Puissances pourraient reconnaître à l'Italie le droit de s'annexer en outre de Vallone une partie de l'Albanie Septentrionale, au sud de Scutari, avec la faculté d'établir son contrôle sur l'Etat musulman albanais dont Durazzo serait la capitale. Mais en ce cas il faudrait stipuler que, au delà des territoires qui seraient ainsi placés, le long du littoral, soit sous la domination, soit sous le contrôle de l'Italie, une bande de territoire albanais suffisante serait abandonnée à la Serbie et à la Grèce afin de leur assurer un contact direct et une frontière commune. Si toutefois le gouvernement italien ne se montrait pas disposé à entrer dans ces vues et insistait absolument sur l'acquisition d'une part de la côte Dalmate, le gouvernement impérial serait prêt à aller plus loin dans la voie des concessions pour arriver plus facilement et surtout le plus tôt possible à un accord. Dans ce but, au lieu des conditions ci-dessus proposées dans le domaine de l'Albanie, le gouvernement russe consentirait, à la rigueur, à accorder à l'Italie les ports de Sebenico et de Zara avec la côte qui les relie et les îles adjacentes, comme Mr. Sazonow en a admis la possibilité il y a plusieurs mois dans ses conversations à ce sujet, tout académiques d'ailleurs, avec l'ambassadeur d'Italie à Pétrograd [2]. Pour le reste Mr. Sazonow se réfère à son aide-mémoire du [17] 4 mars courant [3], contenant la réponse qu'il conviendrait, selon lui, de donner aux autres desiderata de l'Italie». Благоволите ознакомить с вышеизложенным министра иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

Перевод.

Вследствие переданной мне великобританским послом памятной записки, заключающей предположение сэра Э. Грея касательно ответа, который надлежало бы дать Италии по вопросу о ее выступлении, мной сегодня вручена английскому и французскому послам памятная записка нижеследующего содержания :«Озна-

[1] В пам. записке от 18/5 марта (см. стр. 518, прим. 3) Грей предлагал заявить устно, что державы согласны предоставить Италии часть Албании к югу от Скутари до Дураццо для создания мусульманского государства под ее контролем.

[2] В делах м-ва ин. дел не сохранилось документов о заявлении Сазонова Карлотти относительно Себенико и Зары. Ср. т. VI, №№ 24 и 54.

[3] См. стр. 485, прим. 3.

комившись с ответом, который сэр Э. Грей предлагает дать от имени трёх держав итальянскому послу, г. Сазонов в общем одобряет его содержание. Что касается пунктов, которые сэр Э. Грей предполагает изложить маркизу Империали устно, то г. Сазонов придерживается мнения, что державы могли бы признать за Италией право присоединить, помимо Валоны, часть Северной Албании, к югу от Скутари, с возможностью установить контроль над Албанским мусульманским государством, столицей которого было бы Дураццо. Но в этом случае следовало бы установить, что за пределами территорий, которые были бы вдоль побережья поставлены или под контроль или под власть Италии, достаточная полоса албанской территории была бы оставлена Сербии и Греции, дабы им обеспечить возможность непосредственных сношений и общую границу. Если бы однако итальянское правительство не было склонно пойти на это и решительно настаивало на приобретении части Далматинского побережья, императорское правительство было бы готово пойти дальше по пути уступок, дабы легче, а главное скорее, достигнуть соглашения. В этих целях вместо предложенных выше уступок в пределах Албании, российское правительство в крайнем случае согласилось бы предоставить Италии порты Себенико и Зару с соединяющим их побережьем и близлежащими островами, подобно тому как г. Сазонов уже признавал эту возможность несколько месяцев тому назад в своих разговорах по этому поводу, вполне впрочем академических, с итальянским послом в Петрограде. Что касается остального, то г. Сазонов ссылается на свою памятную записку от 17/4 сего марта содержащую ответ, который, по его мнению, следует дать на другие пожелания Италии». Благоволите ознакомить с вышеизложенным министра иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 394. Поденная запись министерства иностранных дел.

18/5 марта 1915 г.

Полученные как из Лондона, так и из Парижа сведения указывали на то, что итальянские требования в отношении Далмации признаются чрезмерными не только нами, но также французами и англичанами. Тем не менее, ввиду того, что, с другой стороны, есть данные полагать, что Италия едва ли откажется от этих требований, по крайней мере в полном размере, было решено уполномочить Грея в крайнем случае пойти на известные уступки, а именно, по всестороннем обсуждении этого вопроса С. Д. Сазонов телеграфировал Бенкендорфу, что мы могли бы, пожалуй, уделить итальянцам часть побережья от Зары до Себенико, но что в таком случае мы потребовали бы отказа Италии от своих видов на Албанию, каковая, за исключением Валоны с прилегающим округом, должна была бы быть разделенной между Сербией и Грецией.

№ 395. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 108. 18/5 марта 1915 г.

Телеграмма за № 1136 [1] получена.

Тоунлей сообщил мне телеграмму касательно происков Пюжена и Шюнемана с просьбой принять меры к прекращению деятельности названных лиц, грозящей осложнениями [2]. Так как представления обеих миссий персидскому правительству до сих пор не приводили ни к каким результатам, то единственным способом, по мнению Тоунлея, мной разделяемому, было бы непосредственное воздействие или арест немецких агитаторов. Однако мы, к сожалению, не располагаем ныне достаточными средствами для такового воздействия. С другой стороны, из перехваченной корреспонденции германской миссии с консулом Листеманом можно заключить, что германскими агентами как в Курдистане, так и на юге задумано движение, в которое хотят вовлечь персидское правительство и заставить его перейти на сторону германо-турецкого союза. В частности предполагается арестовать английского консула в Ширазе, который ввиду возможного его задержания уже уничтожил шифры и принял другие меры. Для личного моего сведения Тоунлей сообщил, что в целях предупреждения осуществления германо-турецкого плана Коксом предложено назначить премию за захват немецких агитаторов, но что проект этот не был одобрен в Лондоне.

Жандармерия держит себя двусмысленно, но можно думать, что при известных обстоятельствах станет на сторону немцев. Надежды на бахтиар у Тоунлея больше нет. Вопреки его ожиданиям они явно сочувствуют германо-турецкой стороне. Вообще имеется много призна-

---

[1] Тел. от 13 марта/28 февр. за № 1136 Сазонов в ответ на запрос Коростовца сообщил ему, что «предъявление шахскому правительству требования об удалении из Исфагани Пюжена едва ли достигло бы цели, если его нельзя было бы подкрепить угрозою принятия самостоятельных мер против этого лица».

[2] Тел. от 14/1 марта за № 102 Коростовец сообщил Сазонову, что англичанам не удалось арестовать герм. консула в Бушире Васмуса, который бежал в Шираз, но они «успели задержать сопровождавшие его вьюки с 50 000 фунтов звонкой монеты, которые, согласно добытым Коксом доказательствам, предназначались для возбуждения восстания в Афганистане и Индии». На состоявшемся по этому поводу совещании в Тегеране между Коростовцем и Тоунлеем было решено требовать ареста Васмуса в Бушире, Пюжена в Исфагани, Шюнемана в Керманшахе, герм. поверенного в делах в Тегеране и других герм. должностных лиц. Оба прав-ва одобрили это решение, и только отсутствие реальной силы для проведения его в жизнь задерживало его выполнение. (Тел. Клемма Столице от 16/3 марта за № 1188 и тел. Бенкендорфа от 26/13 марта за № 210).

ков, подтверждающих усиление враждебного нам влияния, возлагать же надежды на новый кабинет не приходится, так как он еще более прежнего будет считаться с демократическим большинством меджлиса. Благоприятного поворота настроения правительства и общественного мнения можно ожидать лишь от крупного военного успеха над Турцией или же от присылки в Тегеран отряда. На последнем вновь настаивает Тоунлей. Выясняется, что германо-турецкая партия действительно предполагала воспользоваться Салар-эд-Доуле для поднятия мятежа в Персии, но что принц затем был возвращен по настоянию германской миссии, признавшей выступление принца несвоевременным и могущим лишь возбудить общественное мнение против Германии.

Коростовец.

№ 396. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1251. 19/6 марта 1915 г., 8 ч. 30 м. веч.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1227 [1].

Во избежание могущих возникнуть недоразумений при чтении предложения: «Dans ce but, au lieu des conditions ci-dessus proposées dans le domaine de l'Albanie etc.»[2], следует оговорить, что если Италия предпочтет получить часть Далматинского побережья в границах, указанных в телеграмме № 1227, то ей придется отказаться от ее притязаний на Албанию; последняя в таком случае подлежала бы, согласно сообщенному вам в ноябре моему предположению (телеграмма № 3998 [3]) разделению между Сербией и Грецией. Само собою понятно, что такое решение отнюдь не коснулось бы занятой Италией части Албании с Валоною, которая осталась бы в ее владении.

Вместе с тем было бы полезно твердо установить, что если Италия не выступит совместно с Тройственным согласием против Австрии в разумно близкий срок, то все данные ей обещания земельных вознаграждений отпадут [4].

Сазонов.

---

[1] См. № 393.

[2] «В этих целях вместо предложенных выше уступок в пределах Албании и т. д.».

[3] См. т. VI, № 561.

[4] Тел. от 20/7 марта за № 158 Извольский сообщил «о полном согласии» Делькассе с мнением Сазонова, изложенном в тел. за №№ 1227 и 1251.

№ 397. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Письмо № 367 [1]. 19/6 марта 1915 г.

С[овершенно] секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Адмирал Эбергард представил свои соображения об условиях совершения десантной экспедиции у Босфора, из коих безусловно вытекает заключение о невозможности выполнить эту операцию, не базируясь на Бургас. Боевые свойства нашего Черноморского флота и условия плавания в этом море при удалении нашей постоянной базы флота — Севастополя — от Босфора на 300 миль требуют совершения всей десантной экспедиции в 3—4 дня, что невозможно. Базирование же на Бургас, удаленный от места высадки лишь на 100 миль, облегчает эту операцию и делает ее вполне возможной.

Так как участие России в столь важной исторической задаче, как освобождение Константинополя от мусульманского ига, является для нас безусловно необходимым, то желательно изыскать все способы для облегчения этой операции.

По докладе верховным главнокомандующим его императорскому величеству вышеприведенных соображений государю императору благоугодно было указать на необходимость вновь обсудить вопрос о Бургасе. Его величество находит крайне желательным поставить вопрос нашим союзникам, что, так как они признают необходимым наше одновременное содействие в овладении Босфором и Константинополем, то как бы они посмотрели на занятие нами Бургаса как промежуточной базы для флота и десанта даже вопреки согласию Болгарии. [2] В этом отношении мы могли бы действовать лишь в согласии с нашими союзниками, т. е. при совместном дипломатическом выступлении. Скорейшее выяснение точки зрения союзных правительств на этот вопрос крайне необходимо, дабы не задержать развивающегося успеха союзников.

Сегодняшние агентские телеграммы о решении болгарского коронного совета [3] дают основание думать, что обстановка изменяется в нашу пользу и задача занятия Бургаса как бы облегчается. Благоволите

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 298.

[2] «Но без всякого вооруженного с нею столкновения». (Прим. оригинала).

[3] Согласно тел. Петроградского телегр. аг-ва на коронном совете в Софии обсуждался вопрос о выступлении Болгарии на стороне Антанты в связи с операциями на Проливах.

не отказать поставить меня в известность о последующем для доклада его императорскому высочеству.

Примите и пр. Н. Янушкевич.

№ 398. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

20/7 марта 1915 г.

In the opinion of His Majesty's Government it is essential that when the Turks disappear from Constantinople, as is contemplated, some independent Moslem Authority should be constituted elsewhere as a political centre for Islam. The existence of such an authority, which must be thoroughly Moslem, though not necessarily Turkish, is imperative, and the Holy Places would naturally be its centre. Such a Moslem State would presumably include Arabia, and the question of whether it should include other territory in Asia Minor and if so what territory, will also have to be decided.

His Majesty's Government consider it premature to discuss the possible division of Mesopotamia, Syria and Palestine or neighbouring regions amongst the Powers, until the question of this Moslem State has first been settled.

Перевод.

Правительство его величества считает существенным, чтобы с момента ожидаемого удаления турок из Константинополя была образована в каком-либо другом месте независимая мусульманская власть в качестве политического центра ислама. Существование такой власти, которая должна быть вполне мусульманской, хотя и не обязательно турецкой, настоятельно требуется, и [мусульманские] священные места должны естественно быть ее центром. Такое мусульманское государство, вероятно, включит Аравию; равным образом необходимо решить вопрос, должна ли в состав его войти какая-либо другая территория Малой Азии и, если да, то какая именно.

Правительство его величества считает преждевременным обсуждать вопрос о возможном разделе между державами Месопотамии, Сирии и Палестины или соседних областей, пока вопрос об указанном мусульманском государстве не будет разрешен.

№ 399. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [2].

20/7 марта 1915 г.

Sir E. Grey is of opinion that the views recently expressed by His Imperial Highness the Grand Duke Commanding in Chief to Mr. Paléo-

[1] Опубл. R. Aв., T. стр. 130.

[2] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 285.

logue with regard to the participation of Roumania and Italy [1] render it essential for him to receive immediate authorisation to hold the favourable language which he had proposed to the marquis Imperiali [2].

Sir E. Grey suggests that the three Allies should at the first favourable opportunity give to Bulgaria and Roumania, who will no doubt be sensitive as to the future of the Straits and Constantinople, an assurance that if the Straits are eventually opened for Russian warships they will also be opened for Roumanian and Bulgarian ships of war and that they will be free for commerce. Although the former assurance is one which should properly be given by Russia alone, Sir E. Grey is of opinion that it will probably be better for the three Allies to speak simultaneously in order not to disclose the agreement to which they have come respecting the Straits and Constantinople [3].

As regards Bulgaria, Sir E. Grey suggests that a communication should be made to her in the sense that she should say at once whether she is willing to join in the war on the side of the Allies on condition of getting a settlement based on the 1912 Treaty together with Monastir as well as the Enos — Midia line [4].

Перевод.

Сэр Э. Грей полагает, что высказанная недавно его императорским высочеством великим князем главнокомандующим г. Палеологу точка зрения касательно участия Румынии и Италии в войне делает для него необходимым получение немедленного разрешения переговорить с маркизом Империали в том благожелательном смысле, как он предлагал.

---

[1] См. № 381.

[2] См. стр. 518, прим. 3.

[3] Пам. запиской от 21/8 марта за № 313 и 318 Бьюкенену и Палеологу (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 286), Сазонов предлагал отложить предложенное Греем заявление рум. прав-ву до того момента, когда «Румыния решится открыто и активно стать на сторону союзников» ,и возражал против аналогичного сообщения болг. прав-ву, так как Болгария «уже владеет выходом в Эгейское море». Дополнительно тел. от 22/9 марта за № 1310 (опубл. К-поль и Пр., I, стр. 287) Сазонов сообщил Бенкендорфу, что он не возражает против заявления Греем рум. посланнику, что «Россия соглашается предоставить в будущем Румынии самое широкое обеспечение ее экономических интересов».

[4] Тел. от 20/7 марта за № 1266 Сазонов предписал Извольскому и Бенкендорфу просить соответствующее прав-во дать посланникам в Софии и Сербии инструкции согласно его тел. за №№ 497 и 498 (см. №№ 161 и 162) и известил об этом Бьюкенена и Палеолога пам. запиской от 21/8 марта, в которой добавлял, что в случае колебаний Болгарии державы должны были бы повторить свое выступление через четыре дня. Тел. от 23/10 марта за № 199 Бенкендорф сообщил о согласии Никольсона послать тождественные инструкции.

Сэр Э. Грей полагает, что три союзника при первом подходящем случае должны дать Болгарии и Румынии, которые несомненно весьма чутко относятся к судьбе Проливов и Константинополя, заверение, что, если в будущем Проливы будут открыты для русских военных судов, они будут также открыты для румынских и болгарских военных судов и будут свободны для торговли. Хотя указанное заверение надлежало бы дать одной России, сэр Э. Грей думает, что, вероятно, будет лучше для трех союзников выступить одновременно, дабы не выдать соглашения, к которому они пришли по вопросу о Проливах и Константинополе.

Что касается Болгарии, то сэр Э. Грей полагает, что ей следовало бы сделать сообщение в том смысле, чтобы она, наконец, высказалась, желает ли она принять участие в войне на стороне союзников на условиях предоставления ей границ, установленных договором 1912 г., вместе с Монастырем и линией Энос—Мидия.

№ 400. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

-/. Телеграмма № 1265 [1]. 20/7 марта 1915 г.

Ссылаясь на меморандум здешнего великобританского посольства 12 марта/27 февраля [2], благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе согласно желаниям России. Императорское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещания касательно условий торговли в Проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, ни следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через Проливы коммерческих судов.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорыв через Дарданеллы императорское правительство готово способствовать привлечению к этому делу на разумных началах тех из государств, содействие коих представляется полезным Великобритании и Франции [3].

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 284.

См. № 352.

[3] Тел. от 15/2 марта за №№ 1154 и 1155 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 159) Нератов передал Сазонову в ставку пам. записку англ. пос-ва, в которой первый лорд адмиралтейства высказывал удовлетворение по поводу сообщения, что «русский флот ныне будет сторожить выход из Босфора» и «будет готов атаковать форты, как только Дарданеллы будут форсированы», и заявлял, что ввиду недо-

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством [1]. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции с сохранением за султаном турецким звания халифа или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны, императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом оно считает однако справедливым, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россией ввиду создавшихся там русских интересов [2].

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской зоной и афганской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения [3].

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния

статка в англ. флоте истребителей и малых судов ему крайне необходима «помощь отличных греческих флотилий», способных оградить союзный флот «действительным образом от опасности австрийских и германских подводных лодок». Далее в пам. записке выражалась надежда, что росс. прав-во на это согласится «после столь удовлетворительного разрешения политических вопросов, связанных с Константинополем и Проливами».

[1] См. № 398.

[2] Вместо слов: «чтобы районы... русских интересов» первоначально было написано: «выговорить себе районы Исфагани и Иезда, на которые уже фактически распространяется русское влияние. Напоминаем, что еще в начале 1913 года в вопросе о горной концессии на юге Персии лондонский кабинет признал справедливость нашего взгляда, что районы городов составляют с ними неразрывное целое» (ср. № 369).

[3] Далее зачеркнуто: «В частности императорское правительство отстаивает свой прежний взгляд на Трансперсидскую ж. д.».

с предоставлением ему в частности преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.[1].

Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией Северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах [2].

Сазонов.

№ 401. Поденная запись министерства иностранных дел.

20/7 марта 1915 г.

Памятная записка английского посольства, в которой высказывается мысль о желательности успокоить Болгарию и Румынию, встревоженных слухами о переходе Проливов в державное обладание России [3]. Грей считал бы желательным заявление названным двум государствам со стороны России, Франции и Англии о том, что им будут обеспечены их интересы в Проливах. Этот вопрос обсуждался между министром, товарищем министра Нератовым и начальниками I и II политических отделов, причем бароном Шиллингом было высказано мнение о нежелательности допущения каких бы то ни было совместных заявлений в указанном смысле, которые впоследствии могли бы получить значение гарантии со стороны посторонних держав обязательств, возложенных на Россию в отношении Румынии и Болгарии в области Проливов. Вопрос пока остался открытым, и решено повременить ответом Грею.

Министра посетил итальянский посол, но разговор оставался в области общих предметов, и С. Д. Сазонов вынес впечатление, что маркиз Карлотти не посвящен своим правительством в начатые в Лондоне переговоры.

У министра состоялось совещание по вопросу о Буковине, на котором присутствовали А. А. Нератов, Гулькевич, барон Шиллинг, и полковник Самойло излагал точку зрения военных кругов, требующих для обеспечения нашей будущей границы присоединения не более, не менее, как всей Буковины и части Северной Трансильвании [4].

---

[1] Вместо слов: «с предоставлением ... и экономических начинаний» первоначально было написано: «а равно на ограничение в пределах его деятельности Шахиншахского банка».

[2] Аналогичного содержания пам. записка была вручена Сазоновым Бьюкенену 22/9 марта.

[3] См. № 399.

[4] Ср. №№ 210 (прил.) и 378.

С. Д. Сазонов возражал, что: 1) мы связаны известными обязательствами по отношению к Румынии, идущими в разрез с подобными требованиями, и 2) что он придает слишком большое значение сохранению на будущее время добрососедских отношений с Румынией, чтобы допустить неизбежное столкновение с последней на почве спора из-за тех земель с румынским населением, на которые в праве претендовать румыны.

№ 402. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

21/8 марта 1915 г.

The following is the text of a Memorandum which was given unofficially by Sir E. Grey to the Marquis Imperiali on the 20th instant.

«The three Powers are prepared to take the Italian proposals into their most favourable consideration and have little doubt that an agreement could quickly be reached on the points of detail which call for settlement. There is, however, one important question on which, in the opinion of the three Powers, the Italian proposals give rise to some difficulty.

The Italian demand for Dalmatia, joined to the proposal to neutralize a large portion of the East Adriatic Coast and claim to islands of Quarnero, leaves to Servia very restricted opportunities and conditions for her outlet to the sea; and it shuts in the Yugoslav provinces which have with reason looked to this war to secure for them the legitimate aspirations of expansion and development of which they have hitherto been deprived. It does not seem necessary to develop fully the considerations in regard to this question at this stage, but the three Powers would ask the Italian Government to review their claims in this direction and if possible to find some means of ascertaining the desiderata of the Yugoslav leaders.

In other respects the three Powers accept generally the Italian proposals subject to agreement on points of detail».

The Marquis Imperiali, after reading the above Memorandum, insisted most strongly on Italy's claim to the Dalmatian coast and the islands lying off it. He pointed out that the present weakness of the Italian element in Dalmatia was due to Austria's deliberate introduction of a Slav element; Dalmatia had only ceased to be Italian by nationality in 1866, and it had belonged to Venice for six centuries.

Sir E. Grey argued that the Memorandum which he had just given

the Italian Amdassador acceded to almost all the Italian claims, which were extensive and of a varied nature, straight away; and he was disappointed to find that His Excellency insisted so strongly on the question of Dalmatia.

The conditions of the Italian Government had been discussed by Mr. Asquith and some members of the Cabinet who were unanimous that neither Servia nor the Yugoslavs would have any real outlet if those conditions were accepted as they stood. The possession by Italy of the outer islands would entirely shut in even Fiume.

Sir E. Grey said that he understood that Mr. Sazonow had, in a purely academic conversation which His Excellency had had some time ago with the Marquis Carlotti, discussed the possibility of Italy acquiring a part of the coast including Zara and Sebenico [1]. Unless, however, the Yugoslavs and Servia got the coast off Herzegovina and Spalato, he (Sir E. Grey) did not see how they could obtain a serviceable outlet.

Sir E. Grey said that if a satisfactory solution of the Dalmatian question were arrived at, it might be possible to overcome the difficulty of an independent Moslem State in Albania being able to maintain itself.

Russia would be ready to conclude the stipulated military agreement, but an Italian military expert would have to assist in its elaboration. Lord Kitchener had informed Sir E. Grey that until some plan of campaign had been hit upon the cooperation of Italy could not be effective. It was felt that Italy's action should not be delayed longer than the middle of april (new style); it was therefore essential that she should arrive at an immediate decision in order that the military experts might begin to draw up a plan of campaign with the three Allies and a military agreement with Russia.

The Italian Ambassador said that he would report the above conversation to his Government at once.

Перевод

Ниже следует текст меморандума, который был неофициально передан сэром Э. Греем маркизу Империали 20 текущего месяца.

«Три державы готовы обсудить самым доброжелательным образом итальянские предложения и не имеют почти сомнений в том, что соглашение может быть скоро достигнуто по второстепенным пунктам, которые требуют разрешения. Имеется однако один важный вопрос, по которому, по мнению трех держав, итальянские предложения вызывают некоторые затруднения.

Требование Италии о присоединении к ней Далмации, сопровождаемое пред-

[1] Ср. № 393.

ложением нейтрализовать значительную часть восточного Адриатического побережья, и притязание на острова в Кварнеро оставляют Сербии весьма ограниченные возможности и условия для выхода к морю и запирают югославские провинции, которые имели основания рассчитывать, что эта война обеспечит им осуществление их законных стремлений к расширению и развитию, чего они до сих пор были лишены. Не представляется, повидимому, нужным полностью излагать соображения по этому вопросу в настоящем фазисе его развития, но три державы просят итальянское правительство пересмотреть его притязания в этом направлении и, если возможно, найти способ принять во внимание пожелания югославских лидеров.

В других отношениях три державы принимают в общем итальянские предложения, подлежащие согласованию в подробностях».

Маркиз Империали, прочитав вышеприведенный меморандум, очень сильно настаивал на итальянском требовании касательно Далматинского побережья и близлежащих островов. Он указал, что нынешняя слабость итальянского элемента в Далмации вызвана преднамеренным вселением Австрией славянского элемента. Далмация перестала быть итальянской по национальности только в 1866 году, и она принадлежала Венеции в течение шести столетий.

Сэр Э. Грей отметил, что меморандум, который он только-что вручил итальянскому послу, дает немедленное согласие почти на все итальянские требования, которые весьма широки и разнообразны, и он разочарован тем, что его превосходительство так решительно настаивает на вопросе о Далмации.

Условия, предложенные итальянским правительством обсуждались г. Асквитом и некоторыми членами кабинета, которые были единогласны в том, что ни Сербия, ни юго-славяне не будут иметь действительного выхода к морю, если эти условия будут приняты, как они есть. Принадлежность внешних островов Италии совсем закроет выход даже Фиуме.

Сэр Э. Грей сказал, что, как он слышал, г. Сазонов, в чисто академическом разговоре, который его превосходительство имел некоторое время тому назад с маркизом Карлотти, обсуждал возможность для Италии приобрести часть побережья, включающую Зару и Себенико. Если однако югославяне и Сербия не получат побережья у Герцеговины и Спалато, то он (сэр Э. Грей) не видит, как они смогут приобрести удобный выход к морю.

Сэр Э. Грей сказал, что если будет достигнуто удовлетворительное разрешение вопроса о Далмации, то, быть может, можно будет преодолеть трудности создания независимого мусульманского государства в Албании, способного существовать самостоятельно.

Россия была бы готова заключить предложенное военное соглашение, но итальянский военный эксперт должен будет участвовать в его выработке. Лорд Китченер уведомил сэра Э. Грея, что, пока не установлен какой-либо план военных действий, содействие Италии не может оказаться действительно полезным. Было дано понять, что выступление Италии не должно быть отложено дольше, чем до середины апреля (нового стиля), а потому существенно, чтобы она пришла к немедленному решению, дабы военные эксперты могли начать составление плана военных действий совместно с тремя союзниками и военного соглашения с Россией.

Итальянский посол сказал, что тотчас же передаст своему правительству вышеизложенный разговор.

№ 403. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

21/8 марта 1915 г.

Copie d'un télégramme adressé par son excellence Mr. Delcassé, ministre des affaires étrangères à Mr. Paléologue, ambassadeur de France en Russie:

«Vous connaissez les motifs qui m'ont amené à proposer la nomination de trois hauts commissaires civils à Constantinople, aussitôt que la ville aura été occupée par les troupes Alliées [2].

La sauvegarde des intérêts français engagés en Turquie et la solution des importants problèmes qui vont se poser dans l'ordre administratif, diplomatique, politique et financier, exigeront que l'égalité entre les trois Puissances soit retablie et maintenue pendant toute la période qui s'étendra entre l'occupation et les règlements de la paix.

La subordination des hauts commissaires civils à un officier général appartenant à l'une ou l'autre des nationalités alliées, serait en contradiction avec le principe même de ma proposition.

Cette question est d'ailleurs distincte de la question relative à l'occupation militaire de Constantinople et de ses abords immédiats.

En ce qui concerne cette dernière question, Mr. Sazonow suggère de constituer trois zones [3]: 1) zone française, comprenant Pera et Galata; 2) zone russe, comprenant Stamboul et la rive européenne du Bosphore; 3) zone anglaise, comprenant la rive d'Asie, en face de la capitale. Un accord sur ces bases me semble facile à réaliser entre les trois Puissances.

Mais, l'occupation de Constantinople pose, de prime abord, des questions de principe sur lesquelles les gouvernements de la Triple Entente doivent se concerter sans retard; le respect des droits et des intérêts français que la Russie s'est engagée à placer en première ligne y est étroitement lié.

Constantinople est le siège d'administrations dont l'action s'étend sur tout l'Empire Ottoman, le centre administratif de toutes les entreprises d'intérêt général fonctionnant en Turquie, enfin, de siège social de toutes les grandes sociétés d'intérêt privé qui y font des affaires. L'attribution de Constantinople à la Russie ne saurait, sans léser ses Alliés et particulièrement la France, qui possède des intérêts primordiaux dans toutes ces entreprises, conférer à la Russie une hypothèque

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 333.
[2] См. № 353.
[3] См. № 360.

sur toutes les affaires de l'Empire Ottoman. C'est là un principe essentiel qui doit dominer l'administration provisoire de Constantinople et la liquidation de sa situation de capitale, transformée en ville provinciale de l'Empire Russe. Cette liquidation même ne saurait évidemment avoir lieu qu'après la conclusion de la paix puisqu'elle dépendra du sort même de l'Empire Ottoman.

Le régime provisoire de Constantinople et de toutes les parties de l'Empire Turc qui tomberont au pouvoir des trois Puissances devra, en conséquence, s'inspirer du principe que les ressortissants des trois Puissances continueront à jouir de tous les droits qu'ils possédaient sous la domination turque, ou en recouvreront le plein exercice, s'ils en avaient été privés à la suite des événements de guerre. Les modifications qu'il conviendra peut-être d'apporter à ces droits pour les adopter au nouveau statut de Constantinople et de l'Empire Ottoman devront être débattues ultérieurement avec les intéressés.

En vertu de ce principe, l'administration de la Dette publique ottomane devra continuer à fonctionner jusqu'à la paix, telle qu'elle est constituée actuellement, en introduisant au Conseil de la Dette un délégué russe, représentant l'engagement de la Russie de se charger d'une quote-part de la Dette publique ottomane, correspondant aux revenus que l'administration de la Dette retire de Constantinople et des environs.

De même les institutions françaises (institutions religieuses, scolaires, hospitalières ou autres) devront être immédiatement remises en possessions de leurs biens, tant mobiliers qu'immobiliers, et admises à fonctionner dans les conditions antérieures. Une disposition spéciale reconnaîtra la validité des contrats intervenus entre le gouvernement français et telles ou telles sociétés françaises, d'une part, le gouvernement ottoman et telles ou telles administrations de l'empire, d'autre part, contrats et arrangements sanctionnés par l'iradé du sultan du 21 Avril 1914 [1] et dont la France a déjà fourni la contre-partie sous la forme d'un emprunt de 500 millions.

Il faudra, de plus, spécifier que ces stipulations s'appliquent aux sociétés et établissements qui sont français de fait, bien que placés sous l'étiquette et le régime ottoman (tels que la Banque Ottomane, la Régie des tabacs, la Société des Phares, les chemins de fer jonction Salonique, Smyrne—Cassaba, Damas—Hama, Moudania—Brousse, Jaffa — Jerusa-

[1] Имеется в виду ирадэ турец. султана утверждившее соглашения, подписанные в Париже 9 апр./27 марта 1914 г. франц. м-ром ин. дел Думергом и турец. м-ром фин. Джавидом об уступке Франции ряда ж. д. и других концессий взамен предоставления турец. прав-ву займа на парижском рынке.

lem, les quais de Constantinople et de Smyrne, les docks de Stenia, les mines d'Héraclée, le Crédit foncier de Turquie, etc.).

Un accord préalable devra enfin régler la question des biens ennemis: il va de soi que les séquestres mis sur des établissements français seront levés et les propriétaires remis en jouissance.

Les séquestres institués auprès des sociétés allemandes et austro-hongroises devront tenir compte des droits spéciaux appartenant aux porteurs français (par exemple pour les chemins de fer Orientaux); les sociétés, ottomanes d'étiquette, mais françaises en fait, ne seront pas placées sous séquestre. Les séquestres mis sur les sociétés ottomanes (comme les chemins de fer de Bagdad, de Mersina — Adana, du Hedjaz, de Deraa — Caïffa, le port d'Alexandrette etc.) dont les entreprises se développent dans la zone qui nous serait réservée, devront être confiés à des Français: cela se justifie doublement pour le Bagdad [1] non situé dans la zone d'occupation et dans lequel nous n'avons cessé de posséder une participation de trente pour cent» [2].

Перевод.

Копия телеграммы, отправленной его превосходительством министром иностранных дел г. Делькассе на имя французского посла в России г. Палеолога:

«Вы знаете мотивы, заставившие меня предложить назначение трех верховных гражданских комиссаров в Константинополе, как только город этот будет занят союзными войсками.

Охрана французских интересов в Турции, а также решение важных задач, которые возникнут в областях административной, дипломатической, политической и финансовой, потребуют установления и соблюдения равенства между тремя державами в течение всего периода времени с момента оккупации до заключения мирного договора.

Подчинение верховных гражданских комиссаров генералу, принадлежащему к той или другой союзной национальности, противоречило бы самому принципу моего предложения.

К тому же этот вопрос отличен от вопроса о военной оккупации Константинополя и его ближайших предместий.

Что касается этого последнего вопроса, то г. Сазонов предлагает установить три зоны: 1) французская зона, включая Перу и Галату; 2) русская зона, включая

[1] Оттоманский банк принимал участие во втором и третьем багдадском займе (1903 и 1908 г.) на 30%.

[2] Пам. запиской от 24/11 марта 1915 г. за № 327 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 336) Сазонов выражал согласие на все пункты франц. пам. записки, но высказывался за необходимость «притти к соглашению относительно общего характера судебной организации, в обязанность которой входила бы временная защита иностранных интересов в Константинополе впредь до полной отмены капитуляций мирным договором».

Стамбул и европейский берег Босфора, 3) английская зона, включая азиатский берег, противоположный столице. Мне кажется, что соглашение на этой основе было бы легко осуществимо между тремя державами.

Но занятие Константинополя выдвигает в первую же очередь принципиальные вопросы, по которым правительствам Тройственного согласия следует немедленно договориться; с ними теснейшим образом связано уважение к французским правам и интересам, которые Россия обязалась ставить на первое место.

Константинополь — место пребывания администрации, деятельность которой распространяется на всю Оттоманскую империю, административный центр всех предприятий общего значения, действующих в Турции, наконец, местопребывание правлений всех больших частных обществ, ведущих здесь свои дела. Признание Константинополя за Россией не могло бы предоставить ей, — без ущерба для союзников, и особенно для Франции, которая обладает интересами первостепенной важности во всех этих предприятиях, — контроль над всей деловой жизнью Оттоманской империи. Это — главнейший принцип, который должен руководить действиями временного управления Константинополем, а также ликвидацией его положения, как столицы, преобразованной в провинциальный город Российской империи. Сама эта ликвидация, очевидно, может иметь место только по заключении мира, так как вопрос этот зависит от судьбы Оттоманской империи.

Временное управление Константинополем и всеми частями Турецкой империи, которые будут подвластны трем державам, должно, следовательно, руководиться принципом, в силу которого подданные трех держав будут пользоваться всеми теми правами, которыми они обладали при турецком владычестве, или будут всецело в них восстановлены, если они их лишились в результате военных событий. Изменения, которые, может быть, придется внести в эти права, чтобы их приспособить к новому положению Константинополя и Оттоманской империи, должны позднее подвергнуться обсуждению с заинтересованными сторонами.

В силу этого принципа администрация государственного Оттоманского Долга должна будет функционировать до заключения мира в том виде, как она сейчас организована, со включением в Совет долга одного русского делегата, сообразно с обязательством России взять на себя долю государственного долга, соответствующую доходам, получаемым администрацией Долга с Константинополя и его окрестностей.

Точно так же французские учреждения (учреждения религиозные, школьные, больничные и др.) должны быть немедленно восстановлены во владении имуществом, как движимым, так и недвижимым, и допущены к деятельности на прежних условиях. Специальным постановлением будет признана действительность контрактов, заключенных между французским правительством и теми или иными французскими обществами, с одной стороны, и оттоманским правительством и теми или иными властями империи — с другой, — контрактов и договоров, санкционированных ирадэ султана 21 апреля 1914 г. и оплаченных уже со стороны Франции 500-миллионным займом, предоставленным ею Турции.

Кроме того, необходимо оговорить, что эти же принципы применяются к обществам и учреждениям, фактически французским, хотя бы и носящим турецкое название и подчиненным турецкому режиму (как, например, Оттоманский банк, табачная монополия, общество маяков, Салоникская железнодорожная сеть, железные дороги Смирна—Кассаба, Дамаск—Хэма, Мудания—Брусса,

Яффа—Иерусалим, константинопольские и смирнские набережные, доки Стении, копи Гераклеи, земельный банк Турции и т. п.).

Предварительное соглашение должно будет, наконец, урегулировать вопрос о неприятельской собственности: само собой разумеется, что секвестр, наложенный на французские учреждения, будет снят, и собственники восстановлены в своих правах.

Секвестры, наложенные на германские и австро-венгерские общества, должны принять во внимание специальные права, принадлежащие французским держателям (напр., для Восточных ж. д.); общества турецкие по названию, но фактически французские, не будут подлежать секвестру. Наблюдение за секвестром, наложенным на оттоманские общества (как железные дороги Багдадская, Мерсина—Аданская, Геджасская, Дераа—Кайфская, порт Александретта и др.), чьи предприятия развиваются в зоне, которая нам будет предоставлена, должно быть поручено французам. Это вдвойне справедливо для Багдадской ж. д., не расположенной в зоне оккупации и в которой мы все время участвовали в 30%».

№ 404. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 118. 21/8 марта 1915 г.

При обсуждении совместно с английским, французским и бельгийским посланниками создавшегося положения, могущего при известных обстоятельствах угрожать спокойствию страны и безопасности иностранцев, мы согласились просить наши правительства разрешения сделать персам соответствующее предостережение касательно опасности дальнейшего попустительства германо-турецких происков, имеющих целью вызвать беспорядки и втянуть Персию во враждебные действия против держав Согласия. При этом предположено заявить шахскому правительству о необходимости оставления русских отрядов в пунктах их пребывания и даже их усиления в случае надобности, потребовать принятия энергичных мер против агитации германских агентов и поддержать требования Тоунлея об отозвании ширазского губернатора [1] и об удалении шведских офицеров из района Персидского залива.

Могу ли сделать идентичное с моими коллегами заявление шахскому правительству? [2]

По-моему следует.

Царское Село, [24]11 марта 1915 г.

Коростовец.

---

[1] Ср. ниже № 428.

[2] 22/9 марта за № 1307 Сазонов телеграфировал Коростовцу, что он может сделать перс. прав-ву предположенное заявление совместно с англ. и франц.

№ 405. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 121. 21/8 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 89 [1].

Меджлис постановил, [в] отмену закона [13 июня] 31 мая 1911 года, о передаче учреждений министерства финансов, в том числе казначейства, в ведение министра. При министерстве финансов образуется комиссия из 3 членов по выбору меджлиса из 15 кандидатов, представленных правительством. Комиссия наблюдает за государственными доходами и расходами, скрепляет ассигновки и расходы, произведенные по распоряжению правительства, и представляет меджлису отчеты о своей деятельности. Сделанные шаги, кроме желания получить распоряжение денежными ресурсами, вызваны стремлением освободиться от иностранной опеки, пользуясь тем, что мы отвлечены войной и не пойдем на решительные меры. Однако так как платежи по персидским займам обеспечиваются доходами с северных таможен, то нам не безразлично, в какой степени новый порядок, превращающий бельгийского главного казначея в кассира, упраздняющий всякий иностранный контроль, может отразиться на правильном поступлении платежей и вообще на финансовом положении. Во всяком случае следует иметь в виду, что обстоятельства могут вынудить нас взять в свои руки заведывание северными таможнями, как единственное средство оградить наши интересы [2].

Коростовец.

посланниками, «предупредив однако последних, что вследствие серьезных операций на других фронтах кавказское военное начальство не признает возможным выделить оттуда в настоящее время какие-либо части для усиления казвинского отряда». Тел. от 31/18 марта за № 136 Коростовец сообщил, что, сделав министру-председателю указанное заявление, он также привлек внимание Мушир-эд-Доуле на «бестактности, совершаемые администрацией велиагда» в Тавризе; министр-председатель обещал сделать все возможное для удовлетворения русских пожеланий, но «сослался на трудность соблюдения нейтралитета, пока русские войска находятся в Персии».

[1] Тел. от 3 марта/18 февр. за № 89 Коростовец сообщил, что казначей Гейнсенс и бельг. служащие перс. казначейства подали в отставку ввиду отмены меджлисом закона от 13 июня/31 мая 1911 г., согласно которому главному казначею поручалось фактическое наблюдение за всеми финансовыми и денежными операциями государства, собирание всех доходов и контролирование и хранение отчетности по всем расходам; ни один прямой расход по государственному казначейству не мог быть произведен без его ордера, и ни один кредит не мог быть открыт без его разрешения, и, наконец, главному казначею предоставлялась вся полнота власти над личным составом руководимых им управлений.

[2] Дополнительной тел. от 30/17 марта за № 132 Коростовец указывал, что он не считает нужным удерживать Гейнсенса, так как разделяет «мнение Тоунлея,

№ 406. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 124. 21/8 марта 1915 г.

Срочно.

Прошу расшифровать лично.

Несмотря на донесение нашего посланника в Бухаресте, отвергающее возможность пропуска через Румынию военной контрабанды [1], продолжают поступать в весьма большом числе вполне достоверные сведения о провозе через Румынию массовых военных грузов — 50 вагонов с минами заграждения, части подводных лодок, боевые запасы[2]. Ввиду предстоящих действий нашего флота в районе Босфора, настоятельно необходимо принять все меры к действительному прекращению пропуска Румынией военной контрабанды, о чем верховный главнокомандующий повелел срочно сообщить вашему высокопревосходительству. От решительности выступления по этому вопросу зависит успех всей морской операции [3].

Янушкевич.

№ 407. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

22/9 марта 1915 г.

His Majesty's Minister at Bucharest reports that, owing to the absence of the Prime Minister and the illness of the Minister for Foreign Affairs,

---

что бельгийская финансовая организация имеет лишь временное значение и осуждена исчезнуть после войны и дать место англо-русскому финансовому контролю». По мнению Коростовца, «меры, принятые против бельгийцев, предвещают дальнейшие шаги персидского правительства к сокращению иностранного контроля, причем, вероятно, имеется в виду приступить к умалению такового и в таможенном управлении». В таком случае Коростовец считал бы желательным «реагировать, например, прикомандированием к северным таможням своих таможенных чиновников».

[1] В тел. от 16/3 марта за № 156 Поклевский, сообщая, что Братиану категорически отрицает пропуск военных припасов через Румынию в Турцию, указывал, что как он, так и франц. и англ. посланники находят возможным «верить заявлениям румынского правительства».

[2] Ср. № 391.

[3] В ответ на это Сазонов тел. от 22/9 марта за № 70 сообщил Янушкевичу, что посланнику в Бухаресте (тел. от 18/5 марта за № 1233) предписано сделать новое представление рум. прав-ву по этому поводу, и указывал, что «необходимы самые точные и определенные данные, а именно указание станции, поезда и вагона», так как в противном случае «почва для обвинения румын представляется слишком шаткой».

he spoke to the Minister of Finance regarding the passage through Roumania of arms and amunition for Turkey. The Minister of Finance denied that any German artillerymen, guns, amunition or mines were passing through Roumania into Turkey. His Excellency said, however, that with a view to ensuring more complete vigilance he had made certain changes in the staff of the Customs.

The Roumanian Government have been repeatedly urged by the Russian, French and British Ministers to allow no war material to pass through to Turkey and the latter believe in the sincerity of the denials of the Roumanian Government. It is of course possible that there have been cases of smuggling and that certain ill-paid officials have fallen victims to bribes. The Minister of Finance asked the three Ministers in order to satisfy them on this point, to name two agents of their own who would keep watch at Gingevo and Dobritch and be nominally under His Excellency's authority. The Minister desired that this arrangement should be kept secret even from the rest of the Roumanian Cabinet. The three Ministers are trying to find suitable men for this work [1].

In the event of further complaints having to be addressed to the Roumanian Government, His Majesty's Minister thinks it would be well that the source of the reports and all possible details should be furnished in support of them [2].

Перевод.

Посланник его величества в Бухаресте сообщает, что ввиду отсутствия премьер-министра и болезни министра иностранных дел он переговорил с министром финансов касательно пропуска через Румынию оружия и боевого снаряжения для Турции. Министр финансов отрицал, что какие-либо германские артиллеристы, пушки, снаряды или мины были провозимы через Румынию в Турцию. Его превосходительство однако сказал, что в целях осуществления более бдительного надзора им были проведены некоторые перемены в личном составе таможен.

Румынское правительство многократно получало напоминания со стороны российского, французского и британского посланников относительно недопуще-

[1] Несколько дней спустя рум. м-р фин. выдал канцелярскому служителю франц. миссии в Бухаресте свидетельство для наблюдения и осмотра всех грузов, проходящих через Румынию. Зачисленный личным агентом м-ра Костинеско под вымышленной фамилией последний «разъезжает по всей Румынии и имеет право вскрывать все грузы и производить все нужные расследования». Несколько негласных русских агентов также занимались этим делом (тел. Поклевского Сазонову от 4 апр./22 марта за № 192 и от 10 мая/27 апр. за № 267 и письмо Савинского от 3 апр./21 марта).

[2] Копия этой пам. записки была препровождена Сазоновым Кудашеву при отношении от 23/10 марта за № 323.

ния пропуска военных материалов в Турцию, и они (посланники) верят в искренность отрицания со стороны румынского правительства подобных случаев. Конечно, возможно, что были случаи контрабанды и что некоторые плохо оплачиваемые чиновники оказались жертвами подкупа. Министр финансов предложил трем посланникам, дабы пойти в этом отношении им навстречу, назначить двух собственных агентов, которые вели бы наблюдение в Жинжеве и Добриче, и формально подчинялись бы его превосходительству. Министр желал бы, чтобы это соглашение было сохранено в тайне даже от остальных членов кабинета. Три посланника подыскивают подходящих для этой работы лиц.

В случае необходимости обратиться с новыми жалобами к румынскому правительству, посланник его величества полагает, что было бы желательно для поддержки этого представления знать источник этих сведений и все возможные подробности.

№ 408. Поденная запись министерства иностранных дел.

22/9 марта 1915 г.

Итальянский посол, приехав к барону Шиллингу, сказал, что получил телеграмму из Рима, в который ему сообщается о начатых Италией в Лондоне переговорах, причем он уполномочивается переговорить о предмете этих переговоров и здесь с министром иностранных дел. Маркиз Карлотти прочел при этом в подлиннике несколько полученных им телеграмм. В одной из них итальянский посол в Париже сообщал своему правительству, что он узнал о начатых в Лондоне переговорах, благодаря нескромности одного из членов русского посольства (В. В. Солдатенкова), который поведал ему, как отнесся С. Д. Сазонов к отдельным требованиям Италии [1]. В ответ на эту телеграмму, Соннино сообщил Титтони перечень этих требований, а также полученное им от итальянского посла в Лондоне сведение касательно первого обмена мнений между ним и сэром Э. Греем.

Вспомнив, что за два дня перед тем он был у министра [2], маркиз Карлотти заметил, что в это его посещение как он, так и С. Д. Сазонов видимо ожидали друг от друга почина для делового разговора, но в тот день Карлотти еще не был поставлен в известность своим правительством о возложенном на Империали поручении, а С. Д. Сазонов, ввиду выраженного итальянским правительством желания, чтобы переговоры велись исключительно в Лондоне, не счел себя в праве затронуть этот вопрос. Барон Шиллинг не захотел войти в подроб-

[1] Тел. от 22/9 марта за № 1311 Сазонов сообщил Извольскому, что Солдатенков отчисляется от занимаемой им должности чиновника особых поручений при пос-ве в Париже вследствие «возмутительного поведения», выразившегося в разглашении служебных тайн. (Ср. К-поль и Пр. I, стр. 318—319.)

[2] См. № 401.

ное обсуждение вопроса, но подтвердил лишь известные ему требования Италии, сказав, что приписываемое С. Д. Сазонову Солдатенковым отношение к тому или другому из этих требований страдает большими неточностями. Так как в дальнейшем разговоре Карлотти стремился доказать обоснованность итальянских вожделений в сторону Далматинского побережья, барон Шиллинг возражал ему, развивая нашу точку зрения на недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также и хорватского населения северной Далмации и Приморья.

Между прочим на утверждение Карлотти, что Италия должна стремиться к тесному единению с сербами для совместной обороны против грозящего им обеим и севера натиска германизма, барон Шиллинг заметил, что едва ли эта цель может быть достигнута теми приемами, которые пускаются в ход министерством Саландры. Напротив, можно ожидать, что, восстановляя против себя хорватов и сербов, Италия будет способствовать их сплочению, а одинаково оттеснив от берегов Адриатики как славян, так и Австрию, Италия, пожалуй, совершит неслыханное чудо, вызвав со временем против себя представляющийся ныне совершенно фантастическим союз Сербии с Австрией.

№ 409. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 162 [1]. 22/9 марта 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 1266 [2].

Передал вчера вечером ее содержание Делькассе, который, не успев еще обсудить ваше предложение, высказал мне сегодня по первому впечатлению следующие личные соображения. До сих пор он не получил никакого сообщения по настоящему вопросу от Грея. Из Софии сюда доходят сведения о том, что болгарское правительство все более и более склоняется к совместному с державами Согласия выступлению против Турции. Об этом уже известно Сербии, и французский посланник телеграфирует из Ниша, что сербское правительство умоляет сказанные державы не вступать в переговоры с болгарским правительством о компенсациях и не делать ... в настоящую минуту никаких обещаний за счет Сербии, ибо ... может повергнуть в отчаяние сербскую нацию и армию. При таких условиях Делькассе спрашивает, не лучше ли (предоставить) Болгарии, очевидно, начинаю-

[1] Опубл. L. N., III, p. 90.

[2] См. стр. 525, прим. 4.

щей сознавать истинные свои интересы, по собственному почину обратиться к союзникам с предложением своего содействия. Настоящий вопрос будет обсуждаться завтра утром в совете министров.

Извольский.

№ 410. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Т. Телеграмма № 319. 22/9 марта 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1266 [1]. Ссылаюсь на мое донесение № 8 [2].

Если три державы придут к соглашению, прошу возобновить данное вами в свое время разрешение предпослать частный обмен мнений с Пашичем официальному выступлению [3], дабы его подготовить, при условии одинаковых указаний французскому и английскому посланникам. Сербы — я убежден — надеются, что объем требований к ним будет сокращен прибавкой Болгарии Кавалы. По местным условиям это представлялось бы крайне желательным, облегчая нашу задачу и дело сербо-болгарского сближения. Настаивание на прежних условиях без жертв за счет Греции было ты сочтено здесь величайшей несправедливостью и могло бы сблизить Сербию с тою же Грецией для совместного отпора Болгарии, тем более, что в австрийское нашествие здесь не верят [4].

Трубецкой.

№ 411. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Т. Телеграмма № 320. 22/9 марта 1915 г.

Копия в Софию.

Продолжение № 319. Не могло ли бы обещание Кавалы Болгарии быть предметом сербского соглашения с последнею, причем Греция впоследствии, в случае присоединения к нам, могла бы быть поставлена в известность, что получит вознаграждение в районе Смирны за счет указанной уступки.

Трубецкой.

Не приемлемо.

Царское Село, [24] 11 марта 1915 г.

---

[1] См. стр. 525, прим. 4.

[2] См. № 84.

[3] См. стр. 238, прим. 2.

[4] Со своей стороны Савинский в ответ на тел. за № 1266 сообщил тел. от

№ 412. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

23/10 марта 1915 г.

Sir E. Grey is of opinion that to occupy Burgas without the consent of Bulgaria would, especially at the present moment, constitute a most serious political error which might even prove disastrous [1]. He has accordingly instructed Sir G. Buchanan to repeat to Mr. Sazonow the objections of His Majesty's Government to such a course [2].

Перевод

Сэр Э. Грей полагает, что занятие Бургаса без согласия Болгарии было бы, особенно в настоящий момент, чрезвычайно серьезной политической ошибкой, которая могла бы даже оказаться гибельной. Поэтому он дал указание сэру Дж. Бьюкенену подтвердить г. Сазонову возражения правительства его величества против подобного плана.

№ 413. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1333. 23/10 марта 1915 г.

Сообщается д. с. с. Крупенскому в Пекин.

№ 446 [3] получен.

Ваше предположение включить в тройной договор постановление

22/9 марта за № 147, что для придания предположенному выступлению больших шансов на успех необходимо сопроводить его мерами, изложенными в его тел. за № 56 (см. № 176).

[1] 20/7 марта за № 1257 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 299) Кудашев телеграфировал Янушкевичу из Петрограда, что он выполнил его поручение (см. № 397) и что Сазонов обещал в тот же день обсудить вопрос о занятии Бургаса с франц. и англ. послами, «ранее получения ответа коих никакое решение принято быть не может».

[2] Текст этой пам. записки был сообщен в ставку тел. от 23/10 марта за № 1318, и в ответ на нее Кудашев тел. от 24/11 марта за № 133 сообщил, что верх. главнокомандующий «вполне соглашается с мнением сэра Э. Грея», о чем Сазонов поставил в известность Бьюкенена пам. запиской от 27/14 марта. Позднее тел. от 6 мая/23 апр. за № 5996 Эбергард указывал Сазонову, что в связи с выработкой плана операций, «целью которых ставится оказание самой энергичной помощи союзникам при их операции у Дарданелл», ему крайне важно знать, можно ли использовать Бургас как базу. Тел. от 7 мая/24 апр. за № 165 Гулькевич, запрошенный по этому поводу Кудашевым, ответил, что «никакого еще изменения в положении не произошло» (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 300, 301, 307).

[3] Содержание тел. Миллера от 22/9 марта за № 446 в основном изложено в публикуемом документе.

об освобождении китайских рабочих от сборов не было одобрено нами. Напротив, в телеграмме № 1168 [1] мы указали вам, что настаиваем на том, чтобы китайцы не пользовались в автономной Монголии экономической внеземельностью. Следовательно, китайцы должны платить там все налоги, устанавливаемые для соответствующих классов населения и ремесла без различия национальности.

Как вам известно из телеграммы посланника в Пекине № 152 [2], он заручился обещанием китайского правительства пойти на уступки в вопросе торгового обложения. Благоволите поэтому не назначать новых заседаний конференции и не брать на себя инициативу частных объяснений с китайскими делегатами, пока они не обещают вам принять статью о торговом обложении в нашей редакции и без оговорок об освобождении китайских рабочих от паспортного, промыслового и тому подобных сборов.

Сазонов.

№ 414. Поденная запись министерства иностранных дел.

23/10 марта 1915 г.

Итальянский посол был принят министром, с которым имел продолжительный разговор по поводу итальянских требований. Сославшись на то, что переговоры ведутся в Лондоне, и что поэтому здесь возможен лишь ни к чему не обязывающий обмен мнений, С. Д. Сазонов подробно развил послу доводы в пользу русской точки зрения на затронутые в Лондоне вопросы. Карлотти, повидимому, во многом соглашался с ним и выразил, между прочим, сожаление, что в настоящее время в Риме у власти находится Соннино, известный своим упорством в мелочах и никогда в жизни ничего не сделавший крупного. Если бы вы имели дело с Мартино, воскликнул посол, я уверен, что вы уже пришли бы к соглашению с Италией. Карлотти жаловался также на своего лондонского сотоварища маркиза Империали, обвиняя его в том, что он всегда лишь служит простой передаточной инстанцией и никогда не принимает на себя обязанности разъяснить своему правительству необходимость каких-либо изменений в усвоенной им точке зрения.

---

[1] См. № 376.

[2] Тел. Крупенского от 20/7 марта за № 152 в основном изложена в публикуемом документе.

№ 415. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 202. 23/10 марта 1915 г.

Комитет просит обратить внимание на то, что, вопреки состоявшемуся соглашению с английским правительством о передаче всех казенных заказов в Англии непосредственно чрез комитет, образованная в Петрограде правительственная комиссия по приобретению медикаментов за границей дала заказ письмом [16] 3 января № 112 на медикаменты в Англии директору компании «Озонер», не имеющей никакого отношения к торговле медикаментами и являющейся лишь посредницей. Кроме того, санитарным отделом военного министерства дан [20] 7 ноября минувшего года № 13684 заказ на 300 000 рублей медикаментов фирме «Клейнерман» в Петрограде, которая в свою очередь передала его фирме «Натан» в Лондоне, являющейся также посредницей. Подобные заказы через посредников доставляют ущерб казне по переплатам комиссионного вознаграждения и вызывают также большое неудовольствие английских властей.

Бенкендорф.

№ 416. Посол в Токио министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 89. 23/10 марта 1915 г.

Копия в Пекин.

Китай.

Подтверждая передачу японскому послу в Вашингтоне ноты статс-секретаря Брайана с вопросами относительно японских требований, о чем сообщалось в агентских телеграммах, Като доверительно сказал мне, что американская нота, содержащая 20 страниц печатного текста, посылается в Токио почтой[1]. Но по телеграмме Чинда Като мог заключить, что она имеет характер дружественного обращения

[1] Тел. от 28/15 янв. за № 16 Малевский сообщал, что накануне япон. м-во ин. дел уполномочило представителя амер. агентства «Associated Press» телеграфировать в Нью-Йорк официальное заявление по поводу япон. требований с указанием, что в них не содержится ничего: «а) нарушающего территориальную неприкосновенность Китая и б) находящегося в противоречии со сферами влияния других держав». Эти сведения Малевский сопоставлял с полученным из «заслуживающего доверия источника» известием, согласно которому «около двух месяцев тому назад Юань Ши-каю было дано категорически понять чрез американскую миссию в Пекине, что Китай не может рассчитывать ни в коем случае на какую-либо активную помощь Северо-американских соединенных штатов».

с просьбою разъяснить некоторые пункты японских требований. Пункты эти, по словам Като, следующие:

1. Специальные права Японии в Фуцзяне.
2. Выделка оружия для китайской армии.
3. Смешанная полиция.
4. Назначение японских советников.
5. Обязательство Китая не уступать береговых мест и вод другой державе.

Хотя для окончательного ответа Като будет ждать получения подлинной американской ноты, однако он вчера предписал уже Чинда предварительно объяснить федеральному статс-секретарю:

1) Что испрашиваемые Японией специальные права в Фуцзяне имеют главным образом в виду устранить попытки других держав приобрести там особые преимущества. Так, несколько лет тому назад американцы домогались получить концессии на острове Сан-са, имеющем важное стратегическое значение, как лежащий против Формозы. [1]

2) Вопрос о выделке оружия, казалось бы, находит себе безобидное разрешение в открытии смешанных арсеналов по примеру уже существующих в Китае.

3) Смешанная полиция имеется в виду только для Южной Манчжурии.

4) Советники из японцев не навязываются Китаю, а лишь рекомендуются.

5) Обязательство Китая не уступать береговых мест и островов другой иностранной державе относится равно и к самой Японии.

Предварительный ответ этот сообщен здешнему американскому послу.

Малевский.

---

[1] Тел. от 26/13 марта за № 162 Крупенский сообщал «из японских источников» о готовности японцев отказаться от исключительных прав в Фуцзяне при условии, что американцы откажутся «от приобретенной около года тому назад Нью-Йоркской судостроительной компанией концессии на постройку порта и доков в бухте Сан-дун-ао и чтобы они не домогались в будущем других подобных концессий в названной местности». Крупенский объяснил это условие опасением япон. прав-ва, что Сан-дун-ао может стать прекрасной базой для операций против Японии, каковой не являются Филиппинские о-ва. — В той же тел. он сообщал, что, решив в связи с англ. протестом отказаться от требования линии Наньчан—Ханчжоу, «японцы намерены вместо того потребовать линию Наньчан—Фучжоу с веткой от нее на Ханчжоу и линию Фучжоу—Чаочжоу».

УКАЗАТЕЛЬ I.

Именной [1]

Акбер-Мирза — 178
Ала-эс-Солтане — 285, 333
Александр сербский — 197
Александра Федоровна — 275
Аллисон — 22, 23, 28, 29, 30, 31, 39, 40, 92, 93, 119, 120
Альфонс XIII — 51, 52, 55
д'Амад — 444
Аметт — 173
Андерсен — 499, 502, 504
Арбаб-Джемшид — 291
Арсеньев — 200, 236, 263, 413
Артамонов — 307
Арцимович — 307
Асквит — 530, 531
Ассим-бей — 9, 81, 315
Базили — 62, 286, 305, 483, 489
Бальфур — 455.
Барк — 23, 39, 82, 160, 161, 183, 184, 185, 186, 198, 204, 205, 214, 215, 216, 219, 220, 249, 250, 318, 377, 378, 421
Барклай — 247, 248, 464
Бах — 188
Бахерахт — 213
Бахметев — 14, 31, 93, 100, 140, 494, 495
Бекстон — 75, 90, 97, 98, 99, 151, 154
Беляев Д. Д. — 426, 478
Беляев М. А. — 414
Бенедикт XV — 172
Бенкендорф — 4, 5, 6, 8, 11, 14, 27, 28, 30, 31, 32, 35, 36, 39, 40, 41, 45, 65, 66, 92, 97, 99, 106, 107, 108, 119, 120, 122, 125, 148, 167, 168, 171, 185, 201, 204, 205, 210, 212, 215, 218, 219, 232, 233, 245, 246, 247, 254, 259, 260, 261, 271, 272, 273, 285, 287, 297, 298, 311, 318, 327, 329, 330, 331, 332, 337, 342, 358, 366, 367, 370, 371, 373, 378, 381, 382, 385, 392, 395, 396, 402, 407, 421, 425, 428, 429, 435, 436, 437, 438, 448, 449, 455, 461, 485, 494, 518, 520, 521, 522, 525, 526, 545
Берзин — 274
Бернсдорф — 12, 140
Берти — 436, 437
Бетман-Гольвег — 13, 499, 503
Блондель — 132, 263
Боздари — 70, 225, 227
Бонар-Лоу — 455
Борис болгарский — 203, 222, 262
Брайан — 545
Брандстрем — 332
Братиану — 6, 7, 18, 19, 20, 79, 93, 121, 128, 131, 132, 134, 135, 145, 161, 162, 163, 177, 217, 221, 222, 223, 224, 226, 229, 230, 236, 237, 262, 263, 269, 318, 319, 365, 464, 465, 466, 516, 538
Бриан — 299
Будберг — 53, 56
Буриан — 16, 49, 90, 91, 252, 283, 303, 434, 440, 462, 498, 499
Буэ де Лапейрер — 300, 301, 314
Бьюкенен — 5, 6, 23, 27, 34, 36, 43, 44, 45, 46, 58, 59, 61, 65, 71, 74, 75, 88, 92, 101, 105, 106, 107, 117, 118, 120, 124, 125, 130, 158, 238, 255,

[1] Цифры обозначают страницы.

259, 260, 261, 306, 365, 370, 371, 372, 389, 390, 391, 395, 396, 401, 404, 416, 418, 422, 426, 430, 443, 450, 455, 462, 467, 485, 508, 518, 525, 528, 543
Бюлов — 412, 438, 448, 450, 513

Валк — 505
Валленберг — 39, 360
Вангенгейм — 434, 435
Васильевич — 317
Васильчикова — 444, 446
Васмус — 521
Варандиан — 305
Вебель — 277, 278
Венизелос — 44, 45, 69, 70, 90, 96, 97, 98, 99, 106, 110, 123, 124, 127, 130, 131, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 175, 176, 194, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 232, 246, 247, 255, 256, 360, 362, 385, 387, 398, 408, 409, 410, 420, 422, 424, 430, 432, 436, 437, 462, 463, 472, 484, 515
Веселкин — 199, 236, 413
Вивиани — 160, 299, 300
Виков — 493
Виктор-Эммануил — 268
Виленкин — 31
Вильгельм II — 95, 221, 499
Вильсон — 28, 250, 271, 272
Вильямс — 23, 92, 100, 101, 119, 120
Винокуров — 282, 505, 507
Витте — 46, 47, 48, 161
Вольпи — 67, 68, 69
Воронцов-Дашков — 36, 84, 204, 231, 305, 311, 461, 478
Восуг-эд-Доуле — 179, 180, 291, 333

Гаврилович — 398
Гамильтон — 398
Гаммаршельд — 360
Гардинг — 53, 56, 329, 330
Гейнсенс — 537
Геннадиев — 16, 17, 18, 110, 375, 479, 480, 517
Георгий сербский — 268
Гермониус — 156, 157, 158, 208, 209, 210
ГИЗ — 133, 134, 202, 203, 205, 222, 261, 262
Гильдебрандт — 178
Гинце — 94, 339
Гирс А. А. — 263
Гирс М. Н. — 305, 306
Глин — 413
Горемыкин — 56, 57, 160, 161, 195, 215, 219, 257, 469
Гото — 87
Грахэм — 107, 108
Грей — 4, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 34, 35, 36, 46, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 73, 74, 88, 89, 90, 92, 96, 97, 98, 99, 100, 106, 109, 110, 111, 115, 142, 151, 153, 154, 156, 159, 167, 168, 170, 171, 184, 185, 213, 232, 233, 243, 244, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 259, 260, 261, 270, 271, 272, 273, 285, 286, 287, 297, 298, 302, 311, 314, 329, 330, 365, 367, 369, 370, 371, 372, 373, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 389, 390, 391, 395, 396, 400, 401, 402, 404, 405, 407, 416, 417, 427, 429, 430, 435, 436, 437, 438, 446, 448, 449, 450, 453, 454, 455, 456, 467, 468, 475, 492, 501, 503, 504, 518, 519, 520, 524, 525, 526, 528, 529, 530, 531, 540, 541, 543
Греков — 134
Григорович — 38, 379
Грин — 189
Грюнман — 46
Гудим-Левкович — 420, 473
Гунарис — 422, 431, 472, 484
Гульбенкиян — 332
Гулькевич — 24, 125, 145, 148, 305, 414, 421, 479, 528, 543
Густав V — 274, 275
Гэд — 274

Данев — 374, 375
Данило черногорский — 33
Данилов — 24, 25, 28, 29, 101, 102, 278, 289, 316, 317, 357
Джавид — 533

Джеррам — 505, 507
Джиолитти — 363, 412
Джордан — 321
Девилль — 225, 227
Де Гра — 168
Делькассе — 4, 32, 35, 89, 90, 105, 106, 122, 125, 127, 134, 141, 160, 165, 166, 193, 194, 196, 201, 221, 233, 234, 243, 246, 247, 251, 260, 261, 262, 272, 273, 274, 286, 287, 288, 289, 299, 302, 313, 314, 318, 342, 363, 365, 372, 373, 394, 396, 397, 399, 400, 401, 402, 403, 418, 419, 420, 421, 425, 429, 430, 439, 440, 444, 467, 468, 483, 485, 487, 496, 510, 511, 518, 522, 534, 541
Демидов — 44, 45, 70, 75, 97, 106, 131, 134, 135, 152, 154, 156, 162, 175, 177, 194, 223, 225, 227, 235, 236, 256, 300, 362, 366, 386, 387, 388, 403, 408, 409, 410, 418, 420, 424, 431, 432, 433, 473, 484, 511, 515
Дерусси — 6, 128
Диаманди — 28, 93, 132, 259, 338, 497
Дмитриев — 494
Добрович — 202, 203, 463
Досифей еп. — 113
Драгумис — 123, 360, 387, 388, 410, 422
Дувр — 262
Думбадзе — 92
Думерг — 533
Дусманис — 408

Евгения Виктория, королева исп. — 50, 54
Енгалычев — 379
Ермолов — 22, 31, 248

Жоффр — 192, 197
Жоффре — 53, 55, 56

Заимис — 422, 424
Защук — 488
Зографос — 122, 123, 472
Зилли-эс-Султан — 178

Игнатьев — 192, 193, 249
Извольский — 4, 32, 51, 65, 66, 69, 75, 90, 97, 98, 122, 125, 127, 141, 160, 161, 166, 167, 168, 172, 181, 185, 186, 187, 192, 193, 194, 196, 197, 201, 210, 212, 220, 233, 234, 245, 249, 254, 259, 262, 273, 274, 289, 297, 298, 300, 303, 305, 310, 314, 318, 327, 332, 336, 337, 342, 358, 359, 363, 366, 373, 374, 392, 394, 400, 401, 402, 403, 406, 408, 419, 420, 425, 429, 430, 435, 439, 440, 444, 479, 483, 485, 496, 500, 501, 510, 511, 522, 525, 540, 544
Империали — 435, 518, 519, 520, 525, 529, 530, 531, 540, 544
Иноуе — 287
Инукай — 87
Иованович — 169, 170, 237, 265
Ионеску Таке — 221, 222
Иосихито, япон. имп. — 210
Исаак-хан — 65, 77, 81
Ияс — 77, 89

Камбон — 11, 90, 167, 168, 298, 331, 435, 436, 437, 448, 449
Камран-Мирза — 11, 179
Кандауров — 286
Карден — 369, 370, 407, 454, 456
Карлберг — 78
Карлотти — 17, 46, 459, 519, 528, 530, 531, 540, 541, 544
Карп — 221, 222
Като — 35, 42, 95, 118, 149, 158, 189, 194, 195, 200, 207, 209, 276, 277, 288, 313, 328, 339, 340, 341, 474, 545, 546
Кауфман — 203
Квадт — 225, 227
Китченер — 62, 64, 100, 101, 103, 118, 119, 120, 217, 218, 219, 233, 246, 248, 262, 377, 378, 391, 530, 531
Клемансо — 289
Клемм — 77, 89, 179, 231, 305, 427, 521
Кнаап — 92
Ковалевский — 337
Кованько — 508

Козаков — 308, 469
Кокс — 10, 116, 291, 521
Константин греческий — 462
Корвин-Милевская — 413
Коростовец — 9, 11, 26, 36, 46, 65, 70, 71, 77, 83, 117, 121, 128, 179, 181, 203, 204, 230, 231, 240, 241, 242, 285, 289, 292, 294, 311, 312, 315, 329, 335, 367, 478, 521, 522, 536, 537, 538
Костинеску — 109, 539
Кривошеин — 477
Крупенский А. Н. — 17, 169, 263, 364, 459, 511, 514, 515
Крупенский В. Н. — 41, 43, 95, 139, 140, 148, 159, 195, 207, 208, 294, 304, 308, 321, 327, 389, 451, 452, 474, 490, 518, 543, 544, 546
Кудашев И. А. — 85
Кудашев Н. А. — 19, 22, 25, 28, 100, 103, 197, 199, 201, 217, 232, 237, 245, 277, 279, 312, 313, 316, 317, 357, 359, 362, 368, 394, 407, 414, 416, 421, 444, 483, 487, 539, 543
Кузнецов — 508
Куропаткин — 305, 306

Лагиш — 192, 193, 380
Лакса — 49, 50, 303
Лансдоун — 455
Левашев — 254, 337
Леконт — 46
Лема — 53, 56
Листеман — 521
Литвинов — 273, 274
Ллойд-Джордж — 4, 5, 6, 30, 160, 161, 183, 184, 196, 398
Лобанов — 445
Лонг — 92
Лонткевич — 197
Лу Чжен-сян — 139, 304, 320, 388, 389
Львов — 254

Мавроокордато — 408
Маджаров — 16, 49, 236, 307, 461, 462, 480
Майский — 273
Маккей — 22, 23, 24, 28, 92, 93
Малевский-Малевич — 12, 42, 88, 95, 118, 157, 158, 189, 190, 191, 192, 195, 200, 207, 209, 210, 277, 284, 295, 304, 308, 339, 342, 468, 469, 490, 545, 546
Малинов — 143
Мальтцан — 42
Мандельбаум — 203
Ману — 318
Маншур-оль-Молык — 129
Маргиломан — 221, 222
Маринкович — 128
Марлинг — 74
Мартенс — 493
Мартино — 544
Маршалл — 107, 108
Мах — 84, 99
Мехмед-Али-паша — 194
Миллер — 15, 26, 72, 76, 85, 86, 140, 159, 244, 335, 404, 405, 473, 489, 509, 543
Миллер (швед. майор) — 78
Мильеран — 160, 192, 193
Милюков — 254, 337, 480
Мирбах — 225, 227
Мирза-Сулейман-хан — 311
Мирсеску — 221
Михаил Михайлович в. кн. — 22
Михаэлис — 441, 442
Мозаффер-Солтане — 81
Моин-оль-Везаре — 81, 82, 121, 178, 188, 290, 333
Молиссон — 339
Морган — 248, 471
Мостоуфи-оль-Мемалек — 9, 11, 239, 240, 290, 291, 311, 329, 333, 334, 367, 478
Мотоно — 35, 118, 149, 191, 287, 307, 308, 313, 328, 339, 474, 491
Мохамед-Али-шах — 82, 242, 335
Мошавер-оль-Мемалек — 129
Мультон — 218, 219
Муравьев — 217, 278, 359, 368, 414
Мухбер-эс-Солтане—285, 289, 290, 311, 329, 330, 333, 367
Мушир-эд-Доуле — 478, 537
Мышлаевский — 89

Накасиодзи — 87
Наср-Эдин-шах — 80
Наум — 515
Недж-оль-Мольк — 80
Неклюдов — 39, 78, 79, 286, 332, 360
Нелидов — 174
Ненюков — 316
Нератов — 27, 70, 300, 305, 314, 319, 408, 413, 414, 474, 482, 487, 488, 489, 490, 492, 526, 528
Нехаев — 493, 494
Низам-оль-Мольк — 9, 80, 242, 293
Николаев — 350
Николаидис — 194
Николай II — 8, 9, 33, 82, 84, 199, 214, 217, 232, 274, 275, 300, 310, 361, 363, 376, 380, 391, 392, 393, 407, 412, 444, 483, 485, 499, 500, 505
Николай черногорский — 33, 257, 420
Николай Николаевич в. кн. — 19, 161, 193, 199, 232, 258, 346, 347, 349, 350, 351, 353, 354, 356, 357, 358, 376, 377, 412, 420, 492, 496
Никольсон — 4, 5, 8, 27, 106, 168, 286, 287, 298, 331, 342, 435, 518, 525
Нисси — 470
Новакович — 112
Нокс — 471
Нэпир — 269

О'Бейрн — 36, 139, 148, 149, 404
Обнорский — 33, 256, 257, 300, 301, 421, 433
Ока — 209
Ольденбургский, принц — 140
Орлов — 89, 231
Ошима — 42, 209, 210

Палеолог — 3, 32, 34, 36, 44, 51, 105, 117, 122, 125, 130, 132, 141, 158, 172, 221, 238, 255, 259, 288, 300, 313, 358, 365, 372, 380, 393, 400, 401, 418, 419, 421, 426, 430, 461, 462, 467, 483, 485, 487, 493, 495, 496, 497, 510, 511, 524, 525, 532, 534
Паллавичини — 434, 463
Панафье — 133, 134, 203, 235, 262, 385
Панас — 362
Пашич — 7, 8, 22, 37, 38, 70, 79, 80, 106, 109, 110, 113, 127, 136, 138, 159, 161, 167, 168, 170, 177, 193, 205, 206, 210, 211, 233, 237, 238, 257, 259, 264, 265, 266, 267, 272, 283, 309, 343, 442, 443, 480, 542
Пеано — 364
Петров — 508
Петряев — 122
Пишон — 51
Пламенац — 256, 300, 301, 420, 421, 433
Поклевский-Козелл — 7, 19, 20, 21, 93, 94, 109, 121, 128, 132, 135, 145, 161, 162, 163, 199, 200, 217, 223, 224, 226, 236, 237, 247, 248, 318, 319, 328, 365, 412, 413, 414, 464, 466, 488, 538, 539
Политис — 236, 409
По — 203, 256, 491
Попович — 421, 433
Порумбару — 28, 412, 497
Преславский — 49
Психа — 223, 224, 226, 227, 228
Пуанкаре — 51, 54, 193, 299
Пурталес — 501
Пустошкин — 199, 237
Путнам-Вили — 339
Пэджет — 206, 413, 515
Пюжен — 178, 315, 521

Радев — 236
Радославов — 16, 37, 38, 49, 91, 99, 122, 128, 133, 143, 144, 161, 167, 177, 187, 202, 210, 211, 222, 235, 245, 260, 261, 262, 270, 276, 282, 307, 318, 386, 398, 431, 442, 462, 464, 515
Распопов — 284, 285, 297, 505, 506, 508
Ревельсток — 215, 216
Решид-оль-Мольк — 65
Рибо — 160, 183, 184, 186, 187, 197, 249

Ризов — 479, 480
Розен — 470
Ротшильд — 427, 429
Русин — 282, 314
Рутковский — 23, 30, 31, 32, 119, 120, 493
Рыбалтовский — 506

Саад-эд-Доуле — 179, 180, 291, 333
Саблин — 36, 329, 330, 477
Савенко — 254
Савинский — 84, 99, 122, 127, 132, 133, 134, 142, 144, 162, 187, 188, 202, 203, 205, 212, 223, 234, 235, 245, 255, 261, 262, 282, 305, 307, 315, 374, 375, 376, 387, 430, 431, 463, 488, 515, 539, 542
Савов — 318
Саговский — 493
Сазонов — 3, 4, 8, 11, 14, 15, 16, 19, 22, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 49, 51, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 100, 102, 105, 106, 107, 109, 111, 117, 118, 122, 123, 125, 126, 131, 132, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 149, 150, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 166, 167, 172, 174, 176, 177, 179, 181, 191, 192, 193, 195, 197, 199, 200, 201, 203, 208, 209, 211, 212, 213, 217, 218, 223, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 254, 255, 257, 259, 260, 263, 266, 267, 273, 277, 279, 286, 289, 292, 297, 300, 303, 304, 305, 308, 310, 311, 312, 313, 315, 317, 318, 319, 324, 328, 331, 332, 333, 336, 337, 338, 339, 357, 358, 359, 362, 365, 366, 367, 368, 371, 372, 374, 376, 379, 380, 385, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 401, 402, 404, 405, 406, 407, 410, 414, 416, 417, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 429, 432, 433, 435, 443, 446, 448, 450, 452, 453, 455, 460, 461, 462, 464, 467, 468, 469, 472, 478, 482, 483, 485, 487, 488, 492, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 509, 510, 511, 517, 519, 520, 521, 522, 523, 525, 526, 528, 529, 530, 531, 532, 534, 536, 538, 539, 540, 541, 543, 544
Сазонова — 107, 108
Саид-Халим-паша — 434, 435
Саландра — 512, 514, 541
Салар-эд-Доуле — 367, 522
Самба — 274, 289, 299
Самойло — 277, 278, 282, 492, 528
Самойлов — 156, 157, 158, 208, 209
Самсам-эс-Солтане — 239
Сан-Джулиано — 67
Севастопуло — 68
Семенов — 236, 413, 414, 516, 517
Сепехдар — 11, 178, 179, 333
Серафимов — 65, 145, 148, 318, 319, 345
Сергей Михайлович, в. кн. — 22, 391
Сердар-Мукри — 81
Сердар-Решид — 80, 203
Сефа-бей—517
Симада — 87
Сирбу — 517
Скоропадский — 444
Скундурис—424
Смирнов А. А. —305, 306, 307
Смирнов М. И. — 314
Смысловский — 22
Соеда — 87
Солдатенков — 540, 541
Соннино — 46, 364, 459, 460, 512, 513, 514, 540, 544
Спринг-Райс — 100
Сташевский — 286
Стег — 408
Столица — 89, 311, 521
Стоянов — 99, 263
Стрейт — 362, 424
Султан-Ахмед — 82
Сун Бао-ци — 43, 139
Супило — 259, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 317, 459, 479, 480
Сухомлинов — 23, 199, 200, 209, 237, 377, 391

Таке Ионеску — см. Ионеску.
Талаат-бей — 147.
Тарновский — 16, 49, 90, 91, 92, 222, 252, 283, 303, 440, 462, 498
Татаринов — 488
Татищев — 33
Тацуке — 308, 491
Тачибан — 41
Тимченко-Рубан — 24, 28, 119, 120
Титтони — 32, 540
Тодоров — 143
Тончев — 187, 188, 202, 318
Тошев — 440, 441, 442
Тоунлей — 11, 35, 36, 45, 46, 114, 115, 116, 188, 207, 240, 286, 289, 291, 311, 312, 315, 329, 330, 333, 334, 335, 367, 521, 522, 536, 537
Тоунлей (лэди) — 46
Трубецкой — 7, 8, 22, 24, 33, 34, 37, 38, 66, 67, 79, 80, 106, 109, 111, 114, 125, 126, 137, 139, 141, 142, 143, 144, 150, 159, 166, 169, 170, 177, 193, 206, 233, 238, 239, 259, 267, 270, 272, 283, 287, 300, 301, 303, 343, 345, 404, 430, 443, 479, 480, 542
Трумбич — 263

Уайт — 53, 56
Уехара — 87
Унтербергер — 469, 470
Уо — 148

Фашиотти — 364
Фердинанд болгарский — 134, 144, 202, 203, 225, 227, 252, 253, 254, 260, 261, 262, 461, 463
Фердинанд румынский — 221
Ферман-Ферма — 178, 179, 333
Филиппеску — 221, 222
Фичев — 49, 142, 282, 515
Фольке — 78
Франц-Иосиф — 511
Френч — 413

Хаджимишев — 276, 398
Хаким-оль-Мольк — 239, 285
Халиль-бей — 147, 434, 435, 462, 463, 464, 517
Хаус — 12, 13, 14, 100, 250, 251, 271, 272
Хинкович — 263
Хиоки — 322, 325, 341, 389, 451
Холден — 4, 5, 6, 501, 504
Христиан датский — 500, 503
Хутта — 278

Цвиич — 112
Цимдин — 92

Чапрашиков — 7, 270, 430, 443
Чернозубов — 179, 188, 242
Черчилль В. — 245, 443, 444
Черчилль Дж. — 36, 46, 74, 286, 334
Чинда — 545
Чолак-Антич — 442

Шапон — 174
Шасселу — 119, 120
Шериф-эд-Доуле — 10
Шидловский — 254
Шиллинг — 199, 305, 337, 338, 362, 393, 412, 458, 510, 528, 540, 541
Шоа-эс-Солтане — 82, 179, 180, 242, 335
Шоджа-эд-Доуле — 9, 60, 61, 77, 81
Шульц — 296
Шюнеман — 521

Щеглов — 488
Щелоков — 357

Эбергард — 316, 368, 379, 444, 523, 543
Эдуард VII — 74, 500
Эйн-эд-Доуле — 10, 82, 239, 285, 289, 290, 291, 292, 311, 312, 329, 330, 333, 334, 335, 367
Эллиот — 97, 123, 124, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 225, 227, 256, 484
Эмин-Зарба — 70, 71
Энвер-паша — 146, 147, 319
Эрик швед. принц — 506
Эсад-паша — 22, 70, 79, 169
Эттер — 28, 46, 74, 302

Юань Ши-кай — 95, 287, 288, 319, 320, 322, 325, 339, 475, 545
Юсупов — 203
Юсуф-Изеддин — 319
Ягов — 221
Ямагата — 208, 209, 468, 469
Ямин-эд-Доуле — 80
Янкович — 33
Янушкевич — 22, 23, 100, 101, 192, 197, 199, 200, 201, 217, 232, 237, 316, 376, 377, 378, 412, 413, 414, 443, 492, 496, 524, 538, 543

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты: [1]

Австро-Венгрия.

Перехваченная переписка: №№ 11, 38, 70, 213, 229, 338, 344, 358, 383

Англия.

Ноты, пам. записки: №№ 1, 25, 26, 27, 34, 41, 42, 43, 51, 52, 67, 71, 76, 80, 87, 92, 98, 116, 182, 187, 190, 191, 227, 276, 283, 288, 296, 311, 321, 348, 351, 352, 360, 398, 399, 402, 407, 412

Министерство ин. дел — посольство: №№ 2, 9, 19, 36, 44, 46, 72, 94, 111, 161, 162, 184, 192, 193, 197, 215, 238, 250, 267, 278, 279, 299, 326, 331, 339, 393, 396, 400

Посольство — министерство ин. дел: №№ 3, 21, 22, 32, 81, 82, 89, 126, 129, 136, 155, 166, 174, 186, 199, 204, 217, 224, 252, 253, 261, 282, 291, 292, 302, 333, 340, 341, 379, 415

Ген. консульство в Сингапуре — министерство ин. дел: №№ 214, 223, 385

Перехваченная переписка: № 303

Бельгия.

Миссия — министерство ин. дел: № 64

Болгария.

Министерство ин. дел — миссия: № 62

Миссия — министерство ин. дел: №№ 77, 96, 100, 108, 112, 113, 121, 138, 152, 153, 156, 169, 176, 212, 243, 286, 293, 335, 390

Перехваченная переписка: №№ 178, 208, 234, 304, 357

Ватикан.

Миссия — министерство ин. дел: № 131

Греция.

Ноты, пам. записки: № 95

Министерство ин. дел — миссия: №№ 35, 48, 53, 277

Миссия — министерство ин. дел: №№ 101, 114, 132, 145, 170 (2 прилож.), 177, 194, 294, 315, 316, 324, 329, 336, 363, 371

Перехваченная переписка: №№ 270, 317, 328

---

[1] Цифры обозначают номера документов.

Египет.

Министерство ин. дел — ген. консульство: № 233.

Испания.

Посольство — министерство ин. дел: № 39

Италия.

Посольство — министерство ин. дел: №№ 127, 274, 389
Перехваченная переписка: № 37

Китай.

Министерство ин. дел — миссия: № 377
Миссия — министерство ин. дел: №№ 33, 74, 104, 159, 222, 230, 249 (прилож.), 295, 350, 364, 392

Монголия.

Министерство ин. дел — дипломатический агент: №№ 10, 17, 54, 63, 106, 118, 183, 257, 376, 386, 413
Дипломатический агент — министерство ин. дел: №№ 50, 65, 310

Персия.

Министерство ин. дел — миссия: №№ 18, 45, 55, 171
Миссия — министерство ин. дел: №№ 6, 49, 60, 86, 91, 97 (2 прилож.), 134, 139, 158, 181, 220, 221, 244, 256, 395, 404, 405
Министерство ин. дел — ген. консульство в Тавризе: № 332

Румыния.

Министерство ин. дел — миссия: №№ 99, 251, 374
Миссия — министерство ин. дел: №№ 4, 12, 13, 14, 83, 90, 102, 109, 122, 201, 275, 318, 359
Военный агент: № 391
Перехваченная переписка: №№ 20, 73, 382

Сербия.

Ноты, пам. записки: № 236
Министерство ин. дел — миссия: №№ 29, 30, 46, 117, 124
Миссия — министерство ин. дел: №№ 5, 15, 58, 59, 84, 85, 103, 128, 133, 157, 179, 180, 202, 203, 262, 263, 309, 345, 410, 411

Соединенные штаты.

Ноты, пам. записки: № 372
Посольство — министерство ин. дел: №№ 8, 78, 105, 380

Турция.

Чиновник министерства ин. дел, причисленный к итал. пос-ву в К-поле — министерство ин. дел: №№ 110, 248, 264

Франция.

Ноты, пам. записки: №№ 25, 80, 87, 92, 98, 116, 123, 148, 189, 276, 330, 353, 360, 403
Министерство ин. дел — посольство: №№ 2, 44, 46, 94, 125, 161, 162, 184, 192, 193, 197, 250, 258, 267, 278, 299, 300, 331, 339, 396
Посольство — министерство ин. дел: №№ 23, 47, 69, 95, 107, 119, 120, 130, 137, 142, 143, 144, 167, 175, 188, 200, 205, 206, 219, 225, 228, 242, 247, 254, 273, 284, 285, 305, 306, 307, 308, 314, 322, 323, 334, 342, 343, 388, 409
Перехваченная переписка: № 168

Черногория.

Миссия — министерство ин. дел: №№ 24, 195, 226, 325, 337

Швейцария.

Миссия — министерство ин. дел: № 163

Швеция.

Густав V — Николаю II: № 207
Министерство ин. дел — миссия: № 216
Миссия — министерство ин. дел: №№ 56, 57, 255, 269

Япония.

Ноты, пам. записки: № 235
Министерство ин. дел — посольство: №№ 88, 150, 361, 377
Посольство — министерство ин. дел: №№ 7, 66, 75, 115, 140, 141, 146, 160, 209, 260, 416
Перехваченная переписка: №№ 218, 241, 365

Переписка министерства иностранных дел с другими ведомствами.

Морское: № 31
Ставка: №№ 16, 79 (прилож.), 151, 165, 173, 185, 210 (прилож.), 240, 245, 266, 268, 289, 313, 319, 346, 370, 375, 397, 406
Наместник на Кавказе: №№ 28, 61, 68, 154, 172, 231, 239, 356, 367
Председатель совета министров: №№ 40, 362
Главное управление землеустройством и земледелием: № 366

Переписка других ведомств.

Морское: № 211
Другие ведомства: №№ 147, 196

Докладные записки.

Министр ин. дел — Николаю II: №№ 149, 271, 297, 298, 373
Верховный главнокомандующий — Николаю II: № 287

Поденная запись: №№ 198, 237, 246, 259, 272, 280, 281, 290, 301, 312, 327, 349, 354, 355, 378, 381, 387, 394, 401, 408, 414
Соглашения: № 135
Контракты: № 164
Записки министерства ин. дел: №№ 232, 368, 369
Записки военного министерства: №№ 265, 320
Записка Андерсена: № 384
Васильчикова — Николаю II: № 347

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки. [1]

Австро-Венгрия.

1. Австро-итальянские переговоры — см. Италия (1)
2. Австро-черногорские отношения — см. Черногория (1)
3. Поддержка македонских чет — 213, 229
4. Присоединение Трансильвании к Румынии (проект) — см. Румыния (7)
5. Попытки заключить мир — см. мир (1)
6. Раздел Буковины между Россией и Румынией — см. Румыния (9)
7. Сепаратный мир с Сербией (вопрос о) — см. мир (6)
8. Сепаратный мир между Венгрией и державами Согласия (вопрос о) — см. мир (7)
9. Условия будущего мира — см. мир (11)

Албания.

1. Занятие сербами стратегических пунктов — 15, 30, 58, 80
2. Итальянские интересы в Албании — 1, 14, 23, 80, 123, 127, 348, 373, 388, 393, 394, 396, 402
3. Попытки захвата Грецией албанской территории — 35, 48, 80
4. Посылка союзниками военных судов в Дураццо (вопрос о) — 1
5. Раздел Албании и вопрос об образовании самостоятельного мусульманского государства — 14, 94, 123, 373, 388, 393, 394, 396
6. Сербо-албанские отношения — 15, 58
7. Скутари. Попытки захвата Черногорией албанской территории — 15, 80, 195
8. Черногоро-албанские отношения — 127

Англия.

1. Английские интересы в Азиатской Турции — 292, 321, 340, 352, 398, 400
2. Английская политика в Египте и Индии — 42, 158, 181, 256
3. Англо-американские отношения — 78, 333
4. Англо-русские отношения — 252, 291, 292, 333, 352.См. также Персия (3)
5. Англо-шведские отношения — см. Швеция (2)
6. Англо-японские отношения — см. Япония (1)
7. Военные заказы России в Англии — 16, 19, 21, 22, 32, 89, 166, 175, 288, 297, 379, 415

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

8. Возмущение туземных войск в Сингапуре — см. Сингапур
9. Контракт Алиссона о военных поставках — 16, 19, 21, 22, 32, 89
10. Межсоюзная финансовая конференция — см. союзники (6)
11. Отношение Англии к вопросу о Константинополе и Проливах — 174, 182, 192, 204, 282, 283, 284, 296, 311, 321, 340, 349, 351, 352, 400
12. Отношение Англии к 21 требованию, предъявленному Японией Китаю — 140, 230, 249, 253, 260, 261, 365
13. Переговоры Италии с державами Согласия в Лондоне — см. Италия (9)
14. Подводная война — 204
15. Посылка союзного корпуса на Балканы (вопрос о) — см. Союзники (4)
16. Русский заем в Англии — 3, 21, 22, 135, 164
17. Уступка Кипра Греции (проект) — см. Греция (15)

Армяне.

1. Будущее устройство Армении — 375
2. Организация армянских отрядов — 231, 356

Афганистан.

1. Пересмотр соглашения 1907 г. — 369, 400

Бельгия.

1. Финансовая помощь союзников — 135

Болгария.

1. Болгаро-греческие отношения — 114, 293
2. Болгаро-румынские отношения — 4, 96, 98, 99, 101, 121, 122, 133, 152, 234, 359
3. Болгаро-сербские пограничные инциденты. Деятельность македонских чет — 12, 71, 92, 213, 229
4. Болгаро-турецкие отношения — 212, 358
5. Болгаро-хорватские отношения — 368
6. Вовлечение в войну — 4, 5, 23, 25, 29, 41, 46, 53, 59, 70, 73, 76, 84, 87, 92, 94, 95, 96, 98, 100, 103, 108, 112, 114, 121, 123, 125, 126, 128, 129, 133, 144, 152, 153, 155, 156, 161, 162, 169, 170, 175, 176, 179, 180, 184, 191, 193, 197, 199, 200, 203, 205, 208, 212, 213, 217, 229, 243, 247, 282, 286, 293, 304, 335, 344, 345, 368, 397, 399, 409, 410, 411
7. Высадка союзных войск на болгарской территории (проект) — 265, 280, 290, 378, 383, 397, 412
8. Заем в Берлине — 62, 77, 129, 138, 152, 169, 191, 203
9. Миссия герц. Гиза в Болгарии — 100, 153, 156, 200
10. Отношение Болгарии к вопросу о Константинополе и Проливах — 317, 335, 352, 399, 401
11. Отношение болгарских оппозиционных партий к вступлению Болгарии в войну — 191, 193, 197, 199, 286
12. Отношение македонской организации к вступлению Болгарии в войну — 335
13. Подкуп болгарских политических деятелей — 155, 247

14. Поездка Геннадиева в Рим. Итало-болгарские отношения — 11, 368
15. Румыно-греко-болгарский блок — см. Румыния (11)

Ватикан.

1. Мирное посредничество — см. мир (3)

Военная контрабанда.

См. Греция (2), Румыния (2), Швейцария (1)

Военные действия.

1. Положение на русском фронте — см. Россия (12)

Германия.

1. Болгарский заем — см. Болгария (8)
2. Германо-американские отношения — 204
3. Германо-турецкая агитация и панисламистская пропаганда в Персии — см. Персия (6)
4. Подводная война — 204
5. Попытки заключить мир — см. мир (1)
6. Попытки японо-германского сближения — см. Япония (9)

Греция.

1. Вовлечение в войну — 34, 41, 76, 87, 93, 95, 98, 101, 114, 132, 170, 186, 194, 224, 272, 277, 282, 293, 294, 302, 308, 309, 315, 316, 321, 322, 324, 326, 327, 328, 329, 340, 352, 363, 400
2. Военная контрабанда — 177
3. Греко-болгарские отношения — см. Болгария (1)
4. Греко-румынские отношения. Вопрос о совместном выступлении — 93, 98, 101, 114, 122, 170, 186, 194
5. Греко-сербские отношения — 345
6. Компенсации Болгарии. Вопрос о Кавале — 4, 53, 69, 76, 95, 108, 114, 304, 390, 410, 411
7. Компенсации в Азиатской Турции (Смирна) — 34, 69, 76, 93, 95, 114, 132. 321, 363, 411
8. Оккупация союзниками Лемноса — 224, 228, 371
9. Отношения Греции к вопросу о Константинополе и вопрос об участии в операциях на Проливах — 132, 270, 277, 294, 302, 308, 309, 315, 316, 317, 321, 322, 324, 326, 327, 328, 340, 352, 357, 363, 400
10. Отставка Венизелоса — 324, 329
11. Попытки захвата Грецией албанской территории — см. Албания (3
12. Посылка союзного отряда на Балканы (проект) — см. союзники (4)
13. Протест Греции против уступок Болгарии в Македонии — 84, 87, 93, 98, 108, 114, 123, 170
14. Румыно-греко-болгарский блок — см. Румыния (11)
15. Уступка Англией Кипра (проект) — 41
16. Финансовая помощь союзников — 135

Дания.

1. Мирное посредничество — см. мир (2)

Дарданелльская экспедиция.

См. Константинополь и Проливы (3)

Египет.

1. Военные действия против Египта — 129, 157

Испания.

1. Позиция Испании в европейском конфликте — 39
2. Притязания Испании на Танжер — 39

Италия.

1. Австро-итальянские переговоры — 274, 318, 389
2. Вопрос о вступлении Италии в войну — 14, 23, 47, 203, 205, 274, 275, 276, 281, 303, 304, 306, 322, 331, 381
3. Итало-румынские отношения. Вопрос о совместном выступлении — 12, 13, 14 90, 275, 318, 359
4. Итало-сербский вопрос — 41, 203, 205, 354, 373, 389, 408
5. Итало-французские отношения — 47
6. Итальянские интересы в Албании — см. Албания (2)
7. Компенсации в Азиатской Турции — 14, 348, 373
8. Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах — 306, 328
9. Переговоры с державами Согласия в Лондоне — 341, 348, 349, 373, 378, 388, 389 393, 394, 396, 399, 401, 402, 408, 414
10. Поездка Геннадиева в Рим. Итало-болгарские отношения — см. Болгария (14)
11. Притязания на Додеканез — 14, 76, 348, 373

Китай.

1. Двадцать одно требование, предъявленное Японией — 75, 88, 104, 111, 118, 136, 140, 141, 146, 150, 159, 209, 218, 222, 230, 235, 241, 249, 250, 253, 260, 261, 295, 350, 364, 365, 377, 392, 416 — см. также Англия (12), Россия (11), США (6), Франция (5).
2. КВЖД. Продление аренды (вопрос о) — 350, 392
3. Тройные переговоры — см. Монголия (1)
4. Японо-китайские переговоры о выводе войск из Шаньдуня — 33

Константинополь и Проливы.

1. Временное управление Константинополем и Проливами — 320, 360, 378, 403
2. Высадка русских войск в Бургасе (проект) — см. Болгария (7)
3. Дарданельская экспедиция — 43, 79, 185, 205, 224, 228, 242, 245, 248, 266, 268, 271, 282, 313, 321, 328, 346
4. Действия против Зунгулдака — 240, 314, 346

5. Нейтральные зоны (проект) — 372
6. Отношение Англии к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Англия (11)
7. Отношение Болгарии к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Болгария (10)
8. Отношение Греции к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Греция (9)
9. Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Италия (8)
10. Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Румыния (5)
11. Отношение Сербии к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Сербия (8)
12. Отношение Франции к вопросу о Константинополе и Проливах — см. Франция (6)
13. Переговоры между Россией, Англией и Францией — 290, 298, 299, 301, 323, 330, 339, 340, 343, 345, 349, 351, 352, 355, 381, 382, 387, 399, 400
14. Притязания России в области Константинополя и Проливов — 44, 79, 113, 124, 232, 258, 263, 265, 278, 284, 300 (см. также переговоры с Англией и Францией).
15. Румыно-греко-болгарский блок — см. Румыния (11)
16. Соглашение о Константинополе и Проливах — 299, 330, 351, 352
17. Участие России в операциях на Проливах. Босфорская экспедиция — 79 196, 228, 232, 237, 242, 245, 262, 263, 265, 266, 268, 271, 273, 280, 282, 290, 313, 321, 346, 378, 397, 400

Мир.

1. Попытка Германии и Австро-Венгрии заключить мир — 2, 8, 78, 190, 204, 347, 384
2. Посредничество Дании — 384
3. Посредничество папы — 131
4. Посредничество США (миссия Хауса) — 8, 78, 190, 204
5. Посредничество Швеции — 207, 255
6. Сепаратный мир между Австро-Венгрией и Сербией (вопрос о) — 126
7. Сепаратный мир между Венгрией и державами Согласия (вопрос о) — 51, 67
8. Сепаратный мир между Россией и центральными державами (вопрос о) — 347
9. Сепаратный мир между Турцией и державами Согласия (вопрос о) — 110, 145, 174, 182, 192, 248, 254, 264, 267, 287, 289, 338
10. Течения в пользу мира в России — 37, 38, 120
11. Условия будущего мира — 37, 204

Монголия.

1. Тройные переговоры — 10, 17, 50, 54, 63, 65, 106, 118, 183, 257, 310, 364, 376, 386, 413

Отрантский пролив.

1. Режим плавания в Отрантском проливе — 113, 124

Персия.

1. Аванс персидскому правительству — 6, 18, 42, 49, 60, 220, 227
2. Авантюра Шоджа-эд-Доуле — 42, 55, 60
3. Англо-русские противоречия в Персии — 6, 27, 36, 42, 52, 60, 81, 86, 134, 215, 220, 252, 256, 352, 369, 400
4. Внутреннее положение (смена кабинета) — 171, 181, 215, 220, 238, 239, 252, 256, 279, 367
5. Вывод русских войск (вопрос о) — 6, 42, 97, 181, 332
6. Германо-турецкая агитация и панисламистская пропаганда — 134, 158, 215, 220, 244, 395, 404
7. Главный казначей Персии — 405
8. Неджеф и Кербелла — 220, 227, 369
9. Нейтралитет — 6, 139, 158, 171, 181, 220, 227, 244, 279
10. Оккупация Маку и Мугани (проект) — 181, 220, 366
11. Пересмотр соглашения 1907 г. — 86, 352, 369, 400
12. Положение в Азербайджане — 6, 28, 45, 49, 55, 60, 61, 68, 91, 134, 139, 154, 172, 181, 221, 332, 367
13. Продажа Англии о-вов на Персидском заливе (проект) — 181, 220
14. Русские войска в Персии — 6, 28, 42, 61, 68, 97, 134, 139, 154, 181, 239, 279, 332, 404
15. Смена английского и российского посланников в Тегеране — 27, 36, 52, 81, 215
16. Трансперсидская ж. д. — 369
17. Турецкие войска в Персии — 6, 42, 45, 55, 60, 61, 134, 139, 181, 244
18. Учетно-ссудный и Шахиншахский банки — 369
19. Шведская жандармерия — 28, 56, 60, 91, 154, 172, 181, 395, 404

Подводная война.

См. Англия (14), Германия (3), США (7)

Россия.

1. Англо-русские отношения — см. Англия (4)
2. Внутреннее положение — 38
3. Военные заказы в Англии — см. Англия (7)
4. Военные заказы во Франции — см. Франция (1)
5. Военные заказы в Японии — см. Япония (2)
6. Еврейский вопрос — 40, 82, 105, 233, 333, 380
7. Константинополь и Проливы — см. соответствующую рубрику
8. Контракт Алиссона о военных поставках — см. Англия (9)
9. Межсоюзная финансовая конференция — см. союзники (6)
10. Недостаток в снарядах — 120, 142, 143, 147, 288
11. Отношение России к 21 требованию, предъявленному Японией Китаю — 88, 111, 140, 141, 150, 230, 235, 250, 377
12. Положение на фронте — 16, 38, 79, 191
13. Польский вопрос — № 290
14. Притязания России в Азиатской Турции — 299, 366, 387

15. Раздел Буковины между Россией и Румынией — см. Румыния (9)
16. Русский заем в Англии — см. Англия (16)
17. Русско-американские отношения — см. США (8)
18. Русско-японские переговоры о союзе — см. Япония (11)
19. Русско-японские переговоры в связи с 21 требованием — см. Япония (12)
20. Сепаратный мир между Россией и центральными державами (вопрос о) — см. мир (8)
21. Течение в пользу мира — см. мир (10)
22. Укрепления Аландских о-вов — см. Швеция (1)
23. Франко-русские отношения — см. Франция (10)
24. Экспорт зерна в страны Согласия — 135, 137.

Румыния.

1. Вовлечение в войну — 4, 12, 13, 16, 20, 41, 73, 76, 83, 90, 95, 96, 98, 99, 102, 122, 123, 165, 168, 178, 201, 203, 210, 234, 259, 282, 323, 352, 359, 378, 381, 391, 401
2. Военная контрабанда. Вывоз бензина в Германию — 102, 201, 251, 359, 374, 391, 406, 407
3. Итало-румынские отношения. Вопрос о совместном выступлении — см. Италия (3)
4. Компенсации Болгарии — 133, 234
5. Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах — 198, 259, 304, 352, 359, 382, 391, 399, 401
6. Отозвание Поклевского (вопрос о) — 149, 178, 187, 319
7. Присоединение Трансильвании (проект) — 99, 168, 401
8. Пропуск русских войск через румынскую территорию (вопрос о) — 186, 265
9. Раздел Буковины между Россией и Румынией — 165, 210, 378, 401
10. Румыно-болгарские отношения — см. Болгария (2)
11. Румыно-греко-болгарский блок — 64, 122, 359, 390
12. Румыно-греческие отношения. Вопрос о совместном выступлении — см. Греция (4)
13. Румыно-сербские отношения — 96, 109
14. Уступка Россией лошадей — 16
15. Финансовая помощь союзников — 135

Сербия.

1. Будущее устройство Сербо-хорватского государства — 85, 202, 354, 368
2. Греко-сербские отношения — см. Греция (5)
3. Занятие стратегических пунктов в Албании — см. Албания (1)
4. Итало-сербский вопрос — см. Италия (4)
5. Компенсации — 23, 25, 41, 46, 76, 85, 94, 95, 103, 107, 108, 112, 123, 161, 175, 179, 180, 197, 202, 203, 205, 368, 373, 393, 402
6. Компенсации Болгарии — 4, 5, 23, 25, 29, 41, 46, 59, 76, 84, 87, 92, 94, 95, 96, 98, 103, 108, 112, 117, 121, 123, 125, 126, 128, 129, 133, 144, 157, 162, 175, 179, 180, 184, 191, 193, 197, 199, 200, 202, 203, 205, 217, 243, 304, 345, 357, 368, 409, 410
7. Наступление сербской армии (вопрос о) — 5

8. Отношение Сербии к вопросу о Константинополе и Проливах — 262
9. Посылка русских войск в Сербию — 147, 151, 157, 173, 175, 186, 200, 271, 280
10. Румыно-сербские отношения — см. Румыния (13)
11. Сепаратный мир с Австро-Венгрией (вопрос о) — см. мир (6)
12. Сербо-албанские отношения — см. Албания (6)
13. Сербо-болгарские пограничные инциденты. Деятельность македонских чет — см. Болгария (3)
14. Финансовая помощь Сербии — 116, 135, 236

Сингапур.

1. Возмущение туземных войск — 211, 214, 223, 385

Соединенные Штаты Америки.

1. Англо-американские отношения — см. Англия (3)
2. Военные заказы России в США — 135, 137, 188
3. Германо-американские отношения — см. Германия (2)
4. Мирное посредничество. Миссия Хауса — см. мир (4)
5. Нейтральные зоны в Константинополе (проект) — см. Константинополь и Проливы (5)
6. Отношение США к 21 требованию, предъявленному Японией Китаю — 249, 260, 416
7. Подводная война — 204
8. Русско-американские отношения — 82, 105, 380

Социалистическая конференция в Лондоне.

206, 219, 225

Союзники.

1. Дарданельская экспедиция — см. Константинополь и Проливы (3)
2. Оккупация союзниками Лемноса — см. Греция (8)
3. Отношения между союзниками — 57, см. также Англия (4), Франция (10)
4. Посылка союзного корпуса на Балканы — 93, 98, 114, 119, 120, 130, 147, 151, 166, 170, 173, 175, 186, 194, 200, 224, 293
5. Согласование военных действий — 166
6. Финансовая конференция — 119, 135, 137, 148, 167, 189

Танжер.

1. Притязания Испании — см. Испания (2)

Турция.

1. Армянский вопрос — см. армяне
2. Болгаро-турецкие отношения — см. Болгария (4)
3. Военные действия против Египта — см. Египет
4. Выселение евреев русско-подданных из Палестины — 40, 233
5. Дарданельская экспедиция — см. Константинополь и Проливы (3)
6. Компенсация Греции в Азиатской Турции (Смирна) — см. Греция (7)

7. Компенсации Италии в Азиатской Турции — см. Италия (7)
8. Константинополь и Проливы — см. соответствующую рубрику
9. Перемирие с державами Согласия (проект) — 267, 273, 282, 287, 289
10. Поездка Халиля в Берлин, Вену и Софию — 338, 358
11. Притязания Англии в Азиатской Турции — см. Англия (1)
12. Притязания России в Азиатской Турции — см. Россия (14)
13. Притязания Франции в Азиатской Турции — см. Франция (9)
14. Раздел Азиатской Турции — 14, 34, 69, 76, 93, 95, 114, 132, 273, 292, 299, 305, 307, 321, 340, 348, 352, 363, 366, 370, 373, 375, 381, 387, 398, 400, 411
15. Священные мусульманские места — 352, 398, 400
16. Сепаратный мир между Турцией и державами Согласия (вопрос о) — см. мир (9)
17. Турецкие войска в Персии — см. Персия (17)

Франция.

1. Военные заказы России во Франции — 142, 143, 147, 175
2. Итало-французские отношения — см. Италия (5)
3. Межсоюзная финансовая конференция — см. Союзники (6)
4. Общественное мнение и война — 285
5. Отношения Франции к 21 требованию, предъявленному Японией Китаю — 241
6. Отношение Франции к вопросу о Константинополе и Проливах — 242, 284, 285, 300 305, 307, 312, 323, 330, 343, 381, 387
7. Позиция Франции в переговорах Италии с державами Согласия — 373, 388
8. Предложение Делькассе созвать совещание союзных министров в Париже — 307, 334
9. Притязания Франции в Азиатской Турции — 370, 375, 381
10. Франко-русские отношения — 206, 225, 312

Черногория.

1. Австро-черногорские отношения — 24
2. Компенсации — 373, 402
3. Скутари. Попытки захвата Черногорией албанской территории — см. Албания (7)
4. Снабжение военным снаряжением и продовольствием — 226, 325, 337
5. Финансовая помощь Черногории — 135, 325
6. Черногоро-албанские отношения — см. Албания (8)

Швейцария.

1. Военная контрабанда — 163
2. Позиция Швейцарии в европейском конфликте — 163

Швеция.

1. Аландские острова — 31
2. Англо-шведские отношения — 57
3. Мирное посредничество — см. мир (5)

4. Позиция Швеции в европейском конфликте — 57, 216
5. Шведская жандармерия в Персии — см. Персия (19)

Югославяне.

1. Болгаро-хорватские отношения — см. Болгария (5)
2. Будущее устройство Сербо-хорватского государства — см. Сербия (1)

Япония.

1. Англо-японские отношения — 66, 75, 111, 136
2. Военные заказы России в Японии — 115, 160, 361
3. Двадцать одно требование, предъявленное Китаю — см. Китай (1)
4. Отношение Англии к 21 требованию — см. Англия (12)
5. Отношение России к 21 требованию — см. Россия (11)
6. Отношение Франции к 21 требованию — см. Франция (5)
7. Отношение США к 21 требованию — см. США (6)
8. Посылка японских войск в Европу (вопрос о) — 7
9. Попытки японо-германского сближения — 74
10. Присоединение к соглашению о незаключении сепаратного мира (вопрос о) — 9, 26
11. Русско-японские переговоры о союзе — 9, 66, 136, 362
12. Русско-японские переговоры в связи с 21 требованием — 235, 377
13. Японо-китайские переговоры о выводе войск из Шаньдуня — см. Китай (4)

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Цена 11 руб.